

ФЕДЕРАЛЬНОЕ АГЕНТСТВО
НАУЧНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ

РОССИЙСКАЯ
АКАДЕМИЯ НАУК

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ НАУКИ
ИНСТИТУТ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ ТЕРРИТОРИЙ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК



ЭКОНОМИЧЕСКИЕ И СОЦИАЛЬНЫЕ ПЕРЕМЕНЫ: ФАКТЫ, ТЕНДЕНЦИИ, ПРОГНОЗ

6 (48) 2016

Журнал издается с 2008 года

Решением Минобрнауки России журнал включён в Перечень ведущих научных изданий, рекомендуемых для публикации основных результатов диссертаций на соискание учёной степени доктора и кандидата наук.



Журнал включен в Web of Science Emerging Sources Citation Index (ESCI).

Журнал включён в базы данных ВИНТИ РАН, Ulrich's Periodicals Directory, Index Copernicus International, EBSCOhost, Proquest, а также в Российский индекс научного цитирования и представлен в открытом доступе на платформе Научной электронной библиотеки (<http://www.elibrary.ru>).

С 2014 года Германская национальная экономическая библиотека включила журнал в свой фонд.

Журнал также направляется в Библиотеку Конгресса США.

Редакционный совет:

- Макаров В.Л.**, академик РАН, директор Центрального экономико-математического института РАН (Москва, Россия)
Ивантер В.В., академик РАН, директор Института народнохозяйственного прогнозирования РАН (Москва, Россия)
Окрепилов В.В., академик РАН, генеральный директор Центра испытаний и сертификации (ТЕСТ-Санкт-Петербург, Россия)
Витязь П.А., академик, руководитель Аппарата НАН Беларуси (Минск, Беларусь)
Никитенко П.Г., академик НАН Беларуси (Минск, Беларусь)
Горшков М.К., академик РАН, директор Института социологии РАН (Москва, Россия)
Некипелов А.Д., академик РАН, директор Московской школы экономики МГУ им. М.В. Ломоносова (Москва, Россия)
Полтерович В.М., академик РАН, зав. лаб. ЦЭМИ РАН, заместитель директора Московской школы экономики МГУ имени М.В. Ломоносова (Москва, Россия)
Лаженцев В.Н., член-корреспондент РАН, советник РАН, гл.н.с. Института социально-экономических и энергетических проблем Севера Коми научного центра УРО РАН (Сыктывкар, Россия)
Сапир Ж., проф., директор Высшей школы социальных наук (EHSS), Центра исследований индустриализации (SEMI) (Париж, Франция)
Валентей С.Д., д.э.н., проф., научный руководитель Российского экономического университета им. Г.В. Плеханова (Москва, Россия)
Гайнанов Д.А., д.э.н., проф., директор Института социально-экономических исследований Уфимского научного центра РАН (Уфа, Россия)
Дайнеко А.Е., д.э.н., проф., директор Института экономики НАН Беларуси (Минск, Беларусь)
Ильин В.А., д.э.н., проф., научный руководитель Института социально-экономического развития территорий РАН (Вологда, Россия)
Кибиткин А.И., д.э.н., проф., заместитель ректора по науке и стратегическому развитию Мурманского государственного технического университета (Мурманск, Россия)
Кивинен М., проф., директор Александровского института Хельсинского университета (Хельсинки, Финляндия)
Котляров И.В., д.с.н., проф., директор Института социологии НАН Беларуси (Минск, Беларусь)
Кузнецов С.В., д.э.н., проф., директор Института проблем региональной экономики РАН (Санкт-Петербург, Россия)
Ларичкин Ф.Д., д.э.н., проф., директор Института экономических проблем им. Г.П. Лузина Кольского научного центра РАН (Апатиты, Россия)
Ленчук Е.Б., д.э.н., проф., директор Института экономики РАН (Москва, Россия)
Максимцев И.А., д.э.н., проф., ректор Санкт-Петербургского государственного экономического университета (Санкт-Петербург, Россия)
Путилов А.В., д.т.н., проф., декан факультета управления и экономики высоких технологий Научно-исследовательского ядерного университета МИФИ (Москва, Россия)
Чукреев Ю.Я., д.т.н., директор Института социально-экономических и энергетических проблем Севера Коми научного центра УРО РАН (Сыктывкар, Россия)
Штомпка Пётр, проф., декан факультета теоретической социологии Ягеллонского университета (Краков, Польша)
Чжан Шухуа, доктор, проф., зам. начальника научного центра информации и документации Китайской академии общественных наук (Пекин, Китай)
У Эньюань, проф., Институт российских, восточно-европейских и центрально-азиатских исследований Китайской академии общественных наук (Пекин, Китай)
Афанасьев Д.В., к.с.н., доцент, ректор Череповецкого государственного университета (Череповец, Россия)
Пейтер Оуй – старший научный сотрудник и консультант, Нидерландская организация прикладных научных исследований (Делфт, Нидерланды)

Главный редактор – В.А. Ильин

Редакционная коллегия:

- д.э.н., проф. Л.А. Аносова, д.э.н., проф. А.Г. Воробьев,
д.э.н., проф. Е.С. Губанова, к.э.н. К.А. Задумкин,
д.э.н. К.А. Гулин (зам. главного редактора), к.э.н. М.Ф. Сычев (зам. главного редактора),
к.филол.н. О.В. Третьякова (зам. главного редактора, отв. секретарь),
д.э.н. Т.В. Ускова, д.э.н. А.А. Шабунова, к.э.н. Г.В. Леонидова, к.э.н. С.В. Теребова

Все статьи проходят обязательное рецензирование.

Высказанные в статьях мнения и суждения могут не совпадать с точкой зрения редакции.

Ответственность за подбор и изложение материалов несут авторы публикаций.

ISSN 1998-0698

Адрес в Интернете: <http://esc.vscc.ac.ru>

© ИСЭРТ РАН, 2016

FEDERAL AGENCY
FOR SCIENTIFIC ORGANIZATIONS

RUSSIAN
ACADEMY OF SCIENCES

FEDERAL STATE BUDGETARY INSTITUTION OF SCIENCE
INSTITUTE OF SOCIO-ECONOMIC DEVELOPMENT OF TERRITORIES
OF RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCE



**ECONOMIC
AND SOCIAL
CHANGES:
FACTS, TRENDS, FORECAST**

6 (48) 2016

The Journal is published since 2008

According to the decision of the Russian MES the journal is included in the list of leading scientific editions, recommended for publication of the main results of dissertations for the degree of Doctor and Candidate of Sciences.



The Journal is covered in Web of Science Emerging Sources Citation Index (ESCI).

The journal is included into databases: VINITI RAS, Ulrich's Periodicals Directory, Index Copernicus International, EBSCOhost, Proquest, and also into the Russian Science Citation Index, and is presented in the open access on the platform of the Scientific e-Library (<http://www.elibrary.ru>).

In 2014 the German National Library of Economics included the Journal into its fund.

The journal is also sent to the Library of Congress, the USA.

Editorial Board:

- V.I. Makarov**, RAS Academician, Director of the Central Economic Mathematical Institute of the RAS (Moscow, Russia)
V.V. Ivantsev, RAS Academician, Director of the Institute of Economic Forecasting of the RAS (Moscow, Russia)
V.V. Okrepilov, RAS Academician, General Director of State Regional Center for Standardization, Metrology and Testing (St. Petersburg, Russia)
P.A. Vityaz, Academician, Head of Academy Staff of the NASB (Minsk, Belarus)
P.G. Nikitenko, Academician of the NASB (Minsk, Belarus)
M.K. Gorshkov, RAS Academician, Director of RAS Institute of Sociology (Moscow, Russia)
A.D. Nekipelov, RAS Academician, Director of Moscow School of Economics at Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russia)
V.M. Polterovich, RAS Academician, Head of Laboratory of the Central Economics and Mathematics Institute (Moscow, Russia)
V.N. Lazhentsev, RAS Corresponding Member, RAS Advisor, Senior Research Associate of the Institute of Socio-Economic and Energy Problems of the North Komi Scientific Centre, Ural Branch of the RAS (Syktyvkar, Russia)
J. Sapir, Professor, Director of Ecole des Hautes Etudes en Sciences Sociales (EHESS), Head of the Centre d'Etude des Modes d'Industrialisation (CEMI-EHESS) (Paris, France)
S.D. Valentey, Doctor of Economics, Professor, Supervisor of Plekhanov Russian University of Economics (Moscow, Russia)
D.A. Gaynanov, Doctor of Economics, Professor, Director of the Institute for Social and Economic Research, Ufa Scientific Center of the RAS (Ufa, Russia)
A.E. Dayneko, Doctor of Economics, Professor, Director of the Institute of Economics of the NASB (Minsk, Belarus)
V.A. Ilyin, Doctor of Economics, Professor, Scientific Director of the Institute of Socio-Economic Development of Territories of the RAS (Vologda, Russia)
A.I. Kibitkin, Doctor of Economics, Professor, Vice Rector for Science and Strategic Development of the Murmansk State Technical University (Murmansk, Russia)
M. Kivinen, Professor, Director of the Aleksanteri Institute of the University of Helsinki (Helsinki, Finland)
I.V. Kotlyarov, Doctor of Sociology, Professor, Director of the Institute of Sociology of NASB (Minsk, Belarus)
S.V. Kuznetsov, Doctor of Economics, Professor, Director of the Institute of Problems of Regional Economics (St. Petersburg, Russia)
F.D. Larichkin, Doctor of Economics, Professor, Director of Luzin Institute of Economic Problems of Kola Scientific Centre of the RAS (Apatity, Russia)
E.B. Len'chuk, Doctor of Economics, Professor, Director of RAS Institute of Economics (Moscow, Russia)
I.A. Maksimtsev, Doctor of Economics, Professor, Rector of the Saint Petersburg State University of Economics (St. Petersburg, Russia)
A.V. Putilov, Doctor of Technical Sciences, Professor, Dean at the Department of Management and Economics of High Technologies of National Research Nuclear University MEPhI (Moscow, Russia)
Yu.Ya. Chukreev, Doctor of Technical Sciences, Director of the Institute of Socio-Economic and Energy Problems of the North Komi Scientific Centre, Ural Branch of the RAS (Syktyvkar, Russia)
P. Sztompka, Professor, Dean at the Department of Theoretical Sociology of the Jagiellonian University (Kraków, Poland)
Zhang Shuhua, Doctor, Professor (Beijing, China), Deputy Director of the Center for Documentary and Information of the Chinese Academy of Social Sciences
Wu Enyuan (Beijing, China), Professor, the Institute of Russian, Eastern European & Central Asian Studies of the Chinese Academy of Social Sciences
D.V. Afanasyev, Ph.D. in Sociology, Associate Professor, Rector of Cherepovets State University (Cherepovets, Russia)
P.R. A. Oeij – Senior Research Scientist and Consultant, TNO, Netherlands Organisation for Applied Scientific Research (Delft, The Netherlands)

Chief Editor - V.A. Ilyin

Editorial Staff:

Doctor of Economics, Professor L.A. Anosova, Doctor of Economics, Professor A.G. Vorobyov,
Doctor of Economics, Professor E.S. Gubanova, Ph.D. in Economics K.A. Zadumkin,
Doctor of Economics K.A. Gulin (Deputy Chief Editor),
Ph.D. in Economics M.F. Sychev (Deputy Chief Editor),
Ph.D. in Philology O.V. Tretyakova (Deputy Chief Editor, Executive Editor),
Doctor of Economics T.V. Uskova, Doctor of Economics A.A. Shabunova,
Ph.D. in Economics G.V. Leonidova, Ph.D. in Economics S.V. Terebova

*All research articles submitted to the Journal are subject to mandatory peer-review.
Opinions presented in the articles can differ from the editorial board's point of view.
Authors of the articles are responsible for the material selected and stated.*

ISSN 1998-0698

Internet address: <http://esc.vsc.ac.ru>

© ISED RAS, 2016

СОДЕРЖАНИЕ

ОТ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

- Ильин В.А.* 13-е Послание Президента: на повестке дня трансформация власти 9
- Мониторинг общественного мнения о состоянии российского общества 21

СТРАТЕГИЯ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ

- Маркин В.В., Силин А.Н.* Циркумпольный регион в контурах социально-пространственной трансформации территории (на примере Ямала) 28
- Кожневиков С.А.* Управление формированием и развитием вертикально интегрированных структур в экономике России 53
- Надворная Г.Г., Климчук С.В., Оборин М.С., Гварлиани Т.Е.* Теория и методология оценки экономического потенциала предприятий 70
- Дерунова Е.А., Устинова Н.В., Дерунов В.А., Семенов А.С.* Моделирование диверсификации рынка как основы устойчивого экономического роста 91

СОЦИАЛЬНОЕ РАЗВИТИЕ

- Афанасьев Д.В., Гужавина Т.А., Мехова А.А.* Социальный капитал в регионе: к вопросу измерения и построения индикаторной модели ... 110
- Шабунова А.А., Фахрадова Л.Н.* Актуальные проблемы трудоустройства инвалидов 126
- Короленко А.В., Калачикова О.Н.* Сформированность профессиональных предпочтений как фактор социализации детей подросткового возраста 143

ОБЩЕСТВЕННЫЕ ФИНАНСЫ

- Галухин А.В., Ускова Т.В.* Совершенствование управления рисками доходной базы консолидированных бюджетов регионов 162
- Игонина Л.Л., Мамонова И.В., Сулейманов М.М.* Оценка эффективности стимулирующих налоговых льгот в системе управления региональными финансами 180

Поварова А.И. Реформирование налога на доходы физических лиц —
важнейший фактор стабилизации бюджетной системы 193

ИННОВАЦИОННОЕ РАЗВИТИЕ

Лаврикова Ю.Г., Антипин И.А., Прядеин А.А., Суворова А.В. Прогноз развития
крупнейшего города: конструирование инновационного будущего 214

Гаджиев Ю.А., Стыров М.М., Колечков Д.В., Шляхтина Н.В. Анализ
инновационного потенциала северных регионов России 236

ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ

Чжан Сяоя. Принципы деятельности и меры для различных типов
домохозяйств по борьбе с бедностью в городском округе Цзиань 255

ДИСКУССИОННАЯ ПЛОЩАДКА

Третьякова О.В. Публикационная активность экономических институтов РАН
в свете новых вызовов научной политики 266

МОЛОДЫЕ ИССЛЕДОВАТЕЛИ

Гусева М.С., Амелькина Д.В., Дмитриева Е.О. Развитие партнерства государства
и малого бизнеса в инновационной сфере региона 288

НАУЧНЫЕ ОБЗОРЫ. НАУЧНЫЕ РЕЦЕНЗИИ. ОТЗЫВЫ

В.А. Ильин и Ж. Сапир избраны в состав РАН..... 308

Список статей, опубликованных в 2016 году 312

CONTENT

FROM THE CHIEF EDITOR

<i>Ilyin V.A.</i> Thirteenth Address of President Putin to the Federal Assembly of the Russian Federation: Transformation of Power as a Point for Discussion	9
Public Opinion Monitoring of the State of the Russian Society.....	21

SOCIO-ECONOMIC DEVELOPMENT STRATEGY

<i>Markin V.V., Silin A.N.</i> Circumpolar Region amid Socio-Spatial Transformation of a Territory (Case Study of Yamal)	28
<i>Kozhevnikov S.A.</i> Management of Vertically Integrated Systems Formation and Development in the Russian Economy	53
<i>Nadvornaya G.G., Klimchuk S.V., Oborin M.S., Gvarliani T.E.</i> Theory and Methodology of Appraisal of Enterprise Economic Potential.....	70
<i>Derunova E.A., Ustinova N.V., Derunov V.A., Semenov A.S.</i> Modeling of Diversification of Market as a Basis for Sustainable Economic Growth	91

SOCIAL DEVELOPMENT

<i>Afanas'ev D.V., Guzhavina T.A., Mekhova A.A.</i> Social Capital in a Region: Revisiting the Measurement and Building of an Indicator Model	110
<i>Shabunova A.A., Fakhradova L.N.</i> Pressing Issues of Disability Employment	126
<i>Korolenko A.V., Kalachikova O.N.</i> Maturity of Teenagers' Occupational Preferences as a Factor in Their Socialization	143

PUBLIC FINANCE

<i>Galukhin A.V., Uskova T.V.</i> Improving the System of Management of Risks of the Income Base of Regions' Consolidated Budgets	162
<i>Igonina L.L., Mamonova I.V., Suleimanov M.M.</i> Assessing the Efficiency of Tax Incentives in the System for Managing Regional Finances	180

Povarova A.I. Reforming Individual Income Tax Is the Crucial Factor
in Stabilizing the Budgetary System 193

INNOVATION DEVELOPMENT

Lavrikova Yu.G., Antipin I.A., Pryadein A.A., Suvorova A.V. Major City
Development Forecast: Designing the Innovative Future..... 214

Gadzhiev Yu.A., Styrov M.M., Kolechkov D.V., Shlyakhtina N.V.
Analysis of Innovation Potential of Northern Russian Regions 236

FOREIGN EXPERIENCE

Zhang Xiaoxia. Environment-Concerned Treatment, Proper Policies for Different
Households, Targeted Improvement: Industry Poverty Alleviation Mode
of Ji'an County 255

DISCUSSION PLATFORM

Tret'yakova O.V. Publishing Activity of RAS Economic Institutes amid
New Challenges of Science Policy 266

YOUNG RESEARCHERS

Guseva M.S., Amel'kina D.V., Dmitrieva E.O. Development of State
and Small-Business Partnership in a Region's Innovation Sector..... 288

SCIENTIFIC REVIEWS. OPINIONS

Vladimir Ilyin and Jacques Sapir Were Elected Members of the Russian Academy
of Sciences 308

Index of articles published in 2016 312

ОТ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

DOI: 10.15838/esc.2016.6.48.1

УДК 338.24, ББК 65.050(2Рос)

© Ильин В.А.

13-е Послание Президента: на повестке дня трансформация власти*



**Владимир Александрович
ИЛЬИН**

член-корреспондент РАН, доктор экономических наук
Институт социально-экономического развития территорий РАН
160014, Россия, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а
ilin@vscc.ac.ru

В последних выступлениях Президента РФ В.В. Путина всё чаще звучит ориентация на будущее: достигнутые за последние годы результаты преподносятся как потенциальные возможности роста человеческого потенциала и экономического развития в условиях геополитической конкуренции, а ключевые проблемы в России — как барьеры, препятствующие модернизации и создающие реальную угрозу национальной безопасности.

Грамотная реструктуризация власти – ключевое условие успеха и долг национальной элиты для эффективной адаптации к непростому, быстро меняющемуся миру. Главное – не модернизация инструментов и технологий и даже не реформирование правил игры, важнее всего – трансформация власти как структуры, иницилирующей, проектирующей и реализующей реформы¹.

* Статья подготовлена при поддержке гранта РНФ № 16-18-00078 «Механизмы преодоления ментальных барьеров инклюзии социально уязвимых категорий населения для активизации процессов модернизации регионального сообщества (2016–2018 гг.)».

¹ Неклесса А. Будущее как усилие [Эл. рес.] // Независимая газета. – 2016. – 10 окт. – Реж. дост.: http://www.ng.ru/ideas/2016-10-05/5_future.html

Для цитирования: Ильин, В.А. 13-е Послание Президента: на повестке дня трансформация власти / В.А. Ильин // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. – 2016. – № 6. – С. 9-20. DOI: 10.15838/esc.2016.6.48.1

For citation: Ilyin, V.A. Thirteenth Address of President Putin to the Federal Assembly of the Russian Federation: Transformation of Power as a Point for Discussion. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 2016, no. 6, pp. 9-20. DOI: 10.15838/esc.2016.6.48.1

В декабре 2016 г. Президент поручил Правительству разработать проект Стратегии экономической безопасности; он подписал новую Концепцию внешней политики Российской Федерации, Доктрину информационной безопасности РФ, Указ о Стратегии научно-технологического развития² (документ, которому «придан особый статус, он приравнен к Стратегии национальной безопасности»³). «Ещё совсем недавно казалось, — отметил глава государства на одном из заседаний Совета безопасности, — что такие документы и не нужны будут вовсе, но, судя по тому, что происходит, нам необходимо думать обо всех угрозах. Мы видим глубокие масштабные процессы, которые происходят в мире: формируются новые центры мирового экономического роста; с каждым годом возрастает конкуренция за рынки, технологии, капиталы; экономические ограничения, давление, санкции всё чаще используются в политических целях, а под видом политических целей часто просто в конкурентной борьбе. Мы должны учитывать эти тенденции, превентивно реагировать на риски и угрозы. При этом наш главный, фундаментальный ответ заключается в том, чтобы наращивать свой собственный экономический потенциал. Не закрываться от мировой экономики, а повышать свою эффективность»⁴.

² Полный текст Указа и Стратегии размещен на официальном сайте Президента РФ. — Реж. дост.: <http://static.kremlin.ru/media/events/files/ru/uZiATIOJiq5tZsJgqczLY9YyL8PWTXQb.pdf>

³ Стенограмма выступления В.В. Путина на заседании Совета по науке и образованию 23 ноября 2016 г. [Эл. рес.] // Официальный сайт Президента РФ. — Реж. дост.: <http://kremlin.ru/events/president/news/53313>

⁴ Стенограмма выступления В.В. Путина на заседании Совета безопасности 7 декабря 2016 г. // Официальный сайт Президента РФ. — Реж. дост.: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/53429>

Стратегическое планирование будущего, новые цели и задачи, которые Президент ставит перед Правительством, связаны с рядом обстоятельств.

Во-первых, после уже состоявшихся выборов в США и Европе⁵ на принципиально ином уровне стали заметны признаки нового вектора развития современной мировой политической ситуации: открываются новые возможности для конструктивного диалога России с зарубежными государствами.

Особого внимания заслуживают президентские выборы в США. После того как Д. Трамп стал 45-м Президентом США, «появился шанс для изменений атмосферы в российско-американских отношениях, которая послужит почвой для принятия судьбоносных решений»⁶. «Победа Трампа дает шанс на улучшение партнерских отношений между Россией и США, который точно не появился бы в случае

⁵ Среди выборов:

а) референдум в Нидерландах об Ассоциации Украины и Европейского союза (6 апреля 2016 г.), на котором 62% голосов было отдано против вхождения Украины в ЕС;

б) референдум о членстве Великобритании в Европейском союзе (23 июня 2016 г.), на котором 52% населения проголосовали против того, чтобы оставаться частью ЕС;

в) президентские выборы в Молдавии (30 октября и 13 ноября 2016 г.), на которых победу одержал кандидат Партии социалистов И. Додон (48% голосов);

г) выборы Президента Болгарии (6 и 13 ноября), на которых при поддержке Болгарской социалистической партии победил независимый кандидат Р. Радев (59% голосов);

д) президентские выборы в США (8 ноября), на которых Д. Трамп одержал победу над Х. Клинтон благодаря распределению голосов среди представителей коллегии выборщиков (306 против 232).

⁶ Ермолаева Н. Россия и США могут договориться (мнение политолога А. Пара) [Эл. рес.] // Российская газета. — 2016. — №7122 (254). — Реж. дост.: <https://rg.ru/2016/11/09/aleksandr-rar-pobeda-trampa-izmenit-mir.html>

выигрыша Хиллари Клинтон»⁷. Эксперты отмечают, что «перемены в американском политическом сознании не случайны», они означают, что «процесс либеральной глобализации застыл... в мировом экономическом устройстве наступил переломный момент»⁸. Дальнейшее развитие ситуации на международной политической арене во многом зависит от новых людей, приходящих к власти. Однако новая конфигурация геополитической борьбы ставит перед Россией и новые вызовы, которые требуют теоретического осмысления и стратегического планирования будущего.

Во-вторых, как считают эксперты, «следующую задачу быстрого развития страны мы должны рассматривать не в парадигме крепкой защиты от внешних угроз, а исходя из собственных представлений об общественном и социальном благе»⁹. «Президент последовательно работает с двумя акторами грядущей модернизации — элитой и населением»¹⁰. При этом «именно граждан России В. Путин намерен поместить в центр новой парадигмы развития таким образом, чтобы общество, а не элиты являлось заказчиком общественного договора... именно народ является заказчиком тех или иных изменений и его интересы выше интересов элиты и всей системы государственного управления»¹¹.

⁷ Победа Трампа открывает для России окно возможностей (мнение замдиректора Центра комплексных европейских и международных исследований ВШЭ Д. Сулова) // Официальный сайт информационного агентства «Росбалт». — Реж. дост.: <http://www.rosbalt.ru/russia/2016/11/09/1565739.html>

⁸ Глазьев С.Ю. Выступление на III Международной конференции «Евразийский вызов» 25.11.2016 // Информационный портал «Россия новая». — Реж. дост.: <http://russnov.ru/sergej-glazev-nastupil-perelomnyj-moment-27-11-2016/>

⁹ Ивантер А., Рогожников М., Скоробогатый П. Атмосфера общих дел // Журнал «Эксперт». — 2016. — №49. — 5-11 декабря. — С. 16.

¹⁰ От обороны к созиданию // Там же. — С. 14.

¹¹ Ивантер А., Рогожников М., Скоробогатый П. Атмосфера общих дел // Там же. — С. 16.

В-третьих, вступая в новый политический цикл, Россия по-прежнему испытывает ряд комплексных проблем, препятствующих её эффективной модернизации и ставящих под сомнение её позиции среди государств-участников геополитической конкуренции. Ключевая из этих проблем заключается в том, что общество и элита в России принадлежат к разным классам (в широком смысле этого слова), они имеют разные потребности и говорят на разных языках: «Внутри нашего единства есть ещё слишком разные точки зрения на два вопроса: во-первых, меньшинство, но интеллектуально весомое, остается на радикально западных позициях...и во-вторых, отнюдь не меньшинство живёт в условиях восприятия, или ощущения на себе, классовых различий в российском обществе, почти игнорируемых наукой и политическим мейнстримом»¹².

Российское общество испытывает потребность в росте благосостояния и в преодолении экономической стагнации (вкладка 1). «Реальные располагаемые доходы населения в России сокращаются уже 22 месяца подряд — с октября 2014-го по июль 2016-го. При этом Росстат отмечает снижение уровня бедности: в первом полугодии 2015 г. доходы ниже величины прожиточного минимума получали 21,7 млн. человек (15,1% населения), в первом полугодии 2016 г. — 21,4 млн. человек (14,6% населения)»¹³.

¹² Там же. — С. 17.

¹³ Бедность в стране снизилась благодаря Росстату [Эл. рес.] // Независимая газета. — 2016. — 19 сент. — Реж. дост.: http://www.ng.ru/economics/2016-09-19/1_poverty.html

Многие эксперты убеждены в том, что фиксируемое Росстатом снижение бедности является следствием манипуляций Правительства с показателем прожиточного минимума и никак не отражает реальную динамику уровня и качества жизни населения¹⁴. Так, 1 декабря Председатель Правительства России Д. Медведев подписал постановление об установлении величины прожиточного минимума в целом по стране за третий квартал текущего года на отметке 9 тыс. 889 руб. на душу населения, что на 67 руб. меньше, чем в предыдущем квартале.

Противоречие между реальной динамикой уровня жизни в стране и теми цифрами, которые фиксируются официальной статистикой, с зеркальной точностью отразилось в результатах голосования 18 сентября 2016 г., когда россияне выбирали новый состав Государственной Думы.

По данным Центральной избирательной комиссии, в 2016 г. за партию «Единая Россия» проголосовало 28 миллионов

Не слишком удачная экономическая политика последних лет становится для власти все более дискредитирующей. Руководители государства продолжают говорить о скорой стабилизации, о «небольшом» дефиците бюджета и о снижающейся инфляции. Но все громче голоса тех, кто не боится сказать, что «король-то голый»...¹⁵

избирателей. **Это на 3 миллиона меньше, чем в 2011 г., и на 16 миллионов меньше, чем в 2007-м (вкладка 2).**

Следует также отметить, что явка на выборы 18 сентября 2016 г. составила 53 миллиона человек, что **на 13 миллионов меньше, чем в 2011 г., и на 17 миллионов меньше, чем в 2007-м.** Это тревожная тенденция, поскольку уменьшение явки людей на избирательные участки свидетельствует об их разочаровании и снижении интереса к власти, к созданной ею неэффективной системе управления экономикой.

¹⁴ 1. В. Рашкин: «Правительство РФ предпринимает отчаянные и парадоксальные попытки воевать с бедностью, отнимая деньги у бедных же. Премьер-министр страны Д. Медведев снизил прожиточный минимум в России. Черта бедности опустилась, а, значит, формально количество бедных уменьшилось. А вслед за этим уменьшилось количество пособий и льгот... Можно сколько угодно „подкручивать“ статистику, но реальной ситуации это не меняет. Она становится только хуже. И отъемом денег у и без того самых бедных правительство гонит страну в пропасть» (источник: Рашкин В. Правительство борется с бедностью, отнимая деньги у бедных. — Реж. дост.: <http://www.rosbalt.ru/russia/2016/12/06/1573417.html>).

2. К. Ремчуков: «Если у тебя зарплата или доход выше прожиточного минимума, то ты не относишься к категории бедных. Вот повышая или понижая эту планку, мы манипулируем показателем уровня бедности: он мог быть 20 миллионов, потом вы снизили планку, у вас стало 18 миллионов. Вы можете еще снизить — у вас станет 16 миллионов. **Не от того, что бедных стало меньше, а от того, что статистический показатель меняется**» (источник: Ремчуков К. Радио «Эхо Москвы», программа «Особое мнение», эфир от 05.12.2016 [Эл. рес.]. — Реж. дост.: <http://echo.msk.ru/programs/personalno/1885996-echo/>).

3. «Очевидно, что бедность в России относительно невысока из-за крайне заниженного прожиточного минимума. Если использовать другие методы подсчета, то картина кардинально меняется. Например, эксперты Столыпинского клуба сообщают, что «по американским стандартам (1 тыс. долл. в месяц) за чертой бедности — более 80% населения РФ. То есть это все, кто получает меньше 65 тыс. руб. в месяц по текущему курсу. Российский прожиточный минимум по сегодняшнему курсу составляет около 153 долл. в месяц, он ниже американского примерно в 6,5 раза» (источник: Бедность в стране снизилась благодаря Росстату [Эл. рес.] // Независимая газета. — 2016. — 19 сент. — Реж. дост.: http://www.ng.ru/economics/2016-09-19/1_poverty.html)

¹⁵ Сергеев М. Политика вечной стагнации встречает все больше возражений [Эл. рес.] // Независимая газета. — 2016. — 13 нояб. — Реж. дост.: http://www.ng.ru/week/2016-11-13/8_6858_economics.html

Вкладка 1

Динамика индекса экономического положения России в различных социально-демографических группах населения (в пунктах)*

Категория населения	2007	2011	2015	2016	Фев. 2016	Апр. 2016	Июнь 2016	Авг. 2016	Окт. 2016	Дек. 2016	Изменение (+/-) 2016 к			
											2015	2016	2017	
<i>Пол</i>														
Мужской	108,1	82,7	69,6	70,4	69,6	66,0	68,7	72,7	69,8	75,3		+1	-12	-38
Женский	104,0	80,6	71,5	69,7	67,5	65,1	71,9	69,2	72,6	71,8		-2	-11	-34
<i>Возраст</i>														
До 30 лет	110,0	87,2	75,4	75,0	77,6	74,7	72,5	73,2	76,0	76,1		0	-12	-35
30–55 лет	106,2	80,1	69,0	69,1	65,8	64,7	69,0	71,1	70,0	73,7		0	-11	-37
Старше 55 лет	101,6	79,2	70,0	68,4	66,8	61,4	71,5	68,7	70,5	71,2		-2	-11	-33
<i>Образование</i>														
Н/среднее и среднее	103,9	79,6	67,8	67,7	63,0	63,4	66,5	69,6	72,1	71,6		0	-12	-36
Среднее специальное	105,8	81,1	69,9	69,8	67,5	65,2	72,9	68,5	71,7	72,9		0	-11	-36
Н/высшее и высшее	108,2	84,0	74,7	73,0	76,0	68,2	72,8	74,5	70,3	76,2		-2	-11	-35
<i>Доходные группы</i>														
20% наименее обеспеченных	98,1	67,9	55,8	59,4	59,7	57,5	59,0	52,1	61,1	67,0		+4	-9	-39
60% среднеобеспеченных	106,8	82,3	70,5	68,0	66,6	63,4	68,6	69,7	69,4	70,5		-2	-14	-39
20% наиболее обеспеченных	114,9	92,5	81,7	81,5	77,2	80,2	85,3	81,6	80,8	83,9		0	-11	-33
<i>Территории</i>														
Вологда	95,0	79,6	75,6	71,2	72,6	67,6	74,1	74,1	69,0	69,7		-4	-8	-24
Череповец	106,5	84,2	77,2	69,7	66,7	63,4	67,9	73,5	73,2	73,5		-8	-15	-37
Районы	110,4	81,1	64,3	69,5	67,1	65,6	70,2	67,4	71,6	75,2		+5	-12	-41

* Формулировка вопроса: «Как бы Вы оценили экономическое положение России?». Варианты ответов: «очень хорошее», «хорошее», «среднее», «плохое», «очень плохое», «затрудняюсь ответить». Для расчета индекса из доли положительных ответов вычитается доля отрицательных, затем к полученному значению прибавляется 100 (чтобы не иметь отрицательных величин). Таким образом, полностью отрицательные ответы дали бы общий индекс 0, положительные – 200, равновесие первых и вторых выражает значение индекса 100, являющееся, по сути, нейтральной отметкой.

Источник: Мониторинг общественного мнения ИСЭРТ РАН. Проводится с 1996 года с периодичностью один раз в два месяца. Опрашивается 1500 респондентов старше 18 лет в городах Вологде и Череповце, в Бабаевском, Великоустюжском, Вожегодском, Грязовецком, Кирилловском, Никольском, Тарногском, Шекснинском районах. Репрезентативность выборки обеспечивается соблюдением следующих условий: пропорций между городским и сельским населением; пропорций между жителями населенных пунктов различных типов (сельские населенные пункты, малые и средние города), половозрастной структуры взрослого населения области. Метод опроса – анкетирование по месту жительства респондентов. Ошибка выборки не превышает 3%.

За период с 2007 по 2016 г. во всех социально-демографических категориях населения общественное мнение об экономической ситуации в России существенно ухудшилось (индекс снизился на 20–40 пунктов). Негативные изменения отмечаются прежде всего среди жителей районов (на 41 п., со 110 до 69 п.), а также тех людей, которые по самооценке доходов относятся к группе 20% наименее обеспеченных (на 39 п., с 98 до 59 п.) и 60% среднеобеспеченных (на 39 п., со 107 до 68 п.).

Если в 2007 г. доля положительных оценок экономической ситуации в стране была выше, чем удельный вес отрицательных суждений (индекс выше 100 пунктов), то в 2011–2016 гг. наблюдается противоположная ситуация: во всех основных слоях населения преобладают негативные характеристики (индекс ниже 100 пунктов).

Итоги выборов в Государственную Думу VII созыва по Российской Федерации

I. Явка населения на избирательные участки

18 сентября 2016 г. на избирательные участки пришло 53 млн. россиян, что составило 48% от общего числа избирателей. По сравнению с 2011 г. явка снизилась на 13 млн. чел. (или на 12%), по сравнению с 2007 г. — на 17 млн. чел. (на 17%). Таким образом, в целом за период с 2007 по 2016 г. количество россиян, принявших участие в выборах в Государственную Думу РФ, сократилось почти на 17 млн. человек (с 69,61 до 52,7 млн.).

Явка	2007	2011	2016	Изменение (+ / -) 2016 г. к...	
				2011 г.	2007 г.
В абсолютном выражении, млн. чел.	69,61	65,77	52,7	-13,07	-16,91
В % от числа внесённых в список избирателей	63,77	60,2	47,88	-12,32	-15,89

II. Результаты голосования за партии, вошедшие в состав Государственной Думы VII созыва (в абсолютном выражении, млн. чел.)

По сравнению с 2011 г. уменьшилось число голосов, отданных за все политические партии, которые вошли в состав Государственной Думы VII созыва.

За период с 2007 по 2016 г. «Единая Россия» потеряла более 16 млн. голосов избирателей, при этом снижение ее поддержки принимает характер тенденции: в 2007 г. за партию власти голосовало 45 млн. чел., в 2011 г. — 32 млн. чел., в 2016 г. — 29 млн. чел.

Партии	2007	2011	2016	Изменение (+ / -) 2016 г. к...	
				2011 г.	2007 г.
Единая Россия	44,71	32,37	28,53	-3,84	-16,19
КПРФ	8,05	12,6	7,02	-5,58	-1,03
ЛДПР	5,67	7,67	6,92	-0,75	+1,26
Справедливая Россия	5,38	8,7	3,28	-5,42	-2,11

III. Результаты голосования за партии, вошедшие в состав Государственной Думы VII созыва (в % от числа проголосовавших избирателей)

В процентах от числа проголосовавших избирателей «Единая Россия» в 2016 г. получила больше голосов, чем в 2011 г. (на 6 п.п.; в 2016 г. — 55%, в 2011 г. — 49%). Однако по этому же критерию ее поддержка снизилась по сравнению с выборами 2007 г. Так, в 2016 г. за партию власти проголосовало 55% избирателей, в 2007 г. — 64% (снижение на 9 п.п.)

Партии	2007	2011	2016	Изменение (+ / -) 2016 г. к...	
				2011 г.	2007 г.
Единая Россия	64,30	49,32	55,22	+5,90	-9,08
КПРФ	11,57	19,19	13,60	-5,59	+2,03
ЛДПР	8,14	11,67	13,39	+1,72	+5,25
Справедливая Россия	7,74	13,24	6,35	-6,89	-1,39

IV. Результаты голосования за партии, вошедшие в состав Государственной Думы VII созыва (в % от общего числа избирателей)

Если же считать в процентах от числа всех избирателей, которые имеют право на голосование, то очевидно, что в 2016 г. снизилась поддержка всех парламентских партий (на 1–5 п.п.), при этом только у партии власти с 2007 г. отмечается устойчивое снижение электората (в 2007 г. — 41%, в 2011 г. — 30%, в 2016 г. — 26%). В целом за 2007–2016 гг. «Единая Россия» потеряла 15% голосов избирателей.

Партии	2007	2011	2016	Изменение (+ / -) 2016 г. к...	
				2011 г.	2007 г.
Единая Россия	40,96	29,63	25,91	-3,72	-15,05
КПРФ	7,37	11,53	6,37	-5,16	-1,0
ЛДПР	5,18	7,01	6,28	-0,73	+1,1
Справедливая Россия	4,93	7,96	2,97	-4,99	-1,96

Тем не менее по различным причинам¹⁶ «Единая Россия» получила в Государственной Думе конституционное большинство.

Таким образом, в соответствии с новыми вызовами, которые встают сегодня перед страной, Президент формулирует новые задачи для Правительства, **однако их невозможно реализовать без соответствующих изменений в правящей элите, без её трансформации, которая несёт в себе новые идеи по реализации экономического курса и удовлетворению потребностей населения в социальной справедливости. Такой трансформации правящей элиты в России не происходит, ключевые посты в Правительстве остаются за теми же людьми, которые привели страну к кризису, а вместе с ними остаются и проблемы, препятствующие эффективной реализации стратегических задач, обозначаемых главой государства.**

Прогноз социально-экономического развития РФ на 2017–2019 гг., над которым работает Министерство экономического развития, не выдерживает критики экспертов: «Ни один прогнозный сценарий МЭР не совпадает с базовым бюджетным планом Минфина... Прогноз предполагает заведомое урезание важнейших социальных направлений жизни российского населения»¹⁹.

Уже четверть века мы, вследствие искусственно созданного отсутствия внутреннего кредита, обслуживаем чужие экономические интересы, экспортируя нефть и газ, металлы и капиталы, культурные ценности и умы в обмен на ширпотреб и зарубежные активы олигархов, которые в любой момент могут быть конфискованы. Независимая внешняя политика, которую проводит Президент Российской Федерации, принципиально не совместима с макроэкономическим курсом подчинения российской экономики американским интересам¹⁷.

Серое унылое существование. Осень Российской империи. Вот что обещают нам на 18 лет вперед Минфин, Банк России и Минэкономики. Через 18 лет Россия окажется не на 12-м месте в мире, а на 30-м или 40-м. Идеология Банка России – смиренная рубашка¹⁸.

Расчеты Минфина на то, что увеличение инвестиций будет происходить только за счет частного сектора и собственных средств предприятий, подвергаются сомнению Счетной Палатой РФ. Так, по оценкам Т. Голиковой, «в 2015 г. величина прибыли

¹⁶ На это повлиял целый комплекс причин: возвращение смешанной системы выборов; создание условий, способствующих снижению явки избирателей; поправки к ФЗ «О политических партиях», приведшие к появлению «заведомо непроходных» политических сил; предвыборная кампания, выстроенная на имидже Президента РФ В.В. Путина; сложная процедура регистрации партий для участия в выборах в парламент (сбор подписей) и др. Более подробно причины победы «Единой России» на выборах в Государственную Думу VII созыва мы анализировали в предыдущем номере нашего журнала (Ильин В.А. Конституционное большинство в Государственной Думе VII созыва получил Президент РФ // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. – 2016. – № 5. – С. 9-26.).

¹⁷ Глазьев С.Ю. Трампу надо помочь [Эл. рес.] // Газета «Завтра». – 2016. – 16 нояб. – Реж. дост.: http://zavtra.ru/blogs/trampu_nado_pomoch_

¹⁸ Сергеев М. Политика вечной стагнации встречает все больше возражений [Эл. рес.] // Независимая газета. – 2016. – 13 нояб. – Реж. дост.: http://www.ng.ru/week/2016-11-13/8_6858_economics.html

¹⁹ Балацкий Е.В. О вредности наших сценариев [Эл. рес.] // Независимая газета. – 2016. – 7 дек. – Реж. дост.: http://www.ng.ru/ideas/2016-12-07/5_6878_scenario.html

организаций увеличилась по сравнению с 2014 г. на 19,9%. Но при этом отмечено значительное (на 8,4%) сокращение инвестиционной активности. Первое полугодие 2016 г. говорит об этом же: прибыль возросла на 7,4%, инвестиции сократились на 4,3%». Таким образом, по словам главы Счетной Палаты РФ, одного факта наличия доступных финансовых ресурсов недостаточно для того, чтобы компании приступили к инвестициям²⁰.

Проект бюджета на 2017 г., который эксперты оценили как «бюджет застоя...консервации отсталости... бюджет медленного угасания, предусматривающий такие темпы роста, при которых мы будем катастрофически отставать от других стран»²¹, был одобрен депутатами Государственной Думы VII созыва. При этом «профильный комитет Государственной Думы по бюджету и налогам, состоящий в подавляющем большинстве из единороссов, поддержал очередную „гениальную“ меру Минфина»²² – снижение темпов роста зарплат врачей

(вместо обещанных 10,6%, зарплаты в 2017 г. вырастут на 5,4%). Таким образом, проект бюджета эксперты подвергли критике, хотя они возлагают надежды на «системные изменения в депутатской работе и новое качество отношений парламента с кабинетом министров»²³.

Постепенно, но верно растет статус задержанных за взяточничество чиновников. Если несколько лет назад у нас ловили в основном врачей при получении коробки конфет или сотрудников военкомата с конвертами, то сейчас вплотную взялись за самый высокий эшелон власти²⁴.

Особую тревогу вызывает динамика коррупции: «Можно утверждать, что наша либеральная команда имеет, к сожалению, изъян в виде криминальной склонности. И в силу этой склонности конкретными их действиями стране нанесён рассчитываемый ущерб, но несопоставимо больший ущерб

²⁰ Титов назвал проект бюджета, предложенный Минфином, «бюджетом застоя» [Эл. рес.] // Независимая газета. – 2016. – 17 нояб. – Реж. дост.: http://www.ng.ru/economics/2016-11-17/4_6861_budget.html

²¹ В интервью «Известиям», опубликованном 6 апреля, первый зампред Центробанка К. Юдаева сказала, что ситуация в экономике развивается лучше, чем можно было бы ожидать. По её словам, она не концентрировалась бы на слове «кризис»: «Нашу ситуацию лучше всего описывает термин „новая реальность“, то есть это не временные трудности, а новые координаты, в которых нашей экономике предстоит развиваться».

В марте в Минфине заявили, что российская экономика прошла через резкое изменение внешних условий не так драматично, как другие страны. «Задышали те отрасли, которые в последние годы – годы высоких цен [на нефть] – находились в застое, так называемые неторгуемые отрасли», – отмечал глава министерства А. Силуанов.

Советник Президента С. Глазьев заявил, что в созданной Центробанком «новой реальности» выживают только спекулянты, производство при этом умирает. «Это путь к экономической катастрофе», – подчеркнул Глазьев. Он добавил, что нынешняя конъюнктура – «это стагфляция, прекратившая экономический рост...Если бы не созданная политикой ЦБ „новая реальность“, то российская экономика могла бы расти на 6–8 процентов в год» (источник: Информационный портал Lenta.ru от 6 апреля 2016 г. – Реж. дост.: <https://lenta.ru/news/2016/04/06/glaziev/>).

²² Рашкин В. Правительство борется с бедностью, отнимая деньги у бедных [Эл. рес.]. – Реж. дост.: <http://www.rosbalt.ru/russia/2016/12/06/1573417.html>

²³ Скоробогатый П. Теория новой Думы // Эксперт. – 2016. – №42 (1004). – 17-23 окт. – С. 45.

²⁴ Арбитраж Путина [Эл. рес.] // Независимая газета. – 2016. – 17 нояб. – Реж. дост.: http://www.ng.ru/editorial/2016-11-17/2_6861_red.html

нанесён тем, что ради этих махинаций они практически тормозили развитие национальной экономики»²⁵. «Вопросы распределения власти решаются непублично, «наверху», по своим правилам; выборы в той или иной степени становятся ритуальными, а оппозиция — либо декоративной, либо маргинальной»²⁶. С этой точки зрения показательным стало взятие под стражу министра экономического развития А. Улюкаева — «первое в истории современной России задержание действующего федерального министра»²⁷.

Новый министр экономического развития М. Орешкин, выходец из Минфина и Центробанка, по мнению многих экспертов, «не будет создавать каких-либо проблем нынешнему ”ортодоксально-либеральному курсу”»²⁸. О его назначении говорят как о «победе либералов, группы «Чубайса—Кудрина», победе крыла монетаристов над теми, кто выступает за промышленный рост»²⁹.

Таким образом, трансформация всех сфер жизни, начиная с системы управления, в

сторону соответствия национальным интересам — неотъемлемое условие адаптации государства к изменяющимся правилам геополитической конкуренции. Однако в России не создано условий для системной трансформации элит; нет лифтов, позволяющих новым лицам (в том числе губернаторам) реализовать себя на общероссийском уровне; нет эффективных механизмов формирования кабинета министров на основе персонального обсуждения каждой кандидатуры и рассмотрения ее в парламенте; нет контроля и справедливого наказания чиновников за неэффективную реализацию возложенных на них задач. Сам же В. Путин проводит свою деятельность по национализации элит со свойственной ему осторожностью. Отсутствие весомой политической альтернативы «Единой России» и персонально В.В. Путину, с одной стороны, дает карт-бланш действующей власти для последовательной реализации ожиданий населения. Однако, с другой стороны, оставляет без изменений сложившуюся систему управления, которая не может создать условия для вывода страны из кризиса и не обеспечивает выполнение майских указов Президента.

Так, регулярный мониторинг исполнения майских указов, который проводится Общероссийским народным фронтом, дает следующие неутешительные результаты. По словам сопредседателя Центрального штаба ОНФ А. Бречалова, **«только 16% указов, находящихся на контроле ОНФ, можно считать выполненными...** Вообще в майских указах и поручениях, которые были даны в их развитие, есть **402 пункта.** В ОНФ поступили от правительства доклады

²⁵ Болдырев Ю.Ю. Как либералы продавали Россию: «Крыса съест три зернышка, миллион провоняет» [Эл. рес.] // Московский комсомолец. — 2016. — 8 дек. — Реж. дост.: <http://www.mk.ru/politics/2016/12/08/kak-liberaly-prodavali-rossiyu-krysa-sest-tri-zernyshka-million-provonyaet.html>

²⁶ Арбитраж Путина [Эл. рес.] // Независимая газета. — 2016. — 17 нояб. — Реж. дост.: http://www.ng.ru/editorial/2016-11-17/2_6861_red.html

²⁷ Петров И. Кейс для министра [Эл. рес.] // Российская газета. — 2016. — 16 нояб. — Реж. дост.: <https://rg.ru/2016/11/16/uliukaevu-nadeli-elektronnyj-braslet-slezheniia.html>

²⁸ Сергеев М. Развивать экономику поручили министру Орешкину [Эл. рес.] // Там же. — 30 ноября. — Реж. дост.: http://www.ng.ru/economics/2016-11-30/2_6873_minfin.html

²⁹ Эксперты комментируют назначение Максима Орешкина главой МЭР // Информационный портал Pasm.ru. — Реж. дост.: <http://pasm.ru/archive/165169>

на исполнение **171 поручения. Из них за все это время 16% мы рекомендовали снять с контроля, потому что они выполнены. Всего это 28 поручений. Исполнение еще 53% указов (90 пунктов) требует доработки. А треть указов (53 пункта) вообще не исполнены...** При использовании такой категории, как „требующие доработки”, на самом деле имеется в виду, что эти поручения, строго говоря, не исполнены»³⁰.

В геополитических масштабах (с которых прежде всего необходимо оценивать современную экономическую и политическую ситуацию в стране) отсутствие условий для системной трансформации правящей элиты, повышения её ответственности за реализацию приоритетов национального развития грозит тем, что **«в условиях глобальной конкуренции любая серьезная ошибка может стать фатальной: отыграть утраченные позиции уже практически невозможно. Это означает, что Россия не имеет права на серьезные управленческие ошибки, ибо любой просчет с ее стороны будет использован против нее с максимальной эффективностью. В таких условиях деградация страны перестает быть абстрактной угрозой, превращаясь в реальную опасность. Все это предъявляет повышенные требования к правящей элите, которая пока им явно не соответствует»**³¹.

В ситуации, когда финансово-экономический блок и сам председатель Правительства Д. Медведев по факту не реализуют

³⁰ Майские указы не прошли проверку народного фронта [Эл. рес.] // Независимая газета. – 2016. – 16 нояб. – Реж. дост.: http://www.ng.ru/politics/2016-11-16/4_6860_may.html

³¹ Балацкий Е.В. Угрозы России в условиях рециркуляции мирового капитала // Общество и экономика. – 2016. – № 10. – С. 13-14.

В условиях ведущейся войны за институты просматриваются только две альтернативы: либо Россия самостоятельно строит институты не менее эффективные, чем в США, либо она теряет свою политическую самостоятельность и становится в той или иной степени зависимым придатком Западного мира... В настоящее время геополитический вызов России состоит в том, чтобы определиться с одним из этих двух сценариев. Отказ от обоих означает неопределенность вектора развития, и такой третий сценарий не обеспечивал бы сохранение страны³².

стратегические задачи, поставленные Президентом, особую значимость приобретает формализация их деятельности – прозрачная система целеполагания и планирования, основанная на четких критериях эффективности достижения результатов, персональной ответственности за выполнение промежуточных и стратегических задач, возможностях контроля со стороны общественности и контролирующих органов.

Однако в последних стратегических документах, призванных дать ответ на глобальные угрозы, встающие сегодня перед страной, много говорится о целях её дальнейшего развития, о ключевых проблемах, требующих повышенного внимания со стороны органов власти, но при этом не устанавливаются конкретные сроки, действия, лица, ответственные

³² Там же. – С. 12.

за реализацию поручений Президента. В Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации не содержится формальных показателей, по которым можно было бы делать выводы об эффективности достигнутых результатов и принимать соответствующие управленческие решения по отношению к конкретным чиновникам.

В Концепции внешней политики, с одной стороны, «достаточно чётко отражены принципиальные изменения в мировой политике, сформулированы позиции западных государств и определены внешнеполитические задачи России на ближайшие годы»³³. С другой стороны, «отсутствует упоминание о главной функции российских послов за рубежом — защите интересов отечественного бизнеса»³⁴.

В Послании Президента Федеральному Собранию РФ «сделан акцент на будущем, а не на поисках истины в прошлом»³⁵, «впервые главной темой экономической части стал переход к экономическому росту, а не вопросы макроэкономической стабилизации»³⁶. Однако некоторые эксперты отмечают, что Послание

«не затронуло ключевую проблематику, беспокоящую российское общество...зато элита поняла, что ничего не происходит»³⁷.

Вполне возможно, что, осознавая всю масштабность геополитической угрозы, которую несут в себе укоренившиеся проблемы российской политической элиты, Президент в своем Послании Федеральному Собранию не случайно затрагивает тему Февральской и Октябрьской революции, 100-летие которых будет отмечаться в 2017 г. «Это важный сигнал, и это будет доведено до всех элит»³⁸.

Однако опыт выполнения Правительством поручений Президента в 2012–2016 годах ставит под сомнение ответственность Правительства за выполнение стратегических задач, озвученных главой государства 1 декабря 2016 г. В частности, поручение «с участием ведущих деловых объединений не позднее мая будущего года разработать предметный план действий, рассчитанный до 2025 года, реализация которого позволит уже на рубеже 2019–2020 годов выйти на темпы экономического роста выше мировых, а значит наращивать позиции России в глобальной экономике»³⁹.

В заключение хотелось бы поддержать точку зрения одного из экспертов, акцентирующих внимание на ключевой роли

³³ Жильцов С.С. Ближнее зарубежье перестает быть дальним для Москвы [Эл. рес.] // Независимая газета. — 2016. — 5 дек. — Реж. дост.: http://www.ng.ru/cis/2016-12-05/7_6876_cis.html?PREVIEW_SECRET_KEY=9efdf7ca3f85afc4b8e64e8ba317238f

³⁴ Ремчуков К. Радио «Эхо Москвы», программа «Особое мнение», эфир от 05.12.2016 [Эл. рес.]. — Реж. дост.: <http://echo.msk.ru/programs/personalno/1885996-echo/>

³⁵ Президент фонда «Петербургская политика» Виноградов М. Экспертное сообщество — о Послании Владимира Путина Федеральному Собранию [Эл. рес.] // Газета «Известия». — 2016. — 1 дек. — Реж. дост.: <http://izvestia.ru/news/648810>

³⁶ Титов Б. Рецепты роста [Эл. рес.] // Газета «Известия». — 2016. — 5 дек. — Реж. дост.: <http://izvestia.ru/news/649402>

³⁷ Соловей В. В ожидании 17-го года (интервью радио «Эхо Москвы» 2 декабря 2016 г.) [Эл. рес.]. — Реж. дост.: <http://echo.msk.ru/programs/year2016/1883798-echo/>

³⁸ Ремчуков К. Радио «Эхо Москвы», программа «Особое мнение», эфир от 05.12.2016 [Эл. рес.]. — Реж. дост.: <http://echo.msk.ru/programs/personalno/1885996-echo/>

³⁹ Послание Президента РФ Федеральному Собранию 2016 г. // Официальный сайт Президента РФ. — Реж. дост.: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/53379>

главы государства и Государственной Думы в реализации приоритетных национальных интересов России: «Можно услышать такую фразу: “Денежные власти неправильно себя ведут...” Нет никаких “денежных властей”. Есть центральная государственная власть — президент и парламент. И в их полномочиях всё»⁴⁰.

Вопрос о том, что мешает главе государства преодолеть сопротивление либерального блока Правительства в виде невыполнения его майских указов и клю-

чевых задач Стратегии национальной безопасности, пока остается открытым. В условиях, когда в США и ключевых странах Старого Света выбор национальных лидеров уже сделан, их команда сформирована и готова приступить к реализации своих национальных интересов, необходимость повышения ответственности и системной трансформации властвующих элит в России становится важнейшим фактором ее национальной безопасности.

⁴⁰ Болдырев Ю.Ю. Как либералы продавали Россию: «Крыса съест три зернышка, миллион провоняет» [Эл. рес.] // Московский комсомолец. — 2016. — 8 дек. — Реж. дост.: <http://www.mk.ru/politics/2016/12/08/kak-liberaly-prodavali-rossiyu-krysa-sest-tri-zernyshka-million-provonyayet.html>

Сведения об авторе

Владимир Александрович Ильин — член-корреспондент РАН, доктор экономических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, научный руководитель, Институт социально-экономического развития территорий Российской академии наук (160014, Россия, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а, ilin@vscc.ac.ru)

Ilyin V.A.

Thirteenth Address of President Putin to the Federal Assembly of the Russian Federation: Transformation of Power as a Point for Discussion

Information about the Author

Vladimir Aleksandrovich Ilyin — RAS Corresponding Member, Doctor of Economics, Professor, Honored Scientist of the Russian Federation, Scientific Director, Institute of Socio-Economic Development of Territories of Russian Academy of Science (56A, Gorky Street, Vologda, 160014, Russian Federation, ilin@vscc.ac.ru)

Мониторинг общественного мнения о состоянии российского общества

Продолжая сложившуюся традицию нашего издания, приводим результаты мониторинговых оценок общественного мнения о состоянии российского общества, выполняемых ИСЭРТ РАН в Вологодской области¹.

Нижеследующие таблицы показывают динамику ряда параметров социального самочувствия и общественно-политических настроений населения Вологодской области в октябре – декабре 2016 г., а также в среднем за последние 6 опросов (февраль – октябрь 2016 г.). Дается сопоставление их с данными за 2007-й (последний год второго президентского срока В.В. Путина, когда были достигнуты наиболее высокие оценки президентской деятельности) и 2011 г. (последний год президентства Д.А. Медведева). С 2013 г. представлена годовая динамика данных.

Оценка деятельности власти

В октябре – декабре 2016 г. уровень одобрения деятельности Президента РФ существенно не изменился (67–68%). Поддержка главы государства оставалась стабильной на протяжении всего 2016 г. и соответствует уровню 2015 г. (69%).

Оценка деятельности Председателя Правительства РФ за последние два месяца также не изменилась: доля позитивных суждений составляет 50%. Это ниже, чем в начале 2016 г. (в феврале уровень поддержки деятельности Председателя кабинета министров составлял 55%). В целом за 2016 г. удельный вес положительных оценок деятельности Председателя Правительства составил 52%, что ниже, чем в 2014–2015 гг. (54–58%).

Для справки: в целом по стране уровень одобрения деятельности Президента РФ остается стабильным. В октябре – ноябре по данным ВЦИОМ он составил 82–83% (доля негативных оценок – 13%); по данным Левада-Центра – 84–86% (удельный вес отрицательных суждений – 14–16%).

¹ Опросы проводятся 6 раз в год в Вологде, Череповце и в восьми районах области (Бабаевском, Великоустюгском, Вожегодском, Грязовецком, Кирилловском, Никольском, Тарногском и Шекснинском). Метод опроса – анкетирование по месту жительства респондентов. Объем выборочной совокупности – 1500 человек в возрасте 18 лет и старше. Выборка целенаправленная, квотная. Репрезентативность выборки обеспечена соблюдением пропорций между городским и сельским населением, пропорций между жителями населенных пунктов различных типов (сельские населенные пункты, малые и средние города), половозрастной структуры взрослого населения области. Ошибка выборки не превышает 3%.

Более подробную информацию о результатах опросов, проводимых ИСЭРТ РАН, можно найти на сайте <http://www.vscs.ac.ru/>.

Как Вы оцениваете в настоящее время деятельность...?
(в % от числа опрошенных)

Вариант ответа	2007	2011	2013	2014	2015	2016	Фев. 2016	Апр. 2016	Июнь 2016	Авг. 2016	Окт. 2016	Дек. 2016	Изменение (+/-) 2016 по отношению к...			
													2015	2011	2007	
Президент РФ																
Одобрю	75,3	58,7	55,3	64,1	69,1	67,8	68,1	66,9	67,4	68,7	68,4	67,3	-1	+9	-8	
Не одобряю	11,5	25,6	29,4	22,3	17,5	18,8	16,1	17,9	20,1	19,6	19,7	19,3	+1	-7	+7	
Председатель Правительства РФ*																
Одобрю	—*	59,3	48,9	54,2	58,1	52,3	54,9	53,5	52,8	52,7	49,4	50,4	-6	-7	-	
Не одобряю	—	24,7	32,8	27,6	21,7	27,6	22,6	25,7	28,6	27,7	30,6	30,1	+6	+3	-	
Губернатор																
Одобрю	55,8	45,7	44,4	40,1	39,3	37,7	35,1	34,9	38,2	38,4	39,1	40,2	-2	-8	-18	
Не одобряю	22,2	30,5	33,2	38,9	36,2	39,3	38,2	39,6	40,3	40,0	39,3	38,5	+3	+9	+17	
* Вопрос задается с 2008 г.																

С октября по декабрь 2016 г. оценка успешности действий Президента по решению ключевых проблем страны существенно не изменилась:

- доля жителей области, положительно оценивающих работу главы государства по укреплению международных позиций России, составляет 51–52%;
- по наведению порядка в стране – 50%;
- по защите демократии и укреплению свобод граждан – 36%;
- по подъему экономики и росту благосостояния населения – 26–27%.

Оценки населения остаются стабильными на протяжении всего 2016 года.

Следует отметить, что в целом за 2016 г. по сравнению с 2015 г. заметно снизилась доля людей, считающих успешной деятельность Президента по защите демократии и укреплению свобод граждан (индекс уменьшился на 7 пунктов, с 99 до 92 п.), а также по подъему экономики и росту благосостояния (на 14 пунктов, с 82 до 68 п.).

Насколько успешно, на Ваш взгляд, Президент РФ справляется с проблемами...?* (в % от числа опрошенных)

Вариант ответа	2007	2011	2013	2014	2015	2016	Фев. 2016	Апр. 2016	Июнь 2016	Авг. 2016	Окт. 2016	Дек. 2016	Изменение (+/-) 2016 по отношению к...			
													2015	2011	2007	
Укрепление международных позиций России																
Успешно	58,4	46,2	45,7	50,4	51,7	51,2	50,9	50,7	52,2	50,1	51,4	51,9	-1	+5	-7	
Не успешно	24,9	33,7	36,2	32,4	31,3	29,9	29,1	30,9	29,0	30,3	28,8	31,1	-1	-4	+5	
<i>Индекс успешности</i>	<i>133,5</i>	<i>112,5</i>	<i>109,5</i>	<i>118,0</i>	<i>120,4</i>	<i>121,3</i>	121,8	119,8	123,2	119,8	122,6	120,8	+1	+9	-12	
Наведение порядка в стране																
Успешно	53,2	36,6	39,4	48,0	50,2	49,2	47,7	48,1	49,7	50,0	49,7	50,2	-1	+13	-4	
Не успешно	34,0	50,0	47,5	39,1	37,9	36,7	37,2	38,2	37,5	35,1	35,6	36,7	-1	-13	+3	
<i>Индекс успешности</i>	<i>119,2</i>	<i>86,6</i>	<i>91,9</i>	<i>108,9</i>	<i>112,3</i>	<i>112,6</i>	110,5	109,9	112,2	115,4	114,1	113,5	0	+26	-7	
Защита демократии и укрепление свобод граждан																
Успешно	44,4	32,4	31,8	37,5	40,4	36,6	36,9	35,6	38,3	36,7	35,7	36,2	-4	+4	-8	
Не успешно	37,0	48,3	51,0	45,4	41,5	44,3	44,3	45,3	42,2	45,0	44,7	44,3	+3	-4	+7	
<i>Индекс успешности</i>	<i>107,4</i>	<i>84,1</i>	<i>80,8</i>	<i>92,1</i>	<i>99,0</i>	<i>92,3</i>	92,6	90,3	96,1	91,7	91,0	91,9	-7	+8	-15	
Подъём экономики, рост благосостояния граждан																
Успешно	47,2	30,7	31,3	34,8	34,2	27,2	28,0	27,6	27,5	26,7	26,4	27,2	-7	-3	-20	
Не успешно	39,1	56,1	56,8	53,4	52,3	59,4	57,0	57,9	59,1	60,4	60,9	61,1	+7	+3	+20	
<i>Индекс успешности</i>	<i>108,1</i>	<i>74,6</i>	<i>74,5</i>	<i>81,4</i>	<i>81,8</i>	<i>67,8</i>	71,0	69,7	68,4	66,3	65,5	66,1	-14	-7	-40	

* Ранжировано по среднему значению индекса успешности за 2016 г.

Структура партийно-политических предпочтений населения за последние два месяца не изменилась. Уровень поддержки «Единой России» составляет 35–36%, ЛДПР – 13–14%, КПРФ – 9%, «Справедливой России» – 5–6%. По сравнению с началом года отмечается только рост поддержки ЛДПР (на 7 п.п., с 7 до 14%).

В целом за 2016 г. по сравнению с 2015 г. незначительно снизилась поддержка «Единой России» (на 4 п.п., с 39 до 35%), хотя в структуре партийно-политических предпочтений жителей области она по-прежнему занимает лидирующие позиции.

Следует также отметить, что в декабре 2016 г., впервые с апреля, увеличилась доля людей, считающих, что ни одна из политических партий не выражает их интересов (на 6 п.п., с 24 до 30%). По-видимому, это связано с постепенным «затуханием» ажиотажа вокруг предвыборных кампаний политических партий (напомним, что в мае 2016 г. «Единая Россия» проводила внутривыборное голосование (праймериз), а в сентябре 2016 г. состоялись выборы в Государственную Думу РФ).

Какая партия выражает Ваши интересы? (в % от числа опрошенных)

Партии	2007	Выборы в ГД РФ 2007 г., факт	2011	Выборы в ГД РФ 2011 г., факт	2013	2014	2015	Выборы в ГД РФ 2016 г., факт	2016	Фев. 2016	Апр. 2016	Июнь 2016	Авг. 2016	Окт. 2016	Дек. 2016	Изменение (+/-) 2016 по отношению к...		
																2015	2011	2007
Единая Россия	30,2	60,5	31,1	33,4	29,4	32,8	38,8	38,0	35,4	35,1	34,1	36,0	36,5	36,3	34,5	-3	+4	+5
ЛДПР	7,5	11,0	7,8	15,4	7,2	7,6	6,2	21,9	10,4	6,9	8,2	10,3	10,5	12,8	13,9	+4	+3	+3
КПРФ	7,0	9,3	10,3	16,8	11,3	9,7	7,1	14,2	8,3	9,4	7,2	8,0	7,5	9,0	8,7	+1	-2	+1
Справедливая Россия	7,8	8,8	5,6	27,2	4,6	3,5	3,6	10,8	4,2	2,7	2,7	4,0	4,7	6,1	4,9	+1	-1	-4
Другая	1,8	–	1,9	–	0,6	0,3	0,2	–	0,3	0,5	0,2	0,3	0,4	0,3	0,3	0	-2	-1
Никакая	17,8	–	29,4	–	34,9	34,4	31,8	–	29,4	31,7	34,9	29,7	26,1	23,7	30,1	-2	0	+12
Затрудняюсь ответить	21,2	–	13,2	–	10,2	11,7	12,2	–	12,0	13,7	12,7	11,7	14,3	11,8	7,7	0	-1	-9

В оценках социального самочувствия в октябре – декабре 2016 г. существенных изменений не произошло:

- доля людей, характеризующих свое настроение как «нормальное, прекрасное, ровное», сохраняется на уровне 70%;

- удельный вес считающих, что «все не так плохо и можно жить; жить трудно, но можно терпеть», составляет 80–81%.

Доля жителей области, считающих себя «богатыми» или «среднеобеспеченными», составляет 42–44%, что незначительно выше, чем в начале года (40%). Удельный вес «бедных и нищих» остается более высоким и с апреля 2016 г. сохраняется на уровне 47–49%.

Индекс потребительских настроений (ИПН), отражающий оценку людьми перспектив развития экономической ситуации и личного материального положения, с августа 2016 г. сохраняется на отметке 79–80 пунктов, что незначительно выше, чем в первой половине года (в феврале – июне он составлял 75–77 п.).

Вместе с тем нельзя не отметить, что значение ИПН по-прежнему остается ниже 100 пунктов, что говорит о преобладании пессимистических прогнозов в оценке населением перспектив своего личного материального благополучия и общего состояния российской экономики.

Среди изменений, произошедших в целом за 2016 год (по сравнению с 2015 г.), следует выделить незначительный рост доли людей, субъективно относящих себя к категории лиц «со средним уровнем достатка» (на 3 п.п., с 39 до 42%).

Оценка социального состояния (в % от числа опрошенных)

Вариант ответа	2007	2011	2013	2014	2015	2016	Фев. 2016	Апр. 2016	Июнь 2016	Авг. 2016	Окт. 2016	Дек. 2016	Изменение (+/-) 2016 по отношению к...			
													2015	2011	2007	
Настроение																
Нормальное состояние, прекрасное настроение	63,6	63,1	68,6	69,4	68,7	68,0	63,4	67,0	68,0	68,8	70,2	70,4	-1	+5	+4	
Испытываю напряжение, раздражение, страх, тоску	27,8	28,9	26,2	24,9	25,9	26,2	28,9	25,4	26,7	25,8	24,3	26,1	0	-3	-2	
Запас терпения																
Всё не так плохо и жить можно; жить трудно, но можно терпеть	74,1	74,8	79,3	80,8	78,4	78,0	73,1	77,5	78,2	78,3	79,5	81,1	0	+3	+4	
Терпеть наше бедственное положение невозможно	13,6	15,3	14,2	12,6	14,5	15,6	16,1	16,4	15,7	15,5	14,9	14,9	+1	0	+2	
Социальная самоидентификация*																
Доля считающих себя людьми среднего достатка	48,2	43,1	43,9	43,2	38,7	42,1	39,9	40,9	42,8	43,2	42,3	43,7	+3	-1	-6	
Доля считающих себя бедными и нищими	42,4	44,3	46,9	49,1	50,7	49,0	51,4	49,4	47,1	49,5	48,9	47,4	-2	+5	+7	
Индекс потребительских настроений																
Значение индекса, в пунктах	105,9	89,6	90,3	87,6	77,1	77,7	75,0	74,4	77,3	79,4	80,8	79,4	+1	-12	-28	

* Формулировка вопроса: «К какой категории Вы себя относите?».

За последние два месяца в большинстве (в 10 из 14) социально-демографических категорий населения Вологодской области не наблюдается существенных изменений социального настроения².

В четырех из 14 групп доля людей, испытывающих «прекрасное настроение; нормальное, ровное состояние», увеличилась. К этим группам относятся:

- люди в возрасте до 30 лет (на 5 п.п., с 76 до 81%);
- лица в возрасте от 30 до 55 лет (на 3 п.п., с 69 до 72%);
- жители области, по самооценке доходов относящиеся к категории 20% наиболее обеспеченных (на 2 п.п., с 70 до 72%);
- жители г. Вологды (на 5 п.п., с 79 до 84%).

Ухудшение социального настроения в октябре – декабре 2016 г. отмечается только в одной социально-демографической категории – среди людей старше 55 лет (на 5 п.п., с 68 до 63%).

² При анализе динамики общественного мнения в различных социально-демографических группах учитывались только изменения на 3 п.п. и более, поскольку это значение выходит за пределы ошибки выборки.

По сравнению с началом года доля людей, положительно характеризующих свое настроение, увеличилась во всех группах, кроме лиц старше 55 лет (в данной категории удельный вес положительных суждений за период с февраля по декабрь 2016 г. не изменился – 62%).

В целом за 2016 г. по сравнению с 2015 г. изменение оценки социального настроения наблюдается только среди жителей г. Вологды: доля положительных характеристик уменьшилась на 4 п.п. (с 74 до 70%). В остальных социально-демографических категориях существенных изменений не произошло.

Социальное настроение в различных социальных группах (вариант ответа «Прекрасное настроение, нормальное, ровное состояние», в % от числа опрошенных)

Категория населения	2007	2011	2013	2014	2015	2016	Фев. 2016	Апр. 2016	Июнь 2016	Авг. 2016	Окт. 2016	Дек. 2016	Изменение (+/-) 2016 по отношению к...			
													2015	2011	2007	
Пол																
Мужской	65,9	64,5	69,9	68,9	69,5	68,8	63,9	66,5	70,0	67,3	71,6	73,3	-1	+4	+3	
Женский	61,7	62,0	67,5	69,8	68,0	67,4	63,1	67,5	66,5	70,0	69,0	68,1	-1	+5	+6	
Возраст																
До 30 лет	71,3	70,0	75,5	75,1	77,1	76,4	69,9	75,4	81,2	74,5	76,3	80,8	-1	+6	+5	
30-55 лет	64,8	62,5	69,2	69,5	67,2	67,4	62,1	66,0	68,3	67,1	68,9	71,8	0	+5	+3	
Старше 55 лет	54,8	58,3	62,4	65,4	65,5	64,0	61,5	63,7	59,8	67,7	68,3	62,8	-2	+6	+9	
Образование																
Среднее и н/среднее	58,4	57,4	60,6	62,5	63,6	62,1	57,8	62,4	62,9	61,7	64,7	62,8	-2	+5	+4	
Среднее специальное	64,6	63,6	68,1	70,4	70,1	68,4	60,7	67,3	69,3	68,5	72,1	72,7	-2	+5	+4	
Высшее и н/высшее	68,6	68,3	77,4	76,2	72,7	74,3	72,9	71,5	73,3	76,8	74,6	76,9	+2	+6	+6	
Доходные группы																
20% наименее обеспеченных	51,6	45,3	46,2	50,8	51,8	52,5	42,6	51,3	52,0	56,3	55,5	57,5	+1	+7	+1	
60% средне-обеспеченных	62,9	65,3	71,9	72,3	71,0	69,4	66,3	67,6	69,3	70,4	71,8	70,7	-2	+4	+6	
20% наиболее обеспеченных	74,9	75,3	83,3	84,8	82,0	80,9	77,9	81,0	85,2	78,5	79,3	83,5	-1	+6	+6	
Территории																
Вологда	63,1	67,1	75,0	76,4	73,9	69,9	65,1	69,1	71,5	69,2	71,0	73,6	-4	+3	+7	
Череповец	68,1	71,2	75,3	76,3	70,6	71,7	66,4	70,5	72,5	74,0	72,7	74,0	+1	0	+4	
Районы	61,6	57,1	61,6	61,8	64,6	64,8	60,9	63,9	63,7	65,7	68,1	66,6	0	+8	+3	
Область	63,6	63,1	68,6	69,4	68,7	68,0	63,5	67,1	68,1	68,8	70,1	70,4	-1	+5	+4	

Заключение

По итогам 2016 г. можно констатировать стабильно высокий уровень поддержки деятельности Президента (68–69%) и постепенное ухудшение общественного мнения о работе Правительства (доля положительных оценок о деятельности Председателя кабинета министров с февраля по декабрь 2016 г. уменьшилась на 5 п.п. (с 55 до 50%), с 2015 по 2016 г. – на 6 п.п.

(с 58 до 52%). Это связано с тем, что уровень жизни и проблематика экономической ситуации в стране по-прежнему являются наиболее острыми вопросами, волнующими население.

Не случайно деятельность главы государства по подъему экономики и роста благосостояния граждан оценивается людьми хуже, чем его работа по решению других ключевых вопросов (доля положительных оценок на протяжении всего 2016 г. составляла 26–28%, при этом в период с 2015 по 2016 г. она снизилась на 7 п.п., с 34 до 27%). Удельный вес людей, субъективно относящих себя к категории «бедных и нищих», по-прежнему преобладает над долей тех, кто причисляет себя к категории людей «среднего достатка» (в 2016 г. – 49% против 42%), хотя следует отметить, что в феврале – декабре 2016 г. доля «бедных и нищих» уменьшилась (на 4 п.п., с 51 до 47%), а людей «среднего достатка» – возросла (на 4 п.п., с 40 до 44%).

В большинстве социально-демографических категорий жителей области отмечается стабильно высокий уровень положительных характеристик социального настроения. За прошедший год доля тех, кто испытывает «прекрасное настроение; нормальное, ровное состояние», увеличилась на 7 п.п. (с 63 до 70%). Однако преобладание негативных оценок в индексе потребительских настроений (значение ИПН с 2011 г. сохраняется на уровне ниже 100 пунктов, в 2015–2016 г. он составил 77 п.) свидетельствует о пессимистических прогнозах людей относительно экономического положения России и их собственного материального благополучия.

В последний месяц уходящего года В. Путин подписал ряд важных документов, определяющих приоритеты внутренней и внешней политики России на ближайшие годы, – Концепцию внешней политики Российской Федерации, Доктрину информационной безопасности РФ, Стратегию научно-технологического развития. В своем Послании Федеральному Собранию, озвученном 1 декабря 2016 г., Президент обращает внимание на то, что «принципы справедливости, уважения и доверия универсальны. Мы твёрдо отстаиваем их – и, как видим, не без результата – на международной арене. Но в такой же степени обязаны гарантировать их реализацию внутри страны, в отношении каждого человека и всего общества»³.

Таким образом, Президент в очередной раз обращается к внутренней повестке дня, к социально-экономической проблематике, наиболее остро воспринимающейся в российском обществе. Послание Президента Федеральному Собранию, несмотря на то что оно не является документом стратегического развития, следует расценивать как сигнал Правительству – указание о том, какие вопросы должны решаться в первую очередь и какую степень ответственности должны нести чиновники всех уровней за выполнение своих прямых профессиональных обязанностей.

Насколько будут услышаны, восприняты и реализованы поручения главы государства (в частности, о том, чтобы «не позднее мая будущего года разработать предметный план действий, рассчитанный до 2025 года, реализация которого позволит уже на рубеже 2019–2020 годов выйти на темпы экономического роста выше мировых, а значит наращивать позиции России в глобальной экономике»⁴), – от этого будет зависеть дальнейшая динамика общественных настроений не только в регионе, но и в стране в целом.

³ Послание Президента РФ Федеральному Собранию от 1 декабря 2016 г. [Эл. рес.] // Официальный сайт Президента РФ. – Реж. дост.: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/53379>

⁴ Там же.

СТРАТЕГИЯ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ

DOI: 10.15838/esc.2016.6.48.2

УДК 30(075.4), ББК 6/8(2Рос-6Яма)

© Маркин В.В., Силин А.Н.

Циркумполярный регион в контурах социально-пространственной трансформации территории (на примере Ямала)



**Валерий Васильевич
МАРКИН**

доктор социологических наук
Институт социологии РАН
117218, Россия, г. Москва, ул. Кржижановского, 24/35, корп. 5
markin@isras.ru



**Анатолий Николаевич
СИЛИН**

доктор социологических наук
Тюменский индустриальный университет
625000, Россия, г. Тюмень, ул. Володарского, 38
sm-2004@rambler.ru

Аннотация. Рассмотрены проблемы социально-пространственной трансформации северной территории, связанные с освоением одного из важнейших перспективных нефтегазовых арктических регионов России. Показаны возможности их решения с опорой на междисциплинарные и социологические исследования, которые были проведены авторами и их коллегами, в том числе массовые опросы населения Ямало-Ненецкого автономного округа по репрезентативным выборкам в 2005, 2010 и 2015 годах и социологическую диагностику их результатов в разрезе разных социальных групп респондентов (старожилы, в т.ч. представители коренных малочис-

Для цитирования: Маркин, В.В. Циркумполярный регион в контурах социально-пространственной трансформации территории (на примере Ямала) / В.В. Маркин, А.Н. Силин // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. – 2016. – № 6. – С. 28-52. DOI: 10.15838/esc.2016.6.48.2

For citation: Markin V.V., Silin A.N. Circumpolar Region amid Socio-Spatial Transformation of a Territory (Case Study of Yamal). *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 2016, no. 6, pp. 28-52. DOI: 10.15838/esc.2016.6.48.2

ленных народов, новоселы, вахтовый персонал). Эти исследования позволили выявить присущие Арктическому региону особенности социальных проблем и требования к научному сопровождению возможных вариантов их решения. В дискурсе рассмотрения теоретико-методологических и практических проблем авторы, в частности, предоставляют властным структурам такую информацию, необходимую для подготовки и принятия эффективных управленческих решений, которую невозможно получить иным способом, например с помощью статистики. Этот тезис иллюстрируется ситуацией, сложившейся с коренными малочисленными народами Севера, другими группами населения, развитием социального потенциала Ямала, укреплением и пополнением квалифицированных кадров. Изучение северной специфики качества жизни населения циркумполярного нефтегазового региона России, условий жизнедеятельности и взаимоотношений различных социальных групп участников дальнейшего, неоиндустриального освоения этой территории приводит к выводам о необходимости значительного усиления социологического и междисциплинарного научного сопровождения намечаемых арктических проектов, предложения нового методологического подхода к выбору наиболее актуальной тематики исследований.

Ключевые слова: Арктика, освоение территории, циркумполярный регион, социально-пространственные трансформации, социальные проблемы, социологические исследования, социальные группы, здоровье северян, вахтовый метод.

1. Введение

Арктический макрорегион, вместе с прилегающим к нему морским шельфом, превышает треть территории Российской Федерации. Именно здесь, при доле населения страны около 1%, производится продукция, превышающая 60% объема валютных поступлений от экспорта.

У властных структур России интерес к Арктике, начиная с XVI–XVIII веков, периодически возникает, достигает своего какого-то апогея и постепенно затухает. Своеобразным индикатором ситуации становится создание либо ликвидация в правительстве специальных ведомств по Северу, принятие нормативно-правовых актов с не всегда «просчитанным» социальным эффектом, что впоследствии приводит к необходимости их многократных поправок и изменений.

В обширной литературе, посвященной Арктике, в том числе ее российской части, социальная (социологическая) проблема-

тика явно недооценивается. Также оказалась малоизученной проблема соотношения социально-пространственной и социально-территориальной идентификации арктических (циркумполярных) регионов. Эти аспекты часто смешиваются или рассматриваются в отрыве друг от друга, без необходимого учета их взаимного влияния, что требует усиления междисциплинарного подхода.

Российские циркумполярные регионы, составляя важную часть Российского Севера, входят в мировую Арктическую зону и представляют собой важные объекты межгосударственных программ по устойчивому развитию [9]. Причем, расположенные как в европейской, так и азиатской частях, российские циркумполярные территории наиболее заселены и освоены. По оценке специалистов, численность населения российской части составляет более половины жителей всей мировой Арктической зоны [20].

Более того, учитывая природно-сырьевые ресурсы и логистические перспективы, авторитетные исследователи полагают, что со временем вокруг Северного Ледовитого океана сформируется, подобно Средиземноморской, мировая кооперация с общими чертами экономического поведения [24, с. 15-54].

В российском контексте проблемы арктических регионов нашли свое отражение в ряде фундаментальных исследований Российской академии наук [20; 24; 27; 29; 31].

Следует заметить, что понятия «Крайний Север», «Арктика» и «Субарктика», «Циркумпольный регион», по сути дела, представляют собой группу концепций с различной пространственной локализацией в зависимости от цели социально-экономических исследований либо предмета нормативно-правового регулирования, а вовсе не территории с четкими границами. Для удобства статического учета Ямало-Ненецкий автономный округ (ЯНАО) был отнесен к Арктике, а Ханты-Мансийский (ХМАО) – Субарктике. Наши исследования проводились на территориях обоих округов, входящих в сложнопостроенный субъект Российской Федерации – Тюменскую область. Основное внимание все же уделено Ямалу, по столице которого, г. Салехарду, проходит Полярный круг, а территория округа по праву считается циркумпольной.

Ямал является одним из важнейших регионов, которые имеют самые значительные перспективы как во внутрисельском, так и в международном планах. На его территории образован Ямало-Ненецкий автономный округ, сложно входящий в Тюменскую область. Столь уникальное социально-территориальное образование заслуживает специального

рассмотрения в вышеуказанном дискурсе идентификации. Ключевой задачей при этом выступает выявление основных контуров социально-пространственной трансформации территории Ямала, изучение регионального сообщества, строящего свою жизнедеятельность на данной территории. Для исследования этой трансформации особое значение имеют контуры социальной освоенности и обустроенности (обжитости) территории, ее социализации: от первичного освоения до современного состояния и обозначения дальнейших перспектив.

В динамике социальной трансформации Ямала можно выделить четыре волны:

1. Первичное (из известных нам) освоение, которое произошло в результате перемещения сюда и узколокального поселения здесь народов, ныне называемых коренными малочисленными народами Севера.

В силу особенностей основных занятий этих народов – охоты, рыболовства, оленеводства, различных промыслов и т. п., связанных с необходимостью постоянных перемещений на огромной территории, это первичное освоение можно назвать «маршрутно-точечным».

2. «Фронтальное» освоение, когда с XVI века Ямал стал рубежной территорией Российского государства и на этой территории возникла сеть военно-охранных поселений с «обжитием» прилегающих ареалов.

3. «Колонизация» (XVIII–XX века) – масштабное государственное освоение новой территории путем переселения туда населения метрополии и вовлечения в хозяйственный оборот местных экосистем, распространение материальной и духовной культуры того или иного народа в инокультурном ареале.

4. «Мобилизационное освоение», которое началось в 60-х гг. прошлого века и продолжается по настоящее время. Оно связано с экстенсивным освоением нефтегазовых ресурсов территории. Отличительной особенностью его является урбанизация территории.

Вблизи месторождений были созданы десятки поселений, включая и крупные города; часть из них возникла на территориях, отнесенных согласно медико-биологическому районированию, к непригодным для постоянного проживания пришлого населения. Период эффективного существования таких монопоселений был приурочен к исчерпанию рентабельных запасов (достижению критического уровня себестоимости добычи). Все годы активно обсуждалась проблема потенциально «мертвых городов». Между тем, крупные города, созданные в Приполярной зоне (Надым, Новый Уренгой), продолжают развиваться, наращивая «элитное» строительство и привлекая новых поселенцев.

В 60–80-е годы прошлого столетия особое внимание к циркумполярному региону было вызвано необходимостью форсированного формирования нефтегазового кластера на севере Тюменской области. Для этого были использованы особые меры мобилизации всех ресурсов страны, помимо обычных управленческих структур был создан специальный отдел в Госплане СССР [19].

В постсоветский период (90-е – начало 2000 годов) было признано, что Север стоит слишком дорого, финансирование в этот регион было резко сокращено, инфраструктура, кроме районов нефтегазодобычи, оказалась разрушенной, на треть сократилось количество обитаемых поселений и, в результате миграционного оттока, численность населения [27].

Процесс «демобилизации» освоения циркумполярного региона прекратился лишь в последнее десятилетие в связи с новым подъемом внимания к Арктике, вызванным в основном геополитическими причинами. Вместе с тем начаты новые инвестиционные проекты неиндустриального характера. Из них наиболее крупные – это освоение месторождений полуостровов Гыданский и Ямал, акваторий Обской и Тазовской губ, Карского моря, баженовской толщи, ачимовских отложений Уренгойского региона, Уватской группы и др. Начато строительство завода по производству сжиженного природного газа мощностью 16,5 млн. тонн в год на ресурсной базе Южно-Тамбейского месторождения с последующим расширением мощности до 32 млн. тонн в год на полуострове Гыданский. Ведутся работы по созданию морского порта и аэропорта в п. Сабетта, называемых «воротами Арктики» и т.д. [6, с. 58–66].

Принятые в отношении России санкционные меры несколько притормозили эти проекты, но необходимость их реализации сомнений не вызывает.

Освоение и обжитие Арктического региона актуализирует необходимость решения большого числа чрезвычайно сложных экономических, социальных, политических, инженерных и других проблем, требуют серьезного научного сопровождения. Необходимы междисциплинарные фундаментальные и прикладные исследования арктических проблем. Значимое место среди них должны занять и социологические исследования, позволяющие, с одной стороны, выявить и оценить все взаимосвязи и последствия уже обозначившихся и еще латентных проблем, с другой – возможные альтернативные пути и технологии их решения, их системную оценку при разных сценариях развития региона.

Хозяйственное освоение Арктического региона для принятия современных эффективных управленческих решений требует и владения знаниями о реальной социальной ситуации на территории, где предполагаются или уже ведутся работы. К сожалению, статистика не всегда может предоставить своевременную достоверную информацию по значительной части необходимых параметров. Требуется их замеры с использованием социологического инструментария. При этом необходимо учитывать и то, что нефтегазовые компании в значительно большей степени, чем государство, определяющие стратегию развития Арктического региона, не только не ориентированы в социально-гуманистическом векторе развития этой территории, но и весьма ограниченно проявляют здесь свою социальную ответственность. Кроме того, на Севере выявлена особая в сравнении с другими регионами неразвитость и слабое влияние институтов гражданского общества [23].

Вместе с тем в последние годы заметно возрос интерес к Арктике со стороны высших эшелонов российской власти. Принята «Стратегия развития Арктической зоны Российской Федерации и национальной безопасности на период до 2020 года», создана Государственная комиссия по развитию Арктики. При этом главной целью государственной политики России в сфере научного обеспечения освоения Арктики сегодня признано обоснование современных основ управления арктическими территориями, включая решение задач обороны и безопасности, надежного функционирования систем жизнеобеспечения и производственной деятельности в условиях циркумпольного региона [25]. Для успешного решения последней задачи Российской академией наук начата разработка комплексной программы соци-

ально-экономического развития региона, учитывающей особенности отдельных территорий, поселений, промышленных объектов и коммуникаций для улучшения качества жизни живущих здесь людей.

Предполагается, что Арктика в перспективе должна превратиться в стратегический инновационный плацдарм, где будут разрабатываться и транслироваться в другие регионы новые эффективные технологии, в т.ч. социальные [14].

2. Методология и методы

Исследование трансформации российского общества в региональном плане предполагает дискурс социально-пространственного и социально-территориального аспектов, поскольку любой выделяемый по определенным признакам регион выступает не только как социально-территориальное, привязанное к географическому пространству, но и как социально-пространственное образование [26].

В духе методологии П. Бурдьё, социально-пространственная идентификация может быть определена как выявление, измерение и моделирование позиций и диспозиций индивидов и социальных групп, выступающих в качестве акторов (агентов) – носителей практик тех или иных видов деятельности, осуществляемых на различных социальных полях, как структурированных пространствах позиций [5].

В этом определении выделяются: объектная сторона – поля, где социальное пространство структурируется в институциональном порядке областей экономики, политики и т. п., образуются соответствующие социально-экономические, социально-политические и другие отношения акторов (агентов), строятся их действия; субъектная – реальные позиции, занимаемые акторами на данном поле;

субъективная — представления акторов о своих позициях, в том числе об отношении к ним с возможной привязкой по месту и времени.

Выявляемые социально-пространственные идентичности (которые можно концентрированно представить в качестве контурных социальных моделей) дают некий образ — аналог индивидуального или группового актора-агента в его гражданской принадлежности (государство), институциональном маркере (власть, бизнес, гражданское общество, возраст, гендер, этничность, конфессиональность и т. п.), действующего в определенном векторе — азимуте (Север, Юг, Восток, Запад с промежуточными медианами), имеющего свое отрефлексированное положение в данном поле (Центр (Ядро) — периферия (полупериферия), цивилизационно-ценностные ориентации и проекции взаимоотношений с другими акторами.

Для социально-пространственной идентичности актора также важна рефлексия по позициям: «город — село» (внутри «большой — малый город»); «столица — провинция» (близкая к идентификации «центр — периферия», но не совпадающая с ней) и некоторые другие, переходящие в социально-территориальную идентификацию в региональном плане.

В отличие от социально-пространственной, социально-территориальная идентификация предполагает выявление и моделирование позиций и диспозиций индивидов и социальных групп как носителей различных практик жизнедеятельности в качестве жителей (групп жителей) конкретного территориального образования, населенного пункта и (или) его части, их социально-территориальные общности (сообщества), а также органы власти, бизнес-структуры, институты граждан-

ского общества, представленные в данных территориальных образованиях, позиции и диспозиции которых складываются по поводу использования территории, ее природного, социально-экономического и социального, в том числе человеческого потенциалов.

При этом, в отличие от социально-пространственной идентичности, где достаточно много условностей по поводу позиций и диспозиций (как верифицируются и маркируются институты, векторы-азимуты, место актора, ценностные ориентации и т.д.), в социально-территориальной идентичности однозначно определяется принадлежность к общности жителей конкретного поселения (города, села, поселка, при необходимости поселенческо-расселенческого образования (района, агломерации и т.п.), региона (области, края и т.п.) и оценки удовлетворенности своей жизнью на этой территории, то есть происходит территориальная локализация социально-пространственной идентичности по месту (по топосу). При этом идентификационная характеристика акторов территориальных социальных полей также может содержать необходимые гендерные, поколенческо-возрастные, профессионально-отраслевые, этнические, конфессиональные и другие признаки, используемые при определении социально-пространственной идентичности.

В отличие от многозначного понимания термина «регион» в зарубежной (европейской) литературе, где он больше означает собирательный образ управляемой территории (от латинского *regere* — управлять) как некоего гомогенного пространства, имеющего физико-географическую, культурную и языковую близость, а также общность хозяйственных структур и исторической судьбы («Европейская

хартия регионализма»), – в российской науке и политико-управленческой практике сложилась достаточно однозначная трактовка этого понятия, привязанного к субъекту Российской Федерации. В этой привязке регион имеет конституционный статус с определенными предметами ведения (в том числе – совместного ведения с Российской Федерацией в целом (статья 72 Конституции РФ) и исключительными на своей территории), административные границы, состав населенных пунктов, законодательные и исполнительные органы власти. В основаниях региона: географическое положение, учет специфики исторических, экономических, национально-этнических (особенно в отношении республик и автономных округов), социокультурных и других факторов. Таким образом, регион представляет собой достаточно обособленную составную часть социального пространства России, в которой на очерченной в государственно-правовом порядке территории, в условиях имеющих природно-климатических, социально-экономических, социокультурных и других особенностей, действуют и взаимодействуют институциональные акторы практически всех основных социальных полей и масштабов (от глобальных, международных до местнолокальных).

Этот узел взаимодействия служит своеобразным трансформатором социально-пространственного регулирования на определенной территории всех цепей социальных процессов от глобальных и общенационально-государственных до местных (поселенческих) с более или менее выраженной обратной связью. Поэтому социологическое изучение этого узла должно учитывать как то особенное, что имеет тот или иной регион в особенностях своей социальной конфигурации

(конкретные условия, факторы, механизмы организации жизнедеятельности данного территориального сообщества, институциональных акторов социальных полей территории), то есть социально-пространственную дифференциацию по территориальному основанию (признаку), так и включенность данного регионального узла в общесоциетальные связи (общегосударственную организацию), то есть социально-пространственную интеграцию, главным вектором которой является консолидация региональных и местных сообществ, институциональных акторов территориальных полей в общем пространстве России [26].

Властные структуры и различные фонды, являющиеся заказчиками научных исследований, получают многочисленные предложения, основанные на интересе заявителей. Но как оценить значимость того или иного исследовательского проекта для достижения цели эффективного социально-экономического освоения Арктического региона?

Очевидно, необходимо вначале выявить совокупность проблем, с которыми практически сталкиваются участники освоения, оценить их с системных позиций, выявить взаимосвязи, альтернативные пути решения и их возможные последствия. Имея некий контур проблем, можно проводить и детальные междисциплинарные исследования его элементов.

Для проведения этой работы нами был реализован традиционный социологический инструментарий: массовые опросы северян, глубинные интервью экспертов, контент-анализ СМИ, включая социальные сети, проведение фокус-групп и др. [8].

Опросы и другие исследования проводились студентами и преподавателями Тюменского государственного нефтегазо-

вого университета (ныне Тюменский индустриальный университет), сотрудниками Западносибирского филиала Института социологии РАН, финансировались дочерней компанией Газпрома «Газпром добыча Ямбург», грантами Губернатора Тюменской области и Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ). Привлекались также материалы других ведущих социологических центров.

Методический инструментарий разрабатывался авторами и при небольших корректировках в основном сохранялся, что позволяло анализировать динамику проходивших изменений.

Формирование выборки для массового опроса основывалось на территориальных и социальных критериях отбора единиц наблюдения и состояло из двух этапов. Вначале осуществлялся отбор населенных пунктов, исходя из их статуса в освоенческом процессе и типа населения. Далее происходил отбор респондентов в соответствии с социальной структурой данного поселения. При этом критериями отбора были как традиционные пол и возраст, так и значимые для нашего исследования этническая принадлежность, северный стаж, стаж работы в вахтовом режиме.

Анализ результатов опроса фиксировался по четырем основным социальным группам северян: старожилы; из них отдельно представители коренных малочисленных народов, новоселы (прожившие на Севере менее 5 лет); вахтовики.

Опрос проходил также на рабочих местах — буровых установках, в учебных комбинатах, пунктах сбора вахтового персонала и на вертолетных площадках, а также в национальных поселках. В последнем случае для проведения опроса привлекались представители интеллигенции малочисленных северных этносов.

Сбор информации, как правило, основывался на самозаполнении анкет респондентами. Специфика Севера, связанная с мобильностью производства, неопределенностью ситуации из-за природно-климатических условий и т.д., затрудняла предварительное планирование и отбор респондентов. Поэтому обеспечение репрезентативности выборки требовало ее обязательных «ремонтов».

3. Результаты: три основных контура

В результате обобщения данных исследований выделяются три основных контура социальной трансформации в вышеуказанном дискурсе:

- специфики качества жизни и человеческого потенциала циркумполярного региона;
- особенностей социально-этнической структуры и межнациональных отношений;
- отличительных черт миграционных процессов и «приживаемости» населения.

Контур 1. Специфика качества жизни и человеческого потенциала циркумполярного региона.

Судя по индексу человеческого развития, ежегодно рассчитываемому по Программе развития ООН, Ямало-Ненецкий автономный округ, в течение последних двух десятилетий устойчиво занимающий одно из первых мест в Российской Федерации, достаточно благополучен [11].

Здесь наиболее высокие в стране показатели уровня ВВП и душевых доходов. Правда, при этом растет и имущественная дифференциация и неравномерность распределения этих доходов. Уровень социально-экономического неравенства в Арктическом регионе существенно выше, чем в среднем по стране. При этом стабильно более 10% населения имеют доход ниже прожиточного минимума. Это люди, которые не в состоянии удовлетворить

даже базовые потребности, абсолютно бедные. Однако имеются измерения и относительной бедности: невозможности поддерживать принятый в территориальном сообществе стандарт жизни, удовлетворять типичные для окружающих потребности. Нами этот показатель определялся как доля населения со среднедушевыми денежными доходами ниже 60% медианного дохода [4]. Для Ямало-Ненецкого округа он составлял в 2014 году 25,8, т.е. каждый четвертый житель этого богатого региона беден.

Судя по результатам проведенных нами массовых опросов, эта проблема представляется северянам наиболее значимой. При том, что, по данным госстатистики уровень жизни в Ямало-Ненецком округе значительно выше, чем в других регионах России, их жителей, как оказалось, волнуют те же проблемы, что и остальных россиян: бедность, безработица, низкое качество медицинского обслуживания и т.д. (табл. 1). Как и везде в России, люди озабочены ростом цен, тарифов и других расходов при снижении доходной части их бюджетов. При этом есть и особенность Арктического региона, отличающая в этом отношении его от других: северяне зарабатывают деньги здесь, а тратят в основном на других территориях: в местах отдыха, на родине, в городах, где учатся их дети.

При массовом опросе жителей Ямало-Ненецкого автономного округа, проведенного нами в 2015 году, была выявлена самооценка уровня жизни северян. При этом 16,3% респондентов ответили, что «на повседневные затраты им хватает, но покупка новой одежды уже затруднительна», 12,1% – «на повседневные расходы уходит, практически вся зарплата», 7% – «денег не хватает на повседневные расходы».

Вторая по значимости для респондентов проблема – безработица и вероятность потери имеющейся работы.

Показатели как зарегистрированной, так и фактической безработицы в северных поселениях незначительно отличаются от среднероссийских; в структуре безработных молодые люди в возрасте 18–29 лет составляют 34–37%, женщины – 72–75%, лица предпенсионного возраста – 10–12%. При этом следует учитывать, что официальная статистика недостаточно адекватно отражает реальную ситуацию в занятости северян. Особенно это касается автохтонного населения. Наши исследования выявили, что если, по данным статистики, среди аборигенов безработица около составляет 6%, то фактически она превышает 60%. Дело в том, что большинство из них просто не может встать на учет, т.к. не имеет необходимых для этого документов. офор-

Таблица 1. Наиболее значимые для населения Ямала социальные проблемы, % от числа опрошенных (можно было указать до трёх проблем)

Проблема	Годы проведения опроса		
	2005	2010	2015
Бедность, рост расходов	55	53	56
Безработица, возможность потери работы	53	49	50
Низкое качество медобслуживания	33	34	43
Отсутствие жилья, возможности улучшить жилищные условия, рост платы за жилье	41	42	41
Незащищенность от криминала, наркомания, коррупция	29	30	28
Ухудшение экологической ситуации	18	19	12

мить их можно лишь в окружном центре (Салехарде), но такая поездка людям не по карману.

В то же время значительная часть представителей коренных северных этносов, числящихся занятыми, фактически получают мизерную зарплату, т.к. одна ставка «чум-работницы» делится на несколько человек.

Третье место в списке наиболее социально значимых для ямальцев проблем занимает состояние их здоровья и неудовлетворенность медицинским обслуживанием.

Важность этой проблемы подтверждается как данными медицинской статистики, так и результатами проведенных нами массовых опросов северян. Так, причинами смертности в трудоспособном возрасте населения Ямало-Ненецкого автономного округа являются болезни органов системы кровообращения (21,2 случая на 10 тысяч человек), несчастные случаи, отравления и травмы (12,8 случая на 10 тысяч человек). Отравления некачественным алкоголем, передозировка наркотиков, суицид и убийства составляют почти половину причин смертности. При этом самооценка здоровья достаточно высока, особенно у мужчин (табл. 2).

Судя по последним данным, причинами ухудшения здоровья приехавших на Север людей являются географические и природно-климатические, социально-

психологические, экологические, в связи с антропогенной деятельностью, и другие факторы, а также их взаимодействие.

Так, при сочетании возмущений геомагнитного поля с гравитационными аномалиями резко возрастает число обострений сердечно-сосудистых заболеваний, главным образом гипертонических кризов, инфарктов миокарда, ошибок операторов [11].

Северные природные условия, влияющие на здоровье людей, приехавших сюда из других регионов, достаточно многообразны и еще окончательно не изучены. Это не только низкие температуры, но и отсутствие нормального светового дня, приводящее к сезонным депрессиям и бессоннице, высокая скорость ветра, перепады атмосферного давления, особенности воды и питания и др.

Причем при вахтовой организации труда все эти множественные воздействия на человеческий организм носят не постоянный, а дробный характер. Регулярные маятниковые перемещения с преодолением нескольких часовых поясов, смена климатических и социальных условий не позволяют установиться стабильным отношением человека с внешней средой, поэтому мобильная жизнь вахтовика в режиме «живу на юге, работаю на севере» сопровождается хроническим напряжением регуляторно-адаптационных систем организма.

Таблица 2. Самооценка здоровья жителями Ямала, % опрошенных

Проблема	Год проведения опроса		
	2005	2010	2015
Чувствую себя хорошо	38	40	38
Иногда болею	39	38	38
Часто болею	9	10	8
Хронически больной	8	8	10
Инвалид	2	3	1
Не знаю	4	1	5
Итого	100	100	100

При опросах северян мы выяснили и уровень их удовлетворенности медицинским обслуживанием в целом и по отдельным элементам. Эти показатели оказались хуже общероссийских, выявленных социологическими центрами Российской академии наук [29].

В *таблице 3* приведены ответы на вопрос нашей анкеты: «Что Вас не устраивает в системе медицинского обслуживания в Вашем поселении?» в динамике. При этом очевидных тенденций изменения ситуации по годам не выявлено.

При достаточно низком уровне удовлетворенности людей существующей системой здравоохранения идет сокращение государственных расходов на нее и уменьшение численности лечебных организаций. Так, за последние 15 лет их число на территории Ямало-Ненецкого автономного округа уменьшилось вдвое (48 больничных и 78 амбулаторно-поликлинических организаций в 2000 г. и, соответственно, 23 и 36 в 2015 г.).

Жилищная проблема, следующая далее в оценках северян, конечно, связана и с предыдущей, здоровьем людей, и представляется многим опрошенным нами ямальцам наиболее приоритетной из всех социальных проблем. Наиболее важной ее сочли жители таких городов, как Салехард, Лабытнанги и Муравленко, Губкинского, Пуровского и Тазовского районов, многие годы живущие в балках.

Эта проблема оказалась также тесно связанной с проблемой коррупции: все большее число респондентов отмечает, что для получения жилья или оформления на него юридического права, услуг по ремонту и эксплуатации жилья приходится давать взятки.

Поскольку каждый четвертый, занятый в экономике и социальной сфере, является вахтовиком, а в перспективе эта доля может еще более увеличиться, одним из направлений решения жилищной проблемы становится создание новых механизмов взаимодействия региональных и муниципальных структур власти территорий проживания (южные и центральные регионы России) и мест трудовой деятельности (циркумпольные территории). Отдельной проблемой является создание достаточных условий жизни в вахтовых поселках, дислоцированных вблизи месторождений. Специфика их в том, что, наряду с ограничением количества основных объектов социальной инфраструктуры, некоторые функции жизнеобеспечения должны быть в них расширены, например, в сфере питания и бытового обслуживания, обычно выполняемые семьей.

Следующей проблемой, волнующей северян, является незащищенность от криминала и коррупции. При этом, судя по данным статистики, криминогенная ситуация в регионе постоянно ухудшалась

Таблица 3. Недостатки системы здравоохранения в поселениях Ямало-Ненецкого автономного округа, % опрошенных (допускалось несколько причин неудовлетворенности)

Проблема	Год проведения опроса		
	2005	2010	2015
Большие очереди на прием к врачу	57	50	68
Не вижу эффекта от предложенного лечения	27	26	24
Выписанные лекарства отсутствуют в аптеке или очень дорогие	25	24	33
Скорая помощь приезжает слишком поздно	6	7	9
Меня удовлетворяет медицинское обслуживание	27	23	23
Не знаю	10	12	8

все последние годы и особенно обострилась в связи с экономическим кризисом. Наибольший прирост уровня преступности в Ямало-Ненецком автономном округе произошел в сфере незаконного оборота наркотиков и коррупции. При опросе 24% северян ответили, что хорошо знают места продажи, 11% – людей, распространяющих наркотики. 19% опрошенных сообщили, что неоднократно сталкивались с фактами вымогательства взяток.

Как показали наши исследования, социальные проблемы, волнующие северян, тесно взаимосвязаны, управленческие решения, направленные на решение одних из них, оказывают значимое влияние на другие [35]. Это касается и последней в перечне социальных проблем, особо выделенных респондентами, – ухудшения экологической ситуации на арктических территориях.

Известно, что в циркумполярном регионе, являющемся самой хрупкой экосистемой планеты, нужны специальные методы сохранения природной среды, отличные от применяемых на юге и в средней полосе. При этом необходимо учитывать и все взаимодействия нефтегазового кластера с окружающей средой, изменение гидросферы в результате загрязнения поверхностных и подземных вод нефтепродуктами и производственными стоками, изменения литосферы, связанные с загрязнением почвы, вытаяванием подземных льдов и проседанием рельефа, атмосферы – в связи с выбросами токсичных веществ, продуктов сгорания газа и конденсата в факелах и др. [18].

При этом экологическая ситуация, помимо влияния на здоровье живущих здесь людей и качество их жизнедеятельности, во многом определяет и условия традиционного хозяйствования абориген-

ного населения [28]. Проведенные нами опросы свидетельствуют, что более трети респондентов считают основной причиной напряженности между северными этносами и пришлым населением хищническое отношение приезжих к природе Севера. При этом особое значение для аборигенов приобретают захват и загрязнение земель, на которых осуществляется оленеводство, а также вынужденный вывод из рыболовства многочисленных северных водоемов и речек, загрязненных нефтепродуктами и химическими реагентами.

Контур 2. Особенности социально-этнической структуры и межнациональных отношений в циркумполярном регионе.

Новый этап «мобилизационного явления» особенно актуализирует вопросы межнациональных (межэтнических) отношений в циркумполярном региональном социуме. Исследования, проведенные в 2015 г. по проекту Российского научного фонда № 15-18-00093 «Прогнозное моделирование межэтнических отношений (на основе анализа идентификационных стратегий диаспорных и земляческих групп)», показывают общие тенденции взаимной аккультурации основных этнических групп, старожильческого населения при некоторых конфликтных ситуациях с «новожилами» [22].

Ямал является многонациональным регионом с преобладанием русского населения. По данным переписи 2010 года, около 9% относились к коренным народам Севера (самые многочисленные из них – это ненцы и ханты). 61,7% указали национальность «русский», 9,7% – «украинец», 1,3% – «белорус». В общей сложности славянские группы составляют 71,4% населения. Еще 8% относят себя к народам Поволжья (татары, башкиры, чувашаи), до 6% – к народам Северного Кавказа и

Закавказья (самые многочисленные из них – это азербайджанцы, кумыки, ногайцы и чеченцы), 1% – к народам Средней Азии. В сравнении с данными переписей 1989 и 2002 гг. наблюдается сокращение доли славянской группы с 79 до 74% в 2002 году и до 71,4% в 2010-м (в основном за счет сокращения числа указавших национальную принадлежность к «украинцам» и «белорусам»). Доли народов Поволжья остаются прежними. На 2% выросла доля коренных народов Севера. Полных данных о численности проживающих на территории Ямала представителей народов Средней Азии и Кавказа, отраженных в предыдущих переписях, в распоряжении исследователей нет, однако доли самых многочисленных представителей этой группы увеличились в 1,5–2 раза [22]. Большинство людей являются жителями Ямала в первом поколении. Во время переписи 2010 года только 28% опрошенных проживали на территории автономного округа с рождения. Важно учитывать, что освоение газонефтедобывающих территорий Ямала изначально было интернациональным. Очевидно, таким оно представляется и в перспективном плане. Хотя, как уже было отмечено, в этом процессе вопросы взаимодействия собственно коренного населения, которым являются группы народов Севера, расселенное преимущественно в сельской местности или на межселенной территории (кочевое население), и представителей других национально-этнических групп являются предметом для отдельного анализа.

Столь же серьезного внимания заслуживают этнические группы инотерриториального происхождения, которые образуют на Ямале своеобразные диаспорно-земляческие сообщества. К ним можно отнести группы, «материнской» территорией исхода которых являются

другие регионы России (этнические землячества северокавказских и поволжских групп) или зарубежные страны (диаспорные группы из Украины, Беларуси, Закавказья, Средней (Центральной) Азии и т.п.). Конечно, это достаточно условная маркировка, к тому же необходимо учитывать, что первые переселенцы из этих ныне зарубежных стран приехали на Ямал еще в условиях единого советского государственного пространства. Но в настоящее время такая дифференциация является оправданной, во всяком случае, по государственным основаниям.

Социогеоинформационное моделирование, примененное в вышеуказанном проекте РНФ (выполненное ЗАО «Интелгеотех» под руководством С.В. Иванова), дает наглядное представление о структуре общностей диаспорно-земляческого типа в разрезе муниципальных образований Ямала [22].

Представленные на *рис. 1* круговые диаграммы иллюстрируют общую картину по диаспорным и земляческим группам в каждом муниципальном образовании. При этом размер сектора круговой диаграммы для той или иной группы показывает, какую долю она занимает в общей численности всех выделенных по вышеуказанным основаниям 10 групп.

В этом контуре весьма важным представляется анализ соотношения имеющих работу и не имеющих ее из этих сообществ (*рис. 2*).

Круговые диаграммы иллюстрируют общую картину работающих представителей диаспорных и земляческих групп для каждого муниципального образования. Размер сектора диаграммы соответствует доле работающих представителей конкретной диаспорной или земляческой группы в общей численности работающих по всем десяти группам.

Рисунок 1. Распределение этнических групп диаспорно-земляческого характера на территории Ямала (по данным Всероссийской переписи населения 2010 г.)

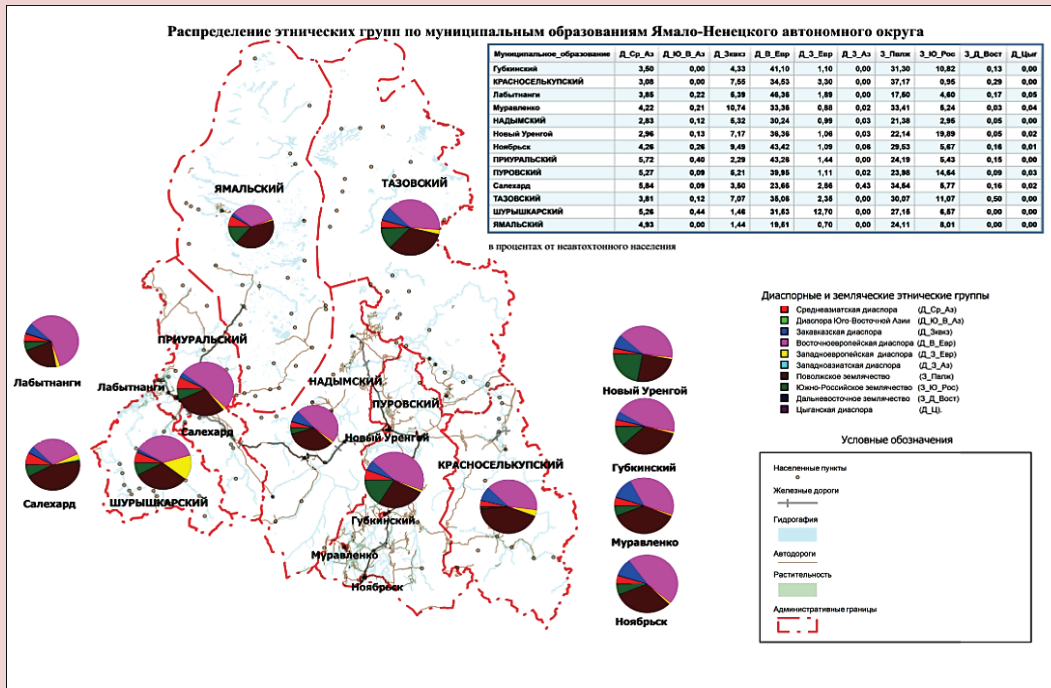
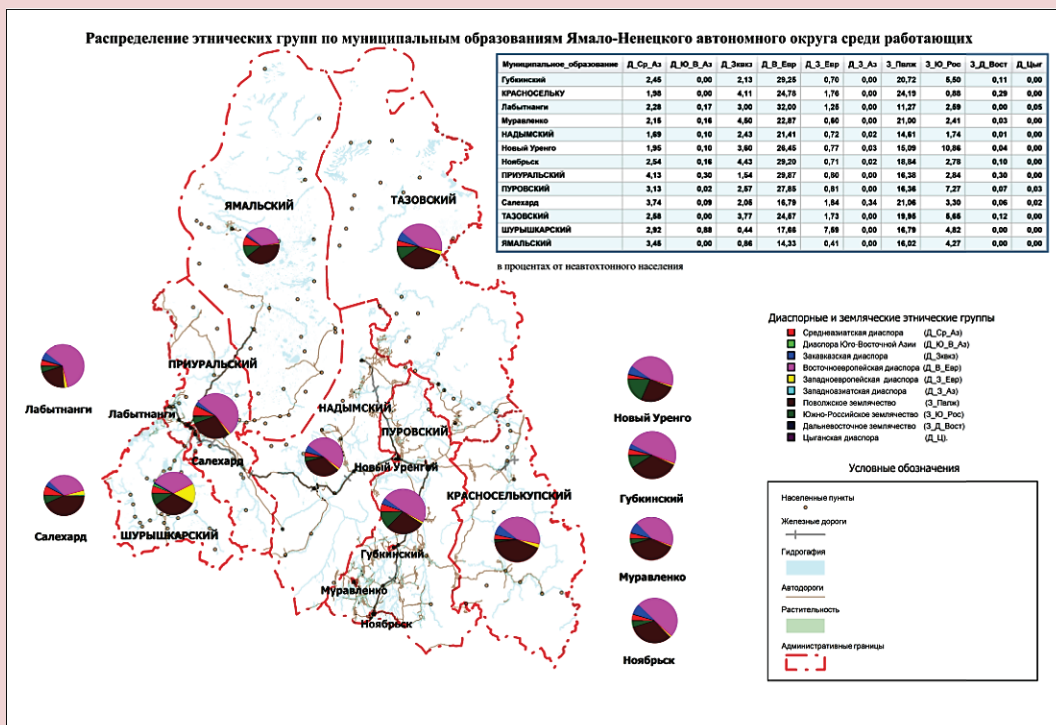


Рисунок 2. Распределение этнических групп по признаку «имеющие работу» в муниципальных образованиях Ямало-Ненецкого АО (по данным Всероссийской переписи населения 2010 г.)



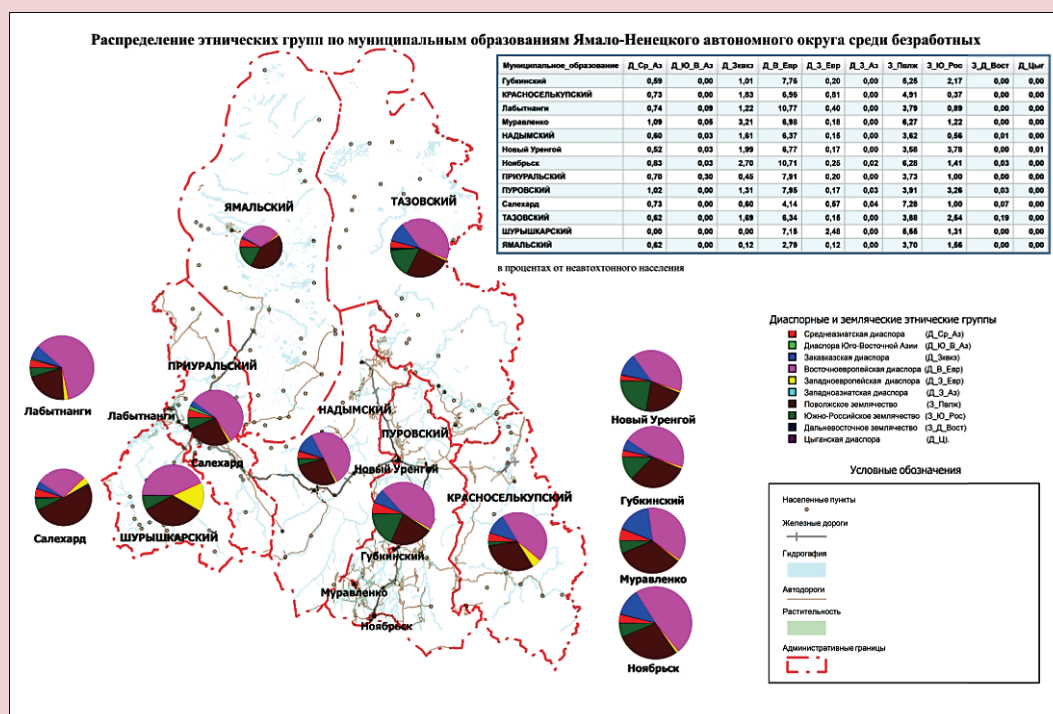
Соответственно диаграммы на рис. 3 иллюстрируют общую картину по неработающим представителям диаспорных и земляческих групп для каждого муниципального образования. Размер сектора диаграммы соответствует доле неработающих представителей конкретной диаспорной этнической группы в общей численности неработающих всех десяти групп.

Визуальное изучение этой карты и её сопоставление с рис. 1 и 2 показало практически полное совпадение конфигураций круговых диаграмм на всех картах, что говорит о сохранении долевых соотношений как среди работающих, так и среди неработающих представителей диаспор и землячеств в муниципальных образованиях ЯНАО. Анализ этих соотношений, которые можно пролонгиро-

вать и к настоящему времени, показывает необходимость выявления особенностей как работающих, так и особенно неработающих представителей диаспорно-земляческих групп с позиций человеческого потенциала, а также бюджетной нагрузки региона.

Что касается межэтнических отношений, связанных с диаспорно-земляческими группами, то, наряду с общими позитивными оценками, эти отношения проблематизируются по отдельным негативным моментам. Так, анализ мнений участников 18 фокус-групп, проведенных в 2013 г. в городах Губкинский и Муравленко с представителями этноконфессиональных групп по проблемам межнационального и межконфессионального взаимодействия под эгидой Департамента

Рисунок 3. Распределение этнических групп по признаку «не имеющие работу» в муниципальных образованиях Ямало-Ненецкого АО (по данным Всероссийской переписи населения 2010 г.)



внутренней политики ЯНАО, дал возможность выявить основное содержание высказанного недовольства:

1) по нарушению баланса, изменению привычной среды (часто встречается слово «засилье», говорится о численном перевесе, изменении привычной городской среды, распространении иной культуры, несбалансированности в отношениях (пока «они» навязывают, «мы» не сопротивляемся));

2) соприкосновению слишком различных культур, традиционной и модернизированной, что приводит к непониманию и конфликтности;

3) вызывающему поведению, отсутствию уважения, надменности, агрессии, формированию группировок более сплоченной северокавказской молодежи, притеснению местных молодых людей;

4) посягательству на блага, принадлежащие местному населению (рабочие места, жилье, социальная инфраструктура – детские сады, поликлиники), отсутствию значимого вклада в экономику города, навыков и желания работать, низкой оценке деловых качеств [22].

В основном проблема в глазах жителей состоит в дискомфорте повседневного общения, ощущении «захвата» публичного пространства и потере предсказуемости. Высказывания на эту тему концентрируются на молодых мужчинах, выходцах с Кавказа последних миграционных волн. Их манера поведения в публичных местах доставляет дискомфорт, происходит своеобразное нарушение общественного консенсуса, в местах отдыха молодежи создается атмосфера конкуренции и конфликта. Попытки себя позиционировать в публичном пространстве (например, исполнение лезгинки на площади, громкие празднования с автопробегам и т.п.) создают впечатление вызова. Заметность

этой категории накладывает отпечаток на восприятие всей национальной группы.

Из материалов вышеуказанных фокус-групп с представителями народов Северного Кавказа можно сделать заключение, что молодежь последних волн миграции социализирована в иных условиях, является носителем иного социального опыта и поведенческих моделей, нежели старшее поколение, прожившее, к тому же, многие годы в регионе с преимущественно русским населением. Старшее поколение и интегрированные в местный социум представители общин также дистанцируются от мигрантов последних волн, указывают на них как на проблему их этнических сообществ и на отсутствие рычагов контроля за их поведением, подчеркивают, что их поступки не имеют ничего общего с традиционной культурой [22].

Контур 3. Миграционные процессы и «приживаемость» населения в циркумполярном регионе.

Территория Ямала, как достаточно благополучного в социально-экономическом отношении региона, обладающего весьма развитой социальной инфраструктурой, является, несмотря на субарктический и арктический климат, достаточно привлекательной для мигрантов (в 2012–2014 гг. на Ямал ежегодно приезжало свыше 44 тысяч мигрантов, выезжало 45–52 тысячи [9], то есть менялось порядка 8–10% численности населения автономного округа).

Миграция населения, включая внутрирегиональную (в пределах Тюменской области), в 2010–2014 гг. в расчете на 1000 человек населения на Ямале в 1,5–2 раза выше, чем в Ханты-Мансийском автономном округе–Югре или в южных районах Тюменской области. Однако интенсивный миграционный приток сопровождается столь же и даже более

интенсивной миграционной убылью, в результате сальдо миграционного обмена в эти годы в целом отрицательное, хотя и небольшое по абсолютной величине (порядка 5–8 тысяч человек). При этом наблюдается положительное и достаточно значительное сальдо обмена населением с государствами – членами СНГ, прежде всего с Украиной и Узбекистаном. Что касается миграционного обмена Ямала с российскими регионами, то более активным он является с другими регионами Западной Сибири и Урала (с южными районами Тюменской области), Республикой Башкортостан, Свердловской и Омской областями, а также – Северного Кавказа (Республика Дагестан, Чеченская и Кабардино-Балкарская республики).

В исследованиях ямальских социологов выявлены основные обстоятельства, вызывающие необходимость смены места

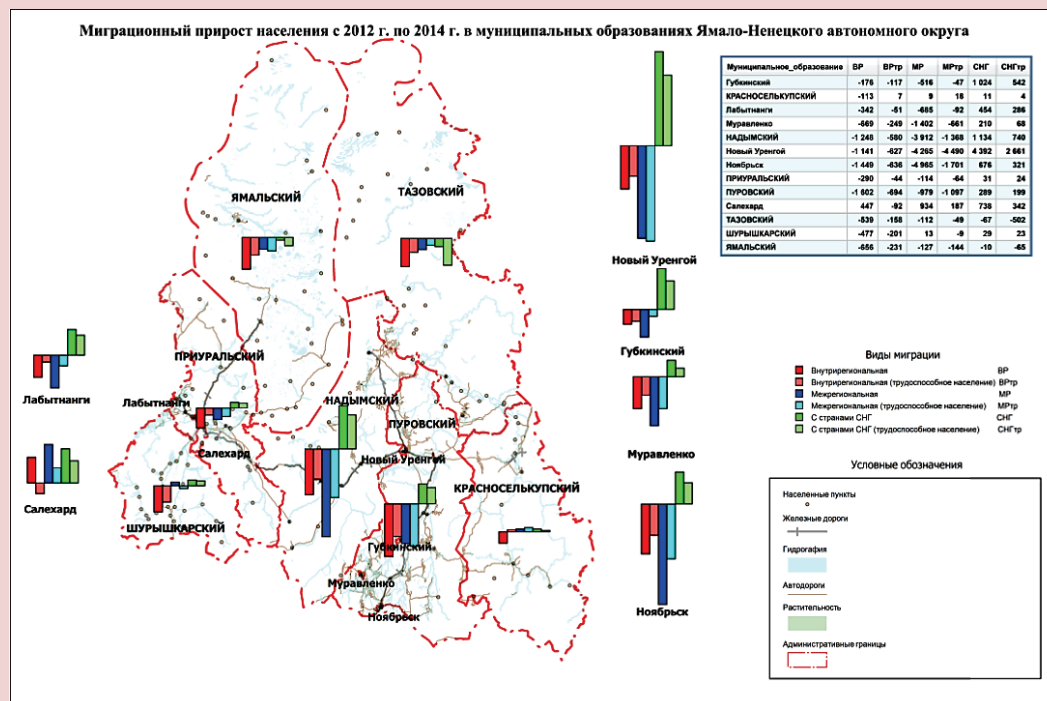
жительства. По их данным, большинство прибывших в округ рассчитывали на получение работы (от 43 до 68% в отдельные годы рассматриваемого периода), к тому же акцентированы личные, семейные обстоятельства (от 22 до 42%).

Весьма интересным является то, что и выезжавшие указывали на эти же причины (от 10 до 46% – на получение работы, от 32 до 56% – на личные, семейные обстоятельства). На экологическое неблагополучие как на причину выезда указывали всего 0,1–0,2% выезжающих, на несоответствие природно-климатическим условиям – 0,5–1,2% [22].

Таким образом, миграционные потоки являются заметным фактором социально-пространственной трансформации территории Ямала.

В диаграммах социогеоинформационной карты (рис. 4) выведены значения

Рисунок 4. Миграционный прирост населения в 2012–2014 гг. в муниципальных образованиях Ямало-Ненецкого АО (по данным миграционной статистики)



суммарного годового прироста всего населения в муниципальных образованиях с 2012 по 2014 г. из-за внутрирегиональной (красный цвет) и межрегиональной (синий цвет) миграции, а также миграции со странами СНГ (зелёный цвет). Светлым тоном выделен миграционный прирост населения трудоспособного возраста.

Из данных рисунка видно, что во всех муниципальных образованиях (за исключением Салехарда) отмечен больший или меньший отток населения в другие районы региона и другие субъекты РФ. В то же время повсеместно, за исключением северных районов Ямала, наблюдается рост числа мигрантов, преимущественно трудоспособного возраста, из стран СНГ. Наибольшие абсолютные значения миграционных показателей демонстрирует Новый Уренгой, наименьшие – Красноселькупский муниципальный район [22].

В ежегодном мониторинговом опросе, проводимом Центром изучения Арктики при поддержке Правительства ЯНАО (маршрутный опрос, районированная трехступенчатая выборка, квотированная по полу и возрасту, N=3140), в рейтинг наиболее острых, беспокоящих население округа проблем, связанных с доходами и расходами, жилищно-коммунальными услугами, рынком труда и городским хозяйством, также вошла проблема миграции в регион выходцев из других регионов. Она особенно акцентируется в городских муниципальных образованиях. Наиболее высокие строчки в рейтинге она занимает в Новом Уренгое – самом крупном и экономически благополучном городе ЯНАО. Чаще отмечается в молодежных возрастных группах [22].

Вместе с тем материалы другого исследования ямальских социологов, проведенного среди городского населения

округа, свидетельствуют о достаточно высокой закрепляемости горожан Ямала, их «приживаемости» на циркумполярной территории, несмотря на природно-климатические условия [15].

Суммируя приведенные данные, можно сделать вывод о том, что свою жизнедеятельность большинство городского населения Ямала связывает прежде всего с профессиональной деятельностью, которая дает возможность получения материальных благ и обеспечения своего будущего при переезде в другой, более благоприятный климатический регион. Напрашивается и другой вывод – о необходимости дальнейшего развития социальной инфраструктуры и обеспечения высокого качества жизни для длительного периода трудовой деятельности в условиях Крайнего Севера, что не только не исключает, но и предполагает оптимизацию условий для вахтовой формы труда и быта привлекаемых работников.

В этих контурах социальной трансформации важнейшее значение имеют также условия, уровень и качество жизни коренных малочисленных народов Ямала и их взаимоотношения с укоренившимися и новыми группами неоиндустриального освоения края.

4. Обсуждение

Полученная в результате наших и других исследователей [3; 15; 28; 30; и др.] эмпирическая информация и ее анализ требуют, на наш взгляд, значимого усиления внимания к научному сопровождению процесса освоения Арктического региона, условиям жизнедеятельности человека на Крайнем Севере. В первую очередь, необходимы фундаментальные междисциплинарные исследования качества жизни участников освоения и проживающих здесь северных этносов, здоровья и последствий для потомства приехавших

сюда на постоянное жительство и работающих в вахтовом режиме, безопасности жизни и сохранения хрупких биогеоценозов Севера.

Полагаем, что первоочередное внимание при этом должно быть уделено физиологическим, медико-биологическим и экологическим аспектам сохранения здоровья людей, приехавших в Арктику из других регионов. Этот исследовательский блок должен включать и обоснование наиболее приемлемых режимов труда и отдыха для вахтового персонала. При этом выбор оптимального для конкретных условий РТО требует одновременно изучения и учета не только медико-биологических, но и экономических, правовых, психологических и социальных факторов, что представляет достаточно сложную методологическую проблему и вызывает необходимость разработки соответствующего комплексного инструментария [2].

Другим, не менее важным предметом междисциплинарного научного изучения является социальная ситуация, связанная с жизнедеятельностью малочисленных северных этносов. Этой проблеме уделяется совершенно недостаточное в сопоставлении с ее важностью внимание. Пока известны лишь некоторые этнологические исследования [32].

Очевидна необходимость серьезных фундаментальных исследований качества жизни арктических аборигенов социологами, правоведами, экономистами, антропологами, биологами и др.

Научное сопровождение устойчивого развития арктических территорий требует своевременного выявления и декомпозиции возникающих проблем и возможных технологий их решения при разных сценариях изменения внешней среды. Считаем необходимым привлечь внимание к этим вопросам не только научного сообщества,

но и гражданского общества, властных структур северных стран и бизнеса, заинтересованного в освоении арктических регионов.

5. Заключение

Представленные результаты многолетних социологических исследований на территории Арктического нефтегазового региона России позволили выявить наиболее значимые для проживающих здесь людей социальные проблемы. По сути они те же, что и для населения других регионов: бедность, безработица, неудовлетворенность жильем и медобслуживанием, незащищенность от криминала и ухудшающейся экологической ситуации. Однако конкретное наполнение и возможности решения этих проблем на Крайнем Севере имеют значимые специфические особенности, которые необходимо учитывать при подготовке и принятии как стратегических, так и текущих управленческих решений.

Начавшееся новое масштабное освоение ресурсов Ямала, шельфа северных морей и других циркумполярных территорий, требуют серьезного научного сопровождения, проведения междисциплинарных и мультидисциплинарных исследований уже выявленных и еще латентных социальных проблем, опираясь на системную методологию. Авторы призывают усилить внимание к научному обеспечению подготовки и выявления социальных последствий решений, связанных с арктическим регионом, которые сегодня принимаются органами власти и менеджментом нефтегазовых компаний без достаточных исследований и обоснований.

6. Благодарности

Авторы выражают глубокую благодарность Российскому гуманитарному научному фонду (РГНФ) за финансовую поддержку проведенных для подготовки

данного материала социологических исследований (проект № 15-03-00367а), а также сотрудникам Научного центра изучения Арктики (г. Салехард) и Прави-

тельству ЯНАО за ценные консультации и замечания при обсуждении этого материала и помощь в получении необходимой эмпирической информации.

Литература

1. Агранат, Г.А. Жаркие проблемы Севера / Г.А. Агранат // Эко. – 2004. – №1. – С. 21-35.
2. Система менеджмента вахтового метода работы предприятия в условиях Крайнего Севера / О.П. Андреев и др. – М.: Недра-Бизнесцентр, 2009. – 175с.
3. Белоножко, М.Л. Специфика управления монопрофильными городами Тюменского Севера / М.Л. Белоножко, Н.И. Крысин // СОЦИС. – 2007. – №7. – С. 87-91.
4. Бобков, В.Н. Неравенство качества и уровня жизни населения регионов / В.Н. Бобков, А.А. Чулюгина // Экономика региона. – 2012. – №2. – С. 170-178.
5. Бурдые, П. Социология социального пространства / П. Бурдые; пер. с франц.; отв. ред. перевода Н.А. Шматко. – М.: Институт экспериментальной социологии; СПб.: Алетейя, 2007. – 288 с.
6. Веселин, Р.А. Инвестиционные проекты как новый этап освоения и развития Арктики / Р.А. Веселин, А.А. Левинова // Горные ведомости. – 2012. – № 8(99). – С. 58-66.
7. Волосникова, Е.А. Северный город: жизнедеятельность социальных общностей / Е.А. Волосникова. – Екатеринбург: Гуманитарный университет, 2010. – 244 с.
8. Горшков, М.К. Прикладная социология: методология и методы / М.К. Горшков, Ф.Э. Шереги. – М.: ИС РАН, 2012. – 404 с.
9. Демографический ежегодник (2011–2015): стат. сб. в 3-х частях. – Ч. 2. / Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Тюменской области. – Т., 2015. – 348 с.
10. Додин, Д.А. Устойчивое развитие Арктики (проблемы и перспективы) / Д.А. Додин. – СПб.: Наука, 2005. – 383 с.
11. Доклад о человеческом развитии в Российской Федерации за 2013 год / ООО «РА Ильф», 2013. – 202с.
12. Доршакова, Н.В. Особенности патологии жителей Севера / Н.В. Доршакова, Т.А. Карапетян // Экология человека. – 2004. – №6. – С. 48-52.
13. Дрегало, А.А. Социокультурные типы северного человека / А.А. Дрегало // Социология в системе научного управления обществом. – М.: ИС РАН, 2012. – С. 1453-1454.
14. Карпов, В.П. Новая индустриализация Тюменского Севера: возможности и риски / В.П. Карпов // Гуманитарные науки в Сибири. – 2015. – №1. – С. 83-88.
15. Кибенко, В.А. Теоретико-методологические аспекты исследования региональной идентичности населения Ямало-Ненецкого автономного округа / В.А. Кибенко // Научный вестник Ямало-Ненецкого автономного округа. – 2014. – №3(83). – С. 48-51.
16. Колесников, Р.А. Инновационное развитие и риски нефтегазодобычи в России / Р.А. Колесников // Научный вестник Ямало-Ненецкого автономного округа. – 2015. – №3(88). – С. 38-46.
17. Конев, Ю.М. Роль науки в разработке региональной политики сбалансированного развития Севера / Ю.М. Конев // Материалы II Международной конференции «Роль Приполярных университетов в развитии северных территорий». – Тюмень-Лэйкхед: Лэйкхедский университет, 1992. – С. 13-15.
18. Куперштох, Н.А. Проблемы природопользования и охраны окружающей среды в программе «Сибирь» / Н.А. Куперштох // Проблемы территориальной организации природы и общества. – Иркутск: СО РАН, 2012. – С. 200-204.
19. Курамин, В.П. Тюменский «Госплан Союза ССР» / В.П. Курамин. – М.: Союздизайн, 2011. – 416 с.
20. Лаженцев, В.Н. Геосистемный подход к проблемам социально-экономического развития регионов Севера России / В.Н. Лаженцев // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. – 2016. – № 1 (43). – С. 83.

21. Левашов, В.К. Устойчивое развитие общества: парадигмы, модели, стратегии / В.К. Левашов. – М.: Академия, 2001. – 350 с.
22. Макушева, М.О. Проблематизация отношений основного и инокультурного населения в Ямало-Ненецком автономном округе / М.О. Макушева, В.А. Юдашкин // Диаспоры и землячества: опыт регионального измерения: сб. стат. / колл. авт.; под ред. чл.-корр. РАН, проф. А.В. Дмитриева. – М.: РУСАЙНС, 2016. – 226. – С. 127-139.
23. Маркин, В.В. Региональная социология и управление: дорожная карта взаимодействия / В.В. Маркин // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. – 2014. – №5(35). – С. 135-142.
24. Пилясов, А.Н. Арктическое средиземноморье: предпосылки формирования нового макрорегиона / А.Н. Пилясов // ЭКО. – 2010. – №12. – С. 15-54.
25. Российский Север: модернизация и развитие. – М.: Центр стратегического партнерства, 2012. – 200 с.
26. Российское общество: трансформации в региональном дискурсе (итоги 20-летних измерений: монография / колл. авторов; под науч. аук. акад. РАН, д.ф.н. М.К. Горшкова, д.э.н, проф. В.А. Ильина. – Вологда: ИСЭРТ РАН, 2015. – С. 93-120.
27. Север и Арктика в пространственном развитии России. – М.; Апатиты; Сыктывкар: Изд-во КНЦ РАН, 2010. – 213 с.
28. Сморчкова, В.П. Развитие традиционного хозяйствования коренных малочисленных народов Севера в современных условиях / В.П. Сморчкова, А.В. Мажаров. – М.: Изд-во РАГС, 2007. – 136 с.
29. Тенденции и проблемы развития территорий: научные труды 2011–2015 гг. : в 6 т. / под науч. рук. д.э.н., проф. В.А. Ильина. – Вологда : ИСЭРТ РАН, 2015.
30. Ткачева, Н.А. Трансформация миграционных процессов на Тюменском Севере / Н.А. Ткачева. – Тюмень: Вектор Бук, 2010. – 140 с.
31. Фундаментальные проблемы пространственного развития Российской Федерации: междисциплинарный синтез. – М.: Медиа-Пресс, 2016. – 664 с.
32. Цымбалистенко, Н.В. Популярная этнология для государственных служащих, мигрантов и вахтовиков ЯНАО / Н.В. Цымбалистенко, В.Г. Паршуков. – СПб.: Литературный город, 2015. – 160 с.
33. Buscherm Urry J. Mobil Methods and the empirical // *European Journal of Social Thory* 12(1). – Pp. 99-116.
34. Saxinger, G., Ofner, E., Shakirova, E. Ich bin bereit – Die nachste Generation mobiler Fachkrafte in der russischen Erdgas – and Erdolindustrie // *Austrian Studies in Social Anthropology*, 2014, 2, pp. 1-24.
35. Silin, A.N. Long Distance Commuting in Oil and Gas Production Industry in the Northwestern Siberia: Sociological Analysis of Change // *Mediterranean Journal of Social Sciences*. – 2015. Vol. 6, No 3, s.5. – Pp.199-206.
36. Storey K. Fly-in/Fly-out: Implications for community sustainability. *Sustainability*, 2010, no. 12, pp. 1161–1181.
37. Weichhart P. Multilokalität – Konzepte, Theoriebezüge und Forschungsfragen. *Informationen zur Rauman Twicklung*, 2009, no. 1 (20), pp.1–14.
38. Tsibulsky V.R. On strategy of sustainable development of the North. *Materialy 11 Mezhdunarodnoi konferentsii "Okruzhayushchaya sreda i ekologiya Sibiri, Dal'nego Vostoka i Arktiki"* [], volume 2. Tomsk: SO RAN, 2003. P. 241.
39. Silin A.N. Russian North: change of Social Situation. *Middle-East Journal of Scientific Research*, 2013, no. 16 (2), pp. 150–155.
40. Belonozhko M.L., Silin A.N. Environmental Situation and Conditions for Traditional Lifestyles of Indigenous Communities in the West Siberian North. *Middle-East Journal of Scientific Research*, 2014, no. 21(6), pp. 905–911.
41. Novoselov O., Silin A.N. Regulation of social processes in the circumpolar region. *Arctic dialogue in the global world*, Ulan-Ude: Buryat State University Publishing Department, 2015, pp. 140–142.

42. Silin A.N., Tkacheva N.A. Formation of Human Resources in the process of circumpolar Region Development. *International Journal of Economic and Financial Issues*, 2015, no. 5, pp. 121–127.
43. Silin A.N. Sociological Aspects of Rational Employment in the Northern Territories of Western Siberia. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 2015, no. 4(40), pp. 109–123.
44. Silin A.N. Experience of sociological of shift-based method in the North of Tyumen region. *Contemporary issues in long-distance commute work in the extractive industries and other sectors*. Wien: University of Vienna, 2013, p. 65.

Сведения об авторах

Валерий Васильевич Маркин – доктор социологических наук, профессор, главный научный сотрудник, Институт социологии РАН (117218, Россия, г. Москва, ул. Кржижановского, 24/35, корп. 5, markin@isras.ru)

Анатолий Николаевич Силин – доктор социологических наук, профессор, Тюменский индустриальный университет, главный научный сотрудник Западно-Сибирского филиала Института социологии РАН (625000, Россия, г. Тюмень, ул. Володарского, 38, sm-2004@rambler.ru)

Markin V.V., Silin A.N.

Circumpolar Region amid Socio-Spatial Transformation of a Territory (Case Study of Yamal)

Abstract. The article examines the issues of socio-spatial transformation of the Northern territory associated with the development of one of the most important far-reaching oil and gas region of Russian arctic regions. The authors demonstrate the possible solutions to these issues based on interdisciplinary and sociological studies conducted by the authors and their colleagues, including mass surveys of the population of the Yamalo-Nenets Autonomous Okrug by representative sample in 2005, 2010 and 2015 and sociological diagnostics of their results in the context of different social groups of respondents (long-term residents, including representatives of native minorities, new settlers, shift personnel). These studies have helped reveal the social issues characteristic of the Arctic region and requirements to scientific support of possible their possible solutions. The authors provide the authorities with the information necessary for the preparation and adoption of effective managerial decisions in the theoretical, methodological and practical discourse; such information cannot be obtained otherwise, for example, using the statistics. This thesis is illustrated by the current situation of indigenous minorities of the North, other population groups, the development of Yamal social potential, qualified personnel retention and recruiting. Studying the Northern specificity of the quality of life of the Russian circumpolar oil- and gas-rich region, the living conditions and relations between various social groups of participants of future neo-industrial territory's development suggests a conclusion about the need to significantly strengthen the sociological and interdisciplinary scientific support for the proposed Arctic projects and introduce a new methodological approach to the selection of the most relevant research subjects.

Key words: The Arctic, territory development, circumpolar region, socio-spatial transformations, social issues, sociological studies, social groups, health of the northerners, shift method.

References

1. Agranat G.A. Zharkie problemy Severa [Hot issues of the North]. *EKO*, 2004, no. 1, pp. 21–35. (In Russian)
2. Andreev O.P. et al. *Sistema menedzhmenta vakhtovogo metoda raboty predpriyatiya v usloviyakh Krainego Severa* [System of management of the shift method of enterprise]. Moscow: Nedra-Biznestsentr, 2009. 175 p. (In Russian)
3. Belonozhko M.L., Krysin N.I. *Spetsifika upravleniya monopofil'nymi gorodami Tyumenskogo Severa* [Single-industry cities management specificity in the north of Tyumen]. *SOTsIS* [Sociological studies], 2007, no. 4, pp. 87–91. (In Russian)
4. Bobkov V.N., Chulyugina A.A. Neravenstvo kachestva i urovnya zhizni naseleniya regionov [The inequality of the quality and standards of life of the population of the regions]. *Ekonomika regiona* [Regional economics], 2012, no. 2, pp. 170–178. (In Russian)
5. Bourdieu P. *Sotsiologiya sotsial'nogo prostranstva* [Social space sociology]. Moscow: Institut eksperimental'noi sotsiologii; SPb.: Aleteiya, 2007. 288 p. (In Russian)
6. Veselin R.A., Levinova A.A. Investitsionnye proekty kak novyi etap osvoeniya i razvitiya Arktiki [Investment projects as a new stage of the development of the Arctic]. *Gornye vedomosti* [Mining journal], 2012, no. 8(99), pp. 58–66. (In Russian)
7. Volosnikova E.A. *Severnyi gorod: zhiznedeyatel'nost' sotsial'nykh obshchestv* [Northern city: activity of social communities]. Ekaterinburg: Gumanitarnyi universitet, 2010. 244 p. (In Russian)
8. Gorshkov M.K., Sheregi F.E. *Prikladnaya sotsiologiya: metodologiya i metody* [Applied sociology: methodology and techniques]. Moscow: IS RAN, 2012. 404 p. (In Russian)
9. *Demograficheskiy ezhegodnik (2011–2015): stat. sb. v 3-kh chastyakh. Ch. 2. Territorial'nyi organ Federal'noi sluzhby gosudarstvennoi statistiki po Tyumenskoi oblasti* [Yearbook on Demography (2011–2015): statistical compilation in 3 parts. Part 2. Territorial body of the Federal State Statistics Service in the Tumen Oblast], 2015. 348 p. (In Russian)
10. Dodin D.A. *Ustoichivoe razvitie Arktiki (problemy i perspektivy)* [Sustainable development of the Arctic (issues and prospects)]. Saint Petersburg: Nauka, 2005. 383 p. (In Russian)
11. Doklad o chelovecheskom razvitii v Rossiiskoi Federatsii za 2013 god [Report on human development in the Russian Federation for 2013]. *OOO "RA Ilf"* [RA Ilf LLC], 2013. 202 p. (In Russian)
12. Dorshakova N.V., Karapetyan T.A. Osobennosti patologii zhitelei Severa [Specific pathologies of the Northerners]. *Ekologiya cheloveka* [Human ecology], 2004, no. 6, pp. 48–52. (In Russian)
13. Dregalo A.A. Sotsiokul'turnye tipy severnogo cheloveka [Socio-cultural types on the Northern people]. *Sotsiologiya v sisteme nauchnogo upravleniya obshchestvom* [Sociology in the system of scientific governance of society]. Moscow: IS RAN, 2012. Pp. 1453–1454. (In Russian)
14. Karpov V.P. Novaya industrializatsiya Tyumenskogo Severa: vozmozhnosti i riski [Neo-industrialization of the north of Tumen: possibilities and risks]. *Gumanitarnye nauki v Sibiri* [Humanities in Russia], 2015, no. 1, pp. 83–88. (In Russian)
15. Kibenko V.A. Teoretiko-metodologicheskie aspekty issledovaniya regional'noi identichnosti naseleniya Yamalo-Nenetskogo avtonomnogo okruga [Theoretical and methodological aspects of the Yamalo-Nenets Autonomous Okrug population]. *Nauchnyi vestnik Yamalo-Nenetskogo avtonomnogo okruga* [Scientific bulleting of the Yamalo-Nenets Autonomous Okrug], 2014, no. 3(83), pp. 48–51. (In Russian)
16. Kolesnikov R.A. Innovatsionnoe razvitie i riski neftegazodobychi v Rossii [Innovative development and risks of oil and gas extraction in Russia]. *Nauchnyi vestnik Yamalo-Nenetskogo avtonomnogo okruga* [Scientific bulleting of the Yamalo-Nenets Autonomous Okrug], 2015, no. 3(88), pp. 38–46. (In Russian)
17. Konev Yu.M. Rol' nauki v razrabotke regional'noi politiki sbalansirovannogo razvitiya Severa [The role of science in the development of the regional policy of balanced development of the North]. *Materialy II Mezhdunarodnoi konferentsii "Rol' Pripolyarnykh universitetov v razvitiu severnykh territorii"* [Proceedings of the 2nd International Conference "The role of circumpolar univesrities in the development of northern territories"]. Tyumen'-Leikkhed: Leikkhedskii universitet, 1992. Pp. 13–15. (In Russian)

18. Kupershtokh N.A. Problemy prirodopol'zovaniya i okhrany okruzhayushchei sredy v programme "Sibir" [Issues of environmental resource management in the "Siberia" program]. *Problemy territorial'noi organizatsii prirody i obshchestva* [Issues of territorial nature and society organization]. Irkutsk: SO RAN, 2012. P. 200–204. (In Russian)
19. Kuramin V.P. *Tyumenskii "Gosplan Soyuz SSR"* [Tumen "Gosplan"]. Moscow: Soyuzdizain, 2011. 416 p. (In Russian)
20. Lazhentsev V.N. Geosistemnyi podkhod k problemam sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiya regionov Severa Rossii [The geosystem approach to the problems of social and economic development of regions of the North of Russia]. *Ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny: fakty, tendentsii, prognoz* [Economic and social changes: facts, trends, forecast], 2016, no. 1 (43), p. 83. (In Russian)
21. Levashov V.K. *Ustoichivoe razvitie obshchestva: paradigmy, modeli, strategii* [Sustainable development of society: paradigms, models, strategies]. Moscow: Akademiya, 2001. 350 p. (In Russian)
22. Makusheva M.O., Yudashkin V.A., Dmitriev A.V. (Ed.) Problematizatsiya otnoshenii osnovnogo i inokul'turnogo naseleniya v Yamalo-Nenetskom avtonomnom okruge [Problems in the relationship between general population and the population of another culture in the Yamalo-Nenets Autonomous Okrug]. *Diaspory i zemlyachestva: opyt regional'nogo izmereniya: sb. stat.* [Diasporas and communities: experience of regional assessment: collection of articles]. Moscow: RUSAINS, 2016. Pp. 127–139. (In Russian)
23. Markin V.V. Regional'naya sotsiologiya i upravlenie: dorozhnaya karta vzaimodeistviya [Regional sociology and management: a "roadmap" for interaction]. *Ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny: fakty, tendentsii, prognoz* [Economic and social changes: facts, trends, forecast], 2014, no. 5(35), pp. 135–142. (In Russian)
24. Pilyasov A.N. Arkticheskoe sredizemnomor'e: predposylki formirovaniya novogo makroregiona [Arctic Mediterranean: prerequisites for the formation of a new macro-region]. *EKO*, 2010, no. 12, pp. 15–54. (In Russian)
25. *Rossiiskii Sever: modernizatsiya i razvitie* [The Russian North: modernization and development]. Moscow: Tsentr strategicheskogo partnerstva, 2012. 200 p. (In Russian)
26. Gorshkov M.K., Ilyin V.A. (Eds.). *Rossiiskoe obshchestvo: transformatsii v regional'nom diskurse (itogi 20-letnikh izmerenii): monografiya* [Russian society: transformations in the regional discourse (results of 20-year measurements)]. Vologda: ISERT RAN, 2015. Pp. 93–120. (In Russian)
27. *Sever i Arktika v prostranstvennom razviti Rossii* [The North and the Arctic in Russian spatial development]. Moscow: Apatity-Syktuykar: Izd-vo KNTs RAN, 2010. 213 p. (In Russian)
28. Smorchkova V.P., Mazharov A.V. Razvitie traditsionnogo khozyaistvovaniya korennykh malochislennykh narodov Severa v sovremennykh usloviyakh [Development of traditional economy of Northern indigenous minorities in today's environment]. Moscow: Izd-vo RAGS, 2007. 136 p. (In Russian)
29. Ilyin V.A. et al. *Tendentsii i problemy razvitiya territorii: nauchnye trudy 2011–2015 gg* [Trends and issues of territory's development: scientific works of 2011–2015]. Vologda: ISERT RAN, 2015. (In Russian)
30. Tkacheva N.A. *Transformatsiya migratsionnykh protsessov na Tyumenskom Severe* [Transformation of migration processes in the North of Tumen]. Tyumen': Vektor Buk, 2010. 140 p. (In Russian)
31. *Fundamental'nye problemy prostranstvennogo razvitiya Rossiiskoi Federatsii: mezhdistsiplinarnyi sintez* [Fundamental issues of Russia's spatial development: interdisciplinary synthesis]. Moscow: Media-Press, 2016. 664 p. (In Russian)
32. Tsybalyshchenko N.V., Parshukov V.G. *Populyarnaya etnologiya dlya gosudarstvennykh sluzhashchikh, migrantov i vakhtovikov YaNAO* [Popular ethnology for state employees, immigrants and shift workers in the Yamalo-Nenets Autonomous Okrug]. Saint Petersburg: Literaturnyi gorod, 2015. 160 p. (In Russian)
33. Buscherm Urry J. Mobil Methods and the empirical. *European Journal of Social Theory*, no. 12(1), pp. 99–116.
34. Saxinger G., Ofner E., Shakirova E. Ich bin bereit – Die nachste Generation mobiler Fachkrafte in der russischen Erdgas – and Erdolindustrie. *Austrian Studies in Social Anthropology*, 2014, no. 2, pp. 1–24.
35. Silin A.N. Long Distance Commuting in Oil and Gas Production Industry in the Northwestern Siberia: Sociological Analysis of Change. *Mediterranean Journal of Social Sciences*, 2015, volume 6, no. 3, pp.199–206.
36. Storey K. Fly-in/Fly-out: Implications for community sustainability. *Sustainability*, 2010, no. 12, pp. 1161–1181.

37. Weichhart P. Multilokalität – Konzepte, Theoriebezüge und Forschungsfragen. *Informationen zur Raumanwicklung*, 2009, no. 1 (20), pp.1–14.
38. Tsibulsky V.R. On strategy of sustainable development of the North. *Materialy 11 Mezhdunarodnoi konferentsii "Okruzhayushchaya sreda i ekologiya Sibiri, Dal'nego Vostoka i Arktiki"* [], volume 2. Tomsk: SO RAN, 2003. P. 241.
39. Silin A.N. Russian North: change of Social Situation. *Middle-East Journal of Scientific Research*, 2013, no. 16 (2), pp. 150–155.
40. Belonozhko M.L., Silin A.N. Environmental Situation and Conditions for Traditional Lifestyles of Indigenous Communities in the West Siberian North. *Middle-East Journal of Scientific Research*, 2014, no. 21(6), pp. 905–911.
41. Novoselov O., Silin A.N. Regulation of social processes in the circumpolar region. *Arctic dialogue in the global world*, Ulan-Ude: Buryat State University Publishing Department, 2015, pp.140–142.
42. Silin A.N., Tkacheva N.A. Formation of Human Resources in the process of circumpolar Region Development. *International Journal of Economic and Financial Issues*, 2015, no. 5, pp. 121–127.
43. Silin A.N. Sociological Aspects of Rational Employment in the Northern Territories of Western Siberia. Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast, 2015, no. 4(40), pp. 109-123.
44. Silin A.N. Experience of sociological of shift-based method in the North of Tyumen region. *Contemporary issues in long-distance commute work in the extractive industries and other sectors*. Wien: University of Vienna, 2013, p. 65.

Information about the Authors

Valerii Vasil'evich Markin – Doctor of Sociology, Professor, Chief Research Associate. Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences. 24/35, Krzhizhanovsky Street, Building 5, Moscow, 117218, Russian Federation. markin@isras.ru

Anatolii Nikolaevich Silin – Doctor of Sociology, Professor. Tyumen Industrial University. Chief Research Associate at the West Siberian Affiliation of Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences. 38, Volodarsky Street, Tyumen, 625000, Russian Federation. sm-2004@rambler.ru

Статья поступила 28.09.2016.

Управление формированием и развитием вертикально интегрированных структур в экономике России*



Сергей Александрович

КОЖЕВНИКОВ

Институт социально-экономического развития территорий РАН

160014, Россия, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а

kozhevnikov_sa@bk.ru

Аннотация. В статье рассмотрены сущность, природа, особенности и основные подходы к трактовке вертикальной интеграции. Обосновано, что одним из ключевых условий проведения модернизации, неоиндустриализации отечественной экономики и превращения России в промышленно развитую державу является преодоление технологической разрозненности хозяйствующих субъектов, как это происходило в эпоху Советского Союза, а сейчас отмечается в развитых странах мира. В такой ситуации именно вертикальная интеграция может обеспечить диверсификацию и структурную перестройку экономики, смычку добывающих и обрабатывающих отраслей. На основе результатов анализа деятельности крупнейших транснациональных корпораций (ТНК: Royal Dutch Shell, Sinopet Corp., Valio Ltd. и др.) доказано, что именно эти интегрированные структуры поставляют на рынок конкурентоспособный продукт высокого передела и выступают «локомотивами» роста экономик развитых стран мира. Для обоснования этого был рассчитан мультипликатор добавленной стоимости компаний. В настоящее время в различных отраслях экономики России ведут свою деятельность такие вертикально интегрированные структуры, как ОАО «ФосАгро», ОАО «Лукойл», АПХ «Мираторг», ОАО «КамАЗ», ОАО «Архангельский ЦБК» и др. В статье выявлено, что у большинства их уровень технологической интеграции по-прежнему неоптимальный; формирование полной производственной цепочки служит дополнительным

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 16-06-00136 «Анализ и прогнозирование развития региональной социально-экономической системы на основе применения межотраслевых балансов».

Для цитирования: Кожевников, С.А. Управление формированием и развитием вертикально интегрированных структур в экономике России / С.А. Кожевников // Экономические и социальные перемены в регионе: факты, тенденции, прогноз. — 2016. — № 6. — С. 53-69. DOI: 10.15838/esc.2016.6.48.3

For citation: Kozhevnikov S.A. Management of vertically integrated systems formation and development in the Russian economy. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 2016, no. 6, pp. 53-69. DOI: 10.15838/esc.2016.6.48.3

фактором их развития и повышения конкурентоспособности. Исходя из этого автор считает, что ключевой задачей федеральных и региональных органов власти страны должно стать осуществление трансформационных преобразований в экономике путем ликвидации ее дезинтегрированности и восстановления технологических цепочек добавленной стоимости в приоритетных отраслях народного хозяйства. На примере интеграции предприятий металлургической промышленности (ОАО «Стальное производство») и машиностроения (АО «Корпорация «Машиностроитель») показано наличие множества положительных внутренних и внешних эффектов от такого рода объединения. Создание вертикально интегрированных структур предполагает формирование государственной политики, которая за счет использования комплекса прямых и косвенных инструментов побуждала бы предприятия к участию в процессах интеграции.

Ключевые слова: вертикальная интеграция, вертикально интегрированные структуры (ВИС), цепочки добавленной стоимости, мультипликатор добавленной стоимости, корпорация.

Одной из главных тенденций функционирования экономик развитых стран (США, Германия, Франция, Япония, Китай и др.) в течение последнего столетия является активное развитие интеграционных процессов, приведшее к тому, что в настоящее время их основу составляют крупные компании, носящие характер транснациональных [9]. Так, в Соединенных Штатах Америки лицо промышленности определяют около сотни многоотраслевых корпораций, высокоинтегрированных по своей природе (General Motors, Du Pont, General Electric, Ford Motors, AT&T и др.). В состав каждой из них входят 25 отраслей; 35 корпораций ведут деятельность в 32 отраслях промышленного производства, а 10 – в 50 отраслях. Согласно официальным данным, на долю таких компаний приходится 55–60% ВВП, в них трудоустроено 45% общего числа занятых в экономике, направляется около 60% общего объема инвестиций. Кроме того, уже к концу 60-х гг. XX века на интегрированных предприятиях в США и Канаде производилось более 90% продукции птицеводства, в Нидерландах – 90%, в Бельгии – 70%, в ФРГ и во Франции – 60% [12].

При этом ключевой характеристикой данных субъектов, позволяющей повысить их конкурентоспособность на националь-

ном и мировом рынках, является создание единых технологических цепочек добавленной стоимости в рамках единой организационной структуры. Это способствует минимизации издержек и повышению рентабельности производства за счет использования внутренних трансфертных цен и устранения эффекта «двойной маргинализации», характерной для дезинтегрированной экономики, а также концентрации и рациональному использованию производственного, денежного и товарного капитала, увеличению скорости его воспроизводства, внедрению инноваций [1, 4]. Подобные крупные компании представляют источник обеспечения занятости населения, вносят значительный вклад в формирование ВВП данных стран, наполняемость бюджетной системы и социально-экономическое развитие территории в целом. В связи с этим формирование вертикально интегрированных структур и эффективное управление их развитием выступает важной научной и практической задачей.

Это обусловило множество исследований по данной проблематике. Среди них труды таких известных зарубежных ученых, как *М. Аделман, С. Гроссман, Р. Коуз, Г. Миллер, Л. Фишер, Дж. Спенглер, О. Уильямсон, К.Р. Харриген, О. Харт* и др.

Проблемы вертикальной интеграции рассматривали и отечественные ученые: *А.Я. Бутыркин, М.М. Вороновицкий, С.Б. Гальперин, С.С. Губанов, Е.Ф. Герштейн, В.О. Иванова, А.П. Кохно, Р.М. Лапкин, М.В. Молохович, Е.В. Непринцева* и др.

В то же время следует отметить, что формирование и функционирование ВИС в экономике России характеризуется некоторыми особенностями, которые определялись условиями их создания. Такие процессы наиболее активно осуществлялись в 90-х гг. XX века, в ходе реализации политики приватизации, в соответствии с федеральными и региональными нормативно-правовыми актами. Создававшиеся компании включали в себя предприятия, приобретенные собственником по заниженной стоимости, а их структура зачастую не позволяла полноценно реализовать преимущества вертикальной интеграции капитала, поскольку при таком объединении использовался не экономический принцип (технологическая общность хозяйствующих субъектов), а доступность активов для инициатора проекта. По этой причине эффективность данных компаний зачастую является весьма низкой, их деятельность – недостаточно прозрачной, а вклад в развитие территорий присутствия – весьма незначительным [2, 3, 8, 22].

Вместе с тем, как отмечает ряд экономистов, одним из ключевых факторов обеспечения конкурентоспособности российской экономики, ее модернизации на инновационной основе выступает формирование разрушенных в течение последних десятилетий технологических цепочек в ведущих отраслях экономики путем создания вертикально интегрированных компаний, объединяющих в себе все этапы производства, начиная от добычи сырья и заканчивая реализацией готовой продукции высоких переделов.

Так, А. Спицын [20] полагает, что «развитие сектора крупных вертикально интегрированных хозяйственных структур, в том числе межгосударственных корпораций, является мощным фактором ускорения научно-технического прогресса и модернизации производства». В свою очередь, Ю. Соколов [19] признает, что «без масштабной интеграции науки, добывающего и обрабатывающего секторов, включая полные производственные циклы, ожидать активизации инвестиционной деятельности по замене устаревших основных фондов не приходится». По мнению С. Губанова, проведение неоиндустриализации экономики России на основе вертикальной интеграции является, пожалуй, единственным путем выведения нашей страны в число промышленно развитых держав мира [5, 6]. Как он считает, главную роль в данных процессах должно играть государство, используя комплекс прямых и косвенных методов управления.

Следует подчеркнуть, что формирование и успешное развитие интегрированных предпринимательских структур предполагает необходимость наличия определенных объективных предпосылок и создания благоприятных условий (организационных, институциональных, экономических) для такого рода объединения.

Главным условием обеспечения процесса вертикальной интеграции компаний служит проведение оценки ее целесообразности и эффективности функционирования уже сформировавшейся ВИС. Однако в экономической науке не сложилось пока единого подхода к определению предпосылок для успешного создания и управления функционированием вертикально интегрированных структур, а также методического инструментария оценки их эффективности. Эти обстоятельства обусловили актуальность изучения данной проблематики.

В свете этого целью исследования выступает обоснование комплекса рекомендаций по управлению формированием и развитием цепочек добавленной стоимости в экономике России, проведение оценки эффективности данных процессов с помощью изучения институциональных и экономических основ вертикальной интеграции и критического анализа деятельности зарубежных и отечественных ВИС.

Далее обратимся к трактовкам сущности, природы и особенностей вертикальной интеграции. В частности, сторонники неоклассического направления экономической теории предполагают возникновение интеграции лишь в случае существования непрерывной технологической взаимосвязи во времени и пространстве различных стадий производства. Представители неинституционального направления отмечают, что интеграция служит эффективным способом решения проблемы оппортунистического поведения фирм и поставщиков. Отсюда создание ВИС целесообразно, когда такого рода издержки весьма значительны.

Сущность вертикальной интеграции с точки зрения С. Губанова сводится к закономерным и объективным процессам централизации собственности и становления ее новой макроэкономической формы – государственно-корпоративной. При этом интеграция рассматривается как система производственных отношений неиндустриального уровня развития производительных сил. Важнейшим условием эффективности формирования цепочек добавленной стоимости, объединенных в рамках одного предприятия, является наряду с нулевой рентабельностью его подразделений отсутствие их экономической самостоятельности.

В целом основное различие существующих трактовок вертикальной интеграции заключается в неодинаковости степени контроля одной фирмы над другой, возникающего в результате объединения различных технологических стадий цепочки добавленной стоимости. В частности, ряд авторов (Г. Мюллер, Л. Фишер и др.) понимают вертикальную интеграцию как долгосрочные контрактные взаимоотношения между независимыми субъектами, находящимися на различных стадиях технологической цепочки. При этом не происходит ни слияния, ни смены права собственности [25, 30]. На наш взгляд, такое понимание не до конца отражает сущность и природу рассматриваемого института, поскольку в этом случае не удастся полноценно решить проблему оппортунистического поведения контрагентов и, кроме того, не обеспечивается нулевая рентабельность промежуточных стадий как основной закон вертикальной интеграции.

Известен и другой подход к ее трактовке (М. Аделман), согласно которому ключевым признаком ВИС является полный контроль над собственностью, несколькими стадиями производства. Данную трактовку разделяют большинство экономистов [23]. Такие компании создаются через слияния (поглощения).

Придерживаясь этой точки зрения, в нашей работе под *вертикальной интеграцией* будем понимать *экономическое, финансовое и организационное слияние хозяйствующих субъектов, которые ранее были независимыми и участвовали на разных технологических стадиях производственного процесса в производстве, распределении и сбыте продукции с целью получения дополнительных конкурентных преимуществ на рынке.*

В настоящее время к основным формам вертикально интегрированных структур относятся холдинговые компании, стратегические альянсы, вертикально интегрированные концерны, транснациональные корпорации.

Вертикально интеграционные процессы в экономике могут развиваться в следующих направлениях:

1) интеграция «назад» (или обратная) – хозяйствующий субъект приобретает или усиливает контроль над поставщиками; это позволяет уменьшить зависимость его производственной деятельности от колебания цен на комплектующие изделия, от возможных срывов поставки и т.п.;

2) интеграция «вперед» (прямая) – объединение с последующими технологическими стадиями цепочки создания стоимости (потребителями произведенной продукции). Предприятие присоединяет к себе организации, выполняющие сбытовые функции (перевозка, логистика, сервис, собственно продажа).

Вертикальная интеграция может быть полной (т.е. вся произведенная на первой технологической стадии продукция поступает далее без продаж или закупок со стороны) и частичной (существует в тех случаях, когда стадии производства не обладают внутренней самодостаточностью) [10].

Активизация вертикально интегрированных процессов в развитых странах обусловлена наличием значительных преимуществ от такого рода объединения, а именно:

а) достигается увеличение объемов получаемой интегрируемой структурой прибыли, рентабельности производства за счет снижения издержек (решение проблемы «двойной маржинализации»), усиливаются возможности использования гибкого ценообразования;

б) уменьшается неопределенность в предложении комплектующих, снижается риск сбоев в их поставке;

в) уменьшаются транзакционные издержки, минимизируется риск оппортунистического поведения;

г) обеспечивается диверсификация производства, позволяющая снизить общий риск хозяйствования;

д) возникает значительное количество других побочных эффектов (овладение дополнительной информацией, оптимизация налогового бремени и т.п.).

Для проведения объективного анализа и оценки уровня вертикальной интегрированности экономики в целом и отдельных хозяйствующих субъектов в частности необходимо определить критерии его измерения. На наш взгляд, наиболее обоснованный, универсальный подход к оценке уровня вертикальной интегрированности экономики, который легко можно применить на практике при осуществлении расчетов, разработал в своих исследованиях С.С. Губанов. Для этого он использовал мультипликатор добавленной стоимости [4, 6].

В наших исследованиях [11] данный методический инструмент был адаптирован к уровню хозяйствующих субъектов, и под мультипликатором добавленной стоимости мы понимаем отношение совокупной величины товарной массы, произведенной предприятием, к стоимости первичных сырьевых ресурсов, вовлеченных в хозяйственный оборот:

$$M_i = \frac{TM_i}{C_i}, \quad (1)$$

где M_i – мультипликатор добавленной стоимости i -го хозяйствующего субъекта;

TM_i – совокупная величина товарной массы, произведенной i -м предприятием (выручка,

полученная от продажи на сторону продукции, произведенной хозяйствующим субъектом на всех стадиях его технологической цепочки);

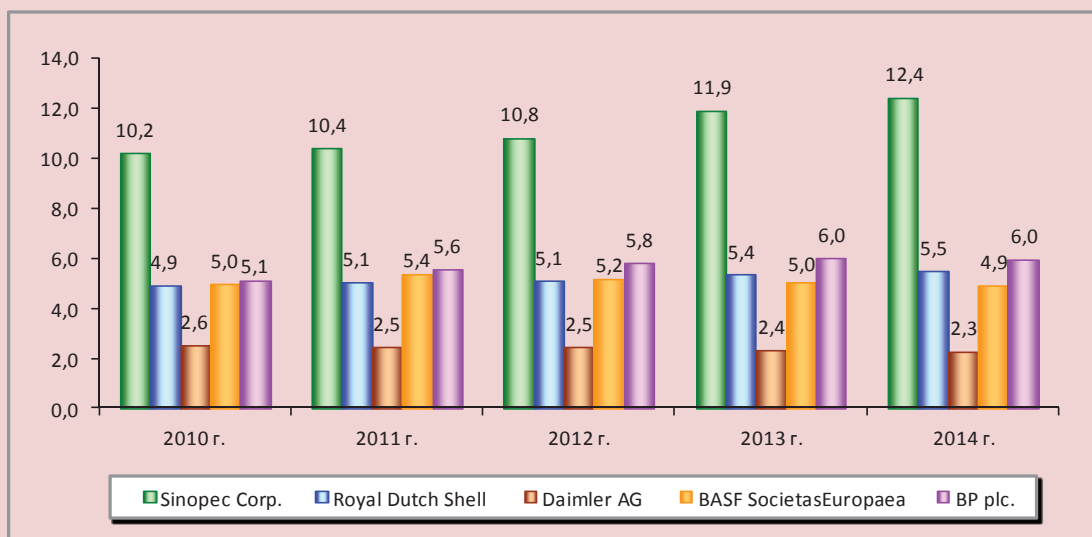
C_i – стоимость первичных сырьевых ресурсов, вовлеченных в хозяйственный оборот i -го предприятия (стоимость сырья, материалов, комплектующих, которые используются в качестве первичных ресурсов при производстве на первом этапе цепочки).

Чем выше значение мультипликатора добавленной стоимости, тем большее количество стадий технологической цепочки и переделов проходит продукт до того, как он превратится в конечный товар. Соответственно, для компаний, производящих в рамках единого технологического процесса продукцию с высокой добавленной стоимостью, значение мультипликатора будет заметно выше, чем для дезинтегрированных субъектов [11].

Данный инструментарий апробирован нами при анализе деятельности крупнейших зарубежных и отечественных интегрированных компаний в различных отраслях экономики. Для этого были проанализированы их финансовые отчеты за последние несколько лет. Рассчитанные значения мультипликатора добавленной стоимости по зарубежным ВИС представлены на *рисунке 1*.

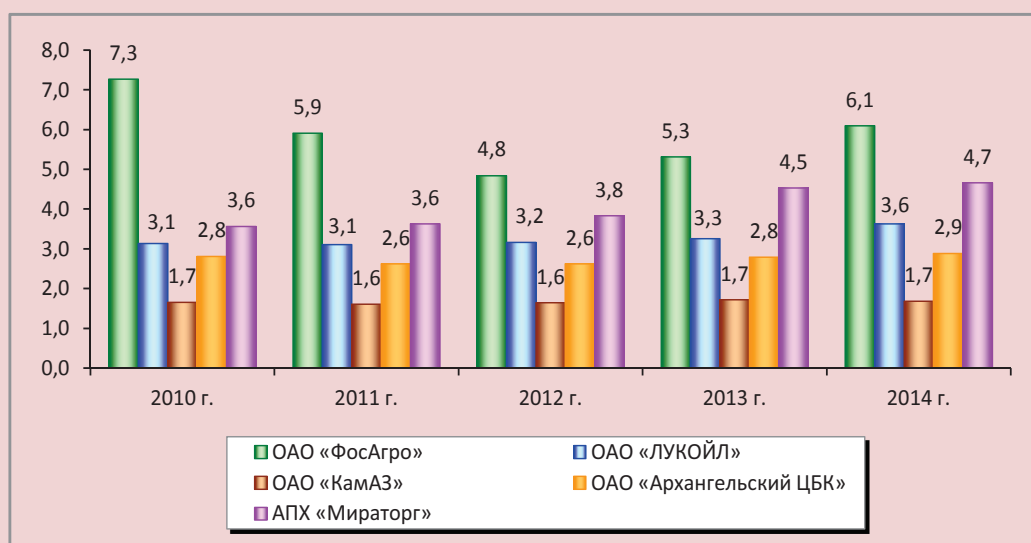
Для анализа текущей ситуации в экономике России были выбраны крупные отечественные ВИС: в химической промышленности – ОАО «ФосАгро», нефтехимии – ОАО «ЛУКОЙЛ», агропромышленном комплексе – АПХ «Мираторг», машиностроении – ОАО «КамАЗ», целлюлозно-бумажной промышленности – ОАО «Архангельский ЦБК. Динамика рассчитанного нами мультипликатора добавленной стоимости указанных компаний в 2010–2014 гг. представлена на *рисунке 2*.

Рисунок 1. Мультипликатор добавленной стоимости крупнейших зарубежных вертикально интегрированных компаний



Источник: Кожевников С.А. Формирование технологических цепочек добавленной стоимости в форме вертикальной интеграции [Эл. рес.] // Вопросы территориального развития. – 2016. – №3. – Реж. дост.: <http://vtr.vssc.ac.ru/article/1885>

Рисунок 2. Мультипликатор добавленной стоимости крупнейших отечественных вертикально интегрированных компаний



Источник: Кожевников С.А. Формирование технологических цепочек добавленной стоимости в форме вертикальной интеграции [Эл. рес.] // Вопросы территориального развития. – 2016. – № 3. – Реж. дост.: <http://vtr.vssc.ac.ru/article/1885>

Следует отметить, что значения мультипликатора добавленной стоимости Лукойла в 2010–2014 гг. ниже, чем у многих зарубежных компаний-конкурентов (например, у Sinopres они превышают 10, BP plc. – 6, Royal Dutch Shell – 5), что в долгосрочной перспективе может быть фактором, ограничивающим конкурентоспособность компании на мировых рынках энергетической, а главное, нефтехимической продукции. При этом за более длительный период наблюдается снижение значений данного показателя: с 5,06 в 1999 году до 3,6 в 2014 году. Причины этого могут заключаться в некоторой трансформации бизнеса компании, увеличении товаров первого и второго переделов в общем объеме ее продукции и снижении доли продукции глубокой переработки.

Относительно невысокие значения мультипликатора в ОАО «КамАЗ» по сравнению с зарубежными компаниями-ана-

логами (например, Daimler – 2,0–2,5) могут свидетельствовать о наличии потенциальных возможностей для дальнейшего формирования единой технологической цепочки производства, для полного обеспечения хозяйственной деятельности компании материалами и комплектующими высокого качества и собственного производства. Именно формирование вертикально интегрированной структуры полного цикла позволит, на наш взгляд, повысить конкурентоспособность компании за счет оптимизации издержек производства.

Повышению конкурентоспособности ОАО «Архангельский ЦБК» будет способствовать дальнейшее развитие производства и организация выпуска продукции еще более высоких переделов, т.е. осуществление интеграции «вперед» (например, организация производства мелованной бумаги и других товаров с высокой добавленной стоимостью) [11].

В целом следует отметить, что значение мультипликатора добавленной стоимости в среднем по экономике России на порядок ниже уровня развитых стран мира. Так, по расчетам С.С. Губанова и других исследователей, это значение в нашей стране составляет около 1,3–1,5 ед., а в Соединенных Штатах Америки – 12,8, других развитых странах мира – 11–13 единиц [6, 27].

Судя по этим данным, главные технологические цепочки в экономике России в настоящее время разрушены и ее основу составляет большое количество дезинтегрированных хозяйствующих субъектов, производящих в рамках одного предприятия продукцию лишь нескольких переделов. Объем выпуска российских высокотехнологичных товаров с высокой добавленной стоимостью ограничен, и они являются неконкурентоспособными на мировых рынках по сравнению с продукцией крупнейших транснациональных корпораций, производящих аналогичную продукцию [10, 11].

Поэтому важную задачу для федеральных и региональных органов власти представляет обеспечение трансформационных преобразований экономики страны путем ликвидации ее дезинтегрированности и восстановления технологических цепочек добавленной стоимости в приоритетных отраслях народного хозяйства, поскольку лишь в этом случае удастся осуществить реальное перевооружение отечественной промышленности и ее неоиндустриализацию на основе инноваций. В этой связи необходимо формирование и развитие в приоритетных отраслях вертикально интегрированных структур. При этом касательно ВИС должна быть принята соответствующая законодательная база, регламентирующая отношения с органами власти, бюджетной системой и т.п.

В экономической науке и нормативно-правовых актах имеется целый ряд различных концептуальных подходов и методических приемов для оценки эффективности вертикальной интеграции (например, подходы, основанные на теории трансакционных издержек; обеспечение конкурентных преимуществ и теория финансового менеджмента; расчет мультипликатора добавленной стоимости ВИС; Z-модель Альтмана и др.). Выработка единой методологии осложняется наличием особенностей становления и функционирования рассматриваемых структур [13, 14, 15, 16, 18, 21].

Их формирование и развитие требует определенных объективных предпосылок. Поэтому созданию ВИС должен предшествовать анализ потенциальной эффективности интеграции в отрасли и определение наиболее предпочтительных для включения в данную структуру предприятий. При этом возникает необходимость изучения потенциальной устойчивости кооперационных связей между интегрируемыми предприятиями, рыночной концентрации в отрасли, возможной степени увеличения власти предприятия на рынке от такого объединения и т.п.

Проведем оценку целесообразности и эффективности интеграции, используя данный инструментарий, на примере реально действовавших в 2015 году двух крупных акционерных обществ. Одно из них условно назовем ОАО «Стальное производство», а другое – АО «Корпорация «Машиностроитель». Эти предприятия находятся на различных стадиях единой технологической цепочки от добычи и переработки сырья до производства современной продукции машиностроения.

ОАО «Стальное производство» в своем производственном процессе соединяет два технологических передела: *I передел* – это добыча и первичная переработка природ-

ного сырья (добыча железистых кварцитов и коксующегося угля твердых марок; производство окатышей железной руды, железорудного концентрата; коксующегося и энергетического угля); *II передел* – производство из указанного сырья конечной продукции: стального проката, сортового проката, труб большого диаметра и метизной продукции, атмосфероустойчивых автомобильных деталей, заготовок для машиностроительной отрасли и т.п. В число клиентов ОАО «Стальное производство» на внутреннем рынке входят строительные компании, трубопрокатные заводы, машиностроительные предприятия и производители автомобилей.

В свою очередь, АО «Корпорация «Машиностроитель», одно из крупнейших предприятий в своем сегменте, занимается производством продукции машиностроения (*III передел*), включая современные виды вооружения, и использует необходимое сырье для данных целей. Однако у компании нет собственной производственной базы, достаточной для полного обеспечения технологического процесса комплектующими и иными агрегатами для сборки продукции машиностроения.

Таким образом, рассматриваемые предприятия имеют объективные предпосылки для формирования кооперационных связей. Степень потенциально возможного участия ОАО «Стальное производство» в едином технологическом процессе весьма значительна: 55% общего объема производимых корпорацией товаров – продукция с высокой добавленной стоимостью, которая в дальнейшем будет востребована для использования в машиностроении. Следовательно, значения данного индикатора свидетельствуют о наличии высокого потенциала такого объединения. Текущие производственные возможности

ОАО «Стальное производство» могут полностью покрыть потребность АО «Корпорация «Машиностроитель» в металле и комплектующих.

Предварительный расчет эффективности интеграции может быть сделан с помощью *Z-модели Альтмана*, описывающей финансовую устойчивость отдельно взятых предприятий до слияния и устойчивость интегрированной компании после слияния.

В общем виде данная *Z-модель* имеет вид:

$$Z = 1,2 \times X_1 + 1,4 \times X_2 + 3,3 \times X_3 + 0,6 \times X_4 + 1,0 \times X_5, \quad (2)$$

где X_1 – отношение рабочего капитала (разность между оборотными средствами и текущими (краткосрочными) обязательствами) к общим активам;

X_2 – отношение накопленного капитала (часть капитала корпорации, которая образовалась за счет нераспределенной прибыли прошлых лет) к общим активам;

X_3 – отношение балансовой прибыли к общим активам;

X_4 – отношение капитала корпорации к общему долгу;

X_5 – отношение объема продаж к общим активам.

В результате расчета *Z-показателя* для конкретного предприятия делается заключение:

если $Z < 1,81$ – вероятность банкротства составляет от 80 до 100%;

если $Z = 1,81-2,77$ – вероятность краха компании средняя (от 35 до 50%);

если $Z = 2,77-2,99$ – вероятность банкротства невелика (от 15 до 20%);

если $Z > 2,99$ – ситуация на предприятии стабильна, риск неплатежеспособности в течение ближайших двух лет крайне мал.

Точность прогноза в этой модели на горизонте одного года составляет 95%, двух лет – 83%, что является ее несомненным достоинством.

Сравнение величин Z-модели до и после слияния предприятий позволяет прийти к заключению об эффективности создания вертикально интегрированной компании. Если после слияния величина Z возросла по сравнению с величинами Z до слияния, то очевидно, что интегрированная компания имеет большую финансовую устойчивость, чем отдельные компании.

Значения коэффициента для каждого из предприятий и для проектируемой интегрированной структуры, которая должна образоваться в результате слияния ОАО «Стальное производство» и АО «Корпорация «Машиностроитель», представлены в *таблице*. Как следует из приведенных в ней данных, Z-значение вертикально интегрированной структуры, полученной в результате слияния, составляет 2,811, т.е. вероятность банкротства невысокая – на уровне 15–20%. Причем следует отметить тот факт, что в результате интеграции удастся повысить финансовую устойчивость второго ее сегмента – машиностроения, но при этом добыча полезных ископаемых и производ-

ство продукции из металла несколько потеряют финансовую стабильность. В этой связи крайне актуальной задачей на первом этапе становления новой вертикально интегрированной структуры является управление достижением финансовой стабильности и денежными потоками внутри компании.

О ее долгосрочной устойчивости и способности к дальнейшему развитию свидетельствуют значения рассчитанного нами мультипликатора добавленной стоимости. При его вычислении были сделаны следующие допущения: объем производственной мощности АО «Корпорация «Машиностроитель» определен как соответствующий текущему уровню. Поэтому объем используемых на данном этапе технологической цепочки сырья и материалов, произведенных ОАО «Стальное производство», также был подкорректирован под данные потребности. И наконец, размер выручки, получаемой вторым подразделением, не корректировался с учетом применения трансфертных цен внутри подразделений новой интегрированной структуры из-за невозможности определить их обоснованный уровень. Примечательно, что значения мультипликатора добавленной стоимости

Значение Z-показателя у ОАО «Стальное производство», АО «Корпорация «Машиностроитель» в 2015 году и единой проектируемой интегрированной компании

Финансовые показатели	До слияния		После слияния в интегрированную компанию*
	ОАО «Стальное производство»	АО «Корпорация «Машиностроитель»	
X_1	0,422	0,068	0,167
X_2	0,419	1,969	0,801
X_3	0,825	0,129	0,155
X_4	0,376	0,101	0,381
X_5	1,090	0,338	0,750
Z до слияния	3,132	2,605	–
Z_1 после слияния	–	–	2,811

* Значения коэффициентов новой интегрированной структуры рассчитывались с учетом текущего курса доллара США на момент объединения (взят усредненный уровень – 65 руб. за 1 долл.).

вновь созданной ВИС, представленные на рисунке 3, больше суммы его значений для входящих в её состав элементов. Например, в 2015 году значение данного показателя для ОАО «Стальное производство» было равно 2,56, для АО «Корпорация «Машиностроитель» – 2,22 (сумма их – 4,78), тогда как для вновь образованной компании – 5,66. В этом проявляется эффект синергии, характерный для таких структур.

К тому же применение на практике трансфертных цен, увеличение производственных мощностей предприятий III технологического передела обеспечат еще большие значения мультипликатора добавленной стоимости.

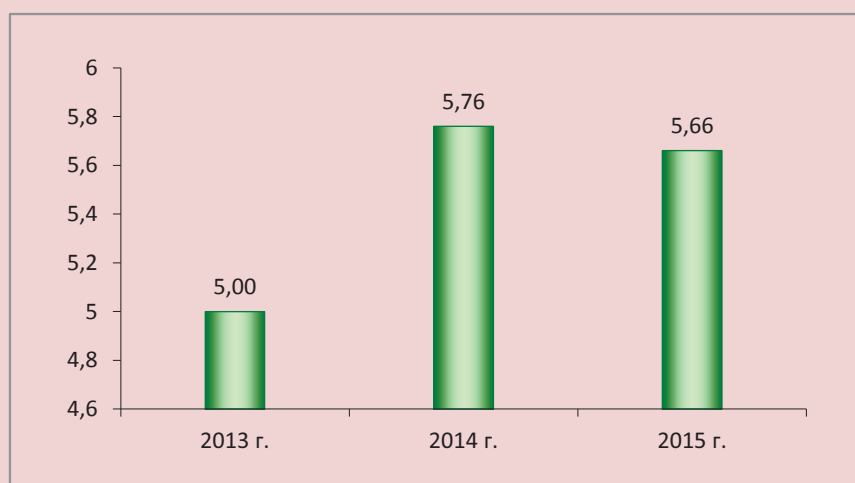
О чем это свидетельствует? В первую очередь о том, что компания производит продукт с высокой добавленной стоимостью; повышается рентабельность бизнеса за счет оптимизации издержек производства; у предприятия появляется возможность эффективной борьбы с конкурента-

ми на основе использования гибкого ценообразования; дополнительная прибыль может быть направлена на модернизацию, внедрение инновационных технологий и дальнейшее развитие производства. Кроме того, существует и ряд других, неэкономических эффектов, которые позволяют компании быть конкурентоспособной и устойчиво развиваться в долгосрочной перспективе.

Таким образом, создание единых технологических цепочек в форме вертикальной интеграции даст возможность консолидировать и рационально использовать ресурсы для решения важнейших проблем и устойчивого развития экономики страны.

Однако формирование и развитие вертикально интегрированных компаний предполагает необходимость разработки соответствующей государственной политики, которая с помощью стимулирующих мер побуждала бы предприятия к участию в процессах интеграции.

Рисунок 3. Мультипликатор добавленной стоимости новой вертикальной интегрированной структуры, созданной на базе ОАО «Стальное производство» и АО «Корпорация «Машиностроитель»



Источник: рассчитано автором.

Основные методы построения интегрированных структур, выявленные на основе исследования зарубежного опыта (Франция, Италия, Германия, США, Великобритания, Китай, Япония, Южная Корея), включают в себя выкуп государством контрольных пакетов акций предприятий, финансовые инструменты (государственные банки контролируют предприятия посредством финансовых механизмов, стимулируя их объединение), государственное регулирование (объединение отраслей и предприятий в группы по интересам), жесткое государственное регулирование конкуренции (принуждающее предприятия к объединению или уходу с рынка) и др.

Иными словами, процесс формирования и развития ВИС должен происходить при активной поддержке со стороны органов власти (прежде всего федеральных и региональных), направленной на создание благоприятных условий для повышения эффективности использования ресурсных возможностей хозяйствующих субъектов. Однако следует отметить, что в настоящее время в России не сформирована государственная политика, способствующая активному развитию интеграции.

На наш взгляд, государственная поддержка должна включать информационные и институциональные методы регулирования и мероприятия ресурсного характера как косвенного (льготное налогообложение), так и прямого воздействия (кредитование на льготных условиях, бюджетное финансирование в эффективные и быстрокупаемые инвестиционные проекты и т.п.).

В число мер экономического воздействия на хозяйствующие субъекты, стимулирующих их к объединению в рамках ВИС, могут входить:

1. *Инструменты бюджетной политики:* предоставление из бюджета региона субси-

дий на компенсацию части процентной ставки по банковским кредитам; предоставление хозяйствующим субъектам бюджетных кредитов и осуществление прямых государственных инвестиций в развитие производства (в том числе в формате государственно-частного партнерства); предоставление государственных гарантий; содействие развитию ВИС на долевых началах с другими участниками.

2. *Инструменты инвестиционной политики:* предоставление инвестиционного налогового кредита; реструктуризация кредиторской задолженности хозяйствующих субъектов перед бюджетами всех уровней.

3. *Инструменты налоговой политики:* совершенствование налогового законодательства территории базирования структуры; предоставление налоговых льгот (освобождение полностью или частично от уплаты налогов, снижение ставок и др.).

К управлению и контролю при формировании вертикально интегрированных компаний целесообразно кроме органов власти привлекать координационные и совещательные органы. Их участие необходимо не только в период научной и проектной подготовки, но и непосредственно на стадии создания.

В целом управление процессами интеграции предполагает широкое использование методов и форм программно-целевого управления, при котором вся совокупность объектов, участвующих в формировании ВИС, будет рассматриваться в качестве единого объекта с общей задачей функционирования.

Таким образом, результаты проведенного исследования свидетельствуют о том, что одним из ключевых условий осуществления модернизации, неоиндустриализации отечественной экономики и превращения России в промышленно развитую державу является преодоление техноло-

гической разрозненности хозяйствующих субъектов на основе вертикальной интеграции. Это подтверждает проведенный с использованием обоснованного в работе методического инструментария анализ функционирования крупнейших зарубежных вертикально интегрированных структур, которые являются «локомотивами» роста экономик развитых стран мира.

Исследование деятельности отечественных компаний выявило, что у большинства из них уровень технологической интегра-

ции по-прежнему неоптимальный. На примере интеграции предприятий металлургии и машиностроения показано наличие множества положительных внутренних и внешних эффектов от подобного рода объединения. Вместе с тем активизация таких процессов предполагает необходимость формирования государственной политики, которая побуждала бы предприятия к участию в процессах интеграции. В работе обоснованы концептуальные положения данной политики.

Литература

1. Аушев, М. Вертикальная интеграция в зарубежной нефтяной промышленности [Текст] / М. Аушев // МЭиМО. – 1995. – № 11.
2. Вертикальная интеграция: чему учит опыт [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://finance.obozrevatel.com/business-and-finance/vertikalnaya-integratsiya-chemu-uchit-opyit.htm>
3. Губанов, С. Главы госкомпаний: с чем связать их вознаграждение? (Опыт политэкономического анализа) [Текст] / С. Губанов // Экономист. – 2016. – №4. – С. 3-14.
4. Губанов, С. Неоиндустриализация плюс вертикальная интеграция (о формуле развития России) [Текст] / С. Губанов // Экономист. – 2008. – № 9. – С. 3-27.
5. Губанов, С. Неоиндустриализация России и нищета ее саботажной критики [Текст] / С. Губанов // Экономист. – 2014. – №4. – С. 3-32.
6. Губанов, С.С. Державный прорыв. Неоиндустриализация России и вертикальная интеграция (Серия «Сверхдержава») / С.С. Губанов. – М.: Книжный мир, 2012. – 224 с.
7. Иванова, В.О. Особенности менеджмента вертикально-интегрированной компании / В.О. Иванова // Российское предпринимательство. – 2011. – № 11. – Вып. 2 (196). – С. 55-60.
8. Ильин, В. А. Влияние интересов собственников металлургических корпораций на социально-экономическое развитие [Текст] : препринт / В.А. Ильин, А.И. Поварова, М.Ф. Сычев. – Вологда : ИСЭРТ РАН, 2012. – 104 с.
9. Касаткина, А.А. Транснациональные корпорации: современный экономико-правовой анализ [Электронный ресурс] / А.А. Касаткина, А.С. Касаткина // Законодательство и экономика. – 2013. – № 9. – Режим доступа: <http://www.lawecon.ru/zakonodatelstvo/articles/49/913/>.
10. Кожевников, С.А. Институциональные и экономические основы вертикальной интеграции [Текст] / С.А. Кожевников // Проблемы развития территории. – 2015. – № 4. – С. 142-156.
11. Кожевников, С.А. Формирование технологических цепочек добавленной стоимости в форме вертикальной интеграции [Электронный ресурс] / С.А. Кожевников // Вопросы территориального развития. – 2016. – № 3. – Режим доступа: <http://vtr.vscs.ac.ru/article/1885>
12. Корпоративное право: учебник для юридических вузов / В.В. Гушин, Ю.О. Порошкина, Е.Б. Сердюк. – М.: Эксмо, 2006. – 640 с. – (Российское юридическое образование).
13. Кохно, А.П. Методы анализа и оценки эффективности интегрированных структур [Текст] / А.П. Кохно // Академия Тринитаризма. – М., Эл № 77-6567, публ.16947, 07.11.2011.
14. Лапкин, Р.М. Инструментарий формирования и развития вертикально интегрированной предпринимательской структуры [Текст] / Р.М. Лапкин // Социально-экономические явления и процессы. – 2012. – № 5-6 (39-40). – С. 76-84.

15. Молохович, М.В. Методические подходы к оценке эффективности создания корпоративных структур в овощном подкомплексе АПК (ч. 2) [Текст] / М.В. Молохович // Экономика и управление. – 2011. – № 4. – С. 109-114.
16. Непринцева, Е.В. Особенности оценки эффективности вертикально интегрированных структур [Текст] / Е.В. Непринцева, С.А. Шубин // Региональная экономика: теория и практика. – 2007. – 12(51). – С. 76-83.
17. Овчинников, В.Н. Модернизация пространственной организации экономики российских регионов: учебное пособие / В.Н. Овчинников, Ю.С. Колесников, Н.П. Кетова. – Ростов н/Д: Содействие-XXI век, 2014. – 100 с.
18. Пунгина, В.С. Оценка экономической эффективности и инвестиционной привлекательности вертикально-интегрированных структур [Текст] / В.С. Пунгина, Т.А. Рожкова // Корпоративное управление и инновационное развитие экономики Севера: Вестник Научно-исследовательского центра корпоративного права, управления и венчурного инвестирования Сыктывкарского государственного университета. – 2009. – № 4. – С. 48-58.
19. Соколов, Ю. Интеграция как условие воспроизводства промышленного капитала [Текст] / Ю. Соколов // Экономист. – 2006. – № 5. – С. 21-28.
20. Спицын, А. Интеграция и модернизация экономики [Текст] / А. Спицын // Экономист. – 2006. – № 5. – С. 3-9.
21. Экономическое обоснование и оценка эффективности проектов создания корпоративных структур [Текст] / С.Б. Гальперин, М.В. Дороднева, Ю.В. Мишин, Е.В. Пухова; под ред. д.э.н. С. Б. Гальперина. – М.: Новый век, Институт микроэкономики, 2001. – 51 с.
22. Якутин, Ю. Еще раз к анализу эффективности становящихся российских корпораций [Текст] / Ю. Якутин // Российский экономический журнал. – 1998. – № 9–10.
23. Adelman, M. Integration and the antitrust laws / M. Adelman // Harvard Law Review, 1949. – V. 63. – № 1. – P. 27-77.
24. Coase, R.H. The nature of the firm / R.H. Coase // Economica. New Series. – 1937. – V. 4. – N 16. – P. 386-405.
25. Fisher, L. Verticale Integration in der nordamerikanishen Landwirtschaft, Berichte iiber Landwirtschaft / L. Fisher. – Berlin, 1960. – P. 337.
26. Grossman, S. The Costs and Benefits of Ownership: A Theory of Vertical and Lateral Integration / S. Grossman, O. Hart // Journal of Polit. Econ. – 1986. – Vol. 94. – P. 691-719.
27. Input-Output Accounts Data [Electronic resource] / Bureau of Economic Analysis. – Available at http://bea.gov/industry/io_annual.htm
28. Harrigan, K.R. Vertical Integration and corporate strategy / K.R. Harrigan // The Academy of Management Journal, 1985. – V. 28. – N 2. – P. 397-425.
29. Hart, O. Property Right and the Nature of the Firm / O. Hart, J. Moore // Journal of Polit. – 1990.
30. Miller, G. Die landwirtschaftliche Erzeugung in der Vertikalen Integration, Berichte iiber Landwirtschaft / G. Miller. – Berlin. – 1961. – H. 3. – P. 414.
31. Spengler, J. Vertical Integration and Antitrust Policy / J. Spengler // Journal of Political Economy. – 1950. – Vol. 58. – Pp. 347-352.
32. Williamson, O. Markets and Hierarchies: Analysis and Antitrust Implications / O. Williamson. – N.Y.: Free Press, 1975.

Сведения об авторе

Сергей Александрович Кожевников – кандидат экономических наук, Институт социально-экономического развития территорий Российской академии наук (160014, Россия, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а, kozhevnikov_sa@bk.ru)

Kozhevnikov S.A.

Management of Vertically Integrated Systems Formation and Development in the Russian Economy

Abstract. The article reviews the essence, nature, features and basic approaches to the interpretation of vertical integration. It proves that one of the key conditions for modernizing and neo-industrializing domestic economy and transforming Russia into an industrialized country is overcoming technological fragmentation of business entities, as was the case in the Soviet Union and is now observed in the developed countries. In this situation, it is vertical integration which can ensure the diversification and restructuring of the economy, the linkage between the extractive and processing industries. Based on the results of analyzing the activities of major multinational corporations (Royal Dutch Shell, Sinopec Corp., Valio Ltd. etc.) it has been proved that these integrated systems supply competitive products with high degrees of processing and serve as growth drivers in developed economies. To justify this, the author calculated the companies' value added multiplier. Currently, vertically integrated systems such as PhosAgro PJSC, LUKOIL PJSC, Miratorg agro-industrial holding company, KamAZ OJSC, Arkhangelsk pulp and paper mill PJSC operate in various economic sectors. The article shows that most of these companies' level of technological integration is still not optimal; the formation of a full production chain is an additional factor in their development and competitive recovery. Accordingly, the author believes that the key objective of federal and regional authorities should be the transformational change in the economy by eliminating its disintegration and restoring processing chains of value added in priority economic sectors. The example of metallurgical industries integration (Steel Manufacture PJSC) and machine-building integration (Mashinostroitel Corporation JSC) shows many positive internal and external impacts of this kind of association. The creation of vertically integrated systems implies the development of a public policy which, through the use of complex direct and indirect tools, would encourage businesses to participate in integration processes.

Key words: vertical integration, vertically integrated systems (VIS), value added chains, value added multiplier, corporation.

References

1. Aushev M. Vertikal'naya integratsiya v zarubezhnoi neftyanoi promyshlennosti [Vertical integration in foreign oil industry]. *MEiMO* [World economy and international relations], 1995, no. 11. (In Russian)
2. *Vertikal'naya integratsiya: chemu uchit opyt* [Vertical integration: what the experience teaches]. Available at: <http://finance.obozrevatel.com/business-and-finance/vertikalnaya-integratsiya-chemu-uchit-opyt.htm>. (In Russian)
3. Gubanov S. Glavy goskompanii: s chem svyazat' ikh voznagrashdenie? (Opyt politekonomicheskogo analiza) [Heads of state companies: what is their reward connected with? (Experience of political-economic analysis)]. *Ekonomist* [The economist], 2016, no. 4, pp. 3–14. (In Russian)
4. Gubanov S. Neoundustrializatsiya plus vertikal'naya integratsiya (o formule razvitiya Rossii) [Neo-industrialization and vertical integration (on the Russia's formula of development)]. *Ekonomist* [The economist], 2008, no. 9, pp. 3–27. (In Russian)
5. Gubanov S. Neoundustrializatsiya Rossii i nishcheta ee sabotazhnoi kritiki [Neo-industrialization in Russia and its poor sabotage criticism]. *Ekonomist* [The economist], 2014, no. 4, pp. 3–32. (In Russian)
6. Gubanov S.S. *Derzhavnyi proryv. Neoundustrializatsiya Rossii i vertikal'naya integratsiya (Seriya «Sverkhderzhava»)* [Sovereign breakthrough. Neo-industrialization in Russia and vertical integration (Series "Superpower")]. Moscow: Knizhnyi mir, 2012. 224 p. (In Russian)

7. Ivanova V.O. Osobennosti menedzhmenta vertikal'no-integrirovannoi kompanii [Peculiarities of vertically integrated company management]. *Rossiiskoe predprinimatel'stvo* [Entrepreneurship in Russia], 2011, no. 11, issue 2 (196), pp. 55–60. (In Russian)
8. Plyn V.A., Povarova A.I., Sychev M.F. *Vliyanie interesov sobstvennikov metallurgicheskikh korporatsii na sotsial'no-ekonomicheskoe razvitiie: preprint* [Influence of owners of metallurgical corporations on the socio-economic development: preprint]. Vologda: ISERT RAN, 2012. 104 p. (In Russian)
9. Kasatkina A.A., Kasatkina A.S. Transnatsional'nye korporatsii: sovremennyyi ekonomiko-pravovoi analiz [Multinational corporations: modern economic legal analysis]. *Zakonodatel'stvo i ekonomika* [Legislation and economics], 2013, no. 9. Available at: <http://www.lawecon.ru/zakonodatelstvo/articles/49/913/>. (In Russian)
10. Kozhevnikov S.A. Institutsional'nye i ekonomicheskie osnovy vertikal'noi integratsii [Institutional and economic framework for vertical integration]. *Problemy razvitiya territorii* [Problems of territory's development], 2015, no. 4, pp. 142–156. (In Russian)
11. Kozhevnikov S.A. Formirovanie tekhnologicheskikh tsepochek dobavlennoi stoimosti v forme vertikal'noi integratsii [The establishment of value added processing chains in the form of vertical integration]. *Voprosy territorial'nogo razvitiya* [Territorial development issues], 2016, no. 3. Available at: <http://vtr.vsc.ac.ru/article/1885>. (In Russian)
12. Gushchin V.V., Poroshkina Yu.O., Serdyuk E.B. *Korporativnoe pravo: uchebnik dlya yuridicheskikh vuzov* [Corporate law: textbook for law schools]. Moscow: Eksmo, 2006. 640 p. (In Russian)
13. Kokhno A.P. Metody analiza i otsenki effektivnosti integrirovannykh struktur [Methods of analysis and assessment of the effectiveness of intergrated systems]. "Akademiya Trinitarizma" [Academy of trinitarism]. Moscow, no. 77-6567, issue 16947, 07.11.2011. (In Russian)
14. Lapkin R.M. Instrumentarii formirovaniya i razvitiya vertikal'no integrirovannoi predprinimatel'skoi struktury [Tools of formation and development of vertically integrated enterprise structure]. *Sotsial'no-ekonomicheskie yavleniya i protsessy* [Social and economic phenomena and processes], 2012, no. 5–6 (39–40), pp. 76–84. (In Russian)
15. Molokhovich M.V. Metodicheskie podkhody k otsenke effektivnosti sozdaniya korporativnykh struktur v ovoshchnom podkomplekse APK (ch. 2) [Methodological approaches to the assessment of effectiveness of establishing corporate entities in a vegetable sub-complex of domestic agrarian industry]. *Ekonomika i upravlenie* [Economics and management], 2011, no. 4, pp. 109–114. (In Russian)
16. Neprintseva E.V., Shubin S.A. Osobennosti otsenki effektivnosti vertikal'no integrirovannykh struktur [Features of assessment of vertically integrated systems effectiveness]. *Regional'naya ekonomika: teoriya i praktika* [Regional economics: theory and practice], 2007, no. 12(51), pp. 76–83. (In Russian)
17. Ovchinnikov V.N., Kolesnikov Yu.S., Ketova N.P. *Modernizatsiya prostranstvennoi organizatsii ekonomiki rossiiskikh regionov: uchebnoe posobie* [Modernization of spatial organization of economic activities in the Russian regions: training manual]. Rostov-on-Don: Sodeistvie-XXI vek, 2014. 100 p. (In Russian)
18. Pungina V.S., Rozhkova T.A. Otsenka ekonomicheskoi effektivnosti i investitsionnoi privlekatel'nosti vertikal'no-integrirovannykh struktur []. *Korporativnoe upravlenie i innovatsionnoe razvitiie ekonomiki Severa: Vestnik Nauchno-issledovatel'skogo tsentra korporativnogo prava, upravleniya i venchurnogo investirovaniya Syktyvkar'skogo gosudarstvennogo universiteta* [Corporate governance and innovative economic development of the North: Bulletin of Research Center of Corporate Law, Management and Venture Investment of Syktyvkar State University], 2009, no. 4, pp. 48–58. (In Russian)
19. Sokolov Yu. Integratsiya kak uslovie vosproizvodstva promyshlennogo kapitala [Integration as a condition for reproduction of industrial capital]. *Ekonomist* [The economist], 2006, no. 5, pp. 21–28. (In Russian)
20. Spitsyn A. Integratsiya i modernizatsiya ekonomiki [Economic integration and modernization]. *Ekonomist* [The economist], 2006, no. 5, pp. 3–9. (In Russian)
21. Gal'perin S.B. (Ed.), Dorodneva M.V., Mishin Yu.V., Pukhova E.V. *Ekonomicheskoe obosnovanie i otsenka effektivnosti projektov sozdaniya korporativnykh struktur* [Economic justification and assessment of effectiveness of projects on establishing corporate entities]. Moscow: Novyi vek, Institut mikroekonomiki, 2001. 51 p. (In Russian)

22. Yakutin Yu. Eshche raz k analizu effektivnosti stanovyashchikhsya rossiiskikh korporatsii [Revisiting the analysis of Russian corporations]. *Rossiiskii ekonomicheskii zhurnal* [Russian journal of economics], 1998, no. 9–10. (In Russian)
23. Adelman M. Integration and the antitrust laws. *Harvard Law Review*, 1949, volume 63, no. 1, pp. 27–77.
24. Coase R.H. The nature of the firm. *Economica. New Series*, 1937, volume 4, no. 16, pp. 386–405.
25. Fisher L. *Verticale Integritation in der nordamerikanishen Landwirtschaft, Berichte iiber Landwirtschaft*. Berlin, 1960. 337 p.
26. Grossman S., Hart O. The Costs and Benefits of Ownership: A Theory of Vertical and Lateral Integration. *Journal of Polit. Econ*, 1986, volume 94, pp. 691–719.
27. Input-Output Accounts Data. Bureau of Economic Analysis. Available at: http://bea.gov/industry/io_annual.htm
28. Harrigan K.R. Vertical Integration and corporate strategy. *The Academy of Management Journal*, 1985, volume 28, no. 2, pp. 397–425.
29. Hart O., Moore J. Property Right and the Nature of the Firm. *Journal of Polit*, 1990.
30. Miller G. Die landwirtschaftliche Erzeugung in der Vertikalen Integritation, *Berichte iiber Landwirtschaft*. Berlin, 1961. 414 p.
31. Spengler J. Vertical Integration and Antitrust Policy. *Journal of Political Economy*, 1950, volume 58, pp. 347–352.
32. Williamson O. *Markets and Hierarchies: Analysis and Antitrust Implications*. New York: Free Press, 1975.

Information about the Author

Sergei Aleksandrovich Kozhevnikov – Ph.D. in Economics, Institute of Socio-Economic Development of Territories of the Russian Academy of Sciences (56a, Gorky Street, Vologda, 160014, Russian Federation, kozhevnikov_sa@bk.ru)

Статья поступила 27.09.2016.

DOI: 10.15838/esc.2016.6.48.4

УДК 338.31; ББК 65.012.5

© Надворная Г.Г., Климчук С.В., Оборин М.С., Гварлиани Т.Е.

Теория и методология оценки экономического потенциала предприятий



**Гольнара Газанфаровна
НАДВОРНАЯ**

Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского
295000, Россия, Республика Крым, г. Симферополь, проспект Вернадского, д. 4
nagss@mail.ru



**Светлана Владимировна
КЛИМЧУК**

доктор экономических наук
Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского
295000, Россия, Республика Крым, г. Симферополь, проспект Вернадского, д. 4
sv1964kl@mail.ru



**Матвей Сергеевич
ОБОРИН**

кандидат географических наук
Пермский институт (филиал) ФГБОУ ВО «Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова»
614070, Россия, г. Пермь, бульвар Гагарина, д. 57
resreachin@rambler.ru.



**Татьяна Евгеньевна
ГВАРЛИАНИ**

доктор экономических наук
Сочинский государственный университет
354000, Россия, г. Сочи, ул. Советская, д. 26а
antana-tata@mail.ru.

Для цитирования: Теория и методология оценки экономического потенциала предприятий / Г.Г. Надворная, С.В. Климчук, М.С. Оборин, Т.Е. Гварлиани // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. – 2016. – № 6. – С. 70-90. DOI: 10.15838/esc.2016.6.48.4

For citation: Nadvornaya G.G., Klimchuk S.V., Oborin M.S., Gvarliani T.E. Theory and methodology of appraisal of enterprise economic potential. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 2016, no. 6, pp. 70-90. DOI: 10.15838/esc.2016.6.48.4

Аннотация. В основе функционирования предприятия лежит формирование и использование его экономического потенциала. От качества данных процессов зависит эффективность деятельности предприятия. Современные условия высокодинамичной среды функционирования предъявляют требования поиска и применения новых подходов к формированию и использованию экономического потенциала предприятий, обеспечивающих возможности выявления и использования внутренних резервов экономического роста. Важным экономическим параметром работы предприятия является оценка эффективности формирования и использования его экономического потенциала. Недостаток научно обоснованных для рыночных условий хозяйствования экономических механизмов контроля и оценки состояния предприятий в сфере эффективности формирования и использования экономических ресурсов снижает инвестиционную активность и конкурентоспособность субъектов хозяйствования. Это обуславливает поиск новых методов и моделей оценок экономического потенциала, что определяет хозяйственную самостоятельность как систему разрабатываемых управленческих воздействий на экономическое состояние и развитие предприятия. Все эти причины указывают на актуальность дальнейшего исследования экономического потенциала предприятий, механизма его функционирования, разработки на этой базе системы управленческих решений, направленных на эффективное формирование и использование экономического потенциала предприятий. Целью выполненного авторами исследования выступала оценка теоретико-методологических подходов к экономическому потенциалу предприятий и формирование методических основ его оценки и эффективного функционирования. В ходе исследования осуществлены ретроспективная оценка и систематизация теоретических и методических подходов к оценке экономического потенциала предприятий. Определено, что недостаточную проработку в исследованиях экономического потенциала предприятий получило его свойство системности, подразумевающее изучение взаимодействия и взаимного влияния системообразующих элементов. В результате исследования представлен методический подход к оценке экономического потенциала предприятия и его эффективному формированию и использованию, в котором, в отличие от ранее предложенных, экономический потенциал предприятия рассматривается как система взаимосвязанных процессов вовлечения, использования и реализации (обновления, накопления) экономических ресурсов, которые тесно взаимодействуют между собой и которые направлены на решение действующего противоречия достаточности и воспроизводства экономических ресурсов. Предлагаемый методический подход к оценке экономического потенциала предприятия основан на определении эффекта взаимодействия и взаимного влияния, выделенных основных структурных компонентов экономического потенциала предприятия – ресурсов и результатов деятельности.

Ключевые слова: экономический потенциал предприятий, формирование и использование экономического потенциала предприятий, экономическая эффективность деятельности, ресурсы предприятий, экономические результаты, оценка экономического потенциала предприятий.

В основе функционирования экономических систем лежат процессы формирования и использования экономического потенциала. Развитие рыночной экономики определяет необходимость

высокого уровня эффективности данных процессов во всех отраслях экономики и на отдельно взятых предприятиях, что способствует разрешению проблемы повышения эффективности деятельности

за счет использования резервов экономического роста в условиях высокодинамичной среды функционирования и ограниченности, дороговизны ресурсов.

Решение данной проблемы обуславливает поиск и применение научно-обоснованных методов и моделей оценки экономического потенциала предприятий, отвечающих современным условиям хозяйствования, и разработку на этой базе системы управленческих решений, направленных на эффективное формирование и использование экономического потенциала предприятия.

Экономический потенциал предприятия является сложной, многогранной, многоуровневой категорией, в связи с чем закономерности его функционирования (формирования, использования и развития) могут быть раскрыты только на основе комплексного системного исследования. Данное обстоятельство определяет необходимость уточнения терминологической базы экономического потенциала предприятия, обоснования подходов к его оценке и эффективному функционированию.

Значительный вклад в развитие научных подходов к экономическому потенциалу предприятия внесли такие ученые, как: Л.И. Абалкин, А.Н. Азрилиян, И.Т. Балабанов, С.А. Бороненкова, И.А. Гунина, Н.В. Заболотская, Ю.В. Киндзерский, А.Н. Люкшинов, К.М. Миско, Т.Ф. Рябова, Т.Г. Храмова.

Серьезное внимание исследованию структуры и оценки экономического потенциала предприятия в своих научных трудах уделили: О.А. Бортник, В.В. Ковалев, И.С. Кравчук, Е.В. Лапин, К.О. Магомедова, Ю.А. Макушева, Р.В. Марушков, Л.Э. Морозова, Г.С. Мерзликина, Л.С. Сосненко, Ю.В. Тимофеева, Л.С. Шаховская.

Вместе с тем недостаточную проработку в исследованиях экономического потенциала предприятий получило его свойство системности, подразумевающее изучение взаимодействия и взаимного влияния системообразующих элементов, что актуализирует задачи дальнейшего развития понятийного аппарата экономического потенциала предприятий, формирования методических подходов к его оценке и эффективному функционированию.

Проблема повышения эффективности деятельности на основе выявления и эффективного использования резервов экономического роста носит двоякое толкование и имеет два аспекта:

- целевой (удовлетворение потребностей на основе выбора стратегии экономического роста, обеспечивающей экономически эффективные результаты);
- ресурсный (использование скрытых, ограниченных, малоиспользуемых ресурсов, направленное на диверсификацию производства).

Такое двоякое толкование определяет взаимозависимость целевого и ресурсного аспекта. Целевая эффективность, т.е. достижение стратегических целей и более высоких результатов деятельности, находится в прямо пропорциональной зависимости от ресурсной эффективности, т.е. эффективности вовлечения и использования ресурсов.

Представленная проблема имеет свои методологические корни формирования, связанные с первоначальными источниками представления об экономическом потенциале.

Так, в Большой Советской Энциклопедии экономический потенциал определяется как «совокупная способность отраслей народного хозяйства производить

промышленную и сельскохозяйственную продукцию, осуществлять капитальное строительство, перевозки грузов, оказывать услуги населению в определенный исторический момент».

Экономическая энциклопедия дает определение экономического потенциала как совокупности экономических возможностей государства. Главными его показателями приводятся уровень развития промышленности, сельского хозяйства, транспорта, наличие природных ресурсов и степень их освоенности, материальные запасы и резервы, уровень развития науки и техники, численность трудоспособного населения, наличие квалифицированных кадров, уровень образования и культуры и т.д. Величина экономического потенциала согласно данной энциклопедии характеризуется фактическим объемом и структурой производства материальных благ.

Приведенные определения по сути отражают совокупную способность имеющихся, произведенных и накопленных в государстве экономических ресурсов к воспроизводству, призванному обеспечить расширяющиеся потребности общества в материальных и нематериальных благах и подразумевают наличие заключенных в указанных экономических ресурсах скрытых резервов по увеличению производства различных благ. Таким образом ресурсы рассматриваются в тесной связи с их непосредственным назначением – обеспечивать результаты: по выпуску продукции, развитию системы, достижению целей производства.

В экономической литературе еще не сложилось четкого определения понятия «потенциал организации (фирмы, предприятия)». В то же время четко прослеживается принципиальное отличие между терминами «ресурсы» и «потенциал». Это

отличие заключается в том, что ресурсы существуют независимо от субъектов экономической деятельности, а потенциал отдельного предприятия в целом неотделим от субъектов деятельности. При этом ресурсы предприятия являются основой формирования его потенциала. Потенциал включает в себя кроме материальных и нематериальных средств способности индивидов, общества в целом к эффективному использованию имеющихся средств и ресурсов, т.е. созданию субъектом деятельности различных благ.

Ресурсный подход к категории «экономический потенциал» достаточно распространен среди исследователей. Его суть заключается в освещении потенциала как совокупности ресурсов и их источников, обеспечивающих производственно-хозяйственную деятельность предприятия. Исследуя «ресурсные» подходы, более четко можно выделить две основные позиции. Первая позиция представляет экономический потенциал как совокупность ресурсов, которые не учитывают их взаимосвязи и участие в процессе производства. Вторая ресурсная позиция заключается в трактовке экономического потенциала как совокупности ресурсов, способных выработать определенное количество материальных благ и услуг, объемов продукции, получения финансовых результатов.

В исследованиях многих современных авторов наряду с категорией «экономические ресурсы» используется категория «экономические результаты», которые являются следствием использования экономических ресурсов.

Среди мнений ученых о понятии экономического потенциала предприятия в рамках результативной концепции мы можем выделить два направления. Согласно первому, экономический потен-

циал предприятия рассматривается как способность хозяйственной системы осваивать, перерабатывать ресурсы для удовлетворения общественных потребностей и создания определенного результата. Ученые, придерживающиеся второго направления, считают, что в понятие экономического потенциала предприятия необхо-

димо включать конечные результаты его финансово-хозяйственной деятельности.

Ретроспективная оценка и систематизация научно-методических подходов к функционированию экономического потенциала, как зарубежных, так и отечественных ученых, нашла свое отражение в *таблице 1*.

Таблица 1. Научно-методические подходы к экономическому потенциалу предприятий

Научный подход	Представители концепции	Сущность экономического потенциала	Структура экономического потенциала	Инструменты экономического потенциала
Ресурсный подход	Азрилян А.Н. [7], Абалкин Л.И. [1], Заболотская Н.В. [16], Лукинов И.И. [25], Черников Д.А. [49], Чимшит С.И. [50].	Экономический потенциал – совокупность количества и качества имеющихся у хозяйственной системы ресурсов	Материальные, нематериальные, трудовые, информационные ресурсы	Натуральные и стоимостные показатели наличия и состояния ресурсов
Ресурсно-целевой подход	Люшкинов А.Н. [26], Бороненкова С.А. [9], Балабанов И.Т. [3], Фигурнов С.Б. [45], Шевченко Д.К. [51], Жигунова О.А. [15], Иванов В.Б. [17], Кохась А.Н. [17], Хмелевский С.М. [17], Макушева Ю.А. [28], Салихова Я.Ю. [36].	Экономический потенциал – совокупность имеющихся ресурсов и возможностей по выпуску продукции	Технические, технологические, производственные, трудовые, пространственные, финансовые ресурсы и возможности	Натуральные и стоимостные показатели наличия, состояния и движения (привлечения и выбытия) ресурсов
Результативный подход в аспекте целевой эффективности	Рябова Т.Ф. [6], Гунина И.А. [13], Храмцова Т.Г. [47], Комаров М.А. [21], Румянцева Е. [21], Яковенко А. [21], Федонин О.С. [44], Репина И.М. [44], Олексюк А.И. [44], Отенко И.П. [33].	Экономический потенциал – способность комплекса ресурсов экономической системы выполнять поставленные перед ней цели и задачи	Система различных видов ресурсов, которые обеспечивают достижение целей производства	Натуральные и стоимостные показатели наличия, состояния, движения (привлечения и выбытия) ресурсов
Результативный подход в аспекте ресурсной эффективности	Миско К.М. [31], Киндзерский Ю.В. [19], Ковалев В.В. [20], Сосненко Л.С. [39], Березин О.В. [4], Краснокутская Н.С. [22], Карпенко Ю.В. [18], Руцак М.Ю. [35], Данькин Н.В. [35], Пузиков О.С. [34], Симмионов Р.Ю. [38], Гогина Г.Н. [10], Никифорова Е.В. [10], Шиянова С.Л. [10], Тимофеева С.А. [42], Снегур Н.Ю. [42], Богатая И.Н. [5], Марушков Р.В. [29].	Экономический потенциал – возможности системы ресурсов и компетенций создавать результат через реализацию комплекса результативных хозяйственных мероприятий	Все виды ресурсов, производственный потенциал (состояние производства и реализации продукции), совокупность имущества предприятия (имущественный потенциал) и финансового положения (финансовый потенциал)	Натуральные и стоимостные показатели наличия, состояния, движения (привлечения и выбытия) ресурсов, показатели возможной результативности и экономической эффективности использования ресурсов

Ретроспективный анализ научно-методических подходов к экономическому потенциалу предприятий указывает на устойчивую тенденцию к смещению акцентов от ресурсной концепции экономического потенциала в сторону результативной концепции.

Началу хозяйственной деятельности в условиях рыночной экономики предшествуют бизнес и финансовое планирование, в процессе чего определяется количество необходимых ресурсов и их источники. Эффективность хозяйственно-экономической деятельности во многом обусловлена правильным формированием состава и структуры экономического потенциала.

Другими словами, экономический потенциал предприятия, на наш взгляд, является определенной совокупностью экономических ресурсов, формируемых хозяйственным субъектом с целью создания целевых экономически эффективных результатов деятельности. Основными экономическими результатами деятельности предприятия, в свою очередь, выступают объем производства товаров и услуг, валовой доход (выручка) предприятия и ее составляющие – постоянные и переменные издержки, прибыль, посредством которых определяется эффективность и результативность деятельности.

С этой точки зрения существует необходимость размежевания понятия экономического потенциала страны, региона, отрасли и других экономических систем, в которых совокупность экономических ресурсов определена сложившимися не только экономическими, но и историческими, климатическими, географическими и другими факторами и обстоятельствами, и понятия экономического потенциала предприятия, где совокупность экономических ресурсов формируется в результате целенаправленных

действий субъекта, в определенном количестве, структуре и качестве для обеспечения целевых экономически эффективных результатов.

Данный подход позволяет объяснить и устранить существующие в экономической литературе разногласия между ресурсным и результативным подходами к понятию экономического потенциала предприятия.

Таким образом, в понятие экономического потенциала предприятия необходимо включать целенаправленный процесс формирования экономических ресурсов, способных генерировать результаты, соответствующие стратегическим целям предприятия. Именно такой подход изначально направлен на обеспечение эффективности деятельности предприятия.

Исходя из вышеизложенного экономический потенциал предприятия с позиции его оценки и возможностей выявления резервов экономического роста можно представить с помощью следующей схемы (рис. 1.).

Деятельность экономического субъекта эффективна, когда сумма вовлекаемых ресурсов менее суммы реализованных ресурсов. Образованный лаг в результате такого сравнения должен покрывать сумму вовлеченных ресурсов и создавать задел для воспроизводственного процесса. Лаговый аспект сбалансированности основан на распределении во времени затрат факторов производства и достигаемого при их взаимодействии эффекта.

Воспроизводство аккумулирует и те экономические ресурсы, которые необходимы для модернизации, технического перевооружения, инновационного развития, тогда управление определенным лагом должно осуществляться в зависимости от выбранной стратегии предприятия и учитывать временной период. Изменение лага вовлеченных экономи-

Рисунок 1. Экономический потенциал предприятия с позиции возможности его оценки и выявления резервов экономического роста

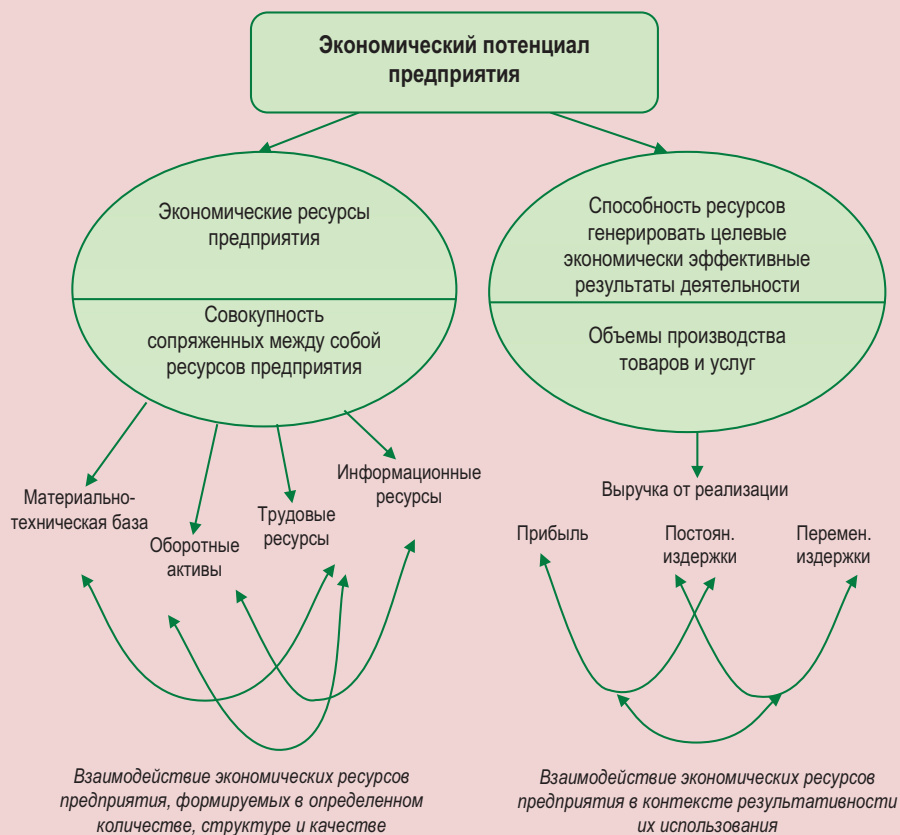


Рисунок 2. Лаг вовлеченных и реализованных экономических ресурсов как инструмент формирования и использования экономического потенциала предприятия



ческих ресурсов и реализованных необходимо координировать во времени и в пространстве. На наш взгляд именно такой подход будет способствовать выявлению и эффективному использованию резервов экономического роста предприятия (рис. 2).

На основании лагового аспекта нами предлагается два основных принципа функционирования (формирования, использования и развития) экономического потенциала предприятия: принцип достаточности экономического потенциала, подразумевающая обеспеченность предприятия оптимальным составом и количеством ресурсов, отраженных в балансе предприятия, необходимых для реализации поставленных целей и стратегических задач, и принцип воспроизводства, который отражает эффективность деятельности предприятия. Эти принципы и будут выступать центральными характеристиками экономического потенциала предприятий.

Помимо двух основных мы предлагаем и другие немаловажные принципы функционирования экономического потенциала предприятия, а именно:

- полнота охвата и вовлечения экономических ресурсов (реальная и достоверная оценка ресурсов предприятия при проведении текущего контроля в контексте правового обеспечения, учета и оценки ресурсов, т.е. на основании правил бухгалтерского и налогового учета);
- экономность использования (оптимизация издержек);
- планомерность и бюджетирование (планирование экономического потенциала и осуществление режима экономии финансовых ресурсов);
- эффективное администрирование (затраты по использованию ресурса не должны превышать экономическую отдачу от его использования);

- инновационное развитие (в основу положено взаимодействие экономических ресурсов и результатов, которое предполагает развитие новых методов воспроизводства).

Представленные принципы будут являться основополагающими для определения ключевых показателей оценки экономического потенциала предприятия.

Проведенное исследование позволяет нам сформулировать понятие экономического потенциала: это система взаимосвязанных процессов вовлечения, использования и реализации (обновления, накопления) экономических ресурсов, которые тесно взаимодействуют между собой и которые направлены на решение действующего противоречия достаточности и воспроизводства экономических ресурсов.

Важный экономический параметр работы предприятия представляет оценка эффективности формирования и использования его экономического потенциала. Отсутствие научно обоснованных для рыночных условий хозяйствования экономических механизмов контроля и оценки состояния предприятий в сфере эффективности формирования и использования экономических ресурсов снижает инвестиционную активность и конкурентоспособность субъектов хозяйствования. Это обуславливает поиск новых методов и моделей оценок экономического потенциала, что определяет хозяйственную самостоятельность как систему разрабатываемых управленческих воздействий на экономическое состояние и развитие предприятия. От качества обоснованности этих воздействий может зависеть существование предприятия.

Наиболее распространенными и традиционными методами оценки экономического потенциала предприятий в современной научной и учебной литературе

являются: методы оценки рыночной стоимости предприятия, методика комплексной рейтинговой оценки экономического потенциала, методика оценки финансовой деятельности предприятия.

Сущность традиционных методов оценки экономического потенциала предприятия представлена в *таблице 2*.

Во всех традиционных методах оценка экономического потенциала предприятия проводится с использованием фактических значений показателей, характеризующих результаты работы хозяйственной системы.

При этом доходный и сравнительный методы рыночной стоимости, а также комплексная рейтинговая оценка характеризуют только результативную составляющую экономического потенциала предприятия, а имущественный (затратный) метод — только ресурсную составляющую.

Преимуществом методики оценки финансовой деятельности предприятия является то, что она включает оценку обеих составляющих экономического потенциала предприятия — ресурсов (имущественный потенциал) и результатов (финансовое положение). При этом имеют место и существенные недостатки:

— имущественная и финансовая составляющие оцениваются разрозненно, без учета факторов взаимодействия;

— оценивается только фактический потенциал, без учета перспективного.

Целевое назначение оценки экономического потенциала предприятия, на наш взгляд, состоит в его исследовании как целостного комплекса, включающего в себя не только наличные ресурсы и текущие имущественные и финансовые возможности, но и потенциальные возможности. Нельзя провести полноценный

Таблица 2. Традиционные методы оценки экономического потенциала предприятия

Методы	Суть метода	Источник
Методы оценки рыночной стоимости предприятия	Включает 3 метода: — доходный, при котором экономический потенциал предприятия оценивается исходя из размера чистого потока экономических результатов от его использования; — рыночный (сравнительный), оценка экономического потенциала предприятия на базе сравнения с аналогами; — имущественный (затратный) — оценка экономического потенциала предприятия исходя из суммы расходов на его формирование и использование.	Щербаков В.А., Щербакова Н.А. [53], Аверина О.И. [2], Цыбульская Э.И., Сотник А.В. [48].
Методика комплексной рейтинговой оценки	Методика включает: — анализ финансово-хозяйственной деятельности предприятия по большому количеству показателей, характеризующих финансовое состояние и финансовые результаты предприятия; — расчет итогового показателя рейтинговой оценки на основе сравнения предприятий по рассчитанным показателям с условным эталонным предприятием, имеющим наилучшие результаты по сравнительным показателям.	Шеремет А.Д., Сайфулин Р.С., Негашев Е.В. [52], Кувшинов Д.А., Половцев П.И. [23].
Методика оценки финансовой деятельности предприятия	Экономический потенциал предприятия анализируется в разрезе оценки имущественного потенциала и финансового положения предприятия, при этом: — используются различные методы оценки имущественной и финансовой составляющих потенциала; — обосновывается применение определенного набора финансовых коэффициентов и показателей деятельности предприятия.	Сосненко Л. С. [39], Ковалев В.В. [20], Ионова А.Ф. и Селезнева Н.Н. [37], Ефимова О.В. [14], Жигунова О.А. [14], Грищенко О.В. [12], Морозова Л.Э., Бортник О.А., Кравчук И.С. [32].

анализ экономического потенциала предприятия на основе какой-либо его обособленной части. Для достижения указанной цели необходимо построение модели экономического потенциала предприятия как целостной системы, позволяющей решать такие задачи, как выявление неиспользуемых резервов и эффективное управление формированием и использованием экономического потенциала предприятия. Традиционные методы оценки не дают в себе такой возможности.

Особенностью современных исследований является то, что ряд ученых ставит вопросы оценки использования экономического потенциала предприятия через сравнение его перспективного уровня с фактическим значением (достигнутым в настоящий момент). Кроме того, анализ последних публикаций свидетельствует о поиске блоков управления экономическим потенциалом при его дифференциации на отдельные составляющие (табл. 3).

Таблица 3. Современные методические подходы к оценке экономического потенциала предприятия

Структурные составляющие экономического потенциала предприятия	Суть методики оценки экономического потенциала предприятия	Автор, источник
Рыночный; производственный; финансовый	Проведение экспресс – оценки по отдельным составляющим экономического потенциала предприятия, затем применение бального метода	Мерзликина Г.С., Шаховская Л.С. [30]
Кадровый; производственный; инновационный; организационно-управленческий	Экспресс-оценка отдельных подсистем экономического потенциала предприятия в т.ч. определение пороговых значений показателей. Величина суммарного экономического потенциала определяется как сумма локальных потенциалов	Лапин Е.В. [24]
Производственный потенциал (производственная, материальная, кадровая составляющие); финансовый	Проведение оценки отдельных составляющих экономического потенциала предприятия с помощью финансовых показателей, а также бальным и экспертным методами	Фомин П.А., Старовойтов М.К. [46]
Основной капитал; производственный персонал; энергетические ресурсы; технология реализации услуг; информационный ресурс	Применение нормативных величин различных составляющих экономического потенциала предприятия, необходимых для производства одной условной единицы конкретного вида продукта или оказываемых услуг. Исходя из чего, рассчитываются потенциальные возможности каждой составляющей экономического потенциала предприятия	Магомедова К.О. [27]
Трудовой; производственный; финансовый; транспортный; инженерный; научно-инновационный.	Проведение оценки экономического потенциала при использовании технологии агрегирования показателей	Сыров А.Н. [41]
Имущественный; финансовый	Экономический потенциал предприятия определяется суммарной величиной имущественного потенциала предприятия, финансового положения и финансовых результатов	Янкевич П.А. [54]
Производственно-технический; маркетинговый; трудовой; инновационный; финансово-инвестиционный	Проведение оценки с помощью финансовых индикаторов и с использованием системы неравенств, основанной на «золотом правиле экономики предприятия»	Тимофеева Ю.В. [43]
Финансовые ресурсы; хозяйственный потенциал; производственный потенциал	Оценка использования экономического потенциала предприятия проводится на основе алгоритма применения структурно-целевого анализа и системы расчета структурных коэффициентов хозяйственной деятельности с использованием форм бухгалтерской отчетности. Оценка эффективности использования экономического потенциала проводится методом сравнения фактически достигнутых значений показателей хозяйственной деятельности предприятия с их потенциальными значениями	Марушков Р.В. [29]

Современные методы оценки основаны на выделении отдельных структурных составляющих экономического потенциала предприятия, при этом структурные компоненты всеми авторами определяются по-разному. Оценивание проводится также по отдельным компонентам с применением различных методов: балльного, экспертного, экспресс-оценки, оценки посредством финансовых индикаторов, т.е. на основе фактических значений показателей, характеризующих результаты работы предприятия. Ряд авторов, к примеру Е.В. Лапин, К.О. Магомедова, Р.В. Марушков, включают в оценку экономического потенциала предприятия оценку его потенциальных возможностей с целью сопоставления фактически достигнутых предприятием показателей с пороговыми.

В отечественной практике уже выработаны определенные подходы к определению потенциальных возможностей предприятия и оценке их использования. В связи с этим на первое место выдвигается проблема экономического измерения имеющихся ресурсов и результатов их функционирования, однако проблема оценки взаимодействия структурных элементов экономического потенциала отодвигается на задний план.

Таким образом, актуальной задачей является создание методики определения как фактических, так и потенциальных возможностей предприятия не по отдельным составляющим, а системно, с учетом взаимодействия и взаимообусловленного влияния, выделенных структурообразующих элементов.

В связи с этим в основу оценки экономического потенциала предприятия должен быть заложен критерий эффективного взаимодействия между показателями оценки формирования и использования экономических ресурсов и показате-

лями оценки экономических результатов. Характер такого взаимодействия определяется трансформацией внутренней и внешней среды предприятия, при которой роль экономического потенциала заключается в формировании и реализации внутренних источников саморазвития в целях обеспечения стабильной, эффективной работы предприятия.

Структурное разложение элементов оценки экономического потенциала предприятия можно представить блоками следующих показателей (рис. 3).

В процессе производственно-хозяйственной деятельности предприятия экономические ресурсы трансформируются и приобретают значение экономических результатов. Рассмотрим основные элементы оценочных показателей экономических результатов (рис. 4).

Следует обратить внимание на то, что, с позиции формирования и использования экономического потенциала, как для экономических ресурсов, так и для экономических результатов применяются одни и те же оценочные показатели. Однако если оценить эффективность формирования и использования экономического потенциала предприятия, тогда появляется противоречие между оценкой эффективности экономических ресурсов и оценкой эффективности экономических результатов предприятия (рис. 5).

Использование имущественно-ресурсного потенциала в производственно-хозяйственной деятельности влечет за собой формирование финансового потенциала (рис. 6).

Экономический потенциал предприятия обусловлен не только объемом экономических ресурсов, но и их качеством, структурой, степенью сбалансированности составляющих, рациональностью использования. Решение проблемы

Рисунок 3. Основные элементы оценочных показателей формирования и использования экономических ресурсов в системе экономического потенциала предприятия

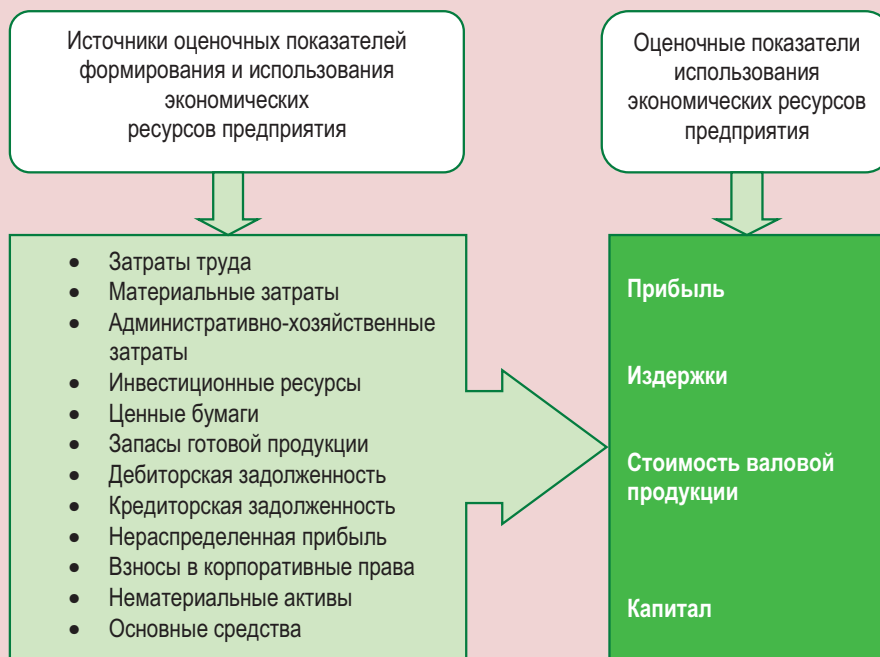


Рисунок 4. Основные элементы оценочных показателей экономических результатов предприятия с позиции формирования и использования его экономического потенциала

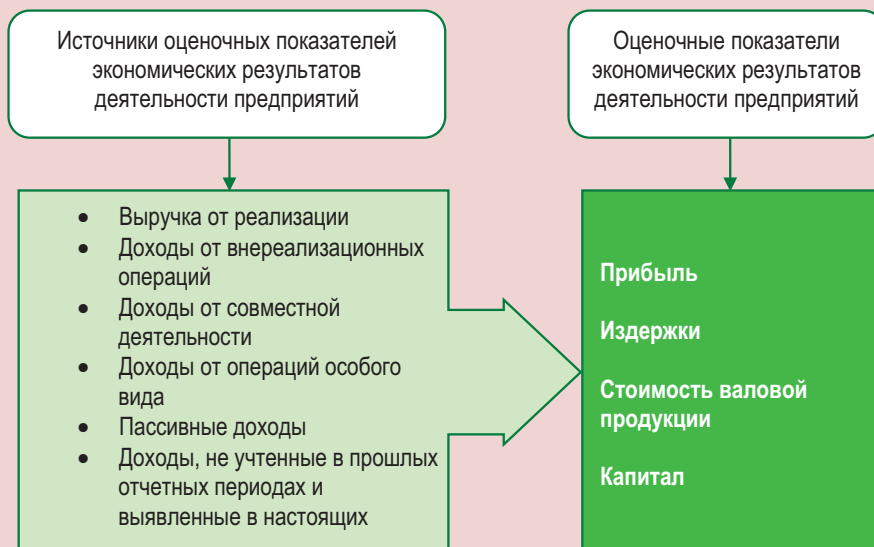


Рисунок 5. Оценочные показатели эффективности формирования и использования экономических ресурсов предприятия в системе экономического потенциала

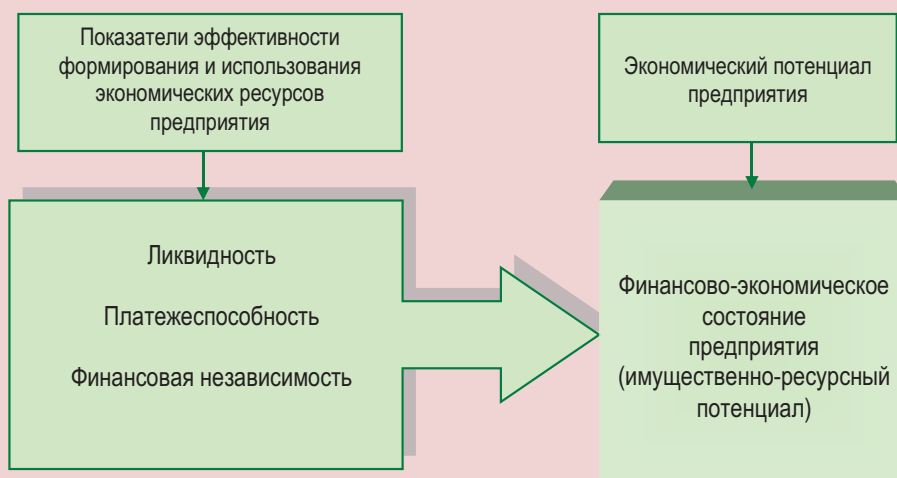
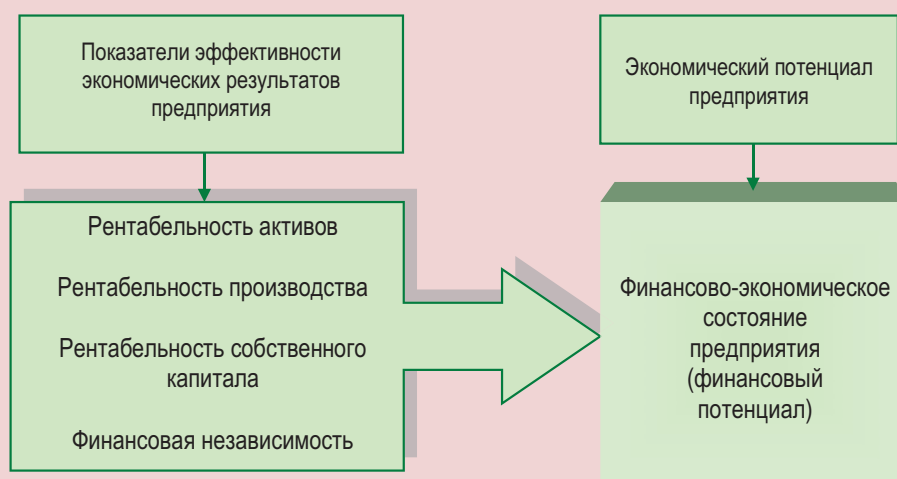


Рисунок 6. Показатели эффективности экономических результатов предприятия в системе экономического потенциала



обеспечения эффективности деятельности предприятия в значительной степени зависит от рационального использования всех его потенциальных возможностей.

В связи с этим именно в оценке эффективности и находится основной критерий оценки качества формирования и использования экономического потенциала предприятия. И если наполнить конкретным функциональным содержанием оценку эффективности формирования и

использования экономического потенциала, то мы приходим к выводу, что необходимо сопоставлять два основных оценочных критерия:

- оценку эффективности формирования и использования экономических ресурсов по критерию ликвидности (имущественно-ресурсный потенциал);
- оценку эффективности экономических результатов по критерию рентабельности (финансовый потенциал).

Важно отметить, что связующим звеном между выделенными показателями является показатель финансовой независимости предприятия.

Так, если рассматривать эффективность использования экономических ресурсов с позиции ликвидности, а также эффективность экономических результатов с позиции рентабельности, то возникает дилемма: рентабельность или ликвидность. Суть данной проблемы заключается в следующем: если предприятие имеет высокую прибыль, то оно высоко-рентабельно, но если эту прибыль целиком направлять на дивиденды (в том числе не учитывая фактор наличия свободных денежных средств), то оно снижает свою ликвидность и становится неустойчивым. Бурное реинвестирование прибыли, наращивание оборота, обновление основных средств и освоение новых рынков снижает текущую ликвидность. Возникший дефицит ликвидности покрывается дополнительными заемными ресурсами, что снижает устойчивость (финансовую независимость предприятия). Можно сделать вывод, что если вся чистая прибыль остается нераспределенной и структура пассивов меняется в пользу собственного капитала, то темп прироста объемов продаж и выручки ограничен уровнем чистой рентабельности активов. При неизменной структуре пассивов приемлемым признается такой темп прироста оборота, который совпадает с приростом собственного капитала.

Таким образом, в стремлении к успехам предприятию приходится решать важную дилемму, именуемую «основной дилеммой финансового менеджмента», рентабельность или ликвидность и зачастую жертвовать либо тем, либо другим в попытках совместить динамичное раз-

витие с наличием достаточного уровня денежных средств и высокой платежеспособностью [40, с. 383].

Учитывая определенные нами основные критерии оценки экономического потенциала – рентабельность и ликвидность, мы полагаем, что центральным элементом оценки экономического потенциала предприятия должен стать показатель, характеризующий оптимальное взаимодействие показателей рентабельности и ликвидности. Содержание данного показателя должно отражать эффективное взаимодействие, как экономических ресурсов, так и экономических результатов с учетом «золотого правила экономики предприятия». Тогда темп роста совокупных активов можно представить как допустимый темп роста ликвидности:

$$\text{Тр. ликв.} \Rightarrow \text{максимально допустимое значение,} \quad (1)$$

где Тр. ликв. – темп роста ликвидности.

Максимально допустимое значение ликвидности должно быть сопряжено с допустимым ростом рентабельности, который мы можем отождествить с совокупной оценкой темпа роста выручки и темпа роста прибыли:

$$\text{Тр. рентаб.} \Rightarrow \text{максимально допустимое значение,} \quad (2)$$

где Тр. рентаб. – темп роста рентабельности.

Тогда допускаем, что:

$$\text{Тр. ликв.} \cong \text{Тр. рентаб.} \quad (3)$$

Учитывая практику дифференциации структурных элементов экономического потенциала, следует задать блоки оценочных показателей, необходимых для определения темпа роста как ликвидности, так и рентабельности.

Показателями ликвидности могут быть: коэффициент текущей ликвидности, коэффициент срочной ликвидности, коэффициент абсолютной ликвидности; показателями рентабельности: рентабельность активов, рентабельность собственного капитала, эффективность использования активов для производства продукции, доля заемных средств в общей сумме источников, доля свободных от обязательств активов, находящихся в мобильной форме, доля накопленного капитала, рентабельность производства.

Допустим, значения темпов роста ликвидности и рентабельности должны определить область эффективного взаимодействия экономических ресурсов и экономических результатов, которая и задает область эффективного функционирования экономического потенциала.

Исследуя экономический потенциал предприятия как совокупность его ресурсов, способную обеспечивать достижение намеченных результатов деятельности, необходимо рассматривать каждую составляющую экономического потенциала не изолированно саму по себе, а в системе. Лишь взаимодействуя между

собой в единой системе, компоненты экономического потенциала предприятия позволят получить эффект синергии, который нельзя определить как сумму эффектов от функционирования отдельных составных частей.

Представленный нами методический подход к оценке экономического потенциала предприятия предоставляет возможность обеспечения реализации наиболее эффективных форм вложения капитала, направленных на расширение экономического потенциала предприятия, и имеет преимущества по отношению к действующим и ранее использованным. Такой методический подход будет положен в основу дальнейшего исследования механизма эффективного формирования и использования экономического потенциала предприятия. Два определенных нами критерия должны функционировать в системе слаженного механизма эффективного формирования и использования экономического потенциала. Условием эффективного функционирования должны стать оптимальные технологии оценки экономического потенциала предприятий.

Литература

1. Абалкин, Л.И. Диалектика социалистической экономики / Л.И. Абалкин. — М.: Наука, 1981. — 352 с.
2. Аверина, О.И. Комплексный экономический анализ хозяйственной деятельности: учебник / О.И. Аверина, В.В. Давыдова, Н.И. Лушенкова. — М.: КноРус, 2012. — 432 с.
3. Балабанов, И.Т. Основы финансового менеджмента: учебное пособие / И.Т. Балабанов. — 3-е изд., перераб. и доп. — М.: Финансы и статистика, 2001. — 526 с.
4. Березин, О.В. Теория и практика обеспечения эффективного использования потенциала торговых предприятий: монография / О.В. Березин, Ю.В. Карпенко. — Полтава: Интерграфика, 2012. — 203 с.
5. Богатая, И.Н. Стратегический учет и аудит: теория и практика / И.Н. Богатая // *Фундаментальные исследования*. — 2007. — № 4. — С. 42-45.
6. Большой коммерческий словарь [Текст] / под ред. Т.Ф. Рябовой. — М.: Знание, 1996. — 399 с.
7. Большой экономический словарь [Текст] / под ред. А.Н. Азрилияна. — 2 изд. доп. и перераб. — М.: Институт новой экономики, 1997. — 864 с.
8. Борзенкова, К.С. Оценка экономического потенциала предприятия и повышение эффективности его использования: автореф. дис. ... канд. экон. наук: 08.00.05 / Борзенкова Ксения Сергеевна. — Белгород, 2003. — 24 с.

9. Бороненкова, С.А. Управленческий анализ / С.А. Бороненкова. – М.: Финансы и статистика, 2001. – 384 с.
10. Комплексный экономический анализ хозяйственной деятельности: учебное пособие / Г.Н. Гогина, Е.В. Никифорова, С.Л. Шиянова, О.В. Шнайдер. – СПб.: Гиорд, 2008. – 192 с.
11. Грибовский, С.В. О повышении достоверности оценки рыночной стоимости методом сравнительного анализа / С.В. Грибовский, Н.П. Баринов, И.Н. Анисимов // Вопросы оценки. – 2004. – № 1. – С. 2-10.
12. Грищенко, О.В. Анализ и диагностика финансово-хозяйственной деятельности предприятия: учебное пособие / О.В. Грищенко. – Таганрог: Изд-во ТРТУ, 2000. – 112 с.
13. Гунина, И.А. Экономический потенциал предприятия: сущность, содержание, структура / И.А. Гунина // Машиностроитель. – 2004. – № 11. – С. 24-28.
14. Ефимова, О.В. Финансовый анализ: современный инструментарий для принятия экономических решений: учебник / О.В. Ефимова. – М.: Омега-Л, 2009. – 350 с.
15. Жигунова, О.А. Теория и методология прогнозирования экономического потенциала предприятия / О.А. Жигунова // Финансы и кредит. – 2010. – С. 21.
16. Заболотская, Н.В. Оценка экономического потенциала предприятия / Н.В. Заболотская, П.В. Козлова // Экономический анализ: теория и практика. – 2009. № 5 (134). – С. 42-47.
17. Иванов, В.Г. Потенциал предприятия / В.Б. Иванов, О.М. Кохась, С.М. Хмелевский. – К.: Кондор, 2009. – 300 с.
18. Карпенко, Л. Методологические аспекты анализа финансового состояния предприятия / Л. Карпенко // Торговля и рынок: тематический сборник научных трудов по проблемам торговли и гражданского питания. – Вып. 14. Т. II. – Донецк: ДонДУЭТ. – 2002. – С. 152-158.
19. Киндзерский, Ю.В. Промышленный потенциал Украины: проблемы и перспективы структурно-информационных трансформаций / отв. ред. Ю.В. Киндзерский. – К.: Ин-т экономики и прогнозирования НАН Украины, 2007. – 408 с.
20. Ковалев, В.В. Финансы организаций (предприятий): учебник / В.В. Ковалев. – М.: Проспект, 2010. – 352 с.
21. Комаров, В.В. Ресурсный потенциал экономического роста / М.А. Комаров, А.Н. Романов. – М.: Путь России, 2002. – 567 с.
22. Краснокутская, Н.С. Потенциал предприятия: формирование и оценка: учебное пособие / Н.С. Краснокутская. – К.: Центр учебной литературы, 2005. – 352 с.
23. Кувшинов, Д.А. Рейтинговая оценка финансового состояния предприятия / Д.А. Кувшинов, П.И. Половцев // Экономический анализ: теория и практика. – 2007. – № 6. – С. 25-28.
24. Лапин, Е.В. Экономический потенциал предприятия: монография / Е.В. Лапин. – Сумы: Университетская книга, 2006. – 310 с.
25. Лукинов, И.И. Эволюция экономических систем: монография / И.И. Лукинов / М.: Экономика, 2002. – 567с.
26. Люкшинов, А.Н. Стратегический менеджмент на предприятиях АПК / А.Н. Люкшинов. – М.: Колос, 1999. – 367с.
27. Магомедова, К.О. Формирование системы оценочных показателей деятельности предприятий сферы услуг: дис. ... канд. экон. наук: 08.00.05 / Магомедова Карина Омаровна. – Махачкала, 2009. – 136 с.
28. Макушева, Ю.А. Механизм формирования экономического потенциала предприятий в современных условиях: дис. ... канд. экон. наук: 08.00.05 / Макушева Юлия Андреевна. – Н. Новгород, 2003. – 212 с.
29. Марушков, Р.В. Оценка использования экономического потенциала предприятия (на примере предприятий печатной отрасли): автореф. дис. ... канд. экон. наук 08.00.05 / Марушков Роман Владимирович. – М., 2000. – 39 с.
30. Мерзликина, Г.С. Оценка экономической состоятельности предприятия: монография / Г.С. Мерзликина, Л.С. Шаховская. – Волгоградское ГТУ, Волгоград, 1998. – 63 с.
31. Миско, К.М. Ресурсный потенциал региона (теоретические и методологические аспекты исследования) / К.М. Миско. – М.: Наука, 1991. – 94 с.

32. Морозова, Л.Э. Экспертные методы и технологии комплексной оценки экономического и инновационного потенциала предприятий / Л.Э. Морозова, О.А. Бортник, И.С. Кравчук. – М., 2009. – 81 с.
33. Отенко, И.П. Стратегическое управление потенциалом предприятия / И.П. Отенко. – Харьков: Харьк. нац. эк. ун-т, 2006. – 256 с.
34. Пузиков, О.С. Социально-экономическое прогнозирование / О.С. Пузиков. – Ростов н/Д: Рост. гос. строит. ун-т. – 2000. – 124 с.
35. Рушак, М.Ю. Многоаспектность понятий «экономический и ресурсный потенциал» предприятия, их взаимосвязь / М.Ю. Рушак, Н.В. Данькив // Научный вестник Ужгородского университета. Экономика. – 2012. – Вып. 36. – С. 182-186.
36. Салихова, Я.Ю. Конкурентный потенциал предприятия: сущность, структура методика оценки: учебное пособие / Я.Ю. Салихова. – СПб.: Изд-во СПбГУЭФ, 2011. – 52 с.
37. Селезнева, Н.Н. Финансовый анализ. Управление финансами: учебное пособие / Н.Н. Селезнева, А.Ф. Ионова. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: ЮНИТИ, 2006. – 639 с.
38. Симионов, Р.Ю. Стоимостная оценка экономического потенциала строительного предприятия: подходы и методы / Р.Ю. Симионов // Экономический анализ: теория и практика. – 2007. – № 2. – С. 14-19.
39. Сосненко, Л.С. Информация об экономическом потенциале предприятия / Л.С. Сосненко // Все для бухгалтера. – 2002. – № 23. – С. 2-8.
40. Стоянова, Е.С. Финансовый менеджмент: теория и практика: учебник / под ред. Е.С. Стояновой. – 6-е изд. – М.: Перспектива, 2010. – 656 с.
41. Сыров, А.Н. Оценка экономического потенциала территорий / А.Н. Сыров // Регионоведение. – № 2. – 2008.
42. Тимофеева, С.А. Сравнительная оценка подходов к анализу экономического потенциала предприятия / С.А. Тимофеева, Н.Ю. Снегур // Научные записки Орел ГИЭТ. – 2011. – № 1 (3). – С. 108-114.
43. Тимофеева, Ю.В. Оценка экономического потенциала организации: финансово-инвестиционный потенциал / Ю.В. Тимофеева // Экономический анализ: теория и практика. – 2009. – № 1(130). – С. 43-53.
44. Федонин, А.С. Потенциал предприятия: формирование и оценка: учебное пособие / А.С. Федонин, И.М. Репина, А.И. Олексик. – К.: КНЕУ, 2003. – 316 с.
45. Фигурнов, Э.Б. Производственный потенциал / Э.Б. Фигурнов. – М.: Дело, 1989. – 201 с.
46. Старовойтов, М.К. Особенности оценки потенциала промышленных предприятий / М.К. Старовойтов, П.А. Фомин // Антикризисное и внешнее управление. – 2006. – № 2. – С. 27-41.
47. Храмцова, Т.Г. Методология исследования социально-экономического потенциала потреб. кооперации: дис. ... д-ра экон. наук.: 08.00.05 / Храмцова Татьяна Георгиевна. – Новосибирск, 2002. – 410 с.
48. Цыбульская, Э.И. Теоретические основы экономического потенциала предприятий [Электронный ресурс] / Э.И. Цыбульская, А.В. Сотник. – Режим доступа: http://archive.nbuv.gov.ua/portal/soc_gum/bi/2009_3/58-61.pdf
49. Черников, Д. А. Эффективность использования производственного потенциала и конечные народнохозяйственные результаты / Д. А. Черников // Экономические науки. – 1981. – № 10. – С. 25-27.
50. Чимшит, С.И. Управление потенциалом сложных социально-экономических систем: монография / С.И. Чимшит. – Днепропетровск: Монолит, 2008. – 363 с.
51. Шевченко, Д.К. Проблемы эффективности использования экономического потенциала / Д.К. Шевченко. – Владивосток: Изд-во ДГУ, 1984. – 156 с.
52. Шеремет, А.Д. Методика финансового анализа / А.Д. Шеремет, Р.С. Сайфулин. – М.: ИНФРА-М, 1996. – 172 с.
53. Щербаков, В.А. Оценка стоимости предприятия (бизнеса) / В.А. Щербаков, Н.А. Щербакова. – М.: Омега-Л, 2006. – 288 с.
54. Янкевич, П.А. Экономический потенциал предприятия и методы оценки [Электронный ресурс] / П.А. Янкевич // Горный информационно-аналитический бюллетень (научно-технический журнал). – 2006. – № 12. – Режим доступа: http://giab-online.ru/files/Data/2006/12/7_YAnkevich.pdf

Сведения об авторах

Гюльнара Газанфаровна Надворная – старший преподаватель, Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского, Институт экономики и управления (295000, Россия, Республика Крым, г. Симферополь, проспект Вернадского, д. 4, naggss@mail.ru)

Светлана Владимировна Климчук – доктор экономических наук, профессор, Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского, Институт экономики и управления (295000, Россия, Республика Крым, г. Симферополь, проспект Вернадского, д. 4, sv1964kl@mail.ru)

Матвей Сергеевич Оборин – кандидат географических наук, Пермский институт (филиал) Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Российский экономический университет имени Г.В. Плеханова» (614070, Россия, г. Пермь, бульвар Гагарина, д. 57, gcreachin@rambler.ru)

Татьяна Евгеньевна Гварлиани – доктор экономических наук, профессор, Сочинский государственный университет (354000, Россия, г. Сочи, ул. Советская, д. 26а, antana-tata@mail.ru)

Nadvornaya G.G., Klimchuk S.V., Oborin M.S., Gvarliani T.E.

Theory and Methodology of Appraisal of Enterprise Economic Potential

Abstract. The functioning of an enterprise is based on building and use of its economic potential. The company's performance depends on the quality of these processes. Modern conditions of highly dynamic operating environment put demands on the search and application of new approaches to the building and use of economic potential of enterprises which provide opportunities for identifying and using internal economic growth reserves. An important economic parameter of the enterprise operation is the appraisal of economic potential formation and use effectiveness. Lack of economic control mechanisms scientifically proved for market management conditions and appraisal of the enterprises' state in terms of efficiency of economic resources formation and use diminish investment activity and the competitiveness of economic entities. This necessitates the search for new methods and models for appraising economic potential, which defines economic independence as a system of management impacts on the economic state and development of an enterprise. All these factors indicate the relevance of further studies of enterprise economic potential, the mechanism of its functioning, the development of a system of management decisions aimed at effective formation and use of the enterprise economic potential. The aim of the study is to evaluate theoretical and methodological approaches to the enterprise economic potential and form methodological principles for its appraisal and effective functioning. During the study, the authors carried out a retrospective evaluation and systematization of theoretical and methodological approaches to the appraisal of enterprise economic potential. It has been determined that properties of enterprise economic potential, namely, consistency, which implies the study of interaction and mutual influence of system elements, were understudied. The study presents a methodical approach to appraising enterprise economic potential and its effective formation and use, which, unlike the previously suggested approaches, considers the economic potential of the enterprise as a system of interconnected processes of inclusion, use and implementation (upgrades, supplies) of economic resources which interact closely and are aimed at addressing the existing contradictions of sufficiency and reproduction of economic resources. The proposed methodological approach to appraising enterprise economic potential is based on identifying the synergy and reciprocal influence effects and the main structural components of economic potential of an enterprise – resources and performance results.

Key words: enterprise economic potential, building and use of enterprise economic potential, economic performance, enterprise resources, economic performance, appraisal of enterprise economic potential.

References

1. Abalkin L.I. *Dialektika sotsialisticheskoi ekonomiki* [Dialectic of socialist economy]. Moscow: Nauka, 1981. 352 p. (In Russian)
2. Averina O.I., Davydova V.V., Lushenkova N.I. *Kompleksnyi ekonomicheskii analiz khozyaistvennoi deyatel'nosti: uchebnyk* [Comprehensive economic analysis of economic activity: textbook]. Moscow: KnoRus, 2012. 432 p. (In Russian)
3. Balabanov I.T. *Osnovy finansovogo menedzhmenta: uchebnoe posobie* [The principles of financial management : training manual]. 3rd edition, revised and expanded. Moscow: Finansy i statistika, 2001. 526 p. (In Russian)
4. Berezin O.V., Karpenko Yu.V. *Teoriya i praktika obespecheniya effektivnogo ispol'zovaniya potentsiala torgovykh predpriyatii: monografiya* [Theory and practice of effective use of commercial enterprise potential: monograph]. Poltava: Intergrafika, 2012. 203 p. (In Russian)
5. Bogataya I.N. Strategicheskii uchet i audit: teoriya i praktika [Strategic accounting and auditing: theory and practice]. *Fundamental'nye issledovaniya* [Fundamental research], 2007, no.4, pp.42–45. (In Russian)
6. Ryabova T.F. (Ed.). *Bol'shoi kommercheskii slovar'* [The great dictionary of commerce]. Moscow: Znanie, 1996. 399 p. (In Russian)
7. Azriliyan A.N. (Ed.). *Bol'shoi ekonomicheskii slovar'* [The great economic dictionary]. 2nd edition, revised and expanded. Moscow: Institut novoi ekonomiki, 1997. 864 p. (In Russian)
8. Borzenkova K.S. *Otsenka ekonomicheskogo potentsiala predpriyatiya i povyshenie effektivnosti ego ispol'zovaniya: avtoref. dis. ... kand. ekon. nauk: 08.00.05* [Assessment of the enterprise's economic potential and improvement of its use efficiency: Ph.D. in Economics dissertation abstract: 08.00.05]. Belgorod, 2003. 24 p. (In Russian)
9. Boronenkova S.A. *Upravlencheskii analiz* [Management analysis]. Moscow: Finansy i statistika, 2001. 384 p. (In Russian)
10. Gogina G.N., Nikiforova E.V., Shiyanova S.L., Schneider O.V. *Kompleksnyi ekonomicheskii analiz khozyaistvennoi deyatel'nosti: uchebnoe posobie* [Comprehensive economic analysis of economic activity: training manual]. Saint Petersburg: Giord, 2008. 192 p. (In Russian)
11. Gribovskii S.V., Barinov N.P., Anisimov I.N. O povyshenii dostovernosti otsenki rynochnoi stoimosti metodom sravnitel'nogo analiza [On the improvement of validity of market value appraisal through the method of comparative analysis]. *Voprosy otsenki* [The appraisal issues], 2004, no.1, pp. 2–10. (In Russian)
12. Grishchenko O.V. *Analiz i diagnostika finansovo-khozyaistvennoi deyatel'nosti predpriyatiya: uchebnoe posobie* [Analysis and diagnostics of financial and economic activity of an enterprise: training manual]. Taganrog: Izd-vo TRTU, 2000. 112 p. (In Russian)
13. Gunina I.A. Ekonomicheskii potentsial predpriyatiya: sushchnost', sodержание, struktura [Economic potential of an enterprise: nature, essence, structure]. *Mashinostroitel'* [Mechanician], 2004, no. 11, pp. 24-28. (In Russian)
14. Efimova O.V. *Finansovyi analiz: sovremennyy instrumentarii dlya prinyatiya ekonomicheskikh reshenii: uchebnyk* [Financial analysis: modern tools for economic decision-making: textbook]. Moscow: Omega-L, 2009. 350 p. (In Russian)
15. Zhigunova O.A. Teoriya i metodologiya prognozirovaniya ekonomicheskogo potentsiala predpriyatiya [Theory and methodology of forecasting economic potential of an enterprise]. *Finansy i kredit* [Finance and credit], 2010, p. 21. (In Russian)
16. Zabolotskaya N.V., Kozlova P.V. Otsenka ekonomicheskogo potentsiala predpriyatiya [Appraisal of enterprise economic potential]. *Ekonomicheskii analiz: teoriya i praktika* [Economic analysis: theory and practice], 2009, no.5 (134), pp. 42–47. (In Russian)
17. Ivanov V.G., Kokhas'O.M., Khmelevskii S.M. *Potentsial predpriyatiya* [Enterprise potential]. Kiev: Kondor, 2009. 300 p. (In Russian)
18. Karpenko L. Metodologicheskie aspekty analiza finansovogo sostoyaniya predpriyatiya [Methodological aspects of analyzing enterprise financial status]. *Torgovlya i ryok: tematicheskii sbornik nauchnykh trudov po problemam trgovli i grazhdanskogo pitaniya* [Trade and market: subject collection of scientific works on the issues of trade and public catering], issue 14, volume 2. Donetsk: DonDUET, 2002. Pp. 152–158. (In Russian)
19. Kindzerskii Yu.V. (Ed.). *Promyshlennyy potentsial Ukrainy: problemy i perspektivy strukturno-informatsionnykh transformatsii* [Ukraine's industrial capacity]. Kiev: In-t ekonomiki i prognozirovaniya NAN Ukrainy, 2007. 408 p. (In Russian)

20. Kovalev V.V. *Finansy organizatsii (predpriyatii): uchebnik* [Corporate (enterprise) finance: textbook]. Moscow: Prospekt, 2010. 352 p. (In Russian)
21. Komarov V.V., Romanov A.N. *Resursnyi potentsial ekonomicheskogo rosta* [Resource potential of economic growth]. Moscow: Put' Rossii, 2002. 567 p. (In Russian)
22. Krasnokutskaya N.S. *Potentsial predpriyatiya: formirovanie i otsenka: uchebnoe posobie* [Enterprise potential: formation and appraisal: training manual]. Kiev: Tsentr uchebnoi literatury, 2005. 352 p. (In Russian)
23. Kuvshinov D.A., Polovtsev P.I. *Reitingovaya otsenka finansovogo sostoyaniya predpriyatiya* [Rating assessment of enterprise financial status]. *Ekonomicheskii analiz: teoriya i praktika* [Economic analysis: theory and practice], 2007, no.6, pp. 25–28. (In Russian)
24. Lapin E.V. *Ekonomicheskii potentsial predpriyatiya: monografiya* [Enterprise economic potential: monograph]. Sumy: Universitetskaya kniga, 2006. 310 p. (In Russian)
25. Lukinov I.I. *Evolutsiya ekonomicheskikh sistem: monografiya* [Evolution of economic systems: monograph]. Moscow: Ekonomika, 2002. 567 p. (In Russian)
26. Lyukshinov A.N. *Strategicheskii menedzhment na predpriyatiyakh APK* [Strategic management in agricultural enterprises]. Moscow: Kolos, 1999. 367 p. (In Russian)
27. Magomedova K.O. *Formirovanie sistemy otsenochnykh pokazatelei deyatel'nosti predpriyatii sfery uslug: dis. ... kand. ekon. nauk: 08.00.05* [The development of a system of appraisal indicators of service-oriented enterprise activity: Ph.D. in Economics dissertation: 08.00.05]. Makhachkala, 2009. 136 p. (In Russian)
28. Makusheva Yu.A. *Mekhanizm formirovaniya ekonomicheskogo potentsiala predpriyatii v sovremennykh usloviyakh: dis. ... kand. ekon. nauk: 08.00.05* [Mechanism of formation of enterprise economic potential in modern conditions: Ph.D. in Economics dissertation: 08.00.05]. Nizhny Novgorod, 2003. 212 p. (In Russian)
29. Marushkov R.V. *Otsenka ispol'zovaniya ekonomicheskogo potentsiala predpriyatiya (na primere predpriyatii pechatnoi otrasli): avtoref. dis. ... kand. ekon. nauk 08.00.05* [Appraisal of enterprise economic potential usage (the example of printing industry): Ph.D. in Economics dissertation abstract: 08.00.05]. Moscow, 2000. 39 p. (In Russian)
30. Merzlikina G.S., Shakhovskaya L.S. *Otsenka ekonomicheskoi sostoyatel'nosti predpriyatiya: monografiya* [Appraisal of enterprise economic solvency: monograph]. Volgogradskoe GTU, Volgograd, 1998. 63 p. (In Russian)
31. Misko K.M. *Resursnyi potentsial regiona (teoreticheskie i metodologicheskie aspekty issledovaniya)* [Region's resource potential (theoretical and methodological research aspects)]. Moscow: Nauka, 1991. 94 p. (In Russian)
32. Morozova L.E., Bortnik O.A., Kravchuk I.S. *Ekspertnye metody i tekhnologii kompleksnoi otsenki ekonomicheskogo i innovatsionnogo potentsiala predpriyatii* [Expert methods and technologies for integrated assessment of the economic and innovative potential of the enterprises]. Moscow, 2009. 81 p. (In Russian)
33. Otenko I.P. *Strategicheskoe upravlenie potentsialom predpriyatiya* [Strategic management of enterprise potential]. Kharkiv: Khar'k. nats. ek. un-t, 2006. 256 p. (In Russian)
34. Puzikov O.S. *Sotsial'no-ekonomicheskoe prognozirovaniye* [Socio-economic forecasting]. Rostov-on-Don: Rost. gos. stroit. un-t, 2000. 124 p. (In Russian)
35. Rushchak M.Yu., Dan'kiv N.V. *Mnogoaspektnost' ponyatii "ekonomicheskii i resursnyi potentsial" predpriyatiya, ikh vzaimosvyaz'* [The multi-aspect nature of terms "economic and resource enterprise potential" and their correlation]. *Nauchnyi vestnik Uzhgorodskogo universiteta. Ekonomika* [Scientific bulletin of Uzhgorod National University. Series: "Economics"], 2012, issue 36, pp. 182–186. (In Russian)
36. Salikhova Ya.Yu. *Konkurentnyi potentsial predpriyatiya: sushchnost', struktura metodika otsenki: uchebnoe posobie* [Enterprise competitive potential: nature, structure and appraisal methodology: training manual]. Saint Petersburg: Izd-vo SPbGUEF, 2011. 52 p. (In Russian)
37. Selezneva N.N., Ionova A.F. *Finansovyi analiz. Upravlenie finansami: uchebnoe posobie* [Financial analysis. Financial management: training manual]. 2nd edition, revised and expanded. Moscow: YuNITI, 2006. 639 p. (In Russian)
38. Simionov R.Yu. *Stoimostnaya otsenka ekonomicheskogo potentsiala stroitel'nogo predpriyatiya: podkhody i metody* [Value appraisal of construction enterprise economic potential: approaches and methods]. *Ekonomicheskii analiz: teoriya i praktika* [Economic analysis: theory and practice], 2007, no. 2, pp. 14–19. (In Russian)
39. Sosnenko L.S. *Informatsiya ob ekonomicheskom potentsiale predpriyatiya* [Information of enterprise economic potential]. *Vse dlya bukhgaltera* [Accountancy solutions], 2002, no. 23, pp. 2–8. (In Russian)
40. Stoyanova E.S. (Ed.). *Finansovyi menedzhment: teoriya i praktika: uchebnik* [Financial management: theory and practice: textbook]. 6th edition. Moscow: Perspektiva, 2010. 656 p. (In Russian)

41. Syrov A.N. Otsenka ekonomicheskogo potentsiala territorii [Appraisal of territory economic potential]. *Regionologiya* [Regionology], no.2, 2008. (In Russian)
42. Timofeeva S.A., Snegur N.Yu. Sravnitel'naya otsenka podkhodov k analizu ekonomicheskogo potentsiala predpriyatiya [Comparative assessment of approaches to analyzing enterprise economic potential]. *Nauchnye zapiski Orel GIET* [Scientific notes of Oryol State University of Management and Trade], 2011, no. 1(3), pp. 108–114. (In Russian)
43. Timofeeva Yu.V. Otsenka ekonomicheskogo potentsiala organizatsii: finansovo-investitsionnyi potentsial [Evaluation of economic potential of an organization: financial-investment potential]. *Ekonomicheskii analiz: teoriya i praktika* [Economic analysis: theory and practice], 2009, no.1(130), pp. 43–53. (In Russian)
44. Fedonin A.S., Repina I.M., Oleksik A.I. *Potentsial predpriyatiya: formirovanie i otsenka: uchebnoe posobie* [Enterprise potential: formation and appraisal: training manual]. Kiev: KNEU, 2003. 316 p. (In Russian)
45. Figurnov E.B. *Proizvodstvennyi potentsial* [Production potential]. Moscow: Delo, 1989. 201 p. (In Russian)
46. Starovoitov M.K., Fomin P.A. Osobennosti otsenki potentsiala promyshlennykh predpriyatii [Peculiarities of appraising industrial enterprise potential]. *Antikrizisnoe i vneshnee upravlenie* [Anti-crisis and external management], 2006, no. 2, pp. 27–41. (In Russian)
47. Khramtsova T.G. *Metodologiya issledovaniya sotsial'no-ekonomicheskogo potentsiala potreb. kooperatsii: dis. ... d-ra ekon. nauk.: 08.00.05* [Methods of research of socio-economic potential of consumer cooperative societies: Doctor of Economics dissertation: 08.00.05]. Novosibirsk, 2002. 410 p. (In Russian)
48. Tsybul'skaya E.I., Sotnik A.V. *Teoreticheskie osnovy ekonomicheskogo potentsiala predpriyatii* [Theoretical framework of enterprise economic potential]. Available at: http://archive.nbuv.gov.ua/portal/soc_gum/bi/2009_3/58-61.pdf. (In Russian)
49. Chernikov D.A. Effektivnost' ispol'zovaniya proizvodstvennogo potentsiala i konechnye narodnokhozyaistvennye rezul'taty [Effective use of production potential and final national results]. *Ekonomicheskie nauki* [Economic sciences], 1981, no. 10, pp. 25–27. (In Russian)
50. Chimshit S.I. *Upravlenie potentsialom slozhnykh sotsial'no-ekonomicheskikh sistem: monografiya* [Management of potential of complex socio-economic systems: monograph]. Dnepropetrovsk: Monolit, 2008. 363 p. (In Russian)
51. Shevchenko D.K. *Problemy effektivnosti ispol'zovaniya ekonomicheskogo potentsiala* [Issues of effective use of economic potential]. Vladivostok: Izd-vo DGU, 1984. 156 p. (In Russian)
52. Sheremet A.D., Saifulin R.S. *Metodika finansovogo analiza* [Financial analysis methodology]. Moscow: INFRA-M, 1996. 172 p. (In Russian)
53. Shcherbakov V.A., Shcherbakova N.A. *Otsenka stoimosti predpriyatiya (biznesa)* [Enterprise (business) value estimation]. Moscow: Omega-L, 2006. 288 p. (In Russian)
54. Yankevich P.A. Ekonomicheskii potentsial predpriyatiya i metody otsenki [Enterprise economic potential and methods of its appraisal]. *Gornyi informatsionno-analiticheskii byulleten' (nauchno-tekhnicheskii zhurnal)* [Mining informational and analytical bulletin (scientific and technical journal)], 2006, no. 12. Available at: http://giab-online.ru/files/Data/2006/12/7_YAnkevich.pdf. (In Russian)

Information about the Authors

Gyul'nara Gazanfarovna Nadvornaya – Senior Lecturer, V.I. Vernadsky Crimean Federal University, Institute of Economics and Management (4, Vernadsky Avenue, Simferopol, Republic of Crimea, 295000, Russian Federation, naggs@mail.ru)

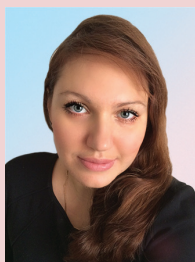
Svetlana Vladimirovna Klimchuk – Doctor of Economics, Professor, V.I. Vernadsky Crimean Federal University, Institute of Economics and Management (4, Vernadsky Avenue, Simferopol, Republic of Crimea, 295000, Russian Federation, sv1964kl@mail.ru)

Matvei Sergeevich Oborin – Ph.D. in Geography, Perm Institute (branch) of the Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Professional Education Plekhanov Russian University of Economics (57, Gagarin Boulevard, Perm, 614070, Russian Federation, recreachin@rambler.ru)

Tat'yana Evgen'evna Gvarliani – Doctor of Economics, Professor, Sochi State University (26A, Sovetskaya Street, Sochi, 354000, Russian Federation, antana-tata@mail.ru)

Статья поступила 27.09.2016.

Моделирование диверсификации рынка как основы устойчивого экономического роста*



**Елена Анатольевна
ДЕРУНОВА**

кандидат экономических наук
Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте РФ
119571, Россия, г. Москва, ул. Вернадского, д. 82
ea.derunova@yandex.ru



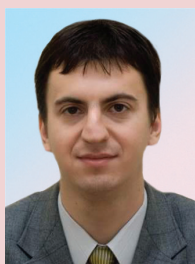
**Наталья Витальевна
УСТИНОВА**

кандидат экономических наук
Саратовский социально-экономический институт
Российской экономической академии им. Г.В. Плеханова
410003, Россия, г. Саратов ул. Радищева, д. 89
nv_ustinova@mail.ru



**Владимир Александрович
ДЕРУНОВ**

кандидат технических наук
Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте РФ
119571, Россия, г. Москва, ул. Вернадского, д. 82
vaderunoff@yandex.ru



**Александр Сергеевич
СЕМЕНОВ**

кандидат физико-математических наук
Институт космических технологий Российского университета
дружбы народов
117189, Россия, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6
semenov.venture@mail.ru

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 15-36-20573 мол_а_вед «Разработка методологии и инструментария мониторинга и прогнозирования влияния стимулирования спроса высокотехнологичной продукции на инновационное развитие регионов».

Для цитирования: Моделирование диверсификации рынка как основы устойчивого экономического роста / Е.А. Дерунова, Н.В. Устинова, В.А. Дерунов, А.С. Семенов // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. – 2016. – № 6. – С. 91-109. DOI: 10.15838/esc.2016.6.48.5

For citation: Derunova E.A., Ustinova N.V., Derunov V.A., Semenov A.S. Modeling of diversification of market as a basis for sustainable economic growth. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 2016, no. 6, pp. 91-109. DOI: 10.15838/esc.2016.6.48.5

Аннотация. В статье рассматривается актуальная для современной экономики России проблема зависимости ключевых макроэкономических показателей от динамики цен на энергоресурсы, прежде всего цен на нефть. С целью преодоления неблагоприятных тенденций, связанных с динамикой цен на нефть, в качестве действенных инструментов государственного регулирования предлагается рассматривать меры по постепенной диверсификации российской экономики. Для проверки гипотезы о том, что диверсификация позволит повысить устойчивость национальной экономической системы, рассмотрена система одновременных уравнений, в числе эндогенных переменных которых выступают структурные величины, отражающие структуру национального производства. В качестве эндогенных переменных в данном исследовании поочередно выступают доля валовой добавленной стоимости, образованной в i -том секторе, в общем объеме валовой добавленной стоимости и базисный индекс валовой добавленной стоимости, образованной в i -том секторе, аналогичный индексу выпуска отрасли. Проверка гипотезы проведена в два этапа: на первом этапе по результатам эконометрического моделирования в качестве основной экзогенной переменной выбран показатель реального эффективного курса рубля к иностранным валютам, на втором этапе осуществлена оценка основной системы уравнений. Эконометрические расчеты произведены для следующих видов экономической деятельности (в соответствии с классификацией ОКВЭД): сельское хозяйство, охота и лесное хозяйство; добыча полезных ископаемых; обрабатывающие производства; оптовая и розничная торговля; ремонт автотранспортных средств, мотоциклов, бытовых изделий и предметов личного пользования. В ходе эконометрического моделирования получены коинтегрирующие уравнения для исследуемых пар показателей и сделан вывод о наличии существенных диспропорций в обозначенных секторах экономики. В результате анализа полученных данных предложен комплекс мер государственного регулирования, направленных на преодоление сложившихся диспропорций.

Ключевые слова: диверсификация, динамика экспортных цен на нефть, эконометрическое моделирование, тест причинности Грэнджера, коинтеграция, валовая добавленная стоимость, реальный эффективный курс рубля, государственное регулирование.

Введение

В силу особенностей структуры национальной экономики России зависимость ее от динамики экзогенных факторов и мировой рыночной конъюнктуры крайне велика. Данный факт неоднократно отмечался многими российскими и зарубежными исследователями: А.Г. Гранбергом [5], Р.М. Мельниковым [8], А.И. Татаркиным [13], Е.А. Федоровой и М.П. Лазаревым [14], Н.Н. Дворец и А.Ю. Шевелевым [6], З.Р. Газизовым [3], К. Ito [17], G. Grossman [18], W. Leontieff [20], R. Miller [21], Raa [23], A. Young [26]. Тем не менее до сих пор не разработана и не реализована комплексная программа по преодолению экспортно-сырьевой ориен-

тированности экономики России. В данном исследовании предпринята попытка аналитического осмысления структурных особенностей российской экономики и с помощью инструментов эконометрического моделирования выявлены устойчивые закономерности воздействия колебаний цен на нефть на отдельные сектора российской экономики, что в дальнейшем может быть использовано для разработки направлений государственной политики по преодолению неблагоприятных тенденций, связанных с динамикой цен на энергоресурсы. Методы эконометрического моделирования (тест причинности Грэнджера, проверка временных рядов на стационарность и решение проблемы

нестационарности, построение коинтегрирующих уравнений), примененные в данном исследовании, подробно описаны в работах отечественных и зарубежных ученых: С.А. Айвазяна [1] и Б.Е. Бродского [2], Е.И. Сухановой и С.Ю. Ширнаевой [12], В.В. Кистанова [7], Krugman [19], М. Porter [22], D. Storey [25].

1. Основные гипотезы и результаты эконометрического моделирования

В качестве действенных инструментов государственного регулирования для предотвращения неблагоприятных тенденций, связанных с колебаниями мировых цен на энергоресурсы, предлагается рассматривать меры по постепенной диверсификации российской экономики с целью обеспечения меньшей зависимости ключевых макроэкономических показателей от экзогенных колебаний котировок на мировых биржах. Прежде всего, речь идет о мировых ценах на нефть, которые являются ключевым фактором динамики российской экономики. Таким образом, основной экзогенной переменной в данном исследовании выступают колебания цены на нефть на мировых товарных рынках.

Для проверки гипотезы о том, что диверсификация позволит повысить устойчивость национальной экономической системы благодаря снижению влияния цен на энергоресурсы на ключевые макроэкономические показатели, следует рассмотреть систему одновременных уравнений, в числе эндогенных переменных которых выступают структурные величины (отражающие структуру национального производства) и проанализировать полученные в ходе эконометрического моделирования данные. Применение структурных эндогенных переменных в системе одновременных уравнений позволяет, во-первых, проводить анализ

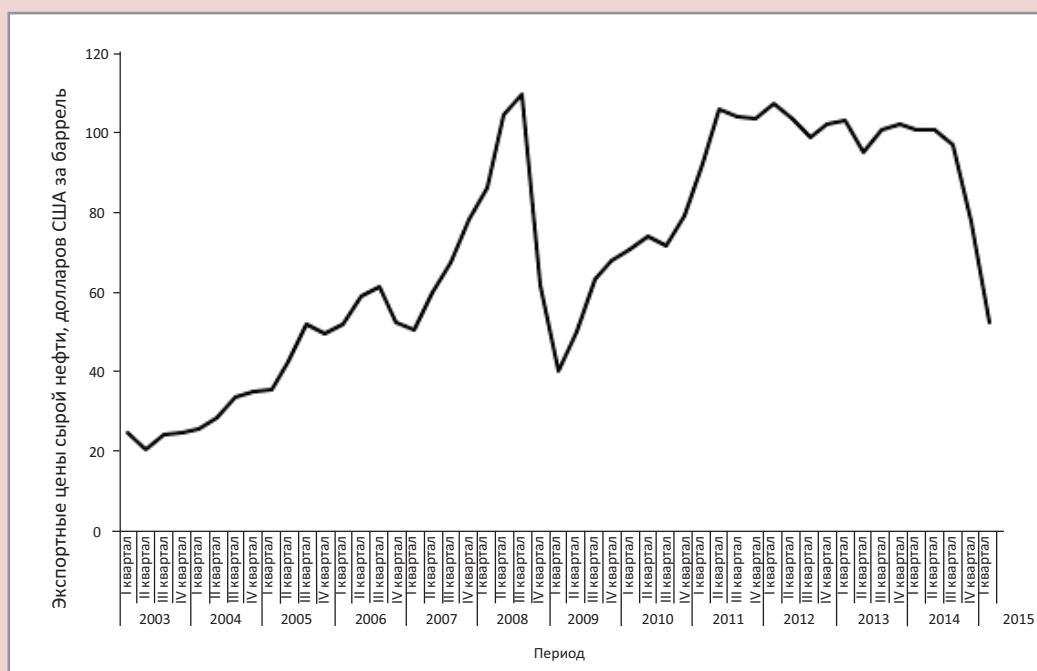
в разрезе отраслей национального хозяйства, во-вторых, избежать мультиколлинеарности при построении более сложной эконометрической модели.

Предлагается осуществить проверку гипотезы в два этапа: на первом этапе необходимо определить основную экзогенную переменную, на втором этапе осуществить оценку основной системы уравнений. Все авторские расчеты, представленные в настоящей работе, выполнены с использованием пакетов прикладных программ Microsoft Excel и EViews.

Одним из макроэкономических параметров, который непосредственно на себе испытывает колебания цен на энергоресурсы и служит своеобразным индикатором положения дел на мировых рынках энергоносителей, является обменный курс национальной валюты. Повышение цены на нефть влечет за собой повышение реального обменного курса рубля, поскольку экономические агенты уверены в стабильности национальной экономической системы и, как следствие, национальной валюты и политики Центрального банка. Напротив, снижение цен на нефть, особенно резкое и/или длительное, порождает у экономических агентов негативные ожидания и заставляет делать неутешительные прогнозы, что, вследствие снижения притока иностранной валюты в страну, оборачивается повышенным спросом на нее и падением спроса на национальную валюту [24].

На *рисунке 1* представлена поквартальная динамика экспортных цен сырой нефти. Как известно, стоимость российской марки экспортной нефтяной смеси Urals напрямую зависит от цены на нефть сорта Brent, однако по причине более высокой плотности и большего содержания серы продается с определенным дисконтом. Учитывая изложенное, в качестве

Рисунок 1. Динамика экспортных цен сырой нефти, долларов США за баррель



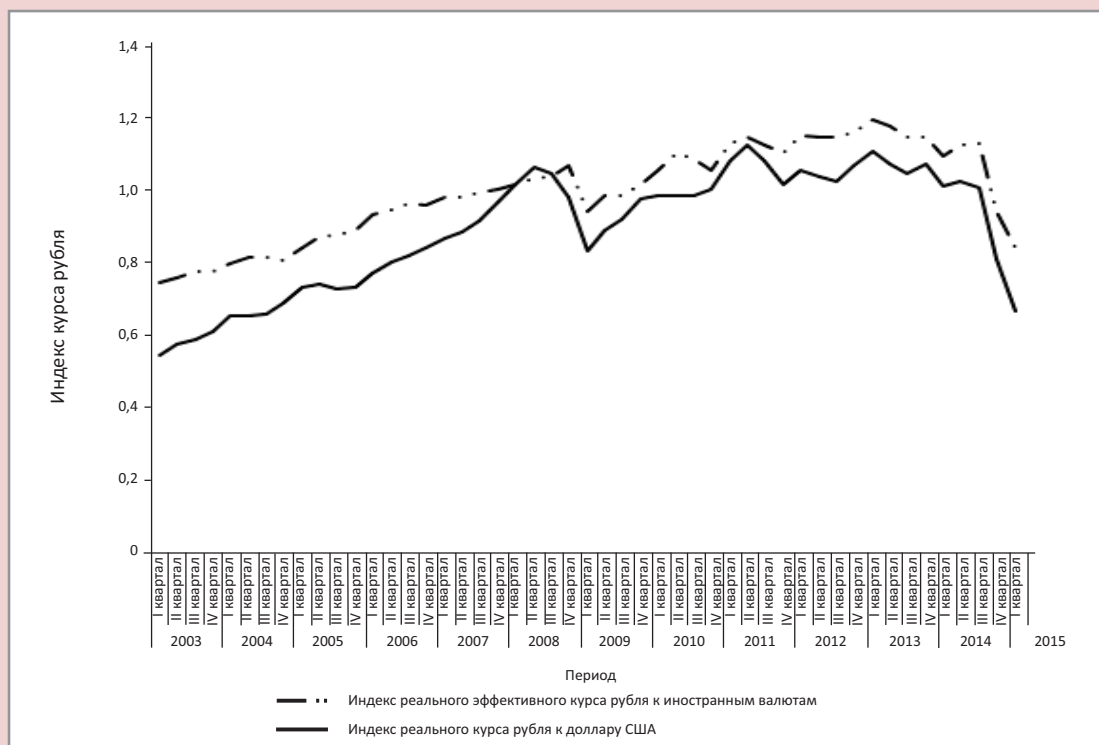
основной экзогенной переменной мы рассмотрели экспортные цены сырой нефти, рассчитанные как среднее значение за каждый квартал. На графике явно заметны два периода резкого падения мировых цен на энергоресурсы: в 3 квартале 2008 – 1 квартале 2009 г. и в 3 квартале 2014 – 1 квартале 2015 г.

В то же самое время отмечены колебания реального курса рубля к доллару США и реального эффективного курса рубля к иностранным валютам, что отражено на *рисунке 2*. График реального курса рубля в обозначенных временных интервалах не так явно «проседает» благодаря, во-первых, проводимой Центральным банком политике поддержки национальной валюты, во-вторых, в связи с особенностями расчета показателей, которые учитывают также общемировые тенденции (это очевидно при сравнении динамики показателей во время кризиса

2008–2009 гг., особенно для показателя реального эффективного курса рубля, рассчитываемого по кругу стран – основных торговых партнеров России.) Этим же объясняется и большая волатильность показателя реального курса рубля к доллару США, чем показателя реального эффективного курса рубля, так как во втором показателе колебания курса доллара частично гасятся колебаниями курсов других валют, учтенных в расчетах. Кроме того, реальный эффективный курс рубля несколько выше реального курса рубля к доллару США.

Таким образом, первая зависимость, которую предлагается проанализировать в рамках данного исследования, касается нахождения функциональной связи между показателями реального курса рубля и экспортными ценами на сырую нефть. Данные показатели за период с 1 квартала 2003 по 1 квартал 2015 года (всего

Рисунок 2. Динамика индексов реального курса рубля к доллару США и реального эффективного курса рубля к иностранным валютам, 1 кв. 2008 г. = 1



49 наблюдений) взяты и рассчитаны на основе статистической информации, находящейся в открытом доступе на официальном сайте Банка России [9]. С целью обеспечения согласованности статистических данных здесь и далее все показатели пересчитаны к 1 кварталу 2008 года.

Несмотря на очевидность выводов относительно направления причинно-следственной связи, для их обоснования был проведен тест причинности Грэнджера. Высокая степень волатильности показателей не позволяет использовать для данных целей агрегированные величины наподобие помесечных или квартальных, поскольку на границе во многом произвольных соседних интервалов времени могут содержаться прямо противоположные тенденции, которые при агрегировании становятся незаметными и искажают

результаты теста. В качестве статистической базы для исследования выступили данные о ежедневных котировках нефти марки Brent и о ежедневном обменном курсе рубля к доллару США, устанавливаемом Банком России, с сайтов Банка России и группы «ФИНАМ» [10]. Тестирование показателей осуществлялось в интервале с 1 января 2003 по 31 марта 2015 года, т.е. за весь рассматриваемый период. Результатом тестирования стало определение однозначной причинно-следственной связи по Грэнджеру обменного курса рубля к доллару США от котировок цен на нефть, причем зависимость становится очевидной (F -статистика = 37, значение p существенно меньше 0,01) при включении лагов в несколько дней, поскольку Центральный банк достаточно осторожно реагирует на изменения конъюнктуры, кроме того,

в выходные и праздничные дни обменный курс рубля, как правило, постоянен. Обратная зависимость не подтвердилась.

В общем виде функциональная связь между исследуемыми величинами может быть отражена следующим образом:

$$e_t = f(\text{oil}_t), \quad (1)$$

где e_t – индекс реального курса рубля;
 oil_t – экспортная цена сырой нефти.

Выражение (1) задает функцию реального курса рубля от экспортной цены на сырую нефть. В качестве зависимой переменной поочередно выступили индекс реального курса рубля к доллару США и индекс реального эффективного курса рубля к иностранным валютам.

В ходе проведения расширенного теста Дики–Фуллера (тест ADF) обнаружено, что исходные ряды статистических данных являются интегрированными первого порядка. Для решения проблемы нестационарности рядов исходных статистических данных в качестве переменных используются показатели их приращения. После проведения процедуры линеаризации уравнение регрессии может быть записано в виде выражения (2):

$$\ln e_t - \ln e_{t-1} = a_1 + a_2 \times (\ln \text{oil}_t - \ln \text{oil}_{t-1}) + u_t \quad (2)$$

Результаты оценивания уравнения на уровне значимости $\alpha = 0,05$ представлены в *таблице 1*.

Оба уравнения и их коэффициенты оказались статистически значимыми, за

исключением константы. Обращает на себя внимание тот факт, что для индекса реального курса рубля к доллару США коэффициент детерминации существенно выше, что вполне объяснимо. Однако зависимость не так тесна (средняя), поскольку на реальный курс рубля влияет не только фактор цены на сырую нефть, зависящий от колебаний конъюнктуры мировых рынков, но и множество других: институциональные, политические, а также не учтенные в модели экономические факторы. Полученные критерии Дарбина–Уотсона (DW) свидетельствуют об удовлетворительном качестве полученных уравнений регрессии.

На *рисунках 3 и 4* представлена динамика фактических и расчетных по полученным моделям показателей реального курса рубля. Очевидно, что модель, построенная для индекса реального курса рубля к доллару США, более предпочтительна с точки зрения составления прогнозов. Тем не менее для целей дальнейшего исследования в качестве независимой переменной более предпочтительным оказывается второй показатель – индекс реального эффективного курса рубля к иностранным валютам, поскольку в последние годы на динамику макроэкономических показателей в России все больше влияет динамика не только обменного курса доллара США, но также евро и других валют, особенно в условиях переориентирования международных отношений в сторону стран БРИКС.

Таблица 1. Результаты оценивания уравнений регрессии показателей реального курса рубля

	Логарифм индекса реального курса рубля к доллару США	Логарифм индекса реального эффективного курса рубля к иностранным валютам
const	0	0
$\ln \text{oil}_t$	0,26	0,15
R^2	0,49	0,28
DW	1,65	2,01

Рисунок 3. Динамика фактического и расчетного логарифма индекса реального курса рубля к доллару США, 1 кв. 2008 г. = 1

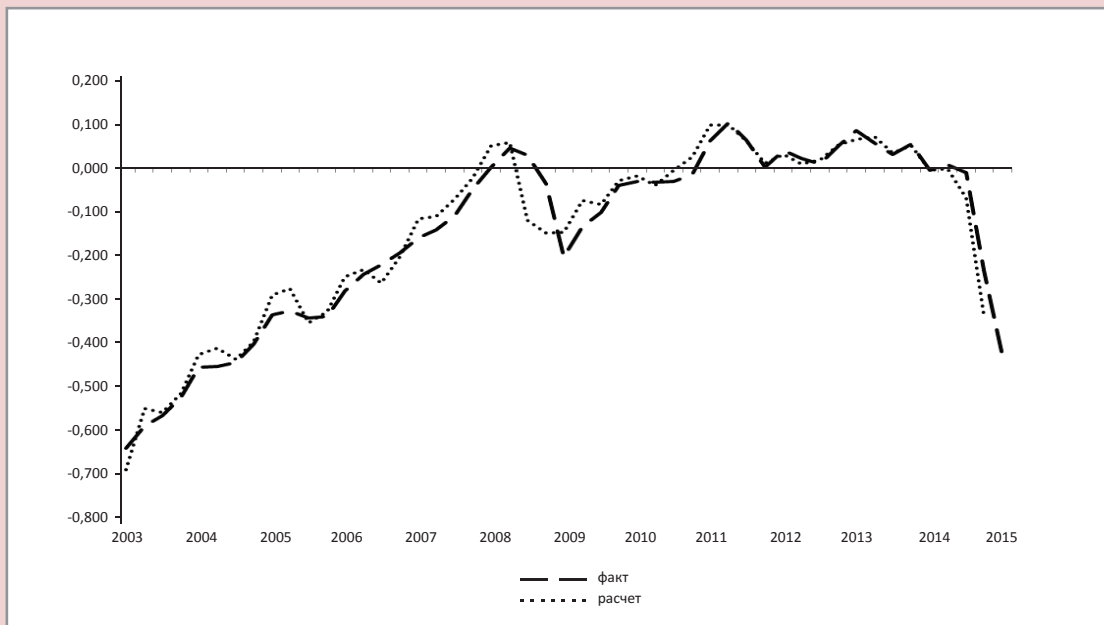
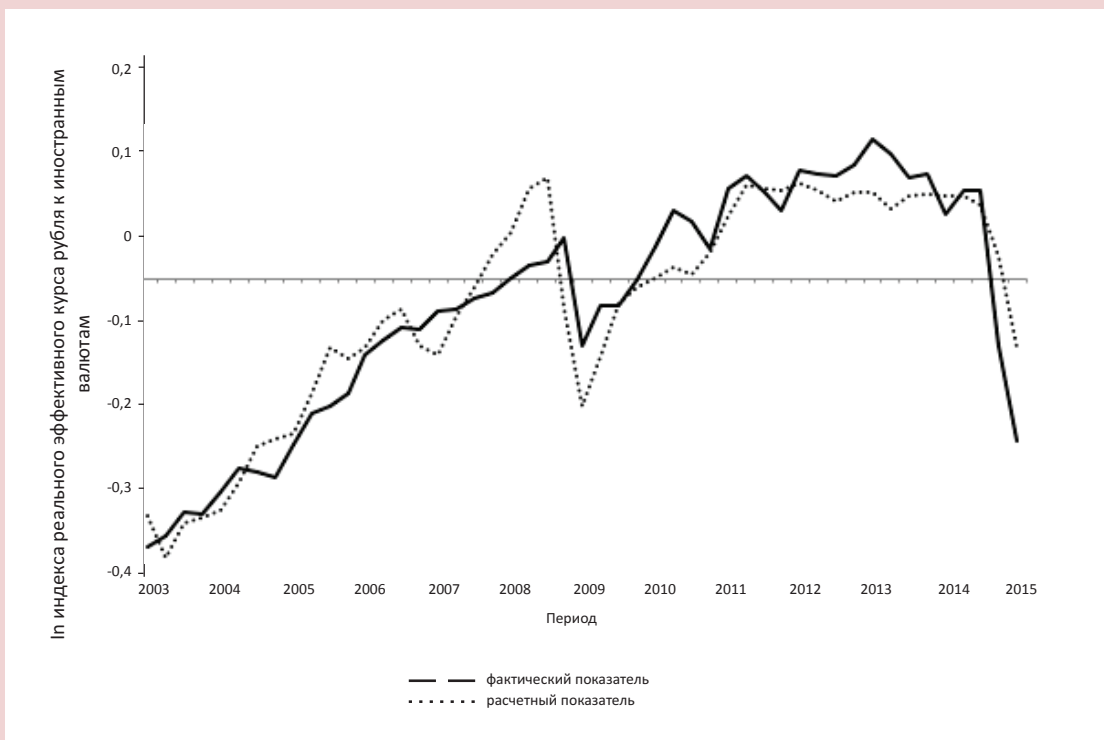


Рисунок 4. Динамика фактического и расчетного логарифма индекса реального эффективного курса рубля к иностранным валютам, 1 кв. 2008 г. = 1



Для целей дальнейшего исследования запишем в общем виде систему одновременных уравнений, которую необходимо решить:

$$\begin{aligned} GVA_{s1t} &= f(e_t) \\ GVA_{s2t} &= f(e_t) \\ &\dots \\ GVA_{sit} &= f(e_t), \end{aligned} \quad (3)$$

где GVA_{sit} – соответствующий показатель валовой добавленной стоимости, образованной в i -том секторе;

e_t – индекс реального эффективного курса рубля к иностранным валютам.

В отличие от других исследований, посвященных сходной проблематике, в настоящей работе в качестве основной зависимой переменной предлагается рассмотреть показатели валовой добавленной стоимости и ее производных. Выбор зависимой переменной обусловлен следующими причинами:

1) валовая добавленная стоимость является ключевой составляющей валового внутреннего продукта (ее вклад в ВВП относительно стабилен и составляет более 85% на протяжении всего исследуемого периода);

2) показатель валовой добавленной стоимости исключает промежуточное потребление.

В качестве показателей валовой добавленной стоимости, образованной в i -том секторе, выступают: а) доля валовой добавленной стоимости, образованной в i -том секторе, в общем объеме валовой добавленной стоимости; б) базисный индекс валовой добавленной стоимости, образованной в i -том секторе (аналогичен индексу выпуска отрасли). В данном исследовании рассмотрены показатели валовой добавленной стоимости, образованной в следующих секторах эконо-

мики в соответствии с классификацией по системе ОКВЭД:

- сельское хозяйство, охота и лесное хозяйство (раздел А);
- добыча полезных ископаемых (раздел С);
- обрабатывающие производства (раздел D);
- оптовая и розничная торговля; ремонт автотранспортных средств, мотоциклов, бытовых изделий и предметов личного пользования (раздел G).

Исходные данные о размере и структуре валовой добавленной стоимости взяты из открытого источника – базы данных Федеральной службы государственной статистики [11].

В качестве независимой переменной выступает индекс реального эффективного курса рубля к иностранным валютам. Очевидно, что в модель могла быть включена и экзогенная переменная из первой модели – экспортная цена на сырую нефть, однако с целью исключения эффекта мультиколлинеарности при эконометрическом моделировании в спецификацию модели был включен только первый показатель. Кроме того, использование в данной модели в качестве регрессора экспортной цены на сырую нефть могло бы повлечь искажение общих результатов расчетов по причине более тесной связи показателя с показателями добывающих отраслей экономики. Все показатели, включенные в спецификацию модели, взяты в логарифмах соответствующих величин.

Протестируем полученные временные ряды на стационарность и в случае нестационарного временного ряда определим порядок интегрированности. Проверка временных рядов на стационарность проводилась с помощью расширенного теста

Дики—Фуллера. Тест выявил нестационарность временных рядов в уровнях и их стационарность на уровне первых разностей.

С целью избежать построения ложных регрессий и ошибочных выводов к параметрам временных рядов, имеющих одинаковый порядок интегрирования и стационарный ряд остатков модели, применен коинтеграционный подход по методу Энгеля—Грэнджера. Суть коинтеграционного подхода состоит в том, что линейная комбинация нестационарных рядов может быть стационарной, тогда возможно применение классического метода наименьших квадратов для оценивания результатов эконометрического моделирования. Полученное коинтегрирующее уравнение можно рассматривать в качестве оценки долгосрочного динамического равновесия между переменными.

Как следует из сказанного выше, коинтегрирующие уравнения могут быть найдены для всех пар временных рядов, в которых в качестве зависимой переменной выступают показатели доли валовой добавленной стоимости, образованной в i -том секторе, в общем объеме валовой добавленной стоимости. Таким образом, можно говорить о наличии устойчивых зависимостей между рассматриваемыми показателями в долгосрочной перспективе.

На *рисунке 5* представлены графики исследуемых показателей за период с 1 квартала 2003 по 1 квартал 2015 года. Из представленных данных следует, что три показателя (доли валовой добавленной стоимости, образованной в сельском хозяйстве, добывающих и обрабатывающих отраслях) в целом обнаруживают отрицательную динамику, особенно это заметно для показателей добывающих и обрабатывающих отраслей. Обусловлено

это тем, что в последние несколько лет все больший вклад в валовую добавленную стоимость вносят виды деятельности, не связанные с производством: финансовая деятельность, операции с недвижимым имуществом, аренда и предоставление услуг и, конечно, в первую очередь оптовая и розничная торговля; ремонт автотранспортных средств, мотоциклов, бытовых изделий и предметов личного пользования.

В результате оценивания зависимости в первой паре временных рядов (e_t и GVA_A) получено следующее коинтегрирующее уравнение:

$$\ln GVA_{A_t} = -0,553 \ln e_t - 3,157.$$

Коэффициенты уравнения, как и коэффициент детерминации (0,726), статистически значимы на уровне значимости $\alpha=0,05$. Из уравнения следует, что связь между исследуемыми величинами существенная, направление ее отрицательное. Таким образом, можно говорить о том, что долгосрочный коэффициент эластичности доли валовой добавленной стоимости, образованной в сельском хозяйстве, в общем объеме валовой добавленной стоимости по реальному эффективному курсу рубля к иностранным валютам составляет 55,3%.

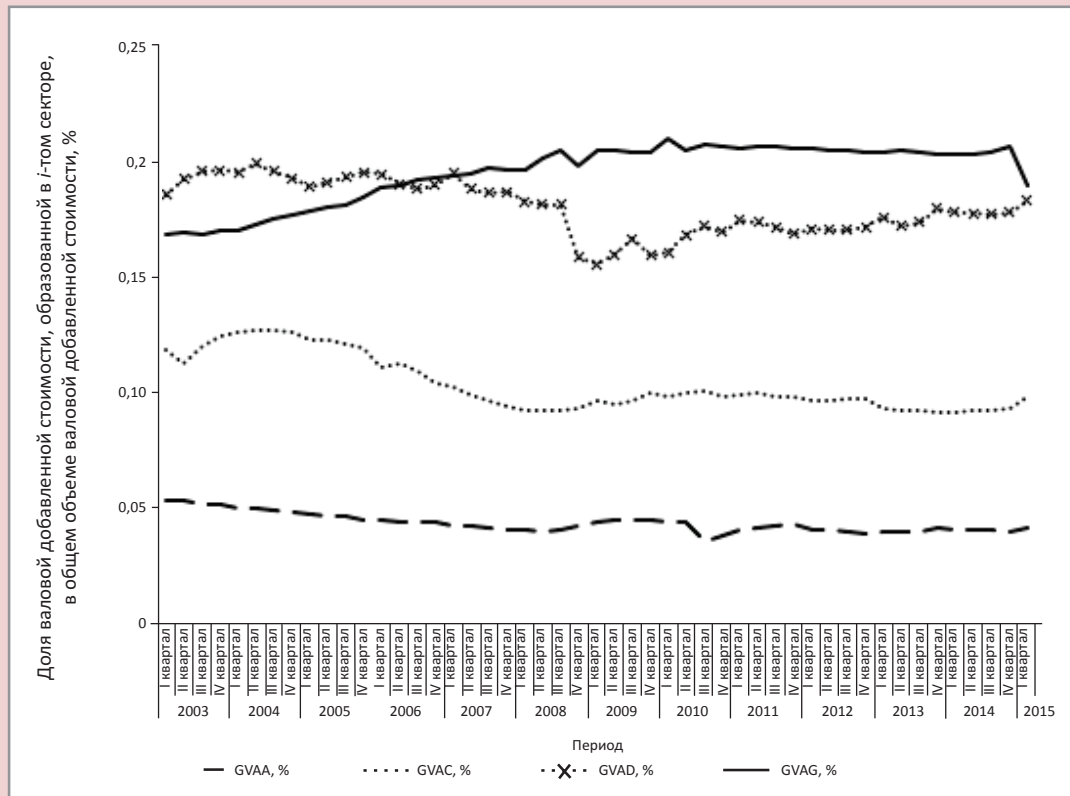
Для второй пары временных рядов (e_t и GVA_C) получено следующее коинтегрирующее уравнение:

$$\ln GVA_{C_t} = -0,653 \ln e_t - 2,296.$$

Коэффициенты уравнения, как и коэффициент детерминации (0,680), статистически значимы на уровне значимости $\alpha=0,05$. Из уравнения следует, что связь между исследуемыми величинами существенная и обратная. Таким образом, можно говорить о том, что долгосрочный коэффициент эластичности доли валовой

Рисунок 5. Динамика доли валовой добавленной стоимости, образованной в *i*-том секторе, в общем объеме валовой добавленной стоимости:

GVAA – сельское хозяйство, охота и лесное хозяйство; GVAC – добыча полезных ископаемых; GVAD – обрабатывающие производства; GVAG – оптовая и розничная торговля; ремонт автотранспортных средств, мотоциклов, бытовых изделий и предметов личного пользования.



добавленной стоимости, образованной в добывающем секторе, в общем объеме валовой добавленной стоимости по реальному эффективному курсу рубля к иностранным валютам составляет 65,3%.

Для третьей пары временных рядов (e_t и GVA_{D_t}) получено следующее коинтегрирующее уравнение:

$$\ln GVA_{D_t} = -0,311 \ln e_t - 1,729.$$

Коэффициенты уравнения, как и коэффициент детерминации (0,430), статистически значимы на уровне значимости $\alpha=0,05$. Из уравнения следует, что связь между исследуемыми величинами существенная и обратная. Таким образом,

можно говорить о том, что долгосрочный коэффициент эластичности доли валовой добавленной стоимости, образованной в добывающем секторе, в общем объеме валовой добавленной стоимости по реальному эффективному курсу рубля к иностранным валютам составляет 65,3%.

Для четвертой пары временных рядов (e_t и GVA_G) получено следующее коинтегрирующее уравнение:

$$\ln GVA_G = 0,454 \ln e_t - 1,625.$$

Коэффициенты уравнения и коэффициент детерминации (0,838) статистически значимы на уровне значимости $\alpha=0,05$. Из уравнения следует, что связь

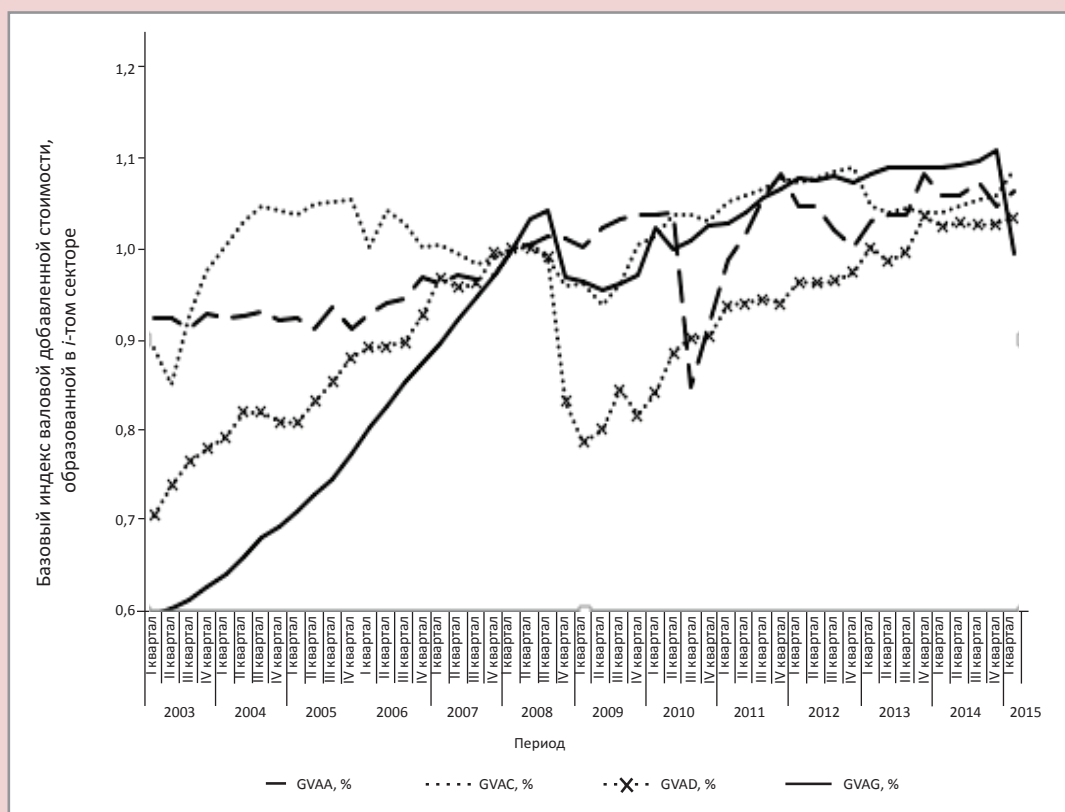
между исследуемыми величинами сильная и прямая. Таким образом, можно говорить о том, что долгосрочный коэффициент эластичности доли валовой добавленной стоимости, образованной в сфере оптовой и розничной торговли, в общем объеме валовой добавленной стоимости по реальному эффективному курсу рубля к иностранным валютам составляет 45,4%.

Для дополнительной проверки полученных результатов, а также для расширения аналитической базы рассмотрены следующие четыре пары временных рядов, включающие соответствующие показатели базисного индекса валовой добавленной стоимости, образованной в *i*-том секторе. На *рисунке 6* представ-

лены графики исследуемых показателей за период с 1 квартала 2003 по 1 квартал 2015 года. Из представленного рисунка следует, что все четыре ряда показателей имеют тенденцию к росту, при этом наибольший разброс показателей наблюдается для обрабатывающих отраслей. Кроме того, обращает на себя внимание тот факт, что «провал» индекса для обрабатывающих отраслей ожидаемо пришелся на первую половину 2009 года, в то время как «провал» индекса для сельского хозяйства пришелся на неблагоприятную по природно-климатическим условиям вторую половину 2010 года (несмотря на то, что используемые для расчетов данные исключают сезонный фактор). Наиболь-

Рисунок 6. Динамика базисного индекса валовой добавленной стоимости (к 1 кварталу 2008 года):

iGVAA – сельское хозяйство, охота и лесное хозяйство; iGVAC – добыча полезных ископаемых; iGVAD – обрабатывающие производства; GVAG – оптовая и розничная торговля; ремонт автотранспортных средств, мотоциклов, бытовых изделий и предметов личного пользования.



ший рост демонстрирует индекс для оптовой и розничной торговли, в то время как наибольшая стабильность характерна для индекса для добывающих отраслей.

В результате оценивания зависимости в первой паре временных рядов (e_t и $iGVA_A$) получено следующее коинтегрирующее уравнение:

$$\ln iGVA_{A_t} = 0,291 \ln e_t.$$

Коэффициент уравнения, как и коэффициент детерминации (0,459), статистически значимы на уровне значимости $\alpha=0,05$. Из уравнения следует, что связь между исследуемыми величинами прямая. Таким образом, можно говорить о том, что долгосрочный коэффициент эластичности индекса валовой добавленной стоимости, образованной в сельском хозяйстве, по реальному эффективному курсу рубля к иностранным валютам составляет 29,1%.

Для второй пары временных рядов (e_t и $iGVA_C$) получено следующее коинтегрирующее уравнение:

$$\ln iGVA_{C_t} = 0,185 \ln e_t - 0,024.$$

Коэффициенты уравнения, как и коэффициент детерминации (0,260), статистически значимы на уровне значимости $\alpha=0,05$. Из уравнения следует, что связь между исследуемыми величинами существенная и прямая. Таким образом, можно говорить о том, что долгосрочный коэффициент эластичности индекса валовой добавленной стоимости, образованной в добывающем секторе, по реальному эффективному курсу рубля к иностранным валютам составляет 18,5%.

Для третьей пары временных рядов (e_t и $iGVA_D$) получено следующее коинтегрирующее уравнение:

$$\ln iGVA_{D_t} = 0,527 \ln e_t - 0,086.$$

Коэффициенты уравнения, как и коэффициент детерминации (0,527) статистически значимы на уровне значимости $\alpha=0,05$. Из уравнения следует, что связь между исследуемыми величинами существенная и прямая. Таким образом, можно говорить о том, что долгосрочный коэффициент эластичности индекса валовой добавленной стоимости, образованной в добывающем секторе, по реальному эффективному курсу рубля к иностранным валютам составляет 52,7%.

Для четвертой пары временных рядов (e_t и $iGVA_G$) получено следующее коинтегрирующее уравнение:

$$\ln iGVA_{G_t} = 1,291 \ln e_t - 0,056.$$

Коэффициенты уравнения и коэффициент детерминации (0,856) статистически значимы на уровне значимости $\alpha=0,05$. Из уравнения следует, что связь между исследуемыми величинами сильная и прямая. Таким образом, можно говорить о том, что долгосрочный коэффициент эластичности индекса валовой добавленной стоимости, образованной в сфере оптовой и розничной торговли, по реальному эффективному курсу рубля к иностранным валютам составляет 129,1%.

2. Экономический анализ результатов и основные выводы

Во-первых, следует отметить тот факт, что для всех пар показателей, рассмотренных в настоящей работе, получены коинтегрирующие уравнения удовлетворительного качества, а это означает наличие долгосрочных устойчивых зависимостей. Таким образом, подтверждается тезис о существенном и неслучайном влиянии динамики цен на нефть на курс национальной валюты и структурные показатели производства в отдельных секторах российской экономики.

Во-вторых, отметим, что полученная система уравнений (4) при необходимости может быть расширена: в нее могут быть включены как иные структурные показатели, так и структурные показатели по другим секторам экономики, а также иные показатели оценки курса национальной валюты и цены на нефть на мировых товарных рынках.

$$\begin{aligned} e_t &= f(\text{oil}_t) \\ GVA_{s1t} &= f(e_t) \\ GVA_{s2t} &= f(e_t) \\ &\dots \\ GVA_{sit} &= f(e_t). \end{aligned} \quad (4)$$

Выбор конкретных показателей для анализа представленных зависимостей обоснован выше, однако это не исключает возможности введения в систему альтернативных показателей отмеченных макроэкономических величин с целью получения всесторонней и более полной оценки изучаемых взаимодействий в соответствии с меняющимися внешними условиями функционирования российской экономики и изменениями в ее структуре [15]. Представленную модель следует рассматривать как базовую, которую можно дополнить в случае необходимости.

В-третьих, необходимо сделать замечание относительно того, что предложенная модель позволяет оценить лишь опосредованное влияние динамики цен на нефть на структурные показатели национального производства через влияние на показатели курса национальной валюты. Полученные в ходе исследования результаты показали, что зависимость курса национальной валюты от динамики цен на нефть не так тесна, как порой представляется (средняя), поскольку на реальный курс рубля влияет не только фактор цены на сырую нефть, зависящий от колебаний конъюнктуры мировых рынков, но

и множество других: институциональные, политические, а также не учтенные в модели экономические факторы.

Наконец, в-четвертых, прежде чем проанализировать полученные в ходе второго этапа исследования данные, сделаем замечание относительно результатов эконометрического моделирования [16]. В настоящем исследовании не ставилась цель выявить все существенные факторы, влияющие на динамику показателей валовой добавленной стоимости, поэтому зачастую низкие значения коэффициента детерминации (особенно для моделей, содержащих показатели индексов валовой добавленной стоимости, образованной в соответствующих секторах) не должны вводить в заблуждение относительно качества полученных уравнений. Полученные значения коэффициентов детерминации говорят лишь о том, что на динамику исследуемых показателей значительное влияние оказывают также другие экономические и иной природы факторы, не учтенные в данных моделях.

Вопреки распространенному мнению о наиболее существенной зависимости от реального курса национальной валюты показателей выпуска в добывающем секторе наиболее сильная связь между исследуемыми величинами отмечена для сектора оптовой и розничной торговли. В результате эконометрического моделирования выявлено, что показатели оптовой и розничной торговли весьма тесно связаны с показателем реального эффективного курса рубля к иностранным валютам, причем в отличие от трех других рассматриваемых групп показателей данные показатели единственные демонстрируют положительную связь с реальным эффективным курсом национальной валюты в обеих моделях, т.е. при укреплении рубля и доля, и индекс валовой добавленной

стоимости, образованной в сфере оптовой и розничной торговли, существенно возрастают. Данный факт объясняется тем, что сфера оптовой и розничной торговли в России весьма сильно зависит от импорта товаров, поэтому ее показатели настолько чувствительны к колебаниям обменного курса рубля.

Кроме того, обращает на себя внимание тесная связь между показателями реального эффективного курса рубля к иностранным валютам и долей валовой добавленной стоимости, образованной в сельском хозяйстве, в общем объеме валовой добавленной стоимости. При укреплении рубля внутренние цены на сельскохозяйственную продукцию становятся менее конкурентоспособными, поэтому эффективность экспорта продовольственных товаров и сельскохозяйственного сырья падает, следовательно, происходит сокращение доли валовой добавленной стоимости, образованной в сельском хозяйстве, в общей валовой добавленной стоимости (это особенно важно в условиях, когда доля сельскохозяйственной продукции в экспорте страны в последние годы неуклонно растет). В то же время индекс валовой добавленной стоимости в данной отрасли обнаруживает существенную тенденцию к росту с увеличением реального эффективного курса рубля. Связано это с тем, что отрасль зависима от импорта сырья и техники, поэтому повышение покупательной способности национальной валюты влечет за собой снижение издержек сельхозпроизводителей на приобретение импортных товаров для промежуточного потребления. Для того чтобы понять, какая из двух тенденций имеет решающее значение для сельскохозяйственного сектора, достаточно сравнить динамику показателей, представленных на рисунках 2, 5 и 6. Из приведенных

данных следует, что до 2010 года ориентированность отраслей сельского хозяйства на импорт сырья и техники имела решающее значение, в настоящее же время все большую роль играет экспортная ориентированность, поэтому снижение покупательной способности рубля не сопровождается серьезными «провалами» показателей сельскохозяйственного производства. Кроме того, на фоне резкого снижения реального эффективного курса рубля к иностранным валютам в 2014–2015 гг. отмечался хотя и незначительный, но рост показателей сельского хозяйства, что, несомненно, связано с политикой импортозамещения [4]. Тем не менее следует помнить о сильной зависимости показателей сельскохозяйственного производства от природно-климатических факторов, что особенно заметно на примере 2010 года (однако не следует исключать тот факт, что резкое снижение показателей усугубилось реакцией на кризис 2008–2009 гг., когда иссякли запасы капитала и сырья предыдущих лет). Вероятно, решение проблемы серьезной зависимости показателей сектора сельского хозяйства от колебаний курса национальной валюты заключается в снижении издержек производства сельскохозяйственной продукции посредством внедрения более эффективных технологий и в переориентировании промежуточного потребления в сельском хозяйстве на отечественный рынок.

Для показателей обрабатывающих производств и добывающих отраслей характерно снижение доли валовой добавленной стоимости, образованной в соответствующем секторе, в общей валовой добавленной стоимости при укреплении курса рубля по отношению к иностранным валютам. Особенно заметно это в модели для добывающего сектора. Очевидно, что,

как и в случае с сельскохозяйственным сектором, связано это со снижением конкурентоспособности вследствие повышения внутренних цен. Вместе с тем продукция добывающих отраслей в силу своей специфики и высокого спроса на мировом рынке так или иначе находит своего покупателя, поэтому ее выпуск (в индексах) не так эластичен по отношению к реальному эффективному курсу рубля. В то же время продукция низкорентабельных обрабатывающих производств больше ориентирована на внутренний рынок, более уязвима и может быть вытеснена импортными товарами. Использование импортных комплектующих заставляет производителей сокращать объемы производства с падением курса национальной валюты, и, напротив, при укреплении рубля товары промежуточного потребления становятся более дешевыми, сокращаются издержки производства и увеличивается выпуск продукции.

Опираясь на полученные результаты, не следует делать ошибочных выводов. Так, высокая степень зависимости показателей сельскохозяйственного производства от динамики курса национальной валюты не означает, что меры стабилизационной политики должны быть направлены против поддержки данного сектора и ориентированы на отток капитала из данной отрасли. Так же, как и низкая эластичность показателей выпуска (в индексах) добывающего сектора по показателю реального эффективного курса рубля не должна вводить в заблуждение относи-

тельно чрезмерной поддержки добывающих отраслей. На наш взгляд, с целью снижения зависимости экономической системы от колебаний курса национальной валюты, а следовательно, и котировок на мировых товарных биржах меры государственного регулирования должны быть направлены на устранение структурных диспропорций.

По нашему мнению, дальнейшие исследования данной проблемы могут быть направлены на решение следующих задач:

– построение расширенной модели взаимодействия обозначенных макроэкономических величин на базе предложенной базовой модели с включением в нее иных структурных показателей либо структурных показателей по расширенному кругу секторов экономики, а также иных показателей оценки курса национальной валюты и цены на нефть на мировых товарных рынках в соответствии с меняющимися внешними условиями функционирования российской экономики;

– оценка влияния мер стабилизационной политики на структурные показатели производства в отдельных секторах российской экономики;

– построение макроэкономической модели воздействия мер стабилизационной политики на национальное производство с учетом структурных особенностей российской экономики для получения прогнозных значений ключевых макроэкономических показателей.

Литература

1. Айвазян, С.А. Макроэконометрическое моделирование: подходы, проблемы, пример эконометрической модели российской экономики / С.А. Айвазян, Б.Е. Бродский // Прикладная эконометрика. – 2006. – № 2. – С. 85-111.
2. Бродский, Б.Е. О влиянии реального обменного курса рубля на российскую экономику / Б.Е. Бродский // Прикладная эконометрика. – 2006. – № 4. – С. 90-104.

3. Газизов, З.Р. Влияние изменения цен на нефть на российскую экономику / З.Р. Газизов // Экономика и управление: научно-практический журнал. – 2015. – № 4. – С. 115-118.
4. Глазьев, С.Ю. О стратегии устойчивого развития экономики России / С.Ю. Глазьев, Г.Г. Фетисов // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. – 2013. – № 1 (25). – С. 23-35.
5. Гранберг, А.Г. Основы региональной экономики / А.Г. Гранберг. – М.: ГУ ВШЭ, 2004. – 495 с.
6. Дворец, Н.Н. Исследование зависимости курса рубля по отношению к доллару от цены на нефть / Н.Н. Дворец, А.Ю. Шевелев // Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований. – 2015. – № 6. – С. 293-295.
7. Кистанов, В.В. Региональная экономика России / В.В. Кистанов, Н.В. Копылов. – М.: Финансы и статистика, 2002. – 584 с.
8. Мельников, Р.М. Влияние динамики цен на нефть на макроэкономические показатели российской экономики / Р.М. Мельников // Прикладная эконометрика. – 2010. – №1 (17). – С. 20-29.
9. Официальный сайт Банка России. – URL: www.cbr.ru (дата обращения: 15.08.2015).
10. Официальный сайт группы «Финам». – URL: www.finam.ru (дата обращения: 14.08.2015).
11. Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики. – URL: www.gks.ru (дата обращения 04.08.2015).
12. Суханова, Е.И. Использование коинтеграционного анализа при построении системы одновременных уравнений / Е.И. Суханова, С.Ю. Ширнаева // Фундаментальные исследования. – 2013. – № 8. – С. 1158-1164.
13. Татаркин, А.И. Региональные институты развития как факторы экономического роста / А.И. Татаркин, С.Н. Котлярова // Экономика региона. – 2013. – № 3. – С. 9-25.
14. Федорова, Е.А. Влияние цены на нефть на финансовый рынок России в кризисный период / Е.А. Федорова, М.П. Лазарев // Финансы и кредит. – 2014. – № 20. – С. 14-22.
15. Derunova, E. The Mechanisms of Formation of Demand in the High-Tech Products Market / E. Derunova, A. Semenov, O. Balash, A. Firsova // International Journal of Economics and Financial Issues. – 2016. – No 6(1). – Pp. 96-102.
16. Derunova, E. Modeling consumer behavior in selecting high-tech products based on the level of novelty and features of consumers' perception of products and its role in promoting the development of high-tech sales and the market/ E. Derunova, A. Semenov // World Applied Sciences Journal. – 2013. – No 27(14). – Pp. 63-68.
17. Ito, K. Oil Prices and Macro-economy in Russia: The Co-integrated VAR Model Approach / K. Ito // International Applied Economics and Management Letters. – 2008. – Vol. 1. – Pp. 37-40.
18. Grossman, G. Quality Ladders in the Theory of Growth/ G. Grossman, E. Helpman // Review of Economic Studies. – 1991. – Vol. LVIII. – Pp. 43-61.
19. Krugman, P. Economics / P. Krugman, R. Wells. – Worth Publishers, 2006. – 864 p.
20. Leontieff, W. Multiregional input-output analysis in «International conference on input-output techniques» / W. Leontieff, A. Straut. – Geneva, 1961. – 119 p.
21. Miller, R.E. Input-Output Analysis Foundations and Extensions / R.E. Miller, P.D. Blair. – New York: Cambridge University Press, 2009. – 784 p.
22. Porter, M. Competitive Advantage of Nations / M. Porter. – New York: Free Press, 1998. – 896 p.
23. Raa, T. The Economics of Input-Output Analysis / T. Raa. – New York: Cambridge University Press, 2005. – 212 p.
24. Regional Development in Russia: Past Policies and Future Prospects. – Cheltenham: Edward Elgar Publ., 2000. – 205 p.
25. Storey, D. Issues of Integration, Participation and Empowerment in Rural Development: the Case of Leader in the Republic of Ireland / D. Storey // Journal of Rural Studies. – 1999. – № 15-3. – Pp. 307-315.
26. Young A. Growth without Scale Effects / A. Young // Journal of Political Economy. – 1998. – February. – № 106 (1). – Pp. 41-63.

Сведения об авторах

Елена Анатольевна Дерунова – кандидат экономических наук, доцент, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (119571, Россия, г. Москва, ул. Вернадского, д. 82, ea.derunova@yandex.ru)

Наталья Витальевна Устинова – кандидат экономических наук, доцент, Саратовский социально-экономический институт Российской экономической академии им. Г.В. Плеханова (410003, Россия, г. Саратов, ул. Радищева, д. 89, nv_ustinova@mail.ru)

Владимир Александрович Дерунов – кандидат технических наук, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (119571, Россия, г. Москва, ул. Вернадского, д. 82, vaderunoff@yandex.ru)

Александр Сергеевич Семенов – кандидат физико-математических наук, доцент, Институт космических технологий Российского университета дружбы народов (117189, Россия, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6, semenov.venture@mail.ru)

Derunova E.A., Ustinova N.V., Derunov V.A., Semenov A.S.

Modeling of Diversification of Market as a Basis for Sustainable Economic Growth

Abstract: The article considers the issue of dependence of key macroeconomic indicators on the energy supply price dynamics, especially oil price, relevant to the modern Russian economy. In order to overcome the negative trends related to oil price dynamics, the authors propose to consider the measures on the gradual diversification of the Russian economy as an effective tool of state regulation. To test the hypothesis that diversification contributes to the increase in sustainability of the national economic system, the authors review the simultaneous equations model, the endogenous variables of which include structural values which reflect the structure of national production system. The share of gross value added (hereinafter, GVA) generated in the i -th sector in the total GVA and the base GVA index generated in the i -th sector similar to the industry output index sequentially serve as endogenous variables in this study. The test of the hypothesis was carried out in two stages: at the first stage, according to the results of econometric modeling, the indicator of the real effective ruble exchange rate to foreign currencies was chosen as the main exogenous variable; at the second stage, the basic system of equations was evaluated. Econometric calculations have been made for the following types of economic activity (according to the classification of the Russian National Classifier of Economic Activities): agriculture, hunting and forestry; mineral extraction; manufacturing; wholesale and retail trade; repairs of motor vehicles, motorcycles, household goods and personal appliances. During the econometric modeling, co-integrated equations for the pairs of indicators under study have been obtained; it has also been concluded that there are significant disparities in the selected economic sectors. The analysis of the obtained data has helped develop a set of measures of state regulation aimed at overcoming the existing disparities.

Key words: diversification; export oil price dynamics; econometric modeling; Granger causality test; co-integration; gross value added; real effective ruble exchange rate; state regulation.

References

1. Aivazyan S.A., Brodskii B. E. Makroekonometricheskoe modelirovanie: podkhody, problemy, primer ekonometricheskoi modeli rossiiskoi ekonomiki [Macro-econometric modeling: modern trends, problems, an example of the econometric model of the Russian economy]. *Prikladnaya ekonometrika* [Applied econometrics], 2006. – no. 2. – S.85–111. (In Russian)
2. Brodskii B.E. O vliyani real'nogo obmennogo kursa rublya na rossiiskuyu ekonomiku [The Influence of the Ruble Real Exchange Rate on the Russian Economy]. *Prikladnaya ekonometrika* [Applied econometrics], 2006, no. 4, pp. 90–104. (In Russian)
3. Gazizov Z.R. Vliyanie izmeneniya tsen na neft' na rossiiskuyu ekonomiku [Impact of oil price changes on the Russian economy]. *Ekonomika i upravlenie: nauchno-prakticheskii zhurnal* [Economics and management: scientific journal], 2015, no. 4, pp. 115–118. (In Russian)
4. Glaz'ev S.Yu., Fetisov G.G. O strategii ustoichivogo razvitiya ekonomiki Rossii [On the strategy of sustainable development of Russia's economy]. *Ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny: fakty, tendentsii, prognoz* [Economic and social changes: facts, trends, forecast], 2013, no. 1 (25), pp. 23–35. (In Russian)
5. Granberg A.G. *Osnovy regional'noi ekonomiki* [Principals of regional economics]. Moscow: GU VShE, 2004. 495 p. (In Russian)
6. Dvoretz N.N., Shevelev A.Yu. Issledovanie zavisimosti kursa rublya po otnosheniyu k dollaru ot tseny na neft' [Investigation of dependency of ruble exchange rate to a dollar on the oil price]. *Mezhdunarodnyi zhurnal prikladnykh i fundamental'nykh issledovaniy* [International journal of applied fundamental scientific research], 2015, no. 6, pp. 293–295. (In Russian)
7. Kistanov V.V., Kopylov N.V. Regional'naya ekonomika Rossii [Russian regional economics]. Moscow: Finansy i statistika, 2002. 584 p. (In Russian)
8. Mel'nikov R.M. Vliyanie dinamiki tsen na neft' na makroekonomicheskie pokazateli rossiiskoi ekonomiki [The impact of oil price dynamics on the macroeconomic indicators of the Russian economy]. *Prikladnaya ekonometrika* [Applied econometrics], 2010, no. 1 (17), pp. 20–29. (In Russian)
9. *Ofitsial'nyi sait Banka Rossii* [Official website of the Central Bank of the Russian Federation]. Available at: www.cbr.ru (date of access: 15.08.2015). (In Russian)
10. *Ofitsial'nyi sait gruppy "Finam"* [Finam Group official website]. Available at: www.finam.ru (date of access: 14.08.2015). (In Russian)
11. *Ofitsial'nyi sait Federal'noi sluzhby gosudarstvennoi statistiki* [Federal State Statistics Service official website]. Available at: www.gks.ru (date of access: 04.08.2015). (In Russian)
12. Sukhanova E.I., Shirnaeva S.Yu. Ispol'zovanie kointegratsionnogo analiza pri postroenii sistemy odnovremennykh uravnenii [The use of co-integration analysis for building the simultaneous equations model]. *Fundamental'nye issledovaniya* [Fundamental research], 2013, no. 8, pp. 1158–1164. (In Russian)
13. Tatar'kin A.I., Kotlyarova S.N. Regional'nye instituty razvitiya kak faktory ekonomicheskogo rosta [Regional development institutions as an economic growth factors]. *Ekonomika regiona* [Regional economy], 2013, no. 3, pp. 9–25. (In Russian)
14. Fedorova E.A., Lazarev M.P. Vliyanie tseny na neft' na finansovyi rynek Rossii v krizisnyi period [Oil price impact on Russian financial market during the crisis]. *Finansy i kredit* [Finance and credit], 2014, no. 20, pp. 14–22. (In Russian)
15. Derunova E., Semenov A., Balash O., Firsova A. The Mechanisms of Formation of Demand in the High-Tech Products Market. *International Journal of Economics and Financial Issues*, 2016, no. 6(1), pp. 96–102. (In Russian)
16. Derunova E., Semenov A. Modeling consumer behavior in selecting high-tech products based on the level of novelty and features of consumers' perception of products and its role in promoting the development of high-tech sales and the market. *World Applied Sciences Journal*, 2013, no. 27(14), pp. 63–68. (In Russian)
17. Ito K. Oil Prices and Macro-economy in Russia: The Co-integrated VAR Model Approach. *International Applied Economics and Management Letters*, 2008, volume 1, pp. 37–40.
18. Grossman G., Helpman E. Quality Ladders in the Theory of Growth. *Review of Economic Studies*, 1991, volume LVIII, pp. 43–61.
19. Krugman P., Wells R. *Economics*. Worth Publishers, 2006. 864 p.

20. Leontieff W., Straut A. *Multiregional input-output analysis in "International conference on input-output techniques"*. Geneva, 1961. 119 p.
21. Miller R.E., Blair P.D. *Input-Output Analysis Foundations and Extensions*. New York: Cambridge University Press, 2009. 784 p.
22. Porter M. *Competitive Advantage of Nations*. New York: Free Press, 1998. 896 p.
23. Raa T. *The Economics of Input-Output Analysis*. New York: Cambridge University Press, 2005. 212 p.
24. *Regional Development in Russia: Past Policies and Future Prospects*. Cheltenham: Edward Elgar Publ., 2000. 205 p.
25. Storey D. Issues of Integration, Participation and Empowerment in Rural Development: the Case of Leader in the Republic of Ireland. *Journal of Rural Studies*, 1999, no. 15–3, pp. 307–315.
26. Young A. Growth without Scale Effects. *Journal of Political Economy*, 1998, no. 106 (1), February, pp. 41–63.

Information about the Authors

Elena Anatol'evna Derunova – Ph.D. in Economics, Associate Professor, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (82, Vernadsky Avenue, Moscow, 119571, Russian Federation, ea.derunova@yandex.ru)

Nataliya Vital'evna Ustinova – Ph.D. in Economics, Associate Professor, Saratov Socio-Economic Institute of Plekhanov of the Russian University of Economics (89, Radishchev Street, Saratov, 410003, Russian Federation, nv_ustinova@mail.ru)

Vladimir Aleksandrovich Derunov – Ph.D. in Engineering, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (82, Vernadsky Avenue, Moscow, 119571, Russian Federation. vaderunoff@yandex.ru)

Aleksandr Sergeevich Semenov – Ph.D. in Physics and Mathematics, Associate Professor, RUDN Institute of Space Technology (6, Miklouho-Maclay Street, Moscow, 117189, Russian Federation. semenov.venture@mail.ru)

Статья поступила 17.08.2016.

СОЦИАЛЬНОЕ РАЗВИТИЕ

DOI: 10.15838/esc.2016.6.48.6

УДК 316.4; ББК 60.52

© Афанасьев Д.В., Гужавина Т.А., Мехова А.А.

Социальный капитал в регионе: к вопросу измерения и построения индикаторной модели*



Дмитрий Владимирович

АФАНАСЬЕВ

кандидат социологических наук, доцент
Череповецкий государственный университет
162600, Россия, Вологодская область, г. Череповец, пр. Луначарского, д. 5
afanasev@chsu.ru



Татьяна Анатольевна

ГУЖАВИНА

кандидат философских наук
Институт социально-экономического развития территорий РАН
160014, Россия, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а
tanja_gta@mail.ru



Альбина Анатольевна

МЕХОВА

кандидат философских наук
Череповецкий государственный университет
162600, Россия, Вологодская область, г. Череповец, Советский пр., д. 8
albina_mekhova@mail.ru

* Статья подготовлена при поддержке РГНФ, грант №16-03-00188/16.

Для цитирования: Афанасьев, Д.В. Социальный капитал в регионе: к вопросу измерения и построения индикаторной модели / Д.В. Афанасьев, Т.А. Гужавина, А.А. Мехова // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. – 2016. – № 6. – С. 110-125. DOI: 10.15838/esc.2016.6.48.6

For citation: Afanas'ev D.V., Guzhavina T.A., Mekhova A.A. Social capital in a region: revisiting the measurement and building of an indicator model. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 2016, no. 6, pp. 110-125. DOI: 10.15838/esc.2016.6.48.6

Аннотация. Концепция социального капитала приобретает определенную устойчивость в современных социальных науках. Эвристический потенциал концепции подтверждается многочисленными исследованиями. Установлено позитивное влияние уровня и типов социального капитала на широкий круг общественных явлений. Формируются подходы к теоретическому обоснованию эмпирической оценки социального капитала, что особенно значимо в ситуации общего экономического и структурного кризиса. Однако в науке пока отсутствует как общепринятое определение социального капитала, так и согласие по поводу способов его измерения. Цель статьи – теоретически обосновать построение индикаторной модели эмпирического измерения социального капитала, под которой мы понимаем совокупность индикаторов, сформированную на определенном концептуальном основании и позволяющую получить в систематизированном виде информацию об изучаемом явлении, выявить взаимосвязи между его составляющими. Статья призвана актуализировать необходимость эмпирического измерения и сопоставления социального капитала регионов. Статья содержит анализ теоретических подходов к определению социального капитала, отмечается его многоаспектный характер, продуктивность идеи тройственной природы концепции социального капитала, лежащей на стыке социологии, политической науки и экономики. На основе обобщения представленных в литературе позиций относительно видов социального капитала сделан вывод о принципиальной важности различения перекрывающегося и ограничивающего капиталов, необходимости выделения специальных индикаторов этих типов и их формальных и неформальных компонентов. В статье представлен авторский подход к формированию индикаторной модели социального капитала, включающей когнитивные (готовность к объединению, ответственность за состояние дел) и структурные элементы (степень участия в общественной жизни, степень участия в политической жизни, возможность влияния на состояние дел), позволяющей получить набор обобщенных и систематизированных компонентов и измерений социального капитала региона, структурированных как по институциональным формам (формальный-неформальный), так и по локациям. Особо подчеркивается авторская позиция относительно актуальности региональных аспектов социального капитала.

Ключевые слова: социальный капитал, компоненты социального капитала, уровни социального капитала, индикаторы измерения, индикаторная модель измерения социального капитала, индексный метод.

Концепция социального капитала приобретает определенную устойчивость. Социальный капитал начинают признавать в качестве той необходимой связи, которая объединяет иные виды совокупного капитала – природный, физический и человеческий. Совокупный капитал составляет богатство страны и формирует основу для экономического развития и роста. Состав и доля видов капитала в его совокупной структуре постоянно меняются. Природный капитал при использовании со временем истощается, преобразуясь в физи-

ческий, а тот в свою очередь, также со временем, обесценивается. Человеческий капитал связан с конкретным индивидом и приобретает значение только тогда, когда индивид включен в социальные отношения и взаимодействия. Сегодня стало очевидным, какую огромную роль играют отношения, возникающие в связи с тем, насколько и как организованы и взаимодействуют для достижения определенных результатов отдельные люди и общество в целом. Они являются тем самым «социальным клеем», который и полу-

чил название «социального капитала». Несмотря на очевидность этого тезиса, в науке нет единого мнения по поводу того, какие аспекты взаимодействия и организации считать социальным капиталом. Сложным и не до конца проработанным остается вопрос об измерении социального капитала. Требуется внимания и поиск способа определения опытным путем его содействия экономическому росту и развитию [1].

Социальный капитал – это тот ресурс развития, который влияет на экономический рост, общественное благосостояние, эффективность социальных программ и многое другое. От него зависит и качество общественных услуг, в первую очередь таких, как образование и здравоохранение. Влияет социальный капитал на состояние здоровья, репродуктивный потенциал, общественную безопасность, качество госуслуг и госуправления. Отсюда возникает вопрос: каким образом, с помощью каких средств можно создавать условия для накопления социального капитала?

Хотя проблематика социального капитала находится в центре внимания экономистов, политологов, психологов, социологов почти два десятилетия, в данном концепте сосуществуют различные точки зрения, подходы и ожидания, что приводит к его расширенному толкованию. А это, в свою очередь, рождает риск размывания и так несильно выраженной определенности концепции вплоть до утраты ее эвристического потенциала, превращения ее в публицистический штамп. При наличии значительного количества публикаций, посвященных социальному капиталу, большинство из них основаны на схожей стратегии –

цитировании работ ключевых авторов в данной области, внесших весомый вклад в понимание и определение социального капитала, создавших возможность интерпретации предмета. Среди них Пьер Бурдьё, Джеймс Коулмен, Роберт Патнэм, Фрэнсис Фукуяма и ряд других. Сегодня бесспорной является точка зрения, согласно которой социальный капитал представляет собой сложную концепцию, охватывающую несколько измерений: социологическое (представленное, в первую очередь, Дж. Коулменом), экономическое (П. Бурдьё, Ф. Фукуяма) и политическое (Р. Патнэм).

При прослеживании теоретических линий, обозначенных в наиболее известных объяснительных схемах, становится очевидным тот факт, что концепция социального капитала предстает, во-первых, как принципиальное расширение и разработка темы экономических отношений в теории капитала К. Маркса; во-вторых, как расширение и развитие интеграционного или дюркгеймовского взгляда на общественные отношения; в-третьих, как продолжение и развитие подхода к пониманию функционирования демократии в политических науках, восходящего еще к трактатам Алексиса де Токвиля. В этом контексте весьма продуктивной представляется идея тройственной природы данной концепции, высказанная авторами и редакторами книги «Handbook of Social Capital: The Troika of Sociology, Political Science and Economics» («Справочник социального капитала: тройка социологии, политической науки и экономики») [21]. Это одна из наиболее представительных за последние годы попыток содержательной концептуализации и эмпирического описания социального капитала.

Анализ сформировавшихся подходов к трактовке социального капитала дает возможность полагать, что мы имеем дело с многоаспектным феноменом. Отсюда и интерес к нему со стороны экономики, политологии, социологии, психологии, культурологии. Несмотря на некоторые различия в подходах, все они видят суть социального капитала в складывающихся отношениях, в том, что именно они и имеют значение. Эти отношения формируют социальные связи, которые могут дать индивидам и группам доступ к различным ресурсам. Все ключевые авторы разделяют точку зрения, согласно которой социальный капитал составлен из ресурсов, внедренных в социальные отношения и социальные структуры, которые могут быть мобилизованы, когда актер желает повысить вероятность успеха некоторых целенаправленных действий.

Популярна стала метафора, представляющая социальный капитал как смазку в механизме социальных взаимодействий. Благодаря социальному капиталу взаимодействия сторон становятся более успешными. Здесь оказываются задействованными персонифицированные механизмы (например, персонифицированное доверие), ведущие к снижению трансакционных издержек сторон. На уровне группы этот механизм уже деперсонифицирован, имеет значение принадлежность индивида к сообществу. Что же касается макроуровня, то здесь начинают работать универсальные для всего общества нормы и ценности.

Концепция социального капитала, возникнув благодаря сравнительному исследованию регионов, позволила увидеть влияние данного феномена на региональное развитие. Опыт сравнительного

анализа региональных различий впервые провели Патнэм и Хеллиуэлл применительно к Италии, затем С. Панебьянко использовал их методику для изучения немецких регионов [34; 35]. Различие паттернов социального капитала в регионах Западной Германии и их влияние на темпы и характер экономического роста показали Блум и Зак [16]. Анализ данных по сельским районам Франции провели Каллуа и Шмитт [17]. Й. Дзялека [19] дал описание пространственных структур социального капитала в Польше. На европейском материале (данные Всемирного исследования ценностей) Нэк и Кифер, Ла Порта провели сравнительные исследования влияния доверия на страновые темпы роста, показав их взаимосвязь [22; 25]. Таким образом, накапливается исследовательский материал относительно специфики проявления социального капитала в региональном контексте.

Первые попытки применить концепцию социального капитала для изучения российских регионов были предприняты в исследовании К. Марша [27; 28; 29], предложившего оригинальную методику измерения индекса социального капитала. Он обнаружил корреляцию индекса гражданского сообщества и индекса демократизации. Дж. Твиг и К. Честер предложили свою шкалу сравнительного измерения социального капитала различных российских регионов [37]. Для своего исследования они взяли показатели статистики. Однако из-за специфики выбранных индикаторов обе методики не могли быть сопоставимы с другими исследованиями.

Среди немногочисленных пока еще отечественных исследований социального капитала отметим исследование

Л.И. Полищука и Р.И. Меняшева, а также работу Е. Трубехиной. В частности, Е. Трубехина на основе методики Бельгейсдейка и Смалдера провела анализ данных исследования «Георейтинг», осуществленного ФОМ, дополнив его статистическими показателями, выявила значимую связь степени участия в различных группах и организациях (открытый социальный капитал) с величиной ВРП на душу населения [14].

Л.И. Полищук и Р.И. Меняшев установили значимую положительную связь между эффективностью городских администраций и открытым социальным капиталом и гражданской культурой. По их мнению, в России существуют значительные запасы современного социального капитала, которые весьма неравномерно распределены между городами и регионами страны [10]. По результатам их исследования одним из лидеров оказался город Череповец Вологодской области – крупный промышленный центр на Северо-Западе РФ. Здесь были выявлены наиболее высокий уровень открытого социального капитала, развитая гражданская культура и не столь выраженные закрытые сети. Ученые считают, что запасы социального капитала высоки в портах Северо-Запада – Мурманске и Архангельске, довольно высок его уровень в Томске и ряде других городов. В нижней части рейтинга оказались Краснодар, Саратов и Магнитогорск; Москва находится в его средней части. Заметим, что исследователи оговорились, что их данные требуют уточнения и подтверждения из других источников [30]. В своих выводах Л.И. Полищук утверждает, что социальный капитал – это исключительно «местный» продукт, и фиксирует задачу, вытекающую из высокого значе-

ния социального капитала для развития регионов: «Следует лишь создавать благоприятные условия для его воспроизводства и накопления, поддерживая систему образования (в том числе и за государственный счет), открывая возможности для общественных инициатив и самоорганизации в бизнесе и повседневной жизни граждан» [30]. Мы солидарны с позицией Л.И. Полищука в отношении актуальности региональных аспектов социального капитала. Носители социального капитала по большей части связаны с той или иной территорией – местом проживания или учебы, работы или бизнеса. Здесь же формируются различные сообщества, членами которых становятся индивиды, семейные и дружеские, профессиональные и культурные и т.д. Это позволяет нам говорить о наличии социального капитала территориального (регионального) сообщества.

Сложность в трактовке социального капитала, отражающая его многоаспектную сущность, порождает методологические трудности в вопросе его измерения и оценки. Проблема состоит в том, что на данный момент отсутствуют устоявшиеся методики, наблюдается несовершенство методологии и страдает качество данных. Сказывается отсутствие общего представления о том, как именно, по каким критериям, используя какие показатели, следует измерять социальный капитал. Попытки его измерить нередко приводят к смешению его источников и результатов. Большая часть того, что образует социальный капитал, существует в неявной или относительной форме и лишает исследователей возможности простого измерения или кодификации.

Решение задачи измерения социального капитала во многом зависит от выбранной теоретической модели. При сравнительной характеристике используемых индикаторов (табл. 1) можно

наблюдать как выделение общих показателей, так и определенные отличия, которые порождены особенностями теоретических позиций авторов исследований.

Таблица 1. Сравнительные характеристики индикаторных моделей в зависимости от концептуальной модели*

Исследователь	Индикатор
Бейкер У.	Включенность в сети
Коулмен Дж.	Доверие
	Членство в общественных организациях
	Нормы
	Социальный обмен
В с е м и р н ы й банк	Группа
	Сети
	Доверие
	Участие в коллективных действиях
	Социальная включенность
	Информация и коммуникация
	Институты
Лаппорт Р.	Уровень коррупции
	Участие в политических и общественных организациях
	Качество инфраструктуры
Татарко А.Н.	Гражданская идентичность
	Этническая толерантность
	Доверие
	Социальная сплоченность
Полищук Л.И.	Социальное согласие
	Солидарность
	Готовность к совместным действиям
	Доверие
	Ответственность за семью
	Ответственность за положение в городе
Демкив О.	Первичные параметры: сети, нормы, доверие
	Вторичные параметры: девиантное поведение, социальная интегрированность, социальная поддержка и т.д.
Нилов В.	Проксимальные индикаторы: сети, доверие, взаимность
	Дистальные индикаторы: влияние на различные стороны жизни (здоровье – заболеваемость, продолжительность жизни и т.д.)
Мехова А.А., Воробьева И.Н.	Включенность
	Доверие
	Солидарность
	Готовность объединяться
	Информация и коммуникация
ИСЭРТ РАН, Гужавина Т.А.	Доверие
	Ответственность
	Возможность влиять на дела
	Согласие, сплоченность
	Готовность объединяться
	Включенность

* Подготовлено авторами.

По мнению О. Демкива, стоит разграничить первичные и вторичные операциональные параметры, позволяющие измерить социальный капитал. К числу первичных он отнес его составляющие (сети, ценности, нормы, доверие), к числу вторичных — его последствия (уровень девиантного поведения, неформальный социальный контроль, уровень социальной интегрированности, уровень социальной поддержки и т.д.) [5].

В. Нилов классифицирует показатели социального капитала на «проксимальные» и «дистальные». Первые состоят из практических результатов влияния социального капитала на те или иные стороны жизни людей и связаны с его основными компонентами — сетями, доверием и взаимностью в отношениях. Тогда как вторые предстают как результат влияния, непосредственно не связанные с его ключевыми компонентами, например состояние здоровья, уровень преступности, продолжительность жизни и др. [8]. В этом его точка зрения практически совпадает с позицией О. Демкива. Но исследователь предложил использовать для создания системы индикаторов типологию социальных сетей. Те, в свою очередь могут, различаться по типу, масштабам, структуре и т.д.

А.Н. Татарко в качестве индикаторов измерения социального капитала использует доверие, гражданскую идентичность, социальную сплоченность, этническую толерантность [13].

Л.И. Полищук опирается на следующие практические индикаторы: социальное согласие, солидарность; готовность к совместным действиям; доверие к окружающим; ответственность за положение в семье; ответственность за положение в городе [9].

Сводный анализ практического изучения социального капитала в массовых опросах, проведенный И.Н. Воробьевой и А.А. Меховой, позволил не только выделить структуру социального капитала, но и наполнить ее индикаторами, включающими коммуникационные аспекты. К их числу относятся: включенность в общественные организации, группы; доверие; солидарность, готовность объединяться, информация и коммуникации [2; 7].

Специалисты ИСЭРТ РАН используют для оценки социального капитала такие индикаторы, как доверие, ответственность за состояние дел, согласие, готовность к объединению, включенность, возможность оказывать влияние [3; 4; 15].

Используемые наборы индикаторов имеют общие элементы, тем не менее их значения являются не вполне совпадающими, а потому получение единого и полного измерителя социального капитала — проблематично. Широкое разнообразие элементов, включенных различными авторами в понимание социального капитала, делает затруднительным сравнение результатов различных измерений.

Всемирный банк, реализовавший в 1996–2000 годах масштабный проект «Инициатива по определению, мониторингу и измерению социального капитала» (SCI), разработал в его рамках методики измерения социального капитала — инструмент оценки социального капитала (Social Capital Assessment Tool, SOCAT) и интегрированный опросник по социальному капиталу (Social Capital Integrated Questionnaire, SOCAP IQ). SOCAP IQ был разработан, чтобы: (1) инвентаризировать уровни социального капитала в обществе; (2) раскрыть, как социальный капитал

распределяется между социально-экономическими группами, и (3) измерить потенциал сообщества участвовать во взаимовыгодных коллективных целях.

Представители SCI определяют социальный капитал как институты, нормы, ценности и убеждения, которые регулируют взаимодействие между людьми и способствуют экономическому и социальному развитию. Для них социальный капитал состоит из нескольких социальных и культурных феноменов, в том числе ценностей, которые предрасполагают людей к сотрудничеству. В первую очередь это доверие и взаимность, а также институциональные формы, способствующие развитию сотрудничества, такие как местные организации, ассоциации, и правила, которые определяют их. Согласно SCI, эти показатели, взятые вместе, могут быть измерены, чтобы оценить потенциал общества организовать для взаимовыгодных целей [24].

Подход Всемирного банка к измерению социального капитала поддерживается в целом Организацией экономического сотрудничества и развития (OECD) [33].

Другой подход, носящий прагматический характер, связан с использованием доступных материалов Всемирного и Европейского опроса по ценностям. Ведь большинство зарубежных исследований, включая европейские, как правило, являются вторичными. В распоряжении исследователей находятся базы данных, собранных в ходе волн Всемирного исследования ценностей (World Values Survey) [39] и Европейского социального исследования (European Social Survey) [20]. Конечно, данные были собраны для иных целей, чем исследование социального

капитала, и не в полной мере обеспечивают концептуально строгие показатели социального капитала [11].

А.А. Стебаков выделил три основных метода измерения социального капитала: метод, основанный на радиусе доверия, индексно-рейтинговый метод, метод Мирового банка (SOCAT), отметив, что недостаток методики, основанной на расчете радиуса доверия, состоит в необходимости проведения масштабных исследований, а также в достаточно быстром устаревании данных [12].

Надо отметить и ряд попыток интегрировать различные подходы в одном инструменте измерения. Это ведет к широкому распространению индексных методов измерения социального капитала. Индексный метод предполагает использование готовых показателей. При измерении социального капитала используются индексы доверия, коррупции, индекс процветания стран мира и т.д. С одной стороны, этот подход позволяет оценивать социальный капитал как многомерное явление, учитывать его многообразные характеристики, а с другой – использование исследователями самого разнообразного набора показателей не всегда дает возможность сделать его результаты сопоставимыми.

Очевидно, что для эмпирического измерения необходима более четкая дефиниция социального капитала. На основе приведенного анализа различных подходов и определений социального капитала обозначим собственную позицию. На наш взгляд, наиболее удачным и продуктивным является подход, сформулированный Стивеном Дерлауфом и Марселем Фафчампсой в работе «Социальный капитал». Они выделяют

три основные идеи, которые можно проследить практически во всех имеющихся определениях. «Во-первых, социальный капитал порождает (положительные) внешние эффекты для членов группы. Во-вторых, эти внешние эффекты достигаются за счет совместного доверия, норм и ценностей и их последующего воздействия на ожидания и поведение. В-третьих, общее доверие, нормы и ценности возникают из неформальных организаций на основе социальных сетей и ассоциаций» [18, с. 1644]. Таким образом, под социальным капиталом мы будем понимать, во-первых, наличие сетей социальных отношений, характеризующихся нормами доверия и взаимности, и уровень вовлеченности в них людей, а в конечном счете, полезные для общества, для социальных групп (в определенном статье контексте — для региона) внешние эффекты, результаты, генерируемые социальным взаимодействием в рамках межличностных сетей и ассоциаций, основанных на доверии, общих нормах и ценностях.

Формирование индикаторной модели измерения затрудняет и неоднозначная трактовка структуры социального капитала. Так, обобщая представленные в литературе позиции относительно элементов социального капитала, которые служат отправными точками для построения системы индикаторов, группа авторов оперирует термином «формы социального капитала», полагая, что такими формами являются структурный и когнитивный капитал [6]. При этом авторы ссылаются на работу Дж. Нахапета и С. Гошала, однако там речь идет не о видах или формах, а об измерениях (аспектах) социального капитала. Дж. Нахапет и С. Гошал

выделяют три измерения: структурное, реляционное и когнитивное, подчеркивая сильную взаимосвязь сторон [30].

По нашему мнению, структурный и когнитивный (точнее, культуральный) — это не различные формы, а выделяемые аналитически два измерения или два аспекта социального капитала: структурный аспект и аспект установок. Структурное измерение показывает, как люди привязаны к различным группам и организациям (сетям), в то время как культуральный (когнитивный и аттитудный) аспект основан на чувстве доверия людей к другим, ощущении готовности объединяться с другими людьми и способности повлиять на ситуацию и ход событий. В свою очередь, сетевые структуры могут быть отнесены как к формальным, так и к неформальным, в том числе виртуальным, в силу чего в анализе надо учитывать оба этих компонента.

Мы считаем, что, вследствие принципиальной важности различения перекрывающего и ограничивающего капиталов (в силу их различной значимости для обеспечения экономического роста), должны быть выделены специальные индикаторы этих типов и их формальных и неформальных компонентов. Таким образом, логически мы выделяем следующую структуру компонентов и индикаторов социального капитала (*рисунок*).

Учета требуют также уровни проявления социального капитала, и, возможно, потребуются выделить промежуточный или мезоуровень (*табл. 2*).

Измерение ограничивающего и перекрывающего социального капитала представляет отдельную проблему. Операционализация различия между ограничивающим, перекрывающим и (при



Таблица 2. Уровни проявления социального капитала

Компоненты	Макроуровень	Мезоуровень	Микроуровень
Структурные	Формальное политическое участие, соблюдение правил и законов	Участие в группах интересов (профсоюзы, политические партии, корпоративные объединения)	Добровольные, в том числе виртуальные сети, семьи, друзья и знакомые Эффективность (восприятие возможности влияния на состояние дел)
Когнитивные (культуральные)	Институциональное доверие Чувство ответственности	Готовность объединяться и действовать сообща (групповая солидарность)	Межличностное доверие

необходимости) связывающим типами социального капитала нелегка, поскольку здесь имеют место многочисленные и переплетающиеся отношения индивидов друг с другом. Различение типов социального капитала может потребовать дополнительной широкой серии вопросов в зависимости от того, какой аспект нами исследуется.

Исходя из сформулированных выше принципов построения индикаторной модели, мы определим ее как совокуп-

ность индикаторов, сформированную на определенном концептуальном основании и позволяющую получить в систематизированном виде информацию об изучаемом явлении, процессе, выявить взаимосвязи между составляющими элементами.

В структуру индикаторной модели социального капитала могут быть включены группы индикаторов, позволяющие измерить как когнитивный компонент социального капитала, так и его

Таблица 3. Индикаторная модель измерения социального капитала*

Когнитивный компонент			Структурный компонент		
Доверие	Готовность к объединению	Ответственность за состояние дел	Степень участия в общественной жизни	Степень участия в политической жизни	Возможность влияния на состояние дел
Институциональное <i>Измерение</i> Интегральный индекс доверия институтам власти и общественным структурам	<i>Измерение</i> Индекс готовности к объединению	<i>Измерение</i> Индекс ответственности за состояние дел в месте проживания	<i>Измерение</i> Индекс степени участия в общественной жизни.	<i>Измерение</i> Индекс степени участия политической жизни	<i>Измерение</i> Индекс влияния НКО
Межличностное <i>Измерение</i> Индекс межличностного доверия (радиус доверия)		Индекс ответственности за состояние дел в регионе	Индекс осведомлённости о работе НКО (в пунктах).	Индекс протестного потенциала	Индекс влияния на состояние дел на местном уровне
		Индекс ответственности за состояние дел в стране	Индекс участия в работе НКО		Индекс влияния на состояние дел на уровне региона
					Индекс влияния на состояние дел на уровне страны
Интегральный индекс измерения социального капитала					
* Составлено авторами.					

структурную составляющую (табл. 3). Для оценки используется индексный метод, который позволяет на основе полученных значений провести сравнительный анализ выявленного запаса социального капитала в территориальном или профессиональном сообществе, выявить поселения и муниципальные образования в рамках региона, имеющие дефицит социального капитала.

Поскольку количество используемых индикаторов будет довольно значительным и часть из них будет коррелировать друг с другом, необходимо систематизировать данный анализ с использованием

метода главных компонент, трансформировав множество коррелирующихся переменных в несколько некоррелирующихся переменных. Это позволит выявить факторы, стоящие за этими данными, валидизировать теоретические соображения, с одной стороны, изучить данные и открыть новые отношения между ними – с другой. В результате мы сможем получить набор обобщенных и систематизированных компонентов и измерений социального капитала региона, структурированных как по институциональным формам (формальный – неформальный), так и по локациям.

Литература

1. Афанасьев, Д.В. К исследованию роли социального капитала регионов в условиях социально-экономического кризиса [Текст] / Д.В. Афанасьев // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. – 2015. – № 4. – С. 88-108.
2. Воробьева, И.Н. Теоретико-методологические проблемы измерения социального капитала [Текст] / И.Н. Воробьева, А.А. Мехова // Социальный капитал как ресурс модернизации в регионе: проблемы формирования и измерения: материалы Межрегиональной научно-практической конференции (г. Череповец, 16–17 октября 2012 г.): в 2 ч. – Ч. 1 / отв. ред. Т.А. Гужавина. – Череповец : ЧГУ, 2012. – С. 103-109.
3. Гужавина, Т.А. Социальный капитал региона как фактор модернизации [Текст] / Т.А. Гужавина // Проблемы развития территории. – 2016. – № 1. – С. 130-144.

4. Гужавина, Т.А. Доверие в контексте неэкономических факторов модернизационного развития [Текст] / Т.А. Гужавина // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. – 2014. – № 4. – С. 190-194.
5. Демкив, О. Социальный капитал: теоретические основания исследования и операционные параметры. [Текст] / О. Демкив // Социология: теория, методы, маркетинг. – № 4. – 2004. – С. 99-111.
6. Мачеринскене, И. Социальный капитал организации: методология исследования [Текст] / И. Мачеринскене, Р. Минкуте-Генриксон, Ж. Симанавичене // Социологические исследования. – 2006. – № 3. – С. 31-32.
7. Мехова, А.А. Социальный капитал в контексте проблем социальной справедливости / А.А. Мехова // Проблемы социальной справедливости и современный мир: материалы VI Всероссийской (с международным участием) научно-практической конференции (г. Череповец, 24–26 марта 2016 г.) / под ред. О.В. Козловой (отв. ред.), А.Е. Новикова, Н.В. Алексеевой. – Череповец : ЧГУ, 2016. – С. 44-49.
8. Нилов, В. Методы измерения социального капитала и их использование в научных исследованиях [Текст] / В. Нилов // Социальная инноватика в региональном развитии: сборник материалов V школы молодых ученых. – Петрозаводск: Карельский научный центр РАН, 2009. – С. 141-149.
9. Полищук, Л. Социальный капитал в России: измерение, анализ, оценка влияния [Электронный ресурс] / Л. Полищук. – Режим доступа: <http://www.liberal.ru/articles/5265>
10. Полищук, Л. Экономическое значение социального капитала [Текст] / Л. Полищук, Р.Ш. Меняшев // Вопросы экономики. – 2011. – № 12. – С. 46-65.
11. Адам, Ф. Социальный капитал в европейских исследованиях [Текст] / Ф. Адам, Д. Подменик // Социологические исследования. – 2010. – № 11. – С. 35-48.
12. Стебаков А.А. Методы измерения уровня социального капитала в России и за рубежом / А.А. Стебаков // Изв. Саратов. ун-та. – Нов. сер.: Экономика. Управление. Право. – 2014. – Т. 14. – Вып. 2. – Ч. 2. – С. 430-436.
13. Татарко, А.Н. Социальный капитал современной России: психологический анализ [Текст] / А.Н. Татарко // Вестник МГГУ им. М.А. Шолохова. Педагогика и психология. – 2012. – № 3. – С. 68-82.
14. Трубехина, И.Е. Социальный капитал и экономическое развитие в регионах России [Текст] / И.Е. Трубехина // INEM-2012. Труды II Всероссийской (с международным участием) научно-практической конференции в сфере инноваций, экономики и менеджмента, г. Томск, 24 апр. 2012 г. – Томск: Изд-во Томского политех. ун-та, 2012. – С. 357-361.
15. Шабунова, А.А. Доверие и общественное развитие в России [Текст] / А.А. Шабунова, Т.А. Гужавина, Т.П. Кожина // Проблемы развития территории. – 2015. – № 2. – С. 7-19.
16. Blume, L. Patterns of social capital in West German regions [Text] / L. Blume, D. Sack // European Urban and Regional Studies. – 2008. – N 15. – P. 229-248.
17. Callois, J.-M, The role of social capital components on local economic growth: Local cohesion and openness in French rural areas [Text] / J.-M. Callois, B. Schmitt // Review of Agricultural and Environmental Studies. – 2009. – 90 (3). – P. 257-286.
18. Durlauf, S.N. Social Capital / S.N. Durlauf, M. Fafchamps; P. Aghion & S. Durlauf (ed.) // Handbook of Economic Growth, Elsevier. – 2005. – V. 1b. – P. 1639-1699.
19. Dzialek, J. Is social capital useful for explaining economic development in polish regions? [Text] / J. Dzialek // Geografiska Annaler: Series B, Human Geography. – 2014. – V. 96, N. 2. – P. 177–193.
20. Eropien Sosial Survey (ESS) [Электронный ресурс].- Режим доступа:www.europeansocialsurvey.org
21. Handbook of Social Capital: The Troika of Sociology, Political Science and Economics/ eds.G.T. Svensen, G.L. H. Svendsen. Northampton,MA; Edvard Elgar, 2009.
22. Knack, S. Does social capital have an economic pay-off? A cross country investigation. [Text] / S/ Knack, P. Keefer //Quarterly Journal of Economics. – 1997. – №112.4. – P. 1251-1288.
23. Kreuter M. W., Young L. A. , Lezin N. A. Measuring Social Capital in Small Communities//Study conducted by Health 2000 Inc., Atlanta GA in cooperation with St. Louis School of Public Health, Atlanta, Georgia. 1999;

24. Krishna, A., The social capital assessment tool: Design and Implementation. In Grootaert, C. Bastelar, van T. (Ed.), Understanding and Measuring Social Capital. [Text] / A. Krishna, Shrader, S. // Washington DC: The World Bank. – 2002.
25. La Porta, R. Trust in Large Organizations [Text] / R. La Porta, F. Lopez-de-Silanes, A. Schleifer, R. W. Vishny// American Economic Review. – 1997. – V. 87. – P. 333-338.
26. Lochner, K., I. Kawachi, and B. P. Kennedy. Social capital: a guide to its measurement // Health& Place/ 1999. № 5 (4), P. 259–270;
27. Marsh, C Making Russian Democracy Work [Text] / C. Marsh // Lewiston: The Edwin Mellen Press, 2000.
28. Marsh, C. Social Capital and Democracy in Russia [Text] / C. Marsh// Communist and Post-Communist Studies.-2000. – № 33. – P. 183-199.
29. Marsh, C. Social Capital and Grassroots Democracy in Russia’s Regions: Evidence from the 1999–2001 Gubernatorial Elections[Text] / C. Marsh // Demokratizatsiya: The Journal of Post-Soviet Democratisation. – 2002. – Vol. 10, № 1. – P. 19-36.
30. Menyashev, R. Does Social Capital Have Economic Payoff in Russia? : Working paper WP10/2011/01 [Text] / R. Menyashev, L. Polishchuk ; Higher School of Economics. – Moscow: Publishing House of the Higher School of Economics, 2011. – 44 p. – 150 copies.
31. Nahapiet, J.Social Capital, Intellectual Capital, and the Organizational Advantage [Text] / J. Nahapiet, S. Ghoshal // Academy of Management Review. – 1998. – Vol. 23. – P. 242-266.
32. Narayan D., M. F. Cassidy. A Dimensional Approach to Measuring Social Capital: Development and Validation of a Social Capital Inventory //Current Sociology. – 2001. – № 49 (2). – P. 59-102;
33. OECD The Well-being of Nations: [Text] // The Role of Human and Social Capital, Paris, 2001.
34. Panebianco S., The impact of social capital on regional economic development. [Text]/ S. Panebianco //ACSP Congress, Lovanio, 2003.
35. Putnam R, Economic Growth and Social Capital in Italy. Eastern/[Text] R. Putnam , J. Helliwell // Economic Journal [Internet]. – 1995. – № 21(3). – P. 295-307.
36. Stone W. Measuring social Capital. Towards a theoretically informed measurement framework for researching social capital in family and community life // Australian Institute of Family Studies. Research Paper. – 2001. – № 24.
37. Twigg, J.L. Social Capital [Text] / J.L Twigg. and K. Schecter, //Social Capital and Social Cohesion in Post-Soviet Russia. Armonk. M.E. Sharpe. – 2003. – P. 168-188.
38. Woolcock M. Measuring Social Capital // An Integrated Questionnaire. World Bank, Washington D.C., 2003.
39. World Values Survey [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.worldvaluessurvey.org

Сведения об авторах

Дмитрий Владимирович Афанасьев – кандидат социологических наук, доцент, ректор, Череповецкий государственный университет (162600, Россия, Вологодская область, г. Череповец, пр. Луначарского, д. 5, afanasevdy@chsu.ru)

Татьяна Анатольевна Гужавина – кандидат философских наук, доцент, ведущий научный сотрудник лаборатории экономико-социологических исследований отдела исследования уровня и образа жизни населения, Институт социально-экономического развития территорий РАН (160014, Россия, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а, tanja_gta@mail.ru)

Альбина Анатольевна Мехова – кандидат философских наук, доцент, заведующий кафедрой (Череповецкий государственный университет, 162600, Россия, Вологодская область, г. Череповец, Советский пр., д. 8, albina_mehova@mail.ru)

Afanas'ev D.V., Guzhavina T.A., Mekhova A.A.

Social Capital in a Region: Revisiting the Measurement and Building of an Indicator Model

Abstract. The concept of social capital is gaining certain stability in the social studies. The heuristic potential of the concept is confirmed by numerous studies which prove the positive impact of levels and types of social capital on a wide range of social phenomena. Approaches to theoretical justification of social capital empirical appraisal are being formed, which is particularly relevant amid of general economic and structural crisis. However, science still lacks a generally accepted definition of social capital and the agreement on the ways to measure it. The article aims to theoretically justify the building of an indicator model for empirical measurement of social capital, which implies a set of indicators generated for a particular conceptual framework and helping obtain organized information about the phenomenon under study in order to identify the correlation between its components. The article is intended to foreground the need for social capital empirical measurement and comparison. The article contains analysis of theoretical approaches to the definition of social capital, notes its multi-aspect nature and productive ideas about the triadic nature of social capital lying at the interface between sociology, political science and economics. On the basis of generalization of positions concerning the types of social capital presented in scientific literature, the authors make a conclusion about the fundamental importance of distinguishing bridging and bonding social capital; of the necessity to identify special indicators for these types of social capital and their formal and informal components. The article presents the authors' approach to building a social capital indicator model, including cognitive (readiness to join, responsibility for the state of affairs) and structural elements (degree of participation in public activity, degree of participation in political activity, ability to influence the state of affairs), which helps obtain a set of generalized and systematized components and measurements of social capital of a region structured by both institutional form (formal-informal) and location. The authors emphasize their position regarding the relevance of regional aspects of social capital.

Key words: social capital, social capital components, levels of social capital, measurement indicators, indicator model of social capital measurement, index method.

References

1. Afanas'ev D.V. K issledovaniyu roli sotsial'nogo kapitala regionov v usloviyakh sotsial'no-ekonomicheskogo krizisa [On the question of studying the role of social capital under the conditions of the socio-economic crisis]. *Ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny: fakty, tendentsii, prognoz* [Economic and social changes: facts, trends, forecast], 2015, no. 4, pp. 88–108. (In Russian)
2. Guzhavina T.A. (Ed.), Vorob'eva I.N., Mekhova A.A. Teoretiko-metodologicheskie problemy izmereniya sotsial'nogo kapitala [Theoretical and methodological issues of social capital measurement]. *Sotsial'nyi kapital kak resurs modernizatsii v regione: problemy formirovaniya i izmereniya: materialy Mezhhregional'noi nauchno-prakticheskoi konferentsii (g. Cherepovets, 16–17 oktyabrya 2012 g): v 2 ch* [Social capital as a modernization resource in a region: issues of formation and measurement: proceedings of the International Scientific Conference (Cherepovets, 16–17 October, 2012): in 2 parts]. Cherepovets: ChGU, 2012. Part 1, pp. 103–109. (In Russian)
3. Guzhavina T.A. Sotsial'nyi kapital regiona kak faktor modernizatsii [Regional social capital as a modernization factor]. *Problemy razvitiya territorii* [Problems of territory's development], 2016, no. 1, pp. 130–144. (In Russian)

4. Guzhavina T.A. Doverie v kontekste neekonomicheskikh faktorov modernizatsionnogo razvitiya [Trust in the context of non-economic factors in modernization development]. *Ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny: fakty, tendentsii, prognoz* [Economic and social changes: facts, trends, forecast], 2014, no. 4, pp. 190–194. (In Russian)
5. Demkiv O. Sotsial'nyi kapital: teoreticheskie osnovaniya issledovaniya i operatsionnye parametry. [Social capital: theoretical research framework and operational parameters]. *Sotsiologiya: teoriya, metody, marketing* [Sociology: theory, methods, marketing], 2004, no. 4, pp. 99–111. (In Russian)
6. Macheriskene I., Minkute-Henriksson R., Simanavichene Zh. Sotsial'nyi kapital organizatsii: metodologiya issledovaniya [Social capital of an organization: methodology of research]. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological studies], 2006, no. 3, pp. 31–32. (In Russian)
7. Kozlova O.V., Novikov A.E., Alekseeva N.V. (Eds.), Mekhova A.A. Sotsial'nyi kapital v kontekste problem sotsial'noi spravedlivosti [Social capital in the framework of issues of social justice]. *Problemy sotsial'noi spravedlivosti i sovremenniy mir: materialy VI Vserossiiskoi (s mezhdunarodnym uchastiem) nauchno-prakticheskoi konferentsii (g. Cherepovets, 24–26 marta 2016 g.)* [Issues of social justice and modern world: proceedings of the 6th All-Russian Scientific Conference (with international participation) (Cherepovets, 24–26 March, 2016)]. Cherepovets: ChGU, 2016. Pp. 44–49. (In Russian)
8. Nilov V. Metody izmereniya sotsial'nogo kapitala i ikh ispol'zovanie v nauchnykh issledovaniyakh [Social capital measurement methods and their use in research]. *Sotsial'naya innovatika v regional'nom razviti: sbornik materialov V shkoly molodykh uchenykh* [Socialinnovation theory in regional development: collection of papers from the 5th School for Young Scientists]. Petrozavodsk: Karel'skii nauchnyi tsentr RAN, 2009. Pp. 141–149. (In Russian)
9. Polishchuk L. *Sotsial'nyi kapital v Rossii: izmerenie, analiz, otsenka vliyaniya* [Social capital in Russia: measurement, analysis, impact appraisal]. Available at: <http://www.liberal.ru/articles/5265>. (In Russian)
10. Polishchuk L., Menyashv R.Sh. Ekonomicheskoe znachenie sotsial'nogo kapitala [Economic significance of social capital]. *Voprosy ekonomiki* [Economic issues], 2011, no. 12, pp. 46–65. (In Russian)
11. Adam F., Podmenik D. Sotsial'nyi kapital v evropeiskikh issledovaniyakh [Social capital in European research]. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological studies], 2010, no. 11, pp. 35–48. (In Russian)
12. Stebakov A.A. Metody izmereniya urovnya sotsial'nogo kapitala v Rossii i za rubezhom [Method of measuring the level of social capital in Russia and abroad]. *Izv. Sarat. un-ta. Ser: Ekonomika. Upravlenie. Pravo* [Izvestiya of Saratov University. Series: Economics. Management. Law.], 2014, volume 14, issue 2, part 2, pp. 430–436. (In Russian)
13. Tatarko A.N. Sotsial'nyi kapital sovremennoi Rossii: psikhologicheskii analiz [Social capital of modern Russia: psychological analysis]. *Vestnik MGGU im. M.A. Sholokhova. Pedagogika i psikhologiya* [Bulletin of the Sholokhov Moscow State University for Humanities. Pedagogy and psychology], 2012, no.3, pp. 68–82. (In Russian)
14. Trubekhina I.E. Sotsial'nyi kapital i ekonomicheskoe razvitie v regionakh Rossii [Social capital and economic development in Russian regions]. *INEM-2012. Trudy II Vserossiiskoi (s mezhdunarodnym uchastiem) nauchno-prakticheskoi konferentsii v sfere innovatsii, ekonomiki i menedzhmenta, g. Tomsk, 24 apr. 2012 g* [INEM-2012. Proceedings of the 2nd Scientific Conference (with international participation) on innovations, economics and management, Tomsk, April 24th, 2012]. Tomsk: Izd-vo Tomskogo politekh. un-ta, 2012. Pp. 357–361. (In Russian)
15. Shabunova A.A., Guzhavina T.A., Kozhina T.P. Doverie i obshchestvennoe razvitie v Rossii [Trust and social development in Russia]. *Problemy razvitiya territorii* [Problems of territory's development], 2015, no. 2, pp. 7–19. (In Russian)
16. Blume L., Sack D. Patterns of social capital in West German regions. *European Urban and Regional Studies*, 2008, no. 15, pp. 229–248.
17. Callois J.M., Schmitt B. The role of social capital components on local economic growth: Local cohesion and openness in French rural areas. *Review of Agricultural and Environmental Studies*, 2009, no. 90 (3), pp. 257–286.
18. Durlauf S.N., Fafchamps M., Aghion P., Durlauf S. (Ed.). Social Capital. *Handbook of Economic Growth, Elsevier*, 2005, volume 1b, pp. 1639–1699.
19. Dzialek J. Is social capital useful for explaining economic development in polish regions? *Geografiska Annaler: Series B, Human Geography*, 2014, volume 96, no. 2, pp. 177–193.
20. *Eropien Sosial Survey (ESS)*. Available at: www.europeansocialsurvey.org
21. Svendsen G.T., Svendsen G.L.H. (Eds.). *Handbook of Social Capital: The Troika of Sociology, Political Science and Economics*. Northampton, MA; Edvard Elgar, 2009.

22. Knack S., Keefer P. Does social capital have an economic pay-off? A cross country investigation. *Quarterly Journal of Economics*, 1997, no. 112.4, pp.1251–1288.
23. Kreuter M.W., Young L.A., Lezin N.A. *Measuring Social Capital in Small Communities*. Study conducted by Health 2000 Inc., Atlanta GA in cooperation with St. Louis School of Public Health, Atlanta, Georgia. 1999;
24. Krishna A., Shrader S., Bastelar van T.C. (Ed.). *The social capital assessment tool: Design and Implementation. Understanding and Measuring Social Capital*. Washington DC: The World Bank. 2002.
25. La Porta R., Lopez-de-Silanes F., Schleifer A., Vishny R.W. Trust in Large Organizations. *American Economic Review*, 1997, volume 87, pp. 333–338.
26. Lochner K., Kawachi I., Kennedy B.P. Social capital: a guide to its measurement. *Health & Place*, 1999, no. 5 (4), pp. 259–270;
27. Marsh C. *Making Russian Democracy Work*. Lewiston: The Edwin Mellen Press, 2000.
28. Marsh C. Social Capital and Democracy in Russia. *Communist and Post-Communist Studies*, 2000, no. 33, pp. 183–199.
29. Marsh C. Social Capital and Grassroots Democracy in Russia's Regions: Evidence from the 1999–2001 Gubernatorial Elections. *Demokratizatsiya: The Journal of Post-Soviet Democratisation*, 2002, volume 10, no. 1, pp. 19–36.
30. Menyashev R., Polishchuk L. *Does Social Capital Have Economic Payoff in Russia?: working paper WP10/2011/01*. Higher School of Economics. Moscow: Publishing House of the Higher School of Economics, 2011. 44 p.
31. Nahapiet J., Ghoshal S. Social Capital, Intellectual Capital, and the Organizational Advantage. *Academy of Management Review*, 1998, volume 23, pp. 242–266.
32. Narayan D., Cassidy M. F. A Dimensional Approach to Measuring Social Capital: Development and Validation of a Social Capital Inventory. *Current Sociology*, 2001, no. 49 (2), pp. 59–102;
33. *OECD The Well-being of Nations: The Role of Human and Social Capital*, Paris, 2001.
34. Panebianco S., *The impact of social capital on regional economic development*. ACSP Congress, Lovanio, 2003.
35. Putnam R., Helliwell J. Economic Growth and Social Capital in Italy. Eastern. *Economic Journal*, 1995, no. 21(3), pp. 295–307.
36. Stone W. Measuring social Capital. Towards a theoretically informed measurement framework for researching social capital in family and community life. *Australian Institute of Family Studies. Research Paper*, 2001, no. 24.
37. Twigg J.L., Schecter K. Social Capital. *Social Capital and Social Cohesion in Post-Soviet Russia*. Armonk. M.E. Sharpe, 2003, pp. 168–188.
38. Woolcock M. Measuring Social Capital. *An Integrated Questionnaire*. World Bank, Washington D.C., 2003.
39. *World Values Survey*. Available at: www.worldvaluessurvey.org

Information about the Authors

Dmitrii Vladimirovich Afanas'ev – Ph.D. in Sociology, Associate Professor, Chancellor, Cherepovets State University (5, Lunacharsky Avenue, Cherepovets, 162600, Vologda Oblast, Russian Federation, afanasevdv@chsu.ru)

Tat'yana Anatol'evna Guzhavina – Ph.D. in Philosophy, Associate Professor, Leading Research Associate of the Laboratory, Institute of Socio-Economic Development of Territories of the Russian Academy of Sciences (56a, Gorky Street, Vologda, 160014, Russian Federation, tanja_gta@mail.ru)

Al'bina Anatol'evna Mekhova – Ph.D. in Philosophy, Associate Professor, head of the department, Cherepovets State University (8, Pobedy Avenue, Cherepovets, 162600, Vologda Oblast, Russian Federation. albina_mekhova@mail.ru)

Статья поступила 11.11.2016.

DOI: 10.15838/esc.2016.6.48.7

УДК 331.5.024.54, ББК 60.7

© Шабунова А.А., Фахрадова Л.Н.

Актуальные проблемы трудоустройства инвалидов*



**Александра Анатольевна
ШАБУНОВА**

доктор экономических наук, доцент
Институт социально-экономического развития территорий РАН
160014, Россия, г. Вологда, ул. Горького, д.56а
aas@vscc.ac.ru



**Лейла Натиговна
ФАХРАДОВА**

Институт социально-экономического развития территорий РАН
160014, Россия, г. Вологда, ул. Горького, д.56а
leyl.fachradova2014@yandex.ru

Аннотация. Трудоустройство инвалидов является ведущим инструментом создания общества равных возможностей. В России основными препятствиями для трудоустройства людей с ограниченными возможностями здоровья выступают несовершенство мероприятий, направленных на повышение конкурентоспособности этой группы на рынке труда, предусмотренных законодательством, низкий престиж рабочих мест, на которые могут претендовать инвалиды, незаинтересованность работодателей в приёме их на работу. Цель данного исследования – определение препятствий, с которыми сталкиваются люди с ограниченными возможностями здоровья на рынке труда, а также обоснование экономической целесообразности инвестирования госу-

* Статья подготовлена в рамках выполнения работ по проекту РНФ №16-18-00078 «Механизмы преодоления ментальных барьеров инклюзии социально уязвимых категорий населения для активизации процессов модернизации регионального сообщества».

Для цитирования: Шабунова, А.А. Актуальные проблемы трудоустройства инвалидов / А.А. Шабунова, Л.Н. Фахрадова // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции прогноз. – 2016. – № 6. – С. 126-142. DOI: 10.15838/esc.2016.6.48.7

For citation: Shabunova A.A., Fakhradova L.N. Pressing issues of disability employment. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 2016, no. 6, pp. 126-142. DOI: 10.15838/esc.2016.6.48.7

дарственных средств в мероприятия по содействию их трудоустройству. Информационную базу составили работы российских и зарубежных авторов, данные государственной статистики, результаты социологических опросов населения и инвалидов, проведенных на территории Вологодской области в 2013–2015 гг. В статье рассматривается результативность квотирования рабочих мест для инвалидов, в частности установлено, что численность трудоустроенных по таким квотам в период с 2008 по 2014 г. снизилась. На основе данных отечественных исследований выделены причины недостаточной эффективности указанного инструмента социальной политики. Одной из проблем в сфере содействия трудоустройству инвалидов является обеспечение их профессиональной подготовки и переподготовки. Согласно данным официальной статистики, среди работающих инвалидов, проживающих в городе, только 38% трудоустроены по специальности. В то же время, как видно из результатов исследований российских авторов, подготовка специалиста (даже с учётом имеющихся у последнего ограничений здоровья) окупается в течение 4 лет. На примере Вологодской области нами показано, что объём годовых налоговых поступлений при трудоустройстве инвалидов на рабочие места с заработной платой близкой по величине к средней по региону может достигать 33 млн. рублей. Приведена также оценка примерной стоимости в регионе оборудования рабочего места для инвалида. В заключительной части статьи предложен перечень ключевых направлений действий в сфере повышения конкурентоспособности инвалидов на рынке труда.

Ключевые слова: трудоустройство инвалидов, квотирование рабочих мест, социальная политика.

В связи с ратификацией Россией Конвенции ООН о правах инвалидов усилилось внимание государства к проблемам трудоустройства данной категории населения. Трудовая деятельность является одним из ведущих условий приобретения человеком экономической самостоятельности, обеспечивающей уверенность в завтрашнем дне. В то же время инвалиды не всегда имеют возможность трудиться. Это вызвано как спецификой их физических потребностей, так и несовершенством государственной политики. Разнообразные проблемы, возникающие в связи с трудоустройством инвалидов, служат предметом исследований российских и зарубежных авторов.

Среди подобных зарубежных исследований можно выделить три тематических направления. Первое – изучение законодательства, определяющего права инвалидов. К примеру, развитие социальной политики Великобритании в отноше-

нии людей с ограниченными возможностями здоровья рассматривается в статье М. Floyd и J. Curtis [12]. Социальная политика, проводимая в Евросоюзе, является объектом исследования W. van Oorschot, B. Hvinden [15]. Развитие шведского законодательства, защищающего права группы, исследуется в работе R. Lindqvist [14]. Второе направление представлено трудами об уровне жизни инвалидов, их социальном участии и экономической активности. Примером может служить работа американских авторов R. Haveman, K. Holden, B. Wolfe, P. Smith, K. Wilson [13], охватывающая период с 1982 по 1991 г. К третьему направлению относятся исследования эффективности мероприятий по содействию трудоустройству инвалидов. Такого рода практики как часть социальной политики рассматриваются М.А. Verdugo, A. Jimenez, F.B.J. de Urries [16]. Некоторые проблемы консультирования инвалидов в процессе содействия

их трудоустройству освещаются в работе G.A.M. Backenroth [11]. Ed. Westerhout проведен анализ рынка труда и эффективности воздействия на него различных видов политики в отношении инвалидов [17].

Внимание российских исследователей сосредоточено в основном на определении эффективности государственных мер по трудоустройству инвалидов, на оценке экономического ущерба вследствие инвалидности, выявлении потребности инвалидов в трудоустройстве. Перечисленные аспекты затронуты и в настоящей работе.

Российские авторы выделяют следующие препятствия для трудоустройства инвалидов [10, с. 6-7]:

- средовые барьеры (неподходящая инфраструктура населённых пунктов, неприспособленность транспорта, несоблюдение универсального дизайна помещений и путей передвижения);
- низкий профессионально-квалификационный статус инвалидов;
- несовершенство инструментов трудоустройства инвалидов;
- отсутствие внешних (экономических) стимулов для трудоустройства: заработная плата инвалидов ниже, чем у других работников;
- отсутствие внутренних (психологических) стимулов для трудоустройства;
- дискриминация со стороны работодателей.

Отмечается также отрицательное влияние на трудоустройство инвалидов сложностей с получением образования, негативных социальных установок, стереотипов в отношении к инвалидам [5, с. 63].

В то же время способы преодоления указанных препятствий должны иметь юридическое основание, позволяющее органам государственной власти влиять на функционирование рынка труда в це-

лях обеспечения трудоустройства инвалидов. Следовательно, рассмотрев уже имеющуюся законодательную базу, определяющую права и интересы инвалидов, работодателей и государственных органов в данной сфере, можно выявить актуальные проблемы, связанные с трудоустройством инвалидов.

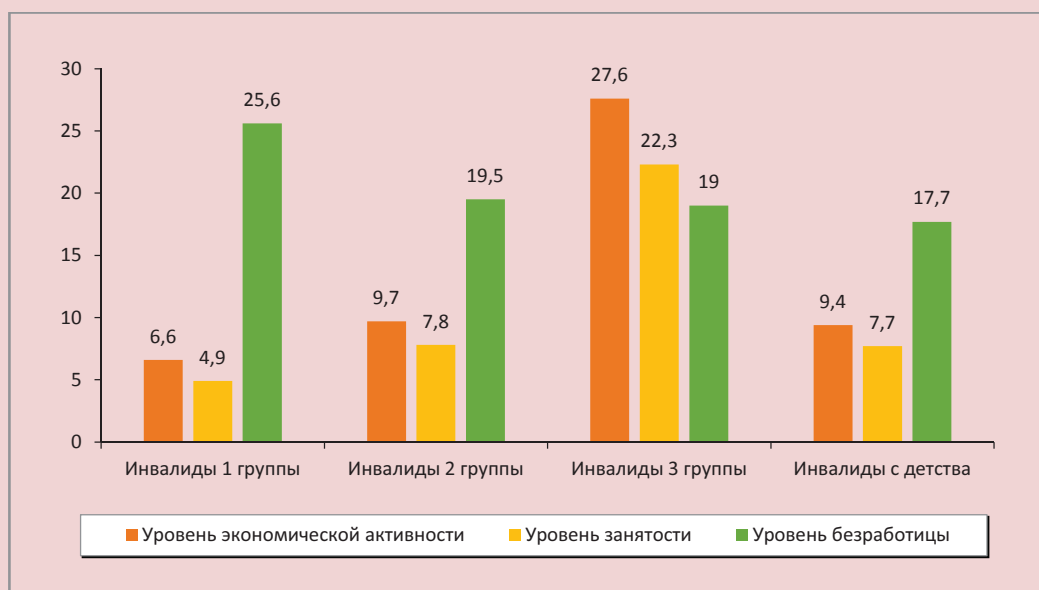
Согласно п. 3 ст. 37 Конституции РФ, любому гражданину страны гарантировано право на труд «в условиях, отвечающих требованиям безопасности и гигиены, на вознаграждение за труд без какой бы то ни было дискриминации и не ниже установленного федеральным законом минимального размера оплаты труда, а также право на защиту от безработицы»¹. Вместе с тем люди с ограниченными возможностями здоровья являются одной из групп с высоким риском безработицы. По данным Всемирной организации здравоохранения, в 2013 году в мире показатели занятости среди мужчин-инвалидов (53%) и женщин-инвалидов (20%) были ниже, чем у мужчин (65%) и женщин без инвалидности (30%). В странах Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР) показатель занятости среди инвалидов (44%) составляет чуть больше половины от аналогичного показателя среди людей без инвалидности (75%)².

В Российской Федерации, по данным за 2015 год, уровень безработицы среди инвалидов составил 12%. Среди лиц с ограниченными возможностями в возрасте 15–72 лет только 15% проявляли экономическую активность и лишь 12%

¹ Конституция Российской Федерации [Эл. рес.] // Правовая навигационная система «Кодексы и законы РФ». – URL: <http://www.zakonrf.info/konstitucia/37/> (дата обращения: 28.06.2016).

² 10 фактов об инвалидности [Эл. рес.] // Всемирная организация здравоохранения. – URL: <http://www.who.int/features/factfiles/disability/facts/ru/index4.html> (дата обращения: 27.06.2016).

Рисунок 1. Уровень экономической активности, занятости и безработицы лиц в возрасте 15–72 лет, имеющих инвалидность, 2014 г.



Источник: Труд и занятость инвалидов // Официальный сайт ФГС. – URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/population/invalid/4-6.doc (дата обращения: 27.06.2016).

работали (рис. 1). Но, как известно, инвалиды остаются одной из самых низкодоходных групп населения: по расчётам за 2015 год им принадлежало только 0,04% совокупного объёма доходов российского населения.

Изменить ситуацию призваны меры, закреплённые в федеральном и региональном законодательстве, а также в нормативно-правовых актах муниципальных образований. Статьёй 20 Федерального закона «О социальной защите инвалидов в Российской Федерации» предусмотрен ряд мероприятий³ по обеспечению занятости инвалидов. В него входят:

- установление в организациях независимо от организационно-правовых

форм и форм собственности квоты⁴ для приема на работу инвалидов и минимального количества специальных рабочих мест для инвалидов;

- резервирование рабочих мест по профессиям⁵, наиболее подходящим для трудоустройства инвалидов;

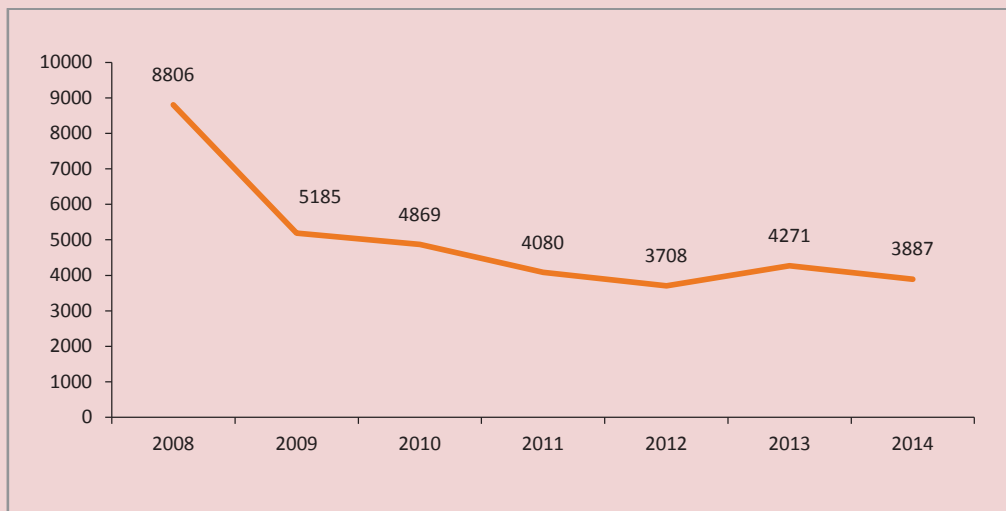
- стимулирование создания предприятиями, учреждениями, организациями дополнительных рабочих мест (в том числе специальных) для трудоустройства инвалидов;

⁴ Квота – минимальное количество рабочих мест для трудоустройства инвалидов в процентах от среднесписочной численности работников организации, которое организация обязана создать или выделить, включая количество рабочих мест, на которых уже работают инвалиды.

⁵ О Перечне приоритетных профессий рабочих и служащих, овладение которыми дает инвалидам наибольшую возможность быть конкурентоспособными на региональных рынках труда: Постановление Минтруда РФ от 08.09.1993 г. № 150 // Официальный сайт компании «КонсультантПлюс». – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_8559/28e010a834fdf2cf379381463eee4a959300e8ec/ (дата обращения: 28.06.2016).

³ О социальной защите инвалидов в Российской Федерации: Федеральный закон от 24.11.1995 г. (ред. от 29.12.2015 г.) № 181-ФЗ // Официальный сайт компании «КонсультантПлюс». – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_8559/28e010a834fdf2cf379381463eee4a959300e8ec/ (дата обращения: 28.06.2016).

Рисунок 2. Численность инвалидов, трудоустроенных на квотируемые рабочие места, чел.



Источник: Положение инвалидов // Официальный сайт ФСГС. – URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/disabilities/ (дата обращения: 26.06.2016).

– создание инвалидам условий труда в соответствии с индивидуальными программами их реабилитации, абилитации (в ред. Федерального закона от 01.12.2014 № 419-ФЗ);

– создание условий для предпринимательской деятельности инвалидов;

– организация обучения инвалидов новым профессиям.

Квотирование рабочих мест для трудоустройства инвалидов, в соответствии с указанным федеральным законом, является обязательным для всех предприятий со среднесписочной численностью работников более 100 человек. Число квотируемых рабочих мест должно составлять 2–4% от общего количества рабочих мест на предприятии. Порядок квотирования, как установлено в части 2 статьи 20 данного закона, определяется органами государственной власти субъектов Российской Федерации.

В Вологодской области, согласно новой редакции областного закона «О квотировании рабочих мест для инвалидов» от 2013 г., работодателям, осуществляю-

щим деятельность на территории региона, имеющим среднесписочную численность сотрудников более 30 человек, также устанавливается квота в размере 2% для приема на работу инвалидов⁶.

Квотирование как инструмент повышения конкурентоспособности инвалидов на рынке труда остаётся недостаточно эффективным. В России в период 2008–2014 гг. наблюдается неблагоприятный тренд: численность инвалидов, трудоустроенных на квотируемые места, снизилась в 2,3 раза. При этом резкий спад показателя произошёл в 2009 г. по сравнению с 2008 г., что может быть связано со снижением предложения рабочей силы вследствие того, что значительная часть безработных инвалидов была трудоустроена в предшествующий период (рис. 2).

⁶ О квоте для приема на работу инвалидов на территории Вологодской области : закон Вологодской области от 19.10.2004 № 3238-ОЗ (в ред. от 11.12.2013) // Официальный портал Правительства Вологодской области. – URL: <https://view.officeapps.live.com/op/view.aspx?src=http://vologda-oblast.ru/upload/iblock/293/1065.docx> (дата обращения: 27.06.2016).

В то же время на снижение рассматриваемого показателя могли повлиять и иные причины. В их числе исследователи отмечают, например, несовершенство и противоречивость действующего законодательства.

Согласно данным исследования ОАО «Всероссийский центр уровня жизни» [3, с. 62], по состоянию на 2009 год во всех регионах Северо-Западного федерального округа (СЗФО) были приняты нормативно-правовые акты, устанавливающие квоту для приёма на работу инвалидов: в 5 из 10 субъектов она составила 3% от среднесписочной численности работников. В Вологодской области действовал минимальный размер квоты – 2%, в Калининградской области – максимальный – 4%. Помимо квотирования рабочих мест в регионах СЗФО предусмотрены такие меры содействия трудоустройству инвалидов, как профориентация и психологическая поддержка. Анализируя в целом систему регионального законодательства в сфере защиты права инвалидов на труд, исследователи выделяют ряд присущих ей недостатков [3]:

– отсутствие в некоторых регионах собственных законов, устанавливающих квоту для приёма на работу инвалидов;

– отсутствие в некоторых регионах единого порядка установления квоты и прописанного порядка предоставления специализированных рабочих мест (прописан только в законодательстве Мурманской и Архангельской области);

– отсутствие порядка осуществления контроля и надзора за соблюдением законодательства в области регистрации инвалидов в качестве безработных;

– непредусмотренность мер экономического стимулирования работодателей к созданию и сохранению специализированных рабочих мест для инвалидов.

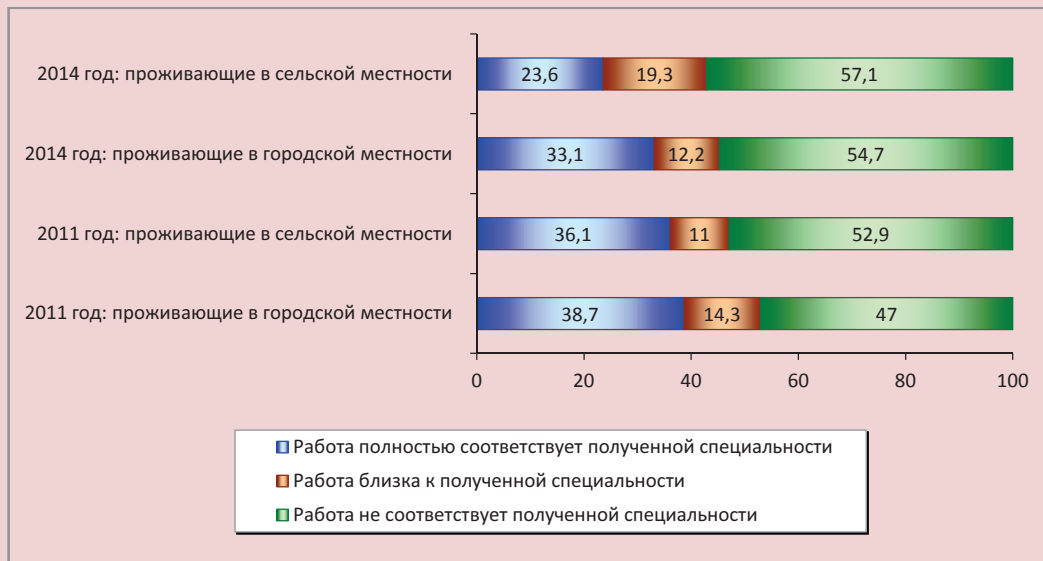
Другой мерой, призванной повысить участие инвалидов в экономической жизни, является резервирование рабочих мест по профессиям, рекомендованным для трудоустройства инвалидов. Перечень профессий приводится в приказе Минтруда России от 04.08.2014 № 515 «Об утверждении методических рекомендаций по перечню рекомендуемых видов трудовой и профессиональной деятельности инвалидов с учётом нарушенных функций и ограничений их жизнедеятельности»⁷. Порядок резервирования рабочих мест для инвалидов определяется региональным законодательством. Например, в Пермском крае в 2015 году принято постановление «Об утверждении порядка формирования кадрового резерва инвалидов и резервирования рабочих мест по профессиям, наиболее подходящим для трудоустройства инвалидов»⁸. В Костромской области в том же году принято постановление «О порядке резервирования рабочих мест по профессиям, наиболее подходящим для трудоустройства инвалидов»⁹. В Ставропольском крае

⁷ Об утверждении методических рекомендаций по перечню рекомендуемых видов трудовой и профессиональной деятельности инвалидов с учётом нарушенных функций и ограничений их жизнедеятельности : Приказ Минтруда РФ от 04.08.2014 № 515 // Официальный сайт компании «КонсультантПлюс» – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_166866/ (дата обращения: 28.06.2016).

⁸ Об утверждении порядка формирования кадрового резерва инвалидов и резервирования рабочих мест по профессиям, наиболее подходящим для трудоустройства инвалидов : постановление Правительства Пермского края от 28 января 2015 года № 35-п // Электронный фонд правовой и нормативно-технической документации. – URL: <http://docs.cntd.ru/document/424031428> (дата обращения: 29.06.2016).

⁹ О порядке резервирования рабочих мест по профессиям, наиболее подходящим для трудоустройства инвалидов : постановление Администрации Костромской области от 22 декабря 2015 года № 465-а // Электронный фонд правовой и нормативно-технической документации. – URL: <http://docs.cntd.ru/document/432836759> (дата обращения: 29.06.2016).

Рисунок 3. Наличие специальности и её соответствие выполняемой работе у инвалидов в возрасте 15–65 лет в 2011 и 2014 году, в %



Источник: Положение инвалидов // Официальный сайт ФСГС. – URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/disabilities/ (дата обращения: 26.06.2016).

порядок резервирования рабочих мест определяется приказом министерства труда и социальной защиты населения Ставропольского края от 16.10.2015 № 403 «Об утверждении Порядка проведения специальных мероприятий для предоставления инвалидам, проживающим на территории Ставропольского края, гарантий трудовой занятости»¹⁰.

Необходимо отметить, что в настоящее время проблема профессиональной подготовки и переподготовки инвалидов приобретает высокую актуальность. Судя по данным за 2011 и 2014 годы, доля инвали-

дов, имеющих профессиональное образование, в общей численности работающих инвалидов составила 69%. Среди инвалидов с профессиональным образованием, проживающих в городской местности, по специальности работают 39%, среди сельских жителей – 36%. Вне зависимости от территории проживания среди работающих инвалидов, имеющих профессиональное образование, преобладают те, у кого работа не соответствует специальности. Аналогичная картина наблюдалась и в 2011 г. (рис. 3).

Несоответствие характера выполняемой работы полученной специальности может быть следствием дефицита рабочих мест по профессиям, рекомендованным для инвалидов. Устранить данную проблему способна система профессиональной переподготовки и повышения квалификации. Среди инвалидов, работавших не по специальности в 2011 году, к 2014 году

¹⁰ Об утверждении Порядка проведения специальных мероприятий для предоставления инвалидам, проживающим на территории Ставропольского края, гарантий трудовой занятости : приказ министерства труда и социальной защиты населения Ставропольского края от 16.10.2015 № 403 // Официальный сайт компании «КонсультантПлюс». – URL: <http://base.consultant.ru/regbase/cgi/online.cgi?req=doc;base=RLAW077;n=92360;dst=100033/> (дата обращения: 28.06.2016).

специальную профессиональную подготовку (переподготовку, обучение) прошли 29%¹¹. Незначительный охват услугами по переподготовке может быть обусловлен, с одной стороны, незаинтересованностью самих инвалидов, а с другой стороны, согласием работодателей принимать на работу соискателей, квалификация которых не соответствует требованиям рабочих мест. Здесь необходимо также отметить, что целесообразность профессиональной переподготовки выше для работников с минимальным стажем работы на данном месте, поскольку далее, выполняя повседневные обязанности, они накапливают специфический человеческий капитал, адаптируются к новым профессиональным требованиям и успешно справляются со своими обязанностями.

В то же время обеспечение инвалидам доступа к качественному профессиональному образованию служит ключевым условием для повышения конкурентоспособности группы на рынке труда. Трудоустройство не по специальности имеет негативные последствия как для самого человека, так и для государства. Индивидуальные издержки заключаются в потере времени и средств, затраченных на усвоение компетенций, которые в дальнейшем не могут быть источником человеческого капитала. Издержки государства включают затраты на обучение инвалидов и на специальную профессиональную подготовку (переподготовку, обучение) тех из них, кто не смог трудоустроиться по специальности. Согласование направлений профессиональной подготовки с интересами работодателей региона, создающих рабочие места для инвалидов, является

¹¹ Положение инвалидов // Официальный сайт ФССГ. – URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/disabilities/ (дата обращения: 26.06.2016).

наиболее приемлемым способом оптимизации затрат на обучение людей с ограниченными возможностями здоровья.

В контексте решения данной задачи необходимо обратить особое внимание на исследования окупаемости инвестиций в образование инвалидов. По расчётам специалистов Московского технического университета им. Н.Э. Баумана, семилетнее обучение в нём полностью окупается за 4 года за счет выплаты налогов после трудоустройства выпускника-инвалида (при заработной плате около 15 тыс. рублей в месяц). В течение последующих 3–4-х лет происходит погашение затрат государства на пенсию, полученную инвалидами во время учёбы.

Годовые инвестиции в образование инвалидов в Международном независимом эколого-политическом университете (МНЭПУ) окупаются ещё быстрее – практически за четыре месяца трудовой деятельности выпускников, а с учетом полученной ими за время обучения пенсии – менее чем за год [1, с. 17-22].

Рассматривая сложившуюся структуру занятости инвалидов, можно отметить, что наибольшая их доля трудится в таких сферах, как сельское и лесное хозяйство, охота (30%), обрабатывающие производства (12%), торговля и ремонт (12%). Характерно, что среди населения в целом наибольшая часть работников занята в торговле – 16%, обрабатывающих производствах – 14,5%, сфере транспорта и связи – 9%, образования – 9%; в сельском и лесном хозяйстве – только 6% (табл. 1).

Данные государственной статистики не позволяют установить соотношение между территорией проживания инвалида и отраслью, в которой он занят. Однако можно предположить, что для жителей городской и сельской местности имеются существенные отличия в структуре за-

Таблица 1. Структура занятого населения в возрасте 15–72 лет, имеющего инвалидность, по видам экономической деятельности на основной работе, 2014 г., в %

Виды экономической деятельности	Инвалиды в возрасте 15–72 лет	Справочно: все население в возрасте 15–72 лет
Всего	100	100
Сельское хозяйство, охота и лесное хозяйство	29,8	6,6
Обрабатывающие производства	11,8	14,5
Оптовая и розничная торговля; ремонт автотранспортных средств, мотоциклов, бытовых изделий и предметов личного пользования	11,7	16
Образование	9	9,2
Здравоохранение и предоставление социальных услуг	8,8	7,9
Операции с недвижимым имуществом, аренда и предоставление услуг	5,5	7
Транспорт и связь	5,4	9,5
Предоставление прочих коммунальных, социальных, персональных и других услуг	5	4,3
Строительство	4,4	7,6
Государственное управление и обеспечение военной безопасности; социальное страхование	3,1	7,3
Производство и распределение электроэнергии, газа и воды	2,2	3,3
Гостиницы и рестораны	1,4	2,4
Добыча полезных ископаемых	1	2,1
Финансовая деятельность	0,5	2,2
Рыболовство, рыбоводство	0,3	0,2

Источник: Уровень и структура доходов домохозяйств, состоящих из инвалидов // Официальный сайт ФССГ. – URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/population/invalid/tab3-4.htm (дата обращения: 26.06.2016)..

нятости по отраслям. Однозначно определить факторы, которые обуславливают наличие большой доли работающих инвалидов, занятых в сельском и лесном хозяйстве, не представляется возможным. В то же время низкая привлекательность рабочих мест в этой сфере для работающего населения в целом создаёт ситуацию низкой конкуренции, что обеспечивает возможность трудоустройства инвалидов.

Вместе с тем небольшую занятость инвалидов в сфере финансов и государственного управления можно объяснить недостатком количества и качества образовательных программ по данным направлениям, подходящих для инвалидов, низким уровнем подготовки специалистов, уже присутствующих на рынке труда, и, как следствие, их низкой конкурентоспособностью.

Что касается сферы гостиничного и ресторанного обслуживания, то в данном

случае препятствием для трудоустройства инвалидов могут служить не только объективные факторы (сменный график работы), но и субъективные (несоответствие инвалидов стереотипам работодателей об «идеальном» работнике гостиницы или ресторана).

Если рассматривать предпочтения самих инвалидов, то, как показывают данные исследования проблем трудоустройства инвалидов в Воронеже, в сельской местности наибольшей востребованностью среди них пользуются профессии, связанные с пошивом и ремонтом одежды, обуви, а также с торговлей, общественным питанием, народным творчеством и ремеслами, а в городе – профессии, связанные с финансами и бизнесом, овладением компьютерными программами, бухгалтерским и складским учетом [6, с. 44].

В целом при организации мероприятий, направленных на содействие трудоустройству инвалидов, следует учитывать отраслевую специфику регионального и местного рынка труда, ориентироваться не только на минимизацию государственных затрат на профессиональную подготовку, но и на перспективы их окупаемости после успешного трудоустройства инвалидов. На наш взгляд, эффективным механизмом решения проблем трудоустройства инвалидов на местном уровне могут стать разработка и реализация муниципальных программ соответствующего содержания, а кроме того, ведение регистра и безработных инвалидов, и работодателей, создающих для них рабочие места (в том числе специализированные). В отдельных регионах уже принимаются подобные меры. Например, в Республике Дагестан с 2011 года практикуется ведение регистра незанятых инвалидов, родителей детей-инвалидов, трудоустроенных на специальные рабочие места [5, с. 65]. Приоритетным направлением работы по трудоустройству инвалидов должно оставаться формирование у работодателей и населения в целом представления об этой группе как о равных участниках процессов общественной жизни, в том числе трудовой деятельности.

Соответствие размера оплаты труда характеру и объёму выполняемой работы является главным критерием, по которому любой работник оценивает качество рабочего места. Анализируя уровень и источники поступления доходов в домохозяйства, состоящие только из инвалидов, можно увидеть, что трудовая деятельность не вносит значимого вклада в обеспечение их благосостояния. Судя по данным за 2014 год, средняя величина трудового дохода в таких домохозяйствах составляла 1377 рублей в расчёте на члена домохозяй-

ства (или 6,7% от величины совокупного денежного дохода домохозяйств), что значительно ниже прожиточного минимума как для работающего населения, так и для пенсионеров (табл. 2).

Как следует из данных социологического исследования, проведённого в Санкт-Петербурге, для большинства инвалидов, желающих трудоустроиться, приемлемым уровнем оплаты труда является интервал от 10 до 19 тыс. рублей (45% от числа опрошенных). При этом оптимальным режимом работы инвалиды второй и третьей группы считают неполный рабочий день и неполную рабочую неделю, инвалиды первой группы – работу на дому. Неприемлемый уровень оплаты труда был назван в числе наиболее распространённых препятствий для трудоустройства [9, с. 149-152]. В то же время необходимо отметить, что Санкт-Петербург, как достаточно «дорогая» территория проживания, накладывает определённый отпечаток на желаемый уровень заработной платы. Вероятно, притязания, касающиеся уровня оплаты труда, у инвалидов в менее крупных городах и сельских населённых пунктах были бы несколько ниже.

В целях выявления потребности инвалидов в трудоустройстве органы исполнительной власти 28 субъектов Российской Федерации в 2013 году провели социологический опрос незанятых инвалидов трудоспособного возраста. Согласно полученным данным, 77% опрошенных были заинтересованы в трудоустройстве, 20% – в профессиональном обучении. Выразили желание работать в организациях реального сектора экономики 3241 человек (21,6%), на специализированном предприятии – 2533 человека (16,9%). Собственное дело хотели бы открыть 719 человек (4,8%). По результатам опроса выявлено, что 57% незанятых инвалидов, желающих

Таблица 2. Уровень и структура доходов домохозяйств, состоящих только из инвалидов, Российская Федерация, 2014 год

Источники дохода	В среднем на домохозяйство в месяц, руб.	В среднем на члена домохозяйства в месяц, руб.	В % к строке 1
1. Денежный доход, всего	24 273,30	20 523,90	100
2. Доход от трудовой деятельности, всего	1 925,60	1 628,10	7,9
Оплата труда	1 628,60	1 377,00	6,7
Доход от самостоятельной занятости	207	175	0,9
Доход от другой регулярной трудовой деятельности	90	76,1	0,4
3. Доход от собственности, всего	234,4	198,2	1
из него доход от сдачи в аренду недвижимости и другого имущества	178	150,5	0,7
4. Полученные трансферты, всего	22 113,30	18 697,60	91,1
из них социальные выплаты	21 336,80	18 041,00	87,9
в том числе:			
пенсии	15 953,30	13 489,00	65,7
пособия, компенсации и другие соц. выплаты	5 383,60	4 552,00	22,2
5. Денежные поступления от частных лиц и организаций, исключая органы социальной защиты населения	776,5	656,5	3,2
из них алименты и другие приравненные к ним выплаты	5,7	4,9	0
6. Переданные трансферты, всего	289,3	244,6	1,2
Подходный налог на сумму заработной платы и налоги с доходов от предпринимательской деятельности	205,8	174	0,8
Налог на имущество, сборы и другие обязательные платежи	33,3	28,2	0,1
Страховые взносы по страхованию имущества	50,3	42,5	0,2
7. Располагаемый денежный доход	23 984,00	20 279,30	98,8

Источник: Уровень и структура доходов домохозяйств, состоящих из инвалидов // Офиц. сайт ФГСГ. – URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/population/invalid/tab3-4.htm (дата обращения: 26.06.2016).

трудоустроиться, не имели определённых профессиональных предпочтений¹². Этот факт свидетельствует о необходимости и востребованности работы по профессиональному консультированию, профессиональному обучению и переподготовке инвалидов.

Данные социологического опроса незанятых инвалидов, имеющих вторую группу инвалидности, проведённого в

¹² О реализации мер, направленных на развитие трудовой занятости инвалидов : информация от 3 апреля 2013 г. // Официальный сайт Министерства труда и социальной защиты российской Федерации. – URL: <http://www.rosmintrud.ru/docs/mintrud/migration/12> (дата обращения: 27.06.2016).

Пермском крае, показывают, что 62% респондентов хотят работать и активно ищут работу. Готовы работать не по специальности 46% опрошенных. Среди наиболее значимых препятствий для трудоустройства инвалиды назвали невозможность свободного передвижения (68%), а также неравные условия при приёме на работу (82%) [4, с. 142].

Результаты исследований психологов позволяют выделить среди безработных инвалидов две категории: к первой относятся те, кто имеет продуманный план поиска работы, определённые цели поиска, активную позицию; ко второй группе —

те, кто занимает пассивную позицию, рассчитывая на помощь со стороны центра занятости, получение пособия, и оценивает состояние безработицы как критическую ситуацию [7, с. 24].

В российском законодательстве формально предусмотрен ряд мер, направленных на принуждение работодателей к приёму на работу людей с рабочей группой инвалидности. К числу таких мер относятся штрафы за невыполнение квот, за непредоставление качественной отчётности о вакансиях для людей с ограниченными возможностями здоровья, за несоответствие условий труда инвалидов требованиям их индивидуальной программы реабилитации. Обилие карательных мер, тем не менее, не приводит к эффективному решению проблемы трудоустройства инвалидов. В тех редких случаях, когда инвалид всё же получает работу, он сталкивается со следующим пластом проблем: неподходящими условиями труда, негативным отношением коллег, предубеждённостью работодателя и, наконец, низкой оплатой труда вследствие сокращённого рабочего дня, отсутствия премиальных выплат, из-за продолжительных периодов нетрудоспособности, необходимых для лечения. Инвалид с точки зрения работодателей — наихудший тип работника, поскольку его обучение и обеспечение комфортных условий труда требуют огромных усилий и затрат, которые не окупаются за счёт предоставления предприятию налоговых льгот и компенсаций со стороны государства.

Согласно данным интервью с работодателями Пермского края, существует много факторов, мешающих трудоустройству инвалидов на предприятия региона:

- необходимость вкладывать собственные средства в создание специальных рабочих мест (85%);

- высокая ответственность за условия труда и режим труда и отдыха инвалидов (76%);

- работа предприятия по сменам, не позволяющая принимать на вакантные места людей с инвалидностью, которым такой график противопоказан;

- наличие вредных условий труда, неприемлемых для инвалидов;

- запрет предприятиям, являющимся региональными филиалами (подразделениями), менять организационную структуру для обеспечения выполнения квотирования [4, с. 142].

Влияние перечисленных факторов может быть сглажено при условии реализации грамотной государственной политики в сфере содействия занятости инвалидов. Критерии эффективности такой политики должны включать не только формальные показатели работы центров занятости населения (число трудоустроенных на созданные/квотируемые рабочие места для инвалидов), но и оценку экономического эффекта от трудоустройства инвалидов в территориальном и отраслевом разрезе, а также в разрезе групп инвалидности.

Попытки оценить реальные затраты на осуществление мероприятий по обеспечению трудоустройства инвалидов встречаются ряд методологических сложностей. В исследовании Л.П. Храпылиной (2013) показано, что для корректного определения потребности инвалидов в трудоустройстве необходимо ведение федерального реестра инвалидов и их потребностей (в том числе связанных с трудоустройством): для расчёта стоимости затрат на реализацию активной политики по содействию трудоустройству инвалидов требуется провести обоснованную оценку стоимости организации рабочего места для инвалида в разных секторах экономики на разных пред-

приятных (специализированных, малых, общего типа и др.). С учётом несовершенства имеющейся первичной информации автор получила итоговую стоимостную оценку реализации активной политики содействия трудоустройству инвалидов на уровне 109,8 млрд. рублей [10, с. 9].

На отсутствие определённых характеристик профессий и рабочих мест (содержание и условия труда), предназначенных инвалидам, указывает как на препятствие для их трудоустройства и С.Н. Кавокин [2, с. 33].

В то же время, по оценкам специалистов ИСЭРТ РАН, примерная величина «цены инвалидности» в Российской Федерации в 2012 году достигала 1915,9 млрд. рублей, из которых большую часть составлял недопроизведённый неработающими инвалидами трудоспособного возраста ВВП – 1465 млрд. руб. (2,35% ВВП) [8, с. 39].

Следовательно, если долгосрочный экономический эффект от трудоустройства инвалидов учитывать в форме налоговых отчислений в бюджет, то можно го-

ворить об оправданности реализации активной политики содействия занятости инвалидов. Например, рассчитаем объём налоговых поступлений при разном уровне трудоустройства инвалидов, зарегистрированных в 2015 году в качестве безработных в Вологодской области (табл. 3).

По официальной информации, опубликованной на сайте Департамента труда и занятости населения Вологодской области, в 2015 году численность инвалидов, трудоустроенных на оборудованные рабочие места, составила 205 человек (204 рабочих места), затраты на создание рабочих мест – 14828,7 тыс. рублей [27]. Следовательно, примерная стоимость создания одного оборудованного рабочего места для инвалидов оценивается в 72689,71 руб. Ожидаемый объём налоговых поступлений в результате трудоустройства инвалидов за год будет равен 3531231,6 руб. при величине оплаты труда в размере прожиточного минимума трудоспособного населения (на конец 2015 года), 1907607 руб. – при величине оплаты труда в размере

Таблица 3. Величина налоговых поступлений (НДФЛ) в бюджет Вологодской области за год в зависимости от численности занятых инвалидов и размера их заработной платы, руб.

Величина заработной платы в размере:	Доля трудоустроенных инвалидов в общем числе зарегистрированных безработных					
	10%	30%	50%	70%	90%	100%
МРОТ	1360816	4082448	6804080	9508487	12230119	13590935
ПМ	734196	2202588	3670980	5139372	6607765	7341961
Средняя заработная плата по области	3311698	9935094	16558491	23181887	29805283	33116981

Справочно: МРОТ (минимальный размер оплаты труда) на 4 квартал 2015 года равен 5965 руб., ПМ (прожиточный минимум трудоспособного населения) в 2015 году равен 11042 руб., средняя заработная плата в 2015 году составила 26906 руб.

Примечание. При расчёте использованы данные о величине МРОТ, прожиточного минимума, средней начисленной заработной платы за 2015 год. Численность инвалидов, обратившихся в службы занятости Вологодской области, но не трудоустроенных в 2015 году, принята в качестве базовой при расчёте объёма предполагаемых налоговых поступлений (789 чел.).

Источники: Социально-экономическое положение Вологодской области в 2015 году: доклад / Вологдастат. – Вологда, 2015. – 85 с.; Об установлении величины прожиточного минимума на душу населения и по основным социально-демографическим группам населения в Вологодской области за IV квартал 2015 года: постановление Правительства Вологодской области от 15 февраля 2016 года № 110 // Официальный портал Правительства Вологодской области. – URL: <http://vologda-oblast.ru/dokumenty/613044/> (дата обращения: 27.06.2016); О внесении изменения в статью 1 Федерального закона «О минимальном размере оплаты труда» от 01.12.2014 № 408-ФЗ // Официальный сайт компании «КонсультантПлюс». – URL: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=171434&fld=134&dst=101447,0&rnd=0.025475189424951195> (дата обращения: 28.06.2016).

МРОТ (за 2015 год), 8604538,8 руб. — при заработной плате, соответствующей среднемесячной номинальной начисленной заработной плате в среднем по региону (за 2015 год). При любом из вариантов расчёта расходы государства на создание рабочего места для инвалида окупаются менее чем за один календарный год. То есть трудоустройство инвалидов приносит экономическую выгоду не только им самим, но и государству.

Таким образом, основными препятствиями для трудоустройства инвалидов в современной России являются: несовершенство рынка труда — недостаток рабочих мест, допускающих гибкий график и режим работы; отсутствие эффективной системы стимулирования работодателей к созданию рабочих мест для инвалидов.

Проведённый нами анализ проблем трудоустройства инвалидов позволяет выделить несколько ключевых направлений действий в целях повышения конкурентоспособности этой группы на рынке труда:

1. Совершенствование механизмов контроля квотирования и резервирования рабочих мест. В частности, необходимо предоставить работодателям альтернативные возможности реализации требований по квотированию и созданию специальных рабочих мест для инвалидов.

2. Разработка и принятие дополнительных мер экономического стимулирования работодателей к трудоустройству инвалидов.

3. Проведение аттестации рабочих мест инвалидов на специализированных предприятиях и предприятиях общего типа по видам экономической деятельности. Разработка системы оценки условий труда работающих инвалидов. Расчёт примерной стоимости создания для инвалидов различных типов рабочих мест по видам экономической деятельности.

4. Формирование во всех субъектах Российской Федерации реестра безработных инвалидов, родителей, воспитывающих детей-инвалидов.

5. Разработка и принятие локальных нормативно-правовых актов, целевых программ, регулирующих работу органов власти по содействию трудоустройству инвалидов.

6. Ведение регионального и федерального мониторинга потребности инвалидов в трудоустройстве в разрезе групп инвалидности, видов ограничения жизнедеятельности, уровня образования, отраслей экономики и профессиональных групп.

7. Расширение спектра направлений профессиональной подготовки инвалидов с учётом потребностей регионального и местного рынка труда, в том числе за счёт привлечения средств потенциальных работодателей. Так, средства, уплаченные работодателем за обучение инвалида, могут быть зачтены как часть суммы налоговых выплат или как выполненное обязательство по квотированию рабочих мест для инвалидов.

Литература

1. Кавокин, С.Н. Нужны ли государству инвалиды? / С.Н. Кавокин // Человек и труд. — 2008. — № 5. — С. 17-22.
2. Кавокин, С.Н. О необходимости совершенствования системы аттестации и сертификации рабочих мест в интересах трудоустройства инвалидов в современных условиях / С.Н. Кавокин // Охрана и экономика труда. — 2012. — № 3. — С. 32-33.
3. Кузьминова, Т.В. Состояние государственной поддержки инвалидов в области занятости населения / Т.В. Кузьминова, И.С. Горлов, Е.В. Одинцова // Уровень жизни населения регионов России. — 2010. — № 7. — С. 59-68.

4. Мерзлякова, И.М. Меры содействия трудоустройству людей с ограниченными возможностями здоровья / И.М. Мерзлякова // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – 2015. – № 8 (58). – С. 140-144.
5. Мирзабалаева, Ф.И. Проблемы трудоустройства инвалидов на региональном рынке труда / Ф.И. Мирзабалаева // Вестник Дагестанского государственного университета. – 2012. – № 5. – С. 62-66.
6. Осипов, С.А. Социализация и занятость инвалидов / С.А. Осипов // Вестник ВГУ. Серия: Экономика и управление. – 2006. – № 2. – С. 42-47.
7. Панченко, М.И. Отношение инвалидов к трудоустройству в условиях безработицы: психологический аспект / М.И. Панченко // Северо-Кавказский психологический вестник. – 2008. – № 6 (2). – С. 23-27.
8. Проблемы социальной консолидации: инвалиды в региональном сообществе : монография / А.А. Шабунова, О.Н. Калачикова, Н.А. Кондакова, М.В. Морев, Л.Н. Фахрадова, Ю.Е. Шматова. – Вологда, 2014. – 134 с.
9. Старобина, Е.М. О результатах мониторинга потребности инвалидов в трудоустройстве, открытии собственного дела в Санкт-Петербурге / Е.М. Старобина, И.Е. Кузьмина, С.Г. Кривенков // Труд и социальные отношения. – 2015. – № 4. – С. 145-158.
10. Храпылина, Л.П. Социально-экономические аспекты эффективности трудоустройства и результативности труда инвалидов / Л.П. Храпылина // Вестник Всероссийского общества специалистов по медико-социальной экспертизе, реабилитации и реабилитационной индустрии. – 2013. – №4. – С. 6-10.
11. Backenroth, G.A.M. People with disabilities and the changing labor market: some challenges for counseling practice and research on workplace counseling / G.A.M. Backenroth // International Journal for the Advancement of Counselling. – 2001. – V. 23. – № 1. – Pp. 21-30.
12. Floyd, M. An examination of changes in disability and employment policy in the United Kingdom / M. Floyd, J. Curtis // European Journal of Social Security. – 2000. – V. 2. – № 4. – Pp. 303-322.
13. Haveman, R. The changing economic status of U.S. disabled men: trends and their determinants, 1982-1991 / R. Haveman, K. Holden, B. Wolfe, P. Smith, K. Wilson // Empirical Economics. – 1999. – T. 24. – № 4. – С. 0571–0598.
14. Lindqvist, R. Swedish disability policy: from universal welfare to civil rights? / R. Lindqvist // European Journal of Social Security. – 2000. – V. 2. – № 4. – Pp. 399-418.
15. Van Oorschot, W. Introduction: towards convergence? disability policies in Europe / W. van Oorschot, B. Hvinden // European Journal of Social Security. – 2000. – V. 2. – № 4. – Pp. 293-302.
16. Verdugo, M.A. Social and employment policies for people with disabilities in Spain / M.A. Verdugo, A. Jimenez, F.B.J. de Urries // European journal of social security. – 2000. – № 4. – Pp. 323-341.
17. Westerhout, Ed. Disability risk, disability benefits, and equilibrium unemployment / Ed. Westerhout // International Tax and Public Finance. – 2001. – V. 8. – № 3. – Pp. 219-244.

Сведения об авторах

Александра Анатольевна Шабунова – доктор экономических наук, доцент, временно исполняющий обязанности директора, Институт социально-экономического развития территорий Российской академии наук (160014, Россия, г. Вологда, ул. Горького, д.56а, aas@vscc.ac.ru)

Лейла Натиговна Фахрадова – младший научный сотрудник, Институт социально-экономического развития территорий Российской академии наук (160014, Россия, г. Вологда, ул. Горького, д.56а, leyl.fachradova2014@yandex.ru)

Shabunova A.A., Fakhradova L.N.

Pressing Issues of Disability Employment

Abstract. Disability employment is a major tool for creating inclusive society. In Russia, the main obstacles to employment of the disabled are imperfect statutory measures aimed at improving competitiveness of this population group in the labor market; low prestige of jobs for people with disabilities; the employers' unwillingness to hire disabled people. The purpose of this study is to determine the barriers disabled people face on the labor market and to justify the expedience of investing public funds in activities aimed at promoting disabled employment. Works of Russian and foreign authors, national statistics, results of sociological surveys of the population and people with disabilities conducted on the territory of the Vologda Oblast in 2013–2015 represent the information base of the study. The article reviews the impact of employment quotas for the disabled; in particular, it has been established that the number of the employed under such quotas during the period from 2008 to 2014 has declined. Based on the results of domestic research the authors have determined the reasons underlying lack of effectiveness of this social policy tool. One of the problems of promoting disability employment is training and re-training of the disabled. According to official statistics, only 38% of the employed disabled who live in a city are employed in the area of their specialty. At the same time, the results of research of Russian authors show that training of an expert (even with consideration of their health capacities) pays off within 4 years. Using the example of the Vologda Oblast, the authors show that annual tax revenues in employment of the disabled to jobs with wages close to the regional average may reach 33 million rubles. They also estimate the approximate regional cost of workplace equipment for the disabled. Finally, the authors propose a list of key courses of action on increasing competitiveness of the disabled in the labor market.

Key words: disability employment, employment quotas, social policy.

References

1. Kavokin S.N. Nuzhny li gosudarstvu invalidy? [Does a country need disabled people?]. *Chelovek i trud* [Human and labor], 2008. – no. 5. – S. 17-22.
2. Kavokin S.N. O neobkhodimosti sovershenstvovaniya sistemy attestatsii i sertifikatsii rabochikh mest v interesakh trudoustroistva invalidov v sovremennykh usloviyakh [On the necessity to improve the system of certification of work places in order to help the disabled find employment in modern conditions]. *Okhrana i ekonomika truda* [Labor protection and economics], 2012, no. 3, pp. 32-33.
3. Kuz'minova T.V., Gorlov I.S., Odintsova E.V. Sostoyanie gosudarstvennoi podderzhki invalidov v oblasti zanyatosti naseleniya [The state of government support of the disabled in terms of employment]. *Uroven' zhizni naseleniya regionov Rossii* [Standard of living of Russian regions], 2010, no.7, pp. 59-68.
4. Merzlyakova I.M. Mery sodeistviya trudoustroistvu lyudei s ogranichennymi vozmozhnostyami zdorov'ya [Measures of employment assistance for handicapped people]. *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki* [Historical, philosophical, political and law sciences, culturology and study of art. issues of theory and practice], 2015, no. 8 (58), pp. 140-144.
5. Mirzabalaeva F.I. Problemy trudoustroistva invalidov na regional'nom rynke truda [Disabled employment problems on the regional labor market]. *Vestnik Dagestanskogo gosudarstvennogo universiteta* [Herald of Dagestan State University], 2012, no. 5, pp. 62-66.
6. Osipov S.A. Sotsializatsiya i zanyatost' invalidov [Socialization and employment of invalids]. *Vestnik VGU. Seriya: Ekonomika i upravlenie* [Proceeding of Voronezh State University. Series: Economics and management], 2006, no. 2, pp. 42-47.

7. Panchenko M.I. Otnoshenie invalidov k trudoustroistvu v usloviyakh bezrabotitsy: psikhologicheskii aspekt [The attitude of the disabled to employment amid unemployment]. *Severo-Kavkazskii psikhologicheskii vestnik* [North Caucasian herald of psychology], 2008, no. 6 (2), pp. 23–27.
8. Shabunova A.A., Kalachikova O.N., Kondakova N.A., Morev M.V., Fakhradova L.N., Shmatova Yu.E. Problemy sotsial'noi konsolidatsii: invalidy v regional'nom soobshchestve: monografiya [Issues of social consolidation: disabled people in the regional community: monograph]. Vologda, 2014. 134 p.
9. Starobina E.M., Kuz'mina I.E., Krivenkov S.G. O rezul'tatakh monitoringa potrebnosti invalidov v trudoustroistve, otkrytii sobstvennogo dela v Sankt-Peterburge [On the results of the monitoring of the needs of the disabled people in employment, in starting their own business in Saint Petersburg]. *Trud i sotsial'nye otnosheniya* [Labor and social relations], 2015, no. 4, pp. 145–158.
10. Khrapylina L.P. Sotsial'no-ekonomicheskie aspekty effektivnosti trudoustroistva i rezul'tativnosti truda invalidov [Socio-economic aspects of employment effectiveness and performance of the disabled]. *Vestnik Vserossiiskogo obshchestva spetsialistov po mediko-sotsial'noi ekspertize, reabilitatsii i reabilitatsionnoi industrii* [Herald of the All-Russian Community of Experts in medical and social assessment, rehabilitation and rehab industry], 2013, no.4, pp. 6–10.
11. Backenroth G.A.M. People with disabilities and the changing labor market: some challenges for counseling practice and research on workplace counseling. *International Journal for the Advancement of Counselling*, 2001, volume 23, no. 1, pp. 21–30.
12. Floyd M., J Curtis. An examination of changes in disability and employment policy in the United Kingdom. *European Journal of Social Security*, 2000, issue 2, no. 4, pp. 303–322.
13. Haveman R., Holden K., Wolfe B., Smith P., Wilson K. The changing economic status of U.S. disabled men: trends and their determinants, 1982–1991. *Empirical Economics*, 1999, volume 24, no. 4, pp. 0571–0598.
14. Lindqvist R. Swedish disability policy: from universal welfare to civil rights? *European Journal of Social Security*, 2000, volume 2, no. 4, pp. 399–418.
15. Van Oorschot W., Hvinden B. Introduction: towards convergence? disability policies in Europe. *European Journal of Social Security*, 2000, volume 2, no. 4, pp. 293–302.
16. Verdugo M.A., Jimenez A., de Urries F.B.J. Social and employment policies for people with disabilities in Spain. *European journal of social security*, 2000, no. 4, pp. 323–341.
17. Westerhout (Ed.). Disability risk, disability benefits, and equilibrium unemployment. *International Tax and Public Finance*, 2001, volume 8, no. 3, pp. 219–244.

Information about the Authors

Aleksandra Anatol'evna Shabunova – Doctor of Economics, Associate Professor, Deputy Director, Institute of Socio-Economic Development of Territories of the Russian Academy of Sciences (56a, Gorky Street, Vologda, 160014, Russian Federation, aas@vscc.ac.ru)

Leila Natigovna Fakhradova – Junior Research Associate, Institute of Socio-Economic Development of Territories of the Russian Academy of Sciences (56a, Gorky Street, Vologda, 160014, Russian Federation, leyl.fakhradova2014@yandex.ru)

Статья поступила 20.09.2016.

Сформированность профессиональных предпочтений как фактор социализации детей подросткового возраста*



**Александра Владимировна
КОРОЛЕНКО**

Институт социально-экономического развития территорий РАН
160014, Россия, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а
coretra@yandex.ru



**Ольга Николаевна
КАЛАЧИКОВА**

кандидат экономических наук
Институт социально-экономического развития территорий РАН
160014, Россия, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а
onk82@yandex.ru

Аннотация. Одной из серьёзных проблем в сфере занятости как страны в целом, так и региона в частности является структурный дисбаланс, вызванный несоответствием профессиональных качеств выпускников учебных заведений требованиям, предъявляемым рынком труда. Причина этого процесса чаще всего заключается в неэффективно выстроенной профориентационной работе и в отсутствии тесного взаимодействия между потенциальными работодателями и системой образования. Авторами проведён анализ сформированности профессиональных предпочтений у школьников подросткового возраста и её воздействия на своевременное овладение социаль-

* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 14-18-03120 «Качество детского населения в контексте модернизации России»).

Для цитирования: Короленко, А.В. Сформированность профессиональных предпочтений как фактор социализации детей подросткового возраста / А.В. Короленко, О.Н. Калачикова О.Н. // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. – 2016. – № 6. – С. 143-161. DOI: 10.15838/esc.2016.6.48.8

For citation: Korolenko A.V., Kalachikova O.N. Maturity of teenagers' occupational preferences as a factor in their socialization. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 2016, no. 6, pp. 143-161. DOI: 10.15838/esc.2016.6.48.8

ными ролями и их умелое исполнение в соответствии с требованиями современного инновационно-ориентированного общества. Информационную базу исследования составили данные проведенного в 2015 г. комплексного обследования детей среднего и старшего подросткового возраста, обучающихся в Научно-образовательном центре ИСЭРТ РАН (8–11 классы). Полученные результаты дают основание предполагать, что ключевой проблемой в плане адекватного собственным склонностям профессионального самоопределения для подростков является незнание условий и основных требований, предъявляемых к профессии, собственных психофизиологических возможностей, а также неумение сопоставлять свои предпочтения с реальными способностями. Так, большинство опрошенных детей в качестве дальнейшего пути после окончания общеобразовательной школы видят поступление в вуз (82%), а средний и начальный уровни профессиональной подготовки либо не рассматриваются ими совсем, либо рассматриваются в качестве промежуточного этапа. В 48% случаев подростки выбирали специализации, не соответствующие собственному типу их профессиональных предпочтений. Таким образом, можно сказать, что в настоящее время система профориентации всё ещё не достигает своих конечных целей, а именно формирования у подростков грамотного профессионального самоопределения, соответствующего индивидуальным особенностям личности и одновременно кадровым запросам общества, его требованиям к современному работнику. Для решения выявленных проблем авторами предлагается реализация двух ключевых направлений: модернизации системы школьного профессионального ориентирования и формирования единого информационного поля для установления баланса между спросом молодёжи на определенные профессии и их предложением на рынке труда.

Ключевые слова: профессиональные предпочтения, самоопределение, профессиональная ориентация, социализация, дети подросткового возраста.

Рассогласование между сферой образования и рынком труда, а именно между моделью подготовки кадров и реалиями рыночной экономики — одна из ключевых проблем как в России, так и в зарубежных странах. Чаще всего она заключается в существенном расхождении между фактическим и требуемым уровнями образования работников [19, с. 101]. Как следствие на первый план в сфере занятости выходит в настоящее время проблема структурной безработицы, т.е. несоответствия профессиональных качеств рабочей силы, особенно молодых специалистов, требованиям, предъявляемым современным рынком труда. Данный факт подтверждается результатами исследований ряда отечественных учёных (Р.И. Капелюшников, В.Е. Гимпельсон, А.Л. Лукьянова, Т.В. По-

пова, Г.В. Леонидова, К.А. Устинова и др.) [3; 6; 9; 14; 18; 19; 22]. Вопросы, касающиеся дисбаланса между фактическим и требуемым уровнями образования выпускников учебных заведений, затрагиваются и в работах многих зарубежных авторов (J. Heckman, B. Jacobs, J. Robst, P.J. Sloane, K. Mavromaras, S. McGuinness, N. O’Leary, Z. Wei) [27; 28; 30; 32].

Поскольку трудоустройство выпускников учебных заведений по полученной специальности является важнейшим фактором реализации их трудового потенциала, повышения инновационной активности и, тем самым, успешной социализации, необходимо подчеркнуть, что поиск направлений решения данной проблемы имеет стратегическое значение для устойчивого развития территорий.

Как показывают результаты мониторинговых исследований ИСЭРТ РАН¹, 49% населения Вологодской области трудоспособного возраста работают по полученной специальности, тогда как 40% – заняты на рабочих местах не по профилю профессиональной подготовки. Следует отметить, что высокая доля в трудоспособном населении тех, кто работает не по специальности, не одномоментное отклонение, это явление можно назвать тенденцией, т.к. оно наблюдается в регионе на протяжении последнего десятилетия. В экономически развитых странах данная проблема стоит не так остро. Для сравнения: проведенные в Швеции исследования доказали [29], что 61% мужчин и 71% женщин работают по специальности, а 16 и 10% соответственно – по смежным направлениям. В США лишь у 1/4 населения полученное образование и направление трудоустройства не соотносятся между собой [31].

Причина наблюдаемого структурного дисбаланса зачастую кроется в дистанцированности рынка труда и системы образования, а также в недостаточно эффективно выстроенной системе профориентационной работы со школьниками, учащимися средних специальных и высших учебных заведений.

Рассматривая вопрос профориентации, полезно обратиться к положительному опыту зарубежных стран. Так, в США эта работа носит пролонгированный и постепенно усложняющийся характер: сначала учащихся знакомят с миром про-

¹ Мониторинг качества трудового потенциала населения Вологодской области. Объект исследования – трудоспособное население Вологодской области в возрасте старше 16 лет. Опросы проходят ежегодно в августе – сентябре в городах Вологде и Череповце и в восьми районах области (Бабаевском, Великоустюгском, Вожегодском, Грязовецком, Кирилловском, Никольском, Тарногском и Шекснинском). Объем выборки составляет 1500 человек.

фессионального труда, выявляют их основные склонности и способности в динамике, на основе чего выстраивают долгосрочные прогнозы выбора ими профиля дальнейшего обучения; затем предлагают непосредственно на практике попробовать свои возможности в том или ином направлении профессиональной деятельности. Заметным преимуществом американской системы профориентации является наличие крепких внешних связей между учреждениями образования, профессиональными учебными заведениями и предприятиями, строящихся на принципе социального партнёрства (например, через «институт наставничества») [11, с. 31]. Кроме того, значительную помощь учащимся США в поиске и выборе будущей профессии оказывают психолого-консультативная система «Guidance», родительские комитеты учебных заведений и Национальный совет по координации и профессиональному самоопределению молодёжи [26].

Во Франции особенность практики организации профессиональной ориентации представляет тесное взаимодействие внешкольной (деятельность сети специальных служб различных уровней) и внутришкольной её составляющих, а также координация со стороны трёх министерств: труда, здравоохранения и образования. В рамках внутришкольной профориентационной работы среднее образование во Франции разделено на пять педагогических циклов: 1) наблюдение и адаптация – изучение личности учащегося, определение его способностей, склонностей, уровня знаний, психофизических данных, индивидуальных черт характера (VI класс²); 2) центральный – знакомство учащихся с разнообразием мира про-

² Нумерация классов среднеобразовательной школы во Франции идёт в обратном порядке.

фессий, выбор дополнительных предметов по своим интересам и возможностям (V–IV классы); 3) ориентация – определение дальнейшего учебного пути: общеобразовательный и технологический лицей; профессиональный лицей; центр профессионального обучения (III класс); 4) определение – уточнение профессиональных предпочтений учащихся, организация стажировки на предприятиях, встреч с бывшими учениками, которые уже стали студентами, а также со специалистами различных профессиональных областей (II класс); 5) выпускной цикл – информирование о различных учебных заведениях профессионального образования, правилах поступления в них, условиях обучения, перспективах дальнейшего трудоустройства (I класс). Первые три цикла относятся к обучению в коллеже, два последних – в лицее. Примечательно, что уже с IV класса учащиеся, по желанию, могут пройти стажировку на предприятии в форме «ознакомительного визита» или «сеанса наблюдения» [23, с. 106–108].

Профессиональное самоопределение не равнозначно акту выбора профессии. Его необходимо рассматривать как сложный и длительный процесс, в результате которого происходит увязка личностных свойств и профессиональных требований [24]. Оно поэтапно формируется на протяжении всей жизни человека, однако, как утверждают ведущие специалисты в области возрастной психологии (Л.И. Божович, Е.А. Климов, И.С. Кон, Д.И. Фельдштейн, Д.Б. Эльконин и др.) [2; 7; 8; 20], самым значимым периодом считается подростковый возраст. При этом неизбежно столкновение желаемого будущего и реального настоящего, что усугубляется как возрастным кризисом, так и кризисом учебно-профессиональ-

ной ориентации [5, с. 103]. Кроме того, сохраняется проблема соответствия этого выбора потребностям рынка труда и тем способностям, которые необходимы для достижения успеха в конкретной трудовой деятельности.

Целью данной статьи стал анализ сформированности профессионального самоопределения у школьников подросткового возраста и выявление его воздействия на своевременное овладение социальными ролями и их умелое исполнение в соответствии с требованиями современного инновационно-ориентированного общества. Информационную базу исследования составили результаты проведенного в 2015 г. комплексного обследования детей среднего и старшего подросткового возраста, обучающихся в Научно-образовательном центре (НОЦ) ИСЭРТ РАН (8–11 классы)³. Следует подчеркнуть, что одним из ключевых направлений деятельности НОЦ является начальная профессиональная подготовка школьников с последующей профилизацией их образования и ориентацией на работу в высокоинтеллектуальных отраслях, поэтому контингент обучающихся в нём представлен наиболее талантливыми и мотивированными детьми [10, с. 96]. Вместе с тем дети, занимающиеся в Научно-образовательном центре, обучаются в обычных городских школах, объединяясь в общегородские классы для изучения курсов, предлагаемых в НОЦ. Мы не ставили перед собой задачу получения количественных оценок, важно было оценить на данной конкретной выборке сформированность профессионального самоопреде-

³ В обследовании профессиональных предпочтений приняли участие 75 обучающихся различных школ областного центра, посещающих НОЦ ИСЭРТ РАН. Из них: 52 человека – представители среднего подросткового возраста (13–16 лет), 23 человека – старшего подросткового возраста (17–18 лет).

ления у детей предвыпускных и выпускных классов и, косвенно, эффективность профориентационной работы.

Методологическую основу исследования составили:

– дифференциально-диагностический опросник Е.А. Климова, необходимый для оценки профессиональной направленности на основе предпочтений различных по характеру видов деятельности (позволяет выявить принадлежность учащихся к определённому типу профессий);

– дополнительное анкетирование – для получения информации о конкретных профессиональных предпочтениях подростков, о планируемых действиях после окончания школы, о школьных предметах и человеческих качествах, необходимых для овладения выбранной профессией, о степени осведомлённости подростков об учебных заведениях, ведущих подготовку по выбранной ими профессии и т.д.;

– фокус-групповое исследование – для выявления представлений подростков об успехе и качествах, необходимых для его достижения, о будущей профессии, о возможных преградах в освоении профессии и т.д.

Крайне важным аспектом в оценке сформированности профессионального самоопределения является соответствие выбранной профессии личностных качеств, склонностей и предрасположенности детей. Результаты диагностики принадлежности к определённому типу профессий⁴ по методике Е.А. Климова показали, что более трети обследованных

учащихся (34%) ориентированы на профессии типа «человек-художественный образ» (*рисунк*). На втором месте среди профессиональных ориентаций школьников оказался тип «Ч-З» (16%), на третьем – «Ч-Ч» (11%). У 10% учащихся выявлен смешанный тип «Ч+Х», у 8% – «Т+Ч». Примечательно, что лишь у 6,5% подростков наблюдалась склонность к профессиям типа «Ч-Т» и у 2% – к типу «Ч-П». У остальных 13% учащихся отмечены другие варианты сочетаний типов профессиональных предпочтений.

Симптоматичным представляется то, что выявил анализ ответов на открытый вопрос «Какую именно профессию ты планируешь выбрать?»: в 48% случаев подростки, посещающие НОЦ, выбирали специализации, не соответствующие их индивидуальному типу профессиональных предпочтений. Чем это можно объяснить? В.Г. Якимов полагает, что выбор пути образовательно-профессионального развития у школьников подросткового возраста зачастую импульсивен, они слабо подготовлены к интеграции в профессионально-образовательную сферу и недостаточно мобильны [25, с. 4].

Стоит отметить, что чаще всего избранная специальность совпадала с профессиональной ориентацией у детей смешанных типов профессиональных предпочтений: «П+Ч», «П+Х», «Т+З», «Т+Ч», «Ч+Х» и у детей типа «Ч-З» (*табл. 1*). В то время как подростки, относящиеся к остальным типам, в большинстве случаев выбирали специальности, не соответствующие их индивидуальным склонностям.

⁴ Типы профессиональных предпочтений по Климову Е.А.: человек-природа (Ч-П); человек-техника (Ч-Т); человек-человек (Ч-Ч); человек-знаковая система (Ч-З); человек-художественный образ (Ч-Х); человек-природа + человек-человек (П+Ч); человек-природа + человек-художественный образ (П+Х); человек-техника + человек-человек (Т+Ч); человек-техника + человек-знаковая система (Т+З); человек-человек + человек-знаковая система (Ч+З); человек-человек + человек-художественный образ (Ч+Х); человек-знаковая система + человек-художественный образ (З+Х).

Распределение учащихся по типам профессиональных предпочтений (в % от числа опрошенных)

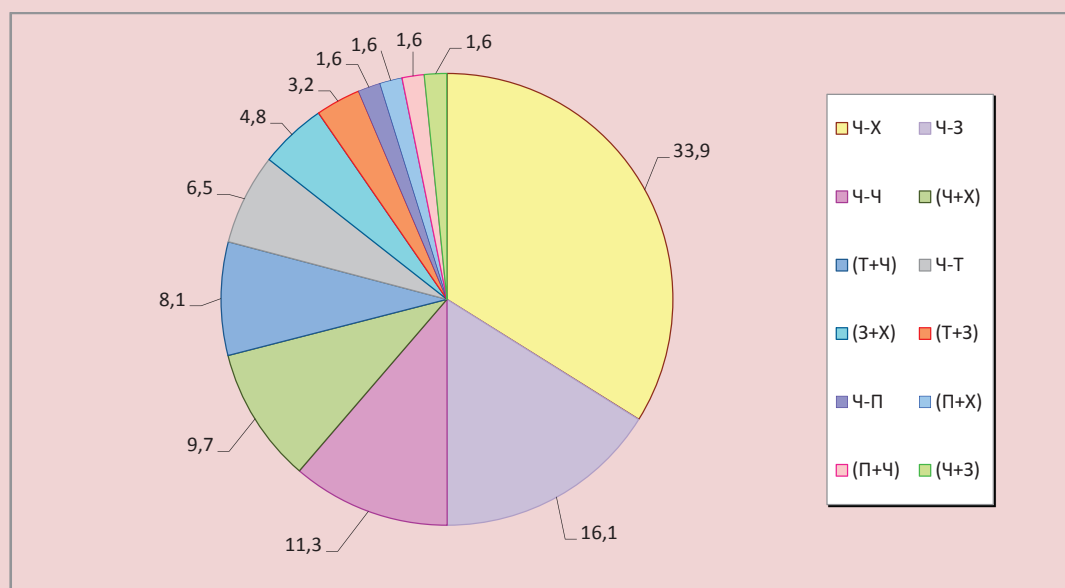


Таблица 1. Соответствие выбранным подростками профессий их типам профессиональных предпочтений

Соответствие выбранной профессии типу профессиональных предпочтений	Типы профессиональных предпочтений (по Климову Е.А.)												Всего
	П	Т	Ч	З	Х	П+Ч	П+Х	Т+Ч	Т+З	Ч+З	Ч+Х	З+Х	
Всего (указали профессию и прошли тест)*	1	4	6	6	16	1	1	4	2	1	6	2	50
Число совпадений, абс.	0	2	3	4	4	1	1	3	2	1	4	1	26
Доля совпадений, %	0,0	50,0	50,0	66,7	25,0	100,0	100,0	75,0	100,0	100,0	66,7	50,0	52,0
Число несовпадений, абс.	1	2	3	2	12	0	0	1	0	0	2	1	24
Доля несовпадений, %	100,0	50,0	50,0	33,3	75,0	0,0	0,0	25,0	0,0	0,0	33,3	50,0	48,0

* Часть детей не дали ответ на вопрос: «Какую именно профессию ты планируешь выбрать?»

Так, например, школьники с типом профессиональных предпочтений «человек-художественный образ» по большей части выбирали профессии из сферы менеджмента и управления персоналом (HR-менеджер, PR-менеджер и др.), а каждый второй подросток, принадлежащий к типу «человек-человек», в качестве приоритетной обозначал специальность, больше подходящую типу «человек-знаковая система» (экономист-финансист, специалист рынка ценных бумаг, рентгенолог).

Одним из ключевых компонентов «зрелости» решения в выборе образовательного или профессионального пути является сформированность представлений подростков о дальнейших действиях после окончания школы, что особенно важно для выпускников общеобразовательных школ.

Опрос учащихся 8–11 классов показал, что в целом доминирующей для них траекторией является получение высшего образования (82%).

Причем любопытно, что никто из опрошенных детей не отметил таких возможных вариантов, как «получить среднее специальное образование (в техникуме)» или «работать сразу после школы», это говорит о непопулярности среди них рабочих специальностей. Подобный вывод находит подтверждение у О.С. Тоисевой, которая отмечает, что в наши дни, несмотря на востребованность на рынке труда рабочих профессий, они, как правило, даже не рассматриваются молодежью в качестве перспективных [17, с. 61].

Данные об особенностях выбора учащимися образовательной траектории демонстрируют важнейшие структурные изменения в системе образования: подавляющее большинство учащихся старших классов основной школы, планирующих продолжить обучение в школе, ориентируются на дальнейшую подготовку в вузе, а средний и начальный уровни профессиональной подготовки либо не рассматриваются ими совсем, либо рассматриваются в качестве промежуточного этапа. Дефицит рабочей силы и снижение экономической активности граждан трудоспособного возраста, особенно среди молодежи до 24 лет, во многом объясняется увеличением масштабов вовлечения данной категории в процесс получения образования, преимущественно высшего [13; 21, с. 21].

Большая часть опрошенных школьников (45%) не определились окончательно с выбором будущей профессии, при этом доля таких ответов выше у детей 13–16 лет по сравнению с детьми 17–18 лет (49% против 39%). Кроме того, среди детей среднего подросткового возраста оказалось значительно больше тех, кто не знает, какую профессию хочет выбрать (23% против 9%). Во многом это обусловлено

диффузностью, неопределенностью профессиональных намерений подростков 13–16 лет, поэтому реализовать профессионально ориентированные мечты и романтические устремления они зачастую не могут [16, с. 211]. В то же время более половины учащихся старшего подросткового возраста (52%) уже окончательно определились с выбором профессии и лишь 9% не знают, какую специальность хотят выбрать.

Мотивы профессионального выбора детерминированы социальными условиями, представлениями об особенностях профессиональной деятельности, информацией о ней, состоянием здоровья [4, с. 165]. Но на выбор профессии могут влиять и ситуационные, нередко случайные причины, природа которых различна. Это и увлечение внешней стороной профессии, и неверное представление о содержании будущего труда [1].

Как показали результаты опроса, проведенного среди школьников, при выборе профессии они в большей степени руководствуются интересом к профессии (89%). На втором месте по значимости находится возможность карьерного роста (60%), на третьем – престиж профессии (40%; табл. 2). Однако на такой внешний мотив выбора профессии, как желание родителей, ориентируются лишь 8% подростков, что может говорить о достаточной самостоятельности принимаемых ими решений.

Примечательно, что у учащихся выпускных классов по сравнению с остальными в целом преобладают мотивы востребованности выбранной профессии на рынке труда, её престижа, возможности постоянного повышения квалификации, а также профессионального и карьерного роста. Данный факт свидетельствует о

Таблица 2. Распределение ответов на вопрос: «Что повлияло на выбор данной профессии?» в зависимости от возрастной группы учащихся (в % от числа опрошенных)*

Варианты ответов	Возраст		В среднем
	Средний подростковый (13–16 лет)	Старший подростковый (17–18 лет)	
Интерес	87,2	91,3	88,7
Возможность профессионального роста, успешной карьеры	53,8	69,6	59,7
Престиж профессии	30,8	56,5	40,3
Высокая заработная плата	33,3	43,5	37,1
Востребованность на рынке труда	23,1	52,2	33,9
Возможность постоянно повышать квалификацию	25,6	43,5	32,3
Хорошие условия труда	20,5	34,8	25,8
Желание родителей	7,7	8,7	8,1
Другое	10,3	8,7	9,7

* Вопрос предполагал возможность выбора нескольких вариантов ответа, поэтому сумма процентов по каждому столбцу не равна 100.

большой осведомлённости рассматриваемой группы о реальной ситуации, тенденциях на рынке труда и о текущей востребованности профессий.

Ещё одним немаловажным критерием профессионального самоопределения служит осведомлённость подростков об учебных заведениях, готовящих специалистов по выбранной специальности. Их ответы на вопрос о том, известно ли им о подобных образовательных учреждениях на территории региона, страны или за границей, показали, что большая часть (60%) не информирована в отношении этого. Низкая информированность школьников 13–16-летнего возраста по сравнению с 17–18-летними подростками (41% против 91%) об учебных заведениях, осуществляющих подготовку специалистов по избранной профессии, представляет серьёзную проблему, поскольку уже по окончании 9 класса общеобразовательной школы часть из них принимает решение о поступлении в учреждения среднего профессионального образования. Без таких знаний девятиклассники рискуют сделать ситуативный и непродуманный выбор образовательной траектории, что в

перспективе повышает вероятность смены учебного заведения или ведения после его окончания трудовой деятельности в сфере, не связанной с приобретённой специальностью.

О сформированности профессионального самоопределения учащихся говорит и выбор профильных школьных предметов, которые должны быть необходимы им для овладения избранной специальностью. Так, большей популярностью среди подростков пользуются физико-математические и гуманитарные дисциплины (52 и 50% соответственно; табл. 3). Далее по степени приоритетности следуют филологические предметы (32%), информационные технологии и экономика (по 27% соответственно). Меньше всего предпочтений подростки отдают предметам, связанным с трудовым обучением (5%) и искусством (11%).

Следует подчеркнуть, что именно у старших подростков возникает избирательное отношение к учебным предметам. Однако если у учеников средней школы избирательность обусловлена, как правило, личностью учителя, уровнем и стилем преподавания, то у старшеклассников мо-

Таблица 3. Распределение ответов на вопрос: «Знаешь ли ты, какие школьные предметы в большей мере необходимы тебе для овладения выбранной профессией?» в зависимости от возрастной группы учащихся (в % от числа опрошенных)*

Варианты ответов	Возраст		В среднем
	Средний подростковый (13–16 лет)	Старший подростковый (17–18 лет)	
Физико-математические (алгебра, геометрия, физика)	53,8	47,8	51,6
Информационные технологии (информатика, программирование)	38,5	8,7	27,4
Естественнонаучные (химия, биология, география)	23,1	17,4	21,0
Гуманитарные науки (история, право, обществознание)	43,6	60,9	50,0
Филологические (русский язык, литература, иностранный язык)	28,2	39,1	32,3
Экономика	28,2	26,1	27,4
Физкультура	12,8	21,7	16,1
Трудовое обучение (труд, черчение, технология)	5,1	4,3	4,8
Искусство (музыка, изобразительное искусство, мировая художественная культура и т.д.)	5,1	21,7	11,3

* Вопрос предполагал возможность выбора нескольких вариантов ответа, поэтому сумма процентов по каждому столбцу не равна 100.

тивы избирательного отношения к предметам носят совершенно иной характер: сложившиеся интересы, профессиональная направленность.

Результаты анализа соответствия школьных предметов, выбранных подростками в качестве наиболее важных для освоения предполагаемой специальности, выявленным типам их профессиональных предпочтений продемонстрировали высокую степень взаимосвязи между данными характеристиками. Так, дети типа «человек-природа» выбирали преимущественно естественнонаучные дисциплины, «человек-техника» – преимущественно физико-математические предметы и информационные технологии, «человек-человек» – гуманитарные науки и экономику, «человек-знаковая система» – информационные технологии (табл. 4). Подростки профессиональной ориентации «человек-художественный образ» большее предпочтение отдавали гуманитарным предметам, хотя дисциплины, относящиеся к сфере искусства, они выбирали гораздо реже. Подростки смешанных

типов профессиональных предпочтений в основном имеют разнонаправленные в плане школьных предметов интересы. Примечательно, что подростки, относящиеся к типу «3+X», в равной степени отметили важность многих дисциплин, но абсолютно не отмечали предметы в рамках направления «искусство».

Способность подростков адекватно оценить те качества, которые необходимы для овладения избранной ими профессией, также можно отнести к ключевым индикаторам профессионального самоопределения. Среди перечня предложенных на выбор профессиональных характеристик наиболее ценными для будущей профессии, по мнению опрошенных школьников, оказались устойчивость внимания (73%), общительность (61%), эмоциональная устойчивость и наблюдательность (по 60% соответственно).

Понимание подростками тех характеристик, которые необходимы для овладения выбранной специализацией, очень важно рассматривать и с позиций их типов профессиональных предпочтений.

Таблица 4. Распределение ответов на вопрос: «Знаешь ли ты, какие школьные предметы в большей мере необходимы тебе для овладения выбранной профессией?» в зависимости от типов профессиональных предпочтений учащихся (по Е.А. Климову)*

Варианты ответов	Профессиональные предпочтения											
	П	Т	Ч	З	Х	П+Ч	П+Х	Т+Ч	Т+З	Ч+З	Ч+Х	З+Х
Физико-математические (алгебра, геометрия, физика)	0,0	100,0	42,9	50,0	38,1	0,0	100,0	80,0	100,0	0,0	50,0	66,7
Информационные технологии (информатика, программирование)	0,0	50,0	14,3	70,0	4,8	0,0	0,0	40,0	50,0	0,0	16,7	66,7
Естественнонаучные (химия, биология, география)	100,0	0,0	28,6	20,0	23,8	0,0	0,0	20,0	50,0	0,0	0,0	33,3
Гуманитарные науки (история, право, обществознание)	0,0	0,0	71,4	30,0	57,1	100,0	0,0	60,0	0,0	100,0	66,7	66,7
Филологические (русский язык, литература, иностранный язык)	0,0	0,0	28,6	30,0	33,3	100,0	0,0	40,0	50,0	0,0	33,3	66,7
Экономика	0,0	0,0	57,1	30,0	19,0	0,0	0,0	60,0	0,0	0,0	16,7	66,7
Физкультура	0,0	0,0	28,6	20,0	19,0	0,0	0,0	20,0	0,0	100,0	0,0	0,0
Трудовое обучение (труд, черчение, технология)	0,0	0,0	0,0	10,0	4,8	0,0	0,0	0,0	50,0	0,0	0,0	0,0
Искусство (музыка, изобразительное искусство, мировая художественная культура и т.д.)	0,0	0,0	0,0	10,0	14,3	100,0	100,0	0,0	0,0	0,0	16,7	0,0

* Вопрос предполагал возможность выбора нескольких вариантов ответа, поэтому сумма процентов по каждому столбцу не равна 100.
Примечание. Зелёным цветом обозначены выбранные школьные предметы, соответствующие типу профессиональных предпочтений, красным – несоответствующие типу профессиональных предпочтений, серым – невыбранные варианты.

Так, наибольшую осведомлённость о ценных профессиональных качествах в соответствии с собственными профессиональными склонностями проявили дети типа «Ч-Т», «Ч-Ч», «Ч-З», «П+Ч», «П+Х», «Т+З» (табл. 5). В свою очередь подростки, относящиеся к типам «Ч-П», «Ч-Х», «Т+Ч», «Ч+З», «Ч+Х» и «З+Х», либо уделяют недостаточное внимание нужным профессиональным качествам, либо обозначают те, которые совершенно не соответствуют их склонностям.

Выбор профессии отражает определенный уровень личных притязаний, включающий субъективную оценку своих собственных возможностей и способностей. Кроме того, на него влияет часто не осознаваемый самим субъектом уровень требований, предъявляемых им

к профессии. У 15–17-летних юношей и девушек притязания часто завышены. Однако, по мнению известного российского социолога И.С. Кона, «это вполне нормально и даже полезно, так как стимулирует молодого человека к росту и преодолению трудностей» [8, с. 178]. В ходе исследования школьникам предлагался тот же перечень профессиональных качеств, из которого они выбирали те, которых больше всего не хватает для овладения будущей профессией. Чаще всего в качестве недостающих профессиональных характеристик школьники называли устойчивость внимания (27%), эмоциональную устойчивость и развитость функциональных анализаторных способностей (по 24% соответственно), а также наблюдательность (16%).

Таблица 5. Распределение ответов на вопрос: «Какие качества необходимы для овладения выбранной профессией?» в зависимости от типов профессиональных предпочтений учащихся (по Е.А. Климову)*

Варианты ответов	Профессиональные предпочтения											
	П	Т	Ч	З	Х	П+Ч	П+Х	Т+Ч	Т+З	Ч+З	Ч+Х	З+Х
Общительность	100,0	25,0	71,4	40,0	71,4	100,0	100,0	80,0	0,0	0,0	50,0	100,0
Эмоциональная устойчивость	100,0	50,0	85,7	60,0	52,4	100,0	100,0	40,0	100,0	0,0	66,7	33,3
Организаторские способности	0,0	0,0	71,4	30,0	38,1	0,0	0,0	20,0	0,0	0,0	33,3	100,0
Способности к геометрии, физике	0,0	75,0	14,3	30,0	9,5	100,0	100,0	60,0	0,0	0,0	33,3	33,3
Пространственное воображение	0,0	50,0	14,3	40,0	23,8	0,0	100,0	20,0	50,0	0,0	16,7	33,3
Технический склад мышления	0,0	100,0	0,0	50,0	4,8	0,0	0,0	20,0	100,0	0,0	33,3	66,7
Склонности к практическому труду	0,0	25,0	42,9	20,0	28,6	0,0	0,0	20,0	50,0	0,0	33,3	33,3
Наблюдательность	0,0	50,0	42,9	70,0	66,7	100,0	0,0	40,0	100,0	100,0	66,7	33,3
Устойчивость внимания	0,0	75,0	85,7	80,0	61,9	100,0	100,0	80,0	100,0	100,0	66,7	66,7
Склонность к учету наблюдений	100,0	0,0	42,9	70,0	28,6	0,0	0,0	60,0	100,0	0,0	33,3	66,7
Потребность в двигательной активности	0,0	0,0	42,9	20,0	14,3	0,0	0,0	40,0	0,0	100,0	83,3	66,7
Способность к математике (абстрактное мышление)	0,0	100,0	28,6	50,0	33,3	0,0	100,0	80,0	50,0	0,0	16,7	66,7
Склонность к обобщениям	0,0	0,0	28,6	50,0	23,8	0,0	0,0	0,0	50,0	0,0	50,0	33,3
Склонность к малоподвижной работе	0,0	25,0	0,0	10,0	4,8	0,0	0,0	20,0	0,0	0,0	16,7	33,3
Наглядно-образное мышление	100,0	25,0	28,6	20,0	33,3	0,0	100,0	20,0	0,0	0,0	0,0	33,3
Яркое воображение	0,0	0,0	28,6	0,0	47,6	100,0	100,0	0,0	50,0	0,0	66,7	33,3
Склонность к творчеству	0,0	25,0	28,6	10,0	57,1	100,0	100,0	0,0	0,0	0,0	83,3	33,3
Развитость функциональных аналитических способностей (хорошее зрение, слух, обоняние, точность, координация движений)	100,0	0,0	42,9	40,0	38,1	100,0	100,0	60,0	100,0	100,0	50,0	33,3

* Вопрос предполагал возможность выбора нескольких вариантов ответа, поэтому сумма процентов по каждому столбцу не равна 100.
Примечание. Зелёным цветом обозначены выбранные качества, соответствующие типу профессиональных предпочтений, красным – качества, не соответствующие типу профессиональных предпочтений, серым – невыбранные варианты.

Выбор подростками качеств, «не хватающих» для освоения профессии, позволяет оценить степень развития у них не только критического мышления и способности к рефлексии, т.е. к самоанализу, но и к пониманию сущности профессиональной деятельности, её содержания. При ответе на вопрос «Каких качеств тебе не хватает для овладения выбранной профессией?» в большинстве случаев учащиеся отмечали характеристики, не в полной мере соответствующие их типам профессиональных предпочтений (табл. 6), что может свидетельствовать о диффузном характере профессиональной идентичности

и о её незрелости. Наиболее адекватные собственным склонностям варианты указывали дети типа «П+Х».

Анализ ответов на вопрос «Каким образом ты можешь развить качества, необходимые для выбранной тобой профессии?» показал, что самым распространённым среди учащихся направлением развития профессиональных качеств является самообразование (73%). Кроме того, популярными оказались и такие варианты, как дополнительная подготовка в других учебных заведениях (53%) и встречи с представителями различных профессий (48%).

Таблица 6. Сопряжение типов профессиональных предпочтений учащихся (по Климову Е.А.) с ответами на вопрос: «Каких качеств тебе не хватает для овладения выбранной профессией?»*

Варианты ответов	Профессиональные предпочтения (тест Климова Е.А.)											
	П	Т	Ч	З	Х	П+Ч	П+Х	Т+Ч	Т+З	Ч+З	Ч+Х	З+Х
Общительность	0,0	0,0	14,3	10,0	14,3	0,0	100,0	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0
Эмоциональная устойчивость	100,0	25,0	14,3	10,0	33,3	0,0	0,0	0,0	100,0	0,0	16,7	33,3
Организаторские способности	0,0	0,0	14,3	10,0	19,0	100,0	0,0	0,0	0,0	0,0	16,7	0,0
Способности к геометрии, физике	0,0	0,0	14,3	30,0	0,0	0,0	0,0	20,0	0,0	0,0	16,7	0,0
Пространственное воображение	0,0	0,0	14,3	10,0	9,5	0,0	100,0	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0
Технический склад мышления	0,0	25,0	28,6	10,0	9,5	0,0	0,0	20,0	0,0	0,0	0,0	0,0
Склонности к практическому труду	0,0	0,0	0,0	0,0	14,3	100,0	0,0	0,0	0,0	0,0	16,7	0,0
Наблюдательность	100,0	25,0	0,0	0,0	14,3	0,0	0,0	20,0	50,0	0,0	50,0	0,0
Устойчивость внимания	0,0	50,0	28,6	0,0	23,8	0,0	100,0	20,0	100,0	0,0	50,0	33,3
Склонность к учету наблюдений	0,0	0,0	28,6	10,0	19,0	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0	66,7
Потребность в двигательной активности	0,0	0,0	0,0	10,0	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0
Способность к математике (абстрактное мышление)	100,0	0,0	14,3	10,0	23,8	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0
Склонность к обобщениям	0,0	0,0	0,0	0,0	9,5	100,0	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0
Склонность к малоподвижной работе	0,0	25,0	0,0	20,0	9,5	0,0	0,0	20,0	0,0	0,0	0,0	0,0
Наглядно-образное мышление	0,0	25,0	0,0	0,0	19,0	0,0	100,0	0,0	0,0	0,0	16,7	0,0
Яркое воображение	0,0	0,0	0,0	10,0	0,0	0,0	100,0	0,0	0,0	100,0	0,0	0,0
Склонность к творчеству	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0	100,0	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0
Развитость функциональных аналитических способностей (хорошее зрение, слух, обоняние, точность, координация движений)	0,0	0,0	14,3	40,0	9,5	0,0	100,0	40,0	0,0	100,0	33,3	66,7

* Вопрос предполагал возможность выбора нескольких вариантов ответа, поэтому сумма процентов по каждому столбцу не равна 100.
Примечание. Зелёным цветом обозначены выбранные качества, соответствующие типу профессиональных предпочтений, красным – качества, несоответствующие типу профессиональных предпочтений, серым – невыбранные варианты.

Помимо наличия узкоспециализированных профессиональных характеристик для овладения избранным призванием необходимы и общечеловеческие качества, обеспечивающие успех в любой деятельности, в том числе и в профессиональной. Судя по результатам фокус-группового исследования учащихся 10–11 классов, в качестве ведущих критериев успешности человека они чаще всего видят целеустремлённость, мотивацию, умение не останавливаться на достигнутом, благополучную семью, наличие хорошей и любимой работы, финансовый достаток и статус в обществе. Вместе с тем, по мне-

нию школьников, помешать личностному развитию и успеху могут лень, неграмотная организация своего времени, слабая мотивация, конфликты в семье и отношения с друзьями.

Показательно, что ради успешной профессиональной карьеры подростки готовы пожертвовать не только личным временем и увлечениями, но и собственным здоровьем. В то же время они демонстрировали высокую оценку роли здоровья, как физического, так и духовного, в профессиональном становлении человека, в достижении им определённого успеха. Подобное противоречие во взглядах на

здоровье свидетельствует о слабых здоровьесберегательных установках старшеклассников, о непонимании ими вклада здоровья в общее благополучие и развитие человека. Однако большинство подростков отметили, что жертвовать ради профессионального и личностного роста отношениями с близкими людьми (родителями, родственниками, друзьями) для них недопустимо.

Таким образом, исследование соответствия предпочитаемых учащимися школьных дисциплин и тех качеств, которые, по их мнению, нужны для овладения избранной специальностью, индивидуальным типам профессиональных предпочтений позволяет сделать следующий вывод: подростки значительно лучше осваивают предметные компетенции, чем профессионально значимые качества. То есть в настоящее время детям подросткового возраста свойственна крайне низкая информированность о сути и содержании профессиональной деятельности, о важнейших характеристиках, необходимых для работы по выбранной специальности.

Очевидно, что сложившаяся система школьной профориентации не достигает своих конечных целей, а именно формирования у школьников грамотного профессионального самоопределения в соответствии с их индивидуальными склонностями, а также с реальными запросами общества и рынка труда в отношении кадров. Фокусируясь на профессиональных компетенциях, система профориентации значительно меньше внимания уделяет личностным качествам, соответствию интересов и возможностей, что в будущем может существенно снизить удовлетворенность трудовой деятельностью, уровень реализации трудового потенциала и инновационной активности.

Результаты исследования профессиональных предпочтений подростков позволяют сформулировать **ряд рекомендаций**, направленных на решение вышеизложенных проблем.

I. Модернизация системы профессиональной ориентации школьников. Необходимо совершенствовать комплекс диагностических мероприятий с целью выявления профессиональных ориентаций и предпочтений школьников.

1. Включение диагностических методик выявления профессиональных предпочтений в число обязательных мероприятий профориентационной работы образовательных организаций, учет их результатов при разработке планов воспитательной и профориентационной деятельности. Необходима разработка специальных образовательных курсов, включающих методики формирования у школьников навыков самоопределения, ценностно-мотивационных установок для того, чтобы выбранная ими будущая профессия соответствовала выявленным профессиональным склонностям, чертам и индивидуальным предпочтениям.

2. Учитывая существенные психологические и возрастные различия в уровне профессионального самоопределения школьников, их психолого-педагогическое сопровождение следует выстраивать поэтапно, с постепенным усложнением и углублением профориентационных мероприятий. Так, например, до 9 класса включительно целесообразно осуществлять мероприятия, направленные на формирование личностного выбора пути продолжения образования, выработку умения соотносить общественные цели выбора сферы будущей профессиональной деятельности со своими идеалами, представлениями и реальными воз-

можностями. В 10–11 классах необходимо уточнение профессионального выбора в условиях избранного профиля обучения, к которому у подростка имеются устойчивый интерес и способности. В этот период основные усилия должны быть направлены на развитие профессионально важных качеств, индивидуального стиля деятельности, на составление и коррекцию образовательных и профессиональных планов, способы оценки результатов, достижений в избранной деятельности, саморазвитие, формирование опыта коммуникативной деятельности [16, с. 213].

3. Кроме того, одной из серьёзных проблем, на наш взгляд, является отсутствие официальной статистической информации о трудоустройстве выпускников по полученной специальности для отслеживания их дальнейшего профессионального пути. Несмотря на этот факт, в качестве ключевого индикатора реализации федеральной программы «Развитие образования», а также плана мероприятий («дорожной карты») изменений в сфере образования выступает показатель «удельный вес выпускников организаций профессионального образования последнего года выпуска, трудоустроившихся по полученной специальности» [12; 15]. Поэтому для органов управления образованием и органов государственной статистики необходимо ввести показатель, характеризующий трудоустройство и работу по специальности выпускников учреждений высшего, среднего и начального профобразования, а также сформировать единую методику расчета и контроля выполнения данного показателя, благодаря чему станет возможным осуществление мониторинга трудоустройства по профилю подготовки.

II. Формирование информационного поля с целью установления баланса между спросом на профессии среди молодёжи и предложением на рынке труда.

1. Теоретическое знакомство с профессиями разных направленностей в рамках школьных курсов:

– привлечение СМИ (телевидения, радио, газет) к проведению мероприятий, направленных на развитие профессионального самоопределения подростков, популяризацию отдельных профессий (например, рабочих специальностей), в настоящее время не пользующихся большой популярностью среди школьников, проведение акций, передач, встреч, нацеленных на повышение осведомлённости школьников о типичных ошибках, допускаемых при выборе профессии, о том, как грамотно и осознанно сделать свой выбор и т.д.;

– знакомство подростков с разнообразием существующих профессий в рамках школьных образовательных программ с учётом выявленной в ходе диагностических мероприятий индивидуальной специфики (факультативные курсы «В мире профессий», «Человек и профессия», «Мой профессиональный выбор» и т.д.), причём акцент должен делаться на наиболее востребованных в настоящее время специальностях на рынке труда.

2. Практическое знакомство школьников с профессиями на основе взаимодействия субъектов рынка труда. В связи с низкой осведомлённостью школьников о реальной ситуации на рынке труда необходимо наладить систему взаимодействия школы и центров занятости, различных предприятий с целью повышения уровня информированности учащихся о востребованных в обществе профессиях и активизации заинтересованности будущих

работодателей в успешности профессионального выбора молодежи. Реализация подобного взаимодействия возможна за счёт проведения экскурсий на предприятия, организации встреч с представителями отдельных профессий, учебных практик, тренингов и т.д.

Учет успешного опыта модернизации системы профориентации позволит суще-

ственно повысить её эффективность. Благополучная профессиональная самореализация будет способствовать наиболее полной реализации трудового потенциала учащихся, повышению их инновационной активности, успешной социализации, обеспечивая устойчивое развитие экономики и модернизационных процессов.

Литература

1. Абдалина, Л.В. Психологические аспекты профессионального самоопределения учащихся [Текст] / Л.В. Абдалина, Е.В. Гаврилова. – Воронеж : ВоГПУ, 2004. – 77 с.
2. Божович, Л.И. Этапы формирования личности в онтогенезе [Текст] / Л.И. Божович // Хрестоматия по возрастной психологии. – М. : Институт практической психологии; Воронеж : МОДЭК, 1998. – С. 120-131.
3. Выбор профессии: чему учились и где пригодились? [Текст] / В.Е. Гимпельсон, Р.И. Капелюшников, Т.С. Карабчук, З.А. Рыжикова, Т.А. Биляк // Экономический журнал ВШЭ. – 2009. – Т. 13. – № 2. – С. 172-216.
4. Груздова, Е.В. Общая характеристика профессионального выбора подростка [Текст] / Е.В. Груздова, Л.В. Абдалина // Социально-экономические явления и процессы. – 2010. – №4. – С. 163 – 166.
5. Данилова, М.В. Кризис профессионального выбора и направления профориентационной помощи старшеклассникам [Текст] / М.В. Данилова // Личность, семья и общество: вопросы педагогики и психологии. – 2013. – № 31. – С. 102-109.
6. Капелюшников, Р.И. Трансформация человеческого капитала в российском обществе (на базе «Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения») [Текст] / Р.И. Капелюшников, А.Л. Лукьянова. – М. : Фонд «Либеральная миссия», 2010. – 196 с.
7. Климов, Е.А. Как выбирать профессию [Текст] / Е.А. Климов. – М. : Просвещение, 1990. – 159 с.
8. Кон, И.С. Психология ранней юности [Текст] / И.С. Кон. – М. : Просвещение, 1989. – 255 с.
9. Леонидова, Г.В. Образовательный потенциал молодёжи как ресурс модернизации [Текст] / Г.В. Леонидова, К.А. Устинова // Актуальные проблемы экономики и права. – 2013. – № 4 (28). – С. 172-178.
10. Леонидова, Г.В. Генерация знаний талантливой молодёжи в интересах интеллектуализации человеческого капитала: методы и формы осуществления [Текст] / Г.В. Леонидова // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. – 2011. – № 1 (13). – С. 90-100.
11. Взаимосвязь профильной и профессиональной подготовки учащихся в США и России [Текст] / М.П. Пальянов, А.Р. Демченко, О.А. Семина, Б.А. Беловолов // Сибирский педагогический журнал. – 2011. – № 1. – С. 29-36.
12. План мероприятий («Дорожная карта») «Изменения, направленные на повышение эффективности образования» на 2013–2018 гг. [Электронный ресурс] : утв. пост. Правительства Вологодской области от 25 февраля 2013 г. №201 // Официальный портал Правительства Вологодской области. – Режим доступа : http://volgda-oblast.ru/dokumenty/ispolnenie_ukazov_prezidenta_rf/244791/
13. Попов, А.В. Обеспеченность Вологодской области трудовыми ресурсами: проблемы и перспективы [Электронный ресурс] / А.В. Попов // Universum: экономика и юриспруденция. – 2015. – №7 (18). – Режим доступа : <http://7universum.com/ru/economy/archive/item/2305>
14. Попова, Т.Н. Структурный дисбаланс системы занятости в регионе [Электронный ресурс] / Т.Н. Попова // Современная экономика: проблемы, тенденции, перспективы. – 2011. – № 5. – Режим доступа : http://www.mivlgu.ru/site_arch/educational_activities/journal_ec/journal_arch/N5/popova.pdf
15. Развитие образования [Электронный ресурс] : государственная программа Российской Федерации на 2013–2020 годы : утв. пост. Правительства РФ от 15 апреля 2014 г. № 295 // Портал государственных

- программ Российской Федерации. – Режим доступа : <http://programs.gov.ru/Portal/programs/passport/2>
16. Симатова, О.Б. Возрастные особенности профессиональной направленности школьников на разных этапах онтогенеза [Текст] / О.Б. Симатова, Е.В. Прокопьева // Психология. – 2011. – № 5. – С. 210-213.
 17. Тоисеева, О.С. Профессиональное самоопределение подростков: актуальность, проблемы, пути решения [Текст] / О.С. Тоисеева // Педагогическое образование в России. – 2011. – № 4. – С. 60-64.
 18. Устинова, К.А. Соответствие квалификации занятого населения требованиям рабочих мест [Текст] / К.А. Устинова // ЭКО. – 2012. – № 9. – С. 181-188.
 19. Устинова, К.А. Сфера образования и рынок труда: проблемы рассогласования [Текст] / К.А. Устинова // Социологические исследования. – 2014. – № 6. – С. 96-102.
 20. Фельдштейн, Д.И. Особенности стадий развития личности на примере подросткового возраста [Текст] / Д.И. Фельдштейн // Хрестоматия по возрастной психологии. – М. : Институт практической психологии; Воронеж : МОДЭК, 1998. – С. 298-309.
 21. Фёдорова, Л.Д. Профессиональное самоопределение школьников [Текст] / Л.Д. Фёдорова // Муниципальное образование: инновации и эксперимент. – 2014. – № 3. – С. 19-23.
 22. Шабунова, А.А. Качество трудовых ресурсов в России: региональный аспект [Текст] / А.А. Шабунова, Г.В. Леонидова // Актуальные проблемы экономики и права. – 2012. – № 2(22). – С. 126-134.
 23. Шамсутдинова, И.Г. Профессиональная ориентация учащихся во Франции [Текст] / И.Г. Шамсутдинова, О.И. Павлова // Педагогика. – 2007. – №4. – С. 101-111.
 24. Шишкина, Е.А. Особенности профессиональной ориентации выпускников школ: проблемы и решения [Электронный ресурс] / Е.А. Шишкина // Современная экономика: проблемы, тенденции, перспективы. – 2012. – № 6. – Режим доступа : http://www.mivlgu.ru/site_arch/educational_activities/journal_es/journal_arch/N6/shikina.pdf
 25. Якимов, В.Г. Исследование уровня сформированности компетенции полипрофессионального ориентирования школьников [Текст] / В.Г. Якимов // Вестник Костромского государственного университета им. Н.А. Некрасова. – 2013. – Т. 19. – № 1. – С. 3-6.
 26. Cray, K. Other ways to win: creating alternatives for high school graduate [Text] / K. Cray, E. Herr. – Thousand Oaks, California: Corwin Press, Inc. A Sage Publications Company, 2000. – 198 p.
 27. Heckman, J.J. Policies to Create and Destroy Human Capital in Europe [Text]: discussion paper № 4680 / J.J. Heckman, B. Jacobs. – Bonn : IZA, 2009. – 112 с.
 28. Job Mismatches and Labour Market Outcomes: Panel Evidence on Australian University Graduates [Text]: discussion paper № 5083 / K. Mavromaras, S. McGuinness, N. O'Leary, P.J. Sloane, Zh. Wei. – Bonn : IZA, 2010. – 45 p.
 29. Nordin, M. Education-Occupation Mismatch: Is There an Income Penalty? [Text] discussion paper № 3806 / M. Nordin, I. Persson, D.-O. Rooth. – Bonn : IZA, 2008. – 19 p.
 30. Robst, J. Education and Job Match: The Relatedness of College Major and Work [Text] / J. Robst // Economics of Education Review. – 2007. – Vol. 26. – № 4. – P. 397-407.
 31. Robst, J. Education, College Major and Job Match: Gender Differences in Reasons for Mismatch [Text] / J. Robst // Education Economics. – 2007. – Vol. 15. – № 2. – P. 159-175.
 32. Sloane, P.J. Overeducation, skill mismatches, and labor market outcomes for college graduates [Text] / P.J. Sloane. – Bonn : IZA World of Labor, 2014. – 10 p.

Сведения об авторах

Александра Владимировна Короленко – младший научный сотрудник, Институт социально-экономического развития территорий Российской академии наук (160014, Россия, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а, coretra@yandex.ru)

Ольга Николаевна Калачикова – кандидат экономических наук, и.о. заведующего отделом, заведующий лабораторией, Институт социально-экономического развития территорий Российской академии наук (160014, Россия, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а, onk82@yandex.ru)

Korolenko A.V., Kalachikova O.N.

Maturity of Teenagers' Occupational Preferences as a Factor in Their Socialization

Abstract. One of the most acute problems in employment of both the country in general and the region in particular is the structural imbalance caused by the mismatch of professional skills of graduates of educational institutions with labor market requirements. The reason for this process is often an inefficiently structured vocational guidance and lack of close interaction between potential employers and the educational system. The authors analyze the degree of maturity of teenagers' occupational preferences and its impact on timely acceptance of social roles and their skillful performance in accordance with the requirements of the modern innovation-oriented society. The informational base of the study includes data of the 2015 comprehensive survey of children in their mid and late teens enrolled in the Research-Educational Center of ISED T RAS (8–11 grades). The obtained results suggest that the key issue in terms of occupational self-determination corresponding to teenagers' personal inclinations is their unawareness about the conditions and basic requirements for the profession; about their own physiological capabilities; the inability to compare their preferences with the real abilities. Thus, the majority of teenagers plan to enter a higher educational institution after graduating from secondary school (82%), they either do not consider secondary or initial vocational education at all, or see it as an intermediate educational stage. In 48% of cases, teenagers choose specialty which does not comply with the type of their occupational preference. Thus, it can be concluded that the system of vocational guidance is currently unable to reach its ultimate goals, namely the formation of adolescents' intelligent occupational self-determination corresponding to the individual peculiarities of a personality and, at the same time, the society's demand for staff, and its requirements of a modern employee. To address these issues, the authors propose the changes in two key areas: modernization of the system of school vocational guidance and formation of a unified information space for establishing balance between the demand of young people for certain occupations and their supply in the labor market.

Key words: occupational preferences, self-determination, professional guidance, socialization, adolescents.

References

1. Abdalina L.V., Gavrilova E.V. Psikhologicheskie aspekty professional'nogo samoopredeleniya uchashchikhsya [Psychological aspects of student's occupational self-determination]. Voronezh: VoGPU, 2004. 77 p. (In Russian)
2. Bozhovich L.I. Etapy formirovaniya lichnosti v ontogeneze [Stages of personality formation during ontogenesis]. *Khrestomatiya po vozrastnoi psikhologii* [Anthology of developmental psychology]. Moscow: Institut prakticheskoi psikhologii; Voronezh: MODEK, 1998. pp. 120–131. (In Russian)
3. Gimpel'son V.E., Kapelyushnikov R.I., Karabchuk T.S., Ryzhikova Z.A., Bilyak T.A. Vybor professii: chemu uchilis' i gde prigodilis'? [Career choice: what one studied and how useful it appeared to be?]. *Ekonomicheskii zhurnal VShE* [HSE economic journal], 2009, volume 13, no. 2, pp. 172–216. (In Russian)
4. Gruzdova E.V., Abdalina L.V. Obshchaya kharakteristika professional'nogo vybora podrostka [General characteristic of juvenile's professional choice]. *Sotsial'no-ekonomicheskie yavleniya i protsessy* [Social and economic phenomena and processes], 2010, no. 4, pp. 163–166. (In Russian)
5. Danilova M.V. Krizis professional'nogo vybora i napravleniya proforientatsionnoi pomoshchi starsheklassnikam [Profession choice crisis and possible ways of expert assistance for high school students]. *Lichnost', sem'ya i obshchestvo: voprosy pedagogiki i psikhologii* [Personality, family and society: issues of pedagogy and psychology], 2013, no. 31, pp. 102–109. (In Russian)

6. Kapelyushnikov R.I., Luk'yanova A.L. Transformatsiya chelovecheskogo kapitala v rossiiskom obshchestve (na baze "Rossiiskogo monitoringa ekonomicheskogo polozheniya i zdorov'ya naseleniya") [Transformation of human capital in the Russian society (Based on "The Russian monitoring of the population's health and economic status")]. Moscow: Fond "Liberal'naya missiya", 2010. 196 p. (In Russian)
7. Klimov E.A. Kak vybirat' professiyu [How to choose a career]. Moscow: Prosveshchenie, 1990. 159 p. (In Russian)
8. Kon I.S. Psikhologiya rannei yunosti [Psychology of early adolescence]. Moscow: Prosveshchenie, 1989. 255 p. (In Russian)
9. Leonidova G.V., Ustinova K.A. Obrazovatel'nyi potentsial molodezhi kak resurs modernizatsii [Educational potential of the youth as a resource of modernization]. *Aktual'nye problemy ekonomiki i prava* [Actual problems of economics and law], 2013, no. 4 (28), pp. 172–178. (In Russian)
10. Leonidova G.V. Generatsiya znaniy talantlivoi molodezhi v interesakh intellektualizatsii chelovecheskogo kapitala: metody i formy osushchestvleniya [Generation of talented youth's knowledge for the benefit of intellectualization of human capital: methods and forms of implementation]. *Ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny: fakty, tendentsii, prognoz* [Economic and social changes: facts, trends, forecast], 2011, no. 1 (13), pp. 90–100. (In Russian)
11. Pal'yanov M.P., Demchenko A.R., Semina O.A., Belovolov B.A. Vzaimosvyaz' profil'noi i professional'noi podgotovki uchashchikhsya v SShA i Rossii [Correlation between specific and professional training of the US and Russian students]. *Sibirskii pedagogicheskii zhurnal* [Siberian pedagogical journal], 2011, no. 1, pp. 29–36. (In Russian)
12. Plan meropriyatii ("Dorozhnaya karta") «Izmeneniya, napravlennye na povyshenie effektivnosti obrazovaniya» na 2013–2018 gg.: utv. post. Pravitel'stva Vologodskoi oblasti ot 25 fevralya 2013 g. no. 201 [Action plan ("Road map") "Transformations aimed at improving educational effectiveness" for 2013–2018: approved by the Resolution of the Government of the Vologda Oblast no. 201, dated February 25th, 2013]. *Ofitsial'nyi portal Pravitel'stva Vologodskoi oblasti* [Official Internet portal of the Government of the Vologda Oblast]. Available at: http://vologda-oblast.ru/dokumenty/ispolnenie_ukazov_prezidenta_rf/244791/. (In Russian)
13. Popov A.V. Obespechennost' Vologodskoi oblasti trudovymi resursami: problemy i perspektivy [Availability of labor force in the Vologda Oblast: problems and prospects]. *Universum: ekonomika i yurisprudentsiya* [Universum: economics and law], 2015, no. 7 (18). Available at: <http://7universum.com/ru/economy/archive/item/2305>. (In Russian)
14. Popova T.N. Strukturnyi disbalans sistemy zanyatosti v regione [Structural imbalance of the employment system in a region]. *Sovremennaya ekonomika: problemy, tendentsii, perspektivy* [Modern economics: issues, trends, prospects], 2011, no. 5. Available at: http://www.mivlgu.ru/site_arch/educational_activities/journal_ec/journal_arch/N5/popova.pdf. (In Russian)
15. Razvitie obrazovaniya: gosudarstvennaya programma Rossiiskoi Federatsii na 2013–2020 gody : utv. post. Pravitel'stva RF ot 15 aprelya 2014 g. no. 295 []. *Portal gosudarstvennykh programm Rossiiskoi Federatsii* [Development of education: state program of the Russian Federation for 2013–2020: approved by the Resolution of the Government of the Russian Federation no. 295, dated April 15th, 2014]. Available at: <http://programs.gov.ru/Portal/programs/passport/2>. (In Russian)
16. Simatova O.B., Prokop'eva E.V. Vozrastnye osobennosti professional'noi napravlennosti shkol'nikov na raznykh etapakh ontogeneza [Age peculiarities of students' professional orientations at different stages of ontogenesis]. *Psikhologiya* [Psychology], 2011, no. 5, pp. 210–213. (In Russian)
17. Toiseeva O.S. Professional'noe samoopredelenie podrostkov: aktual'nost', problemy, puti resheniya [Adolescents; occupational self-determination: relevance, issues, possible solutions]. *Pedagogicheskoe obrazovanie v Rossii* [Pedagogical education in Russia], 2011, no. 4, pp. 60–64. (In Russian)
18. Ustinova K.A. Sootvetstvie kvalifikatsii zanyatogo naseleniya trebovaniyam rabochikh mest [Compliance of the qualifications of the employed population with job requirements]. *EKO* [All-Russian economic magazine], 2012, no. 9, pp. 181–188. (In Russian)
19. Ustinova K.A. Sfera obrazovaniya i rynek truda: problemy rassoglasovaniya [Education sector and labor market: imbalance issues]. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological studies], 2014, no. 6, pp. 96–102. (In Russian)
20. Feldshtein D.I. Osobennosti stadii razvitiya lichnosti na primere podrostkovogo vozrasta [Peculiarities of stages of personality development on the example of juvenile age]. *Khrestomatiya po vozrastnoi psikhologii* [Anthology of developmental psychology]. Moscow: Institut prakticheskoi psikhologii; Voronezh: MODEK, 1998. Pp. 298–309. (In Russian)

21. Fedorova L.D. Professional'noe samoopredelenie shkol'nikov [Schoolchildren's professional self-determination]. *Munitsipal'noe obrazovanie: innovatsii i eksperiment* [Municipal education: innovation and experiment], 2014, no. 3, pp. 19–23. (In Russian)
22. Shabunova A.A., Leonidova G.V. Kachestvo trudovykh resursov v Rossii: regional'nyi aspekt [Quality of labour resources in Russia: regional aspect]. *Aktual'nye problemy ekonomiki i prava* [Actual problems of economics and law], 2012, no. 2(22), pp. 126–134. (In Russian)
23. Shamsutdinova I.G., Pavlova O.I. Professional'naya orientatsiya uchashchikhsya vo Frantsii [Vocational orientation of French students]. *Pedagogika* [Pedagogy], 2007, no. 4, pp. 101–111. (In Russian)
24. Shishkina E.A. Osobennosti professional'noi orientatsii vypusknikov shkol: problemy i resheniya [Features of vocational counselling of graduates of schools: problems and decisions]. *Sovremennaya ekonomika: problemy, tendentsii, perspektivy* [Modern economics: issues, trends, prospects], 2012, no. 6. Available at: http://www.mivlgu.ru/site_arch/educational_activities/journal_ec/journal_arch/N6/shikina.pdf. (In Russian)
25. Yakimov V.G. Issledovanie urovnya sformirovannosti kompetentsii poliprofessional'nogo orientirovaniya shkol'nikov [Practical research on the students poly-professional orientation competence level]. *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta im. N.A. Nekrasova* [Bulletin of Nekrasov Kostroma State University], 2013, volume 19, no. 1, pp. 3–6. (In Russian)
26. Cray K., Herr E. *Other ways to win: creating alternatives for high school graduate*. Thousand Oaks, California: Corwin Press, Inc. A Sage Publications Company, 2000. 198 p.
27. Heckman J.J., Jacobs B. *Policies to Create and Destroy Human Capital in Europe: discussion paper no. 4680*. Bonn: IZA, 2009. 112 p.
28. Mavromaras K., McGuinness S., O'Leary N., Sloane P.J., Wei Zh. *Job Mismatches and Labour Market Outcomes: Panel Evidence on Australian University Graduates: discussion paper no. 5083*. Bonn: IZA, 2010. 45 p.
29. Nordin M., Persson I., Rooth D.-O. *Education-Occupation Mismatch: Is There an Income Penalty: discussion paper no. 3806*. Bonn: IZA, 2008. 19 p.
30. Robst J. Education and Job Match: The Relatedness of College Major and Work. *Economics of Education Review*, 2007, volume 26, no. 4, pp. 397–407.
31. Robst J. Education, College Major and Job Match: Gender Differences in Reasons for Mismatch. *Education Economics*, 2007, volume 15, no. 2, pp. 159–175.
32. Sloane P.J. *Overeducation, skill mismatches, and labor market outcomes for college graduates*. Bonn: IZA World of Labor, 2014. 10 p.

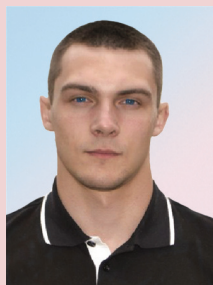
Information about the Authors

Aleksandra Vladimirovna Korolenko – Junior Research Associate. Institute of Socio-Economic Development of the Russian Academy of Sciences. 56A, Gorky Street, Vologda, 160014, Russian Federation. coretra@yandex.ru

Ol'ga Nikolaevna Kalachikova – Ph.D. in Economics, Head of the Laboratory for Research of Issues of Management in Social Sphere at the Department of Living Standards and Lifestyle Studies. Institute of Socio-Economic Development of the Russian Academy of Sciences. 56A, Gorky Street, Vologda, 160014, Russian Federation. onk82@yandex.ru

Статья поступила 29.08.2016.

Совершенствование управления рисками доходной базы консолидированных бюджетов регионов



Антон Викторович

ГАЛУХИН

Институт социально-экономического развития территорий РАН
160014, Россия, Вологда, ул. Горького, д. 56а
antongalukhin@yandex.ru



Тамара Витальевна

УСКОВА

доктор экономических наук
Институт социально-экономического развития территорий РАН
160014, Россия, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а

Аннотация. Бюджетные риски регионов РФ с начала кризиса 2008–2009 гг. приобрели устойчивый восходящий тренд. Это препятствует достижению целевых индикаторов и не позволяет обеспечить стабильность финансового положения и устойчивое социально-экономическое развитие территорий, что актуализирует поиск решения научной проблемы совершенствования управления рисками, влияющими на доходную базу консолидированных бюджетов регионов. Необходимо, чтобы органы власти своевременно принимали управленческие решения, направленные на минимизацию влияния негативных рискообразующих факторов на государственные финансы субъектов РФ. Информационно-аналитической основой таких оперативных решений может

Для цитирования: Галухин, А.В. Совершенствование управления рисками доходной базы консолидированных бюджетов регионов / А.В. Галухин, Т.В. Ускова // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. – 2016. – № 6. – С. 162-179. DOI: 10.15838/esc.2016.6.48.9

For citation: Galukhin A.V., Uskova T.V. Improving the system of management of risks of the income base of regions' consolidated budgets. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 2016, no. 6. pp. 162-179. DOI: 10.15838/esc.2016.6.48.9

выступить методический инструментарий оценки влияния бюджетных рисков на устойчивость доходной базы бюджетов регионов. Однако в настоящее время он отсутствует. Новизна исследования заключается в том, что нами доказана необходимость соблюдения при оценке бюджетных рисков принципов комплексности и объективности, заключающихся в учете риска неисполнения бюджета по доходам, риска несбалансированности и риска неисполнения расходов в связи с погашением долга региона. Кроме того, нами предложена градация уровня бюджетных рисков, основанная на иерархии групп бюджетных расходов, которые можно сократить с минимальными последствиями для социально-экономического развития территорий. Результаты апробации предлагаемого методического инструментария, проведенной на примере субъектов СЗФО, показали увеличение интегральной величины бюджетных рисков, дестабилизирующих доходную базу бюджетов регионов. Причём наибольший риск в настоящее время генерируется при управлении государственным (муниципальным) долгом регионов. С целью совершенствования управления и минимизации бюджетных рисков предложен алгоритм определения целесообразности создания резервного фонда субъекта Федерации и установления его оптимального размера. Выявлено, что резервы во всех регионах СЗФО в 2015 году были многократно меньше оптимальной величины, и это не позволило реализовать основную функцию данного инструмента бюджетного риск-менеджмента. Предложенные алгоритм и инструментарий оценки влияния бюджетных рисков на устойчивость доходной базы консолидированных бюджетов регионов могут быть использованы финансовыми органами исполнительной власти регионов для повышения результативности и эффективности управления бюджетом в качестве составляющих его информационно-аналитического обеспечения.

Ключевые слова: консолидированные бюджеты регионов, бюджетный риск, доходная база бюджета, устойчивость бюджетов, методический инструментарий оценки, резервные фонды.

В процессе реализации полного комплекса принятых органами власти расходных и долговых обязательств, достижения целевых индикаторов и показателей социально-экономического развития, закрепленных в различных документах программного характера, управление бюджетными рисками выступает как важнейший элемент обеспечения бюджетной (экономической) безопасности государства и регионов. Вместе с тем, как свидетельствуют данные статистики о государственных финансах РФ в период после кризиса 2008–2009 гг., риски, связанные с бюджетом, не только не были преодолены, но и в значительной мере обострились. Это дестабилизирует финансовое состояние регионов и препятствует достижению целевых индикаторов и показателей социально-эконо-

мического развития территорий. К примеру, несмотря на продолжающуюся уже несколько лет политику бюджетной консолидации, направленную, в первую очередь, на минимизацию дефицита, сохраняются риски дальнейшей эскалации дисбаланса бюджетной системы¹ и нарастания долговой нагрузки². Для оперативного принятия необходимых управленческих решений по

¹ По расчетам рейтингового агентства «АКРА», объем долга регионов к началу 2017 года вплотную приближается к 2,5 трлн. руб.

² Устойчивость доходной базы бюджетов регионов в нашем исследовании будем понимать как способность бюджета в условиях постоянно изменяющихся внешних и внутренних факторов своевременно аккумулировать достаточный объем доходов, необходимый для выполнения полного комплекса обязательств (расходных и долговых), закрепленных за органами власти субъекта Федерации, по реализации интересов и приоритетов государства, общества и личности, сохраняя при этом динамизм развития региона [19].

минимизации факторов, дестабилизирующих финансовое положение территорий, органам власти требуется соответствующая информационная основа. В качестве ее может выступить оценка влияния бюджетных рисков на устойчивость доходной базы бюджетов регионов³. Однако вплоть до настоящего времени данный методический инструментарий отсутствует. Те разработки по оценке бюджетных рисков, которые имеются в научной и законодательной плоскостях [1, 2, 8, 12, 16], содержат ряд недостатков, среди которых: математические ошибки, отсутствие комплексности и системности показателей оценки, неинформативность результатов оценки, отсутствие экономической интерпретации показателей. Это приводит к искажению результатов оценки и некорректности принимаемых управленческих решений. Кроме того, инструменты управления рисками используются в ограниченном виде, не позволяя улучшить финансовое состояние регионов. Всё это отражает актуальность разработки данной проблематики и определило цель исследования, заключающуюся, в частности, в решении проблемы совершенствования управления рисками, влияющими на доходную базу консолидированных региональных бюджетов как важнейшего компонента обеспечения устойчивого социально-экономического развития территорий.

Устойчивость любой системы определяется совокупностью параметров, переход за критические значения которых может вывести систему из устойчивого состояния в неустойчивое. Вероятность этого обуславливается совокупностью рисков [19].

В современных толковых словарях риск определяется как опасность, возможность убытка или ущерба. Буквально под категорией «риск» понимают принятие решения, результат которого заранее не известен [20].

В современных толковых словарях риск определяется как опасность, возможность убытка или ущерба. Буквально под категорией «риск» понимают принятие решения, результат которого заранее не известен [20].

Риск, связанный с бюджетом, рассматривается в контексте образования и расходования централизованного фонда денежных средств, предназначенных для финансового обеспечения реализации функций государства, выполнения полного комплекса расходных и долговых обязательств [1]. Можно выделить несколько подходов к определению сущности бюджетного риска (*табл. 1*).

Основываясь на обобщении результатов анализа теоретических аспектов управления рисками бюджетов, мы считаем, что под бюджетным риском следует понимать

Таблица 1. Подходы к определению сущности бюджетного риска

Подход	Авторы подхода
Бюджетный риск как риск недопоступления доходов бюджета	Т.М. Ковалева, Д.В. Горохова, А.Л. Кудрин, И. Томберг, Ю. Радковский, Э. Соловьева, М.И. Соломко, И.В. Усков
Бюджетный риск как риск неисполнения запланированного бюджета	М.Е. Чичелева, В.Б. Ияшвили, В.В. Гамукин, Н.В. Бакша, А.П. Свинцова, Е.А. Степанова, Е.Д. Мельник, В.В. Янов
Составлено по [5, 7, 11, 15, 16, 18, 20].	

³ Устойчивость доходной базы бюджетов регионов в нашем исследовании будем понимать как способность бюджета в условиях постоянно изменяющихся внешних и внутренних факторов своевременно аккумулировать достаточный объем доходов, необходимый для выполнения полного комплекса обязательств (расходных и долговых), закрепленных за органами власти субъекта Федерации, по реализации интересов и приоритетов государства, общества и личности, сохраняя при этом динамизм развития региона [19].

вероятность неисполнения бюджета по доходам и расходам под воздействием совокупности рискообразующих факторов хозяйствования.

Отметим, что с точки зрения экономического содержания риски, связанные с доходами бюджетов, являются первичными по отношению к рискам, связанным с расходами. Вместе с тем необходимо учитывать риски, которые связаны с управлением дефицитом бюджета и государственным (муниципальным) долгом регионов и которые, с одной стороны, влияют друг на друга, а с другой – определяют достаточность бюджетных средств для исполнения расходных и долговых обязательств.

Необходимо подчеркнуть, что бюджетному риску присущ как объективный, так и субъективный характер. Поскольку риск сопровождает практически все виды и направления финансовой деятельности, он объективен, но в то же время зависит от принимаемых управленческих решений, что отражает его субъективную сторону. Сущностной характеристикой бюджетного риска следует считать его неопределенность, заключающуюся в том, что отклонение от планируемой суммы бюджетных средств возможно в сторону как уменьшения, так и увеличения.

В соответствии с концептуальным подходом, предложенным Ф. Найтом, риск (неопределенность) служит источником успеха или возникновения ущерба. Придерживаясь мнения таких ученых, как

В.В. Гамукин [5], О.И. Тишутина [17] и Н.И. Яшина [21], можно сказать, что применительно к бюджетному риск-менеджменту существует три экономических результата исполнения бюджета по доходам (табл. 2).

Так как ситуация риска предполагает наличие возможности оценки вероятностей будущих состояний, целесообразно осуществлять количественную оценку бюджетных рисков [19].

Как наиболее комплексный и информативный показатель, характеризующий количественное выражение неопределенности поступления денежных средств в казну, по нашему мнению, может быть принято «исполнение бюджета по доходам». Такой выбор обусловлен тем, что данный индикатор отражает не только оценку результата поступления денежных средств в казну, но и качество бюджетного планирования и прогнозирования. В качестве меры риска использованы получившие распространение в современном финансовом анализе волатильность и коэффициент вариации. Однако использование стандартной формулы расчета среднеквадратического отклонения приводит к явному занижению искомого значения [17, 21], поскольку эталонным уровнем индикатора «исполнение бюджета по доходам», согласно системе бюджетного планирования и общей теории риск-менеджмента, выступает полное совпадение фактического объема поступления денежных средств с плановым

Таблица 2. Экономические результаты исполнения бюджета по доходам

Экономический результат	Сущность	Содержание риска
Нулевой	Полное совпадение планируемого и фактического объема поступлений	Риска нет
Положительный	Фактический объем доходов превысил плановое значение	Риск неэффективного расходования полученных сверхдоходов, в т.ч. их неэффективного резервирования
Отрицательный	Фактический объем доходов не достиг планового значения	Риск возникновения дефицита (рост долга) риск недофинансирования расходных обязательств (риск их сокращения)

уровнем, то есть 100%. Как нам видится, именно данное значение целесообразно использовать при определении величины риска неисполнения бюджета по доходам.

Необходимо отметить, что коэффициент вариации бюджета по доходам, несмотря на его комплексный характер, требуемый для оценки влияния бюджетных рисков на устойчивость доходной базы казны, не является исчерпывающим, так как не позволяет оценить риски несбалансированного исполнения бюджета (достаточность средств для выполнения расходных обязательств) и неисполнения расходов в связи с погашением долга территории (достаточность средств для реализации расходных обязательств при исполнении долговых обязательств). Так, риск несба-

лансированности можно оценить через показатель прироста расходов бюджета региона, не обеспеченных соответствующим приростом доходов. Оценку риска неплатежеспособности можно провести с помощью определения приемлемости уровня риска исполнения расходных обязательств в связи с погашением долга субъекта РФ.

Основываясь на качественной оценке величины интегрального значения бюджетного риска регионов (табл. 3), можно сделать вывод о его уровне. По нашему мнению, его градацию целесообразно увязать с иерархией групп расходов, которую представим исходя из возможностей и последствий их сокращения для реализации конституционных прав граждан, интересов и приоритетов государства и общества.

Таблица 3. Последовательность расчета при оценке влияния бюджетных рисков на устойчивость доходной базы бюджетов регионов

Этап	Содержание этапа		
1. Определение значений частных видов риска	Расчет риска неисполнения бюджета по доходам (R_1)	Расчет риска несбалансированности (R_2)	Расчет риска неисполнения расходов в связи с погашением долга региона (R_3)
	$R_1 = \frac{\sigma}{\bar{B}} \cdot 100\% ,$ <p>где \bar{B} – среднее значение исполнения бюджета за три года*, %</p> $\sigma = \sqrt{\frac{1}{n} \sum_{i=1}^n (B_i - 100\%)^2} ,$ <p>где σ – среднеквадратическое отклонение бюджета по доходам; B_i – i-е исполнение бюджета, %; n – количество наблюдений, лет.</p>	$R_2 = \left \frac{P_{\text{факт}} \div P_{\text{план}}}{D_{\text{факт}} \div D_{\text{план}}} \right \cdot 100\% ,$ <p>где $D_{\text{факт}}$ – фактический объем доходов бюджета субъекта РФ в отчетном году; $D_{\text{план}}$ – планируемый объем доходов бюджета субъекта РФ в отчетном году; $P_{\text{факт/план}}$ – фактический/планируемый объем расходов бюджета субъекта РФ в отчетном году.</p>	$R_3 = \frac{P_{\text{гдж}}}{D_j + D_{\text{заем}j}} \cdot 100\% ,$ <p>где $P_{\text{гдж}}$ – объем расходов на обслуживание и погашение долговых обязательств субъекта РФ в j-м году; $D_{\text{заем}j}$ – объем привлечения заемных средств субъектом РФ в j-м году; D_j – доходы бюджета субъекта РФ в j-м году (за исключением субвенций из федерального бюджета).</p>
2. Расчет интегрального значения (R)	$R = \sqrt[3]{R_1 \times R_2 \times R_3} ,$		
3. Интерпретация интегрального значения (R)	<p>0 < R ≤ 1,0 – минимальный риск 1,0 < R ≤ 5,0 – малый риск 5,0 < R ≤ 15,0 – умеренный риск 15,0 < R ≤ 25,0 – высокий риск R > 25,0 – критический риск</p>		
<p>* Величина временных отрезков для оценки влияния бюджетных рисков на устойчивость доходной базы консолидированных бюджетов регионов была выбрана равной трем годам, исходя из практики организации бюджетного процесса в РФ, проводимой по трехлетнему бюджетному циклу.</p>			

Предлагаемый методический инструмент оценки влияния бюджетных рисков на устойчивость доходной базы бюджетов регионов предназначен финансовым подразделениям органов исполнительной власти как федерального, так и регионального уровней для использования с целью дополнительного информационно-аналитического обеспечения процесса управления бюджетами регионов, а также реализации возможности: на основе «обратной связи» своевременно принимать управленческие решения по достижению поставленных стратегических ориентиров бюджетной политики; оценить результативность используемых инструментов и уровень бюджетных рисков; сравнить полученные результаты в пространстве и во времени; усилить обоснованность совершенствования бюджетной политики; дать оценку потенциала и направлений повышения устойчивости доходной базы консолидированных бюджетов регионов.

Апробация предлагаемого методического инструментария оценки влияния бюджетных рисков на устойчивость доходной базы консолидированных бюджетов регионов проведена на примере субъектов СЗФО и позволила определить следующее.

1. Результаты оценки риска неисполнения бюджетов по доходам свидетельст-

вуют о том, что в 2015 году в Ленинградской, Псковской и Архангельской областях наблюдалась значительная волатильность поступления средств в казну (табл. 4).

Причина этого кроется в отсутствии возможности обеспечения высокого качества бюджетного планирования и прогнозирования при значительной неопределенности поведения ключевых показателей социально-экономического развития государства, а также внешнеполитической ситуации и при турбулентности внешнеэкономической конъюнктуры. В то же время данная проблема характерна для всех уровней бюджетной системы страны (табл. 5 и 6). Так, например, количество редакций закона о бюджете Вологодской области за год достигало 11-ти, а отклонения фактического исполнения бюджета от запланированного в первоначальной редакции по регионам СЗФО достигали 40%. Внесение значительного числа корректировок бюджетных параметров приводит к пересмотру финансового обеспечения расходных обязательств и недостижению целевых показателей и индикаторов. Например, в 2014 году в результате недофинансирования не были выполнены или выполнены лишь частично 7,4% запланированных к исполнению мероприятий в рамках государственных программ Вологодской области.

Таблица 4. Оценка риска неисполнения бюджетов регионов СЗФО по доходам, %

Регион СЗФО	2007	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014	2015
Ленинградская область	17,51	21,65	20,31	19,78	13,58	16,50	12,55	19,39	21,17
Псковская область	11,82	14,07	13,37	14,10	11,92	14,35	14,20	15,93	13,11
Архангельская область	17,59	19,53	19,25	21,14	19,53	21,11	12,51	14,12	12,08
Калининградская область	11,88	12,46	10,91	13,06	12,41	14,28	11,48	12,84	7,93
Республика Коми	12,00	15,45	13,60	17,07	13,97	13,96	6,27	7,75	7,62
Мурманская область	20,03	21,52	20,52	17,69	14,16	14,15	3,72	3,89	6,99
Вологодская область	25,27	28,17	30,76	28,83	24,12	18,07	5,43	7,50	6,63
Республика Карелия	10,96	19,73	20,60	22,13	14,99	14,33	5,65	6,71	5,53
г. Санкт-Петербург	26,12	26,21	18,37	11,54	9,37	5,56	4,06	4,40	4,68
Новгородская область	4,10	7,20	7,03	7,96	5,11	15,10	14,85	14,89	1,41

Таблица 5. Сравнение параметров законов о федеральном бюджете

Проект бюджета* на период	2011 г.		2012 г.		2013 г.		2014 г.		2015 г.	
	Дох.	Расх.	Дох.	Расх.	Дох.	Расх.	Дох.	Расх.	Дох.	Расх.
2009–2011 гг.	12,8	11,3								
2010–2012 гг.	7,5	9,4	8,1	9,7						
2011–2013 г.	8,8	10,7	9,5	11,2	10,3	12,2				
2012–2014 гг.			11,8	12,7	12,7	13,7	14,1	14,6		
2013–2015 гг.					12,9	13,4	14,1	14,2	15,6	15,6
2014–2016 гг.							13,6	14,0	14,6	15,4
2015–2017 гг.									15,1	15,5

* Для анализа брались первоначальные редакции законов.
Источник: Справочно-информационная система «КонсультантПлюс».

Таблица 6. Сравнение параметров законов о бюджете Вологодской области

Проект бюджета* на период	2011 г.		2012 г.		2013 г.		2014 г.		2015 г.	
	Дох.	Расх.	Дох.	Расх.	Дох.	Расх.	Дох.	Расх.	Дох.	Расх.
2009–2011 гг.	49,8	51,0								
2010–2012 гг.	32,0	36,0	34,2	31,8	36,2	33,0				
2011–2013 г.			35,1	39,5	41,0	36,2	43,4	38,5		
2012–2014 гг.					38,2	39,3	38,9	35,7	41,7	36,0
2013–2015 гг.							40,9	44,1	41,8	43,9
2014–2016 гг.									43,0	43,0

* Для анализа брались первоначальные редакции законов.
Источник: Справочно-информационная система «КонсультантПлюс».

Еще более усугубляет финансовое положение субфедеральных территорий значительная зависимость параметров региональных и местных бюджетов от решений, принимаемых на федеральном уровне: чистая финансовая автономия⁴ субъектов РФ в 2015 году в целом по стране не превышала 25% (рис. 1).

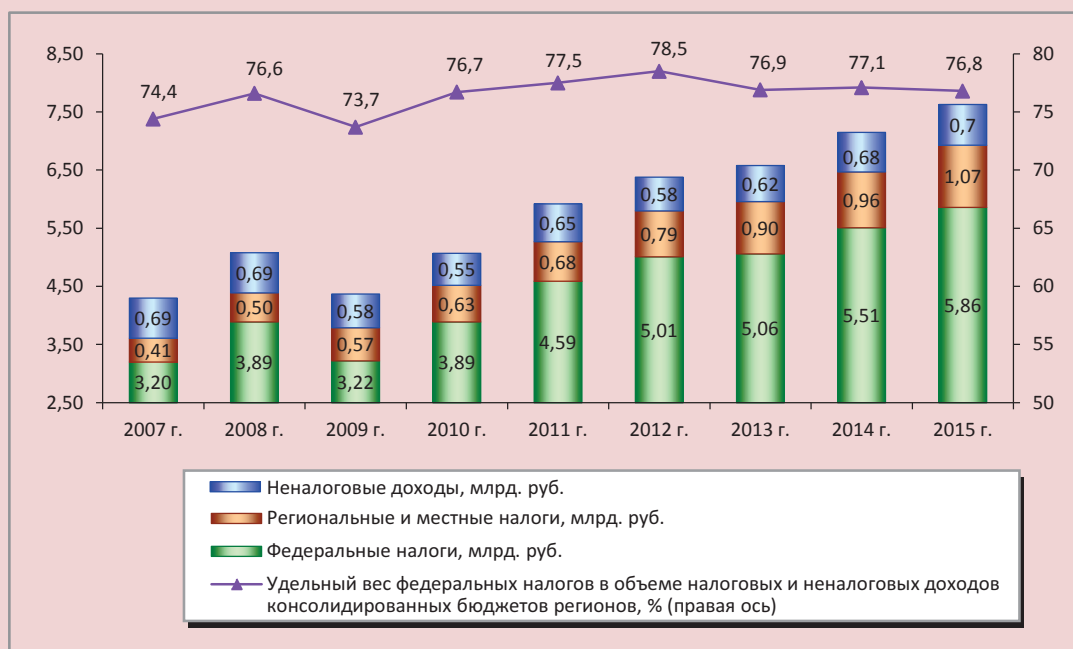
2. По итогам 2015 года наибольший риск несбалансированного исполнения бюджетов был отмечен в динамично раз-

вивающихся в период после 2008 года регионах СЗФО: в Ленинградской области – 15%, в г. Санкт-Петербург и Калининградской области – 13% (табл. 7).

Так, изначально запланированный профицит бюджетов регионов СЗФО в 2008 и 2011 гг. по итогам исполнения сменился дефицитом. Начиная с 2012 года, когда в практике бюджетного процесса стал активно применяться как основа бюджетного планирования консервативный вариант прогноза социально-экономического развития территорий, фактические результаты исполнения консолидированных бюджетов регионов были значительно лучше запланированных на начало соответствующего года.

⁴ Чистая финансовая автономия – доля доходов консолидированных бюджетов регионов, на поступление которых непосредственно могут влиять органы власти регионов и органы местного самоуправления (доля неналоговых доходов, региональных и местных налогов и сборов в общем объеме собственных доходов субъекта Федерации).

Рисунок 1. Собственные доходы консолидированных бюджетов регионов и доля в них федеральных налогов и сборов



Источник: рассчитано авторами по отчётности Казначейства России. – Режим доступа: <http://roskazna.ru/byudzheto-subektov-rf-i-mestnykh-byudzheto/>.

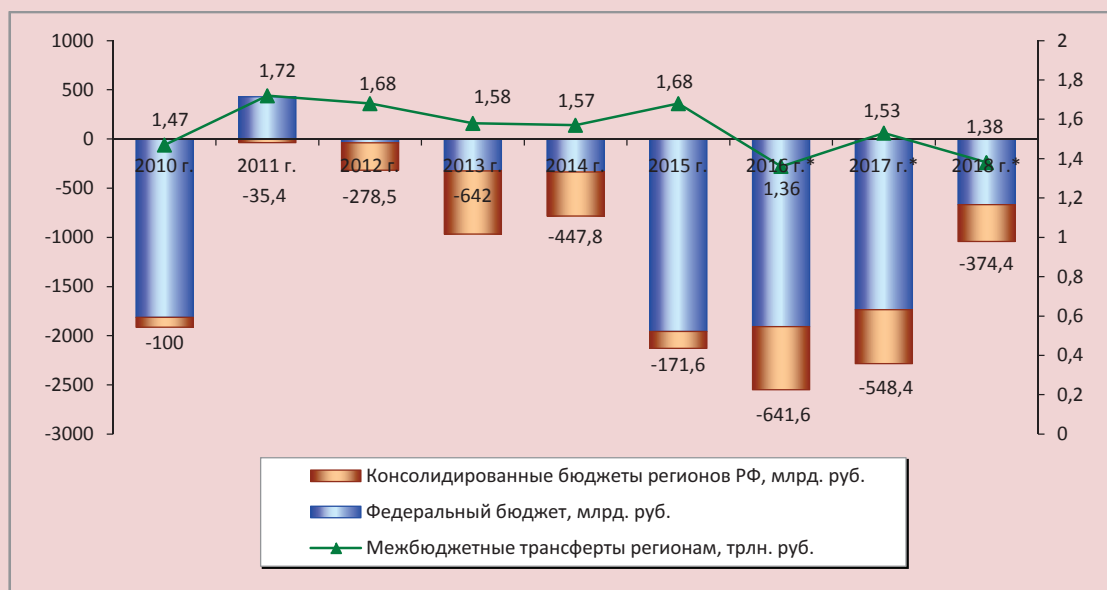
Таблица 7. Оценка риска несбалансированного исполнения бюджетов регионов СЗФО в 2007–2015 гг., %

Регион СЗФО	2007	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014	2015
Ленинградская область	9,96	8,22	0,59	8,06	22,66	14,02	4,78	20,62	15,55
г. Санкт-Петербург	18,05	9,10	29,95	2,67	3,81	7,93	9,51	7,20	13,22
Калининградская область	10,04	6,91	6,44	3,14	20,09	21,46	2,43	9,18	12,89
Мурманская область	10,25	6,22	0,43	19,51	9,82	3,99	4,97	1,82	11,12
Архангельская область	14,71	5,49	17,95	8,74	18,18	15,84	2,17	5,80	8,42
Вологодская область	5,01	10,48	48,99	3,20	22,74	5,34	5,40	0,56	3,21
Новгородская область	2,15	4,95	4,22	4,14	8,07	14,87	16,25	7,21	1,91
Псковская область	5,50	6,93	7,29	8,08	22,86	13,54	0,62	11,73	0,6
Республика Коми	1,48	7,31	7,86	8,13	9,37	10,27	5,64	2,59	0,15
Республика Карелия	217,0	236,3	5,10	5,95	18,65	7,62	5,51	0,27	0,04

Для сравнения: в целом по РФ прогнозируемый дефицит консолидированных бюджетов регионов в сумме 671 млрд. руб. по факту не превысил 180 млрд. руб. Согласно прогнозу Минфина РФ, в

2016 году дефицит консолидированных бюджетов регионов может снова превысить 640 млрд. руб. (рис. 2), в том числе вследствие резкого роста в последние годы дефицита федерального бюджета, что

Рисунок 2. Результаты исполнения бюджетов бюджетной системы РФ и объем межбюджетных трансфертов регионам в 2010–2015 гг. и прогноз на 2016–2018 гг.



* Прогноз.

Источник: данные Федерального казначейства.

может привести к значительному сокращению безвозмездных поступлений, в т.ч. ресурсов, выделяемых на финансирование делегированных регионам расходных обязательств.

Однако даже в ситуации превышения темпов роста доходов над расходами, в соответствии с теорией риск-менеджмента, чем выше дисбаланс изменения, тем выше риск. Этим и были обусловлены величины риска несбалансированного исполнения бюджета в 2015 году в Ленинградской и Калининградской областях, а также Санкт-Петербурге.

С учетом рефинансирования заимствований риск неисполнения расходов в связи с погашением долга в Архангельской области в 2015 году превысил 40%, в Республике Коми достиг почти 35% (табл. 8).

В том же году уровень долговой нагрузки в Республике Карелия превысил порог,

установленный Бюджетным кодексом РФ в 100% собственных доходов, в Псковской области – достиг 82% (табл. 9). Еще в трех областях СЗФО (Вологодская, Новгородская, Калининградская) долг превысил 70% налоговых и неналоговых доходов. При этом Архангельская область и Республика Коми направили почти 90% расходов своих бюджетов на исполнение долговых обязательств (обслуживание и погашение заимствований и исполнение предоставленных государственных (муниципальных) гарантий). Всего по РФ регионов с критическим уровнем долга (100% и более) в 2015 году было уже 14, а еще у 40 субъектов он превышал 50%. Практика федерального центра по замещению безвозмездной финансовой помощи (дотации и субсидии) возмездными средствами (бюджетные кредиты), пусть практически и на бесплатной основе (стоимость

Таблица 8. Оценка риска неисполнения расходов в связи с погашением долга регионов СЗФО в 2007–2015 гг., %

Регион СЗФО	2007	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014	2015
Архангельская область	0,51	6,07	18,44	13,77	14,92	24,45	34,43	54,74	40,92
Республика Коми	2,57	1,40	2,11	11,79	1,02	2,73	8,22	14,15	34,47
Псковская область	1,57	0,87	0,50	0,73	0,54	3,62	5,41	12,17	31,39
Мурманская область	1,32	3,26	2,96	2,40	8,06	3,31	14,11	23,02	27,54
Новгородская область	1,07	1,91	3,85	9,59	9,78	10,23	29,36	23,82	24,98
Вологодская область	0,78	0,86	3,09	4,50	10,34	14,87	21,23	36,18	20,05
Республика Карелия	4,31	12,14	15,19	24,78	18,74	20,85	33,39	38,01	18,61
Калининградская область	0,51	4,72	5,42	6,16	4,90	5,07	12,79	10,15	14,12
Ленинградская область	0,71	0,56	0,63	1,77	0,97	1,72	3,35	5,75	1,61
г. Санкт-Петербург	1,89	2,16	0,02	0,02	0,09	0,69	0,95	1,25	0,20

Таблица 9. Отношение государственного (муниципального) долга региона к собственным доходам бюджета

Регион СЗФО	2007	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014	2015	Изм-е за 2007–2015 гг.
Республика Карелия	22,91	23,25	44,00	45,16	37,12	52,07	72,07	96,26	101,50	78,59
Псковская область	4,64	1,75	3,68	13,21	34,46	48,77	73,79	72,40	82,02	77,38
Вологодская область	4,86	3,82	39,44	52,78	67,04	70,66	81,13	82,02	78,16	73,30
Новгородская область	9,86	17,05	28,41	50,21	48,46	51,24	68,69	74,34	73,58	63,72
Калининградская область	31,30	30,71	54,81	67,50	72,99	63,83	71,74	69,49	71,12	39,82
Архангельская область	7,00	15,30	37,53	40,03	49,63	47,01	57,85	62,05	69,36	62,36
Республика Коми	10,46	8,25	20,17	16,49	19,22	21,73	35,81	52,33	59,00	48,54
Мурманская область	0,98	2,45	21,99	23,11	13,16	22,75	29,76	46,52	40,66	39,68
Ленинградская область	13,02	10,46	12,06	10,61	9,52	10,18	14,97	11,78	9,42	-3,60
г. Санкт-Петербург	2,10	0,12	0,73	2,36	2,60	6,39	5,01	3,64	3,48	1,38

Источники: данные Федерального казначейства и Министерства финансов РФ.

бюджетных кредитов установлена в размере 0,1% годовых), не позволяет решить проблему в корне [10]. Более того, по оценке рейтингового агентства «АКРА» [3], предоставление новых бюджетных кредитов будет постепенно сокращаться и заменяться рыночным долгом, что приведет к изменению его структуры и росту средневзвешенной ставки кредитного портфеля (а следовательно, и стоимости обслуживания долга) с текущих 9,2% до 10,8% к концу 2018 года. Это еще более усугубит риск неплатежеспособности регионов.

Апробация методических положений касательно оценки влияния бюджетных

рисков на устойчивость доходной базы консолидированных бюджетов регионов СЗФО показала, что в соответствии с качественной градацией уровня рисков в 2015 году к группе регионов с малым риском относились Республика Коми, г. Санкт-Петербург и Новгородская область. При этом Архангельская область на протяжении последних двух лет характеризовалась как регион с высоким риском. Остальные субъекты федерального округа относились к группе с умеренным риском. В целом его величина выросла за 2007–2015 гг. в среднем с 7% почти до 9% (табл. 10), что отражает актуальность управления бюджетными рисками.

Таблица 10. Интегральная оценка влияния бюджетных рисков на устойчивость доходной базы бюджетов регионов СЗФО

Регион СЗФО	2007 г.		2009 г.	2010 г.	2014 г.	2015 г.		Изм-е 2007–2015 гг.
	Знач-е, %	Хар-ка	Знач-е, %	Знач-е, %	Знач-е, %	Знач-е, %	Хар-ка	
Архангельская область	5,10	Умерен.	18,54	13,65	21,78	18,55	Высок.	▲
Мурманская область	6,47	Умерен.	2,96	9,39	5,46	14,98	Умерен.	▲
Калининградская область	3,94	Малый	7,25	6,32	11,84	13,72	Умерен.	▲
Ленинградская область	4,99	Малый	1,96	6,56	6,65	10,11	Умерен.	▲
Вологодская область	4,62	Малый	16,69	7,46	6,21	8,87	Умерен.	▲
Псковская область	4,68	Малый	3,65	4,36	13,49	7,34	Умерен.	▲
Республика Карелия	21,73	Высок.	11,69	14,83	5,77	5,95	Умерен.	▼
Новгородская область	2,11	Малый	4,85	6,81	14,86	4,76	Малый	▲
Республика Коми	3,58	Малый	6,08	11,78	7,26	3,86	Малый	▲
г. Санкт-Петербург	9,61	Умерен.	2,10	0,89	4,82	2,89	Малый	▼
Среднее по СЗФО	6,68	Умерен.	7,58	8,21	10,81	8,70	Умерен.	▲

В зарубежной практике управления бюджетными рисками наиболее распространены являются уклонение или отказ от риска (т.н. политика жестких фискальных ограничений, в том числе применение бюджетных правил и ограничений на допустимые объемы дефицита и заимствований), сокращение риска (использование в рамках бюджетного планирования консервативного прогноза социально-экономического развития), а также финансирование риска (например, путем создания резервных фондов, которые существуют в Канаде, США, ОАЭ и пр.) [22, 24, 25].

В России данную практику активно взяли на вооружение (за исключением использования консервативного варианта прогноза социально-экономического развития)⁵, однако использование большинства методов управления рисками общей теории риск-менеджмента в отечественной практике бюджетного процесса для регионов все еще ограничено.

Так, метод диверсификации применяется в основном только при управлении

рисками, возникающими в связи с размещением временно свободных денежных средств, и долговыми рисками. Методы хеджирования и страхования ограничены отсутствием необходимого правового обеспечения и угрозой возникновения ситуации перехода на более низкий уровень страховой защиты. Наиболее распространенными являются методы лимитирования и резервирования. Первый – встроен в бюджетный процесс (лимиты бюджетных обязательств и предельных объемов финансирования, ограничения предельного размера дефицитов, объема государственного (муниципального) долга и величины расходов на его обслуживание, а также иные ограничения, дифференцированные в зависимости от степени дотационности региона).

Второй же метод – резервирование применяется в рамках проведения контрциклической финансовой политики, согласно которой при составлении бюджета рекомендуется исходить из консервативных сценариев развития доходной базы, создавая региональные резервные фонды.

⁵ В РФ при бюджетном планировании используется базовый вариант прогноза социально-экономического развития.

Вместе с тем анализ регионального законодательства в отношении резервных фондов субъектов РФ (далее – РФСФ) свидетельствует об отсутствии единых подходов к их формированию, что негативно отражается на результативности их функционирования. Более того, возникает вопрос целесообразности их использования.

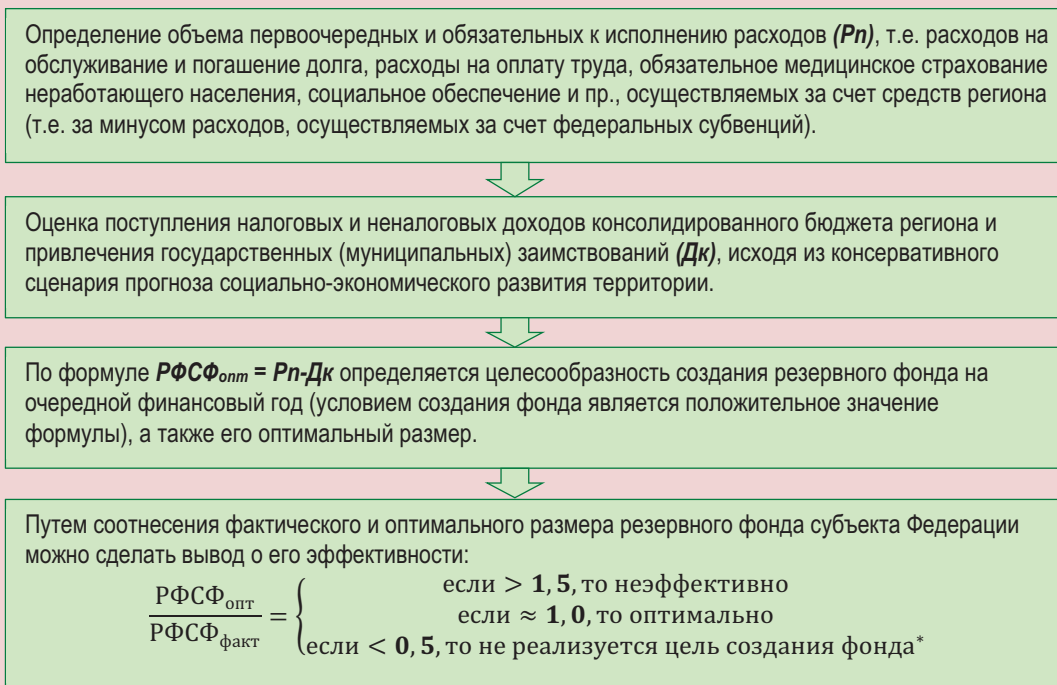
В свете этого резервного фонда субъектов РФ предлагаем использовать следующий алгоритм оценки целесообразности создания РФСФ (рис. 3).

В качестве источников их формирования должны использоваться только собственные средства региона – налоговые и неналоговые доходы, остатки средств на едином счете на начало очередного финансового года, не имеющие целевого

назначения, доходы от управления средствами резервного фонда.

Апробация разработанного алгоритма проведена на примере регионов СЗФО. Так, установлено, что в 2015 году создание резервного фонда было целесообразно в Республике Карелия, Архангельской, Калининградской и Псковской областях. Оптимальный размер зарезервированных средств должен был составить от 3,6 млрд. руб. (4,5% расходов) в Архангельской области до 14,9 млрд. руб. (21,5% расходов) в Калининградской области. Фактический объем резервных фондов регионов СЗФО в 2015 году был в кратном размере меньше рассчитанного оптимального значения. Наиболее внушительными резервами отличались Вологодская (4,6 млн. руб.) и

Рисунок 3. Алгоритм определения целесообразности создания резервного фонда субъекта РФ и установления его оптимального размера



* Согласно ст. 81.1 БК РФ, «резервный фонд субъекта РФ...предназначен для исполнения расходных обязательств субъекта РФ в случае недостаточности доходов бюджета субъекта РФ для финансового обеспечения расходных обязательств».

Таблица 11. Оценка целесообразности создания резервных фондов регионов СЗФО, а также определения их оптимального размера в 2015 году

Регион СЗФО	Рп, млрд. руб.	Дк, млрд. руб.	РФСФ опт		Вывод о целесообразности создания	РФСФ факт		Соотнесение РФСФ опт и РФСФ факт	Вывод об эффективности фонда
			млрд. руб.	%*		млн. руб.	%*		
Республика Карелия	35,4	31,02	4,38	11,76	Целесообразно	0,005	0,000	0,000	Не реализует цель
Республика Коми	92,06	98,41	х	х	Нецелесообразно	0,028	0,000	х	х
Архангельская область	110,7	107,1	3,60	4,53	Целесообразно	0,828	0,001	0,000	Не реализует цель
Вологодская область	57,57	59,84	х	х	Нецелесообразно	4,621	0,008	х	х
Калининградская область	61,12	46,20	14,91	21,53	Целесообразно	0,275	0,000	0,000	Не реализует цель
Ленинградская область	91,47	122,2	х	х	Нецелесообразно	0,050	0,000	х	х
Мурманская область	73,49	77,31	х	х	Нецелесообразно	0,000	0,000	х	х
Новгородская область	32,2	32,97	х	х	Нецелесообразно	0,090	0,000	х	х
Псковская область	32,93	28,96	3,98	14,11	Целесообразно	4,369	0,015	0,001	Не реализует цель
г. Санкт-Петербург	326,0	423,3	х	х	Нецелесообразно	0,201	0,000	х	х

* К расходам за вычетом расходов, осуществляемых за счет субвенций.
Источники: данные отчетности Федерального казначейства; расчеты авторов.

Псковская (4,4 млн. руб.) области. Однако даже в них доля расходов, которую могли бы покрыть данные средства в случае недополучения доходов и при неизменном объеме расходов, не превышала 0,02%. Исходя из соотношения фактического и оптимального объемов резервного фонда во всех субъектах СЗФО, можно констатировать, что цель их создания не реализована (табл. 11). Это еще раз подтверждает тот факт, что резервные фонды в настоящее время используются только для покрытия временных кассовых разрывов и в случаях возникновения чрезвычайных ситуаций.

Таким образом, разработанный алгоритм позволит финансовым подразделениям органов исполнительной власти регионов определять целесообразность создания и оптимальный размер резервных

фондов для снижения рисков, влияющих на доходную базу бюджетов субъектов Федерации.

Бесспорно, для того чтобы переломить закрепившийся устойчивый тренд роста бюджетных рисков, помимо разработанного нами дополнительного информационно-аналитического обеспечения управления ими (методический подход к оценке влияния бюджетных рисков на устойчивость доходной базы консолидированных бюджетов регионов) и совершенствования метода резервирования, необходимо следующее.

1. Дополнить законодательную основу управления рисками бюджетов (закрепление категории «бюджетный риск», основных механизмов управления рисками и их ограничителей и пр.).

2. Регулировать межбюджетные отношения:

– путем полного финансирования Федерацией делегированных регионам расходных обязательств;

– долгосрочного закрепления доходных источников по уровням бюджетной системы и основных элементов обязательных платежей, поступающих в региональные и местные бюджеты;

– закрепления полномочий в отношении возможности изменения только того доходного источника (или его доли), который закреплен (зачисляется) в соответствующем уровне бюджетной системы (по аналогии с опытом Канады и США);

– усиления стимулирующего характера трансфертов на развитие финансовой самостоятельности регионов (целесообразно рассмотреть и адаптировать в РФ опыт Бразилии и Индии, где при распределении среди регионов финансовой помощи из федерального центра учитываются также показатели экономического развития и усилий, предпринимаемых финансовыми органами исполнительной власти по развитию доходного потенциала территорий и сокращению задолженности по уплате обязательных платежей в бюджет);

– повышения общей согласованности бюджетной политики по всем уровням управления (по аналогии с ФРГ).

3. Усилить эффективность использования бюджетных средств, в том числе:

– сокращение правонарушений в бюджетной сфере;

– повышение эффективности использования государственных (муниципальных) заимствований (использование заемных средств в качестве инвестиционных ресурсов развития территорий по аналогии с зарубежными странами: например, ФРГ, США, Канада и пр. [23]).

4. Пролонгировать ранее выданные регионам бюджетные кредиты и постепенно рефинансировать их путем предоставления безвозмездной финансовой помощи из федерального центра и пр.

Только при ясном видении и оперативном комплексном решении проблем управления рисками появится возможность остановить рост бюджетных рисков, перейти к повышению устойчивости бюджетов регионов и укреплению бюджетной безопасности, что, бесспорно, положительно отразится на социально-экономическом развитии регионов.

Литература

1. Айвазов, А.А. Бюджетные риски и их влияние на финансовую устойчивость региона [Текст] / А.А. Айвазов // Аудит и финансовый анализ. – 2010. – № 1. – С. 325-327.
2. Аюпова, С.Г. Методологические аспекты прогнозирования бюджетных доходов с учетом оценки степени риска поступлений [Текст] / С.Г. Аюпова // Вестник ЧелГУ. – 2010. – № 6. – С. 81-85.
3. Возврат бюджетных кредитов вызовет рост стоимости долга и усилит неравенство среди регионов // официальный сайт рейтингового агентства «АКРА». – Режим доступа: <https://www.acra-ratings.ru/research/35>
4. Галухин, А.В. Устойчивость как базовый принцип ответственной бюджетной политики [Текст] / А.В. Галухин // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. – 2014. – № 2(32). – С. 225-238.
5. Гамукин, В.В. Бюджетные риски: введение в общую аксиоматику [Текст] / В.В. Гамукин // Terra Economicus. – 2013. – № 3. – С. 52-60.

6. Гамукин, В.В. Интегральная оценка бюджетных рисков [Текст] / В.В. Гамукин // Проблемы анализа риска. – 2016. – Т.3. – № 1. – 70-81.
7. Горохова, Д.В. Управление бюджетными рисками субъектов Российской Федерации на современном этапе управления государственными финансами [Текст] / Д.В. Горохова // Управление риском. – 2013. – № 1. – С. 22-27.
8. Государственная программа «Создание условий для эффективного и ответственного управления региональными и муниципальными финансами, повышения устойчивости бюджетов субъектов Российской Федерации» [Электронный ресурс] : постановление Правительства РФ от 15.04.2014 г. №310 // КонсультантПлюс (дата обращения: 10.08.2016).
9. Едророва, В.Н. Система показателей мониторинга устойчивости региональной финансовой системы [Текст] / В.Н. Едророва, А.А. Кавинов // Финансы и кредит. – 2005. – № 19. – С. 4-11.
10. Ильин, В.А. Эффективность государственного управления. 2000-2015. Противоречивые итоги – закономерный результат [Текст] : монография / В.А. Ильин, А.И. Поварова. – Вологда: ИСЭРТ РАН, 2016. – 304 с.
11. Мельник, Е.Д. Управление бюджетными рисками [Текст] / Е.Д. Мельник // Управление экономическими системами. – 2013. – № 5. – 220 с.
12. Подобрываев, С.В. Регулирование рисков в обеспечении финансовой устойчивости бюджетной системы субъекта Российской Федерации [Текст] : дис. ... канд. экон. наук: 08.00.10 / С.В. Подобрываев. – М., 2010. – 200 с.
13. Проблемы экономического роста территории [Текст]: монография / Т.В. Ускова, Е.В. Лукин, Т.В. Воронцова, Т.Г. Смирнова; под рук. Т.В. Усковой. – Вологда: Ин-т социально-экономического развития территорий РАН, 2013. – 170 с.
14. Сводный годовой доклад о ходе реализации и об оценке эффективности государственных программ Вологодской области за 2015 год [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://vologda-oblast.ru/upload/iblock/416/2>
15. Соломко, М.И. Оценка рисков бюджетного процесса: теоретический аспект [Текст] / М.И. Соломко, М.М. Соломко // Вестник ТОГУ. – 2011. – № 2(21). – С. 175-182.
16. Степанова, Е.А. Управление рисками изменения доходов территориальных бюджетов [Текст] : дис. ... канд. экон. наук: 08.00.10 / Е.А. Степанова. – Краснодар, 2011. – 181 с.
17. Тишутина, О.И. Методология и стратегия обеспечения устойчивости доходной базы бюджетов приграничных субъектов Российской Федерации [Текст] : дис. ... д-ра экон. наук: 08.00.10 / О.И. Тишутина. – Саратов, 2008. – 369 с.
18. Усков, И.В. Методологические подходы оценки угроз и рисков местных бюджетов [Текст] / И.В. Усков // Экономика и организация производства. – 2011. – № 1(9). – С. 44-53.
19. Ускова, Т.В. Управление финансовой устойчивостью доходной базы бюджетов регионов: теоретико-методологические аспекты [Текст] / Т.В. Ускова, А.В. Галухин // Проблемы развития территории. – 2015. – № 5(79). – С. 135-147.
20. Янов, В.В. Субстанция бюджетного риска: теоретико-методологические аспекты [Текст] / В.В. Янов // Финансы. – 2012. – № 6. – С. 96-101.
21. Яшина, Н.И. Методология управления территориальным бюджетом субъекта Российской Федерации [Текст] : дис... д-ра экон. наук: 08.00.10 / Н.И. Яшина. – Н. Новгород, 2004. – 457 с.
22. Allen Schick, eds. Government at Risk: Contingent Liabilities and Fiscal Risk / A. Schick // Washington: World Bank, and Oxford University Press. – 2002. – 32 с.
23. Marshall T. Bond market bites back // Euromoney. – 2002. – Dec. – Vol. 33, Issue 404.
24. Musgrave R. Public finance in theory and practice. – New York.: McGraw-Hill, 1984.
25. Sprinkle, G. The effort and risk-taking effects of budget-based contracts / G. Sprinkle, M. Williamson, D. Upton // Accounting, Organizations and Society. – 2008. – Vol. 8. – Pp. 436-452.

Сведения об авторах

Антон Викторович Галухин – младший научный сотрудник, Институт социально-экономического развития территорий Российской академии наук (160014, Россия, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а, antongalukhin@yandex.ru)

Тамара Витальевна Ускова – доктор экономических наук, доцент, заместитель директора по научной работе, заведующий отделом, Институт социально-экономического развития территорий Российской академии наук (160014, Россия, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а, tvu@vscc.ac.ru)

Galukhin A.V., Uskova T.V.

Improving the System of Management of Risks of the Income Base of Regions' Consolidated Budgets

Abstract. Budgetary risks of the Russian regions have been characterized by a sustained upward trend since the beginning of the 200–2009 crisis. This hinders the achievement of target indicators and fails to provide financial stability and sustainable socio-economic development of territories, which makes it important to search for solutions to the scientific issue of improving the system of management of risks affecting the income base of regions' consolidated budgets. It is necessary that the authorities made timely management decisions aimed at minimizing the impact of negative risk-contributing factors on public finances of the constituent entities of the Russian Federation. Informational and analytical basis of such operational decisions may include methodological tools of assessment of the impact of budgetary risks on the sustainability of the regional budgets' income base. However, such tool is currently missing. The novelty of the research lies in the fact that the authors have proven that when assessing budgetary risks, principles of comprehensiveness and objectivity need to be complied with, these principles imply the consideration of the risk of failure to perform the budget, the risk of imbalance and the risk expenditure non-implementation in connection with the repayment of the region's debt. Moreover, the authors suggest a gradation of the level of budgetary risks based on a hierarchy of groups of budget expenditures which can be reduced with minimal impact on the socio-economic development of territories. The results of testing the proposed methodological tools conducted in the constituent entities of the Northwestern Federal district have demonstrated an increase in the integral quantity of budgetary risks destabilizing the income base of regional budgets. The greatest risk is currently generated in the management of regions' public (municipal) debt. In order to improve the management and mitigate budgetary risks, the authors have proposed an algorithm for determining the feasibility of establishing a reserve fund of a constituent entity of the Federation and establishment of its optimal amount. It has been revealed that reserves funds in all regions of the Northwestern Federal district in 2015 were many times less than the optimal amount; this made it impossible to perform the basic function of this tool of budgetary risk management. The proposed algorithm and tools for assessing the impact of budgetary risks on the sustainability of the income base of the regions' consolidated budgets can be used by the regions' financial bodies of executive power for improving the efficiency and effectiveness of budget management as a part of its informational and analytical support.

Key words: consolidated regional budgets, budgetary risk, income base, budget sustainability, methodological tools for evaluation, reserve funds.

References

1. Aivazov A.A. Byudzhetye riski i ikh vliyaniye na finansovuyu ustoichivost' regiona [Budgetary risks and their influence on financial stability of region]. *Audit i finansovyy analiz* [Auditing and financial analysis], 2010, no. 1, pp. 325-327. (In Russian)
2. Ayupova S.G. Metodologicheskie aspekty prognozirovaniya byudzhetykh dokhodov s uchetom otsenki stepeni riska postuplenii [Methodological aspects of forecasting budget revenues adjusted for evaluation of the degree of risks]. *Vestnik ChelGU* [Bulletin of Chelyabinsk State University], 2010, no. 6, pp. 81-85. (In Russian)
3. *Vozyrat byudzhetykh kreditov vyzovet rost stoimosti dolga i usilit neravenstvo sredi regionov: ofitsial'nyi sait reitingovogo agentstva "AKRA"* [Returns of public budget loans will cause an increase in the debt value and exacerbate regional inequalities: official website of AKRA rating agency]. Available at: <https://www.acra-ratings.ru/research/35>. (In Russian)
4. Galukhin A.V. Ustoichivost' kak bazovyy printsip otvetstvennoi byudzhetnoi politiki [Sustainability as the basic principle of responsible budgetary policy]. *Ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny: fakty, tendentsii, prognoz* [Economic and social changes: facts, trends, forecast], 2014, no. 2(32), pp. 225-238. (In Russian)
5. Gamukin V.V. Byudzhetye riski: vvedeniye v obshchuyu aksiomatiku [Budgetary risks: introduction in the general axiomatics]. *Terra Economicus*, 2013, no. 3, pp. 52-60. (In Russian)
6. Gamukin V.V. Integral'naya otsenka byudzhetykh riskov [Integral estimation of budgetary risks]. *Problemy analiza riska* [Issues of risk analysis], 2016, volume 3, no. 1, pp. 70-81. (In Russian)
7. Gorokhova D.V. Upravleniye byudzhetnymi riskami sub"ektov Rossiiskoi Federatsii na sovremennom etape upravleniya gosudarstvennymi finansami [Budget risk management of the subjects of the Russian Federation at the modern stage of public finance management]. *Upravleniye riskom* [Risk management], 2013, no. 1, pp. 22-27. (In Russian)
8. Gosudarstvennaya programma "Sozdaniye uslovii dlya effektivnogo i otvetstvennogo upravleniya regional'nymi i munitsipal'nymi finansami, povysheniya ustoichivosti byudzhetrov sub"ektov Rossiiskoi Federatsii": postanovleniye Pravitel'stva RF ot 15.04.2014 g. no. 310 [State program "Creating conditions for efficient and responsible management of regional and municipal finances, enhancing the sustainability of budgets of the RF constituent entities": Government Decision no. 310, dated April 15th, 2014]. *Konsul'tantPlyus* [ConsultantPlus]. (Accessed: August 10th, 2016).
9. Edronova V.N., Kavinov A.A. Sistema pokazatelei monitoringa ustoichivosti regional'noi finansovoi sistemy [System of indicators of monitoring the sustainability of the regional financial system]. *Finansy i kredit* [Finance and credit], 2005, no. 19, pp. 4-11. (In Russian)
10. Ilyin V.A., Povarova A.I. *Effektivnost' gosudarstvennogo upravleniya. 2000-2015. Protivorechivyye itogi – zakonomernyy rezul'tat: monografiya* [Public administration effectiveness, 2000–2015. Contradictory outcome – natural result: monograph]. Vologda: ISERT RAN, 2016. 304 p. (In Russian)
11. Mel'nik E.D. Upravleniye byudzhetnymi riskami []. *Upravleniye ekonomicheskimi sistemami* [Management of fiscal risks], 2013, no. 5, 220 pp. (In Russian)
12. Podobryaev S.V. *Regulirovaniye riskov v obespechenii finansovoi ustoichivosti byudzhetnoi sistemy sub"ekta Rossiiskoi Federatsii: dis. ... kand. ekon. nauk: 08.00.10* [Regulation of risks of financial sustainability of the budgetary system of an RF constituent entity: Ph.D. in Economics dissertation abstract: 08.00.10]. Moscow, 2010. 200 p. (In Russian)
13. Uskova T.V., Lukin E.V., Vorontsova T.V., Smirnova T.G. *Problemy ekonomicheskogo rosta territorii: monografiya* [Issues of territories' economic growth]. Vologda: In-t sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiya territorii RAN, 2013. 170 p. (In Russian)
14. *Svodnyi godovoi doklad o khode realizatsii i ob otsenke effektivnosti gosudarstvennykh programm Vologodskoi oblasti za 2015 god* [Consolidated annual report on the progress in the implementation and evaluation of state programs effectiveness in the Vologda Oblast for 2015]. Available at: <http://vologda-oblast.ru/upload/iblock/416/2>. (In Russian)
15. Solomko M.I., Solomko M.M. Otsenka riskov byudzhetnogo protsessa: teoreticheskii aspekt [Risk assessment of budgetary process: theoretical aspect]. *Vestnik TOGU* [Bulletin of PNU], 2011, no. 2(21), pp. 175-182. (In Russian)
16. Stepanova E.A. *Upravleniye riskami izmeneniya dokhodov territorial'nykh byudzhetrov: dis. ... kand. ekon. nauk: 08.00.10* [Risk management of changes in local budget income: Ph.D. in Economics dissertation: 08.00.10]. Krasnodar, 2011. 181 p. (In Russian)

17. Tishutina O.I. *Metodologiya i strategiya obespecheniya ustoichivosti dokhodnoi bazy byudzhetrov prigranichnykh sub"ektov Rossiiskoi Federatsii: dis. ... d-ra ekon. nauk: 08.00.10* [Methodology and strategy of ensuring income base sustainability of budgets of border constituent entities of the Russian Federation: Doctor of Economics dissertation: 08.00.10]. Saratov, 2008. 369 p. (In Russian)
18. Uskov I.V. Metodologicheskie podkhody otsenki ugroz i riskov mestnykh byudzhetrov [Methodological approaches to assessing the threats and risks of local budgets]. *Ekonomika i organizatsiya proizvodstva* [Economics and production management], 2011, no. 1(9), pp. 44-53. (In Russian)
19. Uskova T.V., Galukhin A.V. Upravlenie finansovoi ustoichivost'yu dokhodnoi bazy byudzhetrov regionov: teoretiko-metodologicheskie aspekty [Management of financial stability of the revenue base of regional budgets: theoretical and methodological aspects]. *Problemy razvitiya territorii* [Problems of territory's development], 2015, no. 5(79), pp. 135-147. (In Russian)
20. Yanov V.V. Substantsiya byudzhethnogo riska: teoretiko-metodologicheskie aspekty [The nature of budgetary risk: theoretical and methodological aspects]. *Finansy* [Finance], 2012, no. 6, pp. 96-101. (In Russian)
21. Yashina N.I. *Metodologiya upravleniya territorial'nym byudzhedom sub"ekta Rossiiskoi Federatsii: dis... d-ra ekon. nauk: 08.00.10* [Methodology of local budget management of a constituent entity of the Russian Federation: Doctor of Economics dissertation: 08.00.10]. Nizhny Novgorod, 2004. 457 p. (In Russian)
22. Allen Schick (Ed.). *Government at Risk: Contingent Liabilities and Fiscal Risk*. Washington: World Bank, and Oxford University Press – 2002. 32 p.
23. Marshall T. Bond market bites back. *Euromoney*, 2002, volume 33, issue 404.
24. Musgrave R. *Public finance in theory and practice*, New York: McGraw-Hill, 1984.
25. Sprinkle G., Williamson M., Upton D. The effort and risk-taking effects of budget-based contracts. *Accounting, Organizations and Society*, 2008, volume 8, pp. 436-452.

Information about the Authors

Anton Viktorovich Galukhin – Junior Research Associate, Federal Budgetary Scientific Institution Institute of Socio-Economic Development of Territories of the Russian Academy of Sciences (56A, Gorky Street, Vologda, 160014, Russian Federation, antongalukhin@yandex.ru)

Tamara Vital'evna Uskova – Doctor of Economics, Associate Professor, Deputy Director for Science, Head of the Department, Federal Budgetary Scientific Institution Institute of Socio-Economic Development of Territories of the Russian Academy of Sciences (56A, Gorky Street, Vologda, 160014, Russian Federation, tvu@vscc.ac.ru)

Статья поступила 30.09.2016.

DOI: 10.15838/esc.2016.6.48.10

УДК 336.1, ББК 65.9

© Игонина Л.Л., Мамонова И.В., Сулейманов М.М.

Оценка эффективности стимулирующих налоговых льгот в системе управления региональными финансами*



Людмила Лазаревна

ИГОНИНА

доктор экономических наук

Финансовый университет при Правительстве РФ

350051, Россия, г. Краснодар, шоссе Нефтяников/ул. им. Федора Лузана, 32/34

fefnews@mail.ru



Ирина Владимировна

МАМОНОВА

кандидат экономических наук

Финансовый университет при Правительстве РФ

350051, Россия, г. Краснодар, шоссе Нефтяников/ул. им. Федора Лузана, 32/34

i-mamonova@mail.ru



Магомед Магомедович

СУЛЕЙМАНОВ

кандидат экономических наук

Дагестанский государственный университет

367000, Россия, г. Махачкала, ул. М. Гаджиева, д. 43

fefnews@mail.ru

* Статья опубликована в рамках государственного задания Министерства образования и науки РФ № 26.15.69.2014К по теме исследования: «Налоговый механизм как инструмент регулирования межрегиональной социально-экономической дифференциации на современном этапе».

Для цитирования: Игонина, Л.Л. Оценка эффективности стимулирующих налоговых льгот в системе управления региональными финансами / Л.Л. Игонина, И.В. Мамонова, М.М. Сулейманов // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. – 2016. – № 6. – С. 180-192. DOI: 10.15838/esc.2016.6.48.10

For citation: Igonina L.L., Mamonova I.V., Suleimanov M.M. Assessing the efficiency of tax incentives in the system for managing regional finances. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 2016, no. 6, pp. 180-192. DOI: 10.15838/esc.2016.6.48.10

Аннотация. В статье проведен анализ существующих методик оценки эффективности стимулирующих налоговых льгот в системе управления региональными финансами, выявлены их преимущества и недостатки. Установлены основные условия, определяющие эффективность налоговых льгот на региональном уровне. Доказано, что оценка эффективности стимулирующих налоговых льгот должна быть нацелена, во-первых, на выявление взаимосвязи между суммами выпадающих доходов и теми реальными экономическими выгодами для государства и налогоплательщиков, которые они влекут за собой, во-вторых, на определение степени корреляции такой взаимосвязи, в-третьих, на принятие вытекающих из анализа решений в отношении пролонгации льготы, ее корректировки или возможной отмены. Обоснован вывод о том, что оценку эффективности налоговых льгот следует проводить по трем критериям: бюджетным, экономическим и социальным. При этом анализ эффективности стимулирующих налоговых льгот регионального уровня необходимо выполнить в несколько этапов: расчет коэффициентов бюджетной, экономической и социальной эффективности; определение интегрального коэффициента, отражающего общую оценку эффективности налоговой льготы; принятие на основе проведенных расчетов решения в отношении целесообразности введения или дальнейшего использования льготы. На базе проведенного исследования предлагается методика оценки эффективности налоговых льгот, основанная на систематизации совокупности измерителей в разрезе структурных детерминант и расчете интегрального коэффициента, что, в отличие от имеющихся методик, позволяет дать интегральную и структурированную по ключевым блокам оценку эффективности налоговых льгот на субфедеральном уровне и определить бюджетные, экономические и социальные последствия предоставления налоговых льгот. Кроме того, предлагаемая методика дает возможность оценить эффективность применения стимулирующих льгот на региональном уровне в динамике с учетом наиболее существенных критериев, влияющих на состав и структуру бюджета, экономические показатели налогоплательщиков, значимые социально-экономические показатели региона. Наличие итогового интегрального показателя позволяет органам законодательной и исполнительной власти реализовать обоснованные решения по отношению к существующим льготам, направленные на развитие инвестиционного и инновационного вектора субнационального уровня.

Ключевые слова: стимулирующие налоговые льготы, оценка эффективности, критерии, региональные финансы, интегральный показатель, выпадающие доходы, налоговое администрирование, индекс-дефлятор, алгоритм, доходы бюджета.

Задачи возобновления устойчивого роста российской экономики в условиях существенных бюджетных ограничений, инициированных кризисными процессами, определяют особую значимость наращивания бюджетных доходов и оптимизации бюджетных расходов [4, с. 118], что актуализирует проблему оценки эффективности стимулирующих налоговых льгот. Последние выступают тем инструментом, который при оптималь-

ном использовании может служить действенным катализатором экономического роста. Вместе с тем их применение в краткосрочном периоде может привести к существенному сокращению бюджетных доходов. Так, выпадающие в результате предоставления налоговых льгот доходы консолидированных бюджетов субъектов Федерации в 2014 г. превысили 400 млрд. руб., в том числе по налогу на прибыль — 152,2 млрд. рублей¹.

¹ Отчеты о налоговой базе и структуре начислений по налогам и сборам // Официальный сайт Федеральной налоговой службы. — URL: http://www.nalog.ru/rn77/related_activities/statistics_and_analytics/forms/.

Исходя из этого к применению налоговых льгот следует относиться с осторожностью и тщательностью. Оптимальные решения здесь связаны с предоставлением наиболее эффективных налоговых льгот с одновременным анализом качества экономической обоснованности уже существующих льгот, а также совершенствованием налогового администрирования, которое в начальном периоде их применения могло бы восполнить выпадающие доходы бюджета [1, с. 112; 10, с. 124].

В российской налоговой практике к налоговым полномочиям в области законотворчества на региональном и местном уровнях относят:

- введение ставок по налогам в пределах, установленных федеральным законодательством;
- установление порядка и сроков уплаты налогов;
- отражение особенностей определения налоговой базы в установленных законом случаях;
- введение налоговых льгот и порядок их применения.

Федеральные льготы устанавливаются на федеральном уровне и их перечень не дублируется в региональных законах по налогам, а также в нормативных актах органов местного самоуправления, вводящих местные налоги. Законодательные власти регионального и местного уровня самостоятельно вводят льготы, которые могут использоваться на их территории [2, с. 383; 14, с. 737-768].

Состав налоговых льгот, сфера их применения и условия предоставления не ограничиваются никакими нормативными актами, следовательно, для оптимального использования налоговых льгот необходима разработка экономически обоснованных методов оценки их эффективности.

Основными условиями, определяющими эффективность оценки эффективности налоговых льгот, являются:

- установление перечня государственных органов, которым должна быть вменена обязанность проведения оценки эффективности налоговых льгот на региональном уровне;
- доступность для этих органов информационной базы о количественных показателях, имеющих отношение к льготам;
- наличие обоснованного набора показателей, максимально отражающих эффективность налоговых льгот и их нормативное значение;
- формирование нормативной базы, регламентирующей порядок проведения оценки, ее периодичность, алгоритм принятия мер по результатам оценки [17, с. 35].

Устанавливая параметры оценки эффективности налоговых льгот, следует учитывать, что особенности льготы как элемента налога состоят в ее многозначности, определяемой теми целями, для которых она используется [12, с. 75; 15, с. 320].

Так, льготы социального характера, которые используются в налоговой практике, в своей основе являются невосполнимыми потерями для бюджета, поскольку они ориентированы на достижение целей социального характера. Возможности их предоставления, суммарная величина, количество налогоплательщиков, для которых они предназначены, в большей степени определяются тем объемом финансовых ресурсов, которым государство может «пожертвовать» в том или ином случае. К ним относятся, например, стандартные, социальные, имущественные вычеты по НДФЛ, льготы для социально незащищенных категорий лиц по земельному, транспортному, налогу на имущество физических лиц [18, с. 2].

Иной характер носят льготы стимулирующего характера. Цель их введения — ориентация хозяйствующих субъектов на развитие деятельности в направлении, которое на данный конкретный момент времени является наиболее приоритетным для государства [11, с. 596-617; 17, с. 35]. Стимулирующие льготы в отличие от социальных, как правило, носят инвестиционный или инновационный характер, имеют временной лаг и предполагают вполне реальную и ощутимую отдачу в виде дальнейшего расширения налоговой базы, пополнения бюджетов всех уровней на этой основе, увеличения количества рабочих мест, количества добытых полезных ископаемых, повышения энергоэффективности производства [13, с. 320-340]. Одновременно наличие таких льгот позволяет в наибольшей степени согласовывать интересы государства и налогоплательщика, что, в свою очередь, представляет один из факторов, позволяющих реализовать фундаментальные принципы налогообложения.

Механизмы применения стимулирующих льгот могут быть самыми разнообразными: это и применение пониженных ставок, и сокращение объекта налогообложения, и вывод из-под налогообложения части налоговой базы, использование повышающих коэффициентов [9, с. 18]. Примером могут служить льготы для организаций, реализующих инвестиционные проекты, или для кредитных организаций, предоставляющих кредиты в инвестиционных целях [8, с. 85; 16, с. 1500]. Введение и использование стимулирующих льгот нацелено на экономический рост, развитие и модернизацию производства, совершенствование отраслевой структуры народного хозяйства, создание необходимых объектов инфраструктуры [3, с. 57; 19, с. 13]. Аналитические расчеты по определению эффектив-

ности существующих налоговых льгот ведутся не во всех субъектах РФ, но даже там, где такие расчеты проводятся, они не носят системного и унифицированного характера по причине отсутствия единой методики расчета. Несмотря на общее и довольно внушительное количество льгот в РФ, рост инвестиционной активности остается неудовлетворительным [5, с. 242; 6, с. 270; 7, с. 34; 20, с. 21].

Оценка эффективности стимулирующих налоговых льгот должна быть нацелена, во-первых, на выявление взаимосвязи между суммами выпадающих доходов и теми реальными экономическими выгодами для государства и налогоплательщиков, которые они влекут за собой, во-вторых, на определение степени корреляции такой взаимосвязи, в-третьих, на принятие вытекающих из анализа решений в отношении пролонгации льготы, ее корректировки или возможной отмены. В целом можно констатировать, что оценка эффективности налоговых льгот обычно проводится по трем критериям: бюджетным, экономическим и социальным; объектами оценки соответственно являются бюджетные, экономические и социальные последствия предоставления налоговых льгот. Такой подход позволяет максимально учесть интересы как государства, так и налогоплательщиков. Содержание критериев и параметры оценки их эффективности приведены на *рисунке 1*.

В условиях существующих финансовых ограничений наиболее важной является оценка эффективности стимулирующих налоговых механизмов по всем критериям, поскольку методика оценки стимулирующих льгот должна учитывать не только фискальные интересы бюджета региона, но и интересы хозяйствующих субъектов и физических лиц. Целевой вектор направленности оценки налоговых льгот представлен на *рисунке 2*.

Рисунок 1. Критерии эффективности налоговых льгот и параметры их оценки

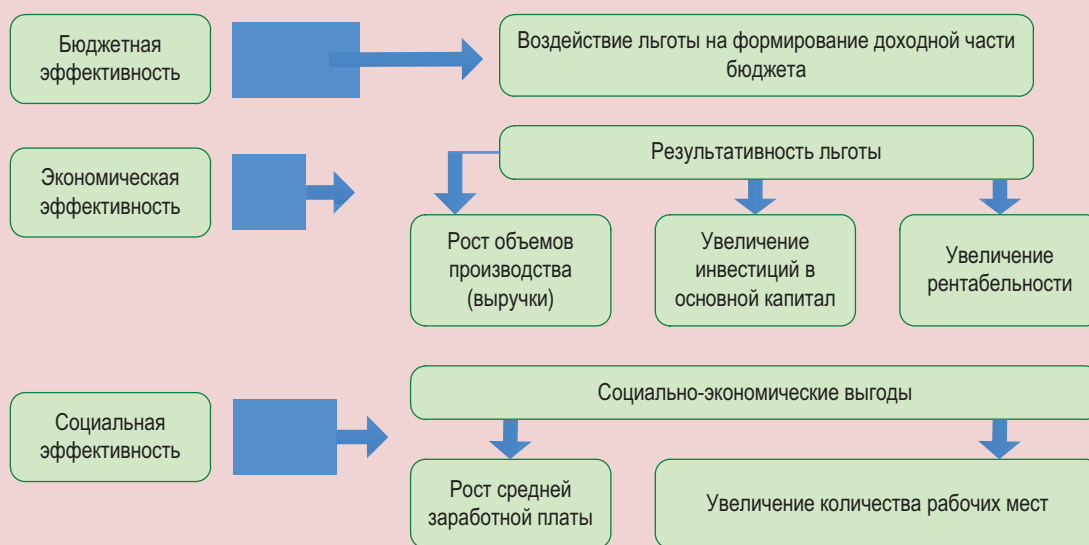
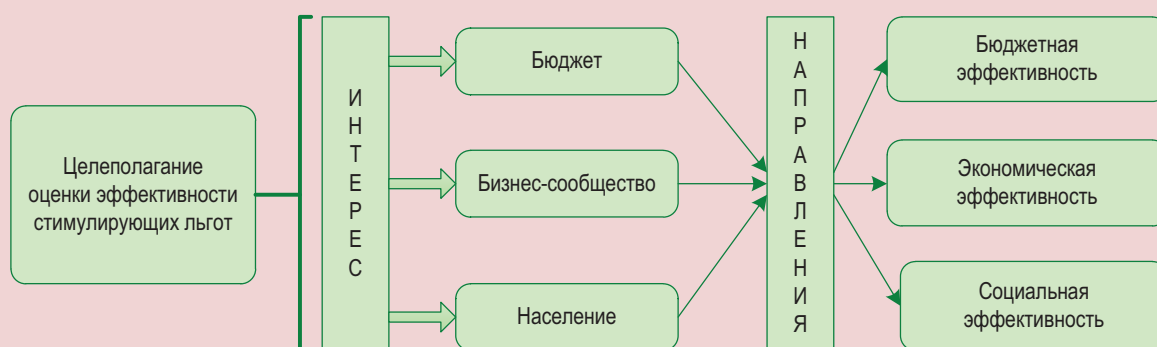


Рисунок 2. Целевое пространство оценки стимулирующих налоговых льгот на региональном уровне



Оценку эффективности стимулирующих налоговых льгот регионального уровня следует проводить в несколько этапов:

- 1) расчет коэффициентов бюджетной, экономической и социальной эффективности;
- 2) определение интегрального коэффициента, отражающего общую оценку эффективности налоговой льготы;
- 3) принятие на основе проведенных расчетов решения в отношении целесообразности введения или дальнейшего использования льготы.

Оценка бюджетной эффективности налоговой льготы предполагает соотношение прироста поступлений в бюджет и выпадающих доходов. Проблема состоит в том, что отдача от введения льготы будет проявляться не сразу, что требует отслеживания бюджетной эффективности той или иной льготы в динамике в течение нескольких налоговых периодов. Следовательно, при расчете показателя необходимо корректировать его величину на уровень инфляции для того, чтобы данные были сопоставимыми.

В качестве критерия бюджетной эффективности предлагается использовать коэффициент бюджетной эффективности, который отражает отношение изменений от поступления данного конкретного налога в анализируемом периоде по сравнению с предшествующим годом, скорректированным на индекс-дефлятор ВРП (валового регионального продукта) к выпадающим доходам бюджета в анализируемом году:

$$K_{\text{бэф}} = \frac{H_t - H_{t-1} \times \frac{I_t}{100}}{ВД_t};$$

где H_t – поступления от данного налога в исследуемом году;

H_{t-1} – поступления от данного налога в предыдущем году;

I_t – индекс-дефлятор ВРП в данном регионе в исследуемом году;

$ВД_t$ – выпадающие доходы бюджета вследствие предоставления льготы в исследуемом году.

При анализе важным является не только рассчитанное соотношение, но и его динамика, которая за период предоставления льготы должна улучшаться, отражая рост результативности от ее введения, что следует учесть при формировании балльной оценки по коэффициенту бюджетной эффективности. Отсутствие положительной динамики будет свидетельствовать о неэффективности льготы.

Коэффициенту бюджетной эффективности присваивается значение 0; 0,5 или 1 в зависимости от следующих параметров:

– если $K_{\text{бэф}} > 1$ и при этом имеет положительную динамику, то коэффициенту присваивается 1 балл (из расчета 0,5 балла за каждый фактор);

– если $K_{\text{бэф}} > 1$, но при этом имеет отрицательную динамику, то коэффициенту присваивается 0,5 балла;

– если $K_{\text{бэф}} < 1$, но при этом имеет положительную динамику, то коэффициенту присваивается 0,5 балла;

– если $K_{\text{бэф}} < 1$ и при этом имеет отрицательную динамику, то коэффициенту присваивается 0 баллов.

В качестве критерия экономической эффективности предлагается использовать темпы роста таких основополагающих экономических показателей финансово-хозяйственной деятельности, как объем производства (выручка), инвестиции в основной капитал, рентабельность продаж именно той категории налогоплательщиков, которой предоставляется льгота, в сравнении с остальными плательщиками данного налога. В зависимости от того, по какому именно налогу рассчитывается экономическая эффективность льготы, состав показателей можно варьировать. Например, для налога на имущество организаций рационально учесть инвестиции в основной капитал, для налога на прибыль – валовую прибыль.

После расчета темпов роста выбранных показателей необходимо присвоить каждому из них значение от 0 до 1 по следующему правилу:

– если темп роста показателя, рассчитанного для льготной группы налогоплательщиков превышает темп роста данного показателя для остальных налогоплательщиков, то показателю присваивается значение 1;

– если темп роста показателя, рассчитанного для льготной группы налогоплательщиков, ниже темпа роста данного показателя для остальных налогоплательщиков, то показателю присваивается значение 0.

Затем предлагается рассчитать общий коэффициент экономической эффективности исходя из значений, присвоенных трем показателям, путем вычисления

простой средней арифметической (в случае если все показатели принимаются в равной степени репрезентативными) либо взвешенной средней арифметической (в случае если показатели возможно классифицировать по степени репрезентативности).

Для простой средней арифметической:

$$K_{эф} = \frac{\sum_{i=1}^n P_i}{n},$$

где P_i – присвоенное значение анализируемого показателя;

n – количество показателей.

Для взвешенной средней арифметической:

$$K_{эф} = \sum_{i=1}^n P_i \times w_i,$$

где P_i – присвоенное значение анализируемого показателя;

n – количество показателей;

w_i – вес анализируемого показателя P_i .

Оценку критерия социальной эффективности льготы предлагается проводить по аналогии с анализом экономической эффективности. Для оценки социальной эффективности следует сравнить темпы роста таких показателей, как средняя заработная плата и количество рабочих мест на предприятиях, применяющих льготу с показателями, средними по региону. Показатель заработной платы требует индексации исходя из законодательно установленного уровня минимальной заработной платы.

Далее показателям необходимо присвоить значение от 0 до 1 по схеме, описанной выше (применяемой для оценки экономической эффективности), а затем рассчитать общий коэффициент

социальной эффективности, используя простую или взвешенную среднюю арифметическую.

На следующем этапе оценки льготы производится расчет интегрального показателя эффективности с учетом веса каждого показателя.

По нашему мнению, наличие трех критериев эффективности (бюджетной, экономической и социальной) предполагает формирование интегрального коэффициента, учитывающего общий эффект от применения той или иной льготы:

$$I_{эф} = \sum_{i=1}^n K_i \times S_i,$$

где $I_{эф}$ – интегральный коэффициент эффективности стимулирующей региональной льготы;

K_i – величина соответствующего критерия бюджетной, экономической или социальной эффективности;

S_i – коэффициент значимости данного критерия.

Уровень корреляции каждого из критериев по отношению к той или иной льготе достаточно сильно дифференцирован, следовательно, этот факт необходимо учесть при установлении коэффициента значимости. Наиболее тесная корреляция будет у коэффициента бюджетной эффективности, поскольку наличие льготы определённо влияет на бюджет; к тому же в силу той информации, которая имеется у государственных органов, практически всегда налогоплательщики, пользующиеся льготами, отражают величину выпадающих доходов в налоговых декларациях. Понятие налоговой тайны, имеющееся в налоговом законодательстве, в данном случае предполагает запрет на раскрытие информации в отношении конкретных

налогоплательщиков, но не запрещает обобщать эти данные и пользоваться ими в общегосударственных целях.

В отношении коэффициента экономической эффективности связь является менее выраженной, поскольку на изменение выручки, прибыли, инвестиций в основной капитал, рентабельности могут воздействовать и другие факторы как внешнего, так и внутреннего характера, отражающие особенности финансово-хозяйственной детальности хозяйствующего субъекта. Самая слабая степень корреляции будет наблюдаться у критериев социальной эффективности, следовательно, и коэффициент значимости данного критерия будет самым низким. Предлагаемые весовые значения применительно к коэффициентам составят: 0,6 – для бюджетной эффективности, 0,3 – для экономической и 0,1 – для социальной. Минимальный контрольный временной период, по истечении которого следует принимать решение в отношении льготы, составляет три года.

Алгоритм принятия решений будет зависеть от рейтинга льготы.

Можно выделить три варианта действий органов власти:

- пролонгация действия льготы;
- корректировка льготы;
- отмена льготы.

Поскольку в результате расчетов, при наличии максимальной эффективности по всем трем показателям, интегральный коэффициент стимулирующей льготы будет равен 1 баллу, рекомендуемый рейтинг можно составить следующим образом:

$1 \leq I \leq 0,7$ – высокий рейтинг, льгота подлежит дальнейшему применению;

$0,7 < I \leq 0,4$ – средний рейтинг, льгота подлежит корректировке;

$0,4 < I = 0$ – низкий рейтинг, льгота подлежит отмене.

В настоящее время многие регионы имеют собственные методики оценки эффективности налоговых льгот, при этом каждый из них формирует свою систему критериев. Данные методики различаются по набору показателей, порядку их расчета, нормативным показателям, учету тех или иных льгот, наличию или отсутствию интегрального показателя и др.

Большинство регионов и муниципальных образований формируют свою систему критериев эффективности на основе абсолютных и относительных показателей.

В *таблице* отражены некоторые коэффициенты бюджетной эффективности, используемые в различных регионах и местных органах самоуправления в России.

В некоторых регионах устанавливаются не только обобщенные критерии, но и критерии индивидуального характера для налогоплательщиков, занимающихся инновационной, инвестиционной деятельностью, сельским хозяйством, охраной окружающей среды, деятельностью в сфере образования, здравоохранения. В отдельных субъектах РФ устанавливаются дифференцированные критерии для бюджетных, казенных и автономных учреждений, некоммерческих организаций, органов государственной власти. Однако анализ имеющихся методик оценки эффективности налоговых льгот показывает, что единые методические подходы к расчету эффективности, которые позволили бы принимать решения о необходимости введения или применения льготы, отсутствуют, что определяет необходимость их установления.

Критерии бюджетной эффективности, используемые на региональном и местном уровне в РФ

Абсолютные показатели бюджетной эффективности (эффект)		
Формула	Содержание	Правовая основа
$B_{эфф} = НП_{ф} - НП_{п} - \text{SUM Нл}$	Разница между фактическими и плановыми поступлениями в бюджет, уменьшенными на величину налоговых льгот	Постановление Городской управы г. Калуги от 30.09.2011 № 222-п
$B_{эфф} = \text{SUM Нуп} - \text{SUM Л}$	Разница между суммой уплаченных налогов и суммой налоговых льгот по категориям налогоплательщиков	Постановление главы администрации городского поселения г. Кременки (Калужская обл.) от 20.09.2011 № 87-п
$B_{эфф} = ((НБ_{пл} \times НС_{пл}) - (НБ_{тек} \times НС_{тек})) + (T_{пл} - T_{тек}) \cdot ДС \cdot E + \text{Э}$	Разница между налогами в плановом и текущем периоде с учетом предоставленных льгот, с учетом роста НДС и снижения расходов бюджета	Постановление Администрации города Мурманска от 23.05.2011 № 851
$B_{эф} = (Дб + \text{Эбс})Кд + Са$	Дополнительные налоговые поступления и экономия бюджетных средств с учетом коэффициента дисконтирования и увеличение стоимости активов бюджета	Постановление мэра города Южно-Сахалинска от 24.07.2007 № 1460
Относительные показатели бюджетной эффективности		
$K_{бэф} = НП_{прир} / \text{Бпот}$	Отношение прироста налоговых поступлений к потерям бюджета от предоставления льготы	Постановление Городской управы г. Калуги от 30.09.2011 № 222-п
$K_{бэфкат} = \sum \text{налотч} / \sum \text{налпред}$	Отношение суммы налогов, уплаченных за отчетный период, к сумме налогов, уплаченных за предыдущий период, по категориям налогоплательщиков	Постановление Правительства Удмуртской Республики от 30.06.2008 № 161 (ред. от 21.12.2009)
$K_{бэф} = (\sum \text{налотч} / \sum \text{налпред}) : \sum \text{нальгот}$	Отношение суммы налогов, уплаченных за отчетный период, к сумме налогов, уплаченных за предыдущий период, по категориям налогоплательщиков, делённое на сумму предоставляемых льгот	Постановление администрации Тульской области от 27.06.2007 № 294 (ред. от 31.10.2011)
$K_{бэф} = \frac{ПД_i + \text{ЭР}_i}{ПНЛ_i}$	Изменение суммы объема поступающих в бюджет налогов и исходящих бюджетных расходов к сумме налоговых льгот	Постановление Правительства Ивановской области от 25.06.2008 № 150-п (ред. от 21.03.2012)
$K_{бэф} = P_{\text{эсп}} / P_{\text{экпальтернат}}$	Отношение экспертной оценки расходов бюджета на организацию предоставления налоговой льготы к экспертной оценке расходов бюджета на организацию альтернативной поддержки налогоплательщиков	Постановление Городской управы г. Калуги от 30.09.2011 № 222-п
$K_{бэф} = \frac{СН_{т}}{СН_{п}} + \frac{БФ - БФ_{снп}}{РО - РО_{снп}}$	Отношение налогов за отчетный период к предыдущему году плюс отношение разницы между бюджетным финансированием и расходами налогоплательщиков при условии/отсутствии льготы	Постановление Губернатора Владимирской обл. от 16.07.2009 № 581
$K_{бэф} = (\Delta Н \cdot X1 + \Delta Т \cdot X2 + \text{Э}) / \sum \text{потери бюдж}$	Отношение суммы увеличения налогов и расходов бюджета к сумме потерь бюджета по каждому налогу	Постановление администрации Партизанского муниципального района Приморского края от 12.08.2011 № 366
$K_{бэф} = Д / П_6$	Отношение суммы доходов, дополнительно поступивших в бюджет края от других источников доходов в связи с предоставлением льготы отдельной категории налогоплательщиков, к сумме потерь консолидированного бюджета края в связи с предоставлением налоговой льготы	Постановление главы администрации Краснодарского края от 25.04.2011 № 408

В этом плане преимущества приведенной в работе методики заключаются в следующем:

– в отсутствии абсолютных показателей, как неэффективных, не отражающих соотношение затрат с эффектом от их осуществления;

– учете при расчете баллов степени динамических процессов, отражающих наличие или отсутствие возрастающего эффекта от применения льготы;

– учете корреляции критериев с показателями, которые используются в сравнительных целях;

– наличию информационной базы для расчета показателей;

– использовании в расчетах индекса-дефлятора, применение которого приводит расчеты к сопоставимому виду;

– наличию интегрального показателя, позволяющего учесть все направления эффективности анализируемой льготы;

– универсальном характере, позволяющем варьировать как сами показатели, так и их веса, не меняя при этом алгоритм расчета.

Разработанная методика дает возможность оценить эффективность применения стимулирующих льгот на региональном уровне в динамике с учетом наиболее существенных критериев, влияющих на состав и структуру бюджета, экономические показатели налогоплательщиков, значимые социально-экономические показатели региона.

Наличие итогового интегрального показателя позволяет органам законодательной и исполнительной власти реализовать обоснованные решения по отношению к существующим льготам, направленные на развитие инвестиционного и инновационного вектора субнационального уровня.

Литература

1. Берлин, С.И. Налоговые преференции как инструмент фискального регулирования в условиях нестабильности экономики / С.И. Берлин, И.В. Мамонова // Современная экономическая мысль. – 2016. – № 2. – С. 111-118.
2. Иголина, Л.Л. Методология оценки эффективности реализации налогового потенциала региона / Л.Л. Иголина // Региональная экономика. Юг России. – 2012. – № 13. – С. 380-390.
3. Иголина, Л.Л. Оценка эффективности бюджетно-налоговой политики: ретроспективный и целеориентированный подходы / Л.Л. Иголина. – Национальные интересы: приоритеты и безопасность. – 2014. – № 28. – С. 2-10.
4. Иголина, Л.Л. Финансовое развитие и экономический рост / Л.Л. Иголина // Вестник Финансового университета. – 2016. – № 1 (91). – С. 111-120.
5. Мамонова, И.В. Оценка качества системного подхода к формированию налогового законодательства РФ / И.В. Мамонова // Налоги и финансовое право. – 2012. – № 5. – С. 240-244.
6. Мамонова, И.В. Инвестиционная составляющая налоговой политики Российской Федерации / И.В. Мамонова // Налоги и финансовое право. – 2008. – № 10. – С. 269-275.
7. Пансков, В.Г. Налоговые льготы: целесообразность и эффективность / В.Г. Пансков // Финансы. – 2012. – № 10. – С. 34-36.
8. Соболева, Г.В. Эффективность налоговых льгот в стимулировании инновационной деятельности / Г.В. Соболева, В.С. Яковлева // Экономика. Налоги. Право. – 2014. – № 3. – С. 84-88.
9. Тютюрюков, Н.Н. Налоговые льготы и преференции: цель – одна, а механизм – разный / Н.Н. Тютюрюков, Г.Б. Тернопольская, В.Н. Тютюрюков // Налоговая политика и практика. – 2009. – № 10. – С. 18-23.
10. Фискальный федерализм. Проблемы и перспективы развития: монография / под ред. И.А. Майбурова, Ю.Б. Иванова. – М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2015. – 415 с.

11. Abbas S. M. A., Klemm A.A. Partial Race to The Bottom: Corporate Tax Developments in Emerging and Developing Economies // *International Tax and Public Finance*. – 2013. Vol. 20. Pp. 596-617.
12. Bird R.M., Zoland E.M. Tax Policy in Emerging Countries // *Environment and Planning: Government and Policy*. – 2008. – Vol. 26. – Pp. 73-86.
13. Girma S., Görg H., Pisu M. Exporting, Linkages and Productivity Spillovers from Foreign Direct Investment // *Canadian Journal of Economics*. – 2008. – Vol. 41. – Pp. 320-340.
14. House C., Shapiro M. Temporary Investment Tax Incentives: Theory with Evidence from Bonus Depreciation // *American Economic Review*. – 2008. – Vol. 98. – Pp. 737-768.
15. Klemm A. Causes, Benefits, and Risks of Business Tax Incentives // *International Tax and Public Finance*. – 2010. – Vol. 17. – Pp. 315-336.
16. Zee H., Stotsky J., Ley E. Tax Incentives for Business Investment: A Primer for Policy Makers in Developing Countries // *World Development*. – 2002. – Vol. 30. – Pp. 1497-1516.
17. Aliev B.Kh., Musaeva Kh.M., Suleymanov M.M. Methodological approaches towards assessing the efficacy of a region's budgetary-taxation policy // *Asian Social Science* 10 (24). – 2014. – P. 35.
18. Aliev B.Kh., Igonina L.L., Musaeva Kh.M., Suleymanov M.M., Alimirzoeva M.G. Priority Guidelines for Strengthening Regional Taxable Capacity as a Factor of Sustainable Development of the Territorial Entities // *Mediterranean Journal of Social Sciences MCSER Publishing, Rome-Italy*. – 2015. – Vol. 6. – No. 5. P. 2 September.
19. Musaeva Kh.M., Aliev B.Kh, Suleymanov M.M., Dyukina T.O. Tax relieves: costs of their application in taxation and issues of the efficiency evaluation // *Asian Social Science*; Vol. 11. – 2015. – № 7.
20. Musaeva Kh.M., Suleymanov M.M., Isaeva Sh.M., Pinskaya M.R. Improvement of the efficiency of the instruments of tax regulation in the context of the development of fiscal federalism and strengthening of the taxable capacity of the subject of the Russian Federation // *Ecology, Environment and Conservation Journal Papers*. – Issue: Vol. 21 Suppl. Issue August 2015.

Сведения об авторах

Людмила Лазаревна Игонина – доктор экономических наук, профессор, Финансовый университет при Правительстве РФ (350051, Россия, г. Краснодар, шоссе Нефтяников/ул. им. Федора Лузана, 32/34, fefnews@mail.ru)

Ирина Владимировна Мамонова – кандидат экономических наук, доцент, Финансовый университет при Правительстве РФ (350051, Россия, г. Краснодар, шоссе Нефтяников/ул. им. Федора Лузана, 32/34, i-mamonova@mail.ru)

Магомед Магомедович Сулейманов – кандидат экономических наук, доцент, Дагестанский государственный университет (367000, Россия, г. Махачкала, ул. М. Гаджиева, д. 43, fefnews@mail.ru)

Igonina L.L., Mamonova I.V., Suleimanov M.M.

Assessing the Efficiency of Tax Incentives in the System for Managing Regional Finances

Abstract. The paper analyzes existing techniques for assessing the effectiveness of tax incentives in the system for managing regional finances and reveals their advantages and disadvantages. It points out major conditions that determine the effectiveness of tax incentives at the regional level. The authors prove that assessing the effectiveness of tax incentives should focus, first, on identifying the relationship between the amounts of falling-out incomes and real economic benefits to the state and taxpayers that they entail; second, on determining the degree of correlation for this relationship; third, on adopting the decisions

proceeding from the analysis of decisions concerning the extension of the incentive and its adjustment or possible abolition. The paper substantiates the conclusion that the effectiveness of tax incentives should be evaluated on the basis of three criteria: fiscal, economic and social. At that, the effectiveness of tax incentives at the regional level should be analyzed in several stages: calculation of budgetary, economic and social efficiency ratios; definition of the integral coefficient reflecting the total assessment of tax incentives efficiency; adoption of the decision about the appropriateness of introducing or further using the incentive, the decision being based on the calculations carried out previously. On the basis of the research the authors put forward a methodology for assessing the effectiveness of tax incentives based on the systematization of the totality of indicators in the context of structural determinants and calculation of the integral coefficient, which in contrast to existing techniques helps give an integrated assessment of the effectiveness of tax incentives at the subnational level, the assessment being structured by key blocks; the authors' methodology also helps identify budgetary, economic and social implications of providing tax incentives. Moreover, the proposed methodology helps evaluate the effectiveness of incentives at the regional level in dynamics taking into consideration the most significant criteria that influence the composition and structure of the budget, economic performance of taxpayers, and significant socio-economic indicators of the region. The presence of the total integral index allows the legislative and executive authorities to implement well-grounded decisions about the existing benefits aimed to develop the investment and innovation vector at the sub-national level.

Key words: tax incentives, efficiency assessment, criteria, regional finance, integral index, falling-out incomes, tax administration, deflator index, algorithm budget revenues.

References

1. Berlin S.I., Mamonova I.V. Nalogovye preferentsii kak instrument fiskal'nogo regulirovaniya v usloviyakh nestabil'nosti ekonomiki [Tax incentives as a tool of fiscal regulation in conditions of economic instability]. *Sovremennaya ekonomicheskaya mysl'* [Modern Economic Thought], 2016, no. 2, pp. 111-118. (In Russian).
2. Igonina L.L. Metodologiya otsenki effektivnosti realizatsii nalogovogo potentsiala regiona [Methodology for estimating the efficiency of implementation of the region's tax potential]. *Regional'naya ekonomika. Yug Rossii* [Regional economy. The South of Russia], 2012, no. 13, pp. 380–390. (In Russian).
3. Igonina L.L. Otsenka effektivnosti byudzhethno-nalogovoi politiki: retrospektivnyi i tseleorientirovannyi podkhody [Evaluation of effectiveness of fiscal policy: a retrospective and goal-oriented approaches]. *Natsional'nye interesy: priority i bezopasnost'* [National interests: priorities and security], 2014, no. 28, pp. 2-10. (In Russian).
4. Igonina L.L. Finansovoe razvitiye i ekonomicheskii rost [Financial development and economic growth]. *Vestnik Finansovogo universiteta* [Bulletin of the Financial University], 2016, no. 1 (91), pp. 111-120. (In Russian).
5. Mamonova I.V. Otsenka kachestva sistemnogo podkhoda k formirovaniyu nalogovogo zakonodatel'stva RF [Assessment of the quality of the systematic approach to the formation of tax legislation in the Russian Federation]. *Nalogi i finansovoe parvo* [Taxes and financial law], 2012, no. 5, pp. 240-244. (In Russian).
6. Mamonova I.V. Investitsionnaya sostavlyayushchaya nalogovoi politiki Rossiiskoi Federatsii [Investment component of a tax policy of the Russian Federation]. *Nalogi i finansovoe parvo* [Taxes and financial law], 2008, no. 10, pp. 269-275. (In Russian).
7. Panskov V.G. Nalogovye l'goty: tselesoobraznost' i effektivnost' [Tax benefits: expediency and efficiency]. *Finansy* [Finances], 2012, no. 10, pp. 34–36. (In Russian).
8. Soboleva G.V., Yakovleva V.S. Effektivnost' nalogovykh l'got v stimulirovaniy innovatsionnoi deyatel'nosti [Effectiveness of tax incentives in spurring innovation activity]. *Ekonomika. Nalogi. Pravo* [Economy. Taxes. Law], 2014, no. 3, no. 84–88. (In Russian).
9. Tyutyuryukov N.N., Ternopol'skaya G.B., Tyutyuryukov V.N. Nalogovye l'goty i preferentsii: tsel' – odna, a mekhanizm – raznyi [Tax benefits and preferences: the aim is the same, the mechanism – different]. *Nalogovaya politika i praktika* [Tax policy and practice], 2009, no. 10, pp. 18–23. (In Russian).

10. Maiburov I.A., Ivanov Yu.B. (Eds.). *Fiskal'nyi federalizm. Problemy i perspektivy razvitiya: monografiya* [Fiscal federalism. Problems and prospects of development: monograph]. Moscow: YuNITI-DANA, 2015. 415 p. (In Russian).
11. Abbas S. M. A., Klemm A.A. Partial Race to the Bottom: Corporate Tax Developments in Emerging and Developing Economies. *International Tax and Public Finance*, 2013, vol. 20, pp. 596–617.
12. Bird R.M., Zoland E.M. Tax Policy in Emerging Countries. *Environment and Planning: Government and Policy*, 2008, vol. 26, pp. 73-86.
13. Girma S., G rg H., Pisu M. Exporting, Linkages and Productivity Spillovers from Foreign Direct Investment. *Canadian Journal of Economics*, 2008, vol. 41, pp. 320-340.
14. House C., Shapiro M. Temporary Investment Tax Incentives: Theory with Evidence from Bonus Depreciation. *American Economic Review*, 2008, vol. 98, pp. 737-768.
15. Klemm A. Causes, Benefits, and Risks of Business Tax Incentives. *International Tax and Public Finance*, 2010, vol. 17, pp. 315-336.
16. Zee H., Stotsky J., Ley E. Tax Incentives for Business Investment: A Primer for Policy Makers in Developing Countries. *World Development*, 2002, vol. 30, pp. 1497-1516.
17. Aliev B.Kh., Musaeva Kh.M., Suleymanov M.M. Methodological approaches towards assessing the efficacy of a region's budgetary-taxation policy. *Asian Social Science*, 2014, no. 10 (24), p. 35
18. Aliev B.Kh, Igonina L.L., Musaeva Kh.M., Suleymanov M.M., Alimirzoeva M.G. Priority Guidelines for Strengthening Regional Taxable Capacity as a Factor of Sustainable Development of the Territorial Entities. *Mediterranean Journal of Social Sciences*, 2015, September, vol. 6, no. 5, p. 2.
19. Musaeva Kh.M., Aliev B.Kh, Suleymanov M.M., Dyukina T.O. Tax relieves: costs of their application in taxation and issues of the efficiency evaluation. *Asian Social Science*, 2015, vol. 11, no. 7.
20. Musaeva Kh.M., Suleymanov M.M., Isaeva Sh.M., Pinskaya M.R. Improvement of the efficiency of the instruments of tax regulation in the context of the development of fiscal federalism and strengthening of the taxable capacity of the subject of the Russian Federation. *Ecology, Environment and Conservation Journal Papers*. Issue: Vol. 21 Suppl. Issue August 2015.

Information about the Authors

Igonina Lyudmila Lazarevna – Doctor of Economics, Professor, Financial University under the Government of the Russian Federation (32/34, Neftyanikov Highway/Fedor Luzanov Street, Krasnodar, 350051, Russian Federation, fefnews@mail.ru)

Mamonova Irina Vladimirovna – Ph.D. in Economics, Associate Professor, Financial University under the Government of the Russian Federation (32/34, Neftyanikov Highway/Fedor Luzanov Street, Krasnodar, 350051, Russian Federation, i-mamonova@mail.ru)

Suleimanov Magomed Magomedovich – Ph.D. in Economics, Associate Professor, Dagestan State University (43, M. Gadzhiev Street, Makhachkala, 367000, Russian Federation, fefnews@mail.ru)

Статья поступила 08.09.2016.

Реформирование налога на доходы физических лиц — важнейший фактор стабилизации бюджетной системы



Анна Ивановна

ПОВАРОВА

Институт социально-экономического развития территорий РАН
160014, Россия, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а
aip150663@yandex.ru

Аннотация. Поводом для написания статьи послужило заявление первого заместителя министра финансов РФ Т.Г. Нестеренко о том, что в 2017 году у государства закончатся деньги на выплату зарплат работникам бюджетной сферы [3]. Действительно, накопленные в тучные годы резервы иссякают¹. Правительство РФ среди источников покрытия растущего бюджетного дефицита видит приватизацию остатков государственной собственности, которая создаст сиюминутный эффект и не сможет стать стабильным каналом наполнения казны, а также масштабное сокращение расходов, чреватое в преддверии электорального цикла обострением протестного настроения россиян, вызванного резким ухудшением уровня жизни. Большинство представителей экспертно-научного сообщества, в том числе сотрудники ИСЭРТ РАН, в качестве одной из основных мер преодоления дисбаланса бюджетной системы рассматривают назревшую необходимость реформирования системы налогообложения доходов физических лиц путём введения прогрессивной шкалы ставок. Такая шкала успешно действует во всех странах ОЭСР, «Большой двадцатки» и БРИКС. Цель настоящей статьи — обосновать необходимость реформирования налога на доходы физических лиц (НДФЛ) как фактора стабильной мобилизации бюджетных средств. В качестве гипотезы выдвинуто предположение о прямой связи между перераспределением доходов через

¹ По данным Минфина, с 01.01.2015 по 01.08.2016 г. объем суверенных фондов РФ уменьшился на 21% [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://minfin.ru/ru/>

Для цитирования: Поварова, А.И. Реформирование налога на доходы физических лиц — важнейший фактор стабилизации бюджетной системы / А.И. Поварова // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. — 2016. — № 6. — С. 193-213. DOI: 10.15838/esc.2016.6.48.11

For citation: Povarova A.I. Reforming individual income tax is the crucial factor in stabilizing the budgetary system. Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast, 2016, no. 6, pp. 193-213. DOI: 10.15838/esc.2016.6.48.11

прогрессивное налогообложение и увеличением ресурсного потенциала бюджетной системы. Представленные в статье результаты исследования подтверждают, что действующие механизмы налогообложения доходов граждан не соответствуют конституционным принципам равенства, социальной ориентированности и экономической целесообразности. В результате по важнейшим показателям социально-экономического развития Россия отстаёт от развитых и ряда сопоставимых развивающихся стран. Чрезмерная поляризация населения по уровню денежных доходов актуализирует проблему модификации НДФЛ. Руководство РФ игнорирует введение прогрессивного налогообложения доходов физических лиц. Между тем, по самым ориентировочным расчётам, применение повышенной ставки в отношении только 77 сверхбогатых бизнесменов РФ способно пополнить бюджет на 2,2 трлн. руб., что позволило бы полностью решить проблему долгового кризиса регионов, а в перспективе существенно снизить уровень их дотационности и зависимости от федерального центра.

Ключевые слова: подоходное налогообложение, прогрессивная шкала, единая ставка НДФЛ, бюджетная система, дифференциация доходов, реформирование НДФЛ.

Налогообложение доходов физических лиц – один из важнейших доходных источников, формирующий более 10% доходов консолидированного бюджета РФ и 40% налоговых и неналоговых (собственных) доходов бюджетов регионов. Вместе с тем в 2010–2015 гг. отмечалось резкое замедление среднегодовых темпов прироста поступлений НДФЛ – до 2,3% против 17–27% в предыдущие годы (рис. 1). По итогам 2015 года динамика поступлений платежей перешла в отрицательную зону.

Торможение прироста сборов налога происходило в условиях нарастания кризисных явлений в российской экономике, усилившихся в 2015 г. На фоне спада всех значимых макроэкономических показателей при одновременном скачке инфляции² источники налоговой базы по НДФЛ – реальные денежные доходы населения и реальная заработная плата – демонстрировали отрицательную динамику (рис. 2).

Ухудшение материального положения населения повлекло резкое увеличение количества регионов, имевших понижающий

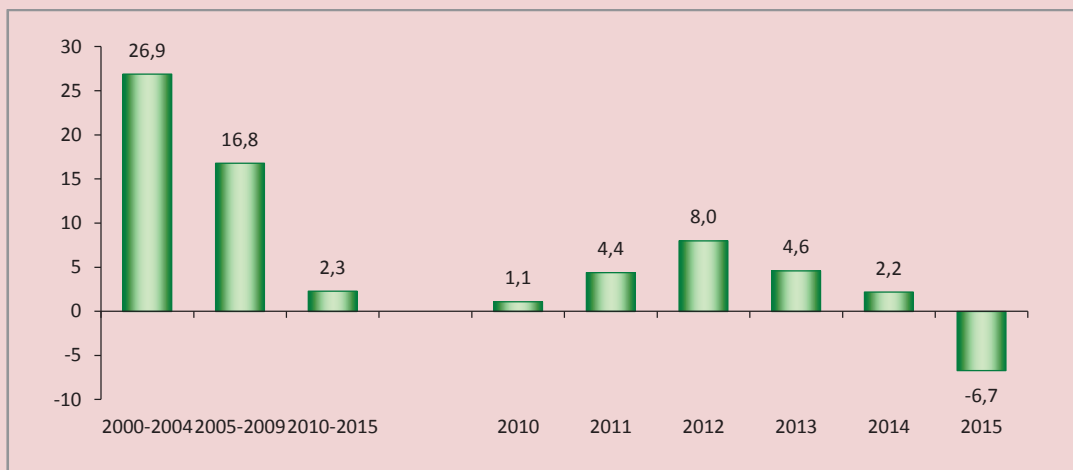
тренд поступлений НДФЛ в 2015 г., – до 23 против двух в 2014 г. К примеру, сборы платежей уменьшились в половине субъектов Северо-Западного федерального округа (табл. 1).

Безусловно, негативные тенденции, наблюдаемые в динамике мобилизации профилирующего доходного источника субфедеральных бюджетов, свидетельствуют о нарастании проблем в экономике регионов и наличии серьёзных угроз для стабильного поступления собственных доходов. Однако объяснять снижение фискальной функции подоходного налога только общим ухудшением состояния экономики было бы, на наш взгляд, не совсем правильно. Реальные причины кроются в механизмах правового регулирования и налогового администрирования НДФЛ.

Как организационно-управленческая система реализации налоговых отношений, налоговое администрирование включает совокупность методов регулирования и контроля, использование которых призвано обеспечить плановые налоговые поступления в бюджет. Одним из общеизвестных показателей качества налогового администрирования служит уровень собираемости налогов.

² По итогам 2015 г. падение ВВП составило 3,7%, промышленного производства – 3,4%, инвестиций в основной капитал – 8,4% при росте инфляции на 12,9%.

Рисунок 1. Динамика темпов прироста поступлений НДФЛ в консолидированный бюджет РФ в 2000–2015 гг., % к предыдущему году в сопоставимых ценах



Источники: данные Федерального казначейства [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.roskazna.ru/>; расчёты автора.

Рисунок 2. Динамика темпов прироста реальных денежных доходов населения и реальной заработной платы в 2000–2015 гг., % к предыдущему году



Источник: данные Росстата [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.gks.ru/>

Таблица 1. Поступления НДФЛ в бюджеты субъектов СЗФО в 2013–2015 гг.

Субъект	2013		2014		2015	
	Млрд. руб.	К 2012, %	Млрд. руб.	К 2013, %	Млрд. руб.	К 2014, %
г. Санкт-Петербург	149,5	112,1	164,7	110,2	181,0	109,9
Ленинградская область	25,8	108,9	28,7	111,2	30,1	104,8
Мурманская область	24,3	110,6	24,9	102,3	25,9	103,8
Калининградская область	13,4	112,2	14,3	106,7	14,7	102,6
Новгородская область	8,2	109,3	8,6	104,8	8,7	101,7
Республика Коми	22,7	107,4	22,1	97,2	21,9	98,9
Псковская область	7,3	110,5	7,6	104,1	7,5	98,2
Архангельская область	22,5	105,8	23,7	105,7	23,2	97,7
Вологодская область	16,8	104,4	17,7	105,2	17,2	97,4
Республика Карелия	10,1	109,6	10,5	103,6	10,1	96,8
СЗФО	301,2	110,4	323,9	107,5	342,7	105,8
Российская Федерация	2499,1	110,5	2680,8	107,3	2787,7	104,0

Источники: данные Федерального казначейства; расчёты автора.

По нашим расчётам, в 2011–2015 гг. уровень собираемости НДФЛ в среднем составлял 50%, причём прослеживалась тенденция его снижения. В результате за указанный период бюджеты регионов недосчитались более 12 трлн. руб. (табл. 2).

Низкий уровень собираемости НДФЛ свидетельствует о ненадлежащем качестве его администрирования. Потенциал этого налога реализуется не в полной мере, что обусловлено действующей системой подоходного налогообложения.

В России установлена единая (плоская, пропорциональная) ставка НДФЛ в размере 13%, по которой облагается любой уровень дохода. В большинстве развитых и развивающихся стран действуют прогрессивные ставки, поставленные в зависимость от уровня дохода налогоплательщика.

Надо сказать, что в экономической науке не сложился консенсус относительно модели налогообложения доходов физических лиц.

Таблица 2. Уровень собираемости НДФЛ в 2011–2015 гг.

Показатели	2011	2012	2013	2014	2015	Всего за 2011–2015
Налогооблагаемая база, трлн. руб. *	15,4	17,4	19,2	20,6	21,4	94,0
Потребительские расходы населения, трлн. руб.	29,9	34,0	38,1	41,8	43,8	187,6
Уровень собираемости НДФЛ, % **	51,5	51,1	50,4	49,0	48,9	50,1
Расчётное поступление НДФЛ, трлн. руб.	3,9	4,4	5,0	5,5	5,7	24,5
Фактическое поступление НДФЛ, трлн. руб.	2,0	2,3	2,5	2,7	2,8	12,3
Недопоступление НДФЛ, трлн. руб.	1,9	2,1	2,5	2,8	2,9	12,2

* Рассчитана делением собранного НДФЛ на ставку налога, равную 13%.
 ** Рассчитан как отношение налогооблагаемой базы к потребительским расходам населения.
 Источник: расчёт автора по данным Федерального казначейства и Росстата.

Представитель социально-политической школы выдающийся немецкий учёный А. Вагнер ещё в 1880 г. выдвинул тезис о том, что пропорциональные налоги ухудшают образ жизни плательщика, «ибо одна и та же сумма налога возлагает на разных плательщиков неодинаковые налоговые тягости. Поэтому справедливо только прогрессивное обложение». А. Вагнер одним из первых обращал внимание на повышение не фискальной, а регулирующей роли прогрессивного налогообложения: «Оно тем более необходимо, чем более политика налогов перестаёт руководствоваться одними фискальными соображениями, а смотрит на подати как на средство к изменению и коренному улучшению современного экономического быта» [21].

Основатель кейнсианского направления в экономической теории Д. Кейнс сравнивал прогрессивное налогообложение с действием «встроенного стабилизатора», принцип работы которого заключается в том, что во время экономического подъёма доходы растут медленнее, чем налоги, а при кризисе, наоборот, налоги уменьшаются быстрее, чем падают доходы, тем самым достигается относительно стабильное социальное положение в обществе» [28].

Социалисты также высказывались за прогрессивное налогообложение. В.И. Ленин в 1919 г. писал: «В области финансов РКП будет проводить прогрессивный подоходный и поимущественный налог во всех случаях, когда к этому представляется возможность» [13].

В противовес позиции сторонников прогрессии приверженец классического либерализма американский экономист М. Фридман выступал за применение плоской шкалы, которая, как он считал, при-

несёт большой налоговый доход, поскольку будет меньше стимулов скрывать подлежащий обложению размер дохода [24].

Пропорциональные ставки поддерживал и немецкий учёный К. Зайдл, обосновавший их введение повышением эффективности налогообложения и существенной экономией бюджета [29].

Последователи либеральной платформы российские учёные Н.В. Акиндинова, Е.Г. Ясин, Я.И. Кузьминов считают, что переход к прогрессивному налогообложению «позволит получить дополнительные доходы, но с учётом неизбежного ухода в «тень» не компенсирует даже половины нынешнего бюджетного дефицита» [1].

Сохранение плоской шкалы отстаивают представители либерального крыла органов государственной власти и управления РФ. Так, заместитель министра экономического развития С. Воскресенский приравнивал плоскую шкалу к завоеваниям и призвал охранять её как институт [5]. Министр финансов А. Силуанов признаёт, что нынешняя система подоходного налога не учитывает разницу в доходах россиян, но при этом заявляет: «Собираемость подоходного налога резко упадёт, если ввести прогрессивную шкалу» [15]. О падении налогов при новом режиме налогообложения говорит и председатель комитета Госдумы по бюджету и налогам А. Макаров [4].

Не умножая примеров отрицательного отношения к изменению действующей в России плоской шкалы НДФЛ, отметим, что большинство депутатов оппозиционных политических партий и представителей экспертно-научного сообщества, в том числе ИСЭРТ РАН, выступают за кардинальный пересмотр системы налогообложения доходов физических лиц путем введения дифференцированных ставок.

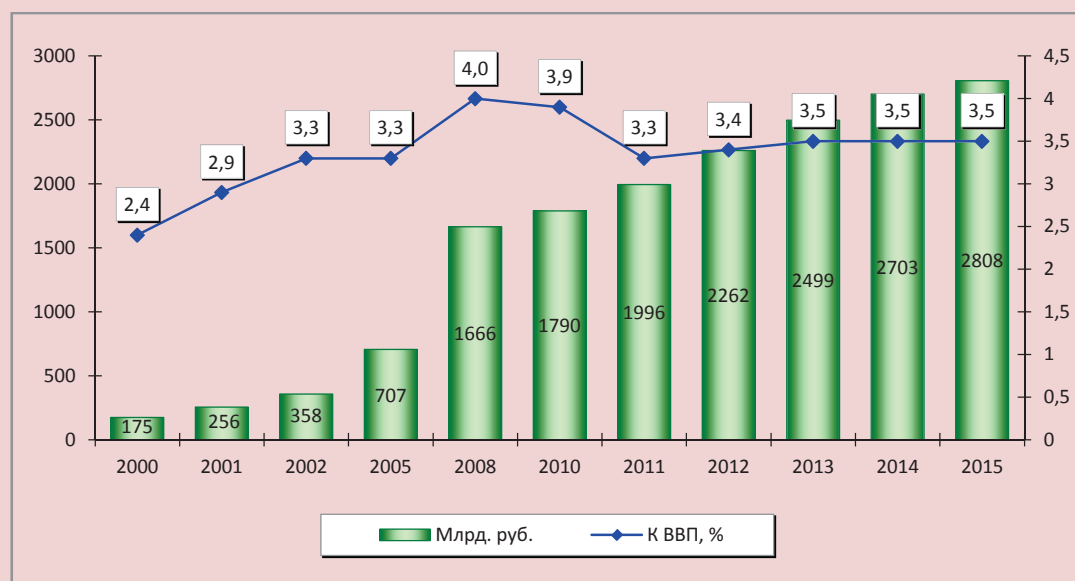
Попробуем аргументировать необходимость реформирования действующей системы подоходного налогообложения.

Принятие в 2001 г. единой ставки НДФЛ мотивировалось легализацией доходов граждан и увеличением налоговых поступлений в бюджет. Действительно, уже в 2002 г. платежи по НДФЛ выросли в два раза и в последующие годы сохраняли устойчивый рост, однако он был обусловлен вовсе не введением плоской шкалы налогообложения, а общим подъёмом экономики и изменениями налогового законодательства³. Значение удельных поступлений НДФЛ также не даёт достаточных оснований говорить, что пропорциональная ставка явилась причиной увеличения сбо-

ров налога: за прошедшие пятнадцать лет доля НДФЛ в ВВП так и не превысила 4% (рис. 3), что гораздо ниже международных показателей (США – 12%, Австралия – 13%, Швеция – 18%, Дания – 26%).

Более того, если в первые годы после введения плоской шкалы поступления НДФЛ росли опережающими темпами по сравнению со средней зарплатой в экономике, то начиная с 2009 г. прослеживалась устойчивая противоположная тенденция более быстрого прироста зарплаты, что указывает на уклонение налогоплательщиков от уплаты налога (рис. 4). В этой связи справедливым представляется вывод д.э.н. Н.А. Кричевского о том, что плоская шкала подошла к пределу эффективности [12].

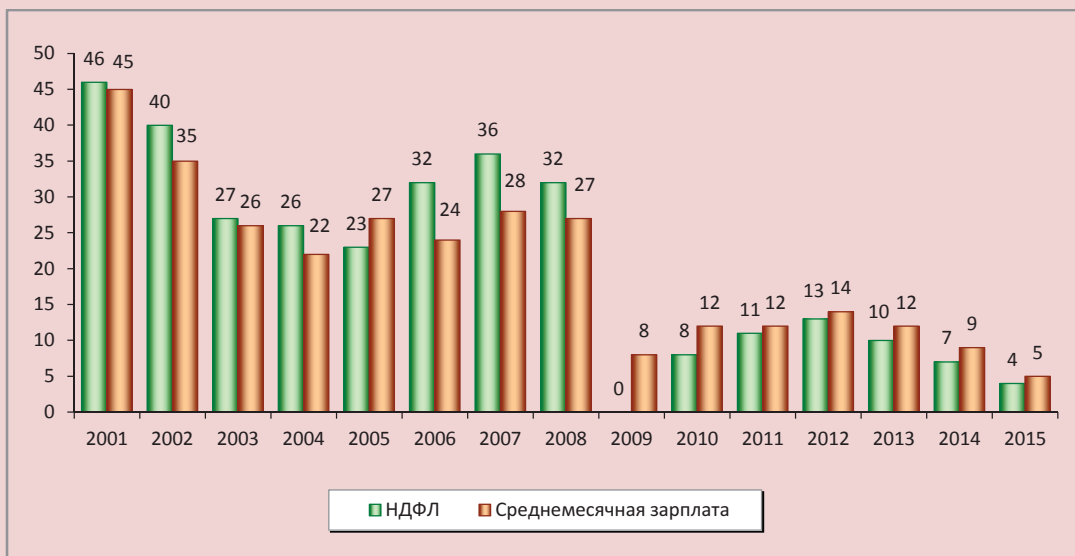
Рисунок 3. Динамика поступлений НДФЛ в консолидированный бюджет РФ в 2000–2015 гг.



Источники: данные Росстата; Федерального казначейства; расчёты автора.

³ В 2001 г. введены налогообложение доходов работников правоохранительных органов и Вооружённых Сил, а также регрессивная шкала ставок единого социального налога. В 2002 г. снижены ставки налога на прибыль с 35 до 24%, в результате чего высвободившиеся финансовые ресурсы организаций были направлены на повышение зарплат.

Рисунок 4. Динамика темпов прироста поступлений НДФЛ и среднемесячной номинальной заработной платы в 2001–2015 гг., % к предыдущему году

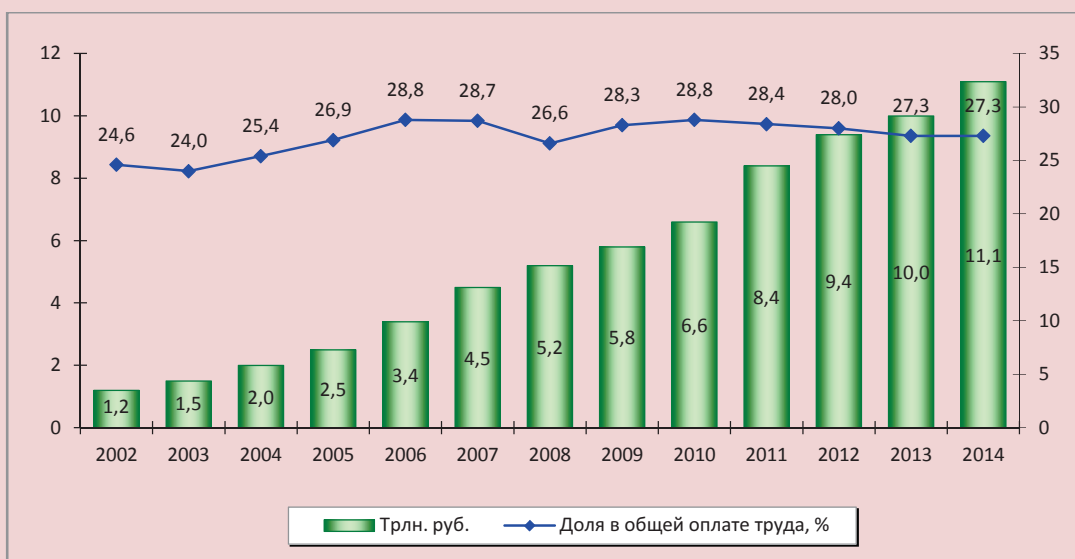


Источники: данные Росстата; Федерального казначейства; расчёты автора.

Не лучшим образом сложилась и динамика теневой заработной платы. После введения плоской шкалы доля её в общем объёме оплаты

труда в экономике увеличилась с 24,6 до 27,3%, а её абсолютный размер вырос в девять раз и достиг более 11 трлн. руб. (рис. 5).

Рисунок 5. Динамика неофициальной заработной платы в РФ в 2002–2015 гг.



Источник: рассчитано автором по данным Росстата.

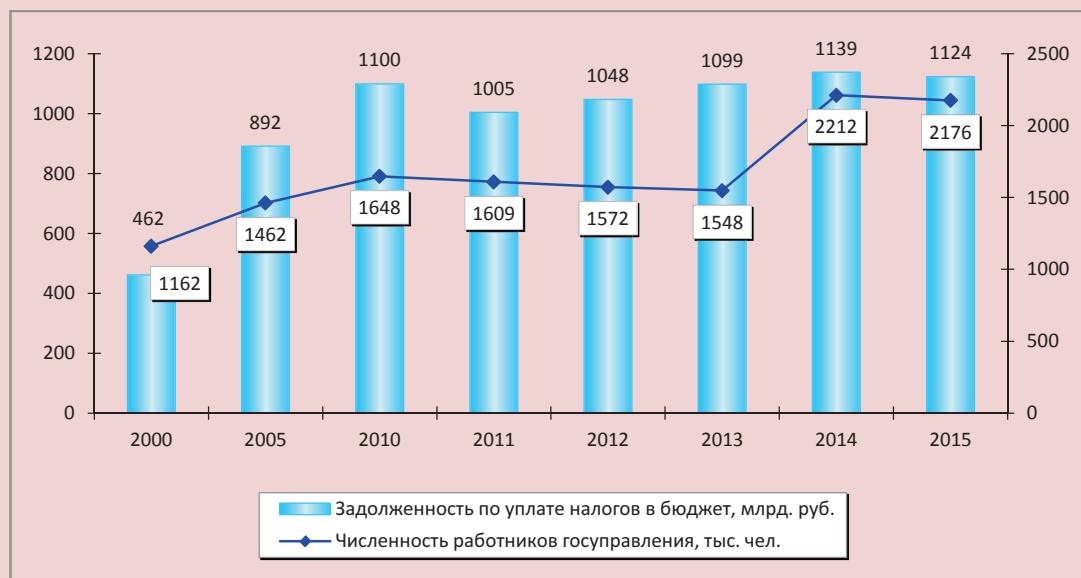
По заявлению заместителя председателя Правительства РФ О.Ю. Голодец, 36% россиян работают нелегально [8]. Например, в Правительстве Вологодской области фонд оплаты труда в регионе оценивают в 39 млрд. руб., а теневой оборот – в 243 млрд. руб., в результате чего в бюджетную систему ежегодно недопоступает 6 млрд. руб. При этом каждый четвёртый вологжанин работает без оформления [6].

Масштабы теневой экономики – результат низкой эффективности налогового контроля и всей системы государственного управления. Такой вывод напрашивается судя хотя бы уже по тому, что армия управленцев, выросшая с 2000 по 2015 год в два раза, оказалась неспособной обеспечить контроль за полнотой уплаты налогов: после 2010 г. задолженность налогоплательщиков перед бюджетом не уменьшается, составляя более триллиона рублей (рис. 6).

Таким образом, действие единой ставки НДС не способствовало решению заявленных при её введении ключевых задач – увеличению наполняемости бюджета и легализации доходов.

В результате пропорционального налогообложения, не позволяющего выстроить эффективную и справедливую систему распределительных отношений в обществе, НДС выполняет в основном фискальную функцию и слабо используется как инструмент воздействия на социально-экономические процессы. Население несёт на себе бремя не только по уплате НДС, но и косвенных налогов (налога на добавленную стоимость, акцизов), которые включаются в цену товаров. Поэтому более 80% денежных доходов граждан идёт на потребление и только 14% – на накопление (рис. 7).

Рисунок 6. Задолженность по уплате налогов в бюджетную систему РФ и численность работников государственного управления в 2000–2015 гг.



Источник: данные ФНС [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.nalog.ru/>; Росстата.

Рисунок 7. Структура использования денежных доходов населения в 1985–2015 гг., %



* Доля денежных доходов населения в ВВП, %.

Источники: данные Росстата; расчёты автора.

Доля доходов населения в ВВП всё ещё ниже, чем в СССР, что показывает незначительные возможности формировать инвестиционные ресурсы для экономики сбережениями россиян.

Существующая в РФ система подоходного налогообложения не способствовала в полной мере реализации основных социальных функций государства – преодоления бедности и расслоения граждан по уровню доходов.

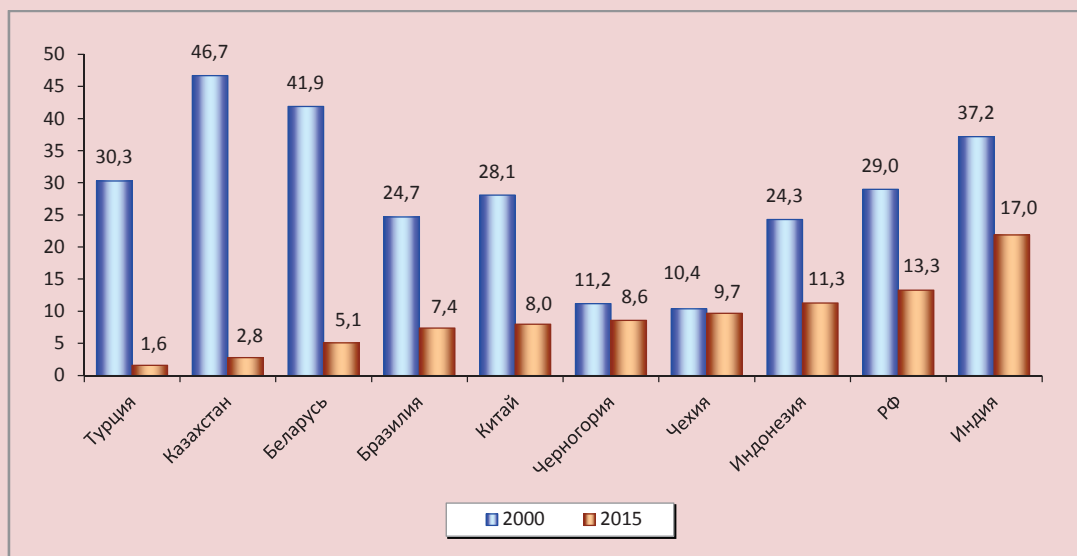
С 2000 по 2015 год в России удалось снизить уровень бедности с 29 до 13%, но он остается выше, чем во многих развивающихся странах, бывших советских республиках и странах социалистического лагеря (рис. 8). Данное обстоятельство противоречит Конституции РФ⁴ и не позволяет характеризовать Россию как социальное государство.

Пропорциональное налогообложение доходов физических лиц усугубляет социальную поляризацию, что иллюстрирует рисунок 9. Именно после введения единой ставки наблюдалось ухудшение динамики показателей, характеризующих и без того усилившуюся после распада СССР дифференциацию уровня жизни населения. В 2005–2015 гг. 10% наиболее обеспеченных россиян в 16 раз были богаче 10% малоимущих (коэффициент фондов). Не уменьшается неравенство в степени концентрации доходов в обществе (коэффициент Джини).

Социальная дифференциация в РФ существенно выше норм, признанных в экономической науке и практике. По рекомендации ООН критическим для политической стабильности признается уровень децильного коэффициента, превышающий 10 раз. В 2012 г. в России он

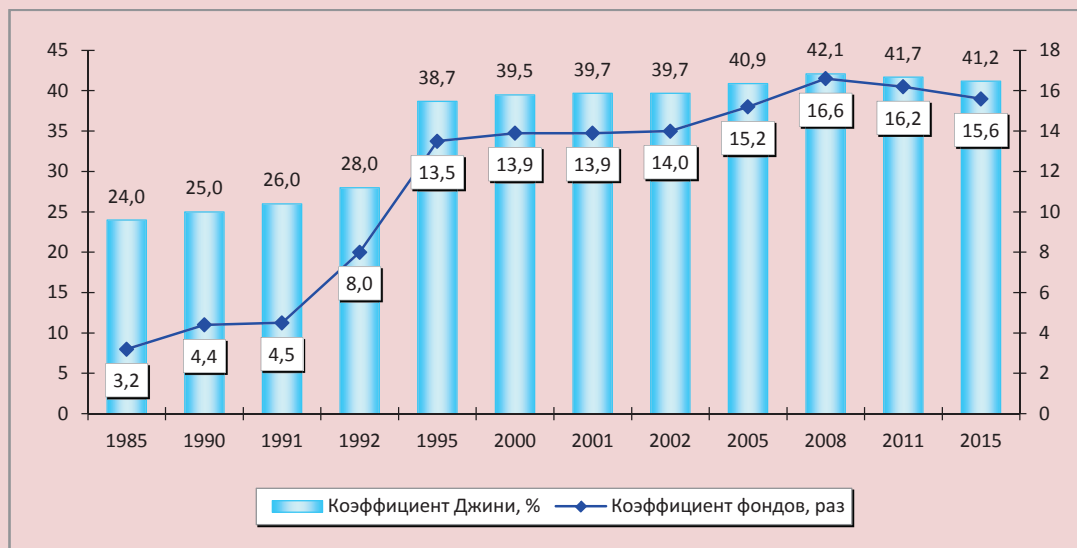
⁴ В соответствии со ст. 7 Конституции РФ «Российская Федерация – социальное государство, политика которого направлена на создание условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие человека».

Рисунок 8. Доля населения, живущего ниже национальной черты бедности, % от общей численности населения



Источник: данные аналитического портала TrendEconomy [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://data.trendeconomy.ru/indicators/>

Рисунок 9. Показатели дифференциации уровня жизни населения РФ в 1985–2015 гг.

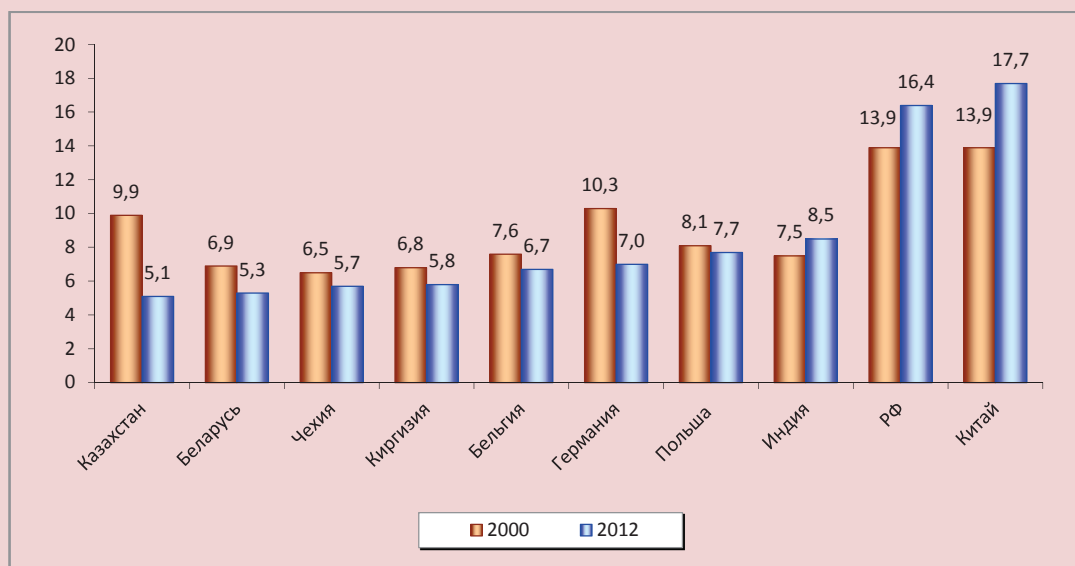


Источник: данные Росстата.

составил 16,4 раза против 5–9 раз в ряде других государств (рис. 10). Причём в отличие от большинства стран в РФ фиксировалось увеличение коэффициента

по сравнению с уровнем 2000 г., что свидетельствует о ненадлежащем выравнивании доходов населения действующей налоговой системой.

Рисунок 10. Коэффициент фондов в странах мира, раз



Источник: данные аналитического портала TrendEconomy.

Более впечатляющие результаты даёт анализ доходов по конкретным группам, в частности анализ доходов российских миллиардеров.

По данным журнала «Forbes» [26], состояние долларовых миллиардеров РФ на

начало 2016 г. оценивалось в 22,4 трлн. руб. (табл. 3), что превысило объём доходов бюджетов регионов в 2,4 раза. Не лишним будет подчеркнуть, что при остром дефиците средств для выполнения известных «майских» указов В. Путина в части повы-

Таблица 3. Активы и доходы долларовых миллиардеров РФ в 2015 г., млрд. руб.

Миллиардеры	Отрасль	Активы*	Доход**	НДФЛ по ставке 50%
Всего		22357,7	4471,5	2235,8
В том числе 10 богатейших				
Михельсон Л.В.	Нефтегазовая	877,8	175,6	87,8
Фридман М.М.	Финансовая	810,4	162,1	81,1
Усманов А.Б.	Металлургия	762,0	152,4	76,2
Потанин В.О.	Металлургия	737,6	147,5	73,8
Тимченко Г.Н.	Финансовая	694,9	139,0	69,5
Мордашов А.А.	Металлургия	664,4	132,9	66,5
Вексельберг В.Ф.	Финансовая	640,0	128,0	64,0
Лисин В.С.	Металлургия	566,9	113,4	56,7
Алекперов В.Ю.	Нефтяная	542,5	108,5	54,3
Хан Г.Б.	Финансовая	530,3	106,1	53,1
Итого		6826,8	1365,5	683,0

* Активы, указанные в журнале «Forbes» в долларах, переведены в рубли по средневзвешенному курсу за 2015 г.

** Расчёт произведён исходя из дохода по активам, который по оценкам финансового советника А.Н. Мартынова в 2015 г. составил в среднем 18–24% [2].

Источник: расчёт автора по данным журнала «Forbes».

шения оплаты труда бюджетников доходы 77 миллиардеров, полученные от принадлежащих им активов, двукратно превзошли размер годовой заработной платы 6,7 млн. работников образования и 5,7 млн. работников здравоохранения. На этом фоне призыв премьер-министра Д. Медведева идти в бизнес педагогам, жалующимся на низкие размеры зарплат, выглядит, по меньшей мере, неоправданным [14].

Число российских долларовых миллиардеров с 2009 по 2015 год увеличилось более чем в два раза: с 32 до 77 человек. К сожалению, это количество не переросло в качество: как можно увидеть из данных таблицы, все богатейшие бизнесмены связаны с добычей и первичной обработкой сырья или с финансовой деятельностью, что позволяет им наращивать свои состояния за счёт эксплуатации природных ресурсов и контроля за финансовыми потоками. Большинство же миллиардеров в других странах занято в многоотраслевом бизнесе.

По нашим расчётам, при условии введения ставки на сверхдоходы в размере 50%, дополнительные платежи в субфедеральные бюджеты составят 2,2 трлн. руб., то есть имеется реальная возможность удвоить фактические поступления НДС. Данная прибавка позволила бы решить проблему государственного долга региональных бюджетов, который за 2015 г. составил 2,3 трлн. руб. Например, доходы в

сумме 66,5 млрд. руб., которые можно получить с владельца крупнейшей на территории Вологодской области корпорации «Северсталь» А.А. Мордашова, превысят консолидированный бюджет региона (58 млрд. руб. в 2015 г.). Аналогично, ещё один годовой бюджет могла бы иметь Липецкая область, если бы доходы В.С. Лисина, являющегося собственником бюджеттообразующего предприятия этого региона – Новолипецкого металлургического комбината, облагались по ставке 50%.

Колоссальные доходы, получаемые олигархами, вряд ли находят отражение в статистических данных. Отсюда можно с высокой долей уверенности констатировать, что реальный уровень поляризации российского общества намного выше тех 16 раз, которые показывает Росстат.

Уместно будет сказать и о том, что за десятилетия рыночного либерализма рост валового благосостояния в большей степени затронул наиболее состоятельных россиян: за 1990–2015 гг. денежные доходы граждан, находящихся в низшей группе по уровню распределения доходов, выросли в 2,4 раза, а доходы граждан, находящихся в высшей группе, – в 6,4 раза (табл. 4). Опережающий рост доходов этой части населения лишний раз подтверждает необходимость реформирования НДС, в первую очередь в отношении налогообложения чрезмерных доходов.

Таблица 4. Распределение денежных доходов по 20-процентным группам населения в 1990–2015 гг., тыс. руб. в месяц

Группы населения	1990	1995	2000	2005	2010	2015	2015 к 1990, раз
Первая (с наименьшими доходами)	3,3	0,9	1,8	4,2	6,9	8,0	2,4
Вторая	5,1	1,5	3,1	7,8	12,9	15,1	3,0
Третья	6,4	2,2	4,5	11,7	19,6	22,8	3,6
Четвертая	8,1	3,1	6,5	17,6	29,7	34,5	4,3
Пятая (с наибольшими доходами)	11,1	6,6	13,9	36,2	63,0	71,0	6,4

Источник: расчёт автора по данным Росстата.

По мнению некоторых экспертов, выступающих противниками введения прогрессивной шкалы, богатые люди в абсолютном значении платят большую сумму НДФЛ. Однако им предоставляется и больше вычетов, уменьшающих налоговую базу. Так, за 2008–2014 гг. общая сумма стандартных налоговых вычетов, распространяющихся на лиц, имеющих детей, составила в среднем 317 млрд. руб., а на операции с ценными бумагами, которые осуществляют далеко не бедные налогоплательщики, многократно больше – 9,1 трлн. руб. Можно сказать, что система налоговых вычетов по НДФЛ имеет узкую социальную направленность. При этом налоговые преференции по операциям с ценными бумагами более чем в четыре раза перекрыли поступления НДФЛ в бюджеты регионов (рис. 11).

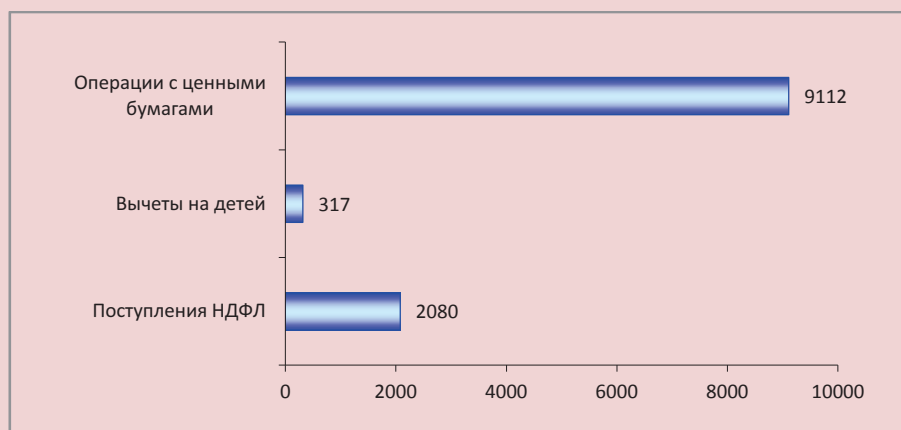
Избыточная концентрация доходов в совокупности с налоговыми выгодами по уплате НДФЛ ставит в неравные экономические условия малочисленную группу

наиболее обеспеченных налогоплательщиков по сравнению с большей частью населения, что приводит к падению платёжеспособного спроса и экономического роста.

Ставка подоходного налога в России – одна из самых низких в мире, поэтому не случайно, что ВВП на душу населения в РФ в разы ниже, чем в странах, где действуют высокие ставки налогообложения физических лиц (рис. 12).

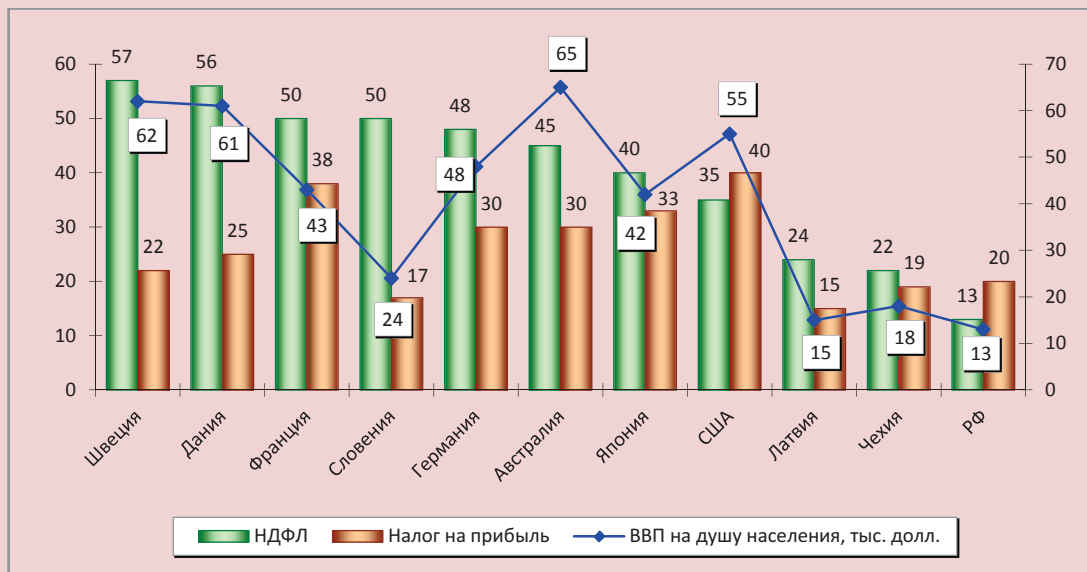
Кроме того, плоская ставка находится в противоречии с более высокой по сравнению с ней ставкой налога на прибыль. В большинстве стран мира, наоборот, ставки налогообложения доходов юридических лиц ниже по сравнению с физическими лицами, что позволяет уменьшить долю налоговых изъятий с прибыли организаций и увеличить её использование на капиталовложения. По оценкам д.э.н. А.Ю. Шевякова, перераспределение доходов за счёт прогрессивного налогообложения способно увеличить рост ВВП в 1,3–1,5 раза [25].

Рисунок 11. Среднегодовая сумма налоговых вычетов на детей, на операции с ценными бумагами и поступлений НДФЛ за 2008–2014 гг., млрд. руб.



Источники: данные ФНС; Федерального казначейства; расчёты автора.

Рисунок 12. Наивысшая ставка подоходного налога и ставка налога на прибыль организаций в странах мира в 2014 г., %



Источники: World Development Indicators: Gross National Income per Capita 2015. – URL: <http://data.worldbank.org/data-catalog/GNI-per-capita-Atlas-and-PPP-table>; данные справочного портала Калькулятор. – Режим доступа: <https://www.calc.ru/>

Итак, результаты анализа фактических данных позволяют сделать вывод о неэффективности действующей в РФ системы налогообложения доходов физических лиц, основными недостатками которой являются:

- слабая реализация социальной роли ввиду несоблюдения принципа справедливости налогообложения;
- значительные масштабы уклонения от уплаты НДФЛ, являющиеся следствием низкого уровня налогового администрирования;
- высокая степень расслоения общества по размерам доходов в силу действия единой ставки подоходного налогообложения.

Исправить эти недостатки, достичь оптимальной справедливости в налогообложении можно только путём введения прогрессивных ставок, учитывающих различия

в размерах доходов налогоплательщиков. Как отметил д.э.н. В.Г. Пансков, «сохраняя плоскую шкалу налогообложения личных доходов населения, государство тем самым расписывается в собственном бессилии навести порядок в установлении цивилизованных форм оплаты труда в экономике страны» [17].

Мировой опыт показывает, что использование прогрессивного налогообложения способствует не только справедливому распределению национального дохода, но и формированию денежных фондов для финансирования мероприятий, направленных на реализацию социальной политики государства.

Отечественными экономистами и представителями политических партий периодически предлагаются модели прогрессивной шкалы. Концептуально они одинаковы и отражают суть прогрессивного налого-

Таблица 5. Предлагаемая шкала налогообложения доходов физических лиц [10, 16, 23]

КПРФ		Справедливая Россия		ЭАЦ «Модернизация»	
Доход, руб./мес.	Ставка, %	Доход, руб./мес.	Ставка, %	Доход, руб./мес.	Ставка, %
До 400 000	13,0	До 2 000 000	13,0	До 15 000	0
От 400 000 до 1 000 000	13,0–30,0	От 2 000 000 до 8 000 000	25,0	От 15 000 до 250 000	13,0
Свыше 1 000 000	50,0	От 8 000 000 до 16 000 000	35,0	От 250 000 до 1 000 000	30,0
		Свыше 16 000 000	50,0	Свыше 1 000 000	50,0
Оценка дополнительных поступлений НДФЛ, трлн. руб. в год					
1,7		Н.д.		2,0–3,0	

обложения (чем больше доход, тем выше ставка), но имеются отличия в размере облагаемого дохода.

В таблице 5 приведены примеры вариантов прогрессивных ставок, отражённых в законопроектах, инициированных КПРФ и партией «Справедливая Россия», а также предложенных Экспертно-аналитическим центром «Модернизация»⁵.

Нам представляется оптимальной градация налоговых ставок, предложенная экспертами ЭАЦ «Модернизация», на том основании, что она предусматривает необлагаемый минимум в 15 тыс. руб., благодаря которому 30% населения⁶ будут освобождены от уплаты НДФЛ.

До сих пор в российской налоговой практике отсутствует применение необлагаемого минимума доходов населения. Те налоговые вычеты по НДФЛ, которые предоставляются отдельным категориям граждан, несопоставимы по своему значению с необлагаемым минимумом. Так, в 2015 г. стандартный налоговый вычет

родителям, имеющим одного-двух детей, составлял 1400 руб. в месяц, или 9,3% от величины предлагаемого экспертами необлагаемого минимума (15 тыс. руб.). Нельзя не сказать и о том, что размер вычета на детей не пересматривался и не индексировался с 2012 г., что не соответствует изменению макроэкономической динамики.

В государствах, применяющих прогрессивные ставки подоходного налога, годовой необлагаемый минимум доходов варьируется от 15 до 51 тыс. руб. (табл. 6).

Таблица 6. Необлагаемый минимум доходов граждан в странах мира в 2014 г.

Страна	Тыс. руб. в месяц*
Сингапур	51,2
Великобритания	49,6
Австрия	40,0
Германия	28,8
США	28,7
Бразилия	24,0
Австралия	14,7
Таиланд	14,7

* Необлагаемый доход, указанный в долларах США, переведён в рубли по средневзвешенному курсу за 2014 г.
Источник: данные справочного портала Калькулятор. – Режим доступа: <https://www.calc.ru/>

⁵ ЭАЦ «Модернизация» представлен такими видными российскими учёными, как М.Д. Абрамов, В.Л. Иноземцев, В.А. Кашин, Р.И. Нигматулин, В.А. Цветков, А.В. Чуев.

⁶ Согласно предварительным данным Росстата, в 2015 г. 29,4% россиян имели среднемесячный доход 5–15 тыс. руб.

Таким образом, в случае установления в РФ необлагаемого минимума подоходного налогообложения в размере 15 тыс. руб. в месяц он будет сопоставим с необлагаемым минимумом, действующим, например, в Австралии и Таиланде. Кроме того, введение необлагаемого минимума могло бы в перспективе создать предпосылки для отмены большей части налоговых вычетов.

Ещё одним достоинством варианта, предложенного экспертами, является то, что повышенные ставки не затронут средний класс, поскольку месячный доход его представителей далёк от размера 250 тыс. рублей⁷, облагаемого по ставкам более 13%.

Если обратиться к информации о декларированных гражданами РФ доходах за 2014 г., размещённой на сайте ФНС, то можно увидеть, что годовыми доходами свыше 1 млн. рублей располагали 688965 человек, или всего 1% среднегодовой численности занятых в экономике. Введение повышенных ставок в отношении доходов только этой категории граждан позволит ежегодно пополнять бюджет на 2,8 трлн. руб., что подтверждает оценки экспертов ЭАЦ «Модернизация» (табл. 7).

Таким образом, по варианту прогрессивной шкалы, предложенной экспертами, повышение налоговой нагрузки коснётся незначительной части россиян, а прибавка бюджетных доходов будет существенной.

К сожалению, российские власти игнорируют предложения учёных и экспертов. Все законопроекты⁸, ежегодно вносившиеся в Госдуму фракциями КПРФ и «Справедливой России», тоже были отклонены.

В качестве одного из основных аргументов против введения прогрессивной шкалы приводится рост бегства капитала и вывод доходов из-под налогообложения, в том числе с помощью офшоров [20]. Результаты многолетних исследований ИСЭРТ РАН доказали, что и без прогрессивного налогообложения все эти процессы имеют место, а в последние годы усиливаются благодаря целенаправленным действиям властей по созданию условий для минимизации налогообложения крупного капитала [9, 18, 19].

Так, если в 2000–2007 гг. ввоз капитала в РФ превысил его вывоз на 1,7 трлн. руб., то на протяжении всего периода 2008–2015 гг. прослеживалась обратная тенденция: чистый вывоз финансовых ресурсов из РФ составил 21,5 трлн. руб., или 4,5% ВВП,

Таблица 7. Расчет дополнительных поступлений НДФЛ по ставкам 30–50%

Размер годового дохода	Число граждан, подавших декларации, чел.	Средний облагаемый доход, млн. руб.*	Совокупный доход, млрд. руб.	НДФЛ	
				Ставка, %	Млрд. руб.
От 1 до 10 млн. руб.	654754	4	2619,0	30	785,7
От 10 до 100 млн. руб.	28950	40	1158,0	50	579,0
От 100 до 500 млн. руб.	4221	200	844,2	50	422,1
От 500 млн. до 1 млрд. руб.	613	400	245,2	50	122,6
От 1 до 10 млрд. руб. и выше	427	4000	1708,0	50	854,0
Итого	688965	x	6574,4	x	2763,4

* Рассчитан в размере 40% от максимального дохода.
Источник: расчёт автора по данным ФНС.

⁷ По данным швейцарского банка Credit Suisse, в 2015 г. годовой доход представителей среднего класса в России составил 18 тыс. долларов [27].

⁸ Первый законопроект был внесён КПРФ в 2010 г.

чему не в малой степени способствовала либерализация валютного законодательства, в ходе которой были сняты все ограничения по трансграничному движению капитала и валютному контролю⁹.

Основные изменения, внесённые в последние годы в налоговое законодательство, отвечали интересам крупнейших налогоплательщиков и обедняли бюджет. Количественные оценки, полученные в ходе анализа финансовой отчётности ведущих нефтегазовых и металлургических корпораций, позволили констатировать, что в результате использования множественных каналов минимизации налогообложения бюджетной системе страны наносился ежегодный урон не менее 3 трлн. руб.

Следующие цифры позволяют судить о масштабах офшоризации только одной отрасли экономики — чёрной металлургии: от 50 до 90% операций по реализации металлопродукции на внешних рынках было связано с трейдерными структурами, действующими в офшорных юрисдикциях, с помощью которых ежегодно выводилось из-под российского налогообложения более 40 млрд. руб. экспортной выручки.

Один из важнейших выводов, сделанных учёными ИСЭРТ РАН, состоит в том, что, отказавшись от эффективного осуществления социальной функции налогообложения, правящая элита пошла на поводу у крупных собственников, освободив их от легализации сверхдоходов и усиливая тем самым конфликт интересов в российском обществе.

России необходимо социально ориентированное налогообложение доходов фи-

зических лиц. Пока же основная часть НДФЛ собирается с относительно бедных россиян, численность которых более 60%. По словам д.э.н. М.М. Соколова, «это выглядит настоящим парадоксом современной налоговой системы, когда бедные содержат богатых — через финансирование за счёт подоходного налога школ, больниц, полиции, армии» [22].

Представляется, что следующие задачи социально-экономического развития России могут быть реализованы за счёт введения прогрессивной шкалы.

Во-первых, значительно (на 30–40%) увеличится доходная база субфедеральных бюджетов, что в свою очередь позволит постепенно отменить неэффективную систему выравнивания бюджетной обеспеченности регионов.

Во-вторых, снижение налоговой нагрузки затронет основную часть населения и будет способствовать повышению покупательского спроса и росту экономики.

В-третьих, справедливое распределение национального богатства предопределяет социальную направленность налоговой политики и создаст условия для снижения высокой социальной поляризации российского общества.

Весьма убедительным представляется вывод академика РАН Р.И. Нигматулина: «Нынешнее распределение доходов и нынешняя налоговая концепция не позволяют сохранить государство, развивать народ и его производительные силы. На этом пути нет никакой перспективы. И чем дольше откладываются соответствующие реформы, тем тяжелее и болезненнее они будут позднее, и тем больше риск деградации страны, потери социальной устойчивости и революционных потрясений» [11].

⁹ Федеральный закон «О внесении изменений в Федеральный закон «О валютном регулировании и валютном контроле» от 26.07.2006 г. № 131-ФЗ.

Литература

1. Акиндинова, Н.В. Экономика России: перед долгим переходом / Н.В. Акиндинова, Е.Г. Ясин, Я.И. Кузьминов // Вопросы экономики. – 2016. – № 6. – С. 5-35.
2. Блог об инвестициях «Активный инвестор». – Режим доступа: <http://activeinvestor.pro/dohodnost-finansovyh-instrumentov-v-2015-godu-itogi-goda/>
3. В 2017 году у государства закончатся деньги на выплату зарплат // Официальный сайт газеты «Московский комсомолец». – Режим доступа: <http://www.mk.ru/economics/2016/07/31/>
4. В ЕР раскритиковали идею введения прогрессивной шкалы подоходного налога // Взгляд. – 2016. – 28 мар.
5. Власти намерены отстаивать сохранение плоской шкалы НДФЛ // Официальный сайт Информационного агентства «Клерк.Ру». – Режим доступа: <http://www.klerk.ru/buh/news/440845/>
6. Вологодские коммерсанты выйдут из тени // Официальный сайт Правительства Вологодской области. – Режим доступа: <http://vologda-oblast.ru/novosti/>
7. Глава Минэкономразвития выступает против введения прогрессивной шкалы налогообложения // Российский налоговый портал. – Режим доступа: <http://taxpravo.ru/novosti/statuya-356287>
8. Голодец: 36% россиян работают неформально // Интернет-издание «Газета. Ру». – Режим доступа: https://www.gazeta.ru/business/news/2015/07/13/n_7372597.shtml
9. Ильин, В.А. Эффективность государственного управления 2000–2015. Противоречивые итоги – закономерный результат / В.А. Ильин, А.И. Поварова. – Вологда: ИСЭРТ РАН, 2016. – 304 с.
10. Кашин, В.А. Промышленная политика и налоговое регулирование / В.А. Кашин, М.Д. Абрамов. – М.: ИПР РАН, 2015. – 164 с.
11. Кризис и модернизация России – тринадцать теорем // Персональный сайт Р.И. Нигматулина. – Режим доступа: <http://www.nigmatulin.ru/stati-i-publikatsii/>
12. Кричевский, Н.А. Как обустроить бюджет / Н.А. Кричевский // Свободная пресса. – 2016. – 31 мар.
13. Ленин, В.И. Полн. собр. соч. – Т. 38. – С. 122 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://lenin-uljanov.narod.ru/sobran_0.html
14. Медведев предложил учителям, недовольным зарплатой, уйти в бизнес // Официальный сайт ИА REGNUM. – Режим доступа: <https://regnum.ru/news/2162940.html>
15. Минфин: прогрессивной шкалы подоходного налога не будет // Информационно-дискуссионный портал Newsland. – Режим доступа: <https://newsland.com/user/4297686316/>
16. О внесении изменений в главу 23 части второй Налогового кодекса Российской Федерации в части введения прогрессивной шкалы налога на доходы физических лиц: законопроект № 851098-6 // Официальный сайт Государственной Думы РФ. – Режим доступа: <http://www.asozd.duma.gov.ru/main.nsf/>
17. Пансков, В.Г. К вопросу о прогрессивной шкале налогообложения доходов физических лиц / В.Н. Пансков // Налоги и налогообложение. – 2009. – № 7. – С. 14-19.
18. Поварова, А.И. Взаимоотношения металлургических комбинатов с бюджетом: долги растут, налоги падают / А.И. Поварова // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. – 2014. – № 6. – С. 159-182.
19. Поварова, А.И. Влияние интересов собственников металлургических корпораций на результаты деятельности головного предприятия / А.И. Поварова // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. – 2011. – № 5. – С. 36-51.
20. Прогрессивная шкала НДФЛ // Информационно-аналитическое электронное издание «Бухгалтерия. ru». – Режим доступа: <http://www.buhgalteria.ru/article/n139061>
21. Пушкарева, В.М. История финансовой мысли и политики налогов. / В.М. Пушкарева. – М.: Финансы и статистика, 2005. – 124 с.
22. Соколов, М.М. О налоговой нагрузке в экономике России и зарубежных стран / М.М. Соколов // Экономист. – 2016. – № 6. – С. 77-89.
23. Фракция КПРФ внесла в Госдуму законопроект о прогрессивной шкале НДФЛ // Официальный сайт КПРФ. – Режим доступа: <https://kprf.ru/dep/initiatives/149011.html>
24. Фридман, М. Капитализм и свобода / М. Фридман. – М.: Новое издательство, 2006. – 240 с.

25. Шевяков, А.Ю. Неравенство доходов как фактор экономического и демографического роста / А.Ю. Шевяков // Инновации. – 2011. – № 1. – С. 7-19.
26. 200 богатейших бизнесменов России-2016 // Официальный сайт журнала Forbes. – Режим доступа: <http://www.forbes.ru/rating/200-bogateishikh-biznesmenov-rossii-2016/>
27. The Global Wealth Report 2015. – URL: <https://www.credit-suisse.com/ch/en/about-us/research/research-institute/publications.html>
28. Keynes, J.M. The General Theory of Employment, Interest and Money / J.M. Keynes. – URL: <https://www.hse.ru/pubs/share/direct/document/118199413>
29. Seidl, C. Measurement of tax progression with different income distribution / C. Seidl. – URL: <https://www.hse.ru/data/620/927/1235/Steuerprogramm.pdf>

Сведения об авторе

Анна Ивановна Поварова – старший научный сотрудник, Институт социально-экономического развития территорий Российской академии наук (160014, Россия, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а, aip150663@yandex.ru)

Povarova A.I.

Reforming Individual Income Tax Is the Crucial Factor in Stabilizing the Budgetary System

Abstract. The reason for writing this article was a statement of the First Deputy Finance Minister Tatyana Nesterenko who claimed that in 2017 the government would run out of money to pay salaries to budgetary sphere employees [3]. Indeed, the reserves accumulated in the fat years are running out. The Government of the Russian Federation finds the following sources to cover the growing budget deficit: first, privatization of the remnants of state property, which will create a momentary effect and will not become a stable channel for filling the treasury; and second, major cuts on spending that on the eve of the electoral cycle can aggravate protest moods of Russians caused by a sharp deterioration of the standard of living. The majority of representatives of the expert and scientific community, including ISEDT RAS employees, consider the urgent need to reform the system for taxation of individual income tax by introducing a progressive tax scale as one of the main solutions to the growing imbalance of the budgetary system. This scale is applied successfully in all the countries of the OECD, G20 and BRICS. The goal of the present paper is to substantiate the need for reformation of individual income tax as a driving force of sustainable mobilization of budget funds. As a hypothesis, an assumption is made concerning the existence of a direct link between the redistribution of income through progressive taxation and an increase in the resource potential of the budgetary system. Research findings presented in the paper confirm that the current mechanisms for taxation of people's incomes do not correspond to the constitutional principles of equality, social orientation and economic viability. As a result, judging by the most important indicators of socio-economic development, Russia lags behind developed countries and some comparable developing countries. Excessive income polarization brings to the fore the issue concerning individual income tax modification. The Russian leadership ignores the introduction of progressive taxation of individual income. Meanwhile, according to the most approximate calculations, if incremental taxation rate is applied to the incomes of 77 super-rich Russian businessmen, it will help replenish the budget by 2.2 trillion rubles that will solve the debt crisis issue in Russia's regions, and in the future – significantly reduce the level of subsidization and dependence on the federal center.

Key words: income taxation, progressive tax, flat rate for individual income tax, budgetary system, income differentiation, reforming individual income tax.

References

1. Akindinova N.V., Yasin E.G., Kuz'minov Ya.I. *Ekonomika Rossii: pered dolгим perekhodom* [Russia's economy: Before the long transition]. *Voprosy ekonomiki* [Economic issues], 2016, no. 6, pp. 5-35. (In Russian).
2. *Blog ob investitsiyakh "Aktivnyi investor"* [Blog about investments "Active investor"]. Available at: <http://activeinvestor.pro/dohodnost-finansovyh-instrumentov-v-2015-godu-itogi-goda/>. (In Russian).
3. V 2017 godu u gosudarstva zakonchatsya den'gi na vyplatu zarplat [In 2017, the state will run out of money to pay salaries]. *Ofitsial'nyi sait gazety "Moskovskii komsomolets"* [Official website of the newspaper "Moskovsky Komsomolets"]. Available at: <http://www.mk.ru/economics/2016/07/31/>. (In Russian).
4. VER raskritikovali ideyu vvedeniya progressivnoi shkaly podokhodnogo naloga [The United Russia party criticized the idea of introducing progressive taxation for individual income tax]. *Vzglyad* [View], 2016, March 28. (In Russian).
5. Vlasti namereny otstaivat' sokhraneniye ploskoi shkaly NDFL [The authorities intend to defend the preservation of the flat rate for individual income tax]. *Ofitsial'nyi sait Informatsionnogo agentstva "Klerk.Ru"* [Official website of the Information Agency "Clerk.Ru"]. Available at: <http://www.klerk.ru/buh/news/440845/>. (In Russian).
6. Vologodskie kommertsanty vyidut iz teni [Vologda entrepreneurs will come out of the shadows]. *Ofitsial'nyi sait Pravitel'stva Vologodskoi oblasti* [Official website of the Vologda Oblast Government]. Available at: <http://vologda-oblast.ru/novosti/>. (In Russian).
7. Glava Minekonomrazvitiya vystupaet protiv vvedeniya progressivnoi shkaly nalogooblozheniya [The Minister of Economic Development opposes the introduction of progressive taxation]. *Rossiiskii nalogovyi portal* [Russian tax portal]. Available at: <http://taxpravo.ru/novosti/statya-356287>. (In Russian).
8. Golodets: 36% rossiyan rabotayut neformal'no [Golodets: 36% of Russians work in the informal sector]. *Internet-izdanie "Gazeta. Ru"* [Internet edition "Gazeta. Ru"]. Available at: https://www.gazeta.ru/business/news/2015/07/13/n_7372597.shtml. (In Russian).
9. Ilyin V.A., Povarova A.I. *Effektivnost' gosudarstvennogo upravleniya 2000–2015. Protivorechivye itogi – zakonomernyi rezul'tat* [Public administration efficiency 2000-2015. Contradictory outcomes – a natural result]. Vologda: ISERT RAN, 2016. 304 p. (In Russian).
10. Kashin V.A., Abramov M.D. *Promyshlennaya politika i nalogovoe regulirovaniye* [Industrial policy and tax regulation]. Moscow: IPR RAN, 2015. 164 p. (In Russian).
11. Krizis i modernizatsiya Rossii – trinadtsat' teorem [Crisis and modernization of Russia – thirteen theorems]. *Personal'nyi sait R.I. Nigmatulina* [Personal website of R.I. Nigmatulin]. Available at: <http://www.nigmatulin.ru/stati-i-publikatsii/>. (In Russian).
12. Krichevskii N.A. Kak obustroit' byudzheth [How to build a budget]. *Svobodnaya pressa* [Free press], 2016, March 31. (In Russian).
13. Lenin V.I. *Poln. sobr. soch.* [Complete works]. Vol. 38. P. 122 Available at: http://lenin-ulijanov.narod.ru/sobran_0.html. (In Russian).
14. Medvedev predlozhl uchitelyam, nedovol'nym zarplatoj, uiti v biznes [Medvedev suggested that teachers who are dissatisfied with salary should go into business]. *Ofitsial'nyi sait IA REGNUM* [Official website of IA REGNUM]. Available at: <https://regnum.ru/news/2162940.html>. (In Russian).
15. Minfin: progressivnoi shkaly podokhodnogo naloga ne budet [Ministry of Finance: there will be no progressive taxation for individual income]. *Informatsionno-diskussionnyi portal Newsland* [Information and discussion portal Newsland]. Available at: <https://newsland.com/user/4297686316/>. (In Russian).
16. O vnesenii izmenenii v glavu 23 chasti vtoroi Nalogovogo kodeksa Rossiiskoi Federatsii v chasti vvedeniya progressivnoi shkaly naloga na dokhody fizicheskikh lits: zakonoproekt № 851098-6 [On amendments to Chapter 23 of the Tax Code of the Russian Federation regarding the introduction of progressive taxation for individual income: bill No. 851098-6]. *Ofitsial'nyi sait Gosudarstvennoi Dumy RF* [Official website of the State Duma of the Russian Federation]. Available at: <http://www.asozd.duma.gov.ru/main.nsf/>. (In Russian).
17. Panskov V.G. K voprosu o progressivnoi shkale nalogooblozheniya dokhodov fizicheskikh lits [Revisiting the issue concerning progressive taxation for incomes of physical persons]. *Nalogi i nalogooblozhenie* [Taxes and taxation], 2009, no. 7, pp. 14-19. (In Russian).
18. Povarova A.I. Vzaimootnosheniya metallurgicheskikh kombinatov s byudzhetom: dolgi rastut, nalogi padayut [Relationship between metallurgical works and the budget: debt increases, taxes decline]. *Ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny: fakty, tendentsii, prognoz* [Economic and social changes: facts, trends, forecast], 2014, no. 6, pp. 159-182. (In Russian).

19. Povarova A.I. Vliyanie interesov sobstvennikov metallurgicheskikh korporatsii na rezul'taty deyatel'nosti golovnoy predpriyatiya [The influence of the metallurgical corporation owners' interests on the financial performances of the parent enterprise]. *Ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny: fakty, tendentsii, prognoz* [Economic and social changes: facts, trends, forecast], 2011, no. 5, pp. 36-51. (In Russian).
20. Progressivnaya shkala NDFL [Progressive taxation of individual income tax]. *Informatsionno-analiticheskoe elektronnoe izdanie "Bukhgalteriya.ru"* [Information-analytical electronic periodical "Bukhgalteria.ru"]. Available at: <http://www.bukhgalteria.ru/article/n139061>. (In Russian).
21. Pushkareva V.M. *Istoriya finansovoi mysli i politiki nalogov* [History of financial thought and tax policy]. Moscow: Finansy i statistika, 2005. 124 p. (In Russian).
22. Sokolov M.M. O nalogovoi nagruzke v ekonomike Rossii i zarubezhnykh stran [On the tax burden in the economy of Russia and foreign countries]. *Ekonomist* [The Economist], 2016, no. 6, pp. 77-89. (In Russian).
23. Fraktsiya KPRF vnesla v Gosdumu zakonoproekt o progressivnoi shkale NDFL [The KPRF party submitted a bill on progressive taxation of individual income tax to the State Duma]. *Ofitsial'nyi sait KPRF* [Official website of KPRF]. Available at: <https://kprf.ru/dep/initiatives/149011.html>. (In Russian).
24. Friedman M. *Kapitalizm i svoboda* [Capitalism and freedom]. Moscow: Novoe izdatel'stvo, 2006. 240 p. (In Russian).
25. Shevyakov A.Yu. Neravenstvo dokhodov kak faktor ekonomicheskogo i demograficheskogo rosta [Income inequality as a driver of economic and demographic growth]. *Innovatsii* [innovations], 2011, no. 1, pp. 7-19. (In Russian).
26. 200 bogateishikh biznesmenov Rossii-2016 [200 richest businessmen of Russia – 2016]. *Ofitsial'nyi sait zhurnala Forbes* [Official website of Forbes Magazine]. Available at: <http://www.forbes.ru/rating/200-bogateishikh-biznesmenov-rossii-2016/>. (In Russian).
27. *The Global Wealth Report 2015*. Available at: <https://www.credit-suisse.com/ch/en/about-us/research/research-institute/publications.html>
28. Keynes J.M. *The General Theory of Employment, Interest and Money*. Available at: <https://www.hse.ru/pubs/share/direct/document/118199413>
29. Seidl, C. Measurement of tax progression with different income distribution / C. Seidl. – URL: <https://www.hse.ru/data/620/927/1235/Steuerprogramm.pdf>

Information about the Author

Anna Ivanovna Povarova – Senior Research Associate, Institute of Socio-Economic Development of Territories of Russian Academy of Science (56A, Gorky Street, Vologda, 160014, Russian Federation, aip150663@yandex.ru)

Статья поступила 18.08.2016.

ИННОВАЦИОННОЕ РАЗВИТИЕ

DOI: 10.15838/esc.2016.6.48.12

УДК 332.14, ББК 65.239.711

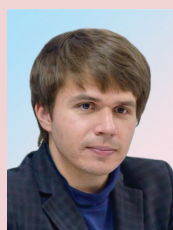
© Лаврикова Ю.Г., Антипин И.А., Прядеин А.А., Суворова А.В.

Прогноз развития крупнейшего города: конструирование инновационного будущего



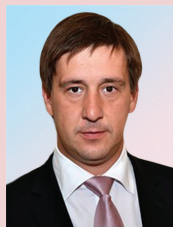
**Юлия Георгиевна
ЛАВРИКОВА**

доктор экономических наук
Институт экономики Уральского отделения Российской академии наук
620014, Россия, Свердловская область, г. Екатеринбург, ул. Московская, д. 29
lavrikova_ug@mail.ru



**Иван Александрович
АНТИПИН**

кандидат экономических наук
Уральский государственный экономический университет
620144, Россия, Свердловская область, г. Екатеринбург, ул. 8 Марта, д. 62
aia87@mail.ru



**Алексей Анатольевич
ПРЯДЕИН**

кандидат экономических наук
Администрация города Екатеринбурга
620014, Россия, Свердловская область, г. Екатеринбург, пр. Ленина, д. 24а
de@ekadm.ru



**Арина Валерьевна
СУВОРОВА**

кандидат экономических наук
Институт экономики Уральского отделения Российской академии наук
620014, Россия, Свердловская область, г. Екатеринбург, ул. Московская, д. 29
Gotika.bell@mail.ru

Для цитирования: Прогноз развития крупнейшего города: конструирование инновационного будущего / Ю.Г. Лаврикова, И.А. Антипин, А.А. Прядеин, А.В. Суворова // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. – 2016. – № 6. – С. 214-235. DOI: 10.15838/esc.2016.6.48.12

For citation: Lavrikova Yu.G., Antipin I.A., Pryadein A.A., Suvorova A.V. Major city development forecast: designing the innovative future. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 2016, no. 6, pp. 214-235. DOI: 10.15838/esc.2016.6.48.12

Аннотация. В статье описываются результаты применения авторского подхода к прогнозированию развития крупнейшего города (в качестве полигона исследования выступил один из крупнейших российских городов – Екатеринбург). Представлены основные результаты разработки многовариантного долгосрочного прогноза социально-экономического развития города Екатеринбурга: изложены основные положения подхода, применяемого к созданию такого рода документов, дается краткое описание методики прогнозирования, дан прогноз ключевых сфер жизни города в контексте предлагаемых сценариев развития, а также описаны основные риски долгосрочного развития города. Проведенное исследование базируется на применении целого комплекса методов прогнозирования, таких как экономико-математическое моделирование, балансовый и когортно-компонентный методы, методы экстраполяции и экспертных оценок. В статье рассмотрено положение города Екатеринбурга относительно других городов-миллионников, оценены ключевые перспективы развития муниципалитета. Рекомендовано использовать при разработке прогноза подход, базирующийся на учете сценарных «развилки» (каждая из которых дает по два альтернативных сценария), что позволило предложить восемь вариантов преобразования города. Наиболее подробно описаны три сценария развития Екатеринбурга, использование которых дало возможность рассмотреть экономические и социальные составляющие городской системы в разных условиях. Это инерционный, базовый и инновационный пути развития города (отмечена особая значимость инновационного сценария). Дана подробная характеристика возможных путей преобразования демографического потенциала, экономических и трудовых ресурсов. В исследовании определена также степень рисков и угроз долгосрочного развития Екатеринбурга, оценены внешние и внутренние (технологические, инфраструктурные, демографические, экологические) риски. Полученные результаты являются важным элементом системы планирования развития города, поскольку эффективное управление развитием городского социально-экономического комплекса может быть осуществлено только при адекватном отображении возможных направлений его преобразования.

Ключевые слова: прогнозирование, сценарии развития, крупнейший город, демографический прогноз, экономический прогноз, прогноз трудовых ресурсов.

В условиях необходимости качественного обновления ключевых стратегических документов разного уровня, продиктованной, с одной стороны, кардинальными изменениями нормативно-правовых аспектов организации деятельности, связанной с осуществлением стратегического планирования в РФ, с другой стороны, трансформацией ряда внешнеполитических условий и макроэкономических факторов, принципиально важным представляется четкое понимание управленческими структурами долгосрочных перспектив дальнейшего развития страны в целом, а также ее отдельных территорий [7, 10, 13]. Не остаются в стороне от процессов

долгосрочного прогнозирования и российские города. В одном из крупнейших из них – Екатеринбурге – в 2016 г. был разработан социально-экономический прогноз развития муниципалитета, предусматривающий формирование видения будущего состояния города до 2035 г. Научным сопровождением данного прогноза занимался коллектив Института экономики УрО РАН. Целью масштабного научного исследования была не только разработка методологии прогнозирования долгосрочного развития крупнейшего города в современных непростых условиях, но и сам процесс формирования (конструирования) видения будущего развития города.

Процессы прогнозирования муниципальных образований находят отражение во многих научных работах [8; 12 и др.] Термин «конструирование» используется авторами в исследовании в связи с тем, во-первых, что прогнозирование видения будущего развития города не может являться результатом мыслительного процесса только одного человека или одной группы людей. Будущее города должно формироваться на основе представления о нем различных групп: власти, бизнеса, науки, образования, общественности и др. Сведение, собирание различных точек зрения в единое представление о будущем развитии города является самостоятельным и достаточно сложным процессом. Во-вторых, процесс формирования прогнозных сценариев состоит в определении набора и последовательности актуальных «развилки» развития. Что также можно вполне ассоциировать с процессом конструирования будущего.

Будущее российских городов-миллионников, не исключая Екатеринбург, в горизонте 5–10 лет примерно одинаковое. Оно ставит своей целью создать качество городской среды, не уступающее мировым городам. По сути, речь идет о конструировании «постиндустриального города», с развитой экономикой услуг, современной торговлей, развлечениями и общественными пространствами [15–20].

В определенном смысле, решение поставленных задач реализуется в ходе инерционного пути развития, поскольку уже сейчас в Екатеринбурге *задан достаточно высокий темп развития* [4] и характерные черты общего и практически неизбежного «постиндустриального» будущего города связаны в основном с развитием потребительского рынка и массовой застройкой. На более широком горизонте планирования – 10–20 лет – результат

такого, по сути, *догоняющего развития города* довольно предсказуем и в принципе реалистичен. Сегодня Екатеринбург по многим показателям (как абсолютным, так и среднестатистическим) имеет высокие рейтинги по сравнению с городами-миллионниками. Однако данный результат будет лишен *главной ценности*, которая только и имеет значение в долгосрочной геокультурной конкуренции городов за людей и проекты – уникальности.

Главной целью долгосрочного развития Екатеринбурга является *формирование будущей уникальности города*. Борьба за уникальность и разнообразие – такая же инвестиция в процветание города, как и битва за привлечение «стратегического инвестора», технопарков и кластеров. Результат этой борьбы будет виден не через 2–3 года, а через 20–30 лет.

При проведении сценарного анализа обычно считается, что пространство возможностей дискретно и исчерпывается предложенным набором сценариев (смотри, например [1–3; 7; 11; 14]). Как правило, указывается инерционный сценарий («что будет, если ничего не делать?») и возможные пути отклонения от него. Для каждого такого отклонения рисуется «окно возможностей», внутри которого могут быть приняты управленческие решения, отклоняющие развитие системы от инерционного сценария. Неявно предполагается, что после прохождения «окна выбора» изменить сделанный выбор нельзя и дальнейшее развитие будет носить фиксированный характер до следующей «точки ветвления». *Подобный подход не вполне подходит процессу принятия решений в отношении развития города*. Как правило, «окно выбора» включает в себе не единовременное управленческое действие, а выбор определенной стратегии, которая, как и любая стратегия, может

быть не реализована. Кроме того, развитие города – крайне инерционный, продолжительный процесс, включающий в себя большое число долгосрочных процессов, унаследованных от событий многолетней давности (к примеру, урбанизация как отток сельского населения в города продолжается уже не один век). Таким образом, сценарии развития городов должны быть построены в иной логике.

Альтернативный подход Института экономики УрО РАН построен на представлении о «неизбежном будущем». В обсуждении будущего Екатеринбурга, основанного на этой концепции сценариев, нами выделяются (рис. 1):

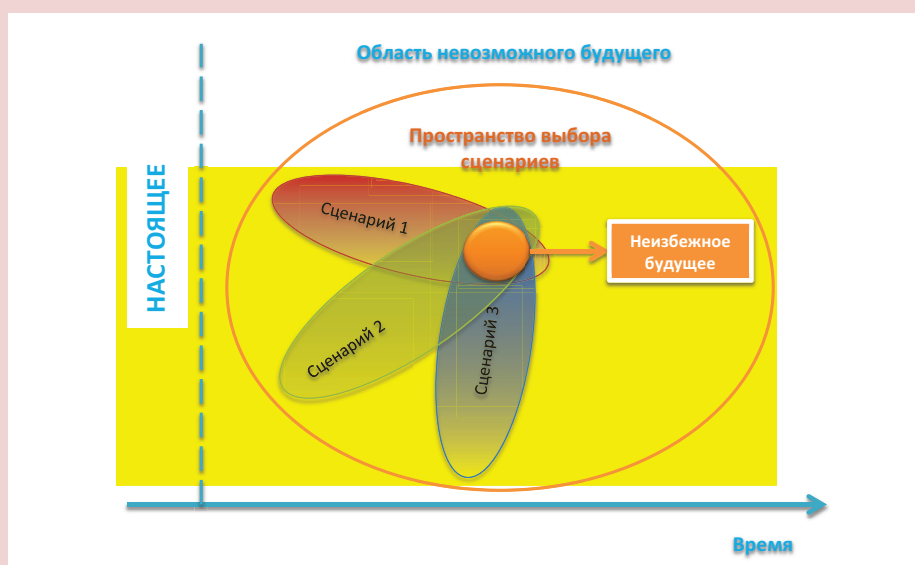
1) «неизбежное будущее» – события, тренды, технологии, которые будут реализованы *в любом случае* (пример: при любом сценарии развития проблема износа застройки или инженерных коммуникаций не исчезнет); «неизбежное будущее» определяется базальтернативными трендами и никоим образом не зависит от принятых управленческих решений;

2) «невозможное будущее» – события, тренды, технологии, которые не произойдут *ни в каком случае* (пример: регулярно обсуждаемое развитие города в логике тактического урбанизма не сформирует новое качество городской среды, хотя движение в этом направлении породит массу интересных и полезных решений);

3) сценарии развития – сюжетные, определяемые социальными, технологическими и иными трендами *долгосрочные версии развития событий*. После выбора предпочтительного сценария поверх него можно построить собственную стратегию.

При этом подходе деятельность лиц, принимающих решение, заключается в выборе субъективно наиболее приемлемой версии развития. Такая версия в обязательном порядке включает в себя «неизбежное будущее», но на больших временных горизонтах может быть намного разнообразнее его. Задачей управления городом является выбор своей собственной траектории в пространстве сценариев

Рисунок 1. Логическая схема сценарирования



– своего собственного сценария. Реализация такого сценария носит проектный характер, при этом все возможные альтернативы этому сценарию рассматриваются как его риски.

Среди российских городов-миллионников Екатеринбург занимает ведущее положение после Москвы и Санкт-Петербурга. По данным Росстата, Екатеринбург имеет значение совокупного рейтинга, равное 1 (табл. 1). Такое высокое значение рейтинга обусловлено в первую очередь высокими показателями уровня заработной платы, развития сферы торговли, услуг и жилищного строительства. Таким образом, из числа российских городов, к уровню жизни которых может стремиться Екатеринбург, можно выделить только Москву и Санкт-Петербург. Однако использование этих городов в качестве ори-

ентиров затруднено в силу принципиального отличия по структуре экономики.

В рамках постановки задачи на долгосрочное развитие Екатеринбурга работу необходимо вести одновременно в *трех временных горизонтах*. Однако на этапе постановки задачи разработки долгосрочного прогноза, принимая в расчет тактические и локальные приоритеты развития города, большее внимание следует уделить методам стратегического урбанизма.

Для обоснования сценариев долгосрочной стратегии Екатеринбурга в ходе работы над долгосрочным прогнозом были учтены *три масштаба развития*:

1) мировая политика развития – определение места города в мировом пространстве, учет опыта и индикаторов развития мировых городов-аналогов, обоснование вектора международных связей;

Таблица 1. Сопоставление ранговых позиций г. Екатеринбурга и других городов с численностью населения более 1 млн. чел. (2015 г.)

Показатели	Екатеринбург	Волгоград	Воронеж	Казань	Красноярск	Нижний Новгород	Новосибирск	Омск	Пермь	Ростов-на-Дону	Самара	Уфа	Челябинск
Численность населения на 01.01.2016	2	13	12	4	10	3	1	6	11	9	7	8	5
Численность работников крупных и средних организаций	1	13	12	5	11	2	3	8	9	10	4	7	6
Инвестиции в основной капитал в жилищное строительство	1	11	2	4	2	13	5	10	9	6	12	7	8
Оборот розничной торговли в расчете на душу населения	1	9	7	4	8	6	-	10	5	3	11	2	-
Оборот общественного питания в расчете на душу населения	1	11	10	4	9	8	-	7	3	2	6	5	-
Строительство жилья за счет всех источников финансирования	2	12	4	7	8	13	1	9	11	3	5	6	10
Среднемесячная начисленная заработная плата	1	13	12	8	2	5	3	11	4	7	9	6	10

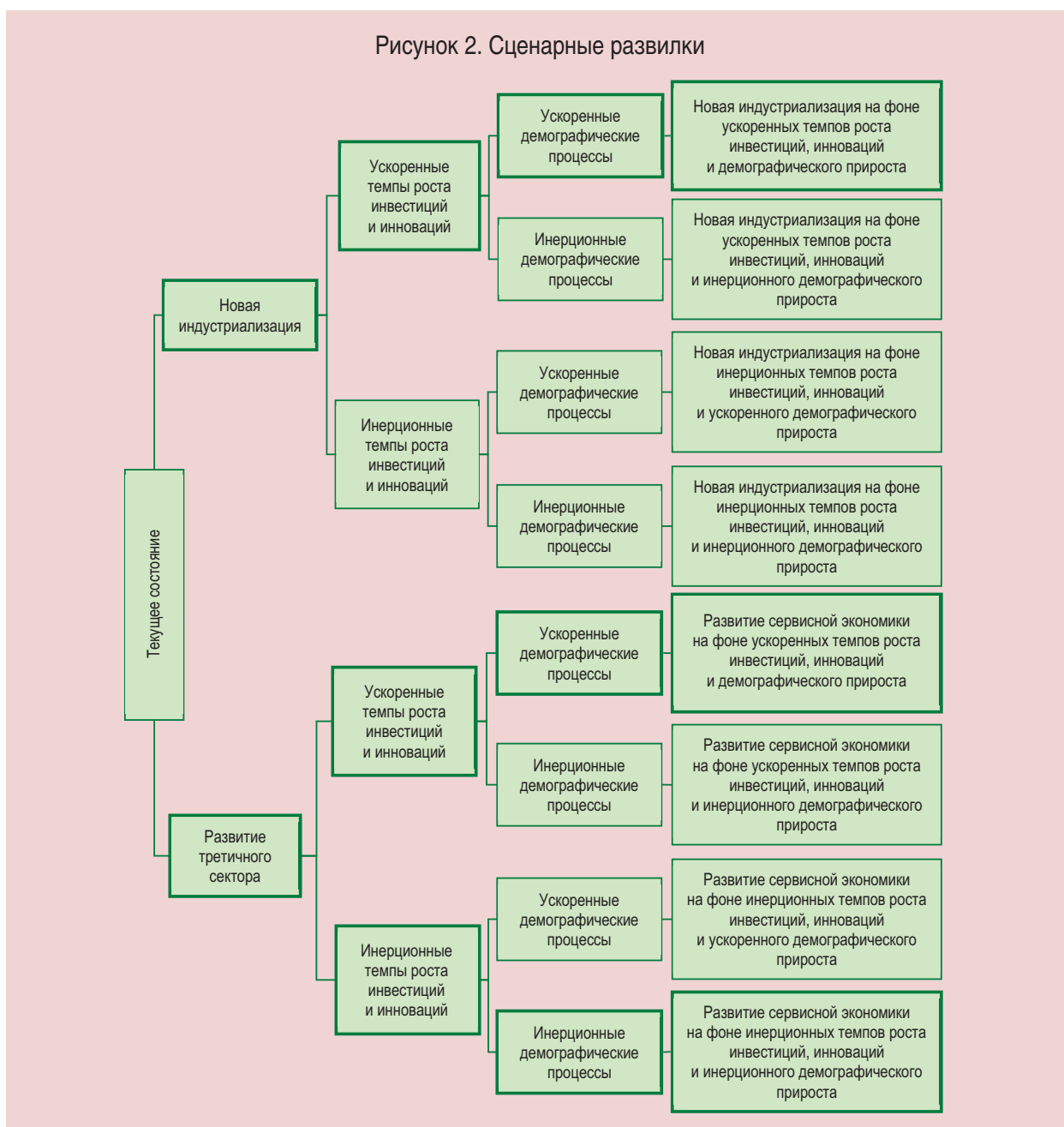
Источник: Итоги социально-экономического развития муниципального образования «Город Екатеринбург» в 2015 году / Департамент экономики Администрации города Екатеринбурга. – Екатеринбург, 2016. – 202 с.

2) региональная политика развития – обоснование роли и значения Екатеринбурга в пределах исторически связанной административно-территориальной единицы «город-область», а также в пределах Уральского федерального округа, реализация проекта Большой Екатеринбург, преодоление отрицательных последствий агломерационного развития;

3) городская политика развития – учет в сценариях приоритетов социально-эко-

номического и пространственного развития, функционирования и жизнедеятельности самого города.

Сценарное пространство развития города обусловлено рядом противоречий, каждое из которых дает сценарные развилки. В конечном итоге при формировании сценариев развития Екатеринбурга были учтены *три сценарные развилки, каждая развилка давала по два альтернативных сценария (рис. 2).*



Основная развилка сценариев – структурная – определяет два вектора развития: индустриальный и торгово-сервисный. Для проведения прогнозных расчетов был выбран один сценарий в рамках индустриального вектора и два сценария в рамках торгово-сервисного вектора.

Таким образом, удалось определить три сценария (рис. 3).

Сценарий в рамках индустриального вектора – инновационный, или *новая индустриализация в условиях ускоренных темпов инвестиций и усиленной миграции*.

Сохранение сложившихся трендов неконтролируемого роста торгового сектора в полной мере видны в инерционном сценарии, который может привести к полной индустриализации города и потере его статуса «столицы индустриального региона». И наконец, базовый сценарий будет реализовываться в рамках торгового вектора, но с сохранением индустриальной компоненты экономики города.

Расчетный блок прогноза включал экономическую и социально-демографическую часть (рис. 4). В методике прогно-

Рисунок 3. Сценарии Долгосрочного прогноза социально-экономического развития г. Екатеринбурга до 2035 г.

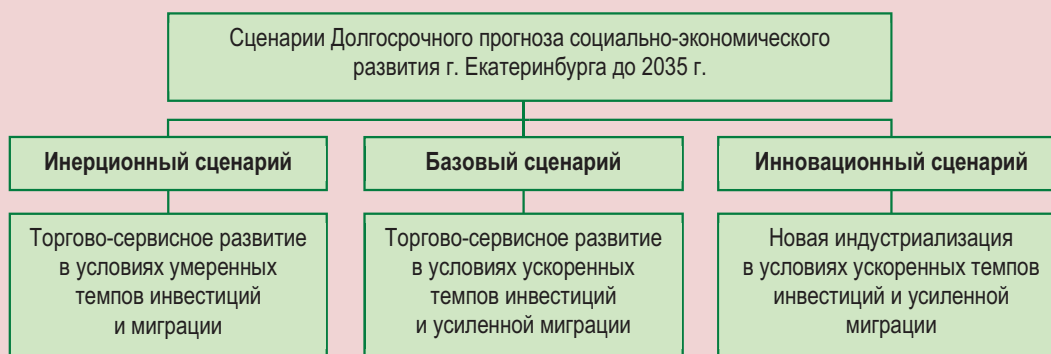
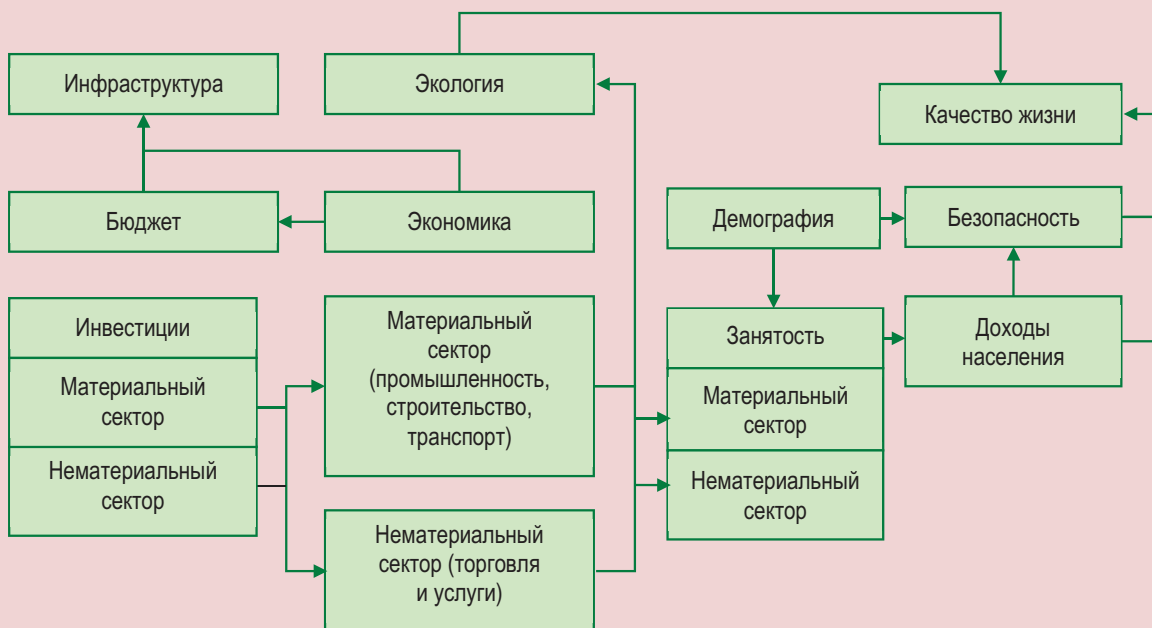


Рисунок 4. Методология расчетов прогнозных показателей



зирования *экономического блока показателей* использованы следующие группы экономико-математических моделей [5; 6; 9]: 1) модели, предназначенные для формирования сценариев на основе анализа наиболее общих пропорций, ограничений и эластичностей; 2) система балансовых моделей, позволяющих получить согласованные количественные оценки динамики и структуры производства и обращения на долгосрочную перспективу в разрезе отраслей. В методике прогнозирования *социально-демографического блока показателей* использованы когортно-компонентный метод (передвижки возрастов); экстраполяция; экспертные оценки; баланс трудовых ресурсов.

Следует остановиться на отдельных аспектах долгосрочного прогноза. И первое – это *демографический прогноз*.

Прогнозная оценка основных тенденций развития демографической ситуации на перспективу сделана исходя из характера демографических процессов последнего десятилетия, а также демографических предпосылок более ранних лет.

В основе прогноза лежит предположение о сформированности достаточно устойчивой модели репродуктивного поведения населения, когда семьи имеют одного или двух, намного реже – трех детей, которая характерна сегодня для большинства европейских стран.

Предполагается, что тенденции формирования возрастной структуры населения будут *достаточно благоприятные* (рис. 5–7), что объясняется высокой привлекательностью крупного мегаполиса для мигрантов, находящихся в активных возрастах. Хотя и закладывается небольшой естественный прирост населения, однако предполагается, что механический (миграционный) прирост будет играть основную роль в увеличении численности населения города. В соответствии с инерционным сценарием миграционный прирост (без иностранных трудовых мигрантов) будет оставаться на сложившемся уровне 8 тыс. чел., в базовом сценарии заложено сальдо миграции в 10 тыс., в инновационном – 15 тыс. чел.

Рисунок 5. Инерционный сценарий демографического прогноза г. Екатеринбурга, тыс. чел.

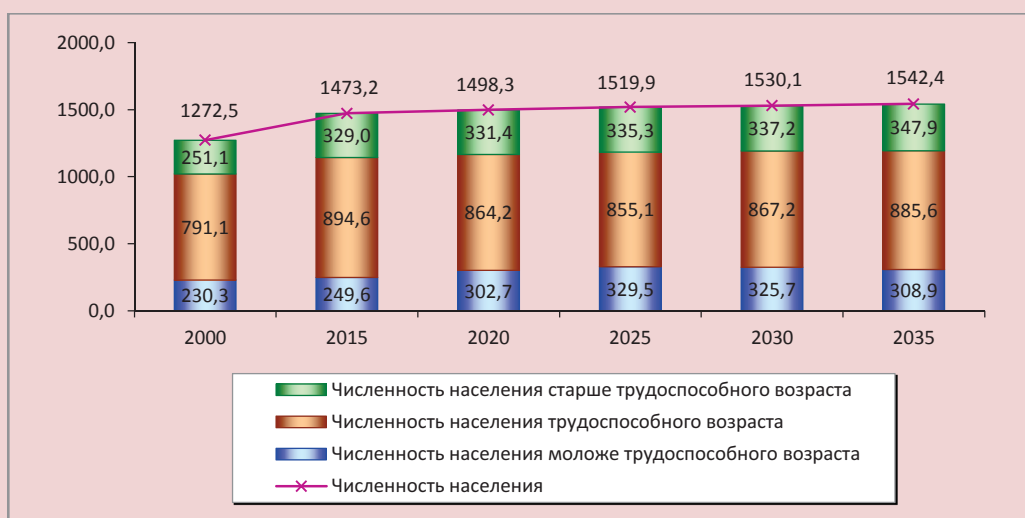


Рисунок 6. Базовый сценарий демографического прогноза г. Екатеринбурга, тыс. чел.

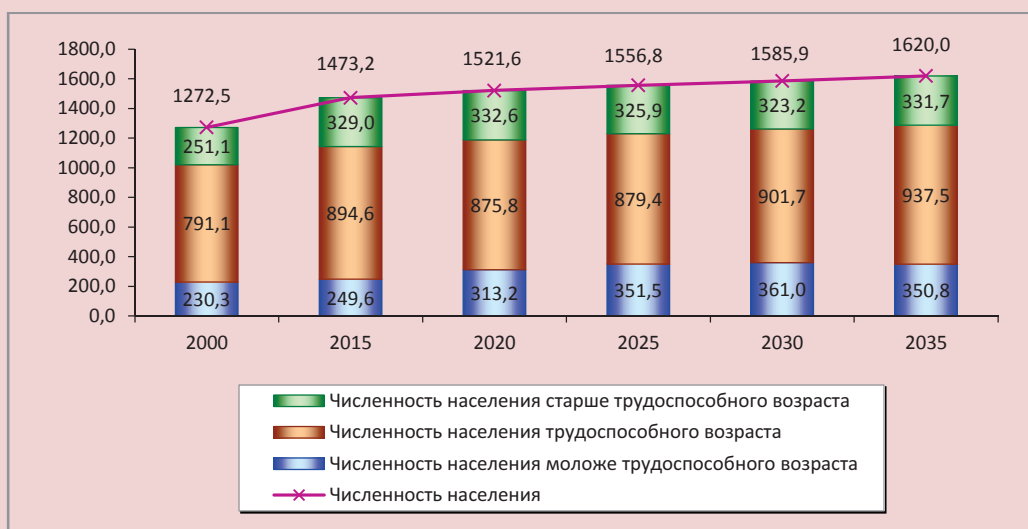
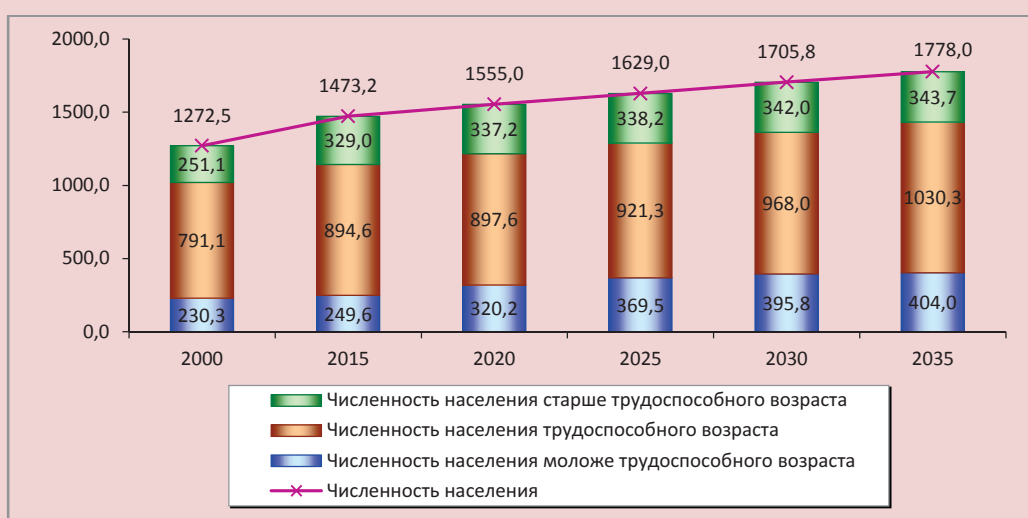


Рисунок 7. Инновационный сценарий демографического прогноза г. Екатеринбурга, тыс. чел.



Ожидается, что *численность населения моложе трудоспособного возраста* будет увеличиваться как в абсолютном, так и в относительном выражении исходя из устойчивой тенденции привлечения экономикой города мигрантов в молодых возрастах из других территорий Свердловской области и других регионов. Снижение численности населения в трудоспособном возрасте будет происходить до 2025 г. в связи с тем, что в трудоспособный

возраст вступили поколения 1990-х годов рождения, когда началось резкое снижение рождаемости. Ситуация несколько улучшится в период 2025–2030 гг., когда в трудоспособный возраст будут вступать более многочисленные поколения 2000-х годов.

Численность населения старше трудоспособного возраста в абсолютном выражении будет возрастать в силу общей тенденции постарения населения, однако

период 2025–2030 годов будет характеризоваться некоторым ее снижением в результате выхода в данную возрастную категорию поколения второй половины 1960-х – начала 70-х годов рождения, численность которых была ниже, чем поколения 50-х – начала 60-х. В то же время предполагается незначительное снижение доли лиц старше трудоспособного возраста к концу периода в пользу лиц детских и подростковых возрастов.

Во всех трех вариантах заложено *уменьшение показателей смертности взрослого населения 20–69 лет и 70–80 лет для обоих полов, учитывающее достигнутые успехи*

в развитии здравоохранения и достаточно высокую демографическую нагрузку на трудоспособное население. В то же время по всем прогнозным вариантам к концу периода ожидается некоторое *улучшение возрастной структуры населения.*

Второе – это блок экономических показателей, основным в котором является *прогнозная структура экономики.*

Согласно *инновационному (наиболее предпочтительному) сценарию* экономика города будет характеризоваться равными значениями долей двух ключевых секторов – индустриального и торгово-сервисного – по 40% (рис. 8–9). Это будет

Рисунок 8. Прогноз структуры оборота организаций (в рамках сценариев развития Екатеринбурга до 2035 г.), % от общего оборота организаций

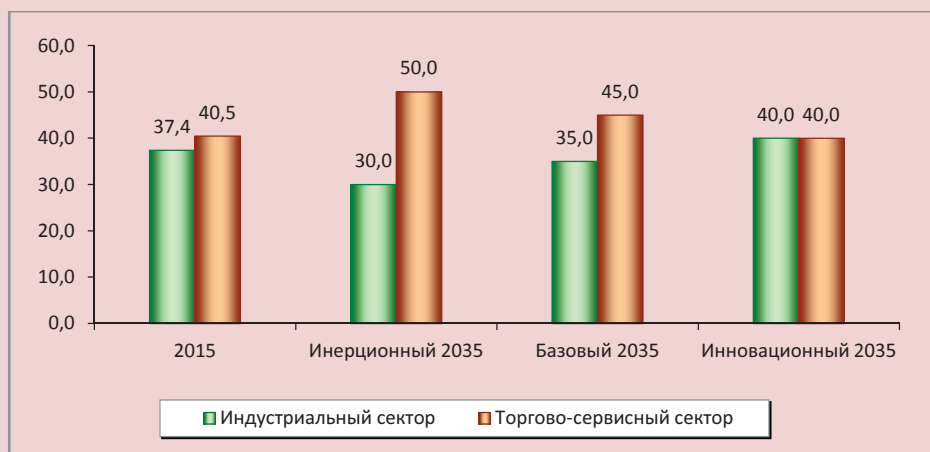
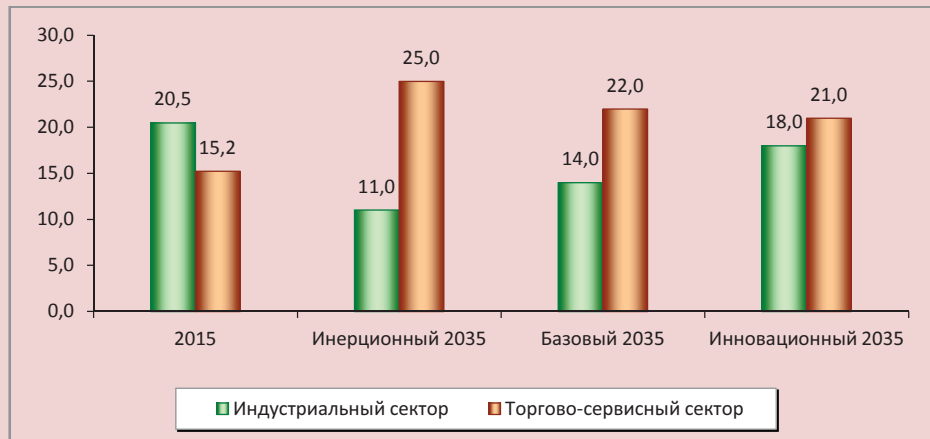


Рисунок 9. Прогноз структуры занятых в экономике (в рамках сценариев развития Екатеринбурга до 2035 г.), % от общей численности занятых



обеспечено при среднегодовых темпах роста индустриального сектора 106,3% и торгово-сервисного – 105,9%. Усиление инновационной компоненты развития позволит говорить о сценарии новой индустриализации, характеризующейся, помимо формирования новых промышленных секторов, еще и новым качеством промышленного роста. Все это даст возможность говорить о сохранении уникальной исторической миссии Екатеринбурга как столицы индустриальной территории.

Учитывая, что сегодня стартовые условия инновационного развития города сопряжены с общей экономической стагнацией, можно сказать, что *наиболее вероятным выступает базовый сценарий* экономической структуры города. Согласно этому варианту доля торговли и услуг в экономике города увеличится как за счет развития традиционных компонентов (торговля, общественное питание, платные и бытовые услуги населению), так и за счет высокотехнологичных услуг для промышленного сектора. Даже при сохранении прежних индексов промышленного

производства предприятиям не обойтись без создания разветвленной инфраструктуры услуг по логистике, продвижению товара, сервису, гарантийному обслуживанию, созданию брендов, рекламе и т.д. Таким образом, говоря о необходимости увеличения доли торгово-сервисного сектора в экономике города, важно отметить, что речь пойдет не столько о торговле и общепите, а сколько об инновационных, наукоемких услугах, в которых остро нуждается индустриальный сектор Екатеринбурга.

Инерционный сценарий может привести к полной деградации индустриального сектора экономики города. Такой сценарий не отрицается, но рассматривается как *наименее предпочтительный*.

Влияние структурных изменений достаточно хорошо просматривается на *динамических графиках (рис. 10–11)*.

Потеря индустриального статуса города четко видна в инерционном сценарии. Причём ясно, что торговый сектор будет развиваться примерно с одинаковыми темпами как в базовом, так и в

Рисунок 10. Динамика развития индустриального сектора (в рамках сценариев развития Екатеринбурга до 2035 г.), оборот по крупным и средним организациям (по видам деятельности С, D, E), млрд. руб.

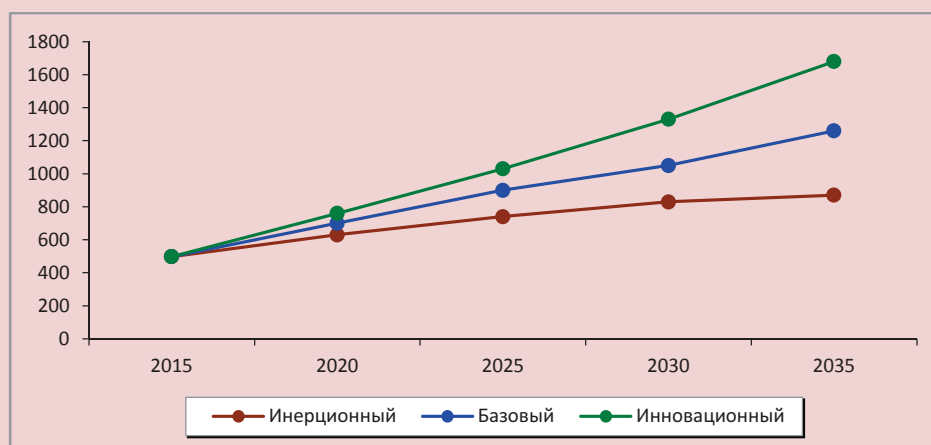
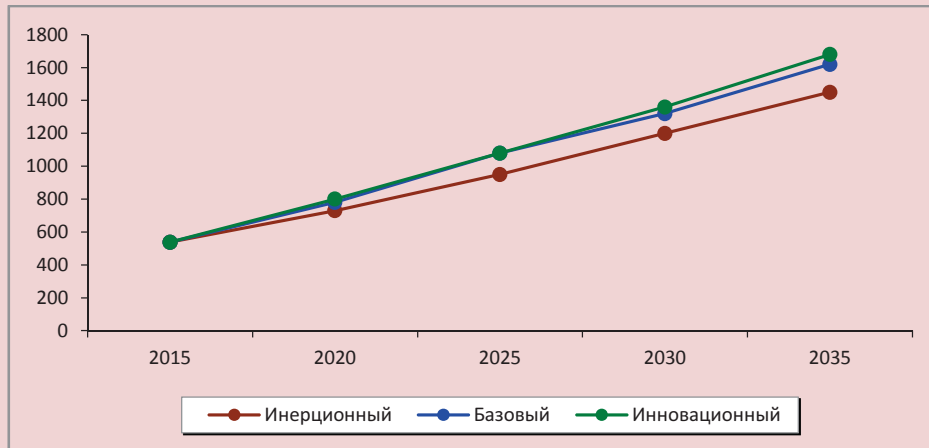


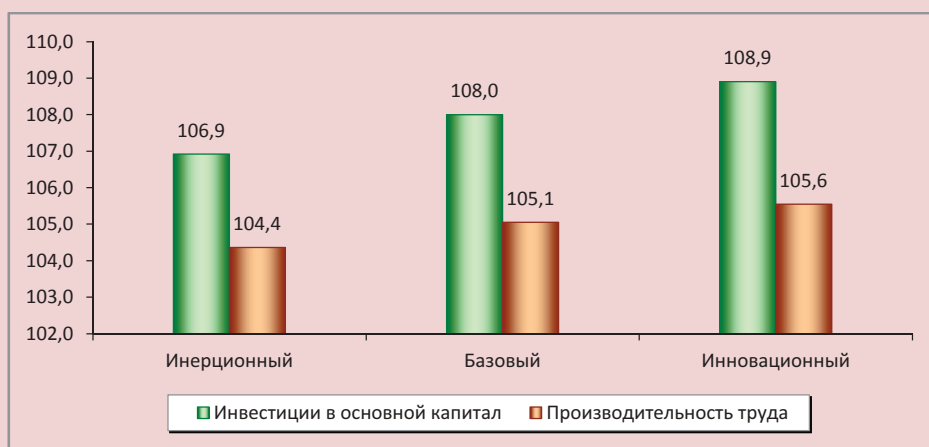
Рисунок 11. Динамика развития торгово-сервисного сектора (в рамках сценариев развития Екатеринбурга до 2035 г.), оборот по крупным и средним организациям, млрд. руб.



инновационном варианте. В последнем случае – за счет инновационных услуг индустриальному сектору. При этом по базовому сценарию к концу 2035 года оборот торговли, общепита и платных услуг возрастет в 3 раза, а оборот по промышленности – в 2,5 раза. По инновационному сценарию к 2035 году и промышленность, и торговля увеличатся примерно одинаково – более чем в 3 раза.

Динамика инвестиций до 2035 года будет характеризоваться ускоренным темпом роста капитальных вложений по всем сценариям (рис. 12). Наивысшее значение среднегодовых темпов роста инвестиций в инновационном сценарии – 108,9%. При этом изменится направление вложений капитала – значительные инвестиции пойдут в инфраструктурный сектор (особенно в развитие транспортных коридоров) и высоко-

Рисунок 12. Динамика роста объема инвестиций в основной капитал и производительности труда (среднегодовые темпы роста в прогнозируемом периоде), %



технологичный индустриальный сектор. Указанная динамика создаст возможности для существенного рывка в развитии после 2035 года. При *инерционном сценарии* инвестиции в экономику города выйдут на этап насыщения, что приведет к некоторому замедлению темпов роста инвестиций ближе к концу прогнозного периода. Инновационная компонента инвестиционного роста не увеличится значительно. Основными направлениями капитальных вложений по-прежнему останутся жилищное строительство и торговый сектор.

Динамика роста *строительства* (рис. 13) будет традиционно следовать за ростом оборота организаций. Причем объектный состав строительства будет определяться сценариями.

Прогнозная динамика *общественного транспорта* (рис. 14) напрямую связана с уровнем автомобилизации города. При продлении существующих трендов город выйдет на ситуацию резкого сокращения пассажиропотока общественного транспорта, однако это приведет к коллапсу города. Более реалистичные сценарии –

Рисунок 13. Динамика строительства (в рамках сценариев развития Екатеринбурга до 2035 г.), млрд. руб.

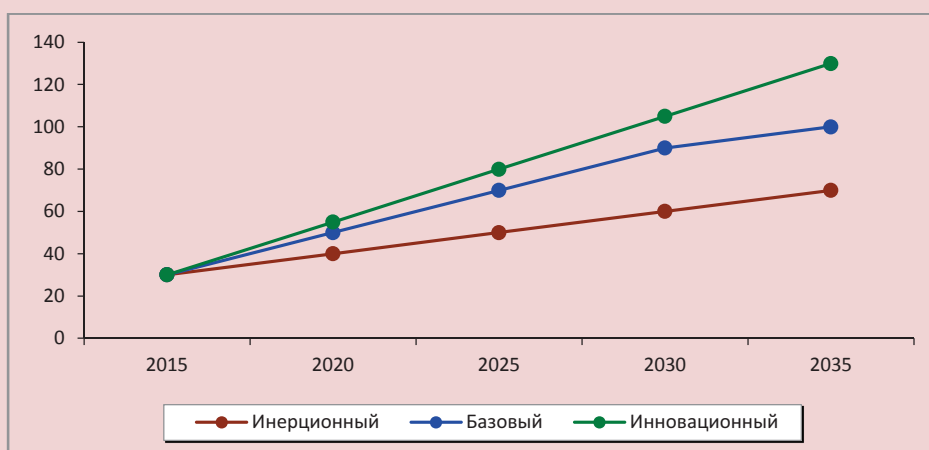
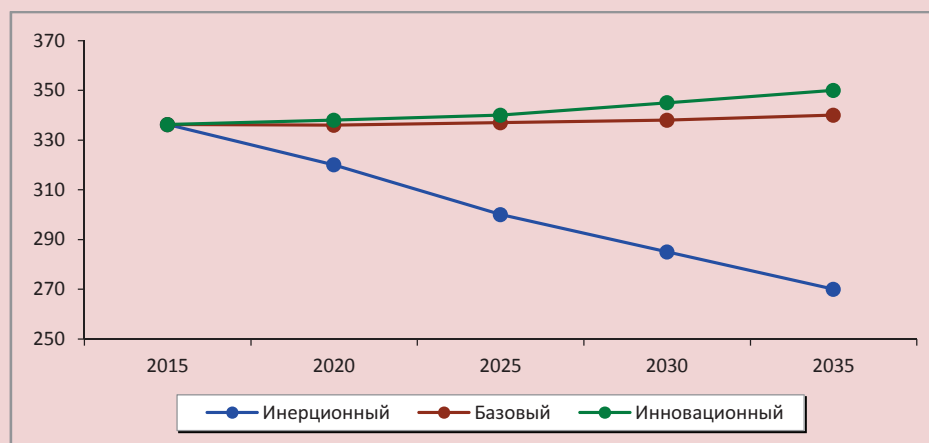


Рисунок 14. Динамика пассажирооборота общественного транспорта (в рамках сценариев развития Екатеринбурга до 2035 г.), млн. чел.



базовый и инновационный – предполагают, что, с одной стороны, будет объективное ограничение уровня автомобилизации, а с другой стороны, произойдет существенная модернизация общественного транспорта, обеспечивающая более высокий уровень комфорта и удобство проездных билетов.

Последний аспект прогноза, но не последний по значимости – это *прогноз рынка труда* (рис. 15–17). В прогнозе рынка труда впервые была учтена неформальная занятость населения.

Воспроизводство неформальных рабочих мест имеет достаточно устойчивую динамику, особенно ярко проявляясь

Рисунок 15. Прогноз ситуации на рынке труда (инерционный сценарий)

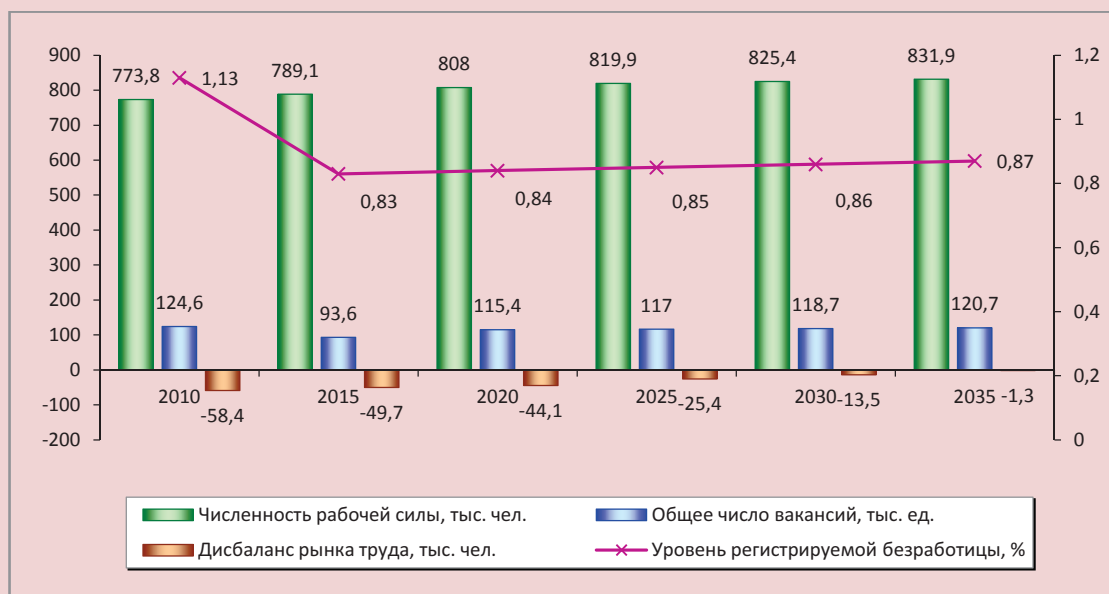


Рисунок 16. Прогноз ситуации на рынке труда (базовый сценарий)

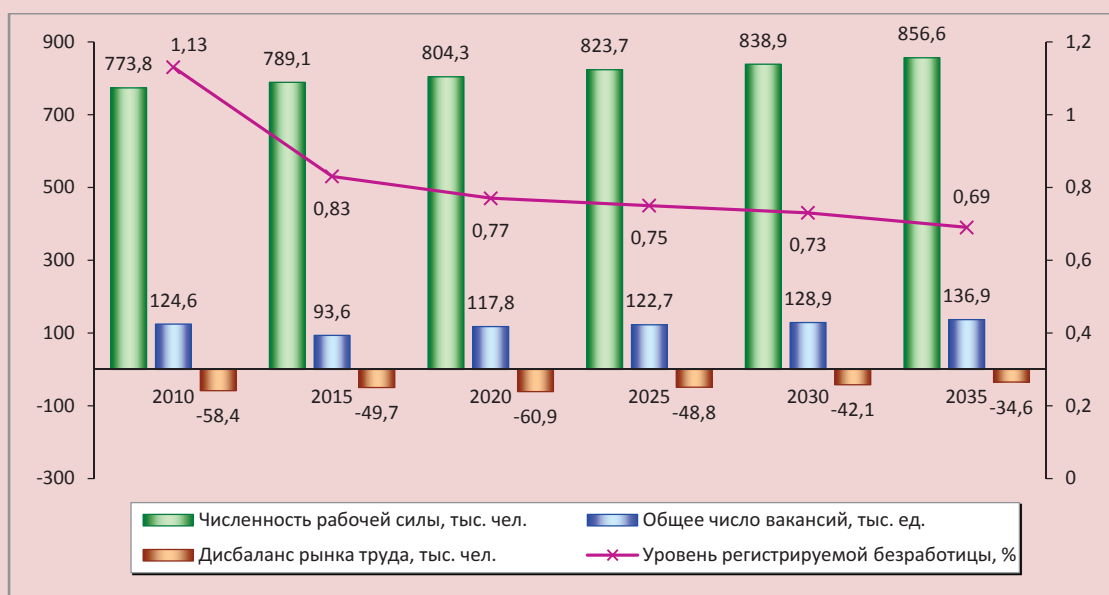
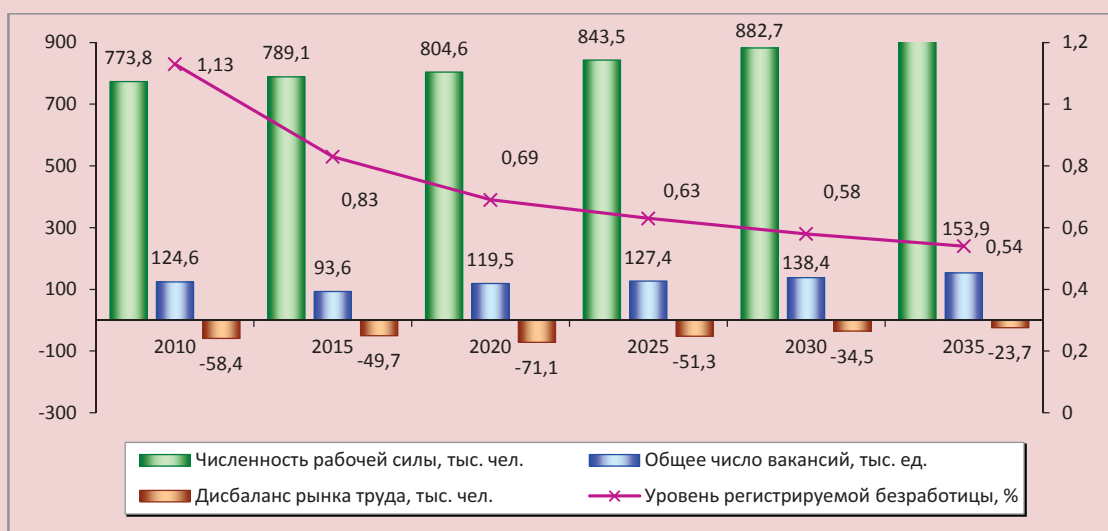


Рисунок 17. Прогноз ситуации на рынке труда (инновационный сценарий)



в условиях кризисных периодов в экономике. Однако в условиях и стабилизации, и определенного роста экономики данный феномен не уменьшается. Одно из возможных объяснений заключается в увеличении численности молодых когорт, входящих на рынок труда в последние годы. Как показывают исследования, участие в неформальной занятости тесно связано с возрастом, и трудоспособное население моложе 30 лет имеет наибольшие шансы занятости на условиях именно неформальных трудовых отношений.

Кроме того, как свидетельствует статистика, неформальная занятость концентрируется в организациях малого и среднего бизнеса, действующих в сфере торговли и других услуг, а также строительства. Данные сферы экономики по роду своей деятельности более чувствительны к колебаниям спроса и нуждаются в гибком регулировании численности занятых, которую им может обеспечить только незарегистрированная занятость, особенно из числа трудовых мигрантов, или занятость по договорам подряда, вклю-

чаемая Росстатом в состав неформальной занятости, что способствует ее росту.

Масштабы и роль неформального сегмента занятости в экономике Екатеринбурга нельзя недооценивать. Доля торговли и сферы услуг в городе постоянно возрастает, в связи с этим возрастает перспектива роста неформальной занятости населения. По данным Росстата, в Свердловской области в 2015 г. доля занятых в неформальном сегменте экономики составляла 15,6% от общей численности занятого населения. В сценарных вариантах прогноза рынка труда г. Екатеринбурга данный показатель учитывался при оценке численности неформально занятых, которая по всем сценариям составляет более 100 тыс. чел.

Регистрируемая безработица будет во всех трех вариантах незначительная (во всех трех вариантах меньше 1% даже во время кризисных ситуаций в экономике). Невысокие значения напряженности и регистрируемой безработицы на организованном рынке труда могут свидетельствовать о том, что значительная доля

экономически активного, а также часть экономически неактивного населения втягивается в трудно учитываемый неформальный сегмент экономики.

В своем исследовании авторы сделали акцент на определение рисков будущего развития. Долгосрочное развитие города Екатеринбурга определяют процессы, относимые как к внешней, так и внутренней среде. И внешняя, и внутренняя среда в долгосрочном аспекте носят характер вызовов, которые проявляются в рисках развития.

Внешние системные риски отражают мировые и российские тенденции развития. Они обусловлены усилением глобальной конкуренции, охватывающей рынки не только товаров, но и капиталов, технологий, рабочей силы. Период до 2035 года характеризуется структурной перестройкой мирового хозяйства, связанной с изменением баланса между ее экономическими центрами, возрастанием роли региональных экономических союзов, распространением новых технологий (информационных, нано- и биотехнологий). Это, с одной стороны, создает новые возможности в развитии внешнеэкономической интеграции, укреплении и расширении позиций как города, так и его предприятий на мировых рынках, с

другой – усиливает требования к конкурентоспособности города, способности к инновационному обновлению и привлечению инвестиций. *Вне зависимости от сценария развития внешние риски, связанные с глобальной конкуренцией, оцениваются как высокие.*

Риски внутренней среды города Екатеринбурга отличаются разнообразием. Можно выделить четыре группы рисков: технологические, инфраструктурные, демографические и экологические (табл. 2).

1. Технологические риски.

На развитие научно-инновационной сферы города Екатеринбурга оказывает влияние ряд внутренних факторов. К положительным факторам можно отнести такие, как: наличие в городе значительных научных наработок и высокий уровень образования персонала, работающего в научно-технологическом секторе; значительные основные фонды в производственной и научно-технической сферах и наличие в городе накопленного капитала. Существуют внутренние факторы, осложняющие научно-техническое развитие города, а именно: неразвитость рынка на научно-технологические знания и еще не сложившаяся система процесса коммерциализации технологий; технологическое отставание от мирового уровня

Таблица 2. Риски долгосрочного развития Екатеринбурга

Сценарии	Технологические риски	Инфраструктурные риски	Демографические риски	Экологические риски
ИННОВАЦИОННЫЙ Новая индустриализация на фоне ускоренных темпов роста инвестиций, инноваций и демографического прироста	Высокие	Высокие	Высокие	Высокие
БАЗОВЫЙ Развитие сервисной экономики на фоне ускоренных темпов роста инвестиций, инноваций и демографического прироста	Умеренные	Умеренные	Высокие	Умеренные
ИНЕРЦИОННЫЙ Развитие сервисной экономики на фоне инерционных темпов роста инвестиций, инноваций и демографического прироста	Низкие	Низкие	Умеренные	Низкие

в большинстве областей деятельности и, как следствие, захват многих сегментов российского, в том числе рынка города Екатеринбурга, зарубежными технологиями или продуктами, созданными на их базе; острая недостаточность инвестиционных ресурсов в производственных секторах; неразвитость правовой базы интеллектуальной собственности; отсутствие концентрации инвестиционных и инновационных ресурсов.

2. Инфраструктурные риски.

Инфраструктурные риски связаны с состоянием и возможностями изменения имеющейся в городе инфраструктуры (транспортные коридоры, коммунальные сети и т.д.) При этом инфраструктурные риски следует оценивать при рассмотрении вариантов как экстенсивного развития города, формирования городской агломерации (данный вариант предполагает обязательность создания новых инфраструктурных элементов — дорог, энергоузлов, сетей), так и более интенсивного использования уже освоенной территории (что подразумевает увеличение нагрузки на имеющуюся инфраструктуру). Необходимо также учитывать, что даже значительные экономические вложения не всегда позволяют минимизировать инфраструктурные риски (развитие инфраструктуры, улучшение ее качественных характеристик может быть неосуществимо вследствие наличия непреодолимых технологических ограничений).

Отдельно необходимо выделить энергетические риски. В результате реформирования электроэнергетики конкуренция на оптовом рынке электрической энергии существенно усилится, начнут работать рыночные механизмы, когда у потребителей будет возможность выбора на этом рынке более выгодных поставщи-

ков. Вместе с тем нужно иметь в виду, что потенциально опасные последствия намечаемых реформ, прежде всего возможное стремление владельцев энергоресурсов переложить риски на население, вероятность ослабления у органов местного самоуправления рычагов воздействия на систему обеспечения города электроэнергией, возможность ухода электрических сетей из-под контроля и влияния органов местного самоуправления в связи с передачей их в управление Федеральной сетевой компании с централизованным ценообразованием в них и т.д. Для нормальной работы на рынке электрической энергии городу необходимо иметь передающие мощности в достаточном количестве. Большинство действующих электрических подстанций работают на пределе, линии электропередачи, особенно кабельные, изношены.

Таким образом, оценка инфраструктурных рисков позволяет охарактеризовать реалистичность каждого из возможных сценариев, поскольку несоответствие целевых нормативов имеющимся ресурсам, в том числе инфраструктурным, может послужить причиной невозможности их достижения.

3. Риски, связанные с развитием рынка труда.

Проведенный анализ позволил выделить положительные и негативные тенденции и риски развития рынка труда в прогнозном периоде. К факторам и рискам негативного влияния можно отнести следующее:

— существует проблема структурного дефицита специалистов, ярко выраженный дефицит рабочих промышленных специальностей; в структуре высшего образования преобладают в основном гуманитарные, управленческие и эконо-

мические специальности при общем снижении промышленных специальностей и неразвитости образовательного сектора подготовки кадров для сферы услуг;

– деградация рынка труда города в результате наплыва низкоквалифицированных трудовых мигрантов; нарастание нелегальной миграции (в том числе и трудовой) способствует росту неконтролируемого рынка товаров и услуг, наркобизнеса, осложнению криминогенной ситуации. Риски связаны также с отсутствием эффективных механизмов интеграции мигрантов в принимающее общество.

Отметим, что основные положительные и негативные факторы, влияющие на демографические процессы и развитие рынка труда и несущие в себе значительные риски, характерны как для инерционного, так и для инновационного прогнозных сценариев и в основном будут различаться лишь силой их проявления.

4. Экологические риски.

Неблагоприятные изменения окружающей среды вследствие антропогенного воздействия могут проявляться в различных видах и формах, поэтому при оценке таких экологических рисков следует учитывать не только химическое, но и тепловое, шумовое, электромагнитное и прочие виды загрязнения. Важно характеризовать такие экономические и социальные последствия отрицательных изменений окружающей среды (рост недовольства населения условиями проживания, снижение инвестиционной активности из-за ужесточения экологических нормативов и т.д.).

Оценка возможных изменений комфортности среды проживания горожан является важным элементом прогноза социально-экономического развития

города, поэтому учет экологических рисков при прогнозировании имеет особое значение (кроме того, следует принимать во внимание, что возникновение экологических рисков во многом обусловлено деятельностью человека, сосредоточением которой и является город).

Таким образом, данное исследование развивает существующие теоретико-методологические подходы к формированию прогноза крупнейшего города возможностью выбора своей собственной траектории в пространстве сценариев – своего собственного сценария, определяемого рамками трендов «неизбежного будущего» и «невозможного будущего». Реализация такого сценария носит проектный характер, при этом все возможные альтернативы этому сценарию рассматриваются как его риски.

В процессе практической проработки возможных сценариев развития города удалось определить несколько вероятных направлений развития, рассмотреть особенности изменения отдельных сфер жизни города в контексте каждого из них. Очевидно, что наилучшим вариантом развития города является инновационный путь трансформации, однако без активных действий со стороны органов местного самоуправления, а также без активной поддержки всего городского сообщества реализовать оптимальный сценарий не удастся. Таким образом, процесс конструирования будущего Екатеринбурга нельзя считать завершившимся: разработка долгосрочного прогноза является только первым этапом эффективного стратегического планирования в муниципальном образовании, важным шагом на пути создания выверенного плана развития города.

Литература

1. Бочко, В.С. Интегративное стратегическое развитие территории. Теория и методология / В.С. Бочко. – Екатеринбург: Институт экономики УрО РАН, 2010. – 316 с.
2. Важенина, И. С. Горизонты территориальной конкуренции в современном экономическом пространстве / И.С. Важенина // Общество и экономика. – 2011. – №3. – С. 67-85.
3. Власова, Н.Ю. Городская политика за рубежом / Н.Ю. Власова, Я.П. Силин // Академический вестник Уралниипроект РАССН. – 2009. – №3. – С.18-21.
4. Итоги социально-экономического развития муниципального образования «город Екатеринбург» в 2015 году / Департамент экономики Администрации города Екатеринбурга. – Екатеринбург, 2016. – 202 с.
5. Козлова О.А. Занятость населения индустриального региона: проблемы теории и практики регулирования / О.А. Козлова. – Екатеринбург: Институт экономики УрО РАН, 2008. – 224 с.
6. Методический подход к измерению качества жизни населения региона / О.А. Козлова, Т.В. Гладкова, М.Н. Макарова, Е.Х. Тухтарова // Экономика региона. – 2015. – №2. – С. 182-193.
7. Региональные аспекты реализации федерального закона «О стратегическом планировании в Российской Федерации» / О.П. Кузнецова, В.В. Кузнецов, В.В. Макаров, А.В. Негодуйко, Е.А. Юмаев // Известия Иркутской государственной экономической академии. – 2015. – №5. – Т. 25. – С. 758-766.
8. Макаров, В.Л. Переход к инновационной самоорганизации муниципальных образований / В.Л. Макаров, М.В. Глазырин, В.Е. Королев // Политика. – 2003. – № 4. – С. 113.
9. Ниворожкина, Л.И. Гендерная дифференциация: влияние локальных рынков труда / Л.И. Ниворожкина // Экономический вестник Ростовского государственного университета. – 2005. – Т. 3. – №1. – С. 23-33.
10. Сенчагов, В.К. Закон о стратегическом планировании и задачи его реализации / В.К. Сенчагов, Е.А. Иванов // Вестник финансового университета. – 2015. – №3 (87). – С. 38-50.
11. Сценарии долгосрочного развития старопромышленного региона / В.И. Суслов, О.А. Романова, А.В. Гребенкин, В.В. Акбердина // ЭКО. – 2011. – №12. – С. 158-177.
12. Татаркин, А. И. Проблемы и направления дальнейшего совершенствования местного самоуправления / А.И. Татаркин, В.С. Бочко // Экономика региона. – 2008. – №2. – С. 42-51.
13. Ускова, Т.В. Закон о стратегическом планировании в Российской Федерации: достоинства и нерешенные вопросы (экспертная оценка) / Т.В. Ускова, А.Н. Чекавинский // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. – 2014. – №4. – С. 63-67.
14. Швецов, А.Н. Систематизация инструментов перспективного планирования территориального развития: Настоятельная необходимость и конкретные предложения / А.Н. Швецов // Российский экономический журнал. – 2009. – №5. – С. 12-47.
15. Building globally competitive cities: The key to Latin American growth [Text]. McKinsey. – 60 p.
16. Florida R. Cities and the Creative Class [Text] / R. Florida – Routledge, 2005.
17. Glaeser E. Triumph of the city [Text] / E. Glaeser - New York: The penguin press, 2011. – 338 p.
18. Higgs, G., White, S. Alternatives to Census-Based Indicators of Social Disadvantage in Rural Communities [Text] / G. Higgs, S. White // Progress in Planning. – 2000. – 81 p.
19. Hoering, H., Seasons, M.L. Monitoring Indicators in Local and Regional Planning Practice: Concepts and Issues [Text] / H. Hoering, M.L. Seasons // Planning, Practice and Research. – 2004. – Vol. 19. – № 1.
20. Leautier, F. Cities in a Globalizing World: Governance, Performance, and Sustainability [Text] / F. Leautier – 2006. – 576 p.

Сведения об авторах

Юлия Георгиевна Лаврикова – доктор экономических наук, временно исполняющий обязанности директора, зав. отделом, Институт экономики Уральского отделения Российской академии наук (620014, Россия, Свердловская область, г. Екатеринбург, ул. Московская, д. 29, lavrikova_ug@mail.ru)

Иван Александрович Антипин – кандидат экономических наук, Уральский государственный экономический университет (620144, Россия, Свердловская область, г. Екатеринбург, ул. 8 Марта, д. 62, aia87@mail.ru)

Алексей Анатольевич Прядеин – кандидат экономических наук, Администрация города Екатеринбурга, начальник департамента экономики (620014, Россия, Свердловская область, г. Екатеринбург, пр. Ленина, д. 24а, de@ekadm.ru)

Арина Валерьевна Суворова – кандидат экономических наук, Институт экономики Уральского отделения Российской академии наук (620014, Россия, Свердловская область, г. Екатеринбург, ул. Московская, д. 29, Gotika.bell@mail.ru)

Lavrikova Yu.G., Antipin I.A., Pryadein A.A., Suvorova A.V.

Major City Development Forecast: Designing the Innovative Future

Abstract. The article describes the results of application of the authors' approach to forecasting the development of the city (in the case of one of the largest Russian cities – Ekaterinburg). The main results of the development of multi-variant long-term forecast of Ekaterinburg socio-economic development are presented: the provisions of the approach used to create such documents are set out, a brief description of the forecasting methodology is given, the key aspects of city life in the context of the proposed development scenarios are forecasted, the main risks of long-term development of the city are described. The study is based on the use of the whole set of forecasting methods such as mathematical modeling, balance and cohort-component methods, extrapolation methods and expert evaluation method. The article describes the situation in Ekaterinburg regarding other cities and evaluates key development prospects of a municipal unit. It is recommended to use the approach based on the given scenario “junctions” (each of which gives two alternative scenarios); this helped identify eight options for the city transformation. Three Ekaterinburg development scenarios are covered in detail, which provided an opportunity for considering economic and social components of a municipal system in different conditions. They are inertial, basic and innovative city development (the authors mark the importance of the innovation scenario). The authors also characterize the possible ways of transforming demographic potential, economic and human resources. The study also identifies the degree of risks and threats to Ekaterinburg long-term development, estimates external and internal (technological, infrastructural, demographic and environmental) risks. The obtained results are an important element of the city development planning system, since effective management of municipal socio-economic system development can only be implemented with proper presentation of possible directions of its transformation.

Key words: forecasting, development scenario, major city, demographic forecast, economic forecast, labor resource forecast.

References

1. Bochko V.S. *Integrativnoe strategicheskoe razvitiye territorii. Teoriya i metodologiya* [Integrative strategic development of a territory. Theory and methodology]. Ekaterinburg: Institut ekonomiki UrO RAN, 2010. 316 p. (In Russian)
2. Vazhenina I. S. Gorizonty territorial'noi konkurentsii v sovremennom ekonomicheskom prostranstve [Territorial competition prospects in today's economic space]. *Obshchestvo i ekonomika* [Society and economics], 2011, no. 3, pp. 67–85. (In Russian)
3. Vlasova N.Yu., Silin Ya.P. Gorodskaya politika za rubezhom [Municipal politics abroad]. *Akademicheskii vestnik Uralniiproekt RASSN*, 2009, no. 3, pp. 18–21. (In Russian)
4. Itogi sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiya munitsipal'nogo obrazovaniya "gorod Ekaterinburg" v 2015 godu [Results of Ekaterinburg socio-economic development in 2015]. *Departament ekonomiki Administratsii goroda Ekaterinburga* [Economic Department of Ekaterinburg city administration]. Ekaterinburg, 2016. 202 p. (In Russian)
5. Kozlova O.A. *Zanyatost' naseleniya industrial'nogo regiona: problemy teorii i praktiki regulirovaniya* [Population employment of an industrialized region: issues of management theory and practice]. Ekaterinburg: Institut ekonomiki UrO RAN, 2008. 224 p. (In Russian)
6. Kozlova O.A., Gladkova T.V., Makarova M.N., Tukhtarova E.Kh. Metodicheskii podkhod k izmereniyu kachestva zhizni naseleniya regiona [Methodological approach to assessing the quality of life of population in a region]. *Ekonomika regiona* [Regional economy], 2015, no. 2, pp. 182–193. (In Russian)
7. Kuznetsova O.P., Kuznetsov V.V., Makarov V.V., Negoduiko A.V., Yumaev E.A. Regional'nye aspekty realizatsii federal'nogo zakona "O strategicheskoy planirovani v Rossiiskoy Federatsii" [Regional aspects of implementation of the Federal law "On strategic planning in the Russian Federation"]. *Izvestiya Irkutskoy gosudarstvennoy ekonomicheskoy akademii* [Bulletin of Baikal State University], 2015, no. 5, volume 25, pp. 758–766. (In Russian)
8. Makarov V.L., Glazyrin M.V., Korolev V.E. Perekhod k innovatsionnoi samoorganizatsii munitsipal'nykh obrazovaniy [New economic self-organization of municipalities]. *Politiya* [Political theories], 2003, no. 4, p. 113. (In Russian)
9. Nivorozhkina L.I. Gendernaya differentsiatsiya: vliyaniye lokal'nykh rynkov truda [Gender differentiation: impact of local labor markets]. *Ekonomicheskii vestnik Rostovskogo gosudarstvennogo universiteta* [Terra Economicus], 2005, volume 3, no. 1, pp. 23–33. (In Russian)
10. Senchagov V.K., Ivanov E.A. Zakon o strategicheskoy planirovaniy i zadachi ego realizatsii [The strategic planning act and its implementation]. *Vestnik finansovogo universiteta* [Bulletin of the Financial University], 2015, no. 3 (87), pp. 38–50. (In Russian)
11. Suslov V.I., Romanova O.A., Grebenkin A.V., Akberdina V.V. Stsenarii dolgosrochnnogo razvitiya staropromyshlennogo regiona [Long-term scenarios of development of old industrial regions]. *EKO*, 2011, no. 12, pp. 158–177. (In Russian)
12. Tatarin A.I., Bochko V.S. Problemy i napravleniya dal'neishego sovershenstvovaniya mestnogo samoupravleniya [Issues and ways of further improvement of local administration]. *Ekonomika regiona* [Regional economy], 2008, no. 2, pp. 42–51. (In Russian)
13. Uskova T.V., Chekavinskii A.N. Zakon o strategicheskoy planirovaniy v Rossiiskoy Federatsii: dostoinstva i nereshennyye voprosy (ekspertnaya otsenka) [Law on strategic planning in the Russian Federation: advantages and unresolved issues (expert evaluation)]. *Ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny: fakty, tendentsii, prognoz* [Economic and social changes: facts, trends, forecast], 2014, no. 4, pp. 63–67. (In Russian)
14. Shvetsov A.N. Sistematizatsiya instrumentov perspektivnogo planirovaniya territorial'nogo razvitiya: Nastoyatel'naya neobkhodimost' i konkretnyye predlozheniya [Systematization of long-term territory's development planning: urgent need and specific proposals]. *Rossiiskiy ekonomicheskiy zhurnal* [Russian journal of Economics], 2009, no. 5, pp. 12–47. (In Russian)
15. Building globally competitive cities: The key to Latin American growth. *McKinsey*. 60 p.
16. Florida R. *Cities and the Creative Class*. Routledge, 2005.
17. Glaeser E. *Triumph of the city*. New York: The penguin press, 2011. 338 p.
18. Higgs G., White S. Alternatives to Census-Based Indicators of Social Disadvantage in Rural Communities. *Progress in Planning*, 2000. 81 p.

19. Hoering H., Seasons M.L. Monitoring Indicators in Local and Regional Planning Practice: Concepts and Issues. *Planning, Practice and Research*, 2004, volume 19, no. 1.
20. Leautier F. *Cities in a Globalizing World: Governance, Performance, and Sustainability*, 2006. 576 p.

Information about the Authors

Yuliya Georgievna Lavrikova – Doctor of Economics, Interim Director, Head of the Department, Institute of Economics, The Ural Branch of Russian Academy of Sciences (29, Moskovskaya Street, Ekaterinburg, 620014, Sverdlovsk Oblast, Russian Federation, lavrikova_ug@mail.ru)

Ivan Aleksandrovich Antipin – Ph.D. in Economics, Ural State University of Economics (62, Vos'mogo Marta Street, Ekaterinburg, 620144, Sverdlovsk Oblast, Russian Federation, aia87@mail.ru)

Aleksei Anatol'evich Pryadein – Ph.D. in Economics, Ekaterinburg city administration, Head of the Department of Economics (24A, Lenin Street, Ekaterinburg, 620014, Sverdlovsk Oblast, Russian Federation, de@ekadm.ru)

Arina Valer'evna Suvorova – Ph.D. in Economics, Institute of Economics, The Ural Branch of Russian Academy of Sciences (29, Moskovskaya Street, Ekaterinburg, 620014, Sverdlovsk Oblast, Russian Federation, Gotika.bell@mail.ru)

Статья поступила 05.12.2016.

DOI: 10.15838/esc.2016.6.48.13

УДК 332.1+330.341.1, ББК 65.9 (2 Рос.)

© Гаджиев Ю.А., Стыров М.М., Колечков Д.В., Шляхтина Н.В.

Анализ инновационного потенциала северных регионов России*



**Юсиф Алимович
ГАДЖИЕВ**

кандидат экономических наук

Институт социально-экономических и энергетических проблем Севера
Коми научного центра Уральского отделения Российской академии наук
167982, ГСП-2, Россия, Республика Коми, г. Сыктывкар, ул. Коммунистическая, 26
gajiev@iespn.komisc.ru



**Максим Михайлович
СТЫРОВ**

кандидат экономических наук

Институт социально-экономических и энергетических проблем Севера КНЦ УрО РАН
167982, ГСП-2, Россия, Республика Коми, г. Сыктывкар, ул. Коммунистическая, 26
styrovmm@mail.ru



**Дмитрий Васильевич
КОЛЕЧКОВ**

кандидат экономических наук

Институт социально-экономических и энергетических проблем Севера КНЦ УрО РАН
167982, ГСП-2, Россия, Республика Коми, г. Сыктывкар, ул. Коммунистическая, 26
kdb1970@mail.ru



**Надежда Владимировна
ШЛЯХТИНА**

аспирант

Институт социально-экономических и энергетических проблем Севера КНЦ УрО РАН
167982, ГСП-2, Россия, Республика Коми, г. Сыктывкар, ул. Коммунистическая, 26
nadi_star7latel@mail.ru

* Статья подготовлена в рамках Программы № 14 фундаментальных исследований Уральского отделения РАН «Фундаментальные проблемы региональной экономики», проект 15-14-7-12 «Инновационный потенциал северных регионов России: оценка и перспективы развития», научный руководитель Ю.А. Гаджиев.

Для цитирования: Анализ инновационного потенциала северных регионов России / Ю.А. Гаджиев, М.М. Стыров, Д.В. Колечков, Н.В. Шляхтина // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. – 2016. – № 6. – С. 236-254. DOI: 10.15838/esc.2016.6.48.13

For citation: Gadzhiev Yu.A., Styrov M.M., Koleschikov D.V., Shlyakhtina N.V. Analysis of innovation potential of Northern Russian regions. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 2016, no. 6, pp. 236-254. DOI: 10.15838/esc.2016.6.48.13

Аннотация. Целью исследования является совершенствование теоретико-методического инструментария оценки инновационного потенциала и определение основных направлений научно-технического развития северных регионов России. В теоретической части статьи раскрывается содержание инновационного потенциала и даётся авторская классификация подходов к его измерению. Показано, что большинство современных отечественных и зарубежных исследований направлены на оценку инновационного потенциала территории через расчёт интегрального показателя, однако это ведёт к слиянию разноплановых характеристик в единую шкалу. Описываются возможности и ограничения факторного анализа и иерархического кластерного анализа для оценки изучаемого явления, выявления специфического профиля и внутреннего сходства объектов анализа. С помощью факторного анализа выявлены пять наиболее значимых характеристик, определяющих инновационное развитие северных регионов России: уровень научного развития регионов, уровень изобретательской деятельности, кадровый потенциал, уровень финансирования инноваций, развитие информационно-коммуникационных технологий. Методом иерархического кластерного анализа выделены четыре типа регионов Севера России по характеру их инновационного потенциала: одиночный лидер, регионы с повышенным потенциалом в создании инноваций, регионы с большей восприимчивостью к нововведениям, «заповедные территории». Обозначаются направления государственной и корпоративной инновационной политики в выявленных группах. Подчёркнута целесообразность перехода от импорта готовых технологий к международному сотрудничеству в их создании в уникальных природных условиях Севера Российской Федерации, а также ценность «природосберегающих» инноваций по сравнению с «природоэксплуатирующими». Результаты исследования могут быть полезны в межрегиональных сравнениях и поиске новых подходов к территориальному развитию. Тем самым они могут найти применение в разработке стратегических программных документов по инновационному развитию федеральных округов, исследуемых регионов, отдельных отраслей и предприятий. Методический базис настоящей работы должен лечь в основу дальнейших исследований инновационного потенциала как северных территорий, так и всей совокупности регионов России.

Ключевые слова: инновационный потенциал, факторный анализ, кластерный анализ, инвестиции в инновации, северные регионы России.

Введение

В настоящее время повышение конкурентоспособности и переходом на инновационный путь развития становится приоритетной задачей для регионов России. Проблема инновационного развития особенно актуальна для северных территорий¹ из-за повышенных издержек жизнеобеспе-

чения, пространственных и климатических особенностей ведения хозяйства, а также экспортно-ресурсной специализации предприятий. Инновационный потенциал северных регионов России сильно различается из-за специфики освоения, структуры экономики, особенностей человеческого и научного потенциала. Поэтому

¹ Под северными регионами в настоящей работе понимаются субъекты Российской Федерации, территория которых согласно Постановлению Совмина СССР от 03.01.1983 № 12 (с последующими изменениями и дополнениями) полностью относится к районам Крайнего Севера или приравненным к нему местностям: республики Карелия, Коми и Саха (Якутия), Камчатский край, Архангельская, Магаданская, Мурманская и Сахалинская области, Ханты-Мансийский, Ямало-Ненецкий, Ненецкий и Чукотский автономные округа. Из рассмотрения исключена Республика Тыва, во-первых, вследствие практически нулевых показателей инновационной активности, а во-вторых, из-за её резкой географической обособленности от остальных рассматриваемых нами регионов.

нужна дифференцированная по группам регионов государственная экономическая политика, предполагающая адекватную оценку инновационного потенциала регионов.

Инновационный потенциал и его составляющие

Современная экономическая литература содержит множество работ, исследующих понятие «инновационный потенциал», однако оно ещё не имеет однозначной трактовки, продолжаются дискуссии о его сущности и структуре.

Так, например, Д.А. Корнилов и О.Г. Беляев насчитывают шесть различных подходов к трактовке инновационного потенциала: он определяется как синтез научного, научно-технического, интеллектуального и творческого потенциалов; как упорядоченная совокупность ресурсов, обеспечивающих осуществление инновационной деятельности; как сочетание реализованных ресурсов и нереализованных (скрытых) ресурсных возможностей; как меры способности и готовности экономического субъекта (системы) осуществлять инновационную деятельность; как отражение конечного результата реализации имеющихся возможностей в виде нового продукта; как комбинация ресурсного и результативного подходов [2].

Обзор литературы [11; 18; 20; 21] показывает, что в большинстве случаев категория «инновационный потенциал» трактуется и как совокупность ресурсов, и как способность системы эффективно использовать их для перспективного инновационного развития страны или региона. Исходя из этого, в настоящей работе под инновационным потенциалом региона будет пониматься способность территории к созданию, восприятию и внедрению в практику нововведений в ходе социально-экономического развития. При

таком подходе в структуре инновационного потенциала обычно выделяют ресурсную, инфраструктурную и результативную составляющие [4; 15; 18].

Ресурсная составляющая инновационного потенциала является своего рода «плацдармом» для его формирования. Она включает в себя следующие основные компоненты: человеческие, научно-исследовательские, материально-технические, финансовые, информационные, природные и другие виды ресурсов. По нашему мнению, инвестиционные потоки следует учитывать в анализе инновационного потенциала не в полном объёме лишь в части их инновационного элемента.

Вторая, инфраструктурная составляющая инновационного потенциала выражается в способности системы на принципах коммерческой результативности привлекать ресурсы для инициирования, создания и распространения различного рода новшеств. Она включает ресурсы государственной поддержки, а также инфраструктурные звенья: технопарки, бизнес-инкубаторы, инновационные и информационные центры, центры трансфера технологий и т.д.

Третья, результативная составляющая инновационного потенциала отражает конечный итог реализации имеющихся возможностей и характеризуется прежде всего инновационной активностью организаций и объёмом выпускаемой инновационной продукции.

Методологические подходы к оценке инновационного потенциала

В современной отечественной и зарубежной теории и практике существует множество методик и показателей для анализа и сравнения инновационного потенциала стран и регионов. Представим их классификацию (*рис. 1*).

Во-первых, инновационный потенциал может характеризоваться с помощью методов качественного анализа – рассмотрения разрозненных показателей, проведения опросов и интервью, анализа выступлений и публикаций (в т.ч. ненаучных), SWOT-анализа и т.д. (примеры работ: [9; 10]). Эти методы не дают точной оценки и весьма ограничены в возможностях сравнения субъектов между собой и в динамике, однако позволяют увидеть некоторые скрытые явления, а также выявить внутренние интересы и отношения участников инновационного процесса. Чаще всего такого рода анализ встречается в различных аналитических докладах, государственных стратегиях и программах.

Вторая группа методов, наиболее популярная и развитая на сегодняшний день, заключается в расчёте интегральных показателей как по отдельным составляющим инновационного потенциала, так и по всей совокупности его характеристик. За рубежом подобные исследования проводятся более 30 лет, в России они получили широкое распространение в последнее десятилетие [1]. Из наиболее известных зарубежных методик такого типа можно назвать методику Всемирного экономического форума для оценки конкурентоспособности²; мониторинг Комиссии европейских сообществ, включающий в себя более десяти различных инструментов³; методику Организации экономического

Рисунок 1. Методики оценки инновационного потенциала региона*



* Составлено авторами.

² <https://www.weforum.org/reports/global-competitiveness-report-2015>

³ http://ec.europa.eu/growth/industry/innovation/facts-figures_en

сотрудничества и развития⁴; методику Американского научного фонда⁵; Глобальный индекс инноваций⁶ и др. Отметим также, что в развитых странах используются более сложные показатели оценки инновационного потенциала четвёртого поколения и разрабатываются модели их обработки на основе нечёткой логики и нейронных сетей [33].

Среди отечественных методик можно выделить два направления. Первое – это балльно-рейтинговая оценка регионов рейтинговыми агентствами или научно-образовательными организациями. Примеры: оценка агентством «Эксперт РА» инновационного потенциала регионов как фактора их инвестиционной привлекательности⁷; рейтинг инновационного развития субъектов РФ Высшей школы экономики⁸; индекс инновационности регионов ЦСР «Северо-Запад»⁹ и др. Преимущества этих рейтингов – полный охват регионов, длительный период наблюдения, стремление к унификации анализируемых показателей с зарубежными методиками. Однако сама по себе рейтинговая оценка не позволяет оценить инновационный потенциал региона в абсолютном выражении или в сравнении с зарубежными странами, а лишь показывает соотношение объектов друг с другом в динамике и иногда – факторы формирования потенциала. К тому же методики расчётов разработчиками полностью не раскрываются.

⁴ <http://www.oecd.org/sti/scoreboard.htm>

⁵ <http://www.nsf.gov/statistics/2016/nsb20161>

⁶ <https://www.globalinnovationindex.org>

⁷ <http://raexpert.ru/ratings/regions>

⁸ Рейтинг инновационного развития субъектов Российской Федерации. – Вып. 3 / под ред. Л.М. Тохберга; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». – М.: НИУ ВШЭ, 2015. – 248 с.

⁹ http://csr-nw.ru/projects/2009/analiz_perspektiv_tehnologicheskogo_razvitiya_regionov_rossii_v_ramkah_provedeniya_nauchno-tehnologicheskogo_forsajta_rf

Другую группу методик представляют количественные оценки инновационного потенциала. Их насчитывается уже несколько десятков, в качестве примера можно привести работы [3; 16; 24; 25; 27]. Состав отбираемых показателей и методы их обработки сильно разнятся и зависят от доступной статистической информации и предпочтений автора. Как правило, выделяются не только факторные, но и результирующие показатели – объём инновационных товаров, работ, услуг, их удельный вес в общем объёме выпуска. Большое число методик такого типа делает мало полезным создание ещё одной, если она не будет кардинально отличаться от уже существующих.

Общий недостаток всех методик интегральной оценки в том, что они неизбежно синтезируют все аспекты инновационной деятельности в одном индикаторе и тем самым игнорируют «профиль» отдельных территорий. Этот минус отчасти нивелируется расчётом субиндексов в методиках ВШЭ, ЦСР «Северо-Запад» или О.А. Москвиной.

Третьим направлением анализа инновационного потенциала регионов, гораздо реже применяемым, является их многомерная группировка, т.е. разбиение множества исследуемых объектов на относительно однородные группы, именуемые кластерами¹⁰. Достоинство данного метода состоит в том, что он позволяет выявить группы более или менее схожих объектов не на основе показателя-агрегата, а учитывая специфику сочетания ключевых показателей, формирующую сходство этих

¹⁰ Под термином «кластер» в настоящей работе понимается не сконцентрированная на определённой территории группа экономически и технологически взаимосвязанных агентов, а математически близкая подгруппа исходной совокупности объектов, выделяемая в результате их многомерной классификации по некоторым признакам.

объектов. Иными словами, данный метод не ранжирует регионы, но ставит своей целью показать имеющиеся комбинации характеристик развития (по сути дела – стратегический облик), присущие разным типам субъектов страны. На наш взгляд, это открывает более широкие возможности для осмысления разнообразных альтернатив инновационного развития.

Другое преимущество метода заключается в возможности предварительного отбора с помощью факторного анализа ключевых индикаторов, которые характеризуют большую часть общей дисперсии общей совокупности показателей [12].

Вместе с тем метод имеет свои ограничения и недостатки. Во-первых, совокупность регионов не всегда оказывается чётко дифференцированной на определённые группы, в таком случае классификация становится весьма условной и её результаты сильно зависят от методов стандартизации показателей, способа кластеризации и др. Во-вторых, из-за отсутствия чётких границ кластеров практически невозможно обеспечить сопоставимость анализа по годам и отслеживать движение регионов по группам.

Количество подобных исследований по сравнению с первой группой несравненно меньше. Примерами являются работы [1; 6; 19]. Однако в данных работах не было применения факторного анализа, что ограничивает выделение наиболее значимых переменных. Авторами настоящей статьи ранее проводился данным методом анализ научно-инновационного потенциала регионов Севера за 2000–2007 гг. [7], всех регионов Российской Федерации за 2000–2006 гг. [8] и инновационно-инвестиционной активности регионов Севера за 2012–2013 гг. [26].

В настоящей работе для оценки и сравнения инновационного потенциала северных регионов предлагается применить метод многомерной группировки. Алгоритм оценки таков. Вначале осуществлена инвентаризация и отбор наиболее подходящих показателей из имеющихся в региональной статистике. Далее производится сокращение размерности показателей методом главных компонент факторного анализа. После этого методом иерархического кластерного анализа выделяются группы регионов разного уровня инновационного потенциала. Наконец, даётся содержательная характеристика выделенных групп (кластеров). Факторный и кластерный анализ осуществляются с помощью программы IBM SPSS Statistics.

Оценка инновационного потенциала северных регионов

Отбор показателей. Для оценки инновационного потенциала региона было отобрано 17 индикаторов (табл. 1). Кроме того, были выбраны четыре показателя в качестве результирующего блока, т.е. для оценки эффективности использования инновационного потенциала регионов. Общее число наблюдений составило 12 северных регионов, период наблюдения – с 2012 по 2014 г.

Сокращение размерности показателей. После обработки первичных показателей методом главных компонент факторного анализа за все годы выделились пять главных компонент, собственные значения которых были выше единицы. Они охватывают большую часть полной дисперсии – 86–87%. Поскольку первоначально полученная факторная матрица оказалась недостаточно четкой для интерпретации компонент, было произведено вращение показателей методом «варимакс».

Таблица 1. Показатели инновационного потенциала регионов*

Показатели	Обозначение
КАДРОВАЯ СОСТАВЛЯЮЩАЯ	
Выпуск бакалавров, специалистов, магистров образовательными организациями высшего образования, на тысячу человек населения	X_1
Доля населения моложе и в трудоспособном возрасте, в % от общей численности населения	X_2
Доля населения с высшим образованием, в % от общей численности занятого населения	X_3
Численность персонала, занятого научными исследованиями и разработками, на 10 тыс. занятых в экономике	X_4
Численность исследователей с ученой степенью, на 10 тыс. занятых в экономике	X_5
НАУЧНАЯ СОСТАВЛЯЮЩАЯ	
Число организаций, выполнявших научные исследования и разработки, на 10 тыс. занятых в экономике	X_6
Коэффициент изобретательской активности (число отечественных патентных заявок на изобретения, поданных в России в расчете на 10 тыс. человек населения)	X_7
Выдача патентов на изобретения и полезные модели, на 10 тыс. человек населения	X_8
Число разработанных передовых производственных технологий, на 100 тыс. занятых	X_9
ФИНАНСОВАЯ СОСТАВЛЯЮЩАЯ	
Внутренние затраты на научные исследования и разработки, тыс. руб. на 1 занятого в экономике	X_{10}
Затраты на технологические инновации, тыс. руб. на 1 занятого в экономике	X_{11}
Доля инноваций в инвестициях в основной капитал, %	X_{12}
Затраты на информационные и коммуникационные технологии, тыс. руб. на 1 занятого в экономике	X_{13}
ИНФОРМАЦИОННАЯ СОСТАВЛЯЮЩАЯ	
Организации, использовавшие ЭВМ других типов помимо персональных компьютеров, в % от общего числа обследованных организаций	X_{14}
Организации, использовавшие широкополосный доступ к сети Интернет, в % от общего числа обследованных организаций	X_{15}
Организации, имевшие веб-сайт, в % от общего числа обследованных организаций	X_{16}
Число персональных компьютеров с доступом к сети Интернет, на 100 работников	X_{17}
РЕЗУЛЬТАТИВНЫЙ БЛОК	
Инновационная активность организаций (удельный вес организаций, осуществлявших инновации, %)	X_{18}
Число используемых передовых производственных технологий, на 1 тыс. занятых	X_{19}
Объем инновационных товаров, работ, услуг, тыс. руб. на 1 занятого	X_{20}
Доля инновационных товаров, работ, услуг в общем объеме отгрузки, %	X_{21}

* Составлено авторами.

Первая компонента – F_1 включает четыре переменные с наиболее высокими факторными нагрузками – X_1 , X_4 , X_5 , X_{10} . Из них выбрана самая представительная X_{10} . Т.е. данный фактор характеризует уровень научного развития регионов.

Вторая компонента – F_2 сформирована из трёх показателей с наибольшими факторными нагрузками – X_7 , X_8 и X_9 , из которых выбран имеющий наибольшую степень корреляции X_7 . Исходя из его смысла, данный фактор интерпретируется как уровень изобретательской деятельности.

Третья компонента наиболее тесно связана с показателем X_3 . Следовательно, эта компонента отражает кадровый потенциал региона.

Четвертая компонента – F_4 включает в себя показатели с наиболее высокими факторными нагрузками X_{11} и X_{12} . Из них выбран X_{11} как более надёжный с точки зрения расчётов, хотя и с чуть меньшей факторной нагрузкой. Исходя из этого, фактор F_4 может быть назван «уровень финансирования инноваций».

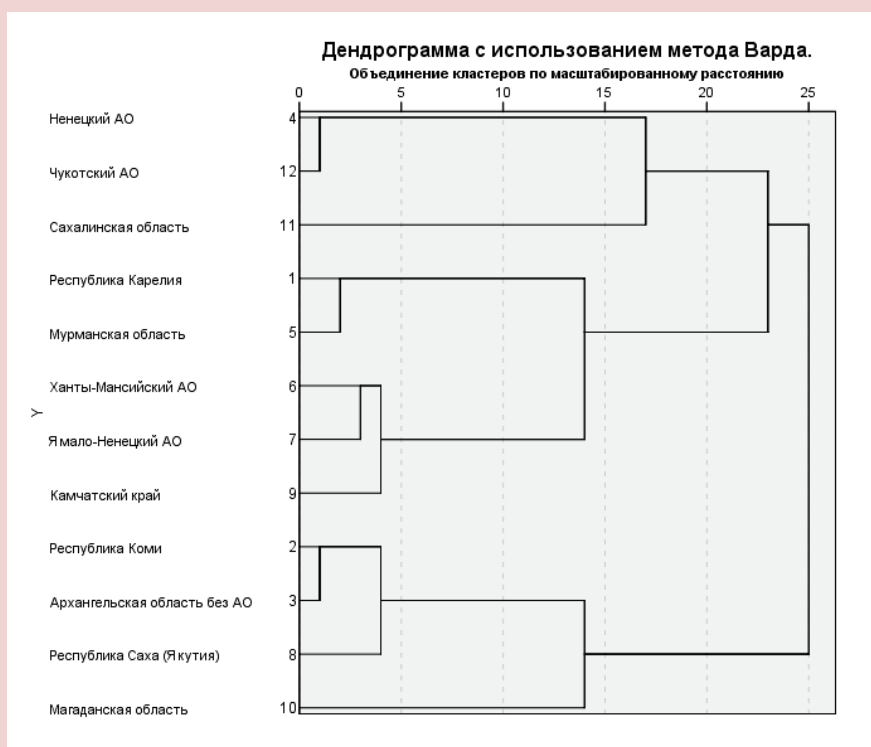
Пятая компонента — F_5 достаточно ясно определяется показателями X_{15} и X_{16} , из которых устойчиво лидирует X_{16} . Соответственно, данный фактор показывает степень развития информационно-коммуникационных технологий в регионе.

Кластеризация регионов и их содержательная характеристика. Регионы зоны Севера были классифицированы по отобранным показателям инновационного потенциала за 2012–2014 гг. с использованием метода иерархического анализа Уорда и стандартизацией первичных показателей по формуле Z -значений. Графическое изображение (дендрограмма) проведенной многомерной классификации регионов за 2014 г. представлено на рис. 2, где можно

увидеть четыре группы северных регионов. Ранжирование и содержательная характеристика кластеров приведены в табл. 2. Группировки регионов в другие годы существенно отличаются от данной, что свидетельствует о постоянных изменениях в структуре инновационного потенциала, а также о несовершенстве статистического инструментария его оценки.

Кластер 1 — сюда попал лишь один регион — Сахалинская область. Главное его отличие от всех остальных состоит в очень большом объеме затрат на технологические инновации — почти 150 тыс. руб. на одного занятого в экономике. Столь же уверенное первенство принадлежит области и по объёму инновационной продукции — более

Рисунок 2. Дендрограмма многомерной классификации северных регионов России по показателям инновационного потенциала в 2014 г.*



* Построено авторами по данным: Единая межведомственная информационно-статистическая система Росстата [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://www.fedstat.ru>; Регионы России. Социально-экономические показатели. 2015: стат. сб. / Росстат. — М., 2015. — 1266 с.

Таблица 2. Состав и характеристика кластеров северных регионов России по инновационному потенциалу в 2014 г.*

Кластер	Кол-во регионов	Регионы	Факторные показатели					Результативные показатели		
			X_3 – Доля населения с высшим образованием, в % от общей численности занятого населения	X_7 – Коэффициент изобретательской активности, ед.	X_{10} – Внутренние затраты на научные исследования и разработки, тыс. руб. на 1 занятого	X_{11} – Затраты на технологические инновации, тыс. руб. на 1 занятого	X_{16} – Организации, имевшие вебсайт, в % от общего числа обследованных организаций	X_{18} – Инновационная активность организаций, %	X_{19} – Число используемых передовых производственных технологий, на 1 тыс. занятых	X_{20} – Объем инновационных товаров, работ, услуг, тыс. руб. на 1 занятого
		Российская Федерация	32,2	1,65	12,5	17,9	40,3	9,9	3,0	52,8
		Северные регионы	30,6	0,51	3,9	26,9	39,5	7,6	2,6	116,8
1	1	Сахалинская область	26,7	0,10	4,2	148,4	39,8	4,1	2,2	1485,3
2	4	Республика Коми, Архангельская область, Якутия, Магаданская область	28,3	0,64	6,2	5,1	33,5	9,5	2,6	19,1
3	5	Ханты-Мансийский АО, Ямало-Ненецкий АО, Республика Карелия, Камчатская область, Мурманская область	34,0	0,42	4,0	14,4	44,7	8,7	3,5	6,8
4	2	Ненецкий АО, Чукотский АО	26,7	0,00	1,6	0,8	36,2	16,2	0,2	0,5

* Рассчитано авторами по данным: Единая межведомственная информационно-статистическая система Росстата [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.fedstat.ru>; Регионы России. Социально-экономические показатели. 2015: стат. сб. / Росстат. – М., 2015. – 1266 с.

1 млн. руб. на каждого работающего. Эти цифры обеспечиваются преимущественно выпуском сжиженного природного газа на заводе «Сахалин Энерджи», созданном преимущественно на основе импортных технологий и ориентированного на зарубежных заказчиков.

Показатели же кадрового и научного потенциала, в изобретательской и инновационной активности организаций региона сильно уступают другим территориям. Это обусловлено его островным положением, значительным миграционным оттоком трудоспособного населения и особенно молодёжи, недостаточным развитием транспортной и энергетической инфраструктуры, сильным удорожанием

жизни из-за сейсмических и климатических факторов. Поэтому помимо «газового» проекта нужны действия по освоению и глубокой переработке различных полезных ископаемых, развитию альтернативной энергетики, производству экологически чистых продуктов питания и других направлений.

Для этого потребуются усилия по мобилизации потенциала академической и университетской науки, более широкому сотрудничеству с иностранными государствами, созданию специализированных центров инновационной инфраструктуры, опираясь на благоприятную пропорцию между крупными корпорациями и малым и средним бизнесом [17]. Учитывая опыт

инновационных преобразований других нефтегазовых приморских стран, можно заключить, что имеет смысл делать ставку на развитие аквакультуры [30]. В подобных проектах для России желательно, чтобы осуществлялась не банальная закупка уже существующих технологий, а совместная их разработка на основе многосторонней взаимовыгодной кооперации, как это принято в современном научно-техническом сотрудничестве [39] (табл. 3).

Итак, островное положение Сахалина, как большинства других подобных территорий на планете, явно диктует необходимость индивидуальной инновационной политики и в отношении направлений исследований, и механизмов и методов их организации [34].

Кластер 2 – со средним уровнем инновационного потенциала. Сюда попали четыре региона: республики Коми и Саха (Якутия), Архангельская и Магаданская области. Они отличаются от других северных территорий более высокими показателями научного потенциала: подготовкой специалистов в вузах, численностью научных сотрудников и исследовательских организаций, затратами на исследования и разработки. Здесь также достаточно высоки и имеют тенденцию к росту коэффициент изобретательской активности и количество выдаваемых патентов, что связано с деятельностью корпоративных и оборонных научно-исследовательских организаций: в Архангельской области – в сфере судостроения, в Якутии – в сфере добычи алмазов, в Коми – в нефтегазодобыче, в Магадане –

Таблица 3. Направления государственной и корпоративной политики развития инновационного потенциала северных регионов России*

Группы регионов по инновационному потенциалу	Предлагаемые меры
Сахалинская область	– Сглаживание неблагоприятных природно-климатических условий и улучшение социально-экономической среды инновационной деятельности на основе специальных льгот федерального и регионального уровня; – Акцент на совместном создании инноваций с зарубежными партнёрами (вместо закупки готовых технологий) в сфере добычи и переработки полезных ископаемых, безопасного хозяйствования в экстремальных природных условиях, альтернативной энергетики, выпуска экологически чистых продуктов питания, биотехнологий и аквакультуры и др.
Республика Коми, Архангельская область, Республика Саха (Якутия), Магаданская область	– Разработка более действенных механизмов взаимодействия региональных научно-исследовательских организаций с производственными предприятиями; – Расширение возможностей инновационного развития энергетики посредством специальных механизмов законодательного регулирования и пересмотра подходов корпоративного управления; – Интенсификация традиционных секторов сельского хозяйства с целью повышения продовольственной безопасности.
Ханты-Мансийский АО, Ямало-Ненецкий АО, Республика Карелия, Камчатская область, Мурманская область	– Совершенствование технологий добычи полезных ископаемых с интенсификацией их переработки и развитием альтернативных источников энергии и энергосбережения; – Поиск новых технологических решений общенационального значения путём консолидации интересов промышленности и науки, включая «корпоративные» исследовательские организации; – Повышение значимости новых технических и управленческих решений в сфере природосбережения с целью сохранения уникальных экосистем для будущих поколений.
Ненецкий АО, Чукотский АО	– Упор на создание «малых» нововведений в области качества жизни, условий труда и сохранения естественной среды с использованием традиционных практик коренных народов и инноваций, рождающихся «из практики и взаимодействия».
* Составлено авторами.	

в золотодобыче. В Архангельской и Магаданской областях также высоко число созданных передовых технологий — от 2 до 8 в год на 100 тыс. занятых.

Вместе с тем очевидно, что немалые вложения в получение новых знаний и даже регистрация изобретений в регионах данной группы пока находят очень слабое практическое применение. Об этом говорит малый объём затрат на технологические инновации — около 5 тыс. руб. на одного работника, что в несколько раз ниже среднероссийского значения и уровня таких регионов-лидеров, как Татарстан, Пермский край, Самарская область и т.д. И дело тут не в нехватке инвестиций вообще, а в малой инновационной составляющей в них из-за преобладания устаревших технологий добычи полезных ископаемых, мизерной доли машиностроительных и других высокотехнологичных отраслей. Очевидно, что в этих регионах нужна разработка более действенных механизмов взаимодействия региональных научно-исследовательских организаций с производственными предприятиями [28]. Из примера Норвегии также известно, что созданию нововведений в северных широтах существенно препятствуют низкая плотность населения и невысокое разнообразие отраслевой структуры экономики [29].

Также заметно некоторое отставание данной группы регионов по развитию информационно-коммуникационных технологий. На это могут влиять как географические особенности регионов (периферийное положение, низкая плотность населения, высокий удельный вес сельских жителей, повышенная доля представителей старших поколений), так и специфика северного менталитета, неспешно воспринимающего нововведения. Такое отставание необязательно считать недостатком, оно может быть некой защитной реакцией,

сохраняющей лучшее в привычном укладе жизни.

В результативном блоке регионы рассматриваемой группы показывают неплохие для Севера результаты по выпуску инновационной продукции — от 20 до 100 тыс. руб. на одного занятого. Большею частью это обеспечивается использованием иностранных технологий (нефтепереработка, текстильно-швейное производство, деревообработка и целлюлозно-бумажное производство), но в некоторой степени — и за счёт собственных разработок (судоостроение и судоремонт в Архангельской области, энергетика в Якутии).

В силу географических особенностей этих регионов энергетика является одним из наиболее «больных» и вместе с тем перспективных направлений их инновационного развития. В современных условиях жёсткого регулирования двигаться в этом направлении компаниям практически невозможно, требуется как изменение законодательных норм, так и пересмотр привычной оценки корпорациями создаваемого продукта исключительно как добавленной экономической стоимости [32].

В инновационном развитии данной группы следует также обратить внимание на возможности интенсификации традиционных секторов сельского хозяйства. Для этого могут использоваться не только привычные механизмы финансирования и поддержки [13], но и зарубежный опыт регулирования отношений и интересов в инновационном развитии АПК [40].

Кластер 3 — сюда попали пять регионов: Ханты-Мансийский и Ямало-Ненецкий автономные округа, Республика Карелия, Камчатская и Мурманская области. В этом кластере слабее потенциал собственных разработок: меньше количество выпускаемых студентов, исследователей-практиков и научных организаций, несколько ниже

уровень финансирования фундаментальной науки и изобретательской активности.

Сильными же сторонами группы являются повышенная доля населения моложе трудоспособного возраста (на 1% выше среднего по Северу и на 6–8% – среднего по России), а также населения с высшим образованием (на 3–4 и на 1–2% соответственно). Наблюдается рост выдачи патентов на изобретения и полезные модели и количества создаваемых производственных технологий. Важное преимущество для инновационного развития нефтедобывающих округов – мощный поток инвестиций и отсюда более высокое финансирование инновационных проектов. Другой бесспорный и всеобщий атрибут – лучшее развитие информационных технологий по всем показателям. Всё это подчёркивает лучшую способность данной группы к восприятию готовых нововведений.

Что касается результативных показателей, то объём инновационной продукции в относительном выражении невелик вследствие преобладания в выпуске «сырых» товаров – нефти и газа. Но всё же он показывает положительную динамику, особенно в Мурманской области (пищевая промышленность, машиностроение), Ханты-Мансийском АО (деревообработка) и Камчатском крае (прикладные научные исследования).

Перспективы инновационного развития регионов данного кластера увязываются со следующими направлениями: совершенствованием технологий добычи полезных ископаемых (повышением коэффициента извлечения, разработкой мелких и труднодоступных месторождений, повышением безопасности горно-геологических работ и т.д.), переработкой добываемого сырья, развитием альтернативных источников энергии и энергосбережением [5]. Важным условием для решения этих задач

является консолидация интересов науки и промышленности, а также преодоление нынешней фрагментированности и корпоративного характера бывшей отраслевой науки ради поиска новых технологических решений общенационального значения [14].

Кроме того, этим регионам можно по примеру зарубежных компаний порекомендовать искать больше новых технических и управленческих решений в сфере охраны природы, что, возможно, даёт менее ощутимый в ближайшее время экономический результат, но более важно с точки зрения сохранения их уникальных экосистем для будущих поколений [36; 41].

Кластер 4 включает в себя Ненецкий и Чукотский автономные округа, которые характеризуются малой численностью населения, крайним периферийным положением, добычей полезных ископаемых в трудных природно-климатических условиях преимущественно в вахтовом режиме.

Понятно, что здесь потенциал собственных разработок и выпуска инновационной продукции пока близок к нулю из-за отсутствия соответствующих кадров и инфраструктуры. Но, наряду с этим, в данных регионах имеет место неплохое развитие информационно-вычислительной инфраструктуры и большой инвестиционный поток. Интересно отметить, что с 2014 г. в обоих субъектах статистикой фиксируется создание новых производственных технологий. В регионах Крайнего Севера ранимость биосферы очень высока, поэтому здесь особенно остро стоят вопросы природосбережения. Как показывает зарубежная практика, в будущем такие территории могут быть экспериментальной площадкой для многих инновационных проектов, что позволит им не только получать экономические выгоды, но и повышать качество жизни и условия труда [31], а также экологическую устойчивость [35].

Кроме того, в постиндустриальной парадигме значимость модели «центр–периферия» существенно снижается, а возможности для создания инноваций в средних и малых городах расширяются, в том числе с использованием традиционных практик коренных народов [22; 23]. Замечено также, что наибольший эффект приносит разумное сочетание научно-технологических инноваций (scientific and technologically-based innovation – STI) с инновациями, рождающимися из практики и взаимодействия (learning-by-doing, by-using, and by-interacting – DUI) [38]. В подобных «заповедных» территориях нельзя относиться к инновациям лишь как к катализатору производственной сферы, тем более их воздействие на экономический рост и занятость населения далеко не всегда оказывается прямым и даёт быстрые результаты, особенно в отношении социогуманитарных открытий [37].

Таким образом, пространственный анализ уровня инновационного потенциала северных регионов выявил:

- общее отставание показателей инновационного развития северных регионов от среднероссийских в силу пониженного кадрового потенциала, высокой инерционности технологического уклада, слабой заинтересованности предприятий в нововведениях, неориентированности региональных научных комплексов на сотрудничество с реальным сектором экономики;

- наличие четырех групп, различающихся по уровню инновационного потенциала. Основная часть регионов разделилась на две неярко выраженные группы, одна из которых характеризуется повышенным потенциалом в создании инноваций, другая – большими возможностями к восприятию готовых нововведений;

- неустойчивость структуры инновационного потенциала регионов Севера России, резкие изменения в показателях из-за фрагментарности инновационного процесса и неоднозначности методик его статистического наблюдения;

- наличие возможностей повышения эффективности использования инновационного потенциала северных регионов России на основе совершенствования системы стимулов для исследователей и предпринимателей, расширения государственной поддержки, перехода от закупки готового оборудования к сотрудничеству в сфере создания новых технологий;

- целесообразность повышенного внимания на Севере не только к экономически эффективным, но и к социально- и экологически-ориентированным инновациям.

Учет отмеченных выше особенностей и тенденций в пространственном распределении инновационного потенциала регионов Севера поможет органам власти и бизнесу обеспечить ускорение инновационного развития территорий и в конечном счете повышение благосостояния населения.

Литература

1. Бахтизин, А.Р. Сравнительные оценки инновационного потенциала регионов Российской Федерации / А.Р. Бахтизин, Е.В. Акинфеева // Проблемы прогнозирования. – 2010. – № 3. – С. 73–81.
2. Беляев, О.Г. Оценка инновационного потенциала экономических систем [Электронный ресурс] / О.Г. Беляев, Д.А. Корнилов // Управление экономическими системами. – 2012. – № 3. – Режим доступа: <http://www.uecs.ru/innovacii-investicii/item/1205-2012-03-30-11-27-38>.
3. Березикова, Е.Н. Инновационный потенциал регионов Российского Севера: тенденции развития / Е.Н. Березикова, Е.С. Носкова // Экономика региона. – 2008. – № 2. – С. 252–256.

4. Система оценки и мониторинга инновационного развития регионов России / И.М. Бортник, Г.И. Сенченя, Н.Н. Михеева и др. // *Инновации*. – 2012. – № 9. – С. 25-38.
5. Бурый, О.В. Роль топливного сектора субарктических районов в экономике Республики Коми / О.В. Бурый, А.А. Калинина, В.П. Луканичева // *Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз*. – 2013. – № 5 (29). – С. 65-76.
6. Волкова, Н.Н. Методика рейтингования регионов России по уровню инновационного развития / Н.Н. Волкова, Э.И. Романюк // *Перспективы инновационного развития российских регионов* / отв. ред. Е.Б. Ленчук. – М.: Институт экономики РАН, 2012. – С. 282-306.
7. Гаджиев, Ю.А. Пространственные различия научно-инновационного потенциала регионов Севера России / Ю.А. Гаджиев, В.И. Акопов, М.М. Стыров // *Региональная экономика*. – 2009. – № 34 (127). – С. 26-34.
8. Гаджиев, Ю.А. Межрегиональные различия в научно-инновационном потенциале Российской Федерации / Ю.А. Гаджиев, В.И. Акопов, М.М. Стыров // *Общество и экономика*. – 2009. – № 2. – С. 156-179.
9. Галецкая, Р.А. Инновации в стратегическом планировании регионов с низким уровнем инновационного развития / Р.А. Галецкая // *Экономика. Налоги. Право*. – 2012. – № 4. – С. 41-50.
10. Голиченко, О.Г. Основные факторы развития национальной инновационной системы / О.Г. Голиченко // *Инновации*. – 2012. – № 5 (163). – С. 4-18.
11. Гончарова, Е.Б. Развитие инновационного потенциала территории (региональный и муниципальный аспекты) / Е.Б. Гончарова, Д.М. Дроненко. – Волгоград: ИУНЛ ВолгГТУ, 2013. – 172 с.
12. Жуковская, В.М. Факторный анализ в социально-экономических исследованиях / В.М. Жуковская, И.Б. Мучник. – М.: Статистика, 1976. – 150 с.
13. Иванов, В.А. Аграрный сектор Севера России в условиях присоединения к ВТО / В.А. Иванов, В.Н. Лаженцев, Т.Ю. Микушева // *Экономика региона*. – 2013. – №3. – С. 222-232.
14. Комков, Н.И. Инновационно-технологические факторы и перспективы развития экономики на основе ресурсно-инновационной стратегии / Н.И. Комков, М.В. Кротова // *Научные труды: Институт народнохозяйственного прогнозирования РАН*, 2014. – № 12. – С. 226-244.
15. Литвиненко, И.Л. Архитектура построения и оценка инновационного потенциала региона / И.Л. Литвиненко // *Креативная экономика*. – 2015. – том 9. – № 7. – С. 815-836.
16. Луковцева, А.К. Формирование инновационного потенциала социально-экономического развития Южного федерального округа Российской Федерации / А.К. Луковцева. – М.: Дашков и К°, 2012. – 488 с.
17. Матвеев, О.А. Инновационное развитие регионов Севера: состояние и перспективы [Текст] / О.А. Матвеев. – М.: Современная экономика и право, 2011. – 315 с.
18. Инновационный потенциал: современное состояние и перспективы развития / В.Г. Матвейкин, С.И. Дворецкий, Л.В. Минько и др. – М.: Машиностроение-1, 2007. – 284 с.
19. Михеева, Н.Н. Сравнительный анализ инновационных систем российских регионов / Н.Н. Михеева // *Пространственная экономика*. – 2014. – № 4. – С. 61-81.
20. Молчанова, Н.П. Формирование инновационного потенциала регионов России / Н.П. Молчанова, И.Н. Молчанов // *Научные труды: Институт народнохозяйственного прогнозирования РАН*. – 2015. – № 13. – С. 525-552.
21. Москвина, О.С. Инновационный потенциал как фактор устойчивого развития региона / О.С. Москвина // *Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз*. – 2005. – № 30. – С. 16-25.
22. Порфирьев, Б.Н. «Зеленая» экономика: реалии, перспективы и пределы роста / Б.Н. Порфирьев. – М.: Московский центр Карнеги, 2013. – 31 с.
23. Румянцев, А.А. Научно-инновационное пространство макрорегиона: перспективы инновационного развития территорий / А.А. Румянцев // *Проблемы прогнозирования*. – 2015. – № 4. – С. 85-95.
24. Савельева, И.П. Методика оценки инвестиционного потенциала и инновационной привлекательности субъектов Российской Федерации / И.П. Савельева, И.М. Цало // *Вестник ЮУрГУ. Серия «Экономика и менеджмент»*. – 2014. – Т. 8. – № 4. – С. 25-30.
25. Сорокина, А.В. Построение индекса инновационного развития регионов России / А.В. Сорокина. – М.: Дело, РАНХиГС, 2013. – 230 с.

26. Стыров, М.М. Инвестиционно-инновационная активность промышленности северных регионов России / М.М. Стыров, Д.В. Колечков // Известия Коми научного центра УрО РАН. – 2015. – № 4. – С. 120-129.
27. Усков, В.С. Оценка инновационного потенциала регионов Северо-Западного федерального округа / В.С. Усков // Проблемы развития территорий. – 2009. – № 45. – С. 94-100.
28. Шихвердиев, А.П. Пути повышения экономического роста / А.П. Шихвердиев, А.А. Вишняков, Н.А. Оганезова // Корпоративное управление и инновационное развитие экономики Севера: Вестник Научно-исследовательского центра корпоративного права, управления и венчурного инвестирования Сыктывкарского государственного университета. – 2016. – № 2. – С. 12-22.
29. Aarstad, J. Related and unrelated variety as regional drivers of enterprise productivity and innovation: A multilevel study [Text] / J. Aarstad, O.A. Kvitastein, S.-E. Jakobsen // Research Policy. – 2016. – № 45. – P. 844-856.
30. Al-Belushi, K. The development of marine biotechnology in Oman: Potential for capacity building through open innovation [Text] / K. Al-Belushi, S.M. Stead, J.G. Burgess // Marine Policy. – 2015. – № 57. – P. 147-157.
31. Ezzi, F. Does innovation strategy affect financial, social and environmental performance? [Text] / F. Ezzi, A. Jarboui // Journal of Economics, Finance and Administrative Science. – 2016. – № 21. – P. 14-24.
32. Hall, S. Business model innovation in electricity supply markets: The role of complex value in the United Kingdom [Text] / S. Hall, K. Roelich // Energy Policy. – 2016. – № 92. – P. 286-298.
33. Kasa, R. Approximating innovation potential with neurofuzzy robust model [Text] / R. Kasa // Investigaciones Europeas de Dirección y Economía de la Empresa. – 2015. – № 21. – P. 35-46.
34. Kelman, I. Islander innovation: A research and action agenda on local responses to global issues [Text] / I. Kelman, T.R. Burns, N.M. des Johansson // Journal of Marine and Island Cultures. – 2015. – № 4. – P. 34-41.
35. Kinnear, S. Planning the innovation agenda for sustainable development in resource regions: A central Queensland case study [Text] / S. Kinnear, I. Ogden // Resources Policy. – 2014. – № 39. – P. 42-53.
36. Levidow, L. Process eco-innovation: assessing meso-level eco-efficiency in industrial water-service systems [Text] / L. Levidow, P. Lindgaard-Jørgensen, Å. Nilsson, S.A. Skenhall, D. Assimacopoulos // Journal of Cleaner Production. – 2016. – № 110. – P. 54-65.
37. Moutinho, R.F.F. Absorptive capacity and business model innovation as rapid development strategies for regional growth [Text] / R.F.F. Moutinho // Investigación Económica. – 2016. – vol. LXXV. – № 295. – P. 157-202.
38. Parrilli, M.D. STI and DUI innovation modes: Scientific-technological and context-specific nuances [Text] / M.D. Parrilli, H.A. Heras // Research Policy. – 2016. – № 45. – P. 747-756.
39. Pfothenauer, S.M. Architecting complex international science, technology and innovation partnerships (CISTIPs): A study of four global MIT collaborations [Text] / S.M. Pfothenauer, D. Wood, D. Roos, D. Newman // Technological Forecasting & Social Change. – 2016. – № 104. – P. 38-56.
40. Schut, M. Sustainable intensification of agricultural systems in the Central African Highlands: The need for institutional innovation [Text] / M. Schut, P. Astenc, C. Okafor, C. Hicintuka, S. Mapatano, N.L. Nabahungu, D. Kagabog, P. Muchunguzi, E. Njukwe, P.M. Dontsop-Nguezet, M. Sartas, B. Vanlauwe // Agricultural Systems. – 2016. – № 145. – P. 165-176.
41. Uyarra, E. Low carbon innovation and enterprise growth in the UK: Challenges of a place-blind policy mix [Text] / E. Uyarra, P. Shapira, A. Harding // Technological Forecasting & Social Change. – 2016. – № 103. – P. 264-272.

Сведения об авторах

Юсиф Алимович Гаджиев – кандидат экономических наук, старший научный сотрудник, Институт социально-экономических и энергетических проблем Севера Коми научного центра Уральского отделения Российской академии наук, лаборатория финансово-экономических проблем (167982, ГСП-2, Россия, Республика Коми, г. Сыктывкар, ул. Коммунистическая, 26, gajiev@iespn.komisc.ru)

Максим Михайлович Стыров – кандидат экономических наук, Институт социально-экономических и энергетических проблем Севера Коми научного центра Уральского отделения Российской академии наук, лаборатория финансово-экономических проблем (167982, ГСП-2, Россия, Республика Коми, г. Сыктывкар, ул. Коммунистическая, 26, styrovmm@mail.ru)

Дмитрий Васильевич Колечков – кандидат экономических наук, Институт социально-экономических и энергетических проблем Севера Коми научного центра Уральского отделения Российской академии наук, лаборатория финансово-экономических проблем (167982, ГСП-2, Россия, Республика Коми, г. Сыктывкар, ул. Коммунистическая, 26, kdb1970@mail.ru)

Надежда Владимировна Шляхтина – аспирант, Институт социально-экономических и энергетических проблем Севера Коми научного центра Уральского отделения Российской академии наук, лаборатория финансово-экономических проблем (167982, ГСП-2, Россия, Республика Коми, г. Сыктывкар, ул. Коммунистическая, 26, nadi_star7latel@mail.ru)

Gadzhiev Yu.A., Styrov M.M., Kolechkov D.V., Shlyakhtina N.V.

Analysis of Innovation Potential of Northern Russian Regions

Abstract. The purpose of the study is to improve theoretical and methodological techniques for assessing innovation potential and determine the main areas of scientific and technological development of Northern Russian regions. The theoretical part of the article reveals the essence of innovative potential and provides the author's classification of approaches to its measurement. It demonstrates that the majority of modern domestic and foreign studies are aimed at assessing the territory's innovative potential through the calculation of the integrated index; however, this leads to the merging of diverse characteristics into a unified scale. The paper describes the features and limitations of factor analysis and hierarchical cluster analysis of the phenomenon under study, monitoring of specific profile and inward similarities of the analyzed objects. Factor analysis has revealed five most important characteristics which determine innovative development of Northern Russian regions: level of scientific development of the regions, level of inventive activity, human capacity, level of financing of innovation, ICT development. By means of the hierarchical cluster analysis method, four types of Northern Russian regions have been distinguished by type of their innovative potential: single leader; regions with high potential for creating innovation; regions with increased susceptibility to innovation; "defense areas". The authors indicate the options of the state and corporate innovation policies in the identified groups; they emphasize the expediency of transition from importing ready technologies to international cooperation in their development in a unique natural environment of the Russian North, as well as the value of "eco-friendly" innovations compared to "resource-consuming". The results of the research may be useful in inter-regional comparisons and searching for new approaches to territorial development. Thus they may be applicable to the development of strategic program documents on innovative development of Federal districts, regions under study, individual industries and enterprises. Methodological techniques of the present research should provide the basis for future research of innovative potential of both Northern territories and all Russian regions.

Key words: innovative potential, factor analysis, cluster analysis, innovation investment, Northern Russian regions.

References

1. Bakhtizin A.R., Sravnitel'nye otsenki innovatsionnogo potentsiala regionov Rossiiskoi Federatsii [Comparative assessment of innovation potential of the Russian regions]. *Problemy prognozirovaniya* [Issues of forecasting], 2010, no. 3, pp. 73–81. (In Russian)
2. Belyaev O.G., Kornilov D.A. Otsenka innovatsionnogo potentsiala ekonomicheskikh sistem [Estimation of innovative potential of economic systems]. *Upravlenie ekonomicheskimi sistemami* [Management of economic systems], 2012, no. 3. Available at: <http://www.uecs.ru/innovacii-investicii/item/1205-2012-03-30-11-27-38>. (In Russian)

3. Berezikova E.N., Noskova E.S. Innovatsionnyi potentsial regionov Rossiiskogo Severa: tendentsii razvitiya [Innovation potential of Russian Northern regions: development trends]. *Ekonomika regiona* [Regional economics], 2008, no. 2, pp. 252–256. (In Russian)
4. Bortnik I.M., Senchenya G.I., Mikheeva N.N. et al. Sistema otsenki i monitoringa innovatsionnogo razvitiya regionov Rossii [System of assessment and monitoring of innovative development of the Russian regions]. *Innovatsii* [Innovations], 2012, no. 9, pp. 25–38. (In Russian)
5. Buryi O.V., Kalinina A.A., Lukanicheva V.P. Rol' toplivnogo sektora subarkticheskikh raionov v ekonomike Respubliki Komi [The role of the fuel sector of subarctic regions in the Komi Republic economy]. *Ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny: fakty, tendentsii, prognoz* [Economic and social changes: facts, trends, forecast], 2013, no. 5 (29), pp. 65–76. (In Russian)
6. Volkova N.N., Romanyuk E.I. Metodika reitingovaniya regionov Rossii po urovnyu innovatsionnogo razvitiya [Methodology of ranking Russian regions by level of innovative development]. *Perspektivy innovatsionnogo razvitiya rossiiskikh regionov* [Prospects for innovative development of the Russian regions]. Moscow: Institut ekonomiki RAN, 2012, pp. 282–306. (In Russian)
7. Gadzhiev Yu.A., Akopov V.I., Styrov M.M. Prostranstvennye razlichiya nauchno-innovatsionnogo potentsiala regionov Severa Rossii [Spatial distinctions of scientifically-innovative potential of regions of the North of Russia]. *Regional'naya ekonomika* [Regional economics: theory and practice], 2009, no. 34 (127), pp. 26–34. (In Russian)
8. Gadzhiev Yu.A., Akopov V.I., Styrov M.M. Mezhhregional'nye razlichiya v nauchno-innovatsionnom potentsiale Rossiiskoi Federatsii [Science-and-innovation potential of the Russian Federation: interregional differences]. *Obshchestvo i ekonomika* [Society and economics], 2009, no. 2, pp. 156–179. (In Russian)
9. Galetskaya R.A. Innovatsii v strategicheskom planirovanii regionov s nizkim urovнем innovatsionnogo razvitiya [Innovations in strategic planning of regions with low level of economic development]. *Ekonomika. Nalogi. Pravo* [Economics. Taxes. Law], 2012, no. 4, pp. 41–50. (In Russian)
10. Golichenko O.G. Osnovnye faktory razvitiya natsional'noi innovatsionnoi sistemy [The main factors in the development of the national innovation system]. *Innovatsii* [Innovations], 2012, no. 5 (163), pp. 4–18. (In Russian)
11. Goncharova E.B., Dronenko D.M. *Razvitie innovatsionnogo potentsiala territorii (regional'nyi i munitsipal'nyi aspekty)* [The development of the territory's innovation potential (regional and municipal aspects)]. Volgograd: IUNL VolgGTU, 2013. 172 p. (In Russian)
12. Zhukovskaya V.M., Muchnik I.B. *Faktornyi analiz v sotsial'no-ekonomicheskikh issledovaniyakh* [Factor analysis in socio-economic research]. Moscow: Statistika, 1976. 150 p. (In Russian)
13. Ivanov V.A., Lazhentsev V.N., Mikusheva T.Yu. Agrarnyi sektor Severa Rossii v usloviyakh prisoedineniya k VTO [The agrarian sector of the Russian North in conditions of entry into the WTO]. *Ekonomika regiona* [Regional economy], 2013, no.3, pp. 222–232. (In Russian)
14. Komkov N.I., Krotova M.V. Innovatsionno-tekhnologicheskie faktory i perspektivy razvitiya ekonomiki na osnove resursno-innovatsionnoi strategii [Innovation and technological factors and economic development prospects based on the resource-innovation strategy]. *Nauchnye trudy: Institut narodnokhozyaistvennogo prognozirovaniya RAN* [Scientific Articles – Institute of Economic Forecasting RAS], 2014, no. 12, pp. 226–244. (In Russian)
15. Litvinenko I.L. Arkhitektura postroeniya i otsenka innovatsionnogo potentsiala regiona [Building and the evaluation of regional innovative potential]. *Kreativnaya ekonomika* [Creative economics], 2015, volume 9, no. 7, pp. 815–836. (In Russian)
16. Lukovtseva A.K. *Formirovanie innovatsionnogo potentsiala sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiya Yuzhnogo federal'nogo okruga Rossiiskoi Federatsii* [Development of innovation potential of the socio-economic development of the Southern Federal District of the Russian Federation]. Moscow: Dashkov i K°, 2012. 488 p. (In Russian)
17. Matveev O.A. *Innovatsionnoe razvitie regionov Severa: sostoyanie i perspektivy* [Innovation development of the Northern regions: current state and prospects]. Moscow: Sovremennaya ekonomika i pravo, 2011. 315 p. (In Russian)
18. Matveikin V.G., Dvoret'skii S.I., Min'ko L.V. et al. *Innovatsionnyi potentsial: sovremennoe sostoyanie i perspektivy razvitiya* [Innovation potential: current state and development prospects]. Moscow: Mashinostroenie-1, 2007. 284 p. (In Russian)
19. Mikheeva N.N. Sravnitel'nyi analiz innovatsionnykh sistem rossiiskikh regionov [Comparative analysis of innovative systems in the Russian regions]. *Prostranstvennaya ekonomika* [Spatial economics], 2014, no. 4, pp. 61–81. (In Russian)

20. Molchanova N.P., Molchanov I.N. Formirovanie innovatsionnogo potentsiala regionov Rossii [Development of innovation potential of Russian regions]. *Nauchnye trudy: Institut narodnokhozyaistvennogo prognozirovaniya RAN* [Scientific Articles – Institute of Economic Forecasting RAS], 2015, no. 13, pp. 525–552. (In Russian)
21. Moskvina O.S. Innovatsionnyi potentsial kak faktor ustoichivogo razvitiya regiona [Innovation potential as a factor in the region's sustainable development]. *Ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny: fakty, tendentsii, prognoz* [Economic and social changes: facts, trends, forecast], 2005, no. 30, pp. 16–25. (In Russian)
22. Porfir'ev B.N. "Zelenaya" ekonomika: realii, perspektivy i predely rosta ["Green" economy: realities, prospects and growth ceilings]. Moscow: Moskovskii tsentr Karnegi, 2013. 31 p. (In Russian)
23. Rumyantsev A.A. Nauchno-innovatsionnoe prostranstvo makroregiona: perspektivy innovatsionnogo razvitiya territorii [Scientific innovation space of a macro-region: innovation development prospects of the territory]. *Problemy prognozirovaniya* [Issues of forecasting], 2015, no. 4, pp. 85–95. (In Russian)
24. Savel'eva I.P., Tsalo I.M. Metodika otsenki investitsionnogo potentsiala i innovatsionnoi privlekatel'nosti sub"ektov Rossiiskoi Federatsii [Methodology for the assessment of investment potential and innovative attractiveness of constituent entities of the Russian federation]. *Vestnik YuUrGU. Seriya: Ekonomika i menedzhment* [Bulletin of the South Ural State University. Series: Economics and management], 2014, volume 8, no. 4, pp. 25–30. (In Russian)
25. Sorokina A.V. Postroenie indeksa innovatsionnogo razvitiya regionov Rossii [The construction of innovative development of Russian regions]. Moscow: Delo, RANKhiGS, 2013. 230 p. (In Russian)
26. Styrov M.M., Kolechkov D.V. Investitsionno-innovatsionnaya aktivnost' promyshlennosti severnykh regionov Rossii [Investment and innovation activity of the industry in the northern regions of Russia]. *Izvestiya Komi nauchnogo tsentra UrO RAN* [Proceedings of the Komi Science Centre of the Ural Division of the Russian Academy of Sciences], 2015, no. 4, pp. 120–129. (In Russian)
27. Uskov V.S. Otsenka innovatsionnogo potentsiala regionov Severo-Zapadnogo federal'nogo okruga [Assessment of innovation potential of regions of the Northwestern Federal District]. *Problemy razvitiya territorii* [Problems of territory's development], 2009, no. 45, pp. 94–100. (In Russian)
28. Shikhverdiev A.P., Vishnyakov A.A., Oganezova N.A. Puti povysheniya ekonomicheskogo rosta [Ways of increasing economic growth]. *Korporativnoe upravlenie i innovatsionnoe razvitie ekonomiki Severa: Vestnik Nauchno-issledovatel'skogo tsentra korporativnogo prava, upravleniya i venchurnogo investirovaniya Syktyvkar'skogo gosudarstvennogo universiteta* [Corporate Governance and innovative economic development of the North: Bulletin of Research Center of Corporate Law, Management and Venture Investment of Syktyvkar State University], 2016, no. 2, pp. 12–22. (In Russian)
29. Aarstad J., Kvitastein O.A., Jakobsen S.-E. Related and unrelated variety as regional drivers of enterprise productivity and innovation: A multilevel study. *Research Policy*, 2016, no. 45, pp. 844–856.
30. Al-Belushi K., Stead S.M., Burgess J.G. The development of marine biotechnology in Oman: Potential for capacity building through open innovation. *Marine Policy*, 2015, no. 57, pp. 147–157.
31. Ezzi F., Jarboui A. Does innovation strategy affect financial, social and environmental performance? *Journal of Economics, Finance and Administrative Science*, 2016, no. 21, pp. 14–24.
32. Hall S., Roelich K. Business model innovation in electricity supply markets: The role of complex value in the United Kingdom. *Energy Policy*, 2016, no. 92, pp. 286–298.
33. Kasa R. Approximating innovation potential with neurofuzzy robust model. *Investigaciones Europeas de Direcci n y Econom a de la Empresa*, 2015, no. 21, pp. 35–46.
34. Kelman I., Burns T.R., des Johansson N.M. Islander innovation: A research and action agenda on local responses to global issues. *Journal of Marine and Island Cultures*, 2015, no. 4, pp. 34–41.
35. Kinnear S., Ogden I. Planning the innovation agenda for sustainable development in resource regions: A central Queensland case study. *Resources Policy*, 2014, no. 39, pp. 42–53.
36. Levidow L., Lindgaard-J rgensen P., Nilsson ., S.A., Assimacopoulos D. Process eco-innovation: assessing meso-level eco-efficiency in industrial water-service systems. *Journal of Cleaner Production*, 2016, no. 110, pp. 54–65.
37. Moutinho R.F.F. Absorptive capacity and business model innovation as rapid development strategies for regional growth. *Investigaci n Econ mica*, 2016, volume LXXV, no. 295, pp. 157–202.
38. Parrilli M.D., Heras H.A. STI and DUI innovation modes: Scientific-technological and context-specific nuances. *Research Policy*, 2016, no. 45, pp. 747–756.

39. Pfothenauer S.M., Wood D., Roos D., Newman D. Architecting complex international science, technology and innovation partnerships (CISTIPs): A study of four global MIT collaborations. *Technological Forecasting & Social Change*, 2016, no. 104, pp. 38–56.
40. Schut M., Astenc P., Okafor C., Hicintuka C., Mapatano S., Nabahungu N.L., Kagabog D., Muchunguzi P., Njukwe E., Dontsop-Nguezet P.M., Sartas M., Vanlauwe B. Sustainable intensification of agricultural systems in the Central African Highlands: The need for institutional innovation. *Agricultural Systems*, 2016, no. 145, pp. 165–176.
41. Uyarra E., Shapira P., Harding A. Low carbon innovation and enterprise growth in the UK: Challenges of a place-blind policy mix. *Technological Forecasting & Social Change*, 2016, no. 103, pp. 264–272.

Information about the Authors

Yusif Alimovich Gadzhiev – Ph.D. in Economics, Senior Research Associate, Institute of Socio-Economic and Energy Issues of the North of the Komi Republic of Scientific Centre of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Laboratory of Financial and Economic Issues (26, Kommunisticheskaya Street, Syktyvkar, GSP-2, 167982, Komi Republic, Russian Federation. gajiev@iespn.komisc.ru)

Maksim Mikhailovich Styrov – Ph.D. in Economics, Institute of Socio-Economic and Energy Issues of the North of the Komi Republic of Scientific Centre of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Laboratory of Financial and Economic Issues (26, Kommunisticheskaya Street, Syktyvkar, GSP-2, 167982, Komi Republic, Russian Federation. styrovmm@mail.ru)

Dmitrii Vasil'evich Kolechkov – Ph.D. in Economics, Institute of Socio-Economic and Energy Issues of the North of the Komi Republic of Scientific Centre of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Laboratory of Financial and Economic Issues (26, Kommunisticheskaya Street, Syktyvkar, GSP-2, 167982, Komi Republic, Russian Federation. kdb1970@mail.ru)

Nadezhda Vladimirovna Shlyakhtina – Postgraduate, Institute of Socio-Economic and Energy Issues of the North of the Komi Republic of Scientific Centre of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Laboratory of Financial and Economic Issues (26, Kommunisticheskaya Street, Syktyvkar, GSP-2, 167982, Komi Republic, Russian Federation. nadi_star7latel@mail.ru)

Статья поступила 27.07.2016.

ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ

DOI: 10.15838/esc.2016.6.48.14

УДК 316.344.233(510), ББК 60.541.32(5Кит)

© Чжан Сяоя

Принципы деятельности и меры для различных типов домохозяйств по борьбе с бедностью в городском округе Цзиань



Чжан Сяоя

Институт социологии, Академия общественных наук провинции Цзянси
330077, Китай, Наньчан, Цзянси
xiao9624217@163.com

Аннотация. В статье описывается опыт, накопленный в уезде Цзиань городского округа Цзиань провинции Цзянси по проведению политики, направленной на борьбу с бедностью на основе осуществления целевого проекта «Четыре направления борьбы с индустриальной бедностью»: 1) «Участок площадью в один му на одно домохозяйство для выращивания помело», 2) «Участок площадью в один му на одно домохозяйство для выращивания винограда Хэнцзянь», 3) «Один курятник на одно домохозяйство» и 4) «Одно рабочее место в парке на одно домохозяйство». Обосновывается, что домохозяйства, реализующие такие проекты, могут выйти из бедности. Исследование направлено на то, чтобы помочь населению, живущему в бедности, выйти из нее, а бедному уезду стать богаче. В настоящей статье автор опирается на развивающееся в современной общественной науке представление о структурной бедности, свойственной разным историческим эпохам и экономическим укладам¹. При этом выделяют доиндустриальный (прединдустриальный), индустриальный и постиндустриальный типы структурной бедности. Прединдустриальный тип – спутник докапиталистического развития общества. Индустриальная бедность характерна для стран, находящихся на этапе индустриального развития, она обусловлена избыточным предложением низко- и среднеквалифицированного труда. С бедно-

¹ *Прим. ред.* Освещение типов структурной бедности развернуто представлено в статье: Аникин В.А., Тихонова Н.Е. Бедность в России на фоне других стран // Мир России. – 2014. – № 4. – С. 59-95.

Для цитирования: Чжан Сяоя. Принципы деятельности и меры для различных типов домохозяйств по борьбе с бедностью в городском округе Цзиань / Чжан Сяоя // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. – 2016. – № 6. – С. 255-265. DOI: 10.15838/esc.2016.6.48.14

For citation: Zhang Xiaoxia. Environment-Concerned Treatment, Proper Policies for Different Households, Targeted Improvement: Industry Poverty Alleviation Mode of Ji'an County. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 2016, no. 6, pp. 255-265. DOI: 10.15838/esc.2016.6.48.14

стью индустриального типа принято бороться за счет стимулирования создания высококвалифицированных рабочих мест методами инвестиционной и налоговой политики, общедоступных систем образования и получения квалификации. Постиндустриальный тип бедности отличается от индустриального типа тем, что эта бедность также формируется с участием рынка труда, но это уже не столько локальный, сколько глобальный рынок труда. Экономической основой постиндустриальной бедности являются структурные изменения в мировой экономике и рост конкуренции за рабочие места в международных рамках.

Ключевые слова: индустриальная бедность; направления и меры борьбы с бедностью; инновационная поддержка фермеров; результаты работы по сокращению масштабов бедности.

Уезд Цзиань расположен в центральной части провинции Цзянси в районе Цзитай. Вследствие исторических, природных и других особенностей феномен бедности в сельской местности уезда Цзиань представляет собой очень серьезную проблему, и данный уезд относится к бедным районам, получающим государственную поддержку. В период реализации «12-го пятилетнего плана» в уезде насчитывалось 108 бедных деревень, которые занимали 1/3 от общей площади деревень в уезде. При этом 53 административных населенных пункта до недавнего времени входили в список бедных деревень на государственном уровне. В 2014 году в уезде был составлен список из 17056 бедных домохозяйств (55167 человек). Такому огромному количеству бедного населения трудно кардинально избавиться от бедности, полагаясь на поддержку извне. Необходим поиск внутренних механизмов сокращения бедности, позволяющих перевести борьбу с бедностью в рамках стратегии «переливание крови» в борьбу с бедностью в рамках стратегии «кровотворение». Важнейший путь достижения данной цели заключается в борьбе каждого домохозяйства с индустриальной бедностью.

Борьба с индустриальной бедностью является важной отправной точкой в реализации стратегии «кровотворение».

Используя местные ресурсы, необходимо развивать перспективные и высокоэффективные отрасли; оказывать разную поддержку бедным семьям, увеличивать доходы за счет развития промышленности, поощрять способность бедного населения к саморазвитию и обеспечить устойчивое развитие бедных районов.

В статье затрагиваются шесть направлений борьбы с бедностью: «Борьба с производственной бедностью», «Борьба с бедностью среди мигрантов», «Борьба с индустриальной бедностью», «Борьба с бедностью в образовательной среде», «Борьба с бедностью в среде рабочих формирований» и «Гарантированная борьба с бедностью», одновременно запущенных в провинции и в городском округе. Уезд Цзиань реализует главным образом целевой проект «Четыре направления борьбы с индустриальной бедностью», включающий проекты: «Участок площадью в один му¹ на одно домохозяйство для выращивания помело», «Участок площадью в один му на одно домохозяйство для выращивания винограда Хэнцзян», «Один курятник на одно домохозяйство» и «Одно рабочее место в парке на одно домохозяйство». Эти проекты выбраны в соответствии с

¹ Му – традиционная китайская мера площади, в настоящее время равна 1/15 гектара (667 м²). – Прим. редакции.

климатическими, почвенными условиями, особенностями ландшафта, а также с учетом местной специфики. В результате здесь достигнуты хорошие результаты в борьбе с бедностью. Практикой доказано, что домохозяйства, реализующие такие проекты, могут в относительно короткое время выйти из структурной бедности индустриального типа.

I. Организационно-экономическое и технологическое содержание конкретных мероприятий.

1. Принятие надлежащих мер для различных домохозяйств в целях преодоления индустриальной бедности — основной метод непрерывной борьбы с бедностью в рамках стратегии «кровотворение».

В последние годы, стараясь удовлетворить требования по включению бедных домохозяйств в промышленное развитие, в уезде Цзиань проводится постоянное сравнение ресурсов, инвестиций, маркетинга, выгод, рисков и других факторов, способствующих развитию четырех воспроизводимых и перспективных целевых направлений борьбы с бедностью, в широком масштабе имеющих наиболее мощную движущую силу. Эти направления включают такие, как: «помело Цзинган», «виноград Хэнцзян», «цыпленок-бройлер» и «Служба рабочих формирований». Данные проекты направлены на то, чтобы помочь каждому бедному домохозяйству найти сферу занятости, выйти из бедности и получать доход в размере свыше 10 000 юаней в год. Остановимся на указанных проектах подробнее.

- *Участок площадью в один му на одно домохозяйство для выращивания помело Цзинган.*

На участке площадью в один му можно выращивать 33 дерева помело. Наибольшая урожайность составляет около 2 000 кг/му, а рыночная цена — около 6 юаней

за килограмм, так что валовая прибыль составляет около 12 000 юаней/му, а чистая прибыль — около 10 000 юаней/му. При этом обеспечивается низкий уровень инвестиций, высокая прибыль, легкость хранения, низкий риск и возможность посадки вблизи дома. Уезд Цзиань относится к проекту «помело Цзинган» как к «проекту, обогащающему население и округ». Его также называют «проектом секретарей», поскольку секретари уездов, городских округов и деревень непосредственно на местах координируют свои действия и решают проблемы развития промышленности. Что включает эта деятельность?

Во-первых, необходимость оценки масштабов земель для сельскохозяйственных работ, привлечения населения на необработанные земли, в пустующие деревни, на бесплодные холмы и в редколесье для того, чтобы объединить земельные ресурсы и расширять площадь для выращивания помело Цзинган. Житель деревни Цзянфан поселка Юнян несколько лет назад посадил семена на площади в 10 му, а в 2014 году уже собрал небывалый урожай — более 15 000 кг, а доход составил 120 000 юаней. Другой житель посадил помело на бесплодном холме с целью расширения масштабов производства, а в целом здесь 23 крестьянских хозяйства посадили помело на площади 800 му. Помело Цзинган становится «денежным деревом» для деревенских жителей и помогает им в борьбе с бедностью.

Во-вторых, необходимо расширять производственные связи, включить в технологическую цепь передовые перерабатывающие предприятия, такие как Shanghai Yifang, Fuyuan Food и др., развивать базовые отрасли, непрерывно расширять производственные переделы,

увеличивать добавленную стоимость в промышленности, формировать интегрированные планы «производства и маркетинга», увеличивая тем самым доход фермеров. Например, компания предлагает технологию управления, маркетинговую услугу и т.д. фермерам, выращивающим помело Цзинган, или поощряет фермеров за его выращивание.

В-третьих, необходимо изучать способы получения выгод для тысяч деревенских жителей, принимать меры, направленные на предоставление возможности выращивать помело в непосредственной близости от дома и бесплатно приобретать саженцы; премировать фермеров в размере 400 юаней за один возделываемый му; применять разнообразные формы управления: акционерное товарищество, аренду и субподряд, кооперативное управление, независимое управление и др.

В настоящее время площадь земель в уезде, на которых выращивается помело, достигает 46 000 му, количество домохозяйств в рамках проекта «Тысячи деревень и домохозяйств» составляет 16 700, из них 4 556 — бедных; средняя площадь посадок равна 3,5 му, средний доход — около 10 000 юаней/му. В целях обеспечения благоприятных условий для иммиграции и иммигрантов, а также их поддержки деревня Чипо в волости Аньган, учитывая местные особенности, признала выращивание помело Цзинган своей ведущей отраслью. Территория, на которой выращивается помело, протянулась на три километра с запада на восток вдоль шоссе Дунъюн, занимая площадь в 10 000 му. Деревня реализует стратегию развития, согласно которой богатые и влиятельные домохозяйства ведут за собой бедные, в ходе сотрудничества, осуществляемого на основе совместной деятельности, происходит расширение малых домохозяйств и увеличение

фермерских доходов. Данная стратегия является частью индустриального плана, включающего три функциональные зоны: «Демонстрационная зона обеспеченных и влиятельных домохозяйств», «Демонстрационная зона членов партии и кадров» и «Демонстрационная зона совместных посадок домохозяйств».

• *Участок площадью в один му на одно домохозяйство для выращивания винограда Хэнцзян.*

Виноград Хэнцзян был впервые посажен фермерами деревни Хэнцзян в 1999 году. Благодаря уникальному климату, в котором выращивается данный сорт, а также целенаправленной селекции и многолетнему научно обоснованному разведению, он обладает такими отличительными качествами, как: «фруктовый блеск, фруктовый аромат, кисло-сладкий вкус, легкость очистки от кожуры» и т.д. Возделывание этого сорта характеризуется низким уровнем инвестиций (около 4 000 юаней/му) и хорошей урожайностью (1 250 кг/му в период наибольшей урожайности). Рыночная цена составляет около 4 юаней за 0,5 кг, валовая прибыль с одного му — около 10 000 юаней/му, а чистый доход — около 8 000 юаней). В уезде Цзиань активно развивается выращивание винограда Хэнцзян и база для его переработки на площади 10 000 му, с тем чтобы сделать данную отрасль ключевой в борьбе с бедностью. Уезд Цзиань опирается на специализированные кооперативы по выращиванию винограда Хэнцзян, которые формируют цепочку «кооператив + бедное домохозяйство». При этом обеспечивается пять «комплексных» услуг, включающих комплексную поставку саженцев, обучение технологии, единый производственный стандарт, единое материальное снабжение и единый маркетинг, что позволяет эффективно решать вопросы,

касающиеся технологии посадок, и расширять масштабы производства винограда Хэнцзян. Что в этих целях делается?

Во-первых, внедряется технология стандартизированного производства. Уезд установил тесные связи с Китайской ассоциацией сельскохозяйственных научных обществ и регулярно приглашает известных экспертов и ученых читать лекции, давать экспертные оценки технологиям производства и менеджмента в виноградарстве и отвечать на вопросы производителей на местах. С учётом особенностей местного климата, почв, экологии и т.д. в уезде Цзиань разработан и внедрён местный технологический стандарт для виноградарства и внесены поправки в Руководство по технологии выращивания винограда Хэнцзян. Таким образом были установлены специальные производственные требования для каждого процесса и связь между всеми этапами выращивания с целью налаживания стандартизированного производства согласно требованиям в отношении экологически чистой продукции.

Во-вторых, осуществляется разработка и развитие культурного бренда. Уезд Цзиань зарегистрировал несколько торговых марок, связанных с производством винограда Хэнцзян: например, «Luling Hengjiang», «Tianhua Hengjiang» и др. Данные сельскохозяйственные продукты были одобрены Министерством сельского хозяйства Китая как экологически чистые, соответствующие стандарту «Экологически чистый продукт класса А», разработанному Китайским центром развития продуктов растительного происхождения (China Green Food Development Center). Получен сертификат Национальной системы контроля качества. Начиная с 2004 года, при поддержке государства и

руководстве со стороны специализированного кооператива по выращиванию винограда Хэнцзян, в уезде проводится тематический фестиваль — успешно прошёл уже 11-й Китайский фестиваль винограда Хэнцзян, который укрепил культурное значение бренда «виноград Хэнцзян». В 2010 году уезд Цзиань завоевал репутацию как «Дом китайского винограда».

В-третьих, ведётся систематическое расширение рынка. Необходимо проводить отбор старых сортов винограда и вводить в производство новые сорта, увеличивать период реализации свежего винограда (с 40 дней до 4 месяцев и более), развивать сотрудничество между фермерами и супермаркетами (например, супермаркет ВВК), продавать виноград в основном в крупных сетевых супермаркетах и магазинах оптовой торговли фруктами в крупных и средних городах, внедрять практику прямых продаж свежих фруктов. Следует осваивать опыт ведущих предприятий, таких как, Fuyuan Food, Yixian Agriculture и др., с объёмом инвестиций свыше 100 млн. юаней, что позволит выпускать готовую продукцию из винограда — концентраты фруктового сока и продукты глубокой переработки винограда. Важно также осуществлять переработку винограда в местах его сбора и расширять производственную цепочку добавленной стоимости.

В настоящее время площадь земель, на которых выращивается виноград Хэнцзян, составляет почти 50 000 му, стоимость выпуска продукции — 200 млн. юаней, на данной территории расположено 19 поселков и 4 000 крестьянских домохозяйств. Причем на 1 551 бедное домохозяйство приходится в среднем 2,8 му, а средний доход составляет свыше 8 000 юаней/му.

• *Один курятник на одно домохозяйство.*

В 2005 году в уезде Цзиань была основана компания Wens, начавшая масштабное производство цыплят-бройлеров. «Один курятник на одно домохозяйство» представляет собой оборудованное помещение площадью 500 м². Объем капиталовложений на его сооружение составляет 40 тыс. юаней, потребность в трудовых ресурсах для обслуживания — 1,5 чел. Количество выращиваемых на убой цыплят-бройлеров в одной партии — 5500 голов. Чистая прибыль с одного цыпленка — 2,2 юаня, общий доход — около 13 тыс. юаней за партию. За год можно вырастить более трех партий цыплят. Годовой доход тогда составит 40 тыс. юаней.

Во-первых, внедряется адекватная индустриальному типу модель развития. По каким направлениям осуществляется реализация этого проекта? На основе точных расчетов, с учетом местных фермерских традиций, в округе организуется выращивание цыплят на крупных национальных предприятиях (Wens, Группа Zhengbang и т. д.) по принципу «компания + обедневшее домохозяйство». Путем продажи в кредит и ведения счетов такой режим позволяет осуществлять политику «пяти наименований»: четыре наименования связаны собственно с выращиванием птицы: цыплята, корм, вакцины и технологии, а еще одно — с переработкой, а именно выпуском куриного мяса надлежащего качества. Подобная организация помогает обедневшим фермерам при разведении цыплят достичь такого уровня, который характеризуется низкими капиталовложениями, небольшими рыночными рисками и достаточно высокой прибылью. Этим самым удается минимизировать ограничения, препятствующие участию фермеров в процессе

снижения уровня бедности, гарантированно и эффективно решает важнейшие проблемы нехватки технологических, финансовых и рыночных ресурсов для выращивания цыплят. Целенаправленное развитие города и округа позволяет скоординировать отношения между ведущими предприятиями (Wens, птицефабрика Zhengbang) и обедневшими домохозяйствами, то есть развивается сотрудничество фермеров и предприятий птицеводства. Режим «ведущее предприятие + обедневшее домохозяйство» охватывает все села и поселки округа.

Во-вторых, важнейшее значение придается использованию возможных местных преимуществ. Так, при строительстве курятников обедневшие домохозяйства могут также использовать прилегающие бесплодные пустоши для посадки деревьев помело Цзинган. Путем экологической утилизации (курятник и посадочная площадь для выращивания помело) организуется безвредная обработка почвы навозом из куриного помета, что превращает отходы в полезный ресурс и позволяет увеличить доход с выращивания помело.

В настоящее время количество цыплят-бройлеров на убой составляет около 3 600 голов в год. Более 4000 домохозяйств улучшили свои показатели. Причём каждое из 962 обедневших домохозяйств имеет в среднем по 1,2 курятника и годовой доход более 40 тыс. юаней.

• *Одно рабочее место на одно домохозяйство.*

Органичное сочетание борьбы с бедностью обеспечивается совершенствованием работы в сферах иммиграции, образования и трудовой занятости. Это осуществляется по системе «три проекта в парке». В эту систему входят: профессионально-техническое училище в про-

мышленном парке, организация переезда иммигрантов на работу в этот парк, удобный автобусный маршрут до парка. Благодаря такому подходу обедневшее население обеспечивается рабочими местами и реализуется принцип: «Вся семья может выйти из бедности, если работает один человек». Остановимся несколько подробнее на практике решения этих проблем.

Во-первых, рассмотрим работу профессионально-технического училища в парке. В нем действует частное профессионально-техническое училище Хуаи, в котором внедрены режимы «порядкового обучения» и «совмещения учебы с работой». Основным ориентиром здесь выбираются требования предприятия при найме, поэтапное целенаправленное обучение и повышение квалификации рабочих-мигрантов. Это помогает решать проблему профессиональной подготовки обедневшего населения и занятости специалистов технического профиля на предприятиях промышленного парка.

Во-вторых, организуется переселение иммигрантов из зон водохранилищ, отдаленных горных районов и зон бедствия на территорию промышленного парка, с тем чтобы обедневшее население могло работать в парке. Проводятся тематические мероприятия, такие как «Весенний фестиваль возвращения в родной город», «Месяц помощи в повторном найме», «Предприятия, предоставляющие рабочие места в селах и поселках», «Борьба с бедностью» и т. д., что создает хорошие условия труда для иммигрантов, работающих в промышленном парке. С начала осуществления такой работы с иммигрантами в парки было перемещено более 4400 домохозяйств (19 471 иммигрант).

В-третьих, существенное значение придается организации удобного автобус-

ного маршрута до парка. Окружной отдел по бюджетным вопросам предоставляет субсидию в размере 3,60 млн. юаней в год на открытие прямого автобусного маршрута с 7:00 до 22:00, который соединяет центр города, парк и пригороды. Так что работники могут «выйти пораньше и вернуться домой до наступления темноты», зарабатывать деньги в парке в дневное время и заботиться о семье вечером. Тем самым достигается своего рода баланс между семьей и работой.

В настоящее время в парке работают более чем 8200 человек, каждый из которых может зарабатывать более 30000 юаней в год.

2. Инновационная финансовая поддержка, комплексная «полноприводная» целенаправленная помощь.

Чтобы преодолеть препятствия, заключающиеся в недостаточных капиталовложениях для бедного населения, занимающегося выращиванием винограда Хэнцзян, помело Цзинган, разведением цыплят-бройлеров и т. д., уезд Цзиань предпринимает попытки обеспечения субъектов этой деятельности комплексной финансовой поддержкой в форме гарантированных ссуд, кредитов по сниженной ставке, прямых денежных субсидий и страхования отрасли. Таким образом решаются «нерешаемые» проблемы бедного населения и устраняются его «сомнения» в отношении будущего.

Конкретно речь идет о следующих мерах:

1. Гарантированные ссуды. Финансовая поддержка в форме льготных кредитов и прочих гарантированных ссуд, впервые осуществленная в системе «AliPay», стала пилотным проектом в провинции. Уезду было выделено 15 млн. юаней в качестве гарантированной ссуды на развитие про-

мышленности. Сельский кредитный кооператив уезда увеличил эту ссуду до 120 млн. юаней в пропорции 1:8 и предоставил бедному населению гарантированную ссуду в размере 100 тыс. юаней на развитие промышленности округа. Экспериментальные работы начались в 2013 году. С этого времени правительство выделило 1525 бедным домохозяйствам гарантированные ссуды в размере 58,76 млн. юаней.

2. Кредит по сниженной ставке. На государственное кредитование по сниженной ставке уезд ежегодно выделяет 2 млн. юаней с использованием дисконтного процента. В соответствии с квотой в 100 тыс. юаней на одно бедное домохозяйство, с учетом исходной процентной ставки, финансовый отдел выдает фактическую сумму кредита с вычетом дисконтного процента. Например: бедное домохозяйство строит курятник, правительство предоставляет гарантированную ссуду с дисконтным процентом без залладной в размере до 100 тыс. юаней, а также денежные субсидии в размере 10 юаней/м². К 2014 году правительство оказало подобную поддержку 3100 бедным домохозяйствам, дисконтный процент составил более 4,5 млн. юаней.

3. Прямые денежные субсидии. Бедным домохозяйствам, занятым в шести вышеперечисленных видах деятельности (выращивание винограда Хэнцзян, помело Цзинган и т. д.), в уезде установлены дифференцированные денежные премии. Предоставляются субсидии в размере 400 юаней/му для домохозяйств, занятых выращиванием помело, и 1000 юаней/му — для домохозяйств, занятых выращиванием винограда Хэнцзян. На сегодняшний день уезд выделил более 16 млн. юаней в форме прямых денежных субсидий более чем 7000 бедных домохозяйств.

4. Страхование отрасли. Чтобы гарантировать, что бедные домохозяйства не будут подвержены негативному влиянию природных и техногенных катастроф, в соответствии со ставкой страхования (30% — компании, 16% — частному лицу и 54% — правительству), уезд страхует отрасль по выращиванию винограда Хэнцзян, масштабное разведение цыплят-бройлеров и т. д. и тем самым эффективно решает проблему бедного населения, заключающуюся в их беспокойстве о будущем развитии. Для «винограда Хэнцзян» страховой взнос составляет 180 юаней/му. Крестьянское хозяйство берет на себя только 30 юаней и может получать страховое возмещение на сумму 3000 юаней/му. Страховой взнос для выращивания цыплят-бройлеров составляет 0,9 юаня/м² при максимальном взносе в 94 юаня/м². На сегодняшний день уезд предоставил производственное страхование на сумму свыше 3,5 млн. юаней для 2 тыс. 550 бедных домохозяйств.

II. Основные результаты работы, проводимой в округе по борьбе с бедностью.

Результатом деятельности, осуществляемой в округе Цзиань по борьбе с бедностью, стали следующие количественные и качественные показатели.

1. Скорость сокращения бедности постепенно увеличивается.

Чистый доход на душу сельского населения в уезде вырос с 4004 юаней в 2011 году до 7233 юаней в 2014 году. При этом число бедных сократилось с 78800 человек в 2011 году до 55000 человек в 2014 году. Уровень бедности снизился с 20,9% в 2011 году до 12,9% в 2014 году, средняя скорость снижения составляет 2,67% в год. Особенно заметно снизился уровень бедности среди общей совокупности населения и среди населения, получающего адресную социальную помощь.

2. Обстановка с бедностью значительно улучшилась.

2.1. Об этом говорит изменившаяся инфраструктура. После реализации «12-го пятилетнего плана» 108 бедных деревень и сел иммигрантов инвестировали 130 млн. юаней в 1410 проектов по усовершенствованию инфраструктуры (вода, электричество, дороги, коммуникации и т.д.), модернизировано 90 сел, благодаря чему обеспечен доступ к электричеству, водопроводной воде, транспортным путям, средствам связи и кабельному телевидению.

2.2. Значительно повысились профессиональные навыки населения. Выпускники средней и старшей школы из бедных семей прошли средне- и долгосрочное профессиональное обучение; таким образом, была достигнута цель — «обучая и просвещая одного человека, обогащать всю семью». Бедное население, работающее в парке, прошло бесплатное обучение и теперь получает годовой доход свыше 30 тыс. юаней. Домохозяйства, занятые в выращивании помело Цзинган, винограда Хэнцзян и цыплят-бройлеров, приобрели техническую подготовку — один человек из каждого хозяйства освоил те или иные профессиональные навыки.

2.3. Усиливается тенденция к сокращению масштабов индустриальной бедности. В настоящее время в 1551 бедном домохозяйстве выращивается виноград Хэнцзян на площади 2,8 му, средний доход составляет свыше 8 тыс. юаней/му; 4556 домохозяйств выращивают помело Цзинган на площади 3,5 му, их средний доход — около 10 тыс. юаней/му. Кроме того, 962 бедных домохозяйства сотрудничают с птицеводческой компанией Wens, каждое имеет в среднем 1,2 курятника и получает

годовой доход более 40 тыс. юаней. Более 8200 бедных хозяйств работают в парке; их годовой доход составляет 30 тыс. юаней.

2.4. Реализуется концепция активного участия населения в сокращении масштабов бедности.

С помощью пропаганды борьбы с бедностью расширяется инициатива массового участия в борьбе с бедностью. В начале 2015 года бедные деревни в уезде создали 190 управляющих советов; 108 деревень установили сотрудничество с хозяйствами и предприятиями по выращиванию винограда и птицеводству; 9 тыс. бедных хозяйств стали членами различных промышленных кооперативов, доля участия в них бедных домохозяйств составляет более 30%.

3. Особые формы продвижения в борьбе с бедностью.

Программа борьбы с бедностью округа Циань дает возможность внедрять смелые инновации, идти по новому пути, накапливать новый опыт в борьбе с индустриальной бедностью.

3.1. Для округа стало характерным использование инновационной модели интеграции: «кооперативы + обедневшее домохозяйство», «компания + обедневшее домохозяйство», «ведущее предприятие + обедневшее домохозяйство».

Благодаря этому бедные домохозяйства подвергаются инновациям и развиваются вместе. Бедные домохозяйства, имеющие возможность самостоятельного развития, формируют специализированные кооперативы и работают сообща, с тем чтобы увеличить свою конкурентоспособность на рынке и сократить всевозможные риски. Ведущие предприятия (Wens, Группа Zhengbang), посредством продажи в кредит и ведения счетов, реа-

лизуют политику «пяти наименований» (предоставление на выращивание цыплят кормов, вакцин, технологии и выработка куриного мяса надлежащего качества), для помощи бедным фермерам в развитии птицеводства, эффективном решении проблем нехватки производственных, финансовых и рыночных ресурсов, а также преодолении трудностей, препятствующих участию фермеров в процессе развития отрасли. Концепция «кооператив + обедневшее домохозяйство», «компания + обедневшее домохозяйство», «ведущее предприятие + обедневшее домохозяйство» играет возрастающую роль в процессе сокращения масштабов бедности.

3.2. Финансовая поддержка может решить «нерешаемые» проблемы бедного населения и развеять «сомнения» в отношении будущего. Нехватка капитала, особенно дефицит средств на борьбу с бедностью, является фактором, сдерживающим развитие промышленности в обедневших районах. Как сделать так, чтобы целенаправленные улучшения привели к желаемым результатам? Уезд Цзиань разработал комплексную («полноприводную») стратегию финансовой поддержки для решения вопроса финансирования промыш-

ленного развития бедных домохозяйств. Он активно использует средства фонда с целью сокращения масштабов бедности. Бедных людей стимулируют к самостоятельной деятельности, саморазвитию и самостоятельной ликвидации бедности. Всячески поощряется инициатива бедных домохозяйств, участвующих в целенаправленной борьбе с бедностью. Создан гарантированный фонд помощи бедным домохозяйствам в получении кредита. Он ежегодно делает прямые денежные субсидии на развитие разных видов деятельности, в частности на выращивание помело Цзинган, винограда Хэнцзян. Внедряется инновационная система страхования, в т.ч. индивидуального страхования, перенимается опыт передовых компаний, предоставляются государственные субсидии на страхование отрасли. Что касается страховых взносов, то компания и государство берут на себя большую часть (84%), а фермерское хозяйства обязуется выплачивать лишь небольшую часть (16%). Это делается для того, чтобы помочь бедным домохозяйствам снизить потери от стихийных бедствий, ускорить темпы индустриального развития, целенаправленно сокращать масштабы бедности.

Сведения об авторе

Чжан Сяоя – научный сотрудник, Институт социологии, Академия общественных наук провинции Цзянси (330077, Китай, Наньчан, Цзянси, xiao9624217@163.com)

Zhang Xiaoxia

Environment-Concerned Treatment, Proper Policies for Different Households, Targeted Improvement: Industry Poverty Alleviation Mode of Ji'an County

Abstract. The article describes the experience gained in Ji'an County (Ji'an Prefecture-Level City, Jiangxi Province) on the implementation of policies aimed to alleviate poverty through the implementation of the "Four-One" Industry Targeted Poverty Alleviation Project including 1) "Pomelo of One Mu for One Household", 2) "Hengjiang Grape of One Mu for One Household", 3) "One Chicken Coop for One Household", and 4) "One Post in the Park for One Household". It is proved that households that implement such projects can get out of poverty. The goal of the study is to help people living in poverty get out of it, and to help the poor county become richer. The author relies on the idea that is developing in modern social science and that deals with the structural poverty typical of different historical eras and economic paradigms. In this case, the following types of structural poverty are distinguished: pre-industrial, industrial and post-industrial poverty. The preindustrial type accompanies pre-capitalist development of society. Industrial poverty is typical of the countries that are at the stage of industrial development, it is caused by excess supply of low and semi-skilled labor. A common way to alleviate industrial poverty is to stimulate the creation of highly skilled jobs with the help of investment and tax policy, education and advanced training systems available to general public. The post-industrial type of poverty is different from the industrial type in a way that this poverty is also formed with participation of the labor market, but this market is not so much local as global. The economic basis of post-industrial poverty is structural changes in the global economy and the increase in competition for jobs in the international framework.

Key words: industrial poverty; directions and measures to alleviate poverty; innovative support for farmers; results of work on poverty alleviation.

Information about the Author

Zhang Xiaoxia – Reseach Associate, Institute of Sociology, Jiangxi Academy of Social Sciences (Nanchang, Jiangxi, 330077, China, xiao9624217@163.com)

Статья поступила 18.07.2016.

DOI: 10.15838/esc.2016.6.48.15

УДК 001.89, ББК72.4(2Рос)

© Третьякова О.В.

Публикационная активность экономических институтов РАН в свете новых вызовов научной политики



**Ольга Валентиновна
ТРЕТЬЯКОВА**

кандидат филологических наук

Институт социально-экономического развития территорий РАН

160014, Россия, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а

olga.tretyakova@yandex.ru

Аннотация. Новые вызовы научной политики Российской Федерации определили сегодня ряд задач, требующих от научных организаций реализации конкретных решений, направленных на повышение качества и результативности исследований. Поскольку для оценки научных результатов применяются различные показатели, в том числе библиометрические, основная проблема заключается в выборе индикаторов, которые могут быть использованы для проведения много-стороннего анализа. Цель настоящей работы заключается в попытке применить комплексный подход к библиометрической оценке научных организаций и провести анализ научной результативности экономических институтов РАН на основе предложенных критериев. В работе обобщены результаты мониторинга наукометрических показателей, проводимого в Институте социально-экономического развития территорий РАН. Анализ выполнен на большом массиве публикаций академических институтов экономического профиля за период 2011–2015 гг. Информационную базу исследования составили данные Российского индекса научного цитирования (РИНЦ). Ранжирование организаций проведено по нескольким критериям: общему числу публикаций в РИНЦ и в журналах «Перечня ВАК», числу цитирований. Кроме того, проанали-

Для цитирования: Третьякова, О.В. Публикационная активность экономических институтов РАН в свете новых вызовов научной политики / О.В. Третьякова // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. – 2016. – № 6. – С. 266–287. DOI: 10.15838/esc.2016.6.48.15

For citation: Tret'yakova O.V. Publishing activity of RAS economic institutes amid new challenges of science policy. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 2016, no. 6 (48), pp. 266–287. DOI: 10.15838/esc.2016.6.48.15

зирована динамика значений индекса Хирша и показателей, характеризующих объем публикаций, которые для рассматриваемой референтной группы признаны высокоцитируемыми. Полученные в ходе анализа данные и выводы могут быть полезны для изучения трендов развития экономической науки в России, а также для оценки результативности деятельности научных организаций на основе исследования динамики индивидуальных публикационных показателей и их сопоставления в соответствующей референтной группе.

Ключевые слова: научная политика, публикационная активность, экономические институты РАН, результативность научной деятельности, библиометрические индикаторы, анализ цитируемости, Российский индекс научного цитирования.

Введение

Обозначенные сегодня приоритеты научно-технологического развития Российской Федерации поставили перед научным сообществом новые задачи, связанные в том числе и с формированием эффективной системы управления в области науки, которая сможет обеспечить повышение инвестиционной привлекательности сферы исследований и разработок, а также их результативность и востребованность. В подписанном Президентом Указе «О Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации»¹ отмечается, что, несмотря на ту важную роль, которую в настоящее время продолжает играть российская наука в обеспечении безопасности страны, современный этап характеризуется не только наличием у нее конкурентных преимуществ, но и рядом неразрешенных проблем, препятствующих ее научно-технологическому развитию. В частности, к ним относится значительная дифференциация результативности и эффективности работы существующих нескольких сотен научных и образовательных центров, проводящих

исследования и разработки мирового уровня. Реализация Стратегии должна изменить роль науки и технологий в развитии общества, экономики и государства и привести к созданию эффективной системы организации исследований и разработок, обеспечивающей их высокую результативность и востребованность в социально-экономической сфере.

Очевидно, что перед российскими научными организациями поставлены новые задачи. От них ждут, что они будут воспринимать стоящие перед современным обществом и страной вызовы и предлагать эффективные ответы на них. Правительство делает ставку на организации, которые поддерживают и развивают связи с реальным сектором экономики и социальной сферой, демонстрируют высокую степень результативности научных исследований и способны корректировать направления своей работы, осознавая ответственность перед обществом и государством, чтобы впоследствии получить принципиально новые прорывные результаты и решать масштабные задачи, стоящие перед страной.

Вопрос о выделении ведущих научных организаций вновь заостряет проблему оценки эффективности их работы, проблеме увеличения показателей, в том числе

¹ О Стратегии научно-технологического развития России: Указ Президента РФ от 1 декабря 2016 г. № 642 [Эл. рес.] // Официальный сайт Президента РФ. – Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/acts/news/53383>.

и публикационных. Научные организации должны быть готовы вписаться в современную систему мониторинга и оценки эффективности и результативности их работы. Несмотря на то, что эксперты еще не пришли к единому мнению по поводу использования показателей публикационной активности для оценки эффективности научной деятельности ученых и научных коллективов, наукометрические параметры используются как целевые ориентиры государственной научной политики. Приказом Министерства образования и науки Российской Федерации от 5 марта 2014 г. № 162 утверждены порядок представления научными организациями сведений о результатах их деятельности и состав этих сведений². Уже собраны сведения по научным институтам, подведомственным ФАНО России. Вероятно, скоро будут объявлены результаты мониторинга. Как показывает анализ параметров, по которым проводится оценка результативности и востребованности научных исследований, среди них есть библиометрические показатели, в частности число и совокупная цитируемость публикаций организации, индек-

² Об утверждении порядка представления научными организациями, выполняющими научно-исследовательские, опытно-конструкторские и технологические работы гражданского назначения, сведений о результатах их деятельности и порядка подтверждения указанных сведений федеральными органами исполнительной власти в целях мониторинга, порядка предоставления научными организациями, выполняющими научно-исследовательские, опытно-конструкторские и технологические работы гражданского назначения, сведений о результатах их деятельности в целях оценки, а также состава сведений о результатах деятельности научных организаций, выполняющих научно-исследовательские, опытно-конструкторские и технологические работы гражданского назначения, предоставляемых в целях мониторинга и оценки: приказ Министерства образования и науки Российской Федерации (Минобрнауки России) от 5 марта 2014 г. № 162 г. Москва [Электронный ресурс] // Российская газета. — 2014. — 14 мая. — Режим доступа: <https://rg.ru/2014/05/14/minobrnauki2-dok.html>

сируемых в российских и международных информационно-аналитических системах научного цитирования, а также совокупный импакт-фактор журналов, в которых опубликованы статьи организации. Следует отметить, что обязательно указывается число и совокупная цитируемость публикаций, индексируемых в базе данных Web of Science, в то время как индикаторы по другим базам данных являются факультативными. По нашему мнению, использование показателей глобальных индексов цитирования не дает объективной картины для оценки научной деятельности российских ученых, поскольку их публикации слабо представлены в международных базах (на май 2014 г. доля публикаций российских исследователей в научных журналах, индексируемых в базе WoS, составляла 2,106%). Более того, сравнение таких простых индикаторов, как количество опубликованных работ и общее количество их цитирований, позволяет ранжировать институты по их совокупной научной продуктивности, но этих данных недостаточно для выявления организаций, имеющих прорывные исследования. Следовательно, для полноценной библиометрической оценки научных результатов необходимо использовать дополнительные критерии.

По нашему мнению, более корректно подойти к измерению уровня научной продуктивности организаций позволяет анализ значений индекса Хирша, отражающих сбалансированную оценку публикационной активности организации и цитируемости ее работ. Кроме того, для российских научных институтов с целью определения доли статей более высокого качества в общем публикационном объеме организации важно учитывать число публикаций в журналах, входящих в

Перечень рецензируемых научных изданий, рекомендованных ВАК. Для выявления организаций, имеющих прорывные результаты, могут использоваться данные о высокоцитируемых публикациях. Таким образом, цель настоящей работы заключается в попытке применить комплексный подход к библиометрической оценке научных организаций и дать анализ научной результативности экономических институтов РАН на основе выбранных показателей.

В работе обобщены результаты мониторинга наукометрических показателей научных организаций за период 2011–2015 гг., проводимого в Институте социально-экономического развития территорий РАН. Референтная группа состоит из 19 институтов, которые сегодня подведомственны Федеральному агентству научных организаций России, а ранее входили в Секцию экономики Отделения общественных наук РАН (далее в статье – экономические институты РАН). Данные для анализа их публикационной активности и уровня цитируемости работ извлечены из Российского индекса научного цитирования, разработанного на базе Научной электронной библиотеки (НЭБ, eLibrary.ru). Представленные выводы получены в процессе исследования большого массива публикаций, включающего несколько тысяч исходных документов. Ранжирование организаций проведено по нескольким критериям: общему числу публикаций в РИНЦ и в журналах «Перечня ВАК», числу цитирований. Приведена статистическая информация по ряду показателей (в частности, индекс Хирша), динамика которых не отражена в Российском индексе научного цитирования. Вместе с тем исследование охватывает результаты значительной аналитической работы по

выявлению высокоцитируемых публикаций институтов.

Полученные в ходе анализа выводы могут быть полезны для изучения трендов развития экономической науки в России. Кроме того, результаты исследования важны для самих организаций, так как они позволяют им оценить результативность своей деятельности не только по динамике собственных показателей, но и путем их сопоставления с показателями других институтов в соответствующей референтной группе.

Методологические подходы к оценке результативности научной организации на основе анализа библиометрических показателей

Сегодня с целью мониторинга результативности научной деятельности организаций используются разнообразные библиометрические показатели. В специальной литературе описаны различные подходы к анализу данных, полученных на основе библиометрии, но, как отмечают эксперты [8, с. 108], идеальных индикаторов не существует. Основная проблема, на наш взгляд, заключается в определении (выборе) значимых показателей, которые могут быть использованы для построения многосторонней, комплексной оценки.

В целях мониторинга результативности научных организаций чаще всего используют простые показатели, в частности количество опубликованных работ и число их цитирований. Например, сравнение данных показателей за определенный период и в одной и той же области, дополненное нормированием на количество ученых, позволяет ранжировать организации по их совокупной научной продуктивности [5, с. 124].

Что касается оценки научной деятельности по суммарному числу публикаций,

то, как можно заметить, еще те ученые, которые стояли у истоков наукометрических исследований в нашей стране [6], подчеркивали, что простое количество публикаций нельзя считать критерием эффективности исследователя. Но, принимая за меру полезности публикации ее цитируемость, эксперты считают возможным проводить оценку результативности как отдельных ученых, так и целых научных коллективов на основе анализа цитирования [1, 2, 6]. Представление о цитировании как о показателе влияния и инструменте оценки научного вклада вытекает из теоретических работ Р. Мертона. По его словам, если работа ученого не будет замечена и использована другими членами научного сообщества, то возникнут сомнения в ее ценности [22]. Исследователи подходят к трактовке роли цитирования с разных сторон, отмечая, что оно так или иначе измеряет «интеллектуальное влияние» [22, 25], «полезность и важность работы» [16], «авторитетность цитируемого документа» [18]. По мнению экспертов, цитирование может быть использовано как инструмент для измерения влияния [14], которое работа оказывает на сообщество в целом.

Как правило, показатели цитируемости используются для оценки научного вклада исследователя, организации или страны в целом. Ранее с этой целью чаще всего применялся показатель среднего уровня цитируемости [3, с. 44]. Но сегодня эксперты в области наукометрии склоняются к мнению, что усредненные индикаторы не дают «полной картины исследуемого множества статей» и позволяют «производить корректные сравнения эффективности научной деятельности различных авторов или организаций»

[7, с. 2]. Поэтому в последнее время широко используются методы анализа, принципиально уходящие от определения средних величин, в частности подсчет «хирш-подобных» показателей [1; 5; 8; 15; 19; 21] и методики определения «экстремальной» цитируемости [3; 4; 8; 12; 23].

Индекс Хирша, по сути, является показателем научной продуктивности исследователя, основанным на распределении цитирований его работ. Данный расчет базируется на идее американского физика Х. Хирша, предложившего в 2005 году устанавливать соотношение количества публикаций ученого и их цитирований. Это соотношение принято называть индексом Хирша, или h-индексом. Введение данной метрики Х. Хирш аргументировал ее предпочтительностью перед такими критериями оценки, как количество работ, деленное на общее количество цитирований, или количество цитирований, приходящихся на одну работу [21]. Несмотря на то что оригинальное определение индекса Хирша ориентировано на сравнение производительности авторов, этот показатель может быть использован для оценивания научных сообществ. В отношении научных учреждений, как мы уже писали ранее [9, с. 196], индекс Хирша вычисляется на основе распределения цитирований работ исследователей. H-индекс получается, если n из общего количества (N_p) статей сотрудников данного учреждения цитируется как минимум h раз каждая, в то время как оставшиеся ($N_p - h$) статьи цитируются не более чем h раз каждая. Например, если индекс Хирша научной организации равен 10, это значит, что в базе данных, из которой собраны сведения для анализа, представлено не менее 10 научных работ института,

каждая из которых имеет цитируемость 10 и выше. Можно сказать, что индекс Хирша характеризует масштабность и успешность исследовательской и публикационной деятельности организации и отражает усредненную публикационную активность исследователей.

Методики, связанные с определением так называемой «экстремальной цитируемости» [8, с. 97-100], нацелены на анализ статей, которые получили аномально малое или аномально высокое число ссылок. Для задач нашего исследования использованы элементы методологии по выявлению высокоцитируемых публикаций. Согласно традиционной методике, используемой в базе данных Essential Science Indicators³, к высокоцитируемым (Highly Cited Papers) относятся научные публикации, которые при фиксированном годе выхода и тематике попали в 1% наиболее цитируемых⁴. Эксперты, рассматривая их как самые высококачественные работы с точки зрения международного признания научных результатов исследователей определенной страны [3; 17; 20; 23; 24], делают вывод о том, что высокоцитируемые публикации могут служить своеобразным мерилем качества научной системы, так как во многих ключевых областях науки на них приходится самая значительная часть ссылок [13]. При анализе высокоцитируемых статей исследуется абсолютный показатель, т.е. устанавливается, сколько таких работ

опубликовано ученым или организацией. Анализ проводится в некоторый фиксированный момент на большом публикационном массиве, чтобы избежать зависимости от «выбросов». Результаты являются важными, поскольку они определяют значение работы для науки самого высокого уровня [8, с. 98-99].

На наш взгляд, для характеристики результативности научной организации важна полновесность библиометрической оценки, что предполагает сочетание нескольких методик сбора и анализа показателей. Для целей представленного исследования мы применили комплексный подход. Данные, полученные в процессе изучения таких стандартных показателей, как общее число публикаций и цитирований, дополнены выводами по оценке динамики значений индексов Хирша научных институтов и анализом показателей высокоцитируемых публикаций. Проведенный анализ позволил охарактеризовать динамику публикационной активности экономических институтов РАН, подойти к оценке значимости их научных результатов.

Публикационная активность экономических институтов РАН в 2011–2015 гг.

Общее количество индексируемых в РИНЦ публикаций экономических институтов РАН за 2011–2015 гг. составило более 23,5 тыс., что на 9,5 тыс. больше, чем за предыдущий пятилетний период; рост 169% (в 2010–2014 гг. – 14 тыс. публикаций [10, с. 237]). Из этого количества на долю первых пяти институтов приходится более половины публикаций – 13,5 тыс. (57%): Институт экономики УрО РАН – 15,2%, Институт экономики РАН – 11,5%, Институт экономики и организации промышленного

³ Essential Science Indicators – это база данных, собирающая данные по 22 тематическим областям за последние десять лет (Ten Rolling Years) плюс текущий год. Является одним из продуктов компании Thomson Reuters. В базу данных попадают только научные статьи – исследовательские (Article) и обзорные (Review).

⁴ Web of Science. Essential Science Indicators. Режим доступа: http://wokinfo.com/products_tools/analytical/essentialscienceindicators/

Таблица 1. Динамика показателей общего числа публикаций экономических институтов РАН в Российском индексе научного цитирования (данные НЭБ на 11.11.2016)

Институт	2011		2012		2013		2014		2015		2015 к 2014, %		Общее за 5 лет	
	ед.	ранг	ед.	ранг	ед.	ранг	ед.	ранг	ед.	ранг	ед.	ранг	ед.	ранг
Институт экономики УрО РАН	569	1	638	1	680	1	817	1	895	1	109,5	3599	1	
Институт экономики РАН	528	2	559	2	632	2	618	4	385	6	62,3	2722	2	
Институт экономики и организации промышленного производства СО РАН	495	3	458	3	501	3	630	2	526	3	83,5	2610	3	
Институт социально-экономического развития территорий РАН	319	6	350	5	488	4	508	5	607	2	119,5	2272	4	
Центральный экономико-математический институт РАН	379	4	403	4	392	5	627	3	464	4	74,0	2265	5	
Институт народнохозяйственного прогнозирования РАН	321	5	281	7	301	7	341	8	376	7	110,3	1620	6	
Институт экономических проблем им. Г.П. Лузина Кольского НЦ РАН	285	7	292	6	320	6	345	7	361	8	104,6	1603	7	
Институт социально-экономических исследований Уфимского НЦ РАН	218	8	231	8	213	8-9	373	6	396	5	106,2	1431	8	
Институт проблем рынка РАН	132	11	136	10	169	10	232	9	239	10	103,0	908	10	
Институт социально-экономических исследований Дагестанского НЦ РАН	140	10	126	11	153	11	216	10	127	12	58,8	762	11	
Институт экономических исследований ДВО РАН	120	12	98	12	103	12	169	12	147	11	87,0	637	12	
Институт социально-экономических и гуманитарных исследований Южного НЦ РАН	186	9	155	9	213	8-9	207	11	248	9	119,8	1009	9	
Институт социально-экономических проблем народонаселения РАН	72	15	84	14	99	13	102	16	108	14	105,9	465	14	
Институт аграрных проблем РАН	87	14	88	13	61	15	114	14	110	13	96,5	460	15	
Институт проблем региональной экономики РАН	89	13	81	15	91	14	130	13	99	15	76,2	490	13	
Институт социально-экономических и энергетических проблем Севера Коми НЦ УрО РАН	66	16	41	17	51	16	103	15	87	16	84,5	348	16	
Институт экономики Карельского НЦ РАН	28	18	57	16	45	17	63	17	56	17	88,9	249	17	
Сочинский научно-исследовательский центр РАН	16	19	26	18	31	18	32	18	34	18	106,3	139	18	
Санкт-Петербургский экономико-математический институт РАН	29	17	16	19	9	19	10	19	10	19	100,0	74	19	
ВСЕГО	4079		4120		4552		5637		5275		93,6	23663		

производства СО РАН – 11,0%, Институт социально-экономического развития территорий (ИСЭРТ) РАН – 9,6%, Центральный экономико-математический институт РАН – 9,6%. Динамика показателей общего числа публикаций экономических институтов РАН представлена в *таблице 1*, составленной по данным РИНЦ на 11.11.2016. Учреждения ранжированы по общему количеству публикаций за исследуемый период.

Как видно, пик публикационной активности институтов приходится на 2014 год, когда средние темпы роста общего числа публикаций составили 123,8%. Некоторые учреждения увеличили количество публикаций в 1,5–2 раза (Центральный экономико-математический институт РАН – в 1,6 раза; Институт экономических исследований ДВО РАН – в 1,6 раза; Институт социально-экономических исследований Уфимского НЦ РАН – в 1,8 раза; Институт аграрных проблем РАН – в 1,9 раза; Институт социально-экономических и энергетических проблем Севера Коми НЦ УрО РАН – в 2 раза). На наш взгляд, усиление публикационной активности отчасти связано с утверждением в начале 2014 года нового состава сведений о результатах деятельности научных организаций и порядка их представления в целях мониторинга (Приказ № 162 Министерства образования и науки Российской Федерации от 5 марта 2014 года⁵). В составе сведений определены показатели для оценки дея-

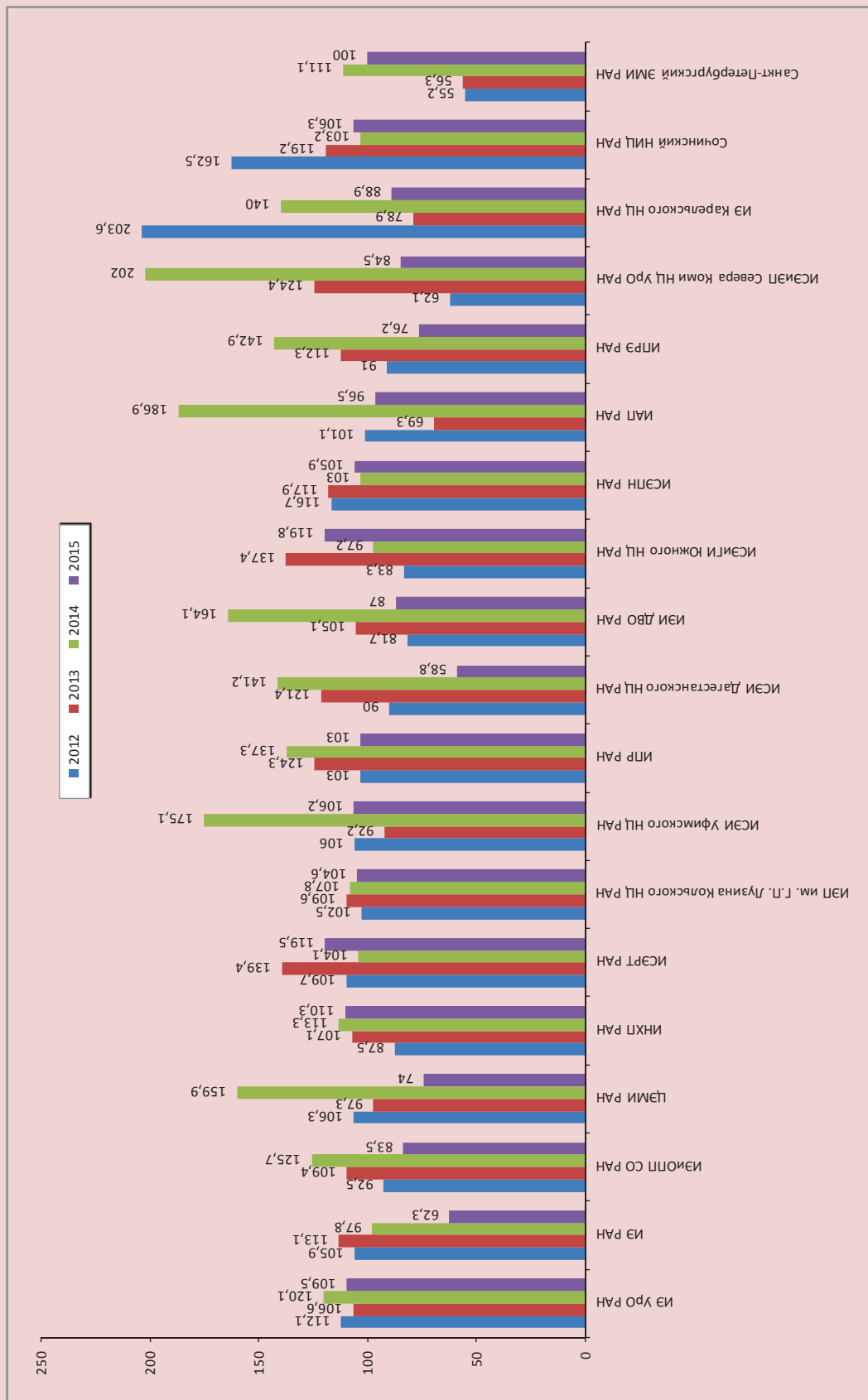
тельности научных организаций, в частности и индикаторы для оценки результативности и востребованности научных исследований, включающие число и совокупную цитируемость публикаций, индексируемых в российских и международных информационно-аналитических системах научного цитирования. Подробный анализ результатов деятельности научных организаций, рассчитанных по данным информационно-аналитических систем научного цитирования, мы приводили ранее [10].

Возвращаясь к анализу темпов роста числа публикаций экономических институтов РАН, необходимо отметить, что шесть организаций показали положительную динамику на протяжении всего пятилетнего периода (2011–2015 гг.) (*рис. 1*). Очевидно, что планомерное увеличение публикационных показателей может свидетельствовать о системных усилиях, предпринимаемых институтами в данном направлении.

Для более детальной оценки публикационной активности научных организаций, на наш взгляд, следует учитывать дополнительные показатели, с помощью которых можно анализировать динамику публикаций применительно к разным типам изданий. К сожалению, имеющиеся сегодня в Российском индексе научного цитирования данные о количестве статей, опубликованных за год в журналах, индексируемых в Web of Science Core Collection и Scopus, не могут быть использованы для анализа. С одной стороны, они отображают не все журналы, в которых институты могут иметь публикации, а только те, описания которых занесены в РИНЦ, а, с другой стороны, система маркирует как индексируемые все статьи из изданий, недавно включенных в ука-

⁵ Приказ Министерства образования и науки Российской Федерации от 5 марта 2014 г. № 162. Приложение 3 «Состав сведений о результатах деятельности научных организаций, выполняющих научно-исследовательские, опытно-конструкторские и технологические работы гражданского назначения, представляемых в целях мониторинга и оценки» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.rg.ru/2014/05/14/minobrнауки2-dok.html>.

Рисунок 1. Темпы роста числа публикаций экономических институтов РАН в Российском индексе научного цитирования, % (данные НЭБ на 11.11.2016)



занные базы данных, плюс архивы за те годы, которые там не индексируются. Все это не позволяет выявить реальный объем публикаций в журналах в Wos или Scopus только на основе данных РИНЦ.

Говоря о количестве публикаций в разных типах изданий применительно к реалиям российской действительности, следует обратить отдельное внимание на динамику числа статей в изданиях, входящих в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата и доктора наук (далее – Перечень)⁶. Традиционно полагается, что такие издания гарантируют высокий уровень публикуемых в них материалов. Следовательно, показатель числа «ваковских» публикаций может рассматриваться как некий критерий для выявления доли статей более высокого качества в общем публикационном объеме организации.

Исходя из сведений о количестве статей, опубликованных в изданиях Перечня экономическими институтами РАН (представлены в *табл. 2*), установлено, что доля их публикаций в выделенных изданиях составляет 50% от общего объема. Динамика показателей по отдельным организациям неровная, но за период с 2011 по 2014 г. в целом можно сделать вывод о ежегодном приросте количества рассматриваемых публикаций. Однако в 2015 году

оно уменьшилось практически в 2 раза. Общий спад обусловлен существенным сокращением числа «ваковских» статей у целого ряда институтов. Причины спада требуют отдельного осмысления. По нашему мнению, он может быть вызван как сокращением объема исследований в связи с реформированием академической системы, так и с переориентацией сотрудников институтов на публикацию значимых результатов своих исследований в зарубежных журналах.

Анализ цитирования

Для качественной оценки публикационной активности экономических институтов РАН мы использовали индекс цитирования, под которым понимается количество распределенных по годам ссылок на работы, выполненные в соответствующей отрасли научной деятельности.

В *таблице 3* приводится ранговое распределение учреждений по частоте цитирования их работ. Данные таблицы свидетельствуют, что общее количество цитирований публикаций экономических институтов РАН за 2011–2015 гг. составило около 140 тыс., из них около половины (более 67 тыс.) приходится на долю трех организаций: Центрального экономико-математического института РАН (27,4 тыс.), Института народнохозяйственного прогнозирования РАН (22 тыс.) и Института экономики РАН (17,8 тыс.). Результаты анализа среднегодовых темпов роста числа цитирований показывают, что 13 из 19 организаций имеют положительную динамику по этому показателю на протяжении всего пятилетнего периода (2011–2015 гг.). Общий среднегодовой прирост числа цитирований составил от 15 до 28% (*рис. 2*).

⁶ Перечень рецензируемых научных изданий, которые не входят в международные реферативные базы данных и системы цитирования и в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук (по состоянию на 19.04.2016) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://vak.ed.gov.ru/87>

Таблица 2. Динамика показателей числа статей экономических институтов РАН в журналах, входящих в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата и доктора наук, в Российском индексе научного цитирования (данные НЭБ на 11.11.2016)

Институт	2011		2012		2013		2014		2015		2015 к 2014,		Общее за 5 лет	
	Ед.	Ранг	Ед.	Ранг	Ед.	Ранг	Ед.	Ранг	Ед.	Ранг	%	Ранг	ед.	ранг
Центральный экономико-математический институт РАН	178	4	183	3	206	3	216	3	230	2	106,5	2813	1	
Институт экономики УрО РАН	301	1	349	1	353	1	366	1	330	1	90,2	1699	2	
Институт экономики РАН	275	2	286	2	350	2	326	2	187	4	57,4	1424	3	
Институт экономики и организации промышленного производства СО РАН	174	5	173	5	192	4	206	4	205	3	99,5	950	4	
Институт народнохозяйственного прогнозирования РАН	202	3	166	6	178	5	166	5	184	5	110,8	896	5	
Институт социально-экономического развития территорий РАН	109	6	176	4	164	6	157	6	182	6	115,9	788	6	
Институт экономических проблем им. Г.П. Лузина Кольского НЦ РАН	83	7	121	7	117	7	103	8	128	7	124,3	552	7	
Институт проблем рынка РАН	59	10	77	8	103	8	122	7	90	8	73,8	451	8	
Институт социально-экономических исследований Уфимского НЦ РАН	40	12	73	9-10	72	10	74	10	87	9	117,6	346	9	
Институт экономических исследований ДВО РАН	58	11	73	9-10	76	9	75	9	59	10-11	78,7	341	10	
Институт социально-экономических исследований Дагестанского НЦ РАН	77	8	67	12	48	13	62	12	56	12	90,3	310	11	
Институт социально-экономических и гуманитарных исследований Южного НЦ РАН	68	9	60	13	71	11-12	65	11	35	13-14	53,8	299	12	
Институт социально-экономических проблем народонаселения РАН	34	13	68	11	71	11-12	55	13	59	10-11	107,3	287	13	
Институт проблем региональной экономики РАН	30	14-15	36	15	37	14	49	14	35	13-14	71,4	187	14	
Институт социально-экономических и энергетических проблем Севера Коми НЦ УрО РАН	30	14-15	29	16	36	15	28	16	32	15	114,3	155	15	
Институт экономики Карельского НЦ РАН	21	17	46	14	28	16	30	15	21	16	70,0	146	16	
Институт аграрных проблем РАН	23	16	17	17	12	118	15	17	17	18	113,3	84	17	
Сочинский научно-исследовательский центр РАН	2	19	5	19	16	17	13	18	19	17	146,2	55	18	
Санкт-Петербургский экономико-математический институт РАН	15	18	7	18	4	19	5	19	6	19	120,0	37	19	
ВСЕГО	1779		2012		2134		3933		1962			11820		

Таблица 3. Динамика показателей общего числа цитирований экономических институтов РАН в Российском индексе научного цитирования (данные НЭБ на 11.11.2016)

Институт	2011		2012		2012 к 2011, %		2013		2013 к 2012, %		2014		2014 к 2013, %		2015		2015 к 2014, %		За 5 лет	
	Ед.	Ранг	Ед.	Ранг	Ранг	Ед.	Ранг	Ед.	Ранг	Ед.	Ранг	Ед.	Ранг	Ед.	Ранг	Ед.	Ранг	Ед.	Ранг	
Центральный экономико-математический институт РАН	4482	1	4992	1	111,4	5427	1	108,7	6342	1	116,9	6114	1	96,4	27357	1				
Институт народнохозяйственного прогнозирования РАН	3742	2	4127	2	110,3	4035	2	97,8	4570	2	113,3	5542	2	121,3	22016	2				
Институт экономики РАН	2758	4	2827	4	102,5	3329	3	117,8	4358	3	130,9	4507	3	103,4	17779	3				
Институт экономики и организации промышленного производства СО РАН	2800	3	2830	3	101,1	3031	4	107,1	3785	4	124,9	4068	5	107,5	16514	4				
Институт экономики УрО РАН	1540	5	2077	5	134,9	2586	5	124,5	3466	5	134,0	4502	4	129,9	14171	5				
Институт проблем рынка РАН	974	6	1546	6	158,7	2169	6	140,3	2392	6	110,3	2776	6	116,1	9884	6				
Институт социально-экономического развития территорий РАН	470	9	787	7	167,4	1271	7	161,5	1674	7	131,7	2561	7	153,0	6763	7				
Институт социально-экономических проблем народонаселения РАН	553	7	581	9	105,1	627	9	107,9	723	12	115,3	1288	11	178,1	3772	10				
Институт социально-экономических исследований Дагестанского НЦ РАН	270	10	354	11	131,1	556	11	157,1	1236	8	222,3	2118	8	171,4	4534	8				
Институт экономических проблем им. Г.П. Лузина Кольского НЦ РАН	268	11	405	10	151,1	706	8	174,3	1030	9	145,9	1477	10	143,4	3886	9				
Институт экономических исследований ДВО РАН	485	8	591	8	121,9	575	10	97,3	812	10	141,2	1020	12	125,6	3483	12				
Институт социально-экономических исследований Уфимского НЦ РАН	220	12	323	12	146,8	372	12	115,2	813	11	218,5	1885	9	231,9	3613	11				
Институт социально-экономических и гуманитарных исследований Южного НЦ РАН	111	14	115	14	103,6	273	13	237,4	527	13	193,0	655	13	124,3	1681	13				
Институт проблем региональной экономики РАН	87	16	133	13	152,9	151	14	113,5	318	14	210,6	569	14	178,9	1258	14				
Институт социально-экономических и энергетических проблем Севера Коми НЦ УрО РАН	90	15	102	16	113,3	141	16	138,2	278	15	197,2	359	15	129,1	970	15				
Институт аграрных проблем РАН	123	13	106	15	86,2	143	15	134,9	184	17	128,7	209	17	113,6	765	16				
Институт экономики Карельского НЦ РАН	42	18	64	18	152,4	93	17	145,3	192	16	206,5	280	16	145,8	671	17				
Санкт-Петербургский экономико-математический институт РАН	75	17	76	17	101,3	73	18	96,1	103	18	141,1	115	18	111,7	442	18				
Сочинский научно-исследовательский центр РАН	27	19	10	19	37,0	46	19	460,0	51	19	110,9	54	19	105,9	188	19				
ВСЕГО	19117		22046		115,3	25604		116,1	32854		128,3	40099		122,1	139747					

Рисунок 2. Темпы роста числа цитирований экономических институтов РАН в Российском индексе научного цитирования, % (данные НЭБ на 11.11.2016)

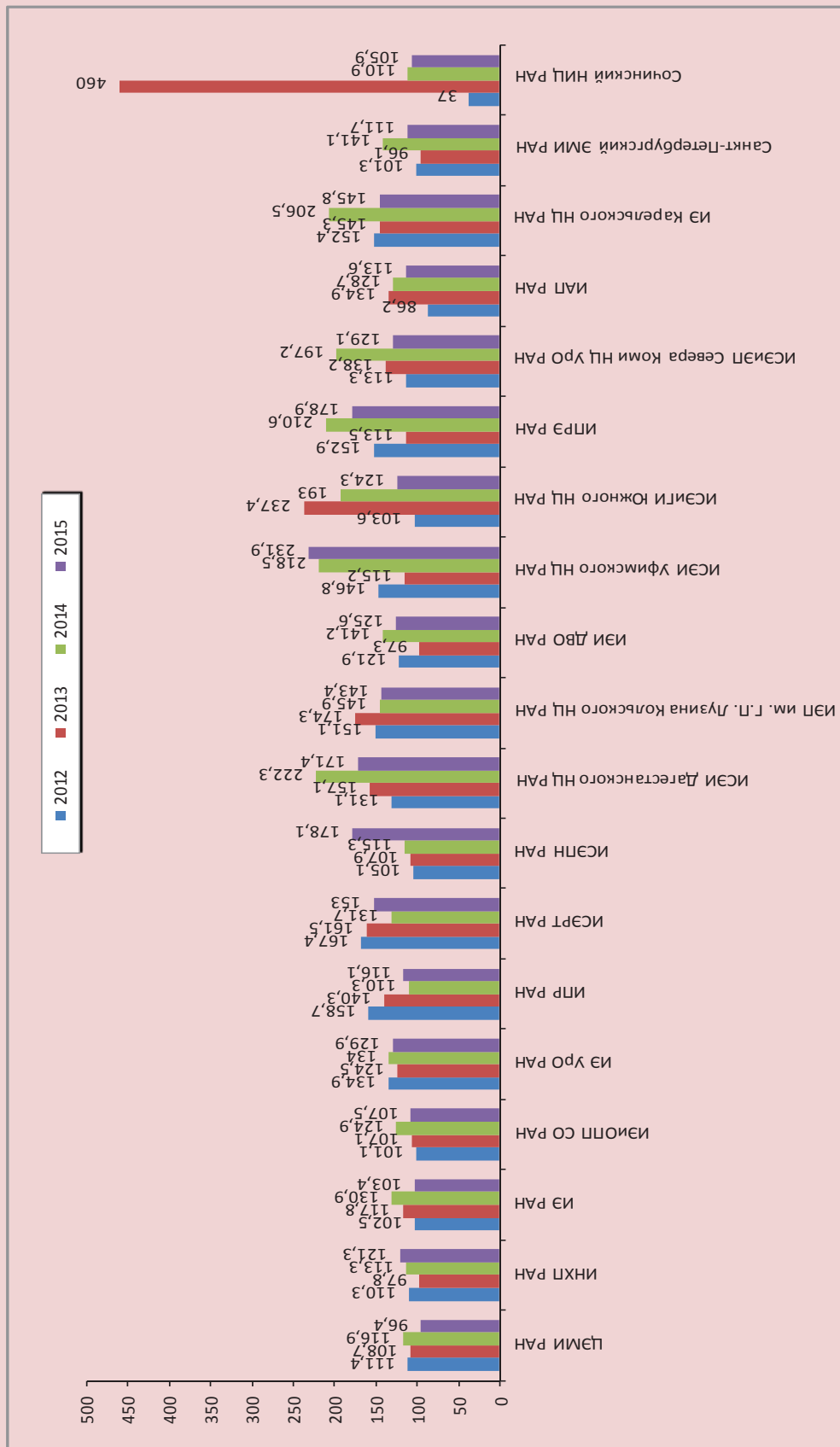
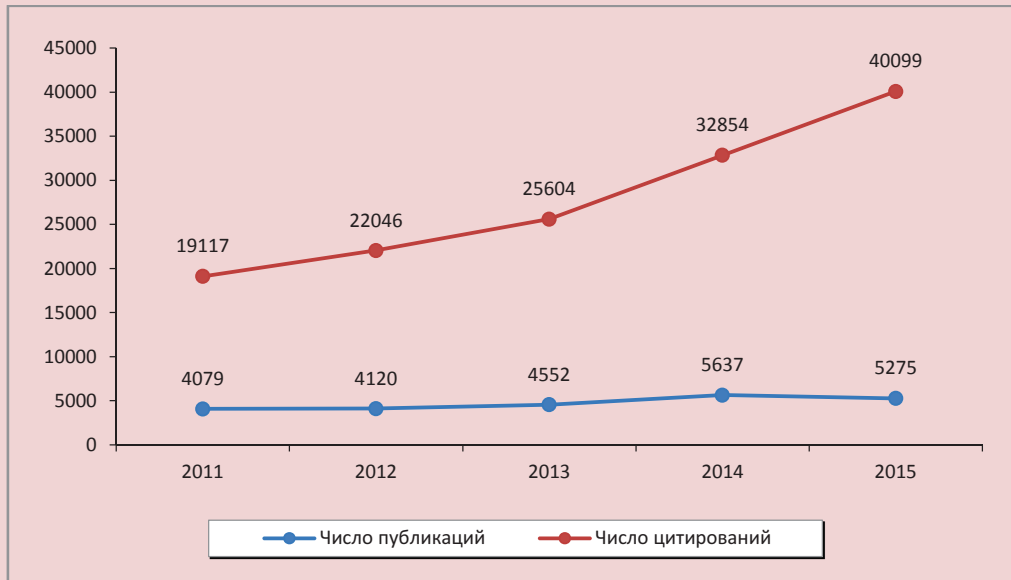


Рисунок 3. Динамика показателей общего числа публикаций и цитирований экономических институтов РАН в Российском индексе научного цитирования за 2011–2015 гг. (данные НЭБ на 11.11.2016)



Судя по приведенным данным (рис. 3), общее число публикаций институтов за исследуемый период увеличилось на 30%, при этом количество цитирований всех работ выросло в 2 раза: с 19,1 тыс. до 40,1 тыс. соответственно. Динамика показателей цитирования, отражающих «воздействие научных работ на научное сообщество» [2, с. 43], косвенно свидетельствует о повышении значимости публикаций экономических институтов РАН для научной дисциплины.

Комплексная оценка научной продуктивности организаций, основанная на одновременном анализе числа публикаций и их цитируемости, может быть выстроена путем применения методики подсчета индекса Хирша. Мы отказались от определения средних величин цитируемости, так как при усреднении можно получить довольно искаженные результаты, вызванные так называемыми

«выбросами», т.е. отдельными публикациями, получившими очень много ссылок.

Итоги исследования динамики значений индекса Хирша экономических институтов РАН приведены в таблице 4. Особенность представленных данных заключается в том, что их динамика не отражена в РИНЦ. Здесь же обобщены результаты четырёхлетнего мониторинга наукометрических показателей, который проводится в Институте социально-экономического развития территорий РАН. Все значения даны на конец выделенного года, для текущего периода приводятся два индикатора – на начало и конец 2016 г.

Данные по состоянию на 11.11.2016 показывают, что за исследуемый период значения индекса Хиршакратно увеличились у всех научных институтов. Логично, что самые большие темпы роста у организаций, которые имели низкие показатели на начало замеров. В среднем же индексы

Таблица 4. Динамика индекса Хирша* экономических институтов РАН в Российском индексе научного цитирования (данные НЭБ на 11.11.2016)

№	Наименование учреждения	2013	2014	2015	2016 (февраль)	2016 (ноябрь)	2016 к 2013
1	Центральный экономико-математический институт РАН	23	48	67	77	98	в 4,3 раза
2	Институт народнохозяйственного прогнозирования РАН	22	28	37	40	87	в 4 раза
3	Институт экономики и организации промышленного производства СО РАН	21	31	46	51	64	в 3 раза
4	Институт экономики РАН	23	32	50	52	63	в 2,7 раза
5	Институт проблем рынка РАН	12	35	49	51	58	в 4,8 раза
6	Институт экономики УрО РАН	15	21	32	35	43	в 2,9 раза
7	Институт социально-экономических проблем народонаселения РАН	16	21	29	30	36	в 2,3 раза
8	Институт социально-экономического развития территорий РАН	12	14	25	28	35	в 2,9 раза
9	Институт экономических исследований ДВО РАН	10	14	21	25	34	в 3,4 раза
10	Институт социально-экономических исследований Дагестанского НЦ РАН	4	10	21	24	30	в 7,5 раз
11	Институт социально-экономических исследований Уфимского НЦ РАН	4	9	18	19	28	в 7 раз
12	Институт экономических проблем имени Г.П. Лузина Кольского НЦ РАН	10	12	18	21	27	в 2,7 раза
13	Институт социально-экономических и энергетических проблем Севера Коми НЦ УрО РАН	6	9	12	13	22	в 3,7 раза
14	Институт социально-экономических и гуманитарных исследований Южного НЦ РАН	3	7	14	15	20	в 6,7 раз
15	Институт проблем региональной экономики РАН	6	8	12	13	17	в 2,8 раза
16	Институт аграрных проблем РАН	5	9	12	13	14	в 2,8 раза
17	Институт экономики Карельского НЦ РАН	4	8	11	11	14	в 3,5 раза
18	Санкт-Петербургский экономико-математический институт РАН	7	7	9	9	10	в 1,4 раза
19	Сочинский научно-исследовательский центр РАН	4	5	6	6	7	в 1,8 раз

* Индекс Хирша вычисляется на основе распределения цитирований публикаций организации и имеет значение N, если организация имеет N статей, на каждую из которых сослались как минимум N раз, а остальные ее статьи имеют число цитирований не более N. Учитываются все типы цитирующих и цитируемых публикаций.

выросли в 2–3 раза. Это коррелирует с темпами роста общего числа публикаций и их цитирований. Самое большое значение индекса зафиксировано у Центрального экономико-математического института РАН – 98. Это значит, что общее количество публикаций сотрудников института, каждая из которых имеет практически 100 ссылок и больше, также приближается к сотне. В целом уже десять институтов имеют индекс Хирша более 30. Такие значения показателя свидетельствуют о том, что организации довольно быстро аккумулируют публикации, получающие много цитирований.

Высокоцитируемые публикации экономических институтов РАН

Исследование данных о цитировании экономических институтов РАН показало, что многие из них добились в этом направлении существенных результатов. На наш взгляд, это обусловлено наличием у них высокоцитируемых публикаций.

Как мы уже отмечали, по терминологии международной базы Essential Science Indicators к высокоцитируемым относятся работы, попадающие в 1% наиболее цитируемых в мире публикаций среди тех, которые вышли в том же году и в той же области исследований. Эксперты считают

такие работы самыми качественными, оставившими след не просто «в науке», но «в науке высочайшего уровня» [8, с. 99]. Полагаем, что основные принципы методики определения высокоцитируемых публикаций могут применяться не только к научным областям, но и к отдельным группам научных организаций. Так, чтобы определить, сколько высокоцитируемых публикаций имеет экономический институт РАН, необходимо сравнить публикации его и других организаций. Таким образом, выбор высокоцитируемых публикаций одного научного института зависит не от его собственных трудов и их цитируемости, а от того, как его результативность выглядит на фоне всех организаций референтной группы.

Анализ проводится на большом публикационном массиве экономических институтов РАН за период 2011–2015 гг., охватывающем более 23,5 тыс. исходных документов. Поскольку работы разных лет сравнивать некорректно по причине того, что некоторые из них могли получить больше ссылок за счет своего возраста,

сопоставление проводится в нескольких подмножествах публикаций, объединенных одинаковым годом выпуска. В каждом таком подмножестве они упорядочиваются по мере убывания цитируемости, после чего определяется верхний срез в 1% от общего числа и устанавливается пороговое значение количества цитирований, которое должна получить публикация, чтобы попасть в выделенную «верхушку». Эти публикации и будут высокоцитируемыми для данной референтной группы. Одновременно устанавливается пороговое значение числа цитирований, которое должна получить публикация, чтобы попасть в верхний срез, и на его основе для всех организаций вычисляется количество высокоцитируемых работ.

Применение описанной методики позволило выделить 236 высокоцитируемых публикаций экономических институтов РАН за период 2011–2015 гг. На рисунке 4 представлены данные о числе таких публикаций за каждый год обозначенного периода. Здесь же приведены пороговые значения числа цитирований,

Рисунок 4. Распределение высокоцитируемых публикаций экономических институтов РАН за период 2011–2015 гг. (данные НЭБ на 11.11.2016)



которое должна к настоящему моменту получить работа, вышедшая в течение указанного года, чтобы попасть в 1% высокоцитируемых.

Результаты анализа показали, что общее число ссылок на публикации, вошедшие в верхний срез самых цитируемых трудов, составляет 14,7 тыс. Таким образом, на долю 1% всех публикаций

экономических институтов РАН за исследуемый период приходится 10,5% цитирований, т.е. каждая десятая ссылка приходится на высокоцитируемую работу.

Распределение количества высокоцитируемых публикаций по научным институтам представлено в *таблице 5*. Установлено, что половина от их числа приходится на долю трех организаций: Института

Таблица 5. Распределение высокоцитируемых публикаций экономических институтов РАН в Российском индексе научного цитирования (данные НЭБ на 11.11.2016)

№ п/п	Учреждение	Число высокоцитируемых публикаций	Удельный вес высокоцитируемых публикаций организации в общем числе высокоцитируемых публикаций, %	Удельный вес высокоцитируемых публикаций организации в общем числе ее публикаций %	Позиция в рейтинге по числу высокоцитируемых публикаций
1	Институт проблем рынка РАН	43	18,2	4,7	1
2	Центральный экономико-математический институт РАН	41	17,4	1,8	2
3	Институт экономики РАН	35	14,8	1,3	3
4	Институт народнохозяйственного прогнозирования РАН	28	11,8	1,7	4
5	Институт экономики УрО РАН	18	7,6	0,5	5
6	Институт социально-экономического развития территорий РАН	11	4,7	0,5	6-7
7	Институт социально-экономических исследований Уфимского НЦ РАН	11	4,7	0,8	6-7
8	Институт экономики и организации промышленного производства СО РАН	10	4,2	0,4	8
9	Институт социально-экономических проблем народонаселения РАН	8	3,4	1,7	9-11
10	Институт социально-экономических исследований Дагестанского НЦ РАН	8	3,4	1,1	9-11
11	Институт экономических проблем имени Г.П. Лузина Кольского НЦ РАН	8	3,4	0,5	9-11
12	Институт экономических исследований ДВО РАН	6	2,5	0,9	12
13	Институт социально-экономических и гуманитарных исследований Южного НЦ РАН	3	1,3	0,3	13
14	Институт социально-экономических и энергетических проблем Севера Коми НЦ УрО РАН	2	0,9	0,6	14-15
15	Институт экономики Карельского НЦ РАН	2	0,9	0,8	14-15
16	Институт проблем региональной экономики РАН	1	0,4	0,2	16-17
17	Институт аграрных проблем РАН	1	0,4	0,2	16-17
18	Санкт-Петербургский экономико-математический институт РАН	-	-	-	18-19
19	Сочинский научно-исследовательский центр РАН	-	-	-	18-19

проблем рынка РАН (18,2%), Центрального экономико-математического института РАН (17,4%) и Института экономики РАН (14,8).

Анализ относительных индикаторов, показывающих, какова доля статей, опубликованных той или иной организацией, которые становятся высокоцитируемыми, позволил установить, что наибольший удельный вес высокоцитируемых публикаций в общем числе всех работ имеет Институт проблем рынка РАН. Можно сделать вывод, что в среднем каждая двадцатая публикация, подготовленная его сотрудниками, становится высокоцитируемой в сравнении с трудами других институтов из данной референтной группы. У Центрального экономико-математического института РАН высокоцитируемой становится приблизительно каждая 55 публикация, а у Института народнохозяйственного прогнозирования РАН и Института социально-экономических проблем народонаселения РАН – каждая 60-я. Следовательно, наличие большого числа таких работ позволяет организации иметь сравнительно высокие показатели цитируемости. Так, судя по данным о публикационной активности Института социально-экономических проблем народонаселения РАН, в 2014 году на долю трех его статей приходилось 77% всех ссылок, полученных за год (560 из 726 цитирований), а в 2015 году 4 публикации получили 956 ссылок (74% от общего числа цитирований за год). Во всех случаях речь идет о статьях, подготовленных большими авторскими коллективами и опубликованными в одном из самых авторитетных общих журналов по медицине «The Lancet». Наличие высокоцитируемых публикаций позволяет данному институту занимать пятое место в ранжировании организаций по общему числу цитирований за пять лет, имея при

этом относительно небольшое количество публикаций (14 место за 2011–2015 гг.).

Очевидно, что анализ высокоцитируемых публикаций представляет дополнительные возможности для более детальной оценки результативности исследовательских работ. На наш взгляд, эти данные раздвигают рамки подходов, основанных на применении абсолютных показателей для подсчета числа публикаций и цитирований, которые в настоящее время используются на официальном уровне для мониторинга и оценки деятельности научных организаций. Но для их широкого применения требуются базы данных, позволяющие автоматически генерировать всю необходимую информацию не только о публикациях, представленных в Web of Science, но и на национальном уровне для русскоязычных научных трудов.

Заключение

В настоящей работе проведен комплексный анализ публикационной активности и научной результативности 19 экономических институтов РАН. Они ранжированы по нескольким критериям, в частности по общему числу публикаций в РИНЦ и в журналах «Перечня ВАК», числу цитирований, значению индекса Хирша, а также по количеству публикаций, которые для данной референтной группы признаны высокоцитируемыми. Анализ выполнен на большом массиве библиометрических показателей за период 2011–2015 гг., полученных из информационно-аналитической системы Российского индекса цитирования.

Результаты исследования доказывают, что научные организации наращивают свою публикационную активность, публикуют работы, значимые для научной дисциплины и востребованные в научном сообществе, о чем свидетельствуют планомерно увеличивающиеся показатели цитируемости. Общее число публикаций

институтов за анализируемый период увеличилось на 30%, при этом количество цитирований всех работ выросло в 2 раза. Пик публикационной активности институтов приходится на 2014 год, что, по нашему мнению, отчасти обусловлено официальным утверждением Перечня сведений о результатах деятельности научных организаций, которые должны представляться для мониторинга, в составе которых определены индикаторы для оценки востребованности научных исследований, включающие число и совокупную цитируемость публикаций, индексируемых в российских и международных информационно-аналитических системах.

Тревожный тренд связан со значительным снижением в 2015 году объема публикаций в журналах, входящих в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата и доктора наук. Поскольку показатель числа «ваковских» публикаций часто рассматривается как некий критерий для выявления доли статей более высокого качества в общем публикационном объеме организации, причины снижения числа таких публикаций требуют от научных институтов отдельного осмысления и, возможно, дополнительных усилий по корректировке публикационной политики.

Тем не менее общий рост показателей цитируемости свидетельствует о повышении значимости для российского экономического научного сообщества результатов, получаемых академическими

институтами РАН. Динамика значений индексов Хирша косвенно подтверждает рост уровня научной продуктивности организаций в среднем в 2–3 раза. Это коррелирует с темпами роста общего числа публикаций и ссылок на них.

Как следует из данных анализа цитирования, значительные показатели ряда научных организаций обусловлены наличием у них высокоцитируемых публикаций. В целом на долю 1% всех публикаций экономических институтов РАН за период 2011–2015 гг. приходится 10,5% цитирований, т.е. каждая десятая ссылка приходится на высокоцитируемую для данной референтной группы работу. Исследование относительных индикаторов, показывающих, какая доля публикаций организации попадает в 1% высокоцитируемых работ, позволило установить, что у организации, лидирующей по данному показателю, высокоцитируемой становится в среднем каждая двадцатая публикация.

В заключение отметим, что представленные результаты дают возможность более комплексно подойти к оценке результативности научных организаций, но даже такой подход, на наш взгляд, не позволяет принимать какие-либо управленческие решения, основанные только на учете публикационных показателей. Для проведения полноценной оценки необходимо участие экспертов. Библиометрическая информация при этом может лишь служить дополнительным источником детальной информации о той или иной научной организации.

Литература

1. Бредихин, С.В. Анализ цитирования в библиометрии / С.В. Бредихин, А.Ю. Кузнецов, Н.Г. Щербакова. – Новосибирск: ИВМиМГ СО РАН, НЭИКОН, 2013.
2. Гарфилд, Ю. Можно ли выявлять и оценивать научные достижения и научную продуктивность? / Ю. Гарфилд // Вестник АН СССР. – 1982. – № 6. – С. 42-50.
3. Коцемир, М.Н. Динамика российской и мировой науки сквозь призму международных публикаций / М.Н. Коцемир // Форсайт. – 2012. – Т. 6. – № 1. – С. 38-59.

4. Маркусова, В.А. Библиометрические показатели российской науки и РАН (1997–2007) / В.А. Маркусова, В.В. Иванов, А.Е. Варшавский // Вестник РАН. – 2009. – Т. 9. – № 6. – С. 483–491.
5. Москалева, О.В. Научные публикации как средство коммуникации, анализа и оценки научной деятельности / О.В. Москалева // Руководство по наукометрии: индикаторы развития науки и технологии: [монография] / М.А. Акоев, В.А. Маркусова, О.В. Москалева, В.В. Писляков. – Екатеринбург, 2014. – С. 110–163.
6. Налимов, В.В. Наукометрия. Изучение развития науки как информационного процесса / В.В. Налимов, З.М. Мульченко. – М., 1969. – 192 с.
7. Писляков, В.В. Шедевры научного творчества: анализ высокоцитируемых статей российских ученых / В.В. Писляков // Научно-техническая информация. Сер. 2: Информационные процессы и системы. – 2011. – № 12. – С. 1–8.
8. Писляков В.В. Библиометрические индикаторы в ресурсах Tomson Reuters / В.В. Писляков // Руководство по наукометрии: индикаторы развития науки и технологии: [монография] / М.А. Акоев, В.А. Маркусова, О.В. Москалева, В.В. Писляков. – Екатеринбург, 2014. – С. 75–109.
9. Третьякова, О.В. Возможности и перспективы использования индексов цитирования в оценке результатов деятельности научного учреждения / О.В. Третьякова, Е.А. Кабакова // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. – 2013. – № 6. – С. 189–200.
10. Третьякова, О.В. Развитие национального индекса цитирования как условие формирования системы оценки результатов научной деятельности / О.В. Третьякова // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. – 2015. – № 1. – С. 230–245. doi: 10.15838/esc/2015.1.37.15.
11. Adler R., Ewing J., Taylor P. Citation statistics. *Statistical Sciences*, 2009, vol. 24, pp. 1–14. Пер. с англ. Адлер Р., Эвинг Д., Тэйлор П. Статистики цитирования // Игра в цифирь, или как теперь оценивают труд ученого. – М, 2011. – 72 с.
12. Aksnes D.W. Characteristics of highly cited papers. *Research Evaluation*, 2003, vol. 12, no.3, pp. 159–170.
13. Aksnes D.W., Sivertsen G. The effect of highly cited papers on national citation indicators. *Scientometrics*, 2004, vol. 59, no 2, pp. 213–224. doi: 10.1023/B:SCIE.0000018529.58334.eb.
14. Cole S., Cole J. R. Scientific output and recognition. A study in the operation of the reward system in science // *American Sociological Review*, 1967, vol. 32, pp. 377–390.
15. Egghe L. Characteristic scores and scales based on h-type indices. *Journal of Informetrics*, 2010, vol. 4, no. 1, pp. 14–22. doi:10.1016/j.joi.2009.06.001
16. Garfield, E., *Citation Indexing—Its Theory and Application in Science, Technology and Humanities*. New York: Wiley, 1979, 274 p.
17. Garfield E. The 100 most-cited papers ever and how we select citation classics. *Current Contents*, 1984, no. 27, June 4, pp. 3–9.
18. Gilbert G. N. Referencing as persuasion. *Social Studies of Science*, 1977, vol. 7, no. 1, pp. 113–122.
19. Glänzel, W. On the h-index — A mathematical approach to a new measure of publication activity and citation impact. *Scientometrics*, 2006, vol. 67, no.2, pp. 315–321.
20. Glänzel W., Schubert A. Some facts and figures on highly cited papers in the sciences, 1981–1985. *Scientometrics*, 1992, vol. 25, pp. 373–380. doi:10.1007/BF02016926.
21. Hirsch J.E. An index to quantify an individual’s scientific research output. *Proceedings of the National Academy of Sciences of the United States of America*, 2005, vol. 102, no. 46, pp. 16569–16572. doi: 10.1073/pnas.0507655102
22. Merton R. K. *The sociology of science: An episodic memoir. The sociology of science in Europe*. Carbondale: Southern Illinois Univ. Press, 1977, pp. 3–141.
23. Plomp R. The highly cited papers of professors as an indicator of a research group’s scientific performance. *Scientometrics*, 1994, vol. 29, pp. 377–393. doi:10.1007/BF02033446.
24. Tijssen R.J.W., Visser M.S., van Leeuwen T.N. (2002) Benchmarking international scientific excellence: Are highly cited research papers an appropriate frame of reference? // *Scientometrics*, vol. 54, no 3, pp. 381–397. doi: 10.1023/A:1016082432660.
25. Zuckerman H. Citation analysis and the complex problem of intellectual influence. *Scientometrics*, 1987, vol. 12, no. 5–6, pp. 329–338.

Сведения об авторе

Ольга Валентиновна Третьякова — кандидат филологических наук, заведующий отделом, Институт социально-экономического развития территорий Российской академии наук (160014, Россия, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а, olga.tretyackova@yandex.ru)

Tret'yakova O.V.

Publishing Activity of RAS Economic Institutes amid New Challenges of Science Policy

Abstract. New challenges of science policy in Russia have determined a number of objectives which require scientific institutions to implement specific solutions aimed at improving research quality and efficiency. Since the evaluation of research results requires the use of different metrics, including bibliometrics, the main issue lies in the choice of indicators which can be used to conduct multi-analysis. The aim of this study is to implement the holistic approach to bibliometric assessment of scientific institutions and to analyze the performance of academic activity of economic institutions on the basis of the proposed criteria. The article summarizes the results of scientometric indicators monitoring, conducted at the Institute of Socio-Economic Development of Territories of the Russian Academy of Sciences. The analysis is based on a large set of publications of academic economic institutions for the period 2011–2015. The informational basis of the research includes data of the Russian Science Citation Index (RSCI). The institutions were ranked by a number of criteria: total number of publications in the RSCI and journals from the VAK list of Publications, number of citations. The author analyses the h-index value dynamics and indicators characterizing the number of publications considered as most-cited for the reference group in question. Conclusions and data obtained during analysis may be useful for studying development trends of economic science in Russia and assessing the performance of scientific organizations based on researching the dynamics of individual publication indicators and their comparison by reference group.

Key words: science policy, publishing activity, RAS economic institutions, performance of academic activity, bibliometric indicators, citation analysis, Russian Science Citation Index.

References

1. Bredikhin S.V., Kuznetsov A.Yu., Shcherbakova N.G. *Analiz tsitirovaniya v bibliometrii* [Citation analysis in bibliometric]. Novosibirsk: IVMiMG SO RAN, NEIKON, 2013.
2. Garfield E. *Mozhno li vyyavlyat' i otsenivat' nauchnye dostizheniya i nauchnyu produktivnost'?* [Can one influence and assess scientific advances and scientific productivity?]. *Vestnik AN SSSR* [Bulletin of the USSR Academy of Sciences], 1982, no. 6, pp. 42-50.
3. Kotsemir M.N. *Dinamika rossiiskoi i mirovoi nauki skvoz' prizmu mezhdunarodnykh publikatsii* [Dynamics of Russian and world science through the prism of international publications]. *Forsait* [Foresight and STI Governance], 2012, volume 6, no. 1, pp. 38-59.
4. Markusova V.A., Ivanov V.V., Varshavskii A.E. *Bibliometricheskie pokazateli rossiiskoi nauki i RAN (1997-2007)* [Bibliometric indicators of Russian and RAS science]. *Vestnik RAN* [Herald of the Russian Academy of Sciences], 2009, volume 9, no. 6, pp. 483-491.
5. Moskaleva O.V., Akoev M.A., Markusova V.A., Pisyakov V.V. *Nauchnye publikatsii kak sredstvo kommunikatsii, analiza i otsenki nauchnoi deyatel'nosti* [Scientific publications as a means of communication and assessment of scientific activity]. *Rukovodstvo po naukometrii: indikatory razvitiya nauki i tekhnologii: monografiya* [Guidance on scientometrics: science and technology development indicators: monograph]. Ekaterinburg, 2014. Pp. 110-163.
6. Nalimov V.V., Mul'chenko Z.M. *Naukometriya. Izuchenie razvitiya nauki kak informatsionnogo protsessa* [Scientometrics. Study of science development as an informational process]. Moskva, 1969. 192 p.
7. Pisyakov V.V. *Shedevry nauchnogo tvorchestva: analiz vysokotsitiruemykh statei rossiiskikh uchenykh* [Masterpieces of scientific creativity: analysis of highly cited articles of Russian scientists]. *Nauchno-tekhnicheskaya informatsiya. Ser.2: Informatsionnye protsessy i sistemy* [Scientific and technical information. Series 2: Information processes and systems], 2011, no. 12, pp. 1-8.

8. Pislyakov V.V., Akoev M.A., Markusova V.A., Moskaleva O.V. Bibliometrichekie indikatory v resursakh Tomson Reuters [Bibliometric indicators in Tomson Reuters resources]. *Rukovodstvo po naukometrii: indikatory razvitiya nauki i tekhnologii: monografiya* [Guidance on scientometrics: science and technology development indicators: monograph]. Ekaterinburg, 2014. Pp. 75-109.
9. Tret'yakova O.V., Kabakova E.A. Vozmozhnosti i perspektivy ispol'zovaniya indeksov tsitirovaniya v otsenke rezul'tatov deyatel'nosti nauchnogo uchrezhdeniya [Opportunities for and prospects of using citation indices in evaluating the performance of research institution]. *Ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny: fakty, tendentsii, prognoz* [Economic and social changes: facts, trends, forecast], 2013, no. 6, pp. 189-200.
10. Tret'yakova O.V. Razvitiye natsional'nogo indeksa tsitirovaniya kak uslovie formirovaniya sistemy otsenki rezul'tatov nauchnoi deyatel'nosti [Development of national citation index as a condition for the formation of a system to evaluate scientific research performance]. *Ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny: fakty, tendentsii, prognoz* [Economic and social changes: facts, trends, forecast], 2015, no. 1, pp. 230-245. DOI: 10.15838/esc/2015.1.37.15.
11. Adler R., Ewing J., Taylor P. Citation statistics. *Statistical Sciences*, 2009, volume 24, pp. 1-14.
12. Aksnes D.W. Characteristics of highly cited papers. *Research Evaluation*, 2003, volume 12, no.3, pp. 159-170.
13. Aksnes D.W., Sivertsen G. The effect of highly cited papers on national citation indicators. *Scientometrics*, 2004, volume 59, no 2, pp. 213-224. DOI: 10.1023/B:SCIE.0000018529.58334.eb.
14. Cole S., Cole J. R. Scientific output and recognition. A study in the operation of the reward system in science. *American Sociological Review*, 1967, volume 32, pp. 377-390.
15. Egghe L. Characteristic scores and scales based on h-type indices. *Journal of Informetrics*, 2010, volume 4, no. 1, pp. 14-22. DOI:10.1016/j.joi.2009.06.001
16. Garfield E. *Citation Indexing—Its Theory and Application in Science, Technology and Humanities*. New York: Wiley, 1979. 274 p.
17. Garfield E. The 100 most-cited papers ever and how we select citation classics. *Current Contents*, 1984, no. 27, June 4th, pp. 3-9.
18. Gilbert G. N. Referencing as persuasion. *Social Studies of Science*, 1977, volume 7, no. 1, pp. 113-122.
19. Glänzel W. On the h-index — A mathematical approach to a new measure of publication activity and citation impact. *Scientometrics*, 2006, volume 67, no.2, pp. 315–321.
20. Glänzel W., Schubert A. Some facts and figures on highly cited papers in the sciences, 1981–1985. *Scientometrics*, 1992, volume 25, pp. 373–380. DOI:10.1007/BF02016926.
21. Hirsch J.E. An index to quantify an individual's scientific research output. *Proceedings of the National Academy of Sciences of the United States of America*, 2005, volume 102, no. 46, pp. 16569–16572. DOI: 10.1073/pnas.0507655102
22. Merton R. K. *The sociology of science: An episodic memoir. The sociology of science in Europe*. Carbondale: Southern Illinois Univ. Press, 1977, pp. 3-141.
23. Plomp R. The highly cited papers of professors as an indicator of a research group's scientific performance. *Scientometrics*, 1994, volume 29, pp. 377-393. DOI:10.1007/BF02033446.
24. Tijssen R.J.W., Visser M.S., van Leeuwen T.N. (2002) Benchmarking international scientific excellence: Are highly cited research papers an appropriate frame of reference? *Scientometrics*, volume 54, no 3, pp. 381-397. DOI: 10.1023/A:1016082432660.
25. Zuckerman H. Citation analysis and the complex problem of intellectual influence. *Scientometrics*, 1987, volume 12, no. 5-6, pp. 329-338.

Information about the Author

Ol'ga Valentinovna Tret'yakova — Ph.D. in Philology, Head of the Department of Editorial-and-Publishing Activity and Science-Information Support. Federal State Budgetary Institution of Science Institute of Socio-Economic Development of Territories of the Russian Academy of Sciences. 56a, Gorky Street, Vologda, 160014, Russian Federation. E-mail: olga.tretyackova@yandex.ru. Phone: (8172) 59-78-28.

Статья поступила 05.12.2016.

МОЛОДЫЕ ИССЛЕДОВАТЕЛИ

DOI: 10.15838/esc.2016.6.48.16

УДК 332.146.2, 65.9(2Рос)-551

© Гусева М.С., Амелькина Д.В., Дмитриева Е.О.

Развитие партнерства государства и малого бизнеса в инновационной сфере региона



**Мария Сергеевна
ГУСЕВА**

кандидат экономических наук
Самарский государственный экономический университет
443090, Россия, г. Самара, ул. Советской Армии, д. 141
gusevams@yandex.ru



**Дарья Владимировна
АМЕЛЬКИНА**

магистрант
Самарский государственный экономический университет
443090, Россия, г. Самара, ул. Советской Армии, д. 141
amelkina.darya@yandex.ru



**Елена Олеговна
ДМИТРИЕВА**

кандидат экономических наук
Самарский государственный экономический университет
443090, Россия, г. Самара, ул. Советской Армии, д. 141
dmitr-el@mail.ru

Для цитирования: Гусева, М.С. Развитие партнерства государства и малого бизнеса в инновационной сфере региона / М.С. Гусева, Д.В. Амелькина, Е.О. Дмитриева // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. – 2016. – № 6. – С. 288-307. DOI: 10.15838/esc.2016.6.48.16

For citation: Guseva M.S., Amel'kina D.V., Dmitrieva E.O. Development of state and small-business partnership in a region's innovation sector. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 2016, no. 6, pp. 288-307. DOI: 10.15838/esc.2016.6.48.16

Аннотация. Стратегические цели инновационного развития РФ и задачи развития малого и среднего предпринимательства требуют проработки механизмов успешного взаимодействия государства и малого бизнеса, в том числе на основе государственно-частного партнерства (ГЧП). В статье рассматриваются перспективные механизмы инновационного развития экономики РФ в рамках ГЧП при участии субъектов малого предпринимательства. В качестве гипотезы обосновывается тезис о том, что малый бизнес обладает высоким инновационным потенциалом и исключительными возможностями для его реализации в проектах ГЧП. Этот тезис подтвержден анализом и обобщением ряда научных теорий. Целью работы является уточнение сущности и областей партнерства государства и малого бизнеса в инновационной сфере и разработка предложений по совершенствованию их взаимодействия на принципах ГЧП. Методологическую основу исследования составляют системный подход, методы структурного, предметного, функционального, статистического анализа, метод экспертных оценок. В работе раскрыта сущность государственно-частного партнёрства как механизма привлечения частного капитала в процессы инвестирования на взаимовыгодных условиях для решения общественно значимых задач, определены инструменты и формы ГЧП, используемые в целях инновационного развития экономики. К ключевым механизмам инновационного развития экономики, основанного на принципах государственно-частного партнерства, авторы относят: программные государственные инвестиции; создание и поддержание деятельности институтов развития; формирование и развитие инновационных территориальных кластеров; выстраивание и обеспечение инновационной инфраструктуры развития высокотехнологичного бизнеса. На опыте Самарского региона и аэрокосмического кластера рассмотрены механизмы реализации ГЧП в инновационной сфере и модели вовлечения в инвестиционные проекты субъектов малого бизнеса. Определены организационно-экономические условия и предпосылки для эффективного партнерства государства и малого бизнеса в инновационной сфере, представлены перспективные направления активного участия субъектов малого бизнеса в проектах ГЧП. Сформулированы рекомендации по совершенствованию взаимодействия малого предпринимательства и государства в инновационной сфере и вовлечению малого бизнеса в реализацию инновационно-значимых инвестиционных проектов. Представляется, что разработанные предложения могут быть использованы в деятельности государственных органов управления Самарской области и обеспечат устойчивый экономический рост и инновационное развитие региона на основе механизма ГЧП.

Ключевые слова: государственно-частное партнерство, малое инновационное предпринимательство, кластер, инновационная инфраструктура.

В современных экономических условиях только модернизация и инновационное развитие могут обеспечить долгосрочный рост российской экономики. В период 2010–2015 гг. России удалось на 16 позиций улучшить свое положение в крупнейшем инновационном рейтинге Global Innovation Index (ГИИ). Однако, по данным Национального доклада об инновациях в России (2015), отечественная экономика по-прежнему характеризуется

небольшим удельным весом инновационных предприятий (11%), низкой долей РФ в мировом экспорте высокотехнологичных товаров (0,4%). Доля инновационной продукции в общем её выпуске (8–9%) в России почти вдвое меньше, чем в странах-лидерах (15%), и уже три года не имеет положительной динамики.

В эффективных и конкурентных экономиках более половины трудоспособного населения работает на малых пред-

приятиях, производящих от 50 до 65% ВВП. Около 80% малых фирм является инновационными. В малом бизнесе¹ России задействовано 25% от общей численности занятого в экономике населения и создается около 20% ВВП РФ; инновационными можно считать лишь 5–6% малых предприятий. Несмотря на значительные средства государственной поддержки, выделенные в последние годы, роль малого бизнеса в экономике страны не росла. Очевидно, что при низком уровне его развития говорить об инновационном прорыве в РФ явно не приходится.

В инновационной сфере интересы государства и бизнеса совпадают в наибольшей степени, так как совместные усилия направлены на рост приоритетных отраслей экономики, повышение доли российских товаров на мировых рынках высокотехнологичной и наукоемкой продукции и сбалансированное развитие территорий. В связи с этим успешное решение задачи инновационного развития РФ связывается с оптимизацией взаимодействия государства и бизнеса в формате государственно-частного партнерства (ГЧП). В основе этой позиции лежит понимание того, что реализация инновационной политики невозможна без согласованного функционирования и взаимодействия государственного и частного секторов на всех этапах инновационного процесса.

Партнерство государства и малого бизнеса в инновационной сфере находится в начале своего развития, но в то же время имеет высокий потенциал и ряд специфических особенностей. Исследованию

¹ Здесь и далее в отношении РФ под малым бизнесом понимаются предприятия, относимые к субъектам малого предпринимательства в соответствии с Федеральным законом от 24 июля 2007 г. № 209-ФЗ «О развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации».

тенденций и специфики развития ГЧП в инновационной сфере посвящены научные работы Ю.С. Емельянова, А.Г. Зельднера, И.И. Смотрицкой, О.В. Злышко, С.Н. Сильвестрова, И.Н. Рыковой, И.В. Косяковой и др. Отдельное внимание уделено вопросам влияния ГЧП на развитие предпринимательства в России в условиях реализации стратегической задачи инновационного обновления экономики.

Комплексный анализ принципов и механизмов развития ГЧП в инновационной и научно-технической сферах РФ, а также зарубежный и российский опыт взаимодействия государства и бизнеса в инновационном процессе представлен в публикациях Д.Е. Морковкина, М.А. Беспалова, О.В. Григоренко, Л.М. Иголкиной, Е.В. Козловой. Опыт взаимодействия в инновационной сфере учреждений академической науки с бизнесом на принципах ГЧП исследован в работах Е.О. Дмитриевой, М.С. Гусевой, И. А. Холодилина, С.М. Никитенко, Т. Ксенофонтовой.

Высоко оценивая вклад ученых в данную проблематику, заметим, что вопросы использования инструментов ГЧП в инновационной сфере при участии субъектов малого бизнеса недостаточно проработаны в теории и практике. Одним из препятствий для системного внедрения механизма ГЧП в реализацию конкретных целей и задач инновационного развития страны и отдельных регионов, на наш взгляд, является неопределенность сути и областей взаимодействия партнеров, отсутствие эффективных механизмов вовлечения в инновационные проекты субъектов малого бизнеса.

Цель работы – уточнение сущности и областей партнерства государства и малого бизнеса в инновационной сфере и разработка предложений по совершенствованию их взаимодействия на принципах ГЧП.

Исследуя подходы зарубежных авторов D.V. Audretsch, M. Bult-Spirng, M.J. Enright, Y. Entezari и европейские источники о public-private partnership (PPP), можно сделать вывод о том, что под термином «государственно-частное партнерство» понимаются практически любые формы сотрудничества государства и бизнеса. Российские исследователи О.В. Иванов, В.А. Кабашкин, П.В. Савранский, Ю.В. Соловьев определяют ГЧП как формализованный институциональный и организационный альянс между публичным и частным секторами в целях обеспечения производства общественных благ либо продукта, который традиционно обеспечивается госсектором. Федеральный закон РФ от 13.07.2015 № 224-ФЗ «О государственно-частном партнерстве, муниципально-частном партнерстве в Российской Федерации» закрепляет следующее определение ГЧП: «Юридически оформленное на определенный срок и основанное на объединении ресурсов, распределении рисков сотрудничество публичного партнера, с одной стороны, и частного партнера, с другой стороны, которое осуществляется на основании соглашения о ГЧП, заключенного в соответствии с настоящим федеральным законом в целях привлечения в экономику частных инвестиций, обеспечения органами государственной власти и органами местного самоуправления доступности товаров, работ, услуг и повышения их качества».

При этом общим является положение о том, что государственно-частное партнерство не простое сочетание средств и ресурсов участников, а особый механизм взаимоотношений между государственным и частным сектором. В инновационной сфере РФ партнерство государства и малого бизнеса выходит за пределы «формализованного институционального и

организационного альянса между публичным и частным секторами», включая в себя различные формы сотрудничества и взаимодействия.

Анализ российских и зарубежных источников и изучение практики российских регионов позволяет отнести к числу основных механизмов инновационного развития экономики на основе использования инструмента государственно-частного партнерства следующие:

- программные государственные инвестиции как инструмент реализации инновационной политики (ГЧП-концепция);
- создание и поддержание деятельности институтов развития (ГЧП-концепция);
- формирование и развитие инновационных территориальных кластеров (ГЧП-проекты);
- создание и обеспечение инновационной инфраструктуры развития высокотехнологичного бизнеса (ОЭЗ, технопарки, бизнес-инкубаторы, технополисы) (ГЧП-проекты).

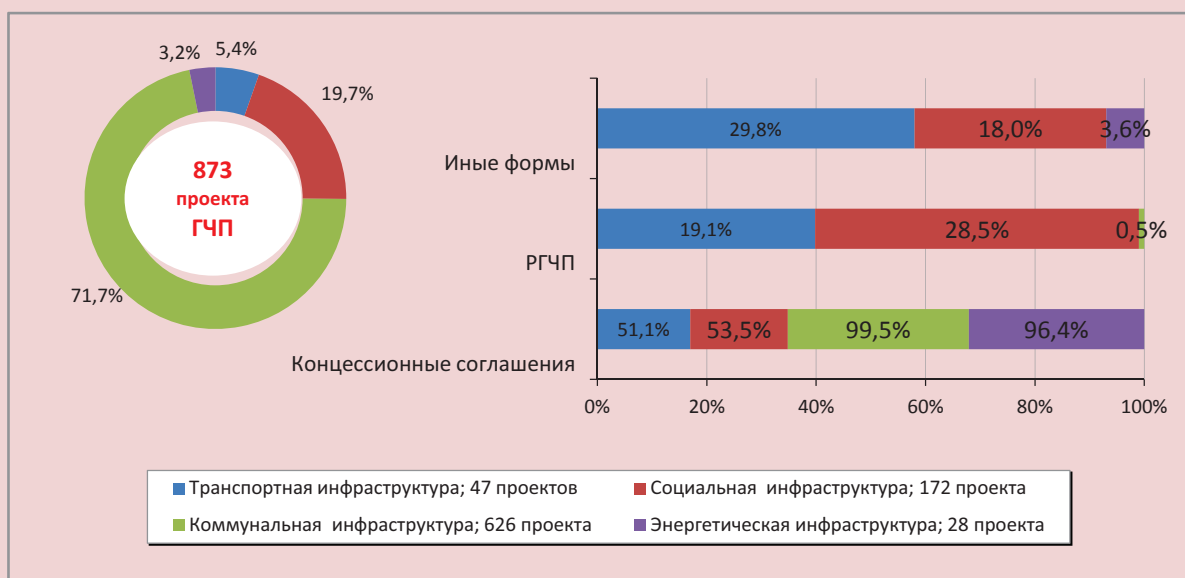
Во всем многообразии представленных механизмов необходимо с учетом действующей нормативно-правовой основы ГЧП различать ГЧП-проекты и партнерство как концепцию взаимодействия государства и бизнеса (ГЧП-концепция). Российские реалии таковы, что в субъектах РФ чаще всего ГЧП в инновационной сфере отождествляется не с партнерством, а с формами государственной поддержки предпринимательства, что не совсем корректно. Следуя этой логике, мы не относим к формам и проявлениям ГЧП в инновационной сфере прямую финансовую и нефинансовую поддержку участников инновационной деятельности, в том числе субъектов малого и среднего предпринимательства.

В России накоплен определенный опыт государственно-частного партнерства. По данным ассоциации «Центр развития ГЧП», в единой информационной системе ГЧП в стране зарегистрировано более 1300 проектов, по которым принято решение о реализации (заключении соглашения), из них 15 проектов федерального уровня, 191 проект регионального уровня, более 1100 проектов муниципального уровня. В 2015 г. стадию коммерческого закрытия прошли 873 проекта (для сравнения: в 2013 г. – 86 проектов). Большая часть проектов (87,7%) осуществляются в форме концессий в соответствии с ФЗ от 21 июля 2005г. № 115-ФЗ «О концессионных соглашениях» (рис. 1).

Особенностью и одновременно проблемой финансирования российских проектов ГЧП является превалирование государственных инвестиций над частными.

В частности, отношение объема частных инвестиций в инфраструктуру в проектах ГЧП к номинальному ВВП России составляет примерно 1%. Для сравнения: в Индии – 9,5%, в Бразилии – 18,9%. В реализации проектов ГЧП принимает участие в основном крупный бизнес из-за отсутствия проработанных механизмов привлечения к участию в проектах субъектов малого и среднего предпринимательства (СМСП). Вместе с тем малому бизнесу в инновационном развитии экономики принадлежит особая роль. По мнению первого лауреата Международной премии за исследования в области предпринимательства и малого бизнеса американского исследователя Д. Берча, новыми драйверами роста становятся малые и средние фирмы. Изучая влияние динамичных и быстрорастущих фирм на макроэкономические показатели, именно Д. Берч при-

Рисунок 1. Структура проектов ГЧП, прошедших стадию коммерческого закрытия, по формам и отраслям инфраструктуры, 2015 г.*



* Составлено авторами по данным [Эл. рес.]. – Режим доступа: http://pppcenter.ru/assets/docs/raytingREG2016_B5_Block_04-04-2016.pdf

своим им ставшее позднее общепринятым название «газели». По оценкам Д. Берча, «газели», составляя всего 4% общего числа фирм, создали примерно 70% новых рабочих мест, появившихся в США в 1988–1992 годы².

Американский профессор А. Купер в середине 1960-х гг. также подчеркивал, что носителями роста в современных условиях становятся малые фирмы. Этому, по его мнению, способствуют три фактора: квалификация персонала, отношение технических специалистов к финансовым аспектам деятельности фирмы, коммуникация и координация³.

Д. Одретч и З. Акс называли малые фирмы «агентами изменений», утверждая, что они приходят на рынок проявлять инновационную активность и производить новый продукт. Именно эти учёные впервые отметили, что в некоторых отраслях создаются наиболее благоприятные условия для инноваций малого бизнеса, а в некоторых отраслях – для крупного⁴.

У. Баумол обратил внимание на взаимодополняемость инновационной активности крупных и малых фирм⁵. Учёный утверждал, что настоящий прорыв совершают малые фирмы, а дополнительный вклад, связанный с увеличением возможностей и возрастанием скорости распро-

странения инноваций, вносит крупный бизнес. Поэтому инновационная политика государства должна быть направлена на сбалансированное развитие и малого и крупного предпринимательства. Такое развитие может строиться по принципу «тройных спиралей».

Модель «тройной спирали» предложил и описал Г. Ицковиц для инновационного университета общества знаний⁶. В этой модели три равные по значимости и равноправные институциональные сферы – университеты (наука), бизнес и государство – не только выполняют свои традиционные миссии, но и начинают играть новые роли, выполняя функции других институциональных сфер. Именно там, где институциональные сферы частично перекрывают друг друга, встречаются люди, генерируются новые идеи, появляются и коммерциализируются инновации. Выводы исследователей инновационного предпринимательства подтверждаются экономическими расчетами в работах A. Díaz-Chao, Sainz- J.González, J.Torrent-Sellens, H.-S.Ryu, J.-N.Lee, S. Hong, T. Li, L. Oxley.

Роль малого бизнеса в российской экономике в целом и ее инновационном развитии пока невелика, а производительность труда в СМСП России составляет 0,9 млн. рублей на 1 человека (в странах Европейского союза значение показателя фиксируется на уровне 2,2 млн. рублей, в США – 3,4 млн. рублей). Региональные особенности малого бизнеса рассмотрим на примере Самарской области, занимающей по числу субъектов малого предпринимательства первое место в Приволжском федеральном округе. По состоянию на 2015 г. в регионе зарегистрировано 47,6 тыс. малых предприятий (*табл. 1*).

² Birch D.L. Job Creation in America. – New York: Free Press, 1987; Birch D.L. The Job Generation Process. Cambridge, MA: MIT Program on Neighborhood and Regional Change, 1979; Birch D.L. Who Creates Jobs? // Public Interest, 1989.

³ Cooper A.C. Small Companies can Pioneer New Products // Harvard Business Review. – 1966. – Vol. 44(5). – P. 162-179.

⁴ Audretsch D.B. New Firm Survival and the Technological Regime // Review of Economic and Statistics. – 1991. – Vol. 73(3). – P. 441-450; Acs Z. J., Audretsch D.B. Innovation in Large and Small Firms: An Empirical Analysis // American Economic Review. – 1988. – Vol. 78(4). – P. 678-690.

⁵ Baumol W.J. The Free-Market Innovation Machine: Analyzing the Growth Miracle of Capitalism. – Princeton, NJ: Princeton University Press, 2002.

⁶ Ицковиц Г. Модель тройной спирали [Эл. ресурс]. – Реж. дост.: <http://innov.etu.ru/>

Таблица 1. Показатели малого бизнеса и инновационного развития Самарской области в 2010–2015 гг. (включая микропредприятия)

Показатели	2010	2011	2012	2013	2014	2015**
Число малых предприятий, тыс. ед.	41,9	47,8	52,0	53,3	46,9	47,6
Средняя численность работников МП без внешних совместителей, тыс. чел.*	295,8	251,5	291,4	279,7	279,6	270,5
Доля работающих в малом бизнесе, %	19,6	16,7	19,3	18,6	18,6	18,0
Оборот МП, млрд. руб.*	443,1	396,1	549,5	615,3	600,1	583,5
Доля продукции малого бизнеса в выпуске товаров и услуг предприятий региона, %	29,5	21,8	27,1	27,9	25,2	22,2
Оборот на 1 работника малого предприятия, млн. руб.	1,96	1,57	1,89	2,2	2,15	2,93
Оборот на 1 малое предприятие, млн. руб.	10,58	8,29	10,57	11,54	12,8	16,67

* Составлено авторами по данным: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/publications/catalog/doc_1139841601359, http://www.gks.ru/bgd/regl/b15_14p/Main.htm, http://samarastat.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/samarastat/
** В оценке авторов на основе <http://economy.samregion.ru/activity/predprinim/itogi/razvitie-malogo-i-srednego-predprinimatelstva-samarskoy-oblasti-v-2015-godu/>

Около 18% общей численности занятых в экономике региона приходится на малый бизнес. На 1.07.2016 г. в структуре малых предприятий 42,4% составляют организации, занимающиеся оптовой и розничной торговлей, ремонтом различной техники и предметов личного пользования, 15,2% – предприятия промышленной сферы, 12,4% – строительные фирмы, 5,5% – сельскохозяйственные предприятия, 24,5% – фирмы, оказывающие услуги различного вида.

Тенденция последних лет – неуклонное снижение числа малых предприятий (с 53,3 тыс. ед. в 2013 г. до 47,6 тыс. ед. в 2015 г.) и доли продукции малого бизнеса в выпуске товаров и услуг предприятий региона (с 27,9 % в 2013 г. до 22,2 % в 2015 г.) По показателям средней численности работников, занятых в малом бизнесе, оборота малых предприятий регион существенно отстает от лидеров округа – Нижегородской области и Республики Татарстан.

Данные обстоятельства позволяют сделать вывод о недостаточной эффективности использования в хозяйственной деятельности потенциала малых предприятий. Достижение долгосрочного роста экономики региона невозможно без поиска

механизмов и инструментов, повышающих эффективность государственного участия в поддержке драйвера инновационного развития – малого бизнеса. В этом отношении Самарская область обладает уникальным опытом реализации механизма ГЧП.

По оценкам экспертов российской ассоциации «Центр развития ГЧП» (статистика ведется с 2014 г.) региону удалось достичь впечатляющих результатов. В 2015–2016 гг. уровень развития в нем ГЧП оценивается в 59,6% (при среднем значении по РФ – 24,4%). Это третье место по стране (табл. 2).

В связи с тем что методика расчета рейтинга ГЧП в 2016 г. по сравнению с 2014–2015 гг. существенно изменилась; эксперты рекомендуют не сравнивать напрямую текущие показатели с показателями предыдущего периода, а соотносить фактические результаты с выполнением установленных значений. Фактическое значение показателя уровня развития ГЧП в Самарской области по итогам 2015–2016 гг. превысило установленное значение на 11,1%, и это лучший результат в группе регионов-лидеров по развитию ГЧП. Высокие позиции Самарской области в рейтинге обусловлены накоплен-

Таблица 2. ТОП-лист субъектов РФ-лидеров по уровню развития ГЧП и изменение их позиций в рейтинге в период 2014–2016 гг.*

Субъект РФ	Значение и место по годам		
	2015–2016гг.	2014–2015гг.	2014 г.
Москва	60,2% (1 место)	63,8% (3 место)	52,3 (10 место)
Санкт-Петербург	59,9% (2 место)	69,2% (1 место)	73,9% (1 место)
Самарская область	59,6% (3 место)	59,6% (7 место)	54,3% (8 место)
Новосибирская область	57,4% (4 место)	61,9% (4 место)	65,5% (3 место)
Нижегородская область	53,6% (5 место)	61,5% (5 место)	62,3% (5 место)
Свердловская область	49,7% (6 место)	59,6% (8 место)	63,9% (4 место)
Ленинградская область	48,4% (7 место)	60,2% (6 место)	55% (7 место)
Московская область	47,9% (8 место)	56,6% (9 место)	38,0% (34 место)
Ульяновская область	44,6% (9 место)	52,5% (12 место)	17,7% (72 место)
Республика Татарстан	43,0% (10 место)	66,7% (2 место)	70,6% (2 место)
Воронежская область	33,4% (20 место)	54,4% (10 место)	60,4% (6 место)
Ярославская область	21,2% (44 место)	49,3% (16 место)	52,7% (9 место)

* Составлено авторами по данным http://pppcenter.ru/assets/docs/raytingREG2016_B5_Block_04-04-2016.pdf, http://pppcenter.ru/assets/files/raytingREG-Block_26-03-2015_new_edition.pdf

ным успешным опытом структурирования и реализации проектов (2 место после Санкт-Петербурга в рейтинге ГЧП по фактору «опыт реализации проектов»), а также развитой институциональной средой (9 место по фактору «институциональная среда»). Вместе с тем экспертные оценки инвестиционной привлекательности региона неоднозначны. В соответствии с рейтингом Эксперт-РА, Самарская область в 2011–2015 гг. оставалась в группе со средним инвестиционным потенциалом и умеренным инвестиционным риском (группа 2В). По инвестиционному потенциалу позиции области в этот же период устойчиво снижались – с 8 места (2011 г.) до 12 места (2015 г.), росли риски инвестирования. В то же время по объему инвестиций в основной капитал Самарская область улучшила свои позиции среди регионов России (с 18-го до 11 места соответственно) и ПФО (с 4-го до 3 места)⁷.

⁷ Инвестиционные рейтинги Самарской области [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://economy.samregion.ru/activity/investicii/invest_reiting/investitsionye-reytingi/

Согласно Национальному рейтингу состояния инвестиционного климата (составляется с 2014 г.) в 2015 году Самарская область улучшила свои позиции и вошла в группу регионов со средним уровнем качества условий для бизнеса. Направления «регуляторная среда» (присвоен рейтинг Е), «инфраструктура и ресурсы» (присвоен рейтинг С) характеризуются крайне низкими позициями. Высокий уровень административных барьеров и проблемы государственного регулирования развития бизнеса в регионе существенно сдерживают рост предпринимательской активности (табл. 3).

В рейтинге инновационного развития российских регионов, разработанном НИУ «ВШЭ», Самарская область занимала 25 место и входила в число субъектов, неуклонно утрачивающих позиции по отдельным показателям рейтинга. Доля инновационных товаров, работ, услуг в общем объеме данных товаров, работ, услуг, произведенных в области, в 2,5 раза выше российского показателя, однако постепенно снижается (в 2014 г. – 21,1%,

Таблица 3. Динамика показателей Самарской области в рейтинге: интегральный индекс и отдельные направления, 2014–2015 гг.

Рейтинг	2014 г.	2015 г.	Оценка динамики
Интегральный рейтинг	IV	III	▲
- регуляторная среда	D	E	▼
- институты для бизнеса	D	B	▲
- инфраструктура и ресурсы	E	C	▲
- поддержка малого предпринимательства	A	B	▼
Источник: http://investinregions.ru/rating/			

в 2013 г. – 22,9%). По данным статистического сборника ВШЭ «Индикаторы инновационной деятельности 2016», удельный вес организаций области, осуществляющих инновации, снизился и в 2012–2014 годах составлял 6,3–5,8%.

Показатели, характеризующие инновационную деятельность малого бизнеса в Самарском регионе в соответствии с периодичностью, представлены на *рис. 2*.

Количество заключенных с субъектами малого предпринимательства контрактов на поставки товаров, выполнение работ и оказание услуг для государственных и муниципальных нужд, увеличилось более чем в два раза (по данным государственной статистики – с 3210 до 6766 контрактов в год).

Отмеченные тенденции актуализируют необходимость глубокой проработки механизмов успешного взаимодействия государства и малого бизнеса в инновационной сфере, в том числе на основе ГЧП.

По данным Министерства экономического развития, инвестиций и торговли Самарской области (уполномоченного органа по вопросам ГЧП в регионе) рынок ГЧП представлен 52 инвестиционными проектами. Статистика по проектам ГЧП ведется с 2014 г. (*рис. 3*).

На стадии реализации находится 15 инвестиционных проектов. Это проекты социальной сферы; из них: по 10 проектам заключены концессионные соглашения;

по 2 проектам – договоры аренды с инвестиционными обязательствами; по 3 проектам – долгосрочные инвестиционные соглашения-меморандумы (квази-ГЧП). Важно отметить, что по состоянию на 1.04.2016 г. общий объем частных инвестиций в реализуемые проекты государственного и муниципального частного партнерства составил 11,8 млрд. руб. При этом проекты ГЧП полностью профинансированы за счет внебюджетных источников, что отличает Самарский регион от других субъектов РФ.

Создание и обеспечение инновационной инфраструктуры представляет одно из ключевых направлений применения ГЧП как инструмента стимулирования инноваций в Самарской области. Инновационная инфраструктура построена с точки зрения идеологии удовлетворения потребностей бизнеса и замены недостающих элементов инновационного процесса. При этом государство играет роль не руководящую или направляющую, а создающую максимально благоприятные условия. Институты развития инновационной деятельности в Самарской области образуют региональную инновационную экосистему. В декабре 2014 г. на форуме «Экосистема инноваций» (г. Сочи) инновационная система Самарской области признана одной из лучших региональных практик по системному развитию инновационного процесса.

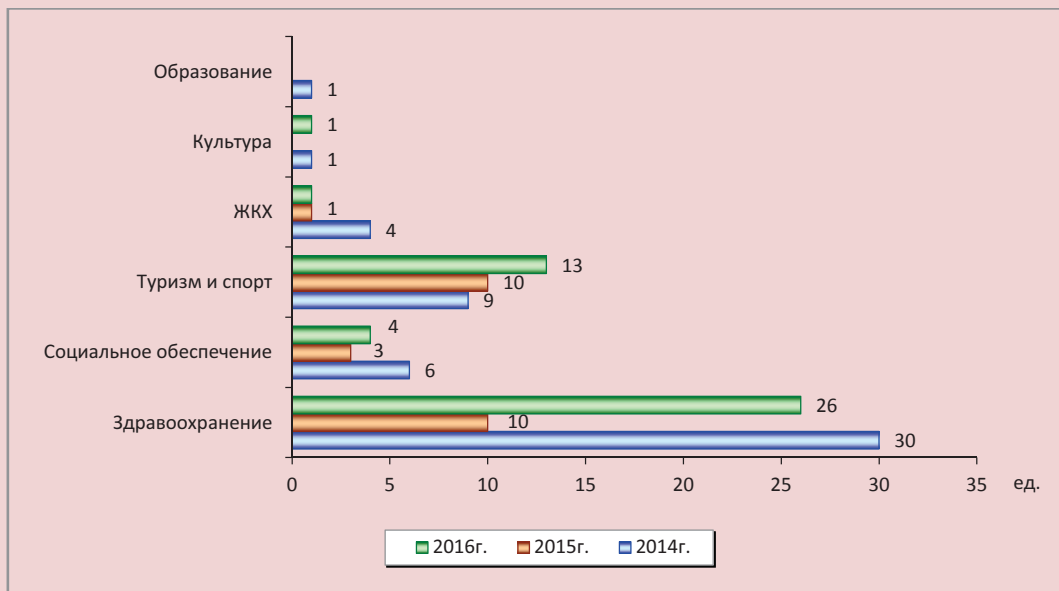
Рисунок 2. Динамика показателей инновационного развития малого бизнеса Самарской области в 2009-2015 гг.*



* Составлено авторами по данным: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/science_and_innovations/science/#

** Период статистического наблюдения определен формой № 2-МП инновация «Сведения о технологических инновациях малого предприятия» – один раз в два года.

Рисунок 3. Структура проектов ГЧП в Самарской области по отраслям создаваемой инфраструктуры в 2014–2016 гг.*



* Составлено авторами по данным http://economy.samregion.ru/activity/GCHP/analit_gchp/statistika-gchp-na-01-07-2016/

В регионе созданы и функционируют необходимые институты ГЧП в сфере инновационной деятельности. В части финансирования инновационной деятельности конкретных хозяйствующих субъектов и их проектов действуют НКО «Инновационный фонд Самарской области», НКО «Фонд содействия развитию венчурных инвестиций в малые предприятия в научно-технической сфере Самарской области», НКО «Фонд посевных инвестиций», НУО Фонд «Агентство по привлечению инвестиций Самарской области», НКО «Фонд долгосрочных прямых инвестиций Самарской области». Технологическую и организационную поддержку инновационной деятельности СМСП оказывают технопарк «Жигулевская долина», действующий в сфере высоких технологий, бизнес-инкубаторы, Региональный центр инноваций, ГАУ Самарской области «Центр инновационного развития и кла-

стерных инициатив», фонд «Региональный центр развития предпринимательства Самарской области» и др.

Активное взаимодействие государства и бизнеса в инновационной сфере осуществляется также в рамках реализации «Комплексного инвестиционного проекта развития инновационного территориального аэрокосмического кластера Самарской области на 2012–2021 гг.» и государственной подпрограммы «Развитие инновационного территориального аэрокосмического кластера Самарской области» на 2015–2018 гг.

Аэрокосмический кластер (АКК) Самарской области объединяет в настоящее время 63 участников, в том числе 10 учебных и научных заведений и 27 малых предприятий (2015 г.). В число СМСП входят 10 инжиниринговых, 7 производственных, 10 сервисных предприятий (рис. 4).

Рисунок 4. Направления деятельности малых предприятий аэрокосмического кластера Самарской области*



* Составлено авторами по <http://docs.cntd.ru/document/464008199>

Из 27 малых предприятий АКК десять осуществляют научные исследования и разработки в области естественных и технических наук. Учредителями данных предприятий выступили физические лица (6 предприятий), крупные производственные компании (2 предприятия), государственные образовательные (научные) учреждения совместно с физическими лицами и некоммерческими организациями (2 предприятия).

Всего государственными высшими образовательными (научными) учреждениями создано 5 малых инновационных предприятий, входящих в самарский аэрокосмический кластер, в т.ч. 2 предприятия, занимающиеся научными исследованиями и разработками в области естественных и технических наук, 1 предприятие по производству алюминиевых сплавов, 1 предприятие по производству электрической распределительной и регулирующей аппаратуры, 1 предприятие по производству оборудования для пайки, сварки и резки, машин и аппаратов для поверхностной термообработки и газотермического напыления.

Таким образом, малый бизнес АКК Самарской области представлен:

– малыми предприятиями, которые принимают на себя часть функций других

участников кластера, освобождая их от непрофильной деятельности и способствуя тем самым сокращению издержек последних;

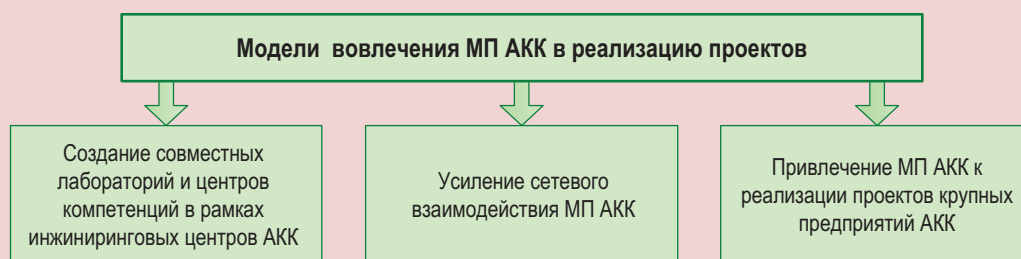
– малыми инновационными компаниями (МИК), создаваемыми крупными производственными или научными участниками кластера для решения конкретной проектной задачи и обеспечивающими проработку конкретной инновационной идеи (продукции).

Привлечение малых предприятий к реализации кластерных инициатив в Самарской области осуществляется на основе проектно-ориентированного подхода (рис. 5).

За 2012–2015 гг. количество малых предприятий в АКК увеличилось почти в 4 раза (с 7 до 27), их выручка выросла на 28,7%, экспортная выручка – на 13,6%. По данным контент-анализа, из 27 малых предприятий, входивших в 2015 году в число участников кластера, опыт участия в государственных закупках и контрактах имели только 12 (в том числе 1124 факта участия в торгах, 678 выигранных торгов, 656 заключенных контрактов).

В проекте пилотных инновационных территориальных кластеров Минэкономразвития России Самарский АКК является лидером по получению инвестици-

Рисунок 5. Модели вовлечения малых предприятий в реализацию кластерных проектов*



* Составлено авторами по <http://docs.cntd.ru/document/464008199>

онных средств из федерального бюджета (2012–2015 гг. – 6838,26 млн. руб.). Объем привлеченных в проект внебюджетных инвестиций за тот же период составил 10017,65 млн. руб., т.е. превысил государственные инвестиции в 1,5 раза. Собственные инвестиции малых предприятий кластера составили 11,5 млн. руб.

Таким образом, мы видим, что условием эффективной реализации механизма ГЧП в инновационной сфере Самарской области является участие трех равноправных институциональных сфер: науки, бизнеса и государства.

В Стратегии повышения конкурентоспособности Самарской области на период до 2030 года развитие инновационной системы является ключевым направлением. Это означает:

- развитие университетской науки и фокусирование ее на приоритетных научных направлениях;
- формирование единой региональной системы по коммерциализации инноваций;
- стимулирование инновационной активности компаний;
- реформирование механизмов управления региональной инновационной системой;
- содействие реализации инновационных проектов, нацеленных на формирование приоритетных для Самарской области рынков в рамках реализации Национальной технологической инициативы.

Самарская область является одним из 10 пилотных регионов, отобранных Агентством стратегических инициатив и Российской венчурной компанией для реализации региональной модели Национальной технологической инициативы. Планируется, что к 2025 году регион станет центром промышленных инноваций

с новыми перспективными наукоемкими производствами и сформированным инжиниринговым направлением специализации. Это позволит поддерживать технологическую готовность субъектов малого и среднего предпринимательства к возрастающим требованиям действующих автомобилестроительного и аэрокосмического кластеров, а также создаваемого инновационного кластера медицинских и фармацевтических технологий

Значимым стратегическим направлением деятельности по развитию ГЧП в Самарской области становится поддержка малого и среднего бизнеса, прежде всего, через механизм ГЧП. При этом регион постепенно отказывается от ведущей роли в партнерстве с бизнесом и сосредоточивается на создании условий для роста частных инвестиций и на вовлечении в инновационно-значимые и капиталоемкие проекты малого бизнеса.

Активному участию малого бизнеса в ГЧП в инновационной сфере, на наш взгляд, будет способствовать реализация следующих направлений:

1. Совершенствование моделей финансирования инновационной деятельности, в том числе за счет использования современных финансовых инструментов и механизмов привлечения в высокотехнологичную сферу экономики внебюджетных инвестиций, совместного финансирования части прикладных исследований.

Усиление прямой государственной финансовой адресной помощи малому бизнесу необходимо осуществлять на основе отбора предприятий (проектов) в соответствии с критериями венчурного предпринимательства. Государству целесообразно направить свои усилия на развитие венчурного финансирования, например, за счет коллективных форм инвестирования (инвестиционное това-

рищество), конвертируемых займов, краудфинансирования, привлечения бизнес-ангелов.

2. Создание и развитие инновационной, научной и образовательной инфраструктуры, национальной и региональных инновационных систем. Полагаем, что государственная поддержка должна быть направлена не только на малые фирмы, имеющие высокий потенциал инновационного роста, но и на инвестирование в точки знаний и компетенций: образовательную инфраструктуру, центры трансфера технологий, продвижение брендов, предоставление субсидий и субвенций на формирование патентной защиты и т.д.

3. Формирование условий для воспроизводства и функционирования малых инновационных компаний в научно-технической и научно-производственной сферах.

3.1. Повышение эффективности государственной поддержки МИП:

– развитие правовой базы деятельности МИП, которое должна заключаться в формировании отдельного нормативно-правового документа, регулирующего создание, функционирование и завершение деятельности малых предприятий, осуществляющих деятельность по созданию и внедрению результатов исследований, а также порядка и механизма предоставления государственной поддержки;

– либерализация налогового законодательства и налогообложения: предоставление права применения упрощенной системы налогообложения без установления порога годового оборота, освобождение от уплаты налогов и взносов на период «налоговых каникул», снижение ставки по НДС и налогу на прибыль до минимального уровня, освобождение от налогообложения всех

операций, связанных с получением безвозмездного права на патенты и оборудование, с реализацией нематериальных активов;

– обеспечение доступа, возможно безвозмездного, к технологиям, патентам, разработкам;

– оценка эффективности государственных кластерных программ и программ развития инновационного малого бизнеса на основе количественных показателей, характеризующих эффективность деятельности МИП, и показателей удовлетворенности малого бизнеса деятельностью институтов развития и инфраструктурных организаций.

3.2. Стимулирование спроса на инновационную продукцию, т.е. осуществление системы мер по выстраиванию эффективного взаимодействия всех заинтересованных сторон на всех этапах жизненного цикла инновационного продукта от выявления и детализации потребности заказчиков в инновационных решениях до организации и проведения публичных закупочных процедур, в том числе:

– через создание государством для крупных хозяйствующих субъектов системы экономических стимулов, направленных на применение в производстве инновационных товаров, материалов, комплектующих, услуг и т.д.;

– обеспечение доступа МИП к государственным заказам, прежде всего государственным закупкам высокотехнологичной продукции, и создание условий для успешного участия в торгах;

– развитие практики применения реестров промышленной продукции, технологий и услуг в рамках закупочной деятельности, а также региональных реестров объектов интеллектуальной собственности.

3.3. Создание благоприятного режима для участия МИП в госзакупках:

– установление минимально фиксированных сумм обеспечения заявки, а также исполнения контракта для участия в аукционах, конкурсах;

– создание инструмента преференций посредством реестра инновационных продуктов, технологий и услуг (или критериев отнесения продуктов, технологий и услуг к инновационным), нося-

щего обязательный характер для государственных закупок.

Представляется, что разработанные предложения по вовлечению малого бизнеса в реализацию инновационно-значимых инвестиционных проектов Самарской области обеспечат реализацию стратегических целей инновационного развития субъекта и задачи развития малого и среднего предпринимательства на основе механизма ГЧП.

Литература

1. Беспалов, М.А. Роль государственно-частного партнерства в инновационном развитии российской экономики [Текст] / М.А. Беспалов // Инновационное развитие российской экономики: сб. науч. тр. III науч.-практ. конф. молодых ученых (10 дек. 2012 г.). – М., 2012. – С. 13-25.
2. Григоренко, О.В. Механизмы государственно-частного партнерства в инновационном развитии национальной экономики [Текст] / О.В. Григоренко // Экономические проблемы России и региона. – Ростов н/Д, 2013. – Вып. 18. – С. 150-158.
3. Государственно-частное партнерство в условиях инновационного развития экономики: монография [Текст] / под ред. А.Г. Зельднера, И.И. Смотрицкой. – М.: ИЭ РАН, 2012. – 212 с.
4. Государственно-частное партнерство как путь инновационного развития экономики России: коллективная монография [Текст] / под ред. проф. И.В. Косяковой. – М.: Перо, 2016. – 213 с.
5. Дмитриева, Е.О. Государственно-частное партнерство как ресурс инновационного развития учреждений высшего профессионального образования [Текст] / Е.О. Дмитриева, М.С. Гусева // Университет XXI века: старые парадигмы и современные вызовы: материалы XVIII Всероссийской научно-практической конференции Гуманитарного университета, 7–8 апреля 2015 г.: доклады / редкол.: Л.А. Закс и др. – Екатеринбург: Гуманитарный университет, 2015. – С. 411-414.
6. Емельянов, Ю.С. Государственно-частное партнерство в инновационной сфере. Зарубежный и российский опыт: научное издание [Текст] / Ю.С. Емельянов; под общ. ред. С.Н. Сильвестрова. – М.: Либроком, 2012. – 256 с.
7. Злышко, О.В. Разработка механизма реализации инновационных проектов на основе государственно-частного партнерства посредством технологических платформ: дис. на соиск. уч. степ. канд. эконом. наук. – М., 2015. – 188с.
8. Иванов, О.В. Формирование институциональной среды как фактор развития государственно-частного партнерства (международный опыт) [Текст] / О. В. Иванов // Право и управление. XXI век. – 2015. – № 3 (36). – С. 56-61.
9. Иголкина, Л.М. Государственно-частное партнерство в инновационном развитии экономики [Текст] / Л.М. Иголкина // Экономические науки. – 2013. – № 3. – С. 49-52.
10. Ицковиц, Г. Модель тройной спирали [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://innov.etu.ru/>
11. Кабашкин, В.А. Государственно-частное партнерство: международный опыт и российские перспективы [Текст] / В.А. Кабашкин. – М.: МИЦ, 2010. – 576 с.
12. Козлова, Е.В. Государственно-частное партнерство в научно-исследовательском секторе экономики [Текст] / Е.В. Козлова // Альманах современной науки и образования. – 2013. – № 9. – С. 87-88.
13. Ксенофонтова, Т. Разработка стратегий интеллектуальной кооперации на базе партнерства науки, бизнеса и государства [Текст] / Т. Ксенофонтова // Управление мегаполисом. – 2013. – № 2. – С. 98-103.

14. Морковкин, Д.Е. Инновационное развитие экономики на основе использования механизмов государственно-частного партнерства [Текст] / Морковкин Д.Е. // Вестник РГГУ. Серия: Экономика. Управление. Право. – 2015. – № 1. – С. 27-35.
15. Никитенко, С.М. Опыт взаимодействия учреждений академической науки с бизнесом на принципах ГЧП (на примере Института угля СО РАН г. Кемерово) [Текст] / С.М. Никитенко, Е.В. Гоосен, В.И. Клишин // Инновации. – 2013. – №9. – С. 9-19.
16. Савранский, П.В. Государственно-частное партнерство в реализации перспективных направлений инновационного развития экономики России: дис. на соиск. уч. степ. канд. экон. наук. – Краснодар, 2007. – 186 с.
17. Соловьев, Ю.В. Зарубежный опыт измерения и обеспечения эффективности в сфере государственно-частного партнерства [Текст] / Ю.В. Соловьев // Проблемы и перспективы экономики и управления: материалы международной научной конференции (г. Санкт-Петербург, апрель 2012 г.). – СПб.: Реноме, 2012. – С. 3-7.
18. Холодилин, И.А. Построение инновационной среды и взаимодействия научной структуры с предпринимателями и малым бизнесом страны [Текст] / И.А. Холодилин // Экономика и предпринимательство. – 2013. – № 3. – С. 443-447.
19. Эффективное государственное управление в условиях инновационной экономики: формирование и развитие инновационных систем: монография [Текст] / под ред. д-ра экон. наук С.Н. Сильвестрова, д-ра экон. наук И.Н. Рыковой. – М.: Дашков и Ко, 2011. – 292 с.
20. Acs, Z.J., Audretsch, D.B. Innovation in Large and Small Firms: An Empirical Analysis // American Economic Review. – 1988. – Vol. 78(4). – P. 678-690.
21. Audretsch, D.B. New Firm Survival and the Technological Regime // Review of Economic and Statistics. – 1991. – Vol. 73(3). – P. 441-450.
22. Baumol, W.J. The Free-Market Innovation Machine: Analyzing the Growth Miracle of Capitalism. Princeton, NJ: Princeton University Press, 2002.
23. Birch, D.L. Job Creation in America. New York: Free Press, 1987.
24. Birch, D.L. The Job Generation Process. Cambridge, MA: MIT Program on Neighborhood and Regional Change, 1979.
25. Birch, D.L. Who Creates Jobs? // Public Interest. 1989.
26. Bult-Spirng, M. Strategic aspects of public-private partnership: international experience/ M. Bult-Spring, G. Dewolf // Blackwell Publishing. Ltd.-UK. – 2006. – С. 18-27.
27. Cooper A.C. Small Companies can Pioneer New Products // Harvard Business Review. – 1966. – Vol. 44(5). – P. 162-179.
28. Dedicated Public Private Partnership Units: A Survey of Institutional and Governance Structures. Paris: OECD. 2010. – P. 118.
29. Díaz-Chao, A., Sainz-González, J., Torrent-Sellens, J. ICT, innovation, and firm productivity: New evidence from small local firms (Article), Journal of Business Research. – 2015. – Vol. 68 (7). – P.1439-1444.
30. Enright, M.J. Survey on the Characterization of Regional Clusters: Initial Results. Working Paper, Institute of Economic Policy and Business Strategy: Competitiveness Program, University of Hong Kong, 2000. – P. 16.
31. Entezari, Y. Building Knowledge- Based Entrepreneurship Ecosystems: Case of Iran/Y. Entezari // Procedia – Social and Behavioral Sciences, 2015. – Vol. 195. – P. 1206-1215.
32. Public-Private Partnerships (PPP) [Electronic resource]. – Mode of access: <http://www.unece.org/ceci/ppp.html>
33. Ryu, H.-S., Lee, J.-N. Innovation patterns and their effects on firm performance Service Industries Journal. – 2016. – Vol. 36 (3-4). – P. 81-101.
34. S. Hong, T. Li, L. Oxley. Why Size Matters: Investigating the Drivers of Innovation and Economic Performance in New Zealand using the Business Operations Survey, Applied Economics. – 2016. – 3 July. – P. 1-17.

Сведения об авторах

Мария Сергеевна Гусева – кандидат экономических наук, доцент кафедры региональной экономики и управления, Самарский государственный экономический университет (443090, Россия, г. Самара, ул. Советской Армии, д. 141, gusevams@yandex.ru)

Дарья Владимировна Амелкина – магистрант кафедры региональной экономики и управления, Самарский государственный экономический университет (443090, Россия, г. Самара, ул. Советской Армии, д. 141, amelkina.darya@yandex.ru)

Елена Олеговна Дмитриева – кандидат экономических наук, доцент кафедры региональной экономики и управления, Самарский государственный экономический университет (443090, Россия, г. Самара, ул. Советской Армии, д. 141, dmitr-el@mail.ru)

Guseva M.S., Amel'kina D.V., Dmitrieva E.O.

Development of State and Small-Business Partnership in a Region's Innovation Sector

Abstract. The strategic goals of innovation development of the Russian Federation and problems of development of small and medium businesses require the study of the mechanisms of successful cooperation between the state and small businesses, including public-private partnership (PPP). The article considers promising mechanisms for innovative development of the Russian economy in the framework of PPP, with the participation of small businesses. The hypothesis is presented by the thesis that small business has a high innovation potential and exceptional opportunities for its implementation in PPP projects. This thesis is confirmed by the analysis and synthesis of a number of scientific theories. The purpose of the study is to clarify the nature and areas of partnership between the state and small business in innovation and development of proposals to improve their cooperation according to the PPP principles. The methodological basis of the study includes the systematic approach, methods of structural, concept, functional and statistical analysis, the method of expert evaluations. The paper discloses the essence of public-private partnership as a mechanism for attracting private capital to investment processes on mutually beneficial terms for solving socially important issues; identifies the tools and forms of PPP used for economic innovative development. The key mechanisms of economic innovative development based on the principles of public-private partnership, include: program government investments; creation and maintenance of development institutions; formation and development of innovative territorial clusters; building and development of an innovative high-tech business development infrastructure. Using the experience of the Samara Oblast and the aerospace cluster the authors review the mechanisms for the implementation of PPP in innovation sector and the model for involving small businesses in investment projects. They also define organizational and economic conditions and prerequisites for an effective partnership between the state and small businesses in innovation sector, present far-reaching ways of active participation of small businesses in the PPP projects. The authors present recommendations for improving the interaction between small business and the state in innovation sector and involvement of small businesses in the implementation of innovation and significant investment projects. It seems that the developed proposals can be used in the activities of the Samara Oblast authorities and ensure sustainable economic growth and innovative development of the region on the basis of PPP mechanism.

Key words: public-private partnership, small innovation business, cluster, innovation infrastructure.

References

1. Bespalov M.A. Rol' gosudarstvenno-chastnogo partnerstva v innovatsionnom razvitii rossiiskoi ekonomiki [The role of public-private partnership in the innovative development of the Russian economy]. *Innovatsionnoe razvitie rossiiskoi ekonomiki: sb. nauch. tr. III nauch.-prakt. konf. molodykh uchenykh (10 dek. 2012.g.)* [Innovative development of the Russian economy: scientific collection of the 3rd Scientific Conference for Young Scientists (December 10th, 2012)], Moscow, 2012, pp. 13–25. (In Russian)
2. Grigorenko O.V. Mekhanizmy gosudarstvenno-chastnogo partnerstva v innovatsionnom razvitii natsional'noi ekonomiki [Mechanisms of state-private partnership in innovative development of national economy]. *Ekonomicheskie problemy Rossii i regiona* [Economic issues of Russia and regions], Rostov-on-Don, 2013, issue 18, pp. 150–158. (In Russian)
3. Zel'dner A.G., Smotrinskaya I.I. (Eds.). *Gosudarstvenno-chastnoe partnerstvo v usloviyakh innovatsionnogo razvitiya ekonomiki: monografiya* [Public-private partnership in conditions of innovative economic development: monograph]. Moscow: IE RAN, 2012. 212 . (In Russian)
4. Kosyakova I.V. *Gosudarstvenno-chastnoe partnerstvo kak put' innovatsionnogo razvitiya ekonomiki Rossii: kollektivnaya monografiya* [Public-private partnerships as a way of innovative development of economy of Russia: monograph]. Moscow: Pero, 2016. 213 p. (In Russian)
5. Dmitrieva E.O., Guseva M.S. Gosudarstvenno-chastnoe partnerstvo kak resurs innovatsionnogo razvitiya uchrezhdenii vysshego professional'nogo obrazovaniya [Public-private partnerships as a resource of innovative development of institutions of higher education]. *Universitet XXI veka: starye paradigmy i sovremennye vyzovy: materialy XVIII Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii Gumanitarnogo universiteta, 7–8 aprelya 2015 g.: doklady* [University of the 21st century: old paradigms and contemporary challenges: proceedings of the 18th All-Russian Scientific Conference of the University for Humanities, 7–8 April, 2015: reports]. Ekaterinburg: Gumanitarnyi universitet, 2015. Pp. 411–414. (In Russian)
6. Emel'yanov Yu.S., Sil'vestrov S.N. (Ed.). *Gosudarstvenno-chastnoe partnerstvo v innovatsionnoi sfere. Zarubezhnyi i rossiiskii opyt: nauchnoe izdanie* [Public-private partnership in the innovation sphere. Foreign and Russian experience: scientific publication]. Moscow: Librokom, 2012. 256 p. (In Russian)
7. Zlyvko O.V. *Razrabotka mekhanizma realizatsii innovatsionnykh proektov na osnove gosudarstvenno-chastnogo partnerstva posredstvom tekhnologicheskikh platform: dis. na soisk. uch. step. kand. ekonom. Nauk* [The development of mechanism of implementation of innovative projects based on public-private partnerships through technology platforms: Ph.D. in Economics dissertation]. Moscow, 2015. 188 p. (In Russian)
8. Ivanov O.V. Formirovanie institutsional'noi sredy kak faktor razvitiya gosudarstvenno-chastnogo partnerstva (mezhdunarodnyi opyt) [Institutional environment formation as a factor of development of public-private partnership (international experience)]. *Pravo i upravlenie. XXI vek* [Law and management. 21th century], 2015, no. 3 (36), pp. 56–61. (In Russian)
9. Igol'kina L.M. Gosudarstvenno-chastnoe partnerstvo v innovatsionnom razvitii ekonomiki [Public-private partnership in innovative development of economy]. *Ekonomicheskie nauki* [Economic sciences], 2013, no. 3, pp. 49–52. (In Russian)
10. Itskovits G. *Model' troinoy spirali* [The triple helix model]. Available at: <http://innov.etu.ru/>. (In Russian)
11. Kabashkin V.A. *Gosudarstvenno-chastnoe partnerstvo: mezhdunarodnyi opyt i rossiiskie perspektivy* [Public-private partnership: international experience and Russian prospects]. Moscow: MITs, 2010. 576 . (In Russian)
12. Kozlova E.V. Gosudarstvenno-chastnoe partnerstvo v nauchno- issledovatel'skom sektore ekonomiki [Public-private partnerships in the research economic sector]. *Al'manakh sovremennoi nauki i obrazovaniya* [Almanac of modern science and education], 2013, no. 9, pp. 87–88. (In Russian)
13. Ksenofontova T. Razrabotka strategii intellektual'noi kooperatsii na baze partnerstva nauki, biznesa i gosudarstva [Development of strategies for intellectual cooperation based on partnership of science, business and state]. *Upravlenie megapolisom* [Megapolis management], 2013, no. 2, pp. 98–103. (In Russian)
14. Morkovkin D.E. Innovatsionnoe razvitie ekonomiki na osnove ispol'zovaniya mekhanizmov gosudarstvenno-chastnogo partnerstva [Innovative development of economy based of the use of state-private partnership

- mechanisms]. *Vestnik RGGU. Seriya: Ekonomika. Upravlenie. Pravo* [Bulletin of the Russian State University for Humanities. Series: Economics. Management. Law], 2015, no. 1, pp. 27–35. (In Russian)
15. Nikitenko S.M., Goosen E.V., Klishin V.I. Opyt vzaimodeistviya uchrezhdenii akademicheskoi nauki s biznesom na printsipakh GChP (na primere Instituta uglya SO RAN g. Kemerovo) [The experience of interaction between the institutions of academic science with business on the principles of PPP (for example, Institute of coal SB RAS Kemerovo)]. *Innovatsii* [Innovations], 2013, no.9, pp. 9–19. (In Russian)
 16. Savranskii P.V. *Gosudarstvenno-chastnoe partnerstvo v realizatsii perspektivnykh napravlenii innovatsionnogo razvitiya ekonomiki Rossii: dis. na soisk. uch. step. kand. ekon. Nauk* [Public-private partnership in the implementation of far-reaching ways of innovative development of the Russian economy: Ph.D. in Economics dissertation]. Krasnodar, 2007. 186 p. (In Russian)
 17. Solov'ev Yu.V. Zarubezhnyi opyt izmereniya i obespecheniya effektivnosti v sfere gosudarstvenno-chastnogo partnerstva [International experience of measuring and ensuring the effectiveness in the sphere of public-private partnership]. *Problemy i perspektivy ekonomiki i upravleniya: materialy mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii (g. Sankt-Peterburg, aprel' 2012 g.)* [Issues and prospects of economics and management: proceedings of the International Scientific Conference (Saint-Petersburg, April, 2012)]. Saint Petersburg: Renome, 2012. Pp. 3–7. (In Russian)
 18. Kholodilin I.A. Postroenie innovatsionnoi sredy i vzaimodeistviya nauchnoi struktury s predprinimatel'stviyami i malym biznesom strany [Building an innovative environment and interaction of scientific institutions with the country's entrepreneurs and small businesses]. *Ekonomika i predprinimatel'stvo* [Economics and entrepreneurship], 2013, no. 3, pp. 443–447. (In Russian)
 19. Sil'vestrov S.N., Rykova I.N. (Eds.). *Effektivnoe gosudarstvennoe upravlenie v usloviyakh innovatsionnoi ekonomiki: formirovanie i razvitie innovatsionnykh sistem: monografiya* [Effective public management amid innovative economy: formation and development of innovation systems: monograph]. Moscow: Dashkov i Ko, 2011. 292 p. (In Russian)
 20. Acs Z. J., Audretsch D.B. Innovation in Large and Small Firms: An Empirical Analysis. *American Economic Review*, 1988, volume 78(4), pp. 678–690.
 21. Audretsch D. B. New Firm Survival and the Technological Regime. *Review of Economic and Statistics*, 1991, volume 73(3), pp. 441–450.
 22. Baumol W. J. *The Free-Market Innovation Machine: Analyzing the Growth Miracle of Capitalism*. Princeton, NJ: Princeton University Press, 2002.
 23. Birch D.L. *Job Creation in America*. New York: Free Press, 1987.
 24. Birch D.L. *The Job Generation Process*. Cambridge, MA: MIT Program on Neighborhood and Regional Change, 1979.
 25. Birch D.L. *Who Creates Jobs? Public Interest*, 1989.
 26. Bult-Spirng M., Dewolf G. *Strategic aspects of public-private partnership: international experience*. Blackwell Publishing, Ltd. UK. 2006. Pp. 18–27.
 27. Cooper A.C. Small Companies can Pioneer New Products. *Harvard Business Review*, 1966, volume 44(5), pp. 162–179.
 28. *Dedicated Public Private Partnership Units: A Survey of Institutional and Governance Structures*. Paris: OECD. 2010. P. 118.
 29. Díaz-Chao A., Sainz-González J., Torrent-Sellens J. ICT, innovation, and firm productivity: New evidence from small local firms (Article). *Journal of Business Research*, 2015, volume 68 (7), pp. 1439–1444.
 30. Enright M.J. Survey on the Characterization of Regional Clusters: Initial Results. *Working Paper, Institute of Economic Policy and Business Strategy: Competitiveness Program*, University of Hong Kong, 2000. P. 16.
 31. Entezari Y. Building Knowledge-Based Entrepreneurship Ecosystems: Case of Iran. *Procedia – Social and Behavioral Sciences*, 2015, volume 195, pp. 1206–1215.
 32. Public-Private Partnerships (PPP). Available at: <http://www.unece.org/ceci/ppp.html>

33. Ryu H.-S., Lee J.-N. Innovation patterns and their effects on firm performance. *Service Industries Journal*, 2016, volume 36 (3–4), pp. 81–101.
34. S. Hong T. Li, L. Oxley. Why Size Matters: Investigating the Drivers of Innovation and Economic Performance in New Zealand using the Business Operations Survey. *Applied Economics*, 2016, 3rd July, pp. 1–17.

Information about the Authors

Mariya Sergeevna Guseva – Ph.D. in Economics, Associate Professor at the Department for Regional Economics and Management, Samara State University of Economics (141, Sovetskoi Armii Street, Samara, 443090, Russian Federation, gusevams@yandex.ru)

Dar'ya Vladimirovna Amel'kina – Master's degree student at the Department for Regional Economics and Management. Samara State University of Economics (141, Sovetskoi Armii Street, Samara, 443090, Russian Federation, amelkina.darya@yandex.ru)

Elena Olegovna Dmitrieva – Ph.D. in Economics, Associate Professor at the Department for Regional Economics and Management, Samara State University of Economics (141, Sovetskoi Armii Street, Samara, 443090, Russian Federation, dmitr-el@mail.ru)

Статья поступила 24.08.2016.

НАУЧНЫЕ ОБЗОРЫ. НАУЧНЫЕ РЕЦЕНЗИИ. ОТЗЫВЫ

DOI: 10.15838/esc.2016.6.48.17

В.А. Ильин и Ж. Сапир избраны в состав РАН

24–28 октября 2016 г. в Российской академии наук прошли выборы, по итогам которых состав Академии существенно обновился и расширился. Знаменательным событием стало то, что в число победителей выборов вошли два члена редакционного совета нашего издания. На общем собрании Отделения общественных наук РАН избраны: членом-корреспондентом РАН – Владимир Александрович Ильин, иностранным членом РАН – Жак Сапир (оба по специальности «Экономика»).

28 октября итоги голосования отделений РАН были утверждены на Общем собрании Академии.

Редакционная коллегия и редакция журнала «Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз» поздравляют Владимира Александровича и Жака Сапира с замечательным событием в их научной биографии и желают им новых достижений в исследовательской, творческой и общественной деятельности.



**Член-корреспондент
Российской академии наук
Владимир
Александрович Ильин**

В.А. Ильин родился 19 января 1941 г. в городе Ганцевичи Брестской области Белорусской ССР. В 1958 г. окончил среднюю школу в г. Каменск-Уральский Свердловской области. Трудовую жизнь

начал на Ленинградском оптико-механическом заводе, где прошел путь от рабочего до руководителя отдела этого крупнейшего оборонного предприятия. Без отрыва от производства в 1978 г. закончил

Ленинградский инженерно-экономический институт по специальности «Экономика и организация машиностроительной промышленности».

В 1978 г. был назначен заместителем директора Вологодского оптико-механического завода (ВОМЗ) по производству и экономике, в 1979 году – директором. В 1986–1990 гг. работал генеральным директором производственного объединения «ВОМЗ». В 1988 году защитил диссертацию на соискание ученой степени кандидата экономических наук.

В конце 1990 года В.А. Ильин был утвержден руководителем первой на территории Вологодской области научной организации Российской академии наук – Вологодского научно-координационного центра РАН, который в 2009 году был переименован в Институт социально-экономического развития территорий РАН. Директором этого учреждения В.А. Ильин работал в течение 25 лет. В 1999 году он защитил диссертацию на соискание ученой степени доктора экономических наук, в 2001 году ему присвоено ученое звание профессора. С декабря 2015 года В.А. Ильин является научным руководителем ИСЭРТ РАН.

Научная деятельность Института с момента его создания ориентирована на решение проблем и поиск путей наиболее эффективного социально-экономического развития территорий. В исследованиях, выполненных в последние годы под научным руководством и при непосредственном участии В.А. Ильина, сформулированы стратегические направления развития промышленности, сельского

хозяйства, научно-инновационной сферы Вологодской области; разработана методика оценки и определены основные направления обеспечения экономической безопасности; разработан методический инструментарий оценки эффективности государственного управления, базирующийся на анализе данных Росстата и результатах опроса о социальном самочувствии населения, обоснован комплекс мер по корректировке экономической политики; разработана система оценки масштабов трансформации территориальной структуры национальной экономики. С использованием интегрального показателя осуществлена кластеризация регионов РФ по уровню социально-экономического развития; проведена оценка состояния кластерных систем в российской регионах, выявлен потенциал развития производственной кластеризации в территориальных системах; выявлены уровень и динамика экономического положения и социального самочувствия населения регионов; изучены факторы, определяющие территориальные различия, проведено ранжирование развития территорий по показателям качества жизни населения и интегрированной модернизации.

Вышло в свет более 300 научных трудов, подготовленных В.А. Ильиным лично и под его руководством.

Его внимание сосредоточено на вопросах расширения делового и научного взаимодействия учреждения с ведущими экономическими институтами Российской академии наук, иностранными учеными. На базе Института ежегодно про-

ходят российские и международные конференции и семинары. Всего за период с 1997 по настоящее время проведено 150 научных мероприятий.

Институт издает четыре научных журнала. Два из них – «Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз» (выпускается с 2008 г.; издается на русском и английском языках) и «Проблемы развития территории» (выпускается с 1997 г.) – выходят в печатной версии; оба журнала включены в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата и доктора наук.

В.А. Ильин является основателем и руководителем научной школы «Проблемы комплексного исследования региональных экономических и социальных процессов». Участниками школы в 2006–2015 гг. подготовлено и защищено 30 диссертаций, из них 4 под научным руководством В.А. Ильина. Он ведет активную работу по интеграции научной и образовательной деятельности, является инициатором и руководителем уникального проекта – Научно-образовательного центра экономики и информационных технологий при ИСЭРТ РАН. В центре реализуется интегрированная система обучения школьников, студентов, аспирантов, обеспечивающая подготовку высококвалифицированных специалистов для науки, образования и экономики. Первую ступень Научно-образовательного центра – факультатив

по экономике, математике и информатике – в период с 2003 по 2015 г. окончили более 480 школьников.

В.А. Ильин занимает активную общественную позицию. Он является членом Совета по развитию научно-технического потенциала Вологодской области, Вологодского областного государственного общественного координационного совета по подготовке квалифицированных рабочих кадров и специалистов, Правления Союза промышленников и предпринимателей Вологодской области, Совета стратегического развития г. Вологды.

За активную производственную, научно-организационную и общественную деятельность В.А. Ильин награжден Орденом «Знак Почета» (1986 г.), медалью «Ветеран труда» (1984 г.), Почетными грамотами РАН (1999 г., 2006 г., 2008 г., 2015 г.), Президиума РАН (2011 г.), ФАНО России (2015 г.), Губернатора Вологодской области (2000 г., 2013 г.), Законодательного Собрания Вологодской области (2010 г.), Департамента экономического развития Вологодской области (2015 г.), Главы города Вологды (2000 г.). Награжден Государственной премией Вологодской области за 2013 год (2014 г.), отмечен знаком «За доблестный труд во благо Вологды» (2015 г.), медалью «За заслуги перед Вологодской областью» (2015 г.). В 2006 г. ему присвоено почетное звание «Заслуженный деятель науки РФ», в 2010 году – «Почетный гражданин города Вологды».



**Иностранный член
Российской академии наук
Жак Сапир**

Жак Сапир (*Jacques Sapir*) родился 24 марта 1954 г. в городе Пюто во Франции. В 1976 году окончил Sciences Po. В 1986 году получил государственную докторскую степень по экономике в университете Париж X-Нантер. В 1978–1982 гг. работал преподавателем в лицее, в 1982–1990 гг. преподавал экономику в университете Париж X-Нантер. С 1990 года работал в Высшей школе социальных наук (EHESS), в 1996 году стал научным сотрудником. В настоящее время – директор Центра исследований индустриализации SEMI-EHESS.

Жак Сапир – авторитетный французский экономист, известный своими трудами по современной мировой экономике и актуальными исследованиями по проблемам развития России и стран СНГ. Он состоит членом редколлегии ряда французских научно-исследовательских журналов. Является научным советником нескольких организаций и программ (Европейская комиссия, TACIS, PHARE).

В 1993–2000 гг. преподавал в российской Высшей школе экономики. В последние годы преподает в Московской школе экономики.

Он член научно-редакционного совета журнала «Проблемы прогнозирования», учредителем которого является Институт народнохозяйственного прогнозирования РАН. В этом и других российских журна-

лах Сапиром опубликованы содержательные статьи, в которых он представил свое видение экономических, социальных и политических проблем современности и путей их решения.

В 2015 году под редакцией Ж. Сапира вышла в свет монография «Российская трансформация: 20 лет спустя», соавторами которой стали академики РАН А.Д. Непелов, В.В. Ивантер и д.э.н. Д.Б. Кувалин (М.: Магистр, 2015. – 216 с.).

Жак Сапир в 2007 и 2010 годах приезжал в Вологду, где на базе ИСЭРТ РАН проводились сессии российско-французских научных симпозиумов. Он выступал с лекциями перед сотрудниками и аспирантами Института, демонстрируя при этом прекрасное владение русским языком.

С 2010 года Жак Сапир входит в состав редакционного совета журнала «Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз». Он ежегодно представляет свое оценочное мнение о журнале, публикуемых в нем статьях, вносит ценные предложения по совершенствованию содержания и качественному улучшению журнала, за что редколлегия ему весьма признательна. Поздравляя Жака Сапира с избранием иностранным членом РАН, редколлегия и редакция надеются, что его творческое участие в издании журнала будет продолжаться.

Список статей, опубликованных в 2016 году

	№	Стр.
От главного редактора		
Ильин В.А. Выборы в Государственную Думу – 2016. Экономическая политика Президента в оценках населения	3	9-36
Ильин В.А. Конституционное большинство в Государственной Думе VII созыва получил Президент РФ	5	9-26
Ильин В.А. Правящие элиты – проблема национальной безопасности России	4	9-34
Ильин В.А. Стратегия национальной безопасности-2015 – шаг к новому этапу развития России	1	9-25
Ильин В.А. Третья четырехлетка президента В.В. Путина: противоречивые итоги – закономерный результат	2	9-21
Ильин В.А. 13е Послание Президента: на повестке дня трансформация власти	6	9-20
Мониторинг общественного мнения о состоянии российского общества	1	26-33
Мониторинг общественного мнения о состоянии российского общества	2	22-28
Мониторинг общественного мнения о состоянии российского общества	3	37-43
Мониторинг общественного мнения о состоянии российского общества	4	35-42
Мониторинг общественного мнения о состоянии российского общества	5	27-33
Мониторинг общественного мнения о состоянии российского общества	6	21-27
Стратегия социально-экономического развития		
Бухвальд Е.М. Стратегия развития малого и среднего предпринимательства в России до 2030 года: амбиции и реалии	1	66-80
Дерунова Е.А., Устинова Н.В., Дерунов В.А., Семенов А.С. Моделирование диверсификации рынка как основы устойчивого экономического роста	6	91-109
Домашенко Д.В. Взаимосвязь экономического роста, цен на нефть и уровня монетизации экономики в странах нефтегазового экспорта: выводы для России	1	96-107
Кожевников С.А. Управление формированием и развитием вертикально интегрированных структур в экономике России	6	53-69
Лаженцев В.Н. Геосистемный подход к проблемам социально-экономического развития регионов Севера России	1	81-95
Лаженцев В.Н. Общественный характер концепций развития экономики северных и арктических районов России	4	43-56
Маркин В.В., Силин А.Н. Циркумпольярный регион в контурах социальнопространственной трансформации территории (на примере Ямала)	6	28-52
Надворная Г.Г., Климчук С.В., Оборин М.С., Гварлиани Т.Е. Теория и методология оценки экономического потенциала предприятий	6	70-90
Полтерович В.М. Институты догоняющего развития (к проекту новой модели экономического развития России)	5	34-56
Фёдоров В.В. Российское общество в 2015 году: что мы узнали о нем благодаря социологическим опросам	3	44-59
Щербakov Г.А. Генезис и механизмы преодоления системных экономических кризисов	2	48-60
Вопросы теории		
Ласточкина М.А. Барьеры модернизации и уровень согласованности ее основных составляющих в макрорегионе РФ	4	57-71
Татаркин А.И. Теоретико-методологические предпосылки формирования смешанной экономики Российской Федерации	1	39-65

Шабунова А.А., Калачикова О.Н., Леонидова Г.В., Смолева Е.О. Эксклюзия как критерий выделения социально уязвимых групп населения	2	29-47
Отраслевая экономика		
Бровко П.М., Петрук Г.В. Стратегическое управление развитием предприятий оборонно-промышленного комплекса с использованием двойных технологий ресурсного подхода	3	82-97
Коврижных О.Е., Нечаева П.А. Анализ транзакционных издержек в логистике и методики их информационного отражения для автомобилестроительных предприятий	2	186-201
Кун Фаньбинь, Фань Бинь, Чэнь Шэньдун. Коллективное право на леса и его влияние на инвестиционную деятельность фермерских хозяйств и динамику товарной лесопродукции	2	171-185
Фролова Е.В., Кабанова Е.Е. Развитие туристической привлекательности российских территорий: современные тенденции и управленческие практики	1	153-169
Чайка Л.В. Финансовое состояние регионального энергоснабжения	3	98-107
Региональная экономика		
Карелина М.Г. Комплексная оценка интеграционной активности бизнесструктур в российских регионах	5	103-121
Полухина А.Н., Шерешева М.Ю., Рукомойникова В.П., Напольских Д.Л. Обоснование сравнительной эффективности реализации туристского потенциала (на примере регионов Приволжья)	5	122-140
Ускова Т.В., Лукин Е.В. О перспективах развития региона на основе межрегионального сотрудничества	3	60-81
Моделирование и прогнозирование социально-экономических процессов		
Гулин К.А., Россосанский А.И. Российский и зарубежный опыт интеграции агентоориентированных моделей и геоинформационных систем	5	141-157
Социальное развитие		
Александрова О.А., Ярашева А.В. Трансформация инвестиционно-сберегательного поведения высокодоходных групп населения в период кризиса	1	122-137
Афанасьев Д.В., Гужавина, Т.А., Мехова А.А. Социальный капитал в регионе: к вопросу измерения и построения индикаторной модели	6	110-125
Барсуков В.Н., Калачикова О.Н. Исследование качества жизни старшего поколения: региональный опыт	4	88-107
Важенина И.С., Важенин С.Г., Сухих В.В. Конкуренция регионов за доверие: особенности становления	4	72-87
Веркей Ж. Неравенство в доходах, производственная структура и макроэкономическая динамика (региональный подход к анализу российской экономики)	3	108-121
Воловская Н.М., Плюснина Л.К., Русина А.В. Мониторинг возможностей развития самозанятости в Новосибирской области	4	130-143
Доброхлеб В.Г., Зверева Н.В. Потенциал современных поколений России	2	61-78
Калачикова О.Н., Барсуков В.Н., Короленко А.В., Шулепов Е.Б. Факторы активного долголетия: итоги обследования вологодских долгожителей	5	76-94
Короленко А.В., Калачикова О.Н. Сформированность профессиональных предпочтений как фактор социализации детей подросткового возраста	6	143-161
Леонидова Г.В., Головчин М.А., Ласточкина М.А., Устинова К.А. «Работники знаний» и модернизация региона	3	138-153
Леонидова Г.В., Свирелкина И.И. Негосударственное дошкольное образование: текущая практика территориального развития	1	138-152
Ма Сюэсун. Исследование влияния социальных трансформаций на бедных пожилых людей, проживающих в сельских районах	5	95-102
Осипова Л.Б., Энвери Л.А. Жизненные стратегии молодежи: опыт социологического исследования	4	108-129
Петров А.И. Автотранспортная аварийность как идентификатор качества жизни граждан	3	154-172

Попов Е.В., Веретенникова А.Ю., Омонов Ж.К. Институциональный механизм формирования социальных инноваций	5	57-75
Попова Л.А. Современная российская демографическая политика в области рождаемости: результаты и направления совершенствования	2	79-93
Трошина Т.И. Стратегии и практики коллективного самосохранения населения северной деревни: исторический опыт и современные реалии	2	94-113
Чистова Е.В., Чичканов В.П. Прогноз влияния повышения пенсионного возраста на демографическую структуру России	3	121-137
Шабунова А.А., Фахрадова Л.Н. Актуальные проблемы трудоустройства инвалидов	6	126-142
Общественные финансы		
Воронова Н.С., Мирошниченко О.С., Тарасова А.Н. Детерминанты развития российского банковского сектора как факторы экономического роста	4	165-183
Галухин А.В., Ускова Т.В. Совершенствование управления рисками доходной базы консолидированных бюджетов регионов	6	162-179
Иголина Л.Л., Мамонова И.В., Сулейманов М.М. Оценка эффективности стимулирующих налоговых льгот в системе управления региональными финансами	6	180-192
Поварова А.И. Почему не растёт самообеспеченность бюджетов городских округов	1	108-121
Поварова А.И. Проблемы и особенности исполнения субфедеральных бюджетов в 2015 году	4	144-164
Поварова А.И. Региональный бюджет–2016: приоритеты не меняются	2	133-152
Поварова А.И. Реформирование налога на доходы физических лиц – важнейший фактор стабилизации бюджетной системы	6	193-213
Тихомирова В.В. Проблемы формирования и использования финансовых ресурсов системы социальной защиты населения (на примере Республики Коми)	5	158-172
Экономика и социология общественного здоровья и здравоохранения		
Молчанова М.Ю. Государственночастное партнерство в системе финансирования здравоохранения регионов	2	114-132
Пространственные аспекты территориального развития		
Растворцева С.Н., Терновский Д.С. Факторы концентрации экономической активности в регионах России	2	153-170
Актуальные проблемы экономики		
Губанов С.С. Системные предпосылки экономического подъема России	1	34-38
Инновационное развитие		
Гаджиев Ю.А., Стыров М.М., Колечков Д.В., Шляхтина Н.В. Анализ инновационного потенциала северных регионов России	6	236-254
Лаврикова Ю.Г., Антипин И.А., Прядеин А.А., Суворова А.В. Прогноз развития крупнейшего города: конструирование инновационного будущего	6	214-235
Романова О.А., Акбердина В.В., Бухвалов Н.Ю. Общие ценности в формировании современной техникоэкономической парадигмы	3	173-190
Румянцев А.А. Институциональные возможности развития инновационной деятельности в регионе	4	184-198
Экономика природопользования		
Яшалова Н.Н., Рубан Д.А. Развитие экобизнеса как подход к финансированию экологизации экономики	5	219-237
Экономика агропромышленного комплекса		
Иванов В.А. Влияние рыночных реформ на развитие аграрного сектора и самообеспечение продовольствием северного региона	1	170-186
Ли Чжимэн, У Жонин. Китайский опыт интенсификации свиноводства с учетом требований сохранения окружающей среды и экономии ресурсов	2	202-210
Медведева Н.А., Бильков В.А. Методологические аспекты прогнозирования инновационного развития молочного скотоводства региона	3	191-204

Экономика труда		
Оуй П., Дхондт С., Жяубярите Якштиене Р., Коррал А., Тоттердилл П. Европейский опыт внедрения инноваций на рабочем месте: что, зачем и как?	5	195-218
Чекмарева Е.А. Исследование условий и факторов воспроизводства трудового потенциала муниципальных районов Вологодской области	5	173-194
Зарубежный опыт		
Го Сяоцзин. Развитие международного туризма в провинции Цзянси в рамках стратегии «Один пояс и один путь»	3	221-230
Красова Е.В., Ян Синьсю. Современные тенденции формирования человеческих ресурсов как фактора устойчивого развития экономики Китая	3	205-220
Куан Сяоцян, Ай Шуцин. Исследование развития «умного» туризма в провинции Цзянси в рамках концепции «Интернет+»	4	199-205
Сунь Юйпин. Влияние иммиграционного потока на региональную экономику: к вопросу о повышении экономической конкурентоспособности провинции Цзянси	1	187-194
Чжан Сяося. Принципы деятельности и меры для различных типов домохозяйств по борьбе с бедностью в городском округе Цзиань	6	255-265
Дискуссионная площадка		
Третьякова О.В. Экономический журнал в России: проблемы оценки качества	2	211-224
Третьякова О.В. Публикационная активность экономических институтов РАН в сфере новых вызовов научной политики	6	266-287
История экономической и социологической мысли		
Безнин М.А., Димони Т.М. К вопросу о типе экономического строя СССР	5	238-250
Молодые исследователи		
Барсуков В.Н. Трудовая активность населения пенсионного возраста как фактор социально-экономического развития территории	1	195-213
Гусева М.С., Амелькина Д.В., Дмитриева Е.О. Развитие партнерства государства и малого бизнеса в инновационной сфере региона	6	288-307
Кремин А.Е. Методика оценки функционирования малого предпринимательства на муниципальном уровне	3	231-247
Маковеев В.Н. Применение агенториентированных моделей в анализе и прогнозировании социальноэкономического развития территорий	5	272-289
Панов А.М. Неустойчивая занятость в Вологодской области: состояние и тенденции	4	206-222
Полешкина И.О. Управление цепями поставок как драйвер создания конкурентного преимущества компаний молочной сферы	5	251-271
Чекмарева Е.А. Обзор российского и зарубежного опыта агенториентированного моделирования сложных социально-экономических систем мезоуровня	2	225-246
Научная жизнь		
Об итогах VII научнопрактической конференции «Стратегия и тактика социально-экономических реформ: региональный аспект»	1	214-220
Научные обзоры. Научные рецензии. Отзывы		
В.А. Ильин и Ж. Сапир избраны в состав РАН	6	308-311
Итоги Всероссийского конкурса на лучшую научную книгу 2015 года	4	223-225
Калашников К.Н. Рецензия на монографию «Беларусь на пути в будущее: социологическое измерение»	2	247-250
Сычев М.Ф. Фундаментальный труд об опыте научной разработки перспектив развития и размещения производительных сил	3	248-255
Юбилей		
Ильину Владимиру Александровичу – 75 лет	1	221-223

Редакционная подготовка	Л.Н. Воронина
Оригинал-макет	Т.В. Попова
Корректор	Н.В. Степанова

Подписано в печать 26.12.2016.
Дата выхода в свет 28.12.2016.
Формат 60×84¹/₈. Печать цифровая.
Усл. печ. л. 36,9. Тираж 500 экз. Заказ № 364.
Свободная цена.

Журнал «Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз / Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast» зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).
Свидетельство ПИ № ФС77-60248 от 19 декабря 2014 года.

Учредитель и издатель: Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Институт социально-экономического развития территорий
Российской академии наук (ИСЭРТ РАН)

Адрес редакции, издателя и типографии:
160014, г. Вологда, ул. Горького, 56а
Телефон (8172) 59-78-03, факс (8172) 59-78-02
E-mail: common@vscc.ac.ru